

COVERT NETHERWORLD

БЕСКОНЕЧНОСТЬ I

КАТАСТРОФЫ РАЗУМА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

А. В. ВОЛКОВ

АЛЬТЕРГЛОБАЛИСТСКИЙ РОМАН

18+

Андрей Волков
Covert netherworld.
Бесконечность I.
Катастрофы разума

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68840061
SelfPub; 2023*

Аннотация

Некогда процветающая восточно-европейская страна Понтия находится в глубоком кризисе. Коррупция и бандитизм охватили все слои общества. Власти бессильны остановить хаос и анархию. Страна погрязла в пучине политических разногласий и интриг. На этом фоне Понтийский курорт Кранцберг принимает важную международную конференцию, способную обеспечить стране участие в глобальном интеграционном проекте – прокладке транспортного коридора из Китая в Европу. Однако будущее мероприятие оказывается омрачено трагическими событиями: неизвестными похищены три несовершеннолетние девочки. Чтобы распутать это таинственное дело, в Кранцберг из столицы приезжает лучший детектив Республики Ксения Авалова. Сумеет ли она найти таинственного преступника и сорвать великолепно подготовленный план? Первая книга серии "Covert Netherworld".

Содержание

Основные действующие лица	4
Глава I. Изъян	8
Глава II. Образы прошлого	71
Глава III. Знамена	128
Глава IV. В силу тесной связи	210
Глава V. Опасное спасение	335
Глава VI. Слишком много совпадений	422
Глава VII. Клиника пропавших невест	508
Глава VIII. Свободное падение во тьме	702
Глава IX. Теневые игры	803
Глава X. Игра вслепую	920
Глава XI. Охотница	1019
Глава XII. В неизвестность	1083
Covert Netherworld: энциклопедия	1122

Андрей Волков
Covert nevtherworld.
Бесконечность I.
Катастрофы разума

Основные действующие лица

Республиканская милиция Понтии

Ксения Игоревна Авалова – старший детектив-инспектор
Оперативно-розыскного бюро.

Наталья Владимировна Покровская – старший следова-
тель генеральной прокуратуры Понтийской Республики

Макс Рауш – оперативник уголовного розыска города
Кранцберг

Анатолий Мациевский – детектив Оперативно-розыскного
бюро.

Алексей Соболев – околоточный из города Борисфен

Образовательный центр им. Ломоносова в Женеве

Анастасия Урусова – директор пансионата «l'Est»

Александра Рыкова – адвокат, подруга Анастасии

Светлана Русакова – адвокат в швейцарской юридической

фирме

Александр Верховский – молодой бизнесмен и талантливый ученый

Наталья Понарина – начальник академического отдела
Образовательного центра им. Ломоносова в Женеве

Кантональная полиция Женевы

Флориан Штильхарт – старший инспектор швейцарской
уголовной полиции, отдел убийств.

Фабиан Эмболо – криминалист из кантональной полиции
Женевы.

Семья Чилуэллов.

Джеймс Чилуэлл – английский адвокат

Эмма Чилуэлл – его жена

Томас Чилуэлл – их сын

Международный лицей

Екатерина Кирсанова – пропавшая ученица

Соня Захарова – пропавшая ученица

Дарья Терехина – пропавшая ученица

Антон Сиджан – ученик, бывший бойфренд Екатерины

Кирсановой

Татьяна Козловская – ученица, подруга Екатерины Кирсановой

Лера Лапина – ученица.

Ирма Сиверс – директор

Лига Честности.

Борис Тополевич – олигарх.

Сергей Адашев – бывший шеф СБР Понтии

Петр Арсенюк – бывший спикер парламента Понтии

Константин Душенин – лидер радикальной группировки

«За православный социализм»

Другие

Эльмира Сабурова – подруга Анастасии

Ольга Касатонова – журналистка газеты «Golos

Kranzberga»

Дмитрий Урусов – крупный отельер и промышленник

Альберт Сабуров – бизнесмен, бывший министр торговли

Понтии

Александр Захаров – бизнесмен, лидер «Понтийского союза»

Стивен Рид – контр-адмирал канадского королевского флота, в отставке

Алин Авонамйелус – капитан канадских ВВС, помощница Рида.

Глава I. Изъян

*Нет, вы только подумайте, какой сегодня день
странный, а вчера всё шло, как обычно.*

Л. Кэрролл

Понедельник, 15 октября

Если заглянуть в большой энциклопедический словарь, например, Оксфордский или в энциклопедию Британника, то о Понтийской Республике будут написаны примерно следующие сведения: Понтия – восточно-европейское государство с республиканской формой правления, занимающее пространство от Балтийского до Эвксинского моря, лежащее между Великоруссией на востоке, Польшей на западе и Венгрией на юге. Своим названием Республика обязана древнегреческим колонистам, заселившим когда-то эти территории. В Средние века Великое княжество понтийское было важным торговым центром, соединявшим Западную Европу с загадочными восточными странами, прежде всего с Китаем, однако с течением времени и под набегами орд кочевников с востока некогда великое государство утратило свой статус и в XIV веке была заключена уния с королевством Польским, для общей защиты от грабительских врагов, бла-

годаря чему половина страны до сих пор исповедует католицизм, а позже, в веке XVIII, северные соседи из Велико-руссии победили поляков и присоединили территорию Понтийского княжества к своей империи, и оставалась Понтия в составе её вплоть до распада коммунистического Советского Союза в 1991 году. Тогда Понтия вновь обрела независимость и на всенародном референдуме был принят республиканский строй правления. Государственным языком Республики остался великорусский язык, однако же латинского написания. Экономика Понтии, богатая полезными ископаемыми: янтарем, литием, огромными зелеными полями на юге и мрачными лесами на севере, переживает свой расцвет. Площадь 812 тыс. кв. километров. Население 60 млн человек. Столица – Борисфен. Тем же, кто захочет узнать больше об этой стране, следует изучить труды профессора Елагина или его австрийского коллеги доктора Герберта Альтмайера – признанных мировых экспертов по этой стране. Понтийцев, как это принято говорить в научных кругах. Именно эти ученые ввели термин «Восточная Швейцария», когда речь заходит о Понтии. Хотя с Конфедерацией Республики может равняться, пожалуй, разве что политика нейтралитета, о стабильности же, столь присущей Швейцарии, жители Понтии могли только мечтать. По их подсчётам в стране произошло уже шесть бархатных революций, которые неизменно начинались с протестов на старинной рыночной площади – торге – и в обиходе уже более никак иначе, как «Торг», не имено-

вались. А главное, чем Понтийская Республика точно не походила на Швейцарию, так это тем, что исторические события и действия лиц на этой территории никогда не шли по прямой, а двигались какими-то изогнутыми, причудливыми линиями. Линии же эти никогда не были понятны ни жителям этой территории, ни её властителям. Хотя следует заметить, что в чем своих западных соседей перещеголяли понтийцы, так это в выстраивании социальных барьеров, разделявших жителей Республики не по своим талантам, а по уровню доходов. Это было заметно так сильно, что при малейшем изменении своего финансового положения человек был вынужден менять весь свой образ жизни. Богатый человек в Понтии не мог быть равен обеспеченному, а бедный – нищему. Собственно говоря, в Республике существовало только два класса: или очень богатые, или очень бедные. И как это обычно бывает, очень богатые жили за счет очень бедных, не придавая этому большого значения.

Вот и Анастасия Николаевна Урусова не придавала этому значения. Она была молода, красива и богата, наверное, этим можно было объяснить все, что с ней когда-либо происходило, будь то хорошее или плохое.

Девушка была высокого роста, имела длинные, чуть выющиеся темно-рыжие волосы и правильные, почти аристократические черты лица. Её типаж словно бы сошел с работ портретистов начала позапрошлого века и был крайне редок для нашего времени.

В свои тридцать Анастасия была управляющей модным частным пансионатом в городе Кранцберг – главном курортном месте Цареградской волости, которая когда-то принадлежала Германии, но была отторгнута советским правительством по итогам Второй мировой войны и договорам с союзниками. Новая власть сохранила коренное население и установила на территории автономную область в составе РСФСР. Однако же после смерти Сталина область потеряла свой автономный статус и решением пленума ЦК была присоединена к соседней Понтийской Советской Республике. Шли годы, Советское государство дряхлело и постепенно распалось. Понтия стала независимой. Начались традиционные для распада крупных государств периоды сепаратизма окраин. Власти Цареграда выступили с заявлением, в котором назвали акт передачи территории Понтии совершённым «без учёта мнения народа» и обратились к властям Великоруссии с просьбой о вхождении в её состав, однако решение приня-

то не было. Начались бесконечные дебаты между властями Великоруссии и Понтии, в результате которых был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве, по которому и образовывалась Цареградская волость – автономный регион Понтийской Республики с независимым от центра государственно-административном устройством. Великоруссия сохраняла возможность держать в балтийских портах Понтии военный флот. Город Кранцберг располагался на самом побережье этой волости, на так называемой балтийской косе. Это излюбленное место охоты прусского дворянства в древние времена ныне стало центром курортного отдыха понтийской элиты, и в пансионат, который открыл отец Анастасии – известный отельер и ресторатор, самый крупный в Республике, часто приезжали влиятельные люди отдохнуть от трудов праведных. Собственно говоря, у пяти-шести олигархов это была даже некая традиция. Поэтому не было ничего странного в том, что именно этот пансионат был выбран местом проведения международных переговоров по североевропейскому транспортному коридору из Великоруссии, за прокладку которого Понтия вела соперничество с Турцией.

Впрочем, сама Анастасия мало интересовалась подобными вещами. Некоторое время она жила за границей, после много путешествовала, не была замужем и не обременяла свою жизнь мирскими заботами, что было характерно для многих девушек из состоятельных семей Республики тех лет. Её беззаботная жизнь так овладела ею, что она настойчиво

противилась всем попыткам отца подобрать ей какую-либо партию в силу того, что сама мысль о конформистском браке с кем-нибудь из её круга и потеря независимости была сродни жертвоприношению. Нонконформистские же молодые люди, из числа юных поэтов и художников, жеманных манер, хотя и были приятны и обольстительны, но совершенно не попадали под социальную стратификацию понтийского общества, которую Анастасия соблюдала, хотя и без видимого удовольствия, иногда ей хотелось немого бунтарства, но тот комфорт, который давала ей стратификация, она ценила больше. Поэтому, когда отец сделал её управляющей и переписал на неё несколько своих активов, девушка, быстро войдя в курс дела, а она была не лишена природного ума, заинтересовалась работой и очень быстро именно в ней обрела жизнерадостность и спокойствие буржуазного существования бизнес-леди.

Встав, продирая глаза, с кровати в это утро, то есть на рассвете понедельника, девушка потянулась, накинула махровый халат, обула домашние тапочки, стоявшие возле кровати, и направилась в ванную комнату, где совершала традиционный ритуал приведения себя в порядок, после которого следовал ритуал похода на кухню, где, разбив пару яиц, девушка стала взбивать себе омлет. Пока здоровый фастфуд потрескивал на сковородке, Анастасия привычными движениями стала варить себе кофе.

Приготовив завтрак, девушка взяла поднос и отправилась

в гостиную. Устроившись на диване, она включила телевизор на первом попавшемся канале.

«Неизвестный преступник похитил уже третью девушку за этот месяц. Несчастную ищут по всему городу и в округе, но безрезультатно. Милиция Кранцберга очень озадачена. Если вы что-то знаете о пропавшей или о её местонахождении, просьба позвонить по телефону...»

Анастасия молча переключила канал. Нашли что показывать с утра пораньше. Смена цифры не помогла. На другом канале передавали о громком убийстве депутата, совершенном в Борисфене.

– Что вы можете сказать о совершенном преступлении? Это заказное убийство?

– Пока рано что-либо утверждать определенно... Анастасия нервно выключила телевизор. Ну их с их криминалом и оправданиями от собственного бессилия.

Через полчаса после завтрака, одетая в элегантный и строгий деловой костюм, в меру накрашенная, девушка заводила свой «мини купер».

Ничего из того, что представляло собой это утро, не намекало на последующие события. Впоследствии Анастасия была уверена, что вся утренняя благодать была именно из-за того, что остальной день был беспросветно испорчен.

По аккуратной грунтовой дороге Анастасия заехала на территорию клуба. Это была озелененная площадка, окру-

женная акациями, посреди которой стоял небольшой трехэтажный коттедж, выстроенный в средиземноморском стиле с устремляющейся вниз красной черепичной крышей, чугунными балкончиками и небольшим цветочным садиком. Окна коттеджа, в которых отражалось осеннее солнце, весело смотрели на морскую гладь, отделенную от берега насыпным волнорезом из цветных камней, и на длинный деревянный пирс, возле которого обычно покачивалось несколько маленьких яхт и катеров.

Анастасия припарковалась, вышла из машины и с наслаждением некоторое время вдыхала ароматы моря. Сейчас это поистине райское для неё место, всегда шумное и веселое, было тихим и безмятежным. Клуб с сегодняшнего дня и до конца месяца был закрыт для посетителей из-за проведения специального мероприятия.

Щелкнув сигнализацией, девушка направилась в сторону входной двери. В первый раз её здесь никто не встречал. Обычный персонал связи с мероприятием был отправлен в отпуск, а временный, отобранный организаторами мероприятия, ещё не приехал. Вот почему Анастасия находилась здесь совсем одна, ожидая подругу Александру.

* * *

Александра Сергеевна Рыкова была молодым, но уже успешным адвокатом. С Анастасией они познакомились в Женеве, где вместе учились в Образовательном центре имени Ломоносова – небольшом частном университете, на факультете международного права, и стали неразлучными подругами, но вот уже два года, как не виделись, поскольку Александра защищала в суде интересы одного крупного холдинга на территории Франции.

Было ровно десять ноль-ноль, когда белый «evoque» затормозил на покрытой гравием дорожке, и из автомобиля легко выпорхнула изящная девушка. Про такую обычно го-

ворят просто – красавица. Изящная фигура, мраморные плечи, пленяющие взор и возбуждающие желание, подчёркнутые соответствующим платьем, длинные, собранные кверху волосы, тонкое лицо с очень чувственными губами, чуть вздернутым носиком и жгучими карими глазами, которые смотрели на мир с нескрываемым любопытством.

«Красавица» стрелой бросилась к Анастасии.

– Чуть свет, уж на ногах, и я у твоих ног! – процитировала Александра, заключая подругу в объятия.

– Шурочка, ну как тебе не стыдно! – проворковала Анастасия, – раз и пропала! Два года ни звонка, ни строчки! Взяла и исчезла! Куда? Зачем?

– Ты же знаешь, что страсти к эпистолярному жанру у меня никогда не было. А куда и зачем? – Шурочка усмехнулась. Как всегда! Хотела объехать целый свет и не объехала со-той доли! Работа, знаешь ли. Нудная и скучная. С очень нудными и скучными людьми, поэтому я очень рада, что Александр предложил мне должность юриста в его фирме. Может быть, это и не предел моих мечтаний, но я точно отвлекусь от серых будней.

Анастасия звонко рассмеялась.

– Насколько же скучны были твои занятия, что консультирование сиятельных мира сего будет тебе в радость? – зада-лась риторическим вопросом девушка. Я бы умерла от уны-ния, впрочем, ты всегда умела видеть в вещах то, что не ви-дят другие.

– И всегда помогала тебе находить правильный выход из неправильной ситуации, – проворковала Шурочка, как любимая фрейлина королевы.

Анастасия меланхолично вздохнула.

– Не говори глупостей, – сказала она, – какая из меня королева?

– И, тем не менее, ты самая настоящая королева, – воскликнула Шурочка, – блистательная королева, томящаяся в загородном дворце в ожидании принца!

Анастасия вопросительно приподняла бровь. По крайней мере, одно в её подруге точно не изменилось. Это страсть к образности, которая всегда была ей присуща.

– Ну, раз так, – улыбнулась Анастасия, – то я предлагаю своей фрейлине осмотреть мои владения.

Александра хлопнула в ладоши.

– Не только фрейлине, но ещё и охраннице, – патетично заявила девушка, – охраннице от всех врагов.

– Врагов? – переспросила Анастасия. Разве у меня есть враги?

Александра покачала головой.

– У всех есть враги, – веско заявила девушка, – а ты так прекрасна и так заметна, что у тебя они быть просто обязаны.

Анастасия рассмеялась.

– Поверь же, ангел мой, что у меня нет ни одного врага на белом свете, – сказала она, – моя фрейлина чересчур подозрительна.

Обе девушки засмеялись, словно бы всё, что они говорили, было простой болтовнёй, которая никак не касалась их жизни, как те новости, которые Анастасия слушала утром. Взявшись за руки, подруги, направились по устланной гравием дорожке к входу в пансионат, откуда они могли созерцать изящное здание, скрытое в тени мягкой зелени и которому южное утреннее солнце придавало большее очарование.

Девушки подошли к массивным деревянным дверям, Анастасия достала ключ-карту от электронного замка и приложила к белой панели возле двери. Замок улюлюкнул, и девушка потянула на себя открывшуюся дверь.

В этот самый момент, когда дверь распахнулась, сверху, возле самого косяка, как будто что-то шелкнуло и что-то тяжелое бесформенной кучей рухнуло вниз.

Девушки одновременно взвизгнули и отскочили в сторону.

– Что это? – испуганно и тревожно спросила Александра. Анастасия, сохраняя присутствие духа, хотя по её внутренностям полз липкий страх, осторожно двинулась вперед, стараясь разглядеть упавший предмет, но почти сразу закричала от ужаса и бросилась на шею к подруге. Перед ними лежало тело мертвой девушки с перерезанным горлом.

* * *

– Детектив, это здесь! – воскликнул парень в темно-синей

милицейской форме. – Его местный дворник обнаружил!

Было около десяти часов утра. Небо над столицей Понтии – городом Борисфен – заволокло плотными серыми тучами, и тонкими металлическими стрелами падал осенний дождь.

Старший детектив-инспектор оперативно-розыскного бюро Ксения Игоревна Авалова стояла у стены покосившегося от времени дома старой постройки, не этих модных, металлических небоскребов, заполонивших столицу, и кутаясь от дождя в чёрную кожаную куртку, наброшенную поверх коричневого шерстяного, под горло, свитера, жевала грецкий орех, наблюдая за тем, как постовые огораживают место происшествия красно-белой лентой.

Знакомая картина, которую она видела много раз, словно бы сошедшая с экрана телевизора. Киношники любят такие сюжеты. Убит молодой мужчина – документы при потерпевшем. У подъезда припаркована его черная «Тойота». Для полной картины не хватало, чтобы стрелки часов стояли где-то от трех до пяти утра. Что ж, спасибо господину киллеру, что поберег сон работников милиции до восьми.

– Другие свидетели есть? – флегматично спросила девушка, сбивая мокрую грязь, налипшую на легкие мокасины. Ей было невероятно скучно.

– Нет, – сказал оперативник, – лишь этот дворник. По существу дела сообщил только то, что киллер вроде бы запрыгнул в большой джип. Ни номера, ни марки, ни даже цвета он не запомнил, показывал только направление, в которое

двинулась машина. Я велел опросить всех, чьи окна выходят во двор, но безрезультатно. В трех квартирах нам никто не открыл, а в ещё одной живет семья с ребенком, они ничего не видели и не слышали.

Девушка усмехнулась. Когда было иначе?

Ксения Игоревна Авалова была привлекательной спортивной особой двадцати девяти лет отроду, с сосредоточенным лицом, копной бархатных каштанового цвета волос, собранных сзади в мощный хвост, и большими, глубокими серо-голубыми глазами.

Околоточный поднял ленту и пропустил Авалову вперед. Не дожидаясь его, девушка пошла к стоявшей чёрной машине, её огромные яркие глаза внимательно смотрели вокруг, не упуская ни одну деталь.

Сквозь широко распахнутую водительскую дверь был виден беспорядок, царивший в салоне автомобиля, по всей видимости, там что-то искали. Авалова бросила взгляд на левое переднее колесо, возле которого лежало тело мужчины на вид не старше тридцати пяти, одетого в серый меланжевый костюм.

Ксения натянула на свои руки белые резиновые перчатки и, наклонившись, осторожно приподняла тело. На шее мужчины виднелась тонкая резаная рана.

– Шесть лет на этом околотке, всякого насмотрелся, но такого никогда не видел, – прокомментировал околоточный, – обычно-то как, или заточкой пырнут, или стреляют, а здесь такой удар странный...

Ксения коротко кивнула.

– Личность установили? – спросила девушка.

– Установили, – раздался за спиной голос её напарника Мациевского. Анатолий, невысокий, плечистый парень, с короткими жесткими волосами и большими ушами, протянул ей темно-синее удостоверение депутата.

– Судя по официальным документам, Левицкий Андрей Владимирович, депутат городского совета, а судя по визитке, ещё и руководитель общественно-политического движения

«Республика зовет».

– Многозначительное название, – констатировала девушка, – и поэтому резонанс будет общественным.

Мациевский фыркнул.

– Меньше денежки надо любить нашим депутатам, – заметил оперативник, – работал бы по закону, был бы жив.

– Так, может, он и работал по закону, – заметила девушка, заглядывая в салон автомобиля, – и кого-то это не устроило.

– За это не убивают, – заметил Анатолий, – по крайней мере, у нас.

– Ладно, – обронила Ксения, – разберемся, – девушка повернула голову в сторону околоточного, – а вы убитого хорошо знали?

Околоточный пожал плечами.

– Нет, – сказал он, – я его только по телевизору видел, а здесь никогда.

Ксения насупилась. Уже становилось интереснее.

– Значит, он здесь не жил? – догадалась девушка.

– Нет, – покачал головой околоточный, – по паспортным данным он зарегистрирован на улице Правды, дом одиннадцать.

– Что же он тогда здесь делал? – в пространство спросила Авалова.

Околоточный пожал плечами.

– Возможно, пробку объезжал, – сказал он, – дорогу на аэропорт уже два месяца делают, проехать совершенно невозможно, а дворами самое то.

Ксения кивнула, продолжая обшаривать своими большими глазами салон. Её что-то манило, что-то, что пока было скрыто от её глаз, но то, что она обязательно найдет. Она

всегда находила.

Думай, сказала себе Авалова, представляя картину. Он приезжает сюда и выходит из машины и здесь на него нападает убийца, но если он вышел, значит, он не объезжал пробку или убийца сидел в машине вместе с ним. Он мог потом вытащить его из машины, чтобы мы думали, что Левицкий выходил.

– Очень интересно, – сказала Ксения, высунув голову из салона. Ладно, когда закончите здесь, пришлите мне рапорт. И еще, снимите образцы с подошв его ботинок, чтобы мы могли знать, ходил он здесь или нет. Девушка повернулась к Мациевскому: – А мы с тобой съездим к нему домой, может быть, там найдем больше информации. Его семейное положение известно?

Мациевский кивнул.

– Женат, – сказал он, – но детей нет. Ксения коротко кивнула.

– Возможно, жена в курсе каких-то его дел, – предположила она, – поехали, узнаем.

Девушка круто развернулась и зашагала прочь. Здесь ей уже ничего не надо было видеть.

– Она всегда такая... немногословная? – удивился околоточный.

Мациевский в ответ только слегка улыбнулся.

Часы показывали около трех, когда спешно вызванная подругами милиция закончила осматривать загородный пансионат, оказавшийся местом убийства молодой девушки.

Анастасия была так поражена случившимся, что даже не помнила, через какой срок приехала милиция, её только трясло от пережитого шока. Прибывший на место происшествия молодой оперативник о чём-то её спрашивал, а она отвечала спутанно и невнятно, словно в бреду, практически не понимая сути вопросов, которые ей задавали. О чём её спрашивали? Хотя о чём бы ни спрашивали, что-либо существенное она всё равно не могла бы сказать. Убитую она не знала, не знала, как её тело попало на козырек. Допрашивавший её оперативник сказал, что, вероятно, труп был привязан к косяку двери, и когда дверь открылась, веревка лопнула, и тело упало вниз, скорее всего это было сделано намеренно.

Всё остальное было как будто в тумане, но одно Анастасия помнила хорошо. Она помнила лицо этой девушки. Это была та девушка, которую показывали по телевизору, одна из трёх пропавших. Первая девушка. Больше ничего.

Их показания записали и оставили наедине с их восприятием произошедшего.

– Я ведь её видела, – тихо проговорила Анастасия. Они

с Александрой сидели сейчас на небольшой, но просторной террасе, которая служила верандой для ресторана. Анастасия не могла находиться внутри. Большой просторный коттедж, сейчас он казался ей слишком одиноким и слишком холодным.

Александра повернула к подруге свое красивое лицо.

– Когда? – непонимающе спросила она. Анастасия тяжело вздохнула.

– По телевизору, – сказала она, – сегодня утром передавали. В нашем районе пропали три молодые девушки, и эта убитая одна из них.

Александра вздрогнула и прижала руку к губам.

– Господи, какой ужас! – воскликнула она. – Вот так думаешь, что такие страшные события тебя не коснутся, а потом...

Она не закончила, потому что поймала на себе мрачный взгляд подруги.

– Да, – кивнула Анастасия, – мне ли этого не знать?

Александра ахнула и взволнованно посмотрела на подругу.

– Кажется, я сказала лишнее, – пробормотала она, – прости.

Анастасия махнула рукой.

– Ничего, – вздохнула девушка, – то, как говорится, в старину было, – она совсем невесело усмехнулась, и на один момент её живое лицо побледнело, но только на один момент.

Александра задумчиво пожевала губу.

– Значит, ты склонна думать, что случившееся не имеет к тебе отношение? – поинтересовалась она.

Анастасия недоверчиво посмотрела на подругу, тем взглядом, которым смотрят, когда человек говорит совсем уж несусветные вещи.

– Да ну, нет, конечно, – несколько удивленным тоном проговорила девушка, – это чистая случайность, ничего больше.

Шура задумчиво кивнула, а потом встала и пошла к висевшей на стене маленькой фотографии их университетской четверки. Она, Анастасия и ещё двое ребят. Они тогда были молоды, полны авантюрных желаний, верили в светлое будущее, дурачились, любили – девушка хмыкнула про себя, – только любовь была очень короткой.

– Возможно, ты просто не видишь связь? – промолвила девушка. – Иначе зачем убийце было подкладывать тебе труп?

Анастасия коротко улыбнулась. Логик из её подруги ещё тот.

– Да полгорода точно знает, что здесь, – она обвела рукой воображаемое здание, – в скором времени состоится саммит, может, это просто типа акт политического протеста. Пусть с этим разбирается милиция, это её проблемы.

Шурочка прекратила рассматривать фотографию и вернулась за стол. Взяла в руки свою сумочку и достала оттуда средних размеров планшет в красной кожаной обложке,

которая, как мимоходом отметила Анастасия, очень сочеталась с её платьем.

– Хочу сама прочитать про этих пропавших, – пояснила Шурочка, – вдруг я что-то уловлю.

Анастасия нахмурилась и с лицом, полным сомнений, пододвинулась ближе к подруге, та в ответ только подарила ослепительную улыбку.

Шурочка открыла поисковик и принялась искать все новости, посвященные исчезнувшим девушкам. Все заметки сводились к тому, что похищения были тщательно спланированы, что говорит о хладнокровности преступника. Похищенные – три школьницы, ученицы 11 класса престижного в городе Международного лицея, но, конечно, ни намёка на то, что пропавшие могли где-то пересекаться с Анастасией, ни по друзьям, ни по общим интересам. Совершенно не знакомые для неё люди.

– Ну, теперь видишь, что я права, – сказала Анастасия, отодвинувшись от плеча подруги, – даже отдаленно ничего, что бы нас связывало.

Шурочка вздохнула и манерно пожалала плечами.

– Ну не знаю, – сказала она, – вообще есть теория, что через кого-то мы все знаем друг друга на планете, как-то так, по-моему.

Анастасия рассмеялась.

– Ты мне ещё про Адама и Еву расскажи, – бросила девушка, – успокойся, тот парень из милиции мне показался

толковым, вот и пусть этим делом занимаются профессионалы.

Шурочка недоверчиво посмотрела на подругу.

– И всё-таки я бы на твоём месте подумала о собственной безопасности, пока идет следствие.

– О моей? А причём здесь я? – Анастасия внимательно посмотрела на подругу. – Ты думаешь, что этот похититель может угрожать мне?

– Не знаю, – осторожно сказала Шурочка, – но... это школа, ты же знаешь, кому она принадлежит, и если вдруг это против Александра, то и ты можешь пострадать.

Анастасия нервно поежилась.

– Почему опять он? – спросила девушка. – Почему, как что-то происходит негативное, рядом оказывается он. А мы как раз сегодня ужинаем.

Шурочка потрепала её по плечу.

– По-моему ты слишком строга к Александру, – сказала она, – сама же говоришь, то в старину было. Мне кажется, что пора уже отпустить прошлое. Я понимаю, Александр не идеален, но тебе было бы гораздо легче самой. Знаешь, иногда я не понимаю ваших отношений.

– Я и сама их не понимаю, – сказала Анастасия, – он добрый, милый, но эта его навязчивость... я не могу понять, что ему нужно. То он звонит и пишет каждый день, а то пропадает неделями. Он по-прежнему странный.

– Но ведь эта странность и привлекает, не так ли? – засме-

ялась Шурочка. – А что было тогда... забудь. Было и прошло.

Анастасия задумчиво повернула голову в сторону эллинга, словно бы не хотела, чтобы подруга видела её лицо в этот момент. Иногда ей хотелось конформизма.

* * *

– Возьмите. – Ксения протянула стакан с водой молодой женщине. Вдвоем с Мациевским они сейчас находились в квартире убитого народного депутата и её серо-голубые лучистые глаза привычно изучали обстановку.

Однушка. Обставлена не дорого, но со вкусом. Всё, что было в квартире, указывало на то, что люди здесь жили молодые. Современная мебель, простая и удобная, множество дизайнерских безделушек, разные другие вещи, которые, по мнению Ксении, вряд ли пригодились бы людям старше тридцати, и ровным счётом ничего, что выдавало бы какие-то сверхдоходы депутата.

Хозяйка, девушка лет двадцати пяти, двадцати шести, то есть примерно её ровесница, залпом отправила себе в рот пригоршню таблеток. Успокоительное.

– Я чувствовала, чувствовала, – сказала она, всхлипывая, – сколько раз я ему говорила, чтобы он закончил заниматься своей дурацкой политикой, его же везде звали в любые компании, холдинги и у нас, и за границей, а он:

«Я патриот!» Патриот.

– Скажите, Инга Евгеньевна, а как долго вы были в браке? – спросил Мациевский.

– Полгода, – сказала девушка. – Мы начали встречаться ещё в институте. Андрей, он ещё в студенческие годы был самым талантливым из нашего потока. Его даже на стажировку в Швейцарию отправили. Когда он окончил университет, перед ним были все дороги открыты, а он эту политику выбрал. Говорил, что сейчас такое время, что каждый молодой человек должен заботиться о будущем страны. И что никто кроме молодежи не сможет вывести страну в лидеры.

Ксения про себя вздохнула, она сама в университетские годы наслушалась подобных разговоров. Молодежь всегда острее чувствовала проблемы, чем люди старшего поколения. И подобные разговоры, конечно, не могли не заразить. Но будучи практиком, Ксения не очень-то обращала на эти разговоры внимание, так как знала, что молодежь никогда не действует сама по себе, а её в основном используют разные политические группировки в своих целях. За свою жизнь она научилась видеть вещи в несколько ином свете, чем большинство людей её возраста, поэтому была лишена какого-либо максимализма. Какой бы ни возник вопрос, она всегда продумывала в голове несколько ситуаций и складывала воедино, и только потом выносила вердикт. И сейчас она пыталась психологически сравнить себя и сидевшую напротив Ингу, получалось непохоже.

– Инга Евгеньевна, скажите, – спросила девушка, – а вы знаете, чем он конкретно занимался?

Инга достала пачку сигарет и взяла одну из них.

– Два года назад Андрей организовал свое собственное молодежное движение, он собирал вокруг себя настоящих патриотов, не тех, кто стучит хромовыми сапогами на своих оргиях, а тех, кто выступает за инновационные преобразования в стране. В его движении находились люди с абсолютно разными взглядами. И либералы, и националисты. Люди разных национальностей. Их объединяло одно: они любили страну.

Ксения повела бровью.

– Я так понимаю, – заметила она, – что классические националисты не особо его любили.

– Больше того, – сказала Инга, – они открыто нападали на ребят из его движения. Но я не думаю, что это они его убили.

– А кто? – спросила Ксения. Инга потушила сигарету.

– Вам знакома фамилия Тополевич? – спросила она. Ксения кивнула.

– Что-то слышала, – сказала она.

– Так вот, – сказала Инга, – в этом году выборы, и Андрей хотел, чтобы кто-то из его ребят прошел в парламент... – Инга закашлялась. – Вы не могли бы мне принести ещё воды?

Авалова жестом попросила Мациевского принести воды. Сама она, сдвинув брови, продолжала слушать.

Через полминуты Анатолий вернулся со стаканом и отдал

его Инге. Сделав глоток, девушка продолжила.

– Так вот, – сказала она, – два месяца назад Андрею пришло письмо из так называемой «Лиги честности». Это движение, которое финансирует Тополевич. Оно позиционирует себя как альтернатива нынешней власти. В этом письме Андрею предложили, чтобы его движение стало частью лиги. Писали что-то про то, что молодежь олицетворяет жизненную силу новой Понтии, что без помощи молодежи страна не сможет встать на ноги.

– Я так понимаю, что ваш муж отказался? – спросил Ана-толь.

– Да, – ответила Инга, – но он не просто отказался, он не стал им отвечать на письмо, а мне сказал, что с такими людьми, как эмигрант и его здешние эмиссары, не будет общаться приличный человек. – Инга с минуту помолчала. – Это ещё не всё, – продолжила она. – Однажды мы возвращались из кинотеатра под вечер, мы немного выпили и поэтому не поехали на машине. Подошли к дому, а из подъезда выходит какая-то девушка, было темно, и я не смогла разглядеть ничего. Андрей отпихнул меня и пошел к ней навстречу. Я не слышала, о чём был разговор, и мы тогда даже повздорили немного.

– По какой причине? – поинтересовалась Ксения. Инга вздохнула и её плечи чуть вздрогнули.

– Да ничего особенно, – обронила девушка, нервно перебирая пальцами, – наверное, алкоголь на меня так подей-

ствовал, вы женщина, должны понять.

Ксения внимательно посмотрела на жену убитого. Почему она так нервничает? Я же задала простой вопрос. Её терзания непохожи на скорбь по убитому мужу. Скорбь Ксения видела.

– Не понимаю, – честно призналась Авалова. Инга тяжело вздохнула.

– Ну... – замялась девушка, – я не знаю. Мы идем вместе, а тут появляется молодая девушка, и он сразу бросается к ней, и... я говорю, на меня алкоголь, наверное...

Ксения вопросительно подняла руку.

– Стоп, стоп, стоп, – сказала она и с прищуром посмотрела на девушку, – откуда вы знаете, что это была молодая девушка? Вы же говорили, что было темно?

На лице Инги пробежала тень сомнения и даже страха. Врёт, заключила Ксения, или боится, а возможно, и то и другое. В кармане куртки завибрировал телефон.

Ксения про себя выругалась. Глупый телефон, в самый момент. Звонило, разумеется, начальство.

– Извините, – сказала она Инге, отвечая на звонок.

– Ксения, это Раевский, – услышала она голос, – бросай всё, и приезжай в управление!

Обычно дотошный начальник Оперативно-розыскного бюро, сейчас даже не спросил, где именно Авалова находится. Интересно, подумала Ксения, что там случилось. Не иначе, как новый «торг» начался.

– А это не может подождать? – спросила она. – У меня здесь допрос.

Волнение начальника она чувствовала с другого конца трубки.

– Нет, – отрезал он, – у нас здесь история необычная, она тебя заинтересует. Жду через двадцать минут.

Двадцать минут, пронеслось в голове у Ксении, я что, на метле летаю? Наверное, действительно что-то серьезное.

– Буду, – коротко и веско сказала она и повернулась к напарнику: – Анатолий, заканчивай здесь без меня и возвращайся в управление. Свяжись с Кристиной Леоновой. Назначь ей встречу и расскажи, что знаешь. Она нас в прошлые разы выручала, думаю, и сейчас понадобится её помощь. Я к Раевскому.

– Что-то случилось? – спросил Мациевский со своим вечным мальчишеским запалом.

Ксения тяжело вздохнула.

– Не знаю, – небрежно сказала она, – но что у нас может случиться хорошего? – Она быстрым шагом направилась к выходу, но неожиданно развернулась.

– Последний вопрос, – сказала она, – труп вашего мужа обнаружили в Яснопольском районе, что он мог там делать?

– Я не знаю, – сказала Инга, – я никогда не слышала, чтобы он туда ездил.

Ксения ещё раз оценивающе посмотрела на девушку. Если она что-то и скрывала, то для того, чтобы её разговорить,

нужно было время, которого у Ксении не было.

– Если что-то вспомните, позвоните. – Она протянула Инге визитку и, развернувшись, вышла из квартиры.

* * *

На Кранцберг медленно опускался вечер. Местная публика высыпала из офисов на улицу и теперь, надышавшись временной свободой, развлекалась в кафе и ресторанах. Как раз в одном из таких кафе на набережной сидела Анастасия Урусова и медленно потягивала коктейль, а напротив неё сидел её друг – бизнесмен и ученый Александр Верховский.

Верховский! Он был молод и красив. Все её знакомые девушки втайне сходили по нему с ума. Втайне, потому как Верховский никогда не подпускал к себе женщин ближе, чем ему нужно было для дела. Ему тридцать пять. Высокий, мускулистый, с тонкими и приятными чертами лица. Короткая стрижка, ясные зеленые глаза. Темный графитовый костюм и серая рубашка. Весь вид этого молодого человека говорил о его спокойствии, вежливости и готовности нести перемены для лучшего будущего. Он и нес это лучшее будущее, будучи ученым в области органической химии и основателем новой экспериментальной лаборатории по изучению свойств растений. Два года тому назад статья Верховского о химическом воздействии на нервные окончания человека произвела большой фурор, однако подробностей его разработок Ана-

стасия не знала.

Затворником Александр не был. Он часто появлялся на разных светских вечерах, не чурался прессы и охотно давал комментарии по интересующим журналистов вопросам, но всегда подвергал сомнению мотивы своих знакомых из «стильной тусовки», как он их называл.

И в этом они с ним не были похожи. Александр её этим и привлекал, своей брутальной независимостью.

Анастасия познакомилась с Александром восемь лет назад, когда они вместе оказались на учебе в Швейцарии. Анастасия училась на юридическом, Александр получал специальность химика. После того как девушка уехала из Швейцарии, они не виделись несколько лет, пока случайно не столкнулись на каком-то приеме, куда Анастасия была приглашена вместе с отцом, и теперь, после возобновления знакомства, Александр часто выкраивал время, чтобы обязательно увидеть Анастасию, и только в этот самый раз она позвонила ему первая. Сейчас, сидя напротив него, Анастасия возбужденно рассказывала Александру о происшествии, которое случилось сегодня утром.

– Понимаешь, – говорила девушка, – вся проблема в том, что я даже не представляю, по какой причине труп этой несчастной девушки подбросили именно мне. Не представляю, кому такое могло понадобиться.

Александр немного вальяжно откинулся на спинку кресла. Его лицо всячески выражало участливость.

– Ты можешь не убеждать меня в своей честности, – мягко сказал он, – но, возможно, именно это и является причиной.

Анастасия вопросительно посмотрела на собеседника.

– Что ты имеешь в виду? – спросила она.

Александр потушил в пепельнице сигарету. Курение было, по мнению Анастасии, одной из немногих вредных при-

вычек, которую Александр себе позволял, и это было связано не с курением самим по себе, а скорее с некоторыми вычурными особенностями его поведения, которые, впрочем, иногда даже забавляли Анастасию.

– Из того, что я слышал в прессе, – сказал Александр, – дело действительно серьезное. Для такого города, как Кранцберг, исчезновение трёх девушек и убийство одной из них – уже трагические события, а в связи с приближающейся встречей...

– Ну а я-то тут причем? – не понимала Анастасия. Александр криво усмехнулся.

– Ну, представь, что прессе станет известно, где было найдено тело девушки, – продолжал молодой человек, – в пансионате, который принимает международный саммит. Не удивляйся, я много знаю того, чего не знают другие. Так вот, это уже будет международный скандал, сама понимаешь, и уверяю тебя, что личностей, которые хотят сорвать саммит, более чем достаточно. А ты, моя дорогая, можешь стать винтиком в большой игре, сама того не замечая, как, кстати, и твой отец.

Анастасия расхохоталась.

– Вы с Шурочкой меня совсем запугали, – сказала она, – одна говорит, что меня могут прирезать где-нибудь за углом, а ты вот говоришь, что неизвестная тайная сила может с помощью меня чуть ли не мировую революцию устроить. Это тебе надо бояться больше.

– Я просто сделал предположение, – ответил Александр, барабанивая пальцами по столу, – конечно, все может быть и не так серьёзно, но игнорировать обстоятельства я бы на твоём месте не стал. За меня не волнуйся. Да, история неприятная, но думаю, что для меня последствий не будет. А что тебе посоветовал отец? Ты ведь ему звонила?

Анастасия кивнула.

– Конечно, звонила, – сказала она, – это же на самом деле ему всё принадлежит. Он тоже очень обеспокоился и сказал, что постарается, чтобы этим делом занялись лучшие люди, но я всё же решила поговорить с тобой. Отец сейчас в Италии, а у меня кроме вас с Шуркой никого нет.

– Правильно сделала, – сказал Александр, – надеюсь, что мое разъяснение тебе поможет, я бы мог и...

Анастасия бросила в сторону молодого человека резкий отрицательный взгляд.

– Нет, – сказала девушка, – обо мне могут плохо подумать.

– Кто? – спросил Александр. – Твои шакалы-коллеги, они и без этого тебя съедят. Анастасия, не обманывай себя.

– Я сама неправильно пойму, Александр, – сказала она, – мы уже с тобой об этом говорили, и я не хочу больше травмировать ни тебя, ни себя. – Она встала и накинула на костюм шаль – прости я пойду, не очень хорошо себя чувствую.

Александр учтиво встал.

– Я мог бы... – начал он.

– Не надо, – резко ответила ему Анастасия, – я доберусь

сама.

Девушка развернулась и вышла из кафе, даже не обернувшись. Александр остался один, его лицо теперь покрывала печаль.

* * *

Здание Оперативно-розыскного бюро представляло собой настоящий лабиринт длинных стеклянных коридоров, в которые выходили двери кабинетов, и так на всех этажах, исключение составлял первый. Ксения месяц училась ориентироваться в этих коридорах, но даже сейчас, по-прошествии нескольких лет, она не могла с точностью сказать, что не заблудится.

Кабинет начальника оперативно-розыскного бюро располагался этажом ниже, чем её собственный, который она делила с Мациевским. Анатолий по этому поводу заметил, что расположение кабинетов – это высшее достижение справедливости и уже больше им рассчитывать не на что.

Сейчас она сидела в узком дерматиновом кресле напротив двух солидного возраста мужчин. Первый был её непосредственный начальник Арсений Раевский, а второго она не знала. Это был высокий мужчина лет шестидесяти. Сухощавый, подтянутый и с абсолютно бесстрастным лицом, какое может быть только у представителя одной из определенных организаций. Этот мужчина внимательно изучал си-

девушку девушку, так, словно бы в его глазах были встроены рентгены.

– А вот и она, – нарушил молчание Раевский, – это я вам о ней рассказывал. Майор Авалова Ксения Игоревна.

Ксения решила, что нужно всё-таки встать.

– Польщен, – отрывисто сказал неизвестный, – генерал-лейтенант Соколовский, начальник третьего отдела главного разведывательного управления.

Она, как всегда, была права в своих предположениях.

– ГУР? – переспросила она. – И чем же вызван интерес к моей персоне со стороны вашей организации?

Генерал жестом показал Ксении сесть, и после того, как девушка опустилась в кресло, сел сам.

– Вы всегда сразу говорите о деле? – спросил он, закури-
вая папиросу.

– Так проще, – спокойно ответила ему Авалова. Генерал почти незаметно хмыкнул.

– Ну что же, тогда позвольте вас ввести в курс, – он достал небольшую папку, – вы, наверное, слышали, что в городе Кранцберг пропало трое девушек, трое школьниц?

Ксения кивнула, сохраняя вежливое молчание.

– Сегодня утром, – продолжал генерал, – одну из пропавших нашли убитой, и нашли её на территории пансионата, где скоро должны состояться переговоры, касающиеся ратификации проекта североевропейского транспортного коридора.

Авалова продолжала слушать генерала с вежливым интересом.

– Подобные события могут иметь неприятные последствия, – согласилась девушка.

– Дело не только в этом, – сказал Соколовский, – само по себе то, что убийство произошло в этом пансионате, это неприятно, но...

– Вы точно знаете, что её убили на территории пансионата? – перебила Ксения. Детали, она всегда знала, что во всем важны детали. – Я перебила, извините, – поспешно добавила Авалова.

Генерал вежливо улыбнулся.

– Ничего страшного, – сказал он, – мы знаем только то, что её нашли на территории пансионата.

– И кто её обнаружил? – спросила Ксения.

– Управляющая пансионатом, – сказал Соколовский. Ксения коротко хмыкнула.

– Однако вы говорите, что само по себе обнаружение там трупа не несет имиджевых потерь, если я вас правильно поняла, почему?

Генерал вытащил из папки несколько фотоснимков и передал их Ксении.

– Думаю, вы поймете, если посмотрите эти фотографии, – отрывисто сказал он.

Ксения осторожно взяла снимки и стала внимательно рассматривать. Криминалистическая фотосъемка, она видела

такие множество раз. Мертвое девичье лицо, закрытые глаза, посиневшие губы, тонкая резаная рана на шее. Рану Авалова узнала. Узнала и поняла, что имел в виду генерал.

– Как вы видите, эта рана идентична той, которая на трупе депутата Левицкого, – заметил Соколовский, озвучивая её мысли, – теперь понимаете? По Кранцбергу уже пронесся слух, что это маньяк, и про убийство уже, конечно, все знают, а если станет известно, что депутат Левицкий был убит таким же способом... Поэтому нужно разобраться, успокоить, так сказать, общественность.

Мы посоветовались с вашим начальством и решили, что вы лучшая кандидатура на такую должность.

– На какую? – Ксения сделала вид детской непосредственности.

– Решено создать специальную следственную группу, – подал голос Раевский, – которую ты возглавишь.

Чего-то подобного она ожидала. Интересно, её выбрали потому, что не нашлось опера лучше, или просто было лень искать?

– Я знаю, что у тебя много работы, – продолжал Раевский, – но пойми, только у тебя есть хватка, цельность и ум для того, чтобы раскрыть это дело. А раскрыть его надо быстро, пока оно не приняло угрожающих масштабов. Поверь, я не стал бы просить без особой причины.

Кажется, всё-таки первый вариант, решила девушка, что ж, это ей льстило. Хорошо бы только понять, с чем именно ей предстоит иметь дело. Прошлая её командировка, в Сауле, закончилась двумя пулевыми ранениями и месяцем на больничной койке. Повторения как-то не хотелось.

– Я согласна, – сказала девушка, – постараюсь вас не разочаровать.

– Вот мой телефон. – Соколовский протянул карточку. – Это абсолютно закрытый канал, если будет нужна моя помощь, информационная или техническая, свяжитесь со мной, и я постараюсь помочь.

Ксения взяла визитку и, бросив на неё беглый взгляд, су-

нула в карман куртки. Затем она встала и оглядела собравшихся.

– Тогда с вашего позволения, господа, – сказала она и, развернувшись, вышла из кабинета.

Соколовский проводил девушку до двери взглядом.

– С норовом, – прокомментировал он, как только дверь за Ксенией закрылась. – Вы уверены, что она справится?

– Она лучшая, – сказал Раевский, – если она не раскроет, то никто не раскроет, уж поверьте мне.

Генерал ничего не ответил, но по его лицу было件нятно, что подобная мысль не вызывала спокойствия.

* * *

Анастасия открыла дверь своего дома и быстро вошла, как будто за ней кто-то гнался. После всех переживаний сегодняшнего дня и неприятного окончания разговора с Александром она мечтала только об одном: теплой ванне, пушистом махровом халате и чашке горячего чая.

Жила Анастасия за городом, в коттеджном поселке, который располагался на опушке небольшого леса. Жила она там временно, это был загородный дом отца, но он уехал на несколько дней в Италию, а у самой Анастасии в подъезде дома был ремонт, вот она целыми днями и была предоставлена самой себе и была весьма рада этому обстоятельству.

Девушка сняла плащ и туфли и обула тапочки. Сейчас она

съест салат, который по привычке держала в холодильнике для легкого ужина, и ляжет спать.

Анастасия прошла в гостиную, на ходу разделась, включила телевизор на музыкальном канале и отправилась в душ, где в течение пяти минут пыталась смыть с себя усталость и стресс.

Выйдя из ванной, укутанная в белый халат, она, старательно сбрасывая последние капли воды с волос, пошла на кухню, вытащила из холодильника миску салата и, вернувшись в гостиную, поставила салатницу на стильный деревянный стол. И вдруг её взгляд упал на белый конверт, лежащий на середине стола.

– Странно, – подумала Анастасия, – я его здесь не оставляла. Что это за конверт?

Девушка, тремя пальцами держа конверт на весу, открыла его. Из конверта выпала стопка сброшюрованных листов.

– Интересно, – подумала она, – что это? – Она села на стул и, положив стопку листов на колени, стала читать...

«Dorogoj dnevnik. (Здесь и далее сохранена понтийская орфография.) Nu, vot i ya, novoispechennaya studentka Centra «Lomonosov!». Cherez neskol'ko minut my budem na zemle, i ya snova uvizhu moj lyubimyj gorod. O, Zheneva, sbylas' moya mechta! Vsyo bol'she nikakoj zaboty roditel'ej, obrastu novymi druz'yami, znakomstvami i voobshche u menya budet vzroselaya zhizn', ne znayu, chto menya zhdet, no vse dolzhno poluchit'sya. Nu, my prizemlilis'. Prohozhu kontrol'. Izvini, no ya svernu tebya

na nekotoree vremya, dorogoj dnevnik, na pograničnom punkte nel'z'ya pol'zovat'sya noutbukom...

...Vsyo! Dobro pozhalovat' v stranu Al'p, chasov i shokolada. Ya zabrala svoi chemodany, nosil'shchik lyubezno soglasilsya otvesti moyu telezhku do avtostoyanki. Ty sprosish', pochemu do avtostoyanki, a ne do stoyanki taksi? A ya tebe otvechu. Menya vstrechayut. Papin drug. Dzhedms Chiluell. Anglijskij yurist. Zhivet v Shvejcarii.

Ya vyshla iz aeroporta. A vot i mister Chiluell On, sama vezhlivost'. Interesno, a ego syn Tom, sejchas v Zheneve ili opyat' uekhal v svoyu Afriku? Bylo by s kem pogovorit' po vecheram. Ya emu dazhe nrazilas'. My s nim proveli nemalo priyatnyh chasov, za to vremya, poka ya zanimalas' yazykom zdes'. On stal dlya menya nastoyashchim provodnikom po miru Zhenevy. Tak, čto gorod ne stanet dlya menya novinkoj. Nu, vot i vsyo my pod" ekhali. Svorachivayu tebya dorogoj dnevnik. Vecherom napisu eshchyo, čto ni bud'».

Анастасия оцепенела от снова наползшего на неё чувства ужаса и торопливо перевернула лист.

«Ah! Kakoj segodnya byl zamechatel'nyj den'. Mister Chiluell otvez menya v svoj dom, on nahoditsya v gorodke Vil'nev, eto primerno v chase ezdy ot centra Zhenevy. Dom malo izmenilsya s tekh por, kak ya byla zdes' v proshlyj raz. Gazony vsyo takzhe akkuratno postrizheny, ryadom s vhodnoj dver'yu stoyat vazony s dekorativnymi derev'yami. Tom rasskazyval, čto na zimu ih ubirayut vspecial'nuyu oranzhereyu. My voshli v dom. Zhena mistera Chiluela,

vstretila menya dovol'no radushno, mne kazhetsya, chto ona hochet videt' menya zhenoj Toma, no mne eshchyo rano ob etom dumat'. Ya priekhala syuda v pervuyu ochered' učit'sya, a lichnaya zhizn' slozhit'sya sama soboj. Vecherom my uzhinali, hotya Anglichane nazyvayut eto obedom. Sem'ya Chiluellov, dostatochno konservativna, naverno, kak vsya anglijskaya intelligenciya. I pitayutsya oni v istinno,konservativnyh tradiciyah, a vot Tom etogo terpet' ne mozhet. Poetomu, kogda my nemnogo poeli, on pohitil menya i otvel v svoyu komnatu. On rasskazal mne mnogo novogo. Teper' u nego est' dva bratika,oni ochen' zabavnye, Tom pokazyval mne fotografii. Sam Tom preimushchestvenno zhivet v Afrike, on ispolnil svoyu mechtu, stal kapitanom sbornoj po regbi, pravda ne anglijskoj, a yuzhnoafrikanskoj. Kak, odnako, on na menya smotrit. On tak smeshno vyglyadit, kogda tak smotrit! Itak, ya lozhus' spat'. Zavtra pervyj uchebnyj den'. Kto znaet, chto on mne gotovit, i chto menya zhdet voobshche v etoj strane?

«Ura, ya zdes, v meste moej mechty. Spasibo Pape, nu i misteru Chiluelu, konechno. Udobno, kogda ryadom stoboj est' predstavitel' britanskoj elity. Svyazi vsyo-taki zamechatel'naya shtuka, klyuchik ot vsekh dverej, ty ne soglasen? Ya dumayu, konechno, soglasen. Izvini,no po ponyatnym prichinam ya tebya svorachivayu, zanyatiya vsyo-taki»

Анастасия перевернула ещё один лист.

«Etot den' byl eshchyo zamechatel'nee predydushchego!

Proshli pervye zanyatiya po francuzskomu yazyku. Eto bylo slozhnee, chem ya sebe predstavlyala. Nam, gruppe studentov, dali zadanie rasskazat' sosedu po parte o sebe. Ne skazhu, chto u menya poluchilos' vsyo na sto procentov, no vsyo-taki. No glavnoe, chto ya poznamilas' s devochkoj, s kotoroj sidela za partoj. Eyo zovut Sasha. Veselaya, krasivaya i soobrazitel'naya. Vot vidish' ya byla prava naschet novyh druzej. Na peremene poshla, vypit' kofe. Prekrasnaya stolovaya, zabotlivyj personal. Uvidela stolik, za kotorym odinoko sidel molodoj chelovek, gde-to moj rovesnik. Podoshla poznamit'sya. Ego zovut Aleksandr. Sasha smeyalas' na vsyu stolovuyu. Okazyvaetsya, ona ego prekrasno znaet. On uchitsya na himika. Tol'ko ne zdes', a uzhe v Zhenevskom universitete. Zdes' on uchilsya ran'she. Proizvodit vpechatlenie kul'turnogo parnya. Voobshche chem-to pohozh na francuza. Obshchat'sya s nim bylo legko i priyatno. Mne ponravilsya ego vzglyad, ochen' sosredotochennyj. Ya dumayu, odnazhdy on chegonibud' dob'yotsya. Teper' moih druzej nado kak-to razlichat'. Ya, pozhaluj, budu nazyvat' Aleksandra, polnym imenem, kak Aleksandra Velikogo, a Sashu, Shurochkoj, eto imya ej tak idet».

«Vot i konec nedeli. Mister Chiluell, predlozhl prilgasyt moyh novyh druzej k nam na vyhodnye. Pocemu to on zainteresovalsya Aleksandrom. A vot Tomu eta ideya ne ponravilas'. On vidno, hotel pobyt so mnoj vdvoem. No u nego eto ne poluchitsya. Moj poslednij den' na pervoj nedele vydalsya spokojnym i bez syurprizov. U menya poyavilas eshchyo odna novaya znakomaya. Eyo zovut Svetlana,

ona iz Sybiry. My s nej poznakomilis' na zanyatiyah po mezdunarodnomu pravu. Ona predsedatel universitetskogo bratstva. Veчерom, my zhenskoj kompashkoj poshly v kafe i prosideli tam ves vecher. Ya priglasila Svetu poekhat s nami v Vil'nyov, dumayu eta ideya Tomu ponravitsya bolche. Pust' obratit vnimanie, na kogo ni bud iz devchonok i perestanet, tak glazet na menya. Vsyо teper' spat'. Ya chestno otuchilas' celuyu nedelyu, i zasluzhila otdyh. Zavtra napishu eshchyо. Poka, moj dnevnik».

Когда Анастасия закончила читать, была глубокая ночь. Девушка сидела на стуле и не могла пошевелиться. Минуты полторы она просто сидела, уткнувшись в одну точку.

– Этого не может быть, – пробормотала девушка, – не может быть...

* * *

Шурочка уже надела ночную рубашку и готовилась лечь спать, как вдруг раздался звонок.

Зевая и потягиваясь, она взяла трубку.

– О, Настёнка, привет, – сказала она, – я вижу, ты отлично погуляла, раз вернулась так поздно.

– Шурочка, – ответила Анастасия, – ты можешь сейчас приехать ко мне? – Она спросила в лоб. Ей больше ничего другого не оставалось.

– Не поняла, – переспросила Шурочка, – опять проблемы

с пансионатом?

– Нет, – испугано ответила подруга, – с нами!

Звонок оборвался, раздались гудки. Шурочка надела на себя первое попавшееся и выскочила из квартиры.

* * *

Ксения припарковала автомобиль возле одного из современных ресторанов в центре города и своим быстрым спортивным шагом прошла внутрь. Мациевского она заметила сразу, только вот её напарник за столиком был не один. Напротив него сидела миловидная девушка с тонкими чертами лица, яркими глазами и античным профилем, которой на вид было не больше двадцати пяти, в черных кожаных брюках и свободной белой рубашке, к которой была приколата изящная брошь в виде цветка. Светлые завитые волосы девушки были собраны в хвост, только две пряди выбивались из общей массы и кокетливо свисали вниз. Девушку звали Кристина Леонова, она преподавала международные отношения в республиканском университете и занималась политическим консалтингом. Дочь пропавших без вести в Швейцарии дипломатов из Великолоруссии и выпускница швейцарского института международных отношений, Кристина любила пионы, шоколадные конфеты и занималась верховой ездой, обладала причудливо-логическим складом ума, а её IQ составлял порядка трехсот процентов. Эта девушка счи-

талась одним из самых востребованных политконсультантов не только в Великоруссии и Понтии, но также и за границей, говорили даже, что и по обе стороны океана. Её талант предчувствовать события и максимально быстро реагировать на ситуацию особенно ценился. Это позволило Кристине войти в топ 100 самых упоминаемых политологов мира, по версии журнала «International affairs».

Оперативно-розыскное бюро несколько раз обращалось к ней за помощью при расследовании политических убийств, и Ксения достаточно неплохо её знала. Можно сказать, что они даже были подругами, с некоторой точки зрения.

– Если ты получила нагоняй, – сказал Мациевский, – то это не из-за меня.

Ксения криво усмехнулась и, усевшись на край стула, придирчиво осмотрела напарника.

– Может, просто не помнишь? – спросила она. – Лучше покайся, а то не узнаешь самого интересного.

Мациевский осклабился.

– Нас за труды праведные решили наградить внеочередным отпуском?

Ксения, усмехаясь, покачала головой.

– Не совсем, – сказала она, протягивая напарнику папку с материалом по убийству девушки в Кранцберге, которую она получила из рук генерала Соколовского. – Посмотри, картинки здесь интересные.

Кристина любопытства ради бросила взгляд на взятые

оперативником фотографии.

– Я видела эту девушку, – заметила она, больше для Мациевского, – по телевизору передавали. Это одна из тех трёх, что пропали в Кранцберге, на прошлой неделе. Мациевский загадочно посмотрел сначала на Кристину, затем на Ксению.

– Да, будет теперь у тамошних ментов забот, – проговорил он, – только не понимаю, причём здесь мы?

Ксения фыркнула.

– А ещё опер, – усмехнулась девушка, – на рану взгляни.

– Занятно, – пробормотала Кристина, – такая же рана, как и у убитого Левицкого.

Мациевский недоверчиво усмехнулся.

– Ты что, на глаз определила, что ли? – спросил он. Кристина коротко кивнула.

– Удар очень редкий, – сказала она, постукивая пальцем по бокалу с белым вином, – наносится резко и снизу вверх. Нож держали лезвием вниз. Так защищаются от медведей индейцы в Канаде и коренные народы Сибири.

– Бедные мишки, – усмехнулся Мациевский.

Что же, определенно убийца профессионал, поняла Ксения. На улице такому не обучишься, значит, искать следует в спецназе или военизированных лагерях или в чём-то подобном. Это добавляло сложности и без того запутанной истории. В случае Мациевского это ещё можно было объяснить, но вот убитая школьница...

– Прокатиться с нами не хочешь? – поинтересовалась девушка. – Мы с Мациевским едем туда послезавтра, так что можешь присоединиться.

– Да ты шутишь!? – изумился Мациевский, опережая ответ Кристины. На его мощном лице возникла гримаса детского удивления.

Авалова криво усмехнулась.

– Абсолютно нет, – сказала она, – нам решили устроить шикарную командировку, ну если говорить официальным языком, то будет создана специальная следственная группа для раскрытия преступления.

Мациевский только развел руками.

– Я, конечно, знал, что ты крута, – сказал он, – но всётаки, не понимаю, зачем мы там нужны? Что, у них менты перевелись?

Ксения широко улыбнулась.

– Знай и люби свою страну, – сказала она, – 25 октября в Кранцберге пройдут переговоры по североевропейскому транспортному коридору из Великоруссии. Что это такое, Кристина? Можешь объяснить в двух словах?

Кристина почесала переносицу.

– Ну, если в двух словах, – задумчиво начала девушка, – это транспортная система, которая призвана обеспечить связь Китая со странами Западной Европы. Проект масштабный, в него вписались около тридцати государств плюс ЕС. Журналисты уже назвали этот коридор новым шелковым путем. Североевропейский транспортный коридор – это его часть предполагаемая. По этому проекту грузы из Китая будут поступать через Казахстан, Великоруссию, в понтийские порты на Балтике и дальше в Польшу и Германию, но существует альтернативная ветка, которую лоббирует Турция. Согласно их проекту, грузы должны идти через Афганистан и Иран к ним, естественно, минуя Восточную Европу. Ну это если вкратце.

– И какой проект впереди?

– Выражаясь языком доморощенной политкорректности, – засмеялась Кристина, – каждый из проектов имеет свои положительные и отрицательные стороны. Но положа

руку на сердце, поддержку, по моим данным, получит северо-европейский коридор. Он короче, более развитая инфраструктура и к тому же безопаснее.

– Такие происшествия, как в Кранцберге, могут повлиять на переговоры? – спросила Ксения. – Гипотетически?

Кристина пожала плечами.

– Гипотетически да, – сказала девушка, – но в реальности это маловероятно. В конце концов, по сравнению с тем, что происходит в Афганистане или Иране, такие происшествия – капля в море. Разве что поменяют резиденцию для переговоров. Возможно, это личные счета кого-то из конкурентов владельца пансионата.

– Может быть, может быть, – пробормотала Ксения, – а Левицкий? Что можешь о нем сказать?

Кристина отпила вино из бокала.

– Андрей Левицкий – патриот и борец за счастье народа, – сообщила девушка, – это диагноз. Амбициозен, неглуп, честен.

– Был, – сухо кивнула Ксения, – я не про то. Он связан с этим проектом?

– Таких данных нет, – сказала Кристина, – он больше социальными проблемами занимается, хотя учился в Государственном институте международных отношений, в Великобритании. Стажировался в Швейцарии, по международнойке...

– Ты часом его там не встречала? – быстро спросила Авалова.

Кристина покачала головой.

– Швейцария, конечно, маленькая страна, – улыбнулась девушка, – но всё-таки не Монако. Здесь пару раз я его видела, но лично незнакома. Если кратко, то после окончания учебы, пропитавшись западным вольнодумством, он решает пойти в политику и основывает левопатриотическое движение «Республика зовёт». Примерно в то же время избирается депутатом законодательного собрания Борисфена. Декларировал, что на следующих выборах в народный совет он поведет свою партию в парламент. Ну, теперь уже вряд ли.

– А кто его финансирует? – спросила Ксения. – С какими-нибудь серьезными людьми он имел дела?

Кристина пожала плечами.

– Точно не известно, – сказала она, – движение само по себе маленькое, но говорят, что недавно Левицкий получил предложение от «Лиги честности».

– Движение, за которым стоит Тополевич, – кивнула Ксения, – я знаю, мне его жена сказала. А о них что известно?

Кристина скорчила скептическую гримасу:

– Фонд по борьбе с коррупцией – это тоже диагноз. Организован год назад. Учредителей трое: Петр Арсенюк, Сергей Адашев и Дмитрий Душенин. Все трое на виду и известны в широких кругах. Причем все трое совершенно разные по идеологии. Арсенюк – либерал, Душенин – национал-большевик, Адашев – чекист.

Количество заинтересованных чекистов в этой истории

зашкаливает, усмехнулась про себя Авалова.

– М-да. Разношерстная публика, – согласилась она, – что ещё?

Кристина театрально вздохнула.

– В целом ничего особенного, – сказала она, – из лозунгов сборная солянка: страна в упадке, свобода слова отсутствует, честных выборов нет, кругом разврат, попираание святынь, морок либерализма, садомия и коррупция. Это в настоящем. А в будущем и прошлом – торжество демократии, свобода для бизнеса, сильная рыночная экономика, освобождение политзаключенных, социальная справедливость, возрождение национального престижа, поддержание традиционных ценностей, запрет однополых отношений, ну и прочее в этом духе.

Ксения пожевала губу.

– Да-а, письмо дяди Фёдора из Простоквашино отдыхает, – весело заметила девушка.

Кристина театрально вздохнула:

– Но это не всё, есть одно обстоятельство, которое, может, и не столь важно, но всё же...

– Ну не томи.

– Собственно говоря, господин Душенин – номер три в списке «Лиги честности». Мужчина во всех отношениях колоритный. Социалист, за равенство и братство, пролетарскую революцию, ну и прочее там. Проводит слеты молодых левых экстремалов. В общем, всё при нем. И вот как раз этот самый Душенин в своих выступлениях в газетах и на телевидении очень часто затрагивает тему губительности участия Республики в строительстве североевропейского транспортного коридора. Мол, это всё транснациональные корпорации хотят прибрать к рукам территорию страны и бесконтрольно наживаться на географическом положении Республики.

– А вот это уже интересно, – кивнула Ксения, – как бы нам познакомиться с этими товарищами?

– Элементарно, – сказала Кристина, – как раз завтра у них собрание с молодежным активом. В гостинице «Oriental».

Ксения пожевала губу.

– Занятно, – сказала она, – Кристина, у меня к тебе будет просьба... Ты не могла бы туда съездить и своим взглядом посмотреть на них... так сказать, проникнуться честностью.

Кристина широко улыбнулась:

– Обожаю такие встречи. С ними как... культурно поговорить или так, чтобы сразу донести до них мысль?

– Донести, – кивнула Ксения, – но чтобы не поняли, кто ими интересуется. Пусть пока побудут в размышлении, кому перешли дорогу.

– Не волнуйся, – улыбнулась Кристина, – я умею быть так-

тичной.

Девушка неторопливо встала из-за стола, предварительно посмотрев, нет ли складок на идеально гладких брюках. С ними было всё в порядке.

– Вот уж в чем у меня точно нет сомнений, – развела руками Ксения. – Слушай, а у тебя что, есть приглашение на это высокое собрание?

Кристина удивленно приподняла бровь.

– Что? – бросила она с налетом легкого высокомерия.

– Извини, – быстро поправилась Авалова. Естественно, у Кристины уже было приглашение.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ГЛАВЫ

Глава II. Образы прошлого

Это было не осторожно взять и надеть чужой шлем, да ещё вместе с хозяином.

Л. Кэрролл

Вторник 16 октября

Добраться до поселка, где жила Анастасия, по ночной дороге у Шурочки не составило особого труда. Подойдя к входной двери, она хотела постучать в дверь, но увидев, что ключи торчат в замочной скважине (дверь запиралась только ключами), она поняла, что дверь открыта. Шурочка, предварительно вытащив ключи, дернула за ручку, и дверь, легонько скрипнув, отворилась.

Обстановка внутри дома, показалась Шурочке, довольно мрачной. Свет нигде не горел. Ставни были зарыты. Телевизор выключен. По легкому потрескиванию, Шурочка поняла, что Анастасия затопила камин. Сама хозяйка дома обнаружилась на кожаном диване. Вытянув ноги, она лежала перед камином, в белом халате, держа в руке коньячный фужер. Её лицо из-за тусклости освещения было видно только наполовину, что придавало девушке некоторую демоничность.

– Прочти – не оборачиваясь, монотонно произнесла подруга, протягивая стопку листов, скрепленных канцелярской скрепкой. Александра взяла листы и, включив лампу, по диагонали пробежалась по нескольким страницам. Девушка читала достаточно быстро ещё с театрального института.

– Анастасия – сказала она, отложив листы – но ты же...

– Я знаю, что вела его на компьютере, знаю, что я его удалила, но ты сама все видишь, – Александра невесело усмехнулась, – сколько мы читали этот дневник, сколько смеялись. До тех пор, пока...

– Так, для начала успокойся, – сказала Шурочка, – может быть, ты сама распечатала дневник, а потом просто забыла?

Подруга закусила губу.

– Да нет, после того, как все случилось, я дневник стерла из ноутбука. Я не хотела, чтобы что-то напоминало мне о Женеве. О Чилуэллах. О... – Она отпила из фужера. – Я боюсь. В этом дневнике описано всё, что с нами тогда произошло. Я же всё записывала в него.

Шурочка усмехнулась.

– Ну и дура, – честно сказала она, – я тебе всегда говорила, брось эту затею. Не беспокойся, – девушка подошла к бару и налила себе коньяку, – разве в тех событиях есть твоя вина? Там всё давно расследовано, виновный понес наказание, да и потом, в тетради про это же не написано. А есть ли остальное, мы не знаем.

– Шурочка, – сказала Анастасия, – ты прекрасно знаешь, что в наше время достаточно одной статейки, чтобы человек потерял имидж. Если подробности всплывут наружу...

– Имидж ничто, – усмехнусь Шурочка, – жажда всё, – она отпила из фужера, – ну, а если серьезно. Ты думаешь, что тебя подставляют?

– Не знаю, – сказала Анастасия, – просто сначала убийство, а потом это. Так больше продолжаться не может, – она закусила губу, – я не знаю, что мне думать.

– А ты разговаривала с Александром? – спросила Шурочка. – Что он сказал?

– Да ничего, – сказала Анастасия, – он, как всегда, сводит всё к своей политике. Говорит про то, что я стану винтиком в большой игре.

– Ну, это не так уж и нереально, – ответила Шурочка, – саммит и прочее. Возможно, кто-то хочет таким образом повлиять на твоего отца, а что по поводу охраны, ты его спрашивала?

– Да, он просто предложил переехать к нему, – проворчала Анастасия, – вместо того, чтобы помочь, он просто хочет... – Она замолчала.

Шурочка улыбнулась.

– Ладно, раз ты у нас такая непорочная, будем обороняться вместе от твоего неизвестного врага. Не волнуйся, ласточка моя, – Шурочка положила руки на плечи подруги, – всё будет так, как должно быть.

Анастасия повернула лицо к камину, искренне надеясь, что Шурочка права.

Проснулись поздно. Точнее, Анастасия проснулась поздно. Она смогла разлепить глаза, только когда будильник третий раз заунывно пропел. Девушка потрясла головой, скидывая с себя остатки сна и надев халат, спустилась вниз.

На кухне Шурочка, полностью одетая, готовила кофе. За стеклянными дверьми, ведущими в сад, раздавался колокольный звон из храма, расположенного неподалёку.

– Который час? – чуть хриплым от сна голосом спросила Анастасия.

– Уже почти десять, – сказала Шурочка, – садись, завтрак готов. Твои любимые блинчики, – она внимательно посмотрела на подругу. – Что-то ты плохо выглядишь.

Блинчики, сад, озеро. Всё это она видела тогда, в своей другой жизни...

Женева, восемь лет назад

Этот день выдался необычайно солнечным. Лето ещё боролось за свои права и пыталось подарить тепло и радость.

Анастасия сидела в салоне черного микроавтобуса, рядом с двумя своими новыми подругами – Сашей Рыковой и Светой Русаковой. Они познакомились всего неделю назад, но

уже успели стать хорошими друзьями. Анастасия вообще отмечала за собой склонность быстро сходиться с людьми. Девушки сидели и весело болтали, рассказывали друг другу разные истории, в общем, всячески убивали время. Напротив сидел их общий знакомый Александр Верховский, он иногда поддерживал их разговор немногословными комментариями, но по большей части молчал, наблюдая, как за окном автомобиля проносятся деревеньки.

За ту неделю, что они успели пообщаться, Александр произвел на Анастасию самое благоприятное впечатление. Он был всегда сдержан и вежлив, что было совсем не характерно для молодых людей его возраста. Анастасия привыкла, что мальчики все время смотрели на неё с наглостью и желанием, и её это раздражало. В Александре же чувствовался авторитет, за ним хотелось пойти, за ним хотелось держаться, Анастасия прежде никогда не испытывала подобного ощущения.

Уже наступил вечер, когда они добрались до места назначения. Дом Чилуэллов находился на самом побережье Женевского озера, или озера Леман, как называли его местные жители, чуть поодаль от курортного городка Вильнев, прямо напротив знаменитого Шильонского замка, прославленного поэмой Джорджа Байрона. Анастасия вспомнила, как они с Томом всё то лето, когда она была на языковых курсах, ходили пешком туда и обратно по холмам. Отыскивали местечко для пикника и сидели там до самого вечера.

– Анастасия, – окликнула подругу Шурочка, прервав лирические мысли девушки, – все уже собрались. Ждем тебя.

Молодые люди подобрали свои рюкзаки и направились к дому. Это было трехэтажное здание, построенное в современном стиле из стекла и бетона. У входной двери их встречал с радушной хозяйской улыбкой мистер Чилуэлл. Том, который терпеть не мог подобные церемонии и слыл отъявленным неформалом, переминался с ноги на ногу, ожидая возможности познакомиться с друзьями Анастасии (или оттащить меня, куда-нибудь в сторону, – подумала девушка, – как он обычно делал, когда приезжали гости).

– А, вот и вы, – сказал мистер Чилуэлл, – я уже начал беспокоиться, недалеко отсюда произошла авария и дороги ужасно забиты, – он посмотрел на Шурочку и Александра, – а вы, я так полагаю, друзья Анастасии?

– Именно так, – ровным, чуть ленивым голосом сказал Александр, пожимая протянутую мистером Чилуэллом руку.

Ещё Анастасия успела заметить, что, несмотря на вежливость и цельность, Александр был довольно открытым молодым человеком и никогда не терялся в обществе. Ей такое поведение больше нравилось, чем вечные тайные вздыхания Тома. Но при этом Александр не переходил грань дозволенного. В своем поведении, по мнению Анастасии, он был эклектиком. Сочетал открытость с правилами приличия.

– Надеюсь, что вы не будете скучать здесь, – добавил ми-

стер Чилуэлл тоном радушного английского хозяина.

Александр же в ответ ничего не сказал, только молча кивнул, сложив губы в тонкую невесомую улыбку.

– А вы, я так полагаю, Александра? – спросил мистер Чилуэлл, оборачиваясь к стоявшим возле Анастасии подругам. – Анастасия очень много про вас рассказывала.

Шурочка, отодвинув Верховского, вышла вперед, чтобы лучше видеть мистера Чилуэлла.

– Надеюсь, хорошее, – сказала она, протягивая руку. Мистер Чилуэлл улыбнулся, осторожно пожал поданную ладонь и перевел взгляд на Светлану.

– А это что за чудесное создание? – спросил он у Анастасии. – Я про неё ничего не знаю.

– Это моя новая подруга, Светлана, – ответила девушка. – Я не сказала про неё, потому что когда вы сообщили о поездке за город, мы ещё не были знакомы.

– И откуда вы, прелестное дитя? – спросил Чилуэлл.

– Из Красного Яра, – сказала Светлана, – это в Сибири.

– Да вы что, – притворно удивленным голосом сказал Чилуэлл, – я был в Красном Яре несколько раз, там чудесная природа!

Светлана широко улыбнулась в ответ, как всегда улыбаются люди, когда кто-то восхищается их малой родиной.

– И чем же вы занимаетесь? Учитесь или работаете?

– Я учусь на факультете международного права, – сказала Светлана, – и ещё я глава нашего студенческого братства.

– Как это приятно слышать, – сказал мистер Чилуэлл. – Вы знаете, похоже, что мы с вами коллеги. Я тоже учился на специалиста по международному праву и тоже возглавлял актив нашего факультета, – он широко улыбнулся, – а это мой сын Том, – мистер Чилуэлл, чуть подтолкнул вперед сына, – парень хороший, но весьма непутевый, – он потрепал сына по голове, – вы представляете, вместо того, чтобы учиться, он пошел заниматься регби. Он мог бы стать замечательным юристом, если бы захотел, а он в регби.

– Каждый должен заниматься тем, что ему нравится, – сказал Александр.

Мистер Чилуэлл искоса посмотрел на него.

– Вы полагаете, молодой человек, – сказал он, – что ж, быть может, я немного старомоден, но я непременно вернусь к нашей дискуссии за ужином. А сейчас прошу, прошу в дом, господа.

Торжественная часть закончилась, и все направились в дом.

Загородный дом Чилуэллов представлял собой довольно типовую постройку для этих мест. Он, как и большинство здешних домов, выстроен из белого камня и для экономии места высился вверх на четыре этажа. Обстановка внутри дома мало отличалась от той, которая запомнилась Анастасии во время её последнего посещения этого места. Небольшое, тускло освещенное помещение использовалось как прихожая. Там стояла разная обувь – от цивильных ботинок до са-

довых резиновых сапог. Однако обувь была до блеска начищенная и аккуратно расставлена вдоль побеленной стены, на которой висели фарфоровые тарелочки. Чилуэллы коллекционировали фарфор. У них были тысячи тарелок, чашек, чайников разных эпох. От глубокого восемнадцатого века, когда только-только стали производить английский фарфор, до современных образцов, которые уже не отличались той изысканностью, которая была в восемнадцатых – девятнадцатых веках. Чилуэллстарший даже подарил часть из своей коллекции местному музею фарфора.

Надо сказать, что семейство Чилуэллов, несмотря на свои древние корни, никогда не пользовалось слугами. Они привыкли делать всё сами, без посторонней помощи. В конце коридора чугунная лестница вела на остальные этажи дома. Весь второй этаж занимала огромная библиотека. По всем четырем стенам были расположены гигантские книжные стеллажи, на которых стояли книги разных веков, разного содержания. Всё, что собирали предки Чилуэллов.

Сам род Чилуэллов насчитывал без малого уже четыреста лет. Том говорил Анастасии, что их предки были награждены дворянством, за помощь в реставрации монархии в Англии. И именно за это король Карл II подарил им уголья в окрестностях Корнуолла, на которых и был воздвигнут замок. Без малого триста лет род Чилуэллов проживал в этом замке, пока в 1940 году немецкая авиация его не разбомбила. Теперь от замка остались одни руины, а сами Чилуэллы

переселились в Швейцарию.

Третий этаж занимали спальня хозяев дома и кабинет мистера Чилуэлла. Анастасия не особенно любила туда заходить, так как там было очень пыльно из-за стопок дел из судебных архивов кантонального суда. Мистер Чилуэлл был управляющим партнером в англо-швейцарской юридической фирме.

На последнем четвертом этаже была комната Тома и гостевые спальни.

Анастасия зашла в свою комнату и не раздеваясь плюхнулась на постель. Эти выходные обещали быть чудесными и ничего не должно было их испортить. Девушка достала из сумки компьютер и стала писать впечатления о сегодняшнем дне. Вскоре позвали ужинать. Переодевшись в домашнюю одежду, она спустилась в столовую. Там уже сидели остальные и готовились к еде. Анастасия вежливо улыбнулась и села справа от Тома. Надо сказать, что её план удался. Том смотрел на Шурочку и Светлану гораздо больше, чем на неё саму.

И девушку это обстоятельство устраивало. Не то чтобы ей совсем было не нужно мужское внимание, просто то, как вел себя Том, её раздражало. Он мог часами сидеть рядом с ней. Смотреть на неё и ничего не делать и не говорить. Нет уж, пусть смотрит на кого-нибудь ещё.

Для того чтобы отвлечься от мыслей о Томе, Анастасия повернула голову в сторону, где сидели мистер Чилуэлл и

Александр. Они о чём-то оживлённо спорили, и любопытная Анастасия подседа поближе.

– А какую, по-вашему, нужно строить систему?

– Нам нужна такая система, при которой политики не сидели бы и обсуждали проблемы, – сказал Верховский, – не соглашались бы, что хорошо, а что нет для народов, а просто выполняли бы это.

По его лицу было ясно, что для него самого все было предельно логично и просто. И даже непонятно, почему никому другому не пришла в голову столь элементарная схема.

– Но это и делает парламент, – сказал мистер Чилуэлл, – мы собираемся и решаем проблемы населения.

– Трудность в отсутствии единства друг с другом, – пояснил Александр, – поэтому система и не работает, а если что-то не работает, значит, надо заставить это работать.

Анастасия открыла рот, закрыла. Подумала. Опять открыла. Она была заморожена Александром, его речью. И даже не тем, что он говорил, а как он это говорил.

– Как? – спросила она неожиданно для самой себя. – Как заставить систему работать, по-твоему?

– Не знаю, – честно ответил Александр, обращая свой взор на девушку. – Но думаю, что следует создать такую систему, при которой не нужен ни парламент, ни чиновники, ни министры. Люди должны сами решать свои проблемы, как им хочется.

Мистер Чилуэлл оценивающе посмотрел на молодого че-

ловека.

– Это уже напоминает анархию, – сказал он с видом человека, который без малого сорок лет работал в парламенте и знал все хитросплетения политики.

– Вы на Западе, – сказал Александр, – сразу бросаетесь в крайности. Я говорю не об анархии, а о прогрессивном правительстве, которое будет заботиться о благе населения, а не о своем собственном. Ведь какая бы к власти ни пришла сила, она использует свою идеологию только для оправдания своих дел, которые никак не связаны с благом народа.

Мистер Чилуэлл вытер рот салфеткой.

– Очень удобная позиция, чтобы скрывать свои анархистские взгляды.

Александр окаменел от изумления.

– Вы обвиняете меня в анархизме, мистер Чилуэлл?

– А вы им так и пышете, Александр, – сказал мистер Чилуэлл. – Ваши неформализм, несдержанность и открытый нигилизм ко всему тому, что создавалось и укреплялось веками. А ваша открытая ненависть к политикам делает ваш анархизм ещё более очевидным.

Верховский посмотрел на хозяина дома.

– Там, откуда я родом... – начал он. Мистер Чилуэлл прервал его:

– Там, откуда вы родом, построено посткоммунистическое коррупционное сообщество, иначе именуемое полицейским государством. Вы наследник той эпохи, которая держа-

ла в страхе весь мир, и я вижу, что вы распространяете здесь те идеи, которые господствовали в вашей стране без малого семьдесят лет.

– Хватит, прекратите, пожалуйста, – Шурочка подняла руку. – Бросьте давить на одно и то же. Я что-то не заметила вашей помощи белому офицерству, которое боролось против большевизма, так что не будем опускаться до исторических разногласий.

Глаза мистера Чилуэлла сверкнули.

– О как заботливо напомнить нам о нашем месте, – сказал он, – тем более что ваша власть это делает ежедневно.

Александр встал. Он производил весьма презентабельное впечатление. Светлые волосы, голубые глаза. Анастасия была заморожена его манерой говорить и отстаивать свое мнение.

– Видите ли, мистер Чилуэлл, – начал молодой человек, – в моих жилах течет дворянская кровь, и я весьма чувствителен к проявлению любого большевизма. Мой прадед воевал в белой гвардии и погиб при штурме Ольвии. У меня не было привилегированного детства, как у вас, и своим местом здесь я обязан только тому, что меня выбрали и послали на стажировку.

В столовой стояла гробовая тишина, а Александр продолжал говорить:

– Вы обвиняете меня в том, что я прибыл из страны, которую семьдесят лет боялись, но от вашего внимания ускольз-

нул тот факт, что в этой стране в борьбе против фашизма, за свободу всей Европы погибло двадцать миллионов человек. Вы своими неумелыми военными действиями и заигрыванием с Гитлером оставили нас один на один в борьбе с лучшей армией мира, как оставили нас во время революции в борьбе с большевиками. Вы видите только то, что хотите видеть. Вот почему я так пренебрежительно говорил о политиках, а вовсе не потому, что я приехал сюда устраивать анархию.

Александр сел на место. Мистер Чилуэлл одобрительно и отечески улыбнулся, если он и был не согласен с позицией молодого человека, то возражать более не стал. Остаток ужина прошёл в тишине, только Светлана о чём-то ворковала с Томом, от острого взгляда Анастасии это не могло уйти, а Шурочка всячески отвлекала миссис Чилуэлл от слезки за ними, якобы пытаясь разузнать рецепт десерта, который она сегодня приготовила.

Перед сном Анастасия вышла подышать свежим воздухом. Она любила пройтись вдоль берега и послушать шум прибоя и крики чаек. Неожиданно для себя девушка заметила одинокую фигуру. Она почему-то сразу поняла, что это Александр. Он стоял и кидал в озеро куски хлеба на корм чайкам.

Девушка подошла к обрыву и встала рядом с Александром. Она мельком посмотрела на него, стараясь прощупать его чувства сейчас. Ощущалась холодная уверенность, зрелость. Странно, она ещё не встречала таких молодых людей,

как он.

– Ты скажешь, что я повел себя недопустимо? – спросил он, продолжая смотреть на ровную гладь озера.

– Не скажу, – ответила Анастасия, подойдя вплотную к Александру, – ты правильно отстаивал своё мнение.

Он внимательно посмотрел на неё. Потом наклонился и поцеловал. Анастасия в первую секунду не осознала, что произошло. По её мнению, она не давала никакого повода для подобных действий. Но ей это нравилось. Она ответила на поцелуй, и всё растворилось в тумане.

* * *

– Эй, ты где! – оклик Шурочки вернул её в реальность.

Анастасия посмотрела на подругу усталым взглядом.

– Всё в порядке, – сказала она, – просто я последнее время плохо сплю.

Шурочка сочувственно посмотрела на подругу.

– Послушай, прекрати забивать себе голову чушью, – говорила она, – ты просто вчера перенервничала из-за дневника, вот и всё, – она усмехнулась, – или ты скажешь, что могущественный злой чародей заставляет тебя видеть сны о твоём прошлом? – Шурочка зловеще потрясла руками. Анастасия в ответ замахнулась на неё вилкой с блином.

– Щас как дам, – сказала она улыбнувшись.

Анастасия вздохнула.

– Не то слово, – устало сказала девушка, – скоро саммит, а у меня в пансионате ещё конь не валялся. Из оргкомитета должны списки приглашенных лиц сегодня прислать, да ещё машину надо забрать, а то из-за этого Верховского так голова заболела, что я даже ехала на электричке.

Шурочка коротко усмехнулась.

– Машину твою уже забрали, – сообщила девушка. У Анастасии округлились глаза.

– Кто? – спросила она.

– Милиция, – сказала Шурочка, – сегодня утром они позвонили и сообщили, что твоя машина отогнана на штрафстоянку.

Анастасия вздохнула, утро не могло сложиться удачнее.

* * *

Утро выдалось серым и дождливым. Сжевав тост с маслом и запив его кофеем, Ксения натянула на себя толстовку, джинсы, мокасины и, прихватив куртку, направилась к входной двери своей квартиры. На самом пороге её остановил резкий звонок городского телефона. Ксения сняла трубку, звонил отец, интересуясь, как у неё дела. Она сказала, что хорошо, что уезжает по работе в Кранцберг, что ещё она ему могла сказать. Он работал далеко на севере, за полярным кругом, и его не следовало обременять её пробле-

мами. Она никого не любила обременять своими проблемами, а обременять ими близких людей считала чем-то низким. Отец много раз предлагал ей перебраться к нему. Нам нужны классные юристы, говорил он, но она выбрала свою дорогу, и никто кроме неё не мог её пройти.

Она распрощалась с отцом, послав ему через телефон свой поцелуй, и вышла из квартиры, заперев входную дверь.

Возле подъезда она приветливо поздоровалась с сидящими на лавочке соседками и, щурясь от дождя, пошла по направлению к своему автомобилю.

Дело, которым ей предстояло сейчас заниматься, было крайне запутанным и без убийства девушки в Кранцберге, а уж с этим убийством, которое на первый взгляд не могло иметь никакого отношения к убийству Левицкого, а оно, судя по способу убийства, имело, всё становилось совершенно непонятно.

В кармане куртки завибрировал мобильный. Ксения медленно поднесла телефон к уху. Номер был незнакомый.

– Авалова слушает.

– Добрый день, Ксения Игоревна, – раздался голос в трубке, который она узнала, правда, слышала она его только по телевизору, и принадлежал он бизнесмену и бывшему министру внешней торговли Альберту Сабурову. Что ж, она определенно пользуется популярностью у сильных мира сего.

– Скорее утро, Альберт Шамильевич, – поправила девушка, – но, тем не менее, я польщена вашим звонком.

На другом конце послышалась усмешка.

– Значит, правду говорят, что вы колючая, – заметил Сабуров.

– Кто говорит, вы не верьте, – улыбнулась девушка, – лучше поговорите сами.

Снова усмешка с другого конца телефона.

– Я с этим вам и звоню, – сказал Сабуров. – Извините, если отвлекаю, но я бы хотел с вами встретиться по делу, которое нас обоих интересует.

Убитый депутат, догадалась Ксения, что же ещё это может быть? Значит, Сабуров имеет в этом деле какой-то свой интерес, иначе не стал бы разыскивать мой номер и звонить с утра пораньше.

– Никаких беспокойств, – уверила собеседника Ксения, – скажите куда подъехать, и я буду.

– Автодром «Буревестник», через час, вас устроит? – спросил Сабуров.

Естественно, автодром, хмыкнула про себя Авалова, о пристрастии Сабурова к автоспорту все знали, и Ксения не была исключением.

– Договорились, – сказала Авалова, – я буду там.

– Буду ждать, – ответил Сабуров.

Разговор закончился. Ксения убрала телефон в карман. Интересно день начинается, подумала девушка.

Одиннадцать утра. Ксения подъехала к зеленым металлическим воротам автодрома «Буревестник», припарковала машину так, чтобы она не мешала проезжающим, и, помахав охраннику удостоверением, прошла на территорию, хотя, в общем-то, показывать удостоверение было и незачем. Ксения знала, что автодром принадлежит Сабурову, и естественно, о её визите предупредили.

Ксению уже ждали. Высокий седой мужчина, одетый в темно-синий костюм из шерстяного крепа, вежливо встал с пластикового стула и направился навстречу девушке.

– Спасибо, что сочли возможным приехать, Ксения Игоревна, – сказал он, – я рад с вами познакомиться.

– Взаимно, – сказала Ксения, – только давайте без предисловий, Альберт Шамильевич, я их не люблю.

Сабуров хмыкнул.

– Ну что ж, к делу, так к делу, – ответил он, – только давайте присядем.

Сабуров указал на небольшой столик на колесиках, на котором стояли два кофейника, один с кофе, а другой, как подозревала Ксения, с молоком, и две чашки – кофе выпьете?

– Благодарю, – сказала Ксения, – Итак? Сабуров раскинулся на пластиковом стуле.

– Речь пойдет, как вы понимаете, об убитом Андрее Левицком, – медленно произнес экс-министр? – Не беспокойтесь, я не слушаю ваших кабинетов, просто имею некоторые связи и получаю информацию. Андрей был моим другом, он мне нравился, у него было большое будущее, и я хочу, чтобы его убийца был наказан, поэтому я готов оказать помощь в расследовании.

Интересно, подумала Ксения, насколько искренне это желание, или Сабуров отводит подозрение от себя, впрочем, ничего криминального за ним не водилось, по крайней мере, в обозримом прошлом.

– Предположим, я готова сыграть в вашу игру, – сказала Ксения, – начнём с простого: «Лига честности» – слышали что-нибудь о такой организации?

Сабуров утвердительно покачал головой.

– Приходилось, – отрывисто сказал он, – а она как-то связана с убийством?

– Это одна из версий, – сказала Ксения. – И что о ней говорят?

Сабуров отпил кофе.

– Разное, – заметил мужчина, – кто-то говорит, что Тополевич – это реальная сила, кто-то – что враг государства и даже фуфел.

Ксения улыбнулась.

– А вы что скажите?

– Всего понемногу, – заметил Сабуров, – как это всегда бывает у таких людей. Я с ним лично не пересекался, но знающие люди говорили, что Тополевич высоко летал, но быстро опалил крылья.

– И насколько высоко летал? – светски поинтересовалась Авалова.

– Достаточно, чтобы через своих людей в правительстве пробивать заказы, – сказал Сабуров. – Причём я вам скажу, что люди эти в свое время занимали большие должности в стране.

– А потом?

Сабуров залпом допил кофе и поставил чашку на стол.

– А потом выборы, – сказал он, – старая власть стала сходить со сцены. У Тополевича была возможность сделать ставку, и я вам больше скажу, он её сделал, только поставил не на ту лошадь.

Ксения задумчиво кивнула. Это была политика. До убийства Левицкого она никогда не заходила на это поле и теперь чувствовала себя явно не на своей территории, но ей было интересно.

– Исходя из вашей характеристики, – промолвила она, – Тополевич создал сейчас это движение, чтобы триумфально вернуться к власти.

Сабуров кивнул.

– Если так, то имел ли он мотив устранить Левицкого, не

проще ли договориться? – спросила Ксения. – Помоему, в политической борьбе важно показать, что такие, как Левицкий, с ними?

Сабуров вздохнул и покачал головой.

– Есть люди, с которыми нельзя договориться, – сказал он, – Андрей был, как это не покажется странным, человеком чести. Вы знаете, сейчас принято от всего откупаться: от бандитов, ментов, чиновников. Андрей этого никогда не делал. Он всегда боролся, бросал вызов, даже понимая, что однажды этот вызов может стать последним. Он не принял бы сторону Тополевича, даже если бы они идейно совпадали, уверяю вас.

Ксения кивнула. Она припомнила то определение, которое дала Кристина.

– Но что оппонентам Левицкого дает его убийство? – спросила она. – Какой им прок от того, что Левицкий теперь покойник?

Сабуров мрачно усмехнулся.

– Видите ли, Ксения Игоревна, – начал он, – в политике, как и в бизнесе, важна идея, а она вместе с человеком не погибает. Идея, Ксения Игоревна, это организм, который живет самостоятельно и который можно под себя настроить. Поэтому если ты хочешь перехватить какую-то идею, то можно убрать того, кто тебе мешает, и поставить нужного человека, который будет все приносить в клюве и получать за это свой процент.

– И в случае с движением Левицкого произойдет то же самое? – догадалась Ксения.

Сабуров флегматично кивнул:

– Уже происходит, возможно, в это самое время, что мы с вами разговариваем. Я думаю, что даже были намечены кандидатуры на место того, кто может возглавить движение Андрея в случае его смерти, среди его окружения, на всякий пожарный.

Авалова презрительно усмехнулась.

– Да-а, – манерно протянула девушка, – французы со своими сексуальными скандалами – просто детский сад.

Сабуров меланхолично пожал плечами.

– Другой бюджет, – сказал он, – другие масштабы.

– А зачем это всё Тополевичу? – спросила Ксения. – Неужели его так прельщает власть?

Сабуров покачал головой.

– Власть сама по себе... нет, – заметил экс-министр, – Тополевич не из таких, а вот деньги, которые можно получить от этой власти... Вот это его интересует. Его всегда и во всем интересуют только деньги.

Авалова театрально усмехнулась.

– А вы государственный, Альберт Шамильевич? – с нескрываемой иронией спросила девушка.

Сабуров хмыкнул.

– Остров счастья в море несчастья не построишь, – философски сказал мужчина, – я люблю эту страну. Я здесь

вырос, это моя родина и я хочу, чтобы она процветала. Вас устраивает такой ответ?

Ксения молча кивнула. Она вступала на поле, по которому следовало ходить очень осторожно, как по тонкому льду, иначе можно было больно упасть и даже под него провалиться. Она проваливаться не собиралась.

* * *

Если хочешь спрятаться, прячься на видном месте. Наверное, сложно было придумать более видное место, чем гостиница «Oriental» на улице Университетской. Открытая еще во времена СССР, она стала таким же неотъемлемым символом города, как триумфальная колонна, на которую смотрели её окна. В самой гостинице всегда было полно постояльцев, как местных, так и иностранцев, которые часто останавливались здесь для отдыха или проведения деловых встреч, поэтому место для слета политического движения было идеальным.

В этот месяц гостиница не была особо загружена, тем не менее, по фойе и бару ходило множество пенсионеров, семейных пар, коммерсантов и разного другого люда.

Сидевшая за барной стойкой одноименного с гостиницей ресторана Кристина Леонова мысленно прикидывала, к какой категории ей себя отнести, если что. Она приехала в гостиницу за час до начала собрания «Лиги честности». По мере того, как пролетал этот час, столики ресторана, в банкет-

ном зале которого должна была пройти встреча, заполнялись молодыми людьми самой разной наружности. От типичных яппи в дорогих костюмах и модно одетых студентов до откровенных неформалов.

Когда часы на табло показали без двух минут двенадцать, народ, собравшийся в ресторане, потихоньку стал закатываться в зал. Леонова, отвлеченно глаза по сторонам, влилась в поток мятежной юности.

Первая странность, которая её поразила, это полное отсутствие охраны. Обычно на таких собраниях обязательно стояли два или три громилы с ручными металлоискателями. Здесь ничего. Скорее для пушного психологического эффекта. Мол, видите, какие мы честные, у нас даже охраны нет. Своим мышлением Кристина понимала, что всё это ложь, и догадывалась, что в соседней комнате сидела пара тройка бугаев, и, конечно, уже не с металлоискателями.

Ей приходилось бывать на таких собраниях, и обстановка внутри VIP-зала несколько отличалась от привычной. Вместо накрытых белыми скатертями столов стояли в несколько рядов дешёвые пластиковые стулья. На небольшом возвышении в конце зала стоял длинный деревянный стол, за которым сидели трое. В центре – мужчина, одетый в дорогой бежевый костюм. На вид ему было лет пятьдесят или пятьдесят пять, точнее было сказать сложно из-за того, что человек отменно следил за собой, настолько отменно, что это бросалось в глаза. Это был генерал Адашев – бывший началь-

ник Службы Безопасности Республики. По правую руку сидел лысый мужчина лет пятидесяти в косоворотке с внушительным жестким лицом и длинной густой бородой, сквозь которую проглядывал массивный крест, – Константин Душенин. По левую руку сидел одетый в классический твидовый костюм лысый мужчина лет сорока, с короткой бородой и в массивных роговых очках. Когда он улыбался, его передние зубы чуть выпирали вперед, что делало его похожим на кролика, – Арсенюк. Словом, это были именно те, кого она вчера называла Ксении. Здесь никаких сюрпризов.

Раздался звонок, который обычно дают в театре перед началом спектакля.

Ну, что ж, шоу начинается. Девушка с трудом подавила желание облизать губы. Господи, и почему у неё вечно от волнения пересыхает во рту? Или чешется в носу. Вот, пожалуйста, накаркала. Зачесалось. А она-то собиралась сохранить невозмутимое спокойствие. Какая там невозмутимость, если она сейчас либо вытрет нос, либо оглушительно чихнет на весь зал. Позор какой.

Сидевший в центре стола Адашев постучал ручкой по граненому стакану, призывая к вниманию.

– Дорогие друзья, – начал он, – мы собрались сегодня здесь, чтобы объявить о появлении в Понтии новой политической силы.

В зале поднялся гвалт, с той его стороны, где сидели левые радикалы Душенина. От какофонии звуков у Кристины

заложило уши. Кстати, она сделала открытие: если активно озираться по сторонам, можно вполне успешно бороться со щекоткой в носу. Но тогда прощайте невозмутимость и гордая поза. Ладно, это мы переживем.

– Наше движение является оппозиционным нынешней власти, – продолжал человек в центре, – и создано для объединения всех прогрессивных людей, которые болеют душой за нашу Республику. Позвольте представить вам этих людей: Константин Душенин – лидер патриотического движения «За православный социализм». – Бородач вскинул руку и сотворил крестное знамение, которое затем превратилось в знак ротфронта. Кристина вспомнила, что и эмблема движения у Душенина была соответствующая: поднятый в полусгибе кулак с крестом посередине.

– Петр Арсенюк – председатель парламентского комитета по борьбе с коррупцией, – продолжал говорить Адашев, – и ваш покорный слуга генерал Сергей Адашев. В зале поднялся одобрительный гул. Адашев воспользовался моментом и демонстративно по-светски выпил воды, после чего продолжил:

– Мы не различаем наших сторонников ни по национальным, ни по религиозным взглядам. Мы считаем, что наше главное богатство – это интеллект и стабильность представления о европейском векторе нашей Республики, которая должна стать частью цивилизованного сообщества. Во всех наших стремлениях мы ориентируемся, прежде всего, на мо-

лодежь как на движущую силу нашей Республики. Наши патриоты, которых власть не пускает к управлению государством, ждут вашей поддержки.

На этом краткий спич был закончен, и, широко улыбувшись аудитории, генерал что-то шепнул на ухо Душенину. Очевидно, далее по программе шли индивидуальные выступления. Душенин первым взял слово.

– Братья и сестры! Бог в помощь вам! – начал он сразу с высокой ноты, снова изобразив свое феерическое приветствие. Происходящий в нашей любимой стране бардак определяется тем, что власть не хочет слушать мнение большинства народа! Сегодня в сердце нашей родины засели предатели, которые мечтают о жизни за границей и продают нашу родину западным глобалистам и капиталистам! Морок либерализма заполнил и охватил нашу страну! Попраение наших гражданских прав и свобод, творящееся беззаконие, массовое обнищание наших людей достигли невиданного уровня. Умышленно продолжается курс на уничтожение страны и её граждан. Правящий режим сегодняшней власти научился не только воровать, лгать и нагло фальсифицировать выборы, но и пытается всеми способами заткнуть нам рот, используя фашистские методы, уничтожает нас физически и лишает нас свободы. Согласно статьи 80 п. 2 Конституции Понтии Президент Республики является гарантом Конституции, прав и свобод человека и гражданина. Но по факту действующего Президента нашей страны это, по-видимому,

никак не касается. Наш Президент не только не желает замечать то, что происходит в стране, но и сама оказалась замарана в скандале, связанном со строительством так называемого «транспортного коридора». В стране процветает взяточничество, коррупционные схемы откатов скоро станут законами. И действующий парламент их одобрит. На этом фоне происходит обнищание народа. Экономика зашла в тупик, страна превращена в сырьевой придаток. Любые мирные протесты жестоко подавляются. Сегодня уже нельзя писать и говорить. А завтра нам запретят думать! Единственный выход из созданного олигархическокапиталистического тупика – это возврат нашей страны на путь социалистического развития на его новой основе, к обществу гуманизма и социальной справедливости, к обществу, где главной ценностью будет человек. Страна находится на распутье. Страна ждет перемен! С этой целью и образовано движение «Лига честности». Мы её учредители требуем: немедленно освободить всех политзаключённых! Провести досрочные президентские и парламентские выборы, допустив к участию в них всех без исключения, включая оппозиционные силы! Привести процесс выборов в состояние, когда возможность фальсификаций будет полностью исключена! Залог нашего успеха и нашей победы перед лицом смертельной для страны опасности в нашем единстве и сплочённости. В единстве со всеми, для кого Родина – это не пустой звук, со всеми, у кого есть совесть, со всеми, кому за державу обидно. Только

вместе мы сила! Да! Сегодня власть с помощью своих спецслужб и ручных ментов затыкает нам рот! И меня, и каждого из вас она может держать за горло! Но на смену вам придут другие! Придут в шинелях и на тачанках, как пришли в свое время наши деды! И тогда власть не устоит! Потому что она опирается только на штыки, но армия не пойдет за властью! Армия пойдет за нами! Безответственная власть – это оккупация! С нами Бог! Вы с нами и мы с вами! Вперед к новому социализму!

– Да-а! – раздался долгий гул с левых рядов.

Гул сопровождался стуком армейских ботинок о ни в чём не повинный паркет, очевидно, это была замена аплодисментов.

Душенин призывно погрозил невидимому врагу кулаками и сел на свое место, передав микрофон Арсенюку. Очевидно, председатель комиссии по борьбе с коррупцией будет смягчать революционные порывы Душенина. Посмотрев на представление, Кристина начала понимать, почему Левицкий отказался вступить в лигу. Она бы тоже не вступила.

– Я могу не понравиться ни некоторым представителям нашей молодежи, ни предыдущему оратору, – начал Арсенюк, – ибо являюсь убежденным сторонником конституционных преобразований в стране.

С левой стороны зала поднялся свист и хриплые крики.

Забавно, подумала Кристина, левые сидят слева. Правые справа, а я в центре, я получается, что, центристка? Вот так

походишь на политические мероприятия и поймешь свою идеологическую направленность. Девушка нервно усмехнулась.

Когда шум стих, Арсенюк продолжил:

– У нас два пути: первый – реформы и жестокое наказание для всех, кто эти годы издевался над страной. Жесткое наказание, жесткое и неотвратимое, и второй путь – продолжать жить в страхе. Я не хочу жить в страхе! И вы не хотите жить в страхе! И наша страна не хочет жить в страхе! И мы все хотим не батрачить, а ездить на «Мерседесах», и мы хотим в Европу!

При слове Европа в зале поднялся одобрителный свист. Вот только с чего?

– Европа, – продолжал Арсенюк, – Европа ждет нас! Она ждет вас! Она томится в неволе фальшивого либерализма. Она ждет нашей победы! И мы победим! И когда мы победим, мы дадим Европе новую мечту, для этого и создана лига.

Говорят они все красиво и заразительно, – подумала Кристина, надеясь, что у неё не совсем уж заскучавшее лицо, знали бы те ребята, что скрывается за этими молочными реками и кисельными берегами, то есть ладно сейчас это неважно.

– Но это не главное, – говорил тем временем Арсенюк, – главное то, что у нас с вами общие цели, и мы придем к ним плечом к плечу, – он погрозил пальцем, – не надо ссориться.

Поддержка молодежи для нашей лиги жизненно необходима. Мы работаем для вас! Для народа! Для великого народа Понтии! Бог и понтийцы вместе едины, остальным смерть!

– Смерть!

Свист сменился одобрительными возгласами и аплодисментами. Как, оказывается, мало нужно человеку, чтобы его поддерживали, подумала Кристина. Интересно, а вопрос задать можно? Или здесь только монологи?

Микрофон тем временем вновь вернулся к Адашеву.

– Как вы видите, – мягко сказал он, – разные политические взгляды не мешают нам делать одно дело. Мы предлагаем вам руку дружбы и ждем ответа от вас. Спасибо. И прежде чем завершить нашу встречу, я готов ответить на ваши вопросы, – он белозубо улыбнулся.

Кристина заметила занятное обстоятельство. Политические лозунги озвучивали Арсенюк и Душенин, а вот Адашев здесь был как бы невзначай, только представил собравшихся. Однако интересный факт, надо будет понаблюдать.

За своими мыслями Кристина упустила момент задать вопрос. Её опередила сидевшая через одно место от неё изящная брюнетка с тонкими чертами лица, короткой стрижкой и в больших очках, закрывавших её глаза.

– Во время выступлений, – сказала она, – ваши соратники говорили о жертвах патриотической деятельности, но ничего не сказали об убийстве Андрея Левицкого.

Какого?! Кристина искренне понадеялась, что не крикну-

ла на весь зал. Что это за фокусы? С чего бы здесь кому-то кроме неё спрашивать об убитом депутате? Может быть, этот вопрос заранее заготовлен? Может быть, эти ребята хотят заранее обезопасить себя? Нет, что-то не похоже. Судя по виду Адашева, он был удивлен не меньше неё самой, глаза сузились, а все время спокойное лицо его теперь выражало степень крайнего напряжения.

– А разве мы уже знаем, что Андрей Левицкий стал жертвой патриотической деятельности? – максимально спокойно произнес Адашев. – Мы такой информации не имеем.

– Допустим, – кивнула девушка, – однако вы и ваши товарищи никак не прокомментировали его убийство, а тем не менее, согласитесь, Андрей Левицкий был одним из виднейших лидеров патриотического направления в Понтии.

Адашев напрягся.

– Извините, – сказал он, – кого вы представляете? Девушка поднялась со своего места и загородила Кристине обзор, ей пришлось вытягивать шею, чтобы попытаться увидеть лицо Адашева.

– Ольга Касаткина, – представилась девушка, – газета «Голос Кранцберга». Её голос был мягок и спокоен, но отдавал какими-то нотками нервозности, как будто она пересиливала себя, отвечая Адашеву.

– И что же, уважаемая Ольга, вас конкретно интересует? – спросил Адашев.

– Нас конкретно интересует, – уточнила Ольга, – был ли

депутат Левицкий потенциальным членом вашей организации?

Адашев хотел ответить, но сидевший впереди Арсенюк его перебил.

– Безусловно, – сказал он, – Андрей ассоциировал собой все те ценности, о которых мы сегодня говорили. Он олицетворял собой европейский путь развития и европейскую мечту, нам бесконечно жаль этого мальчика.

– А как вы тогда прокомментируете тот факт, что убитый Андрей Левицкий имел конфликт с господином Тополеви-чем, который является основным спонсором вашего движения?

Этот вопрос точно не должен был входить в повестку. Ситуация становилась напряженной. Лицо Арсенюка покрылось ровной белизной, а вот Адашев, нет, само спокойствие, только в глазах блеснул недобрый огонёк. Кристина попыталась прикинуть, что ей делать в случае, если эту журналистку уведут куда-нибудь в подсобку. Заорать «стоять милиция»? Это было, по меньшей мере, глупо хотя бы потому, что она не имела к милиции отношения.

– Извините, – сказал Адашев, – но у нас опять-таки нет такой информации. Я повторю, хотя говорил это много раз, господин Тополевич не имеет к нашему движению никакого отношения, поэтому, согласитесь, глупо комментировать то, что не в твоей компетенции.

Адашев ответил, а напряжение никуда не делось. Некото-

рое время мужчина смотрел на журналистку очень нехорошим взглядом. Кристина облизала пересохшие губы, интересно, а что бы Ксюша стала делать в этой ситуации?

– Вас устраивает ответ? – после некоторого молчания спросил Адашев.

– Да, благодарю, – сказала журналистка, садясь на свое место.

Адашев закрыл папку.

– Ну, что ж, – подытожил он, – если больше вопросов нет, тогда встреча закончена.

Вопросы, наверное, были, судя по недовольному гвалту. Кто бы ни была эта девушка, но планы этим ребятам она сегодня явно спутала, а это значит, что Кристине нужно было познакомиться с этой журналисткой.

* * *

Естественно, она её не нашла! Ольга Касаткина быстро смешалась с разношерстной толпой и исчезла. Вполне вероятно, она заранее готовила себе пути отхода. Кристина вздохнула. Из неё никогда не вышел бы оперативный работник.

Проходя по фойе гостиницы, Леонова ещё раз вспоминала ситуацию. В том представлении, которое разыгрывали учредители «Лиги честности», всё укладывалось в чёткий план. Каждый отыграл свою роль. Кто надо, покричал в под-

держку, а потом вдруг эта девица со своими вопросами. Откуда вообще она нарыла эту информацию?

Она что-то говорила про газету. Да, газета «Голос Кранцберга», так, кажется. Значит, эта Ольга из Кранцберга. Опять Кранцберг. Школьница была убита таким же ударом, каким был убит Левицкий. Школьница была убита в Кранцберге, а журналистка из тамошней газеты спрашивает по Левицкого и Тополевича. Случайность? Кристина не верила в такие случайности.

– Что, не тебе достались лавры разоблачителя «Лиги»? – раздался голос.

Кристина резко развернулась и громко чертыхнулась. Возле круглой колонны стоял Мациевский, очевидно, всё время, что она была здесь, он сидел на диване.

– Фу, дурак, напугал, – обругала его девушка. На лице Мациевского выступила ухмылка.

– Я рад, – сказал он, – ну, как твое впечатление? Кристина непонимающе посмотрела на него.

– По поводу?

– По поводу журналистки? – спросил Анатоль. – Как думаешь, подстава или как?

Кристина покачала головой.

– Не думаю, – сказала она, – первый вопрос еще куда ни шло, а вот её комментарий... ты знаешь, у меня возникло ощущение, что она как будто специально пришла сюда, ради этого вопроса, ну чтобы, не знаю, подразнить их, что ли.

– Типа, как ты? – спросил Мациевский. Кристина кивнула.

– Да, что-то типа этого, – согласилась она. – Ты знаешь, у них словно было всё по плану, а вот эти вопросы в план не вписываются.

Мациевский задумчиво хмыкнул.

– Не знаю, не знаю, – пробормотал он, – Адашев был спокоен.

– Ты его тоже знаешь? – спросила Кристина с долей легкого удивления.

Мациевский кивнул.

– Ну, в баню мы с ним, естественно, не ходили, – сказал он. – Незадолго до «Торга» мы расследовали дело об убийстве бизнесмена Сосновского. Молодой человек, успешный, жениться собирался и вдруг бамс и труп, но вот что странно – ему тоже перерезали горло, только вот локализацию раны сейчас не вспомню, и Адашев свидетелем проходил по этому делу.

Кристина посмотрела на оперативника остолбеневшим взглядом.

– Что ж ты вчера-то не сказал!? Мациевский фыркнул.

– Да я ж фамилию его тогда не знал, – сказал он, – я только в лицо его видел, когда допрашивали.

Кристина сделала скептическую гримасу.

– А материалы с того дела остались? Мациевский покачал головой.

– Не-а, – вздохнул оперативник, – мы только вникать стали, как пришли чекисты и нас отодвинули от этого дела, а тут как раз «Торг» и материалы дела сгорели в пламени революции. Якобы шпана коктейль Молотова кинула.

Кристина закусила губу.

– Ясно, – пробормотала она, – кто-то заметал следы. Мне бы хотелось подробнее познакомиться с господином Адашевым, а кто его допрашивал?

– Так, начальник тогдашний мой, Раевский.

Как тесен мир, однако, подумала Кристина.

* * *

По великому счастью, этот день никак не напоминал предыдущий, только остатки полицейских лент, которые поспешно убрали две горничные, одетые в форменные передники, свидетельствовали о вчерашнем происшествии. Анастасия хотела выкинуть всё из головы, забыть, как страшный сон, но в её голову постоянно лезли какието тяжелые и страшные мысли. Мысли о нём, о том, кто это сделал с девушкой, о том, кто это делал с девушкой здесь, в её пансионате, возможно, даже забрался сюда, отключив сигнализацию, и убивал её. Возможно, так и было. Возможно даже, что в этой самой комнате, где сама она сейчас стоит. Разумом Анастасия понимала, что это всё чушь, что никто не мог бы отключить сигнализацию, и, наверное, просто так всё совпа-

ло, но эти тяжелые мысли гирями давили на неё, заставляя вспоминать то, что однажды она такое уже переживала. Она очень хотела это забыть, а кто-то раскопал, а возможно, и не забыл.

Надо взять себя в руки, сказала себе Анастасия, ты дочь своего отца и не имеешь права нервничать перед своими подчиненными. Она чувствовала, что нервозность и опустошенность, которые нахлынули на неё, постепенно перекинулись на её сотрудников, у которых итак уже по самое горло сидела вся эта международная вежливость. Только Александра, сидевшая на террасе во время совещания, которое Анастасия проводила во внутреннем помещении ресторана, строила ей гримасы, всячески пытаясь поднять подруге настроение.

– ...И я хочу подчеркнуть, что все требования, которые были разработаны службой безопасности, должны быть соблюдены неукоснительно, согласно принятым общемировым правилам.

Ей хотелось сейчас зажать уши, закрыть глаза и убежать. Самое главное, что она никак не могла понять причину такого стресса, неужели на неё так повлиял этот дневник? Неужели эти события оставили такую рану в её душе?

– Анастасия Николаевна? – раздался где-то далеко голос.

Анастасия вздрогнула. Она вдруг поняла, что сидит в полуоцепеневшем состоянии, а её сотрудники взволнованно смотрят на неё.

– Вам нехорошо? – спросила одна из официанток. – Может быть, воды?

Анастасия покачала головой.

– Нет, спасибо, Лена, – сказала она, – не надо, я просто думаю над вашими словами.

Официантка Лена удивленно посмотрела на неё.

– Но я ничего не говорила, – чуть испуганно сказала девушка.

Анастасия нервно сглотнула. Ну я и сморозила сейчас, подумала она. Всё, теперь они будут говорить, что у меня галлюцинации. Этого ещё не хватало.

– Простите, – только и смогла сказать девушка, – напоминаю вам, что во время проведения саммита наш пансионат закрыт для посторонних, все вопросы с проходом журналистов решаются только через службу безопасности.

Кто-то кашлянул.

– Просите Анастасия Николаевна, – это говорил охранник с лодочной станции, – вы уже шестой раз это говорите.

– Да хоть сто шестой! – закричала Анастасия. – Наверное, и этого мало, если вы не понимаете!

Это был явный перебор. Она никогда и голоса не повысила на кого-то из персонала. Она всегда считала, что не имеет на это права, и отец всегда предостерегал её от этого.

– Простите, – ещё раз извинилась Анастасия, – тогда на этом совещание закрыто, возвращайтесь к своим обязанностям.

Ни на кого не глядя, она быстрым шагом пошла в сторону номеров на первом этаже, буквально влетела в крайнюю же дверь и рухнула на кровать, давясь слезами.

Неслышно подошла Шурочка и положила руку ей на плечо.

– Что с тобой?

Анастасия заплаканными глазами посмотрела на подругу.

– Я не знаю, – сказала она, – просто, просто, всё возвращается, как было тогда. Смятение и страх. Я боюсь. Боюсь, что всё повторится.

Шурочка покачала головой.

– Ты просто устала, – сказала она, – ты себя совершенно не бережешь и...

– Мне приснился сон, – перебила её Анастасия, по всему её виду казалось, что она не слушала, что говорит подруга. – В этом сне была та девушка. Она просила у меня сигареты. Я ей дала, а потом стала душить её. Я не понимаю зачем, но что, если это не было сном, что, если это я её убила? Убила и спрятала здесь. Кто кроме меня мог это сделать?

Анастасия резко поднялась на кровати и уставилась в открытое окно не мигая.

– Но ведь той девушке перерезали горло, – осторожно сказала Шурочка.

Анастасия вздрогнула и обернулась. С ней произошла ещё одна метаморфоза, теперь она была абсолютно спокойна, а

взгляд был ясен.

– Что ты здесь делаешь? – удивленно спросила она.

– Я уже минуты три здесь, – сообщила Шурочка, – ты просто увлеклась рассказом.

– Рассказом? – пробормотала Анастасия, словно бы пробудилась от сна. – Ах да, – она нервно улыбнулась, – да брось, действительно, мало ли что присниться может? Правда?

Шурочка взволнованно кивнула.

– Не беспокойся, – добавила Анастасия, – я в порядке, и забудь, что я говорила. – Она вновь вздрогнула. – Шурочка, я боюсь. Я... мне кажется, что всё это направлено против меня. Я не знаю, как. Я не знала эту девушку, я не понимаю, почему убийца подбросил труп в пансионат, не знаю, откуда эти листы из дневника, но против меня, я уверена, и я должна разобраться в этом.

Шурочка скептически посмотрела на подругу.

– Ну и разбирайся, – сказала она, – кто против, только давай без фанатизма, – она потрясла ключами, – слушай, мы едем или нет?

* * *

Кристина Легонова не сказала Ксении всей правды. Она знала, что убитый Левицкий был связан с проектом Северо-европейского транспортного коридора. Незадолго до своей смерти именно Левицкий обратился к ней за подготовкой

презентации интеграционного проекта, и непосредственно Кристина отвечала за представление его преимуществ по сравнению с «турецким конкурентом». Кристина подготовила проект и в очень короткий срок, совершенно поразив на предварительных консультациях специалистов из Еврокомиссии выявленной связью Североевропейского транспортного коридора с реализацией целей устойчивого развития в контексте общеевропейской безопасности. Доклад Кристины в целом повторял её научные работы, которые она время от времени писала для многих журналов соответствующей тематики. Её авторитет в этих вопросах только подогревал преимущества проекта. И вот теперь, когда наступила фактически завершающая стадия и были назначены переговоры в Кранцберге, Левицкого убивают, а с ней в тот же день связались из МИДа Великоруссии и недвусмысленно попросили продолжить работу над проектом транспортного коридора, уже для финальных переговоров.

Кристина была не из тех, кто отказывается от выгодной работы, но она не любила, когда вокруг неё происходили события, смысла которых она не понимала. Особенно, когда события были опасные. Кристина считала, что она не сможет завершить работу над проектом, если не поймет: имеет ли убийство Левицкого отношение к Североевропейскому транспортному коридору. Именно поэтому она так легко согласилась на предложение Ксении. Так она всегда будет близко к расследованию, тем более что эта близость обеспе-

чивала ей некоторую свободу действий. Кристина Левонова привыкла пользоваться преимуществами.

Раевский, похожий на нахохлившегося барсука, встретил её с очень озадаченным лицом.

– Капитан Мациевский позвонил и сказал, что вам нужна какая-то информация, Кристина Сергеевна? – спросил он. – Помня наше давнее знакомство, я с удовольствием помогу, чем смогу.

Кристина кивнула.

– Ксения привлекла меня в качестве консультанта в сфере последних событий, – прямо сказала девушка, – и у меня, собственно говоря, один вопрос: что вы найдете уместным сказать по поводу убийства бизнесмена Сосновского, вы же вели это дело?

Раевский хмыкнул.

– Только на ранней стадии, – сказал он, – в дальнейшем нас от дела отстранила служба безопасности, вас что-то интересует по этому делу?

Кристина кивнула.

– Меня интересует Сергей Александрович Адашев, – сказала она, – он действительно проходил по делу свидетелем?

– Проходил, – подтвердил Раевский, – само дело в общем типичный «висяк», могу только сказать, что убийца был очень профессионален и не оставил никаких следов.

– Сосновскому действительно перерезали горло? – спросила Левонова.

Раевский улыбнулся.

– Я понимаю, к чему вы клоните, – сказал он, – да, ему перерезали горло, но сказать определенно, что это был тот же удар, что и в случае с Левицким и девочкой, я не могу. Дело, как я говорил, практически сразу забрали в СБР, и все экспертизы проводили они, а потом, как вы, наверное, знаете, материалы сгорели.

Кристина поджала губы. Другого ответа она и не ждала.

– А Адашев? – спросила она. – Что есть о нём такого, чего я не знаю?

– А что Адашев? – риторически спросил Раевский. – Если кратко, то Адашев – генерал-лейтенант службы безопасности, в отставке. Начинал ещё в КГБ в пятом управлении, так сказать, защищал советскую власть от разложившихся элементов и агентов запада. А вот потом, уж не знаю за какие заслуги, его перевели в Первое главное управление КГБ – внешнюю разведку. Находился в тени до 1991 года. Во время августовских событий активно поддерживал ГКЧП, состоял в штабе нашего тогдашнего министра обороны.

– И что, никаких санкций против него не было? – поинтересовалась Кристина. – Люстрация, всякое такое?

Раевский покачал головой.

– Нет, никаких, – сказал он, – больше того, уже после обретения Понтиёй независимости его назначили начальником управления контрразведки в структуре новообразованной Службы безопасности Республики. Два года он находит-

ся в этой должности, а в 1994-м уходит на дипломатическую службу в США, что он там делал, не знаю, но вернулся он оттуда борцом с режимом, коррупцией и советской оккупацией. Так что делайте выводы.

– А шефом Службы безопасности он стал после «Торга»?
Раевский кивнул.

– Да, – сказал он, – Адашев был одним из активных её участников, и ему доверили, как говорится, должность по профилю, но когда власть сменилась, то его вежливо попросили освободить место.

Кристина изобразила на лице задумчивую гримасу.

– А с Тополевичем они пересекались?

– Не знаю, – сказал Раевский, – по крайней мере, здесь они не пересекались точно, возможно, встречались за границей, ведь именно Тополевич придумывает разные теории свержения власти, а у вас на него что-то есть?

Леванова пожала плечами.

– Ничего особенного, – сказала она, – просто разные предположения, уж слишком похожие убийства... а никого не осталось из сотрудников, которые работали по делу?

Раевский улыбнулся, он как будто ждал этого вопроса.

– Нет, – сказал он, открывая ящик стола, из которого достал тонкую визитку, – но один контакт я вам дам. Здесь телефон Николая Добровольского – он начальник охранного агентства «Стрела»...

– И был начальником охраны Сосновского, – догадалась

Кристина.

Раевский кивнул.

– Да, – попробуйте его разговорить, он много знает, я не могу поручиться, что он вам что-то расскажет, но шанс есть шанс. Скажите, что от меня, я предупрежу.

– Благодарю, – вежливо поклонилась Кристина. И так, предположительно имелся ещё один труп с похожим способом убийства. Адашев фигурировал в обоих делах, однако если его заинтересованность в убийстве Левицкого и Сосновского понять было несложно, то какой смысл ему заказывать похищение и убийство молоденькой школьницы? Убийство девочки никак не укладывалось в устранение политических конкурентов, а должно было. Её настораживала, а вернее, смущает некоторая... театральность происходящего. Обычно, когда кому-то надо чего-то добиться, то всё делается тихо, не привлекая внимания, а здесь всё было напоказ и Кристина ни на минуту не сомневалась, что это было случайно. Эта журналистка заинтересовала её. Что-то в ней таилось странное, как и во всей истории. Касаткину не только пустили на конференцию, но и дали ей задать вопрос и даже на него ответили. Касаткину пришла с конкретной целью привлечь к себе внимание, и, если эти ребята действительно замешаны в убийстве Левицкого, это верное самоубийство. Чтобы там ни оказалось на самом деле, но ей очень хотелось познакомиться с госпожой Касаткиной, а значит, она тоже поедет в Кранцберг.

Лениво клонясь к закату, солнце ещё одаривало жителей Кранцберга своими лучами. Покончив с изнурительной работой, Анастасия и Шурочка уже морально отдыхали в предвкушении выходных. Погода обещала быть настолько хорошей, насколько позволяла осень, а планы на выходные были столь грандиозными (Александр пригласил их загород, в скит-клуб), что подруги отринули неприятности и предавались мечтам. Правда, одно дело всё-таки ещё осталось. Машину необходимо было забрать со штрафстоянки. Если честь по чести, то Анастасия делать этого особенно не хотела. Она с неохотой представляла, как ей сейчас придется выслушивать нравоучения дорожных инспекторов по поводу того, что её машина всю ночь мешала прохожим и транспорту, хотя это была неправда, Анастасия четко помнила, что оставила машину в положенном месте, на котором нахождение автомобиля никак не ограничивалось временными рамками. Но девушка была уже такой уставшей, что решила ничего не доказывать, а просто заплатить положенный штраф и уехать.

Добравшись до адреса, по которому находилась штрафстоянка, Анастасия, однако, поняла, что странности не закончились. По тому адресу, на который они приехали, никакой штрафстоянки, а вполне обычная парковка.

Выражая явное недоумение, Шурочка, пожав плечами, плавно въехала во двор и запарковала машину напротив ворот.

Выйдя из машины, подруги направились к окну контролёра. По другую сторону окна сидел парень лет девятнадцати. Он вежливо выслушал Анастасию и сказал, что эта автостоянка для обычных автомобилей и уж никак не для эвакуированных. Анастасия, переставая что-либо понимать, назвала номер автомобиля. Парень постучал по клавишам компьютера и радостно объявил, что действительно, белый «мини» был поставлен сегодня в три часа утра, на десятое место, и простоял там весь день. На закономерный вопрос Анастасии, а кто, собственно, поставил её машину сюда, парень ответил, что не знает, так как он вчера не видел владельца и обнаружил автомобиль только под утро, когда проводил дежурный обход стоянки. Но он предполагает, что раз девушка называет себя хозяйкой автомобиля, а судя по документам это так, то, вероятно, сама хозяйка и поставила.

Вконец запутавшись, Анастасия расплатилась за постой машины и вместе с Александрой они пошли разыскивать автомобиль.

К необъятной радости девушки, её «мини» стояла там, где указал контролер. Анастасия достала ключ и проверила, стоит ли машина на сигнализации, «мини» радостно улюлюкнула и подмигнула фарами. Действительно, машина стояла на сигнализации.

Странно, подумала Анастасия, она ещё могла представить, что кто-то угнал машину и поставил её сюда, хотя не понимала зачем. Но как угонщик снял её с сигнализации? Ведь ключ-то был всегда при ней, а даже если допустить, что угонщику удалось каким-то невероятным образом отключить сигнализацию, то как ему удалось включить сигнализацию обратно? Подойдя к автомобилю, Анастасия открыла дверь. В салоне стоял ужасный запах, как будто здесь перевозили что-то тухлое. На водительском сиденье лежал целлофановый пакет, в котором обнаружили молоток, веревка, а ещё... Анастасия неприязненно отпрянула. Из пакета выпал белый конверт, точь-в-точь как предыдущий.

Шурочка резким движением схватила конверт, чтобы он не достался подруге.

– Давай лучше я прочту, – сказала она, – а то потом тебя точно придется везти к психиатру.

Шурочка, осторожно вскрыв конверт, вынула несколько листов и стала читать...

«Dorogoj dnevnik, mozhno ya budu tebya nazyvat', tak zhe, kak i moya podrugа, tvoya hozyajka? Nadeyus', ona ne slishkom obiditsya, chto ya napishu neskol'ko strok tut. Segodnya v moj pervyj voskresnyj vecher v Shvejarii, v kachestve studentochki-yuristochki, my pokidaem dom misterа Chiluelла. Voditel' dolzhen razvesti nas po domam. Aleksandr uekhal segodnya noch'yu na elektrichke. On skazal, chto s utra emu nado byt' v Zheneve. Dumayu, eto ne svyazanno s pyatnichnym sporom s misterom Chiluellom,

tak kak na sleduyushchee, subbotnee utro, ona byla uzhe zabyta. Mister Chiluell skazal, chto nekotorye iz suzhdenij Aleksandra ochen' vernye i posle zavtraka lyubezno priglasil ego v svoj kabinet. Ya ne znayu, chto mezhdumimi proizoshlo, no vernulis'oni iz kabineta luchshimi druz'yami. Naverno, eto cherta muzhskoj psihologii, hotya ya ne razbirayus'. Vsyu subbotu my s misterom Chiluellom i Tomom byli na nastoyashchej anglijskoj ohote. Chuvstvovala sebya, kak geroinya «Sagi o Forsajtah», nado budettol'kopodumat'kakaya. Ohota byla prelestnoj. Ya ne pervyj raz strelyayu iz ruzh'ya, i ot goda k godu moe masterstvo uluchshaetsya, po krajnej mere, Tom skazal, chto ya strelyayu, kak professional. Nadeyus' ne potomu, chto ya v subbotu emu priglyanulas'.Hotya nado s nim budet poznakomit'sya poblizhe, tem bolee chto Nastya ne budet vozrazhat'. Ona,kak skazala Sveta Rusakova, krutit sejchas roman s Verhovskim. Interesno, kogda eto oni uspeli? Ya ne mogla okrutit' etogo parnya za tri goda obshcheniya, a Nastya, esli verit' Svete, za odin vecher. A mozhet eto prosto vnezapnyj poryv podderzhki i sostradaniya? Ne znayu. V voskresen'e utrom byl proshchal'nyj zavtrak, ya vpervye uvidela mladshih brat'ev Toma, takie zabavnye, kak dva homyachka. Za zavtrakom uzhe ne bylo nikakih sklok. My sobralis', I sev v mashinu, uekhali. Tom vzyal u menya telefon, nu nado zhe, kak vse bystro proiskhodit, a ya ved' eshchyo nichego ne sdelala i dazhe povoda ne davala. Nastya, pomnitsya, menya preduprezhdala naschet ego strasti k devushkam, no ya kak-to ne vosprinyala eyo slova v ser'ez. Nado byt' ostorozhnee. Nu, chtozhe, kak

govorit'sya, moya ostanovka. Nastye privet».

Шурочка отложила тетрадь и воззрилась на подругу, так, как обычно смотрели на людей, стремясь получить ответ на непонятный вопрос.

– Что смотришь? – спросила Анастасия. – Убедилась? Шурочка была бы рада убедиться, только не знала, в чём именно ей убеждаться. Если кто-то хочет скомпрометировать Анастасию, то почему он подбросил ту часть дневника, где писала Саша, может быть, хотят скомпрометировать их обеих, тогда почему этот таинственный некто подбрасывает только самое начало дневника? Шурочка прекрасно помнила, что в остальных «главах» подробности их совместной жизни в Женеве более пикантные и, так сказать, обвинительные. Да и зачем подбрасывать страницы из дневника им, когда куда как лучше подбросить их, скажем, на телевидение или в газету. Учитывая появившегося убийцу и то, что произошло в пансионате, на карьере Анастасии можно будет поставить крест, если это, конечно, является целью этого некто. Или нет?

Странная штука жизнь, однако.

КОНЕЦ ВТОРОЙ ГЛАВЫ

Глава III. Знамения

*А я – то всегда был уверен, что дети – это просто сказочные чудовища – заметил единорог.
Льюис Кэрролл*

Среда 17 октября

ДАЙ! – раздался крик, и через секунду желто-синяя пластиковая тарелка улетела в неизвестном направлении, а ещё через секунду она превратилась в пыль после попадания в неё дроби.

Скит был одним из немногих спортивных увлечений состоятельных людей, которое нравилось Александру Верховскому, прежде всего за то, что в этом виде спорта он был предоставлен сам себе. Ему не надо было отвечать на вопросы журналистов постоянно касающихся его будущих планов, о которых Александр ещё ничего не знал. Ему не надо было обсуждать и спорить с кем-либо и о чём-либо. Здесь ему было необходимо только ружьё и меткий взгляд. Скит для Александра был ещё возможностью выпустить свою энергию, поглощаемую мониторами своих компьютеров и нудной бумажной работой. Отправляя дробь за дробью в небо, и превращая в ничто тарелочку за тарелочкой, Александр ка-

зался машиной, так быстро и четко реагировал он на появление целей, которые выбрасывал ему метательный аппарат.

Анастасия Урусова тоже любила скит, он помогал ей развеяться после рабочей недели. Ходить по светским вечерам она не любила, тем более что сейчас ей совершенно не хотелось видеть псевдосочувствующие взгляды окружающих, за которыми ясно просматривались злорадство и удовольствие от того, что с ней случилось. А за выбиванием тарелочек можно было вполне забыть обо всех несчастьях и проблемах и оставить их на потом. К скиту их обоих приучила Шурочка, которая с детства привыкла к летним поездкам на охоту и ружье держала, наверное, лет с семи, благодаря чему ещё до поступления в университет она профессионально занималась стрельбой и как-то раз, ещё в Швейцарии, зазвала Александра и Анастасию с собой в клуб, ну и пошло-поехало. Из их «Женевской четверки», как, подражая битлам, называли себя друзья, только Света Русакова не ходила в скит-клуб, так как с детства противилась любому оружию, пусть даже спортивному.

Сегодня развеяться никак не получалось. Скорее всего потому, что проблемы, которые коснулись Анастасии, касались и её близких друзей. Даже такое крохотное воспоминание о Женеве вызвало в памяти всю цепь произошедших с ними тогда событий. Плюс ещё добавилось беспокойство. Если этот таинственный «почтальон» прислал не только страницу, написанную от её имени, но и от имени Саши,

то он может прислать и остальные «части» дневника. Вот уж о чём, а об этом она точно не хотела разговаривать с Александром, но если ей пришлют «продолжение», это и его коснется. Он должен был знать.

Женева, восемь лет назад

Прошла неделя с той памятной поездки к Чилуэллам. Деревья украсились желтой и красной листвой, и уже кое-где стал подувать северный ветер – предвестник скорых холодов. Девушки сидели на занятиях по французскому. Анастасия отвлеченно слушала, как педагог объясняет грамматическое правило. Голову сейчас, правда, занимало другое. Её мысли постоянно возвращались к тому, что произошло между ней и Александром во время поездки к Чилуэллам. К тому, как она, зачарованная его смелостью в отстаивании своей позиции, позволила себе явно лишнее в отношениях с малознакомым молодым человеком, а точнее сказать, совсем незнакомым. Больше всего на свете ей хотелось все прояснить, дать понять, что между ними нет и не может быть... ну, хотя бы недоговоренностей. Бесспорно, Александр был красавцем, и даже его манера изъясняться имела свою прелесть. Ей понравилось, как он стойко держался тогда вечером. Из уст Александра любая его идея начинала казаться привлекательной. За ним было вообще тепло и комфортно. В этом таилось какое-то дьявольское наваждение, от которо-

го она никак не могла избавиться. Нет, она не могла отрицать, что он ей симпатичен, но временами от Александра веяло авантюризмом. Она заметила, что в любой ситуации он всегда пытается пробивать свой путь, не считаясь с мнением окружающих, и вот это в нём... нет, не отталкивало. Пугало. А ещё её бесило, что подруги вместо того, чтобы подсказать, как действовать дальше, просто из кожи вон лезли, чтобы Анастасия потеряла равновесие.

– Где вы витаете, Анастасия? – осведомилась педагог. – Я вас, кажется, просила озвучить правило образования *passé composé*.

Анастасия промычала что-то не совсем понятно. Педагог усмехнулась.

– По-моему вы думаете о чём-то далеком от французской грамматики, – заметила она.

Вверх метнулась рука одной из учениц.

– Прошу, Наталья, – педагог перевела взгляд на другую девушку.

– *Passé composé* образуется при помощи вспомогательного глагола *avoir* или *être* в настоящем времени и *participe passe*, – отчеканила девушка.

– Совершенно верно, – сказала педагог, записывайте, а вы, Анастасия, перестаньте витать в облаках.

Анастасия тихо выругалась и, открыв тетрадь, стала злобно чиркать в ней ручкой.

– Почему ты ничего не говоришь нам о том, что произо-

шло между тобой и Александром? – любопытствовала сидящая рядом Шурочка, – нам-то могла сказать.

В её голосе даже чувствовалась какая-то обида.

– О чем тут говорить? – вспыхнула Анастасия, усиленно пытаясь не обратить на себя внимания педагога. – Обычный поцелуй.

– Обычный? – Шурочка засмеялась, достаточно громко, чтобы Анастасия поняла реакцию, и достаточно тихо, чтобы не услышал педагог. – Обычный?! Ты вообще-то заметила, как он на тебя смотрит? Или в голове сплошная учеба?

– Саша! Прекрати!

– Парень в тебя влюблен по уши, – продолжала подруга. – Скажешь, что ты у нас такая маленькая и глупенькая, что даже не заметила?

– Я не маленькая и не глупенькая, Саша, – холодно отрезала Анастасия. – Мы с Александром – друзья. Наши отношения – чисто дружеские.

– Ой, не могу!!! – в восторге зашлась Шурочка. – Ты ещё скажи – товарищеские! Наверное, я с ним целовалась у озера!

– Света, скажи ей, чтобы она замолчала!

Светлана, сидевшая по правую руку от Шурочки, не обращала внимания на подруг и старательно выполняла упражнение.

– Хорошо, хорошо, допустим, что ты слепая и не видишь ничего, – продолжала рассуждать Шурочка, – но если ты хо-

чешь знать мое мнение, то ты просто трусиха.

– Хватит! – зашипела Анастасия, топнув ногой. Шурочка засмеялась ещё громче, чем всё-таки заставила обратить на себя внимание педагога.

– Ваша личная жизнь, безусловно, интересна, – услышала она за спиной голос педагога, – однако сосредоточьтесь на упражнении, будьте любезны.

Анастасия посмотрела на подругу уничтожающим взглядом.

До конца пары они прекратили разговор. Она решила использовать паузу для подготовки аргументов.

– Мы просто переживаем за тебя, – заботливо и мягко произнесла Светлана, так, как если бы она говорила с неразумным ребенком.

Сейчас они шли от кабинета французского языка по направлению к столовой.

– И ты туда же! – воскликнула Анастасия. – Я думала ты, как человек более взвешенный, скажешь что-то путное, вместо этого ты поддерживаешь ее. – Анастасия гневно посмотрела на Сашу.

Девушки вошли в столовую и сели за один из круглых столиков.

– Почему ты говоришь всякие гнусности про меня и Александра? – спросила она надменно.

– Почему гнусности? – удивилась Саша.

– Ладно, не гнусности. Вздор.

– Почему вздор?

– Хорошо. Всякие вещи.

– Потому что они очевидны, – хмыкнула Шурочка. – Сейчас ты и сама не отрицаешь.

Анастасия со вздохом откинулась на спинку кресла. Большого Шурочке и не надо было. Наверное, нужно обидеться, решила Анастасия.

– Ты так носишься со своей актерской мечтой, что не обращаешь внимания на желания, – Шурочка лукаво подмигнула ей. – Даже когда дело касается Александра. Даже когда речь идет о твоих чувствах к нему.

– Ты ничего не знаешь о моих чувствах!

– Может быть, потому что их нет? – парировала Шурочка. – Ты тоже понятия не имеешь о чувствах. Ты боишься даже подумать о них. Учиться на отлично и быть чьей-то подругой – вещи вполне совместимые, знаешь ли.

– Ты боишься, – откровенно заметила Шурочка. Удивленная Анастасия подняла голову.

– Чего ты боишься, подруга? – спросила Шурочка. – Чувств Александра или собственных чувств?

Шурочка взяла Анастасию за подбородок, так что теперь подруги смотрели друг другу в глаза.

– Я не знаю, что ты чувствуешь, – сказала Шурочка. – Тут ты права. Но подозреваю, что для тебя эти чувства в новинку. Что-то страшное и неизведанное.

Анастасия молчала, потому что спорить было нечестно.

* * *

Она встряхнула головой. Куда её опять понесло. Это бы-

ло всё в прошлом и уже никогда не вернется. Хотя может быть, она и хотела, чтобы и вернулось, и пошло все по-другому. Но нет. По-другому пойти не может, все уже случилось, и она хочет забыть это, как кошмар. Господи, что же со мной происходит, – подумала Анастасия, – ведь такого раньше никогда не было. Почему всё навалилось сразу – и это убийство, и эти письма из прошлого. Она никому, естественно, в этом не признавалась, но отчетливо понимала, что письма шлет кто-то из очень близких ей людей. Ведь о том, что тогда произошло, мало кто знал. Нет, знали, конечно. Но не знали о её участии. Девушка скосила осторожный взгляд на стоящих через трап Александра и Шурочку. Они весело разговаривали и смеялись. Очевидно, Александр травил Саше очередную политическую байку, он был мастак на такие истории. Кто бы только послушал. Их каждый совместный вечер в Женеве начинался с того, что Александр усаживал трех подруг перед собой в столовой и начинал декламировать анекдоты про политиков, новости с довольно забавными комментариями, какие он только мог придумать.

Господи. Неужели кто-то из них? За прошедшие два дня Анастасии иногда стало казаться, что она просто сходит с ума. Ещё позавчера утром, даже когда увидела труп девушки, она бы в жизни не подумала, что кто-то из её близких людей способен на предательство. Господи, да ведь это в голову просто не лезет. Детективы интересно смотреть со стороны. В реальной же жизни...

– Хорошо отстрелялась, – сказал Александр, убирая винтовку в кейс. Они втроем шли вдоль трапов к небольшой хижине, возле которой всегда стояло два или три столика под тентами, чтобы уставшие стрелки могли выпить чего-нибудь прохладительного. Друзья выбрали себе место поближе к уже зеленеющим деревьям и подальше от солнца, которое в этот час особенно пекло, и после потраченной энергии от стрельбы им совершенно не хотелось жариться. Хотя мысли Анастасии занимала и вовсе не погода и не стрельба. Она всё хотела рассказать Александру про дневник, но на трапе особенно не поговоришь, а сейчас как раз можно. Друзья заказали себе по стакану свежавыжатого апельсинового сока, и Анастасия, кивнув Шурочке, начала.

– Саша, – сказала она, как можно более спокойным голосом, – у нас есть к тебе разговор.

Откинувшийся на спинку пластикового стула Александр отвлекся от созерцания стрельбы других членов клуба и, развернувшись вполоборота, внимательно посмотрел на подруг.

– Как говорят англичане, я весь уши, – сказал он. Александр вообще любил выражаться вычурно и фигурально. Анастасия это относила к проявлению его разностороннего образования, обычно даже уже во взрослом возрасте, не говоря уже об университете, она не упускала возможности подшутить над тем, что Александр выражается и ведет себя совсем не как технарь, коим он себя мнит, но сейчас настроения для этого не было никакого.

– Речь пойдет не об Англии, – сказала Анастасия – а о Швейцарии, точнее, о том времени, когда мы там учились.

Услышав про учебу в Швейцарии, Александр напрягся. Он, как и две сидящие напротив него девушки, прекрасно помнил, чем закончилась их совместная учеба. Правда, для него был памятен ещё и тот разговор, который случился между ним и Анастасией, незадолго до тех событий, которые они втроем (а если честь по чести, то вчетвером, потому что Света тоже знала об этих событиях) вот уже семь лет старались не вспоминать.

– И, я так понимаю, этот разговор касается тех событий, которые случились под Рождество? – спросил Александр.

– Да, – сухо сказала Анастасия, – я перейду сразу к делу. Когда я вернулась домой, после ужина с тобой, я обнаружила на комодке конверт. В конверте лежали листы из моего электронного дневника.

– Того, что ты вела во время учебы, – уточнил Александр. Девушка кивнула.

– Там слово в слово было описано то, что я писала во время первой недели в Женеве. Про наше знакомство, про то, как мы собирались к Чилуэллам. Я, конечно, взволновалась, но не более того, а вчера произошло вообще странное. Мне позвонили из полиции и сказали, что мою машину отогнали на штрафстоянку, ну ты помнишь, что после ужина я поехала на электричке. Так вот когда мы прибыли на стоянку, это оказалась вполне обычная стоянка, и контролер сказал, что

мою машину я же пригнала в ночь. Мы открыли автомобиль и там обнаружили вот это. – Она достала тот самый целлофановый пакет, который обнаружила вчера вечером. И там была ещё одна часть дневника, но уже от Сашиного имени.

– М-да, – задумчиво сказал Александр, вертя в руках молоток, – все это действительно странно. Кому вдруг понадобилось вспоминать события восьмилетней давности, да ещё таким способом? – Он посмотрел на Анастасию.

– Я не знаю, – честно ответила Анастасия, – я боюсь, что посылки будут продолжаться...

– Как в сказке, – усмехнулся Александр, – чем дальше, тем страшнее.

– Что-то типа того, – сказала Анастасия, – но не только. Эти посылки могут...

– Попасть в руки журналистов, – снова закончил её мысль Александр. Он любил так делать, обладая незаурядной логикой, и очень часто мог прочитать фразу практически любого собеседника. – А ещё ты боишься, что эти посылки отправляет кто-то из нас, правильно, – он улыбнулся белозубой улыбкой, – я прав?

– Из кого из нас? – спросила молчавшая до этого времени Шурочка. – Из нас троих?

– Ну почему из троих, – сказал Александр, – ещё есть Света, она тоже принимала участие в этих событиях, причем непосредственное.

О Свете Анастасия честно говоря, не думала, хотя созва-

нивалась с ней на прошлой неделе. Светлана единственная, кто после всех событий осталась в Женеве и окончила учебу там. Да и вообще, сделала неплохую карьеру, став известным адвокатом. Анастасия ей даже чуть завидовала. Господи, что же это все значит?

– Но, как ты думаешь, – спросила Шурочка, – зачем это нужно?

– Ну, если вы хотите банальный ответ, – сказал Александр, – то возможно, кто-то хочет навредить Анастасии в бизнесе, кстати, тогда, скорее всего, этот человек и стоит за тем, что труп подбросили в пансионат. Но при этом этот некто ничего никому не посылает. Почему?

– Ну и почему же? – спросила Шурочка. Александр допил сок и поставил стакан на стол.

– Он хочет, чтобы Анастасия искала отгадку его действий, – сказал Александр, – хочет, чтобы она нервничала, сомневалась.

– И что же мне делать? – спросила Анастасия. Александр наклонился вперед, так, что некоторое время они смотрели друг другу в глаза.

– Самое лучшее ничего не делать, – сказал он, – Ждать.

– Ждать! – воскликнула Анастасия. – Такого совета я от тебя не ожидала.

Александр усмехнулся.

– Если ты будешь продолжать искать, то рано или поздно запутаешься, а как только запутаешься, то просто сойдешь с

ума и всё равно ничего не найдешь.

Анастасия фыркнула. Интересно он говорит, подумала де-вушка, как будто его это и не касается вовсе. Быстро же, од-нако, мужчины все забывают. Нет, она должна узнать прав-ду, должна. Что бы ни случилось потом. Она должна!

* * *

Главное управление уголовного розыска города Кранц-берг занимало последний, верхний этаж красивого палевого цвета здания в южной оконечности города, немного не до-ходя до набережной. Ксения припарковала свой автомобиль возле управления и вышла из «Ауди», вдыхая свежий мор-ской воздух, который сразу окутал с головы до ног. Её лу-чистые глаза, как всегда, рентгеном собирали информацию. Город жил своей жизнью, даже несмотря на адскую жару. Ту-ристы спешили насладиться последними солнечными днями и увидеть как можно больше достопримечательностей за тот короткий период, что находились здесь. Офисные работни-ки, которых можно было легко узнать по однообразным де-ловым костюмам, спешили на работу. Всё было как обычно и не выдавало какого-либо страха или паники, а ведь один из тех сотен людей, которых она видела сейчас, мог быть тем самым убийцей, которого они ищут. Преступник – это обыч-ный человек, эту истину она усвоила давно. Он не прилетает с Марса или Венеры. У него нет каких-то особых отличий.

Мы можем видеть его каждый день на улице, пожимать ему руку, пить кофе по утрам, даже влюбиться, но так никогда и не узнать, что он убийца или насильник, грабитель или сутенёр. Нет, преступники всегда носят маску порядочности. Её работа срывать эти маски.

Внутри здания было тихо и спокойно. Здесь в отличие от здания в Борисфене не сновали туда-сюда следователи, оперативники, эксперты и ещё бог знает кто. Ничего такого. Размеренное течение жизни.

– Что-то не особо нас встречают? – прокомментировал Мациевский.

Ксения хмыкнула.

– А ты чего хотел, – осведомилась она, – чтобы тебе к автомобилю ковровую дорожку положили?

Анатолий осклабился.

– Зачем мне? – язвительно сказал оперативник. – Ты же у нас гений сыска.

Отвечать Ксения не стала. Девушка подошла к окошку дежурной части и кулаком постучала в стекло.

Почти сразу из двери внутри помещения высунулся паренек лет двадцати и, окинув гостей деловым взглядом, так же деловито и важно произнес:

– Что вам угодно?

Ксения продемонстрировала удостоверение.

– Мы из Борисфена, – сказала она, – следственная группа, вам должны были звонить.

С полминуты дежурный что-то соображал, потом, наконец, выпалил:

– А, да, да, да, конечно, слышали, знаем. Проходите. Четвертый этаж. Кабинет 411.

– Благодарю, – коротко кивнула Ксения, увлекая за собой помощника, – вот, а ты ругался. Смотри, как здесь всё культурно. Как в деревне.

– Думаю, и остальное на уровне, – заметил Анатолий.

Поднялись на четвертый этаж. Нужный кабинет находился в начале длинного коридора, схожего с тем, что Ксения каждый день видела в Борисфене, только короче. Табличка гласила:

«Nachal'nik Ugolovnogo roziska, polkovnik Riger».

– Можно? – спросила Ксения, открывая дверь. За небольшим офисным столом сидел плотный лысый мужчина лет шестидесяти в стандартной униформе. Слева от него сидел высокий коротко стриженный молодой человек северной наружности спортивного вида. Увидев гостей, мужчины, прекратили разговор и встали со своих мест.

– Вы из Борисфена? – с утверждением в голосе спросил полковник. – Простите, что не встретили. У нас здесь небольшое производственное совещание. Полковник Янус Ригер.

Авалова протянула руку.

– Ксения Игоревна, – представилась девушка, – это мой помощник – капитан Анатолий Мациевский.

Ригер пожал руки гостям и сел на место.

– Мой заместитель, – указал он на молодого человека, – капитан Макс Рауш.

– Можно просто Макс, – сказал оперативник, пожимая руки гостям.

– Ещё раз извините, что не встретили, – продолжил Ригер, – очень неудачная накладка. Мы рады, что вы приехали. Такое жуткое убийство, похищения. Народ болтает бес знает чего, а у нас саммит на носу. Но я уверен, что вы разберетесь во всем этом безобразии.

– Увидим, – сказала Ксения – что можете сообщить по сути дела?

Первая фраза была обращена к полковнику, вторая к капитану. Молодой оперативник это понял, поскольку стал сразу отвечать на вопрос. Умный парень, отметила Ксения, если не умный, то хотя бы смысленый.

– Три девочки пропали на прошлой неделе, – докладывал Рауш, – Екатерина Кирсанова, Даша Терехина и Соня Захарова. Все ученицы Международного лицея, название такое. Как показывают остальные ученики, они тесно общались друг с другом, иными словами, были подругами.

Авалова задумчиво приподняла бровь.

– Они что, одновременно пропали? – спросила она. Рауш кивнул.

– Практически, с разницей в два дня. В понедельник ушла в школу и не вернулась Кирсанова, в четверг Терехина, тоже

по пути домой из школы, в воскресенье пропала Захарова, ну а в понедельник, вы знаете.

Ксения прищурилась.

– Значит, первой пропала Кирсанова, и её убили первой? – спросила девушка.

Рауш кивнул.

– А точно известно, что Терехина шла домой из школы? – спросила Ксения. – Или это предположение?

Макс пожал плечами:

– Можно точно сказать, что она шла из школы, поскольку её в этот день видели на уроках, но вот куда, это неизвестно.

Ксения задумчиво кивнула.

– Вы узнали круг их общения? – спросила девушка. – С кем ещё дружили? Какие мальчики нравились?

Молчавший до этого Ригер фыркнул.

– Да там такая школа... в общем, форсятя, и учителя, и ученики. Из них слова не вытянешь, а чуть давить начинаешь, хамят, обзывают, судом грозят, – полковник махнул рукой, – мажоры, в общем.

Или несчастные дети, которые не нужны своим родителям, заключила про себя Ксения.

– А про само убийство что-то новое можете сказать? – спросила она у Макса.

– Девушка была убита около трех часов ночи. Орудие убийства, предположительно нож или кортик.

– Что значит предположительно? – спросила Ксения.

– Да то и значит, – объяснил Рауш, – наш эксперт никак не может понять, что это за оружие. У раны такие края, которые не оставляет ни один из колюще-режущих предметов, которые есть в базе.

– А вы были в школе после убийства?

– Нет, – ответил Макс, – ещё не успел. Как раз думал сегодня съездить, тут вы.

Ксения усмехнулась.

– Ну, так давайте сейчас вместе и прокатимся, – сказала девушка, – какими бы они ни были мажорами, как вы говорите, убийство есть убийство, тем более умерла их одноклассница. Возможно, кто-то с нами и поделится нужной информацией. – Авалова посмотрела на сидящего во главе стола полковника. – Если ваше начальство, конечно, не против?

Ригер пожал плечами.

– Да разве я что-то говорю, – сказал он, – вы не думайте, Ксения Игоревна, не считайте нас какими-то сухарями канцелярскими, просто для нас это всё в новинку. Я действительно надеюсь, что ваше пребывание здесь прольет свет на это темное дело.

Ксения белозубо улыбнулась.

– И в мыслях не было, – сказала она.

Искренне надеюсь, что и не будет, добавила про себя Авалова.

Синего цвета «Шкода» подъехала к красивой стеклянной новостройке и из автомобиля вышла светловолосая девушка в темно-синем прокурорском мундире, на который был наброшен легкий бежевый тренч. Девушка оценивающе посмотрела на здание и достала из кармана визитку, которую получила сегодня из рук своей старой знакомой Кристины Леоновой, с напутствием расспросить начальника этого здания насчет нескольких заказных убийств.

Девушку звали Наталья Владимировна Покровская, и была она старшим следователем генеральной прокуратуры Понтийской Республики, которому поручили вести дело об убийстве депутата Андрея Левицкого.

Свои юные прокурорские годы Наташа коротала в городе Тирас и, может быть, и осталась бы одним из сотен ординарных следователей, если бы ей не распределили дело о хищениях в футбольном клубе «Хаджибей». Простое, казалось бы, дело в результате вывело на крупную преступную группировку, возглавляемую президентом клуба Виктором Ходаковым. Девушке неоднократно пытались угрожать, но принципиальная Наташа довела расследование до конца, после чего её в два счета перебросили в Борисфен на должность старшего прокурора 2-го отдела процессуального руководства досудебным расследованием. Она была честная, прямо-

линейная, но добрая и сострадательная. Никогда не отворачивалась от чужой беды за сухими бюрократическими отписками, никогда не отказывалась помочь.

Покровская знала, что когда строишь комбинацию против сильного и опасного противника, а читая информацию на учредителей «Лиги честности», которой с ней поделилась Кристина, она не сомневалась, что противник более чем маститый, необходимо понимать, что это может стоить тебе не только каких-то профессиональных проблем, но даже жизни, и тем не менее, всегда бралась за такие дела.

Наташа остановилась перед проходной. За столом с несколькими мониторами сидел молодой парень, лет двадцати четырех, и что-то набирал на ноутбуке. Увидев Наталью, он встал с кресла пристально посмотрел на девушку.

– Вам что? – спросил он.

– Я к Николаю Добровольскому, – сказала Наташа.

Отработанным движением дежурный охранник поднял одну из телефонных трубок и, поднеся её к уху, спросил:

– Как доложить?

Покровская показала удостоверение.

– Покровская Наталья Владимировна, от генерала Раевского, – сказала девушка.

Прошло несколько секунд, и охранник заговорил по телефону.

– Николай Иванович, – сказал он, – это первый пост. К вам тут от генерала Раевского, понял. – Охранник положил

трубку и открыл вертушку.

– Проходите, – обратился он к Покровской, – четвертый этаж. Пройдете вдоль по коридору, справа увидите лифт. Подниметесь на четвертый этаж, необходимо будет пройти во второй корпус. Там найдете кабинет.

Наташа поблагодарила молодого человека и пошла в указанном им направлении. Поднявшись на четвертый этаж, девушка прошла метров пять вдоль по длинному коридору, возвышающемуся над тренировочным залом, где, как подзревала Наташа, занимались охранники. Не обращая никакого внимания на процесс тренировки, она двигалась, не останавливаясь, до проема в стене, который и обозначал, очевидно, другой корпус. Пройдя ещё метра два, девушка, наконец, остановилась перед массивной железной дверью. Выровняв дыхание, она всегда так делала перед важным разговором для сохранения презентабельного вида (всё-таки пыхтящий от долгого перехода через здание следователь вряд ли произведет впечатление), постучала.

– Войдите, – раздался голос из-за двери.

Войдя в кабинет, она увидела брюнета с залысинами, одетого в классический черный костюм с черным же галстуком. Мужчина оторвался от созерцания бумаг, разложенных у него на столе и, встав, приветливо улыбнулся.

– Добрый день, – проговорил он, отодвигая одно из офисных кресел, чтобы гостя могла сесть. – Сергей Александрович сказал, что у вас есть ко мне какие-то вопросы?

Сразу перешел к делу, мелькнуло у Покровской, он так предпочитает вести дела или просто хочет от меня побыстрее отделаться? Сейчас увидим.

– Основных два, – ответила девушка. – Позавчерашнее убийство депутата Левицкого и старое убийство бизнесмена Сосновского.

– Вы считаете, что они связаны? – спросил Добровольский.

– Возможно, – сказала Наташа, – по крайней мере, стиль убийств схож, очень схож. И убитый Левицкий, и убитый Сосновский, оба находились в непростых отношениях с лидером движения «Лига честности», а его цель – президентская кампания. Не кажется ли вам, что это не случайность? В связи с этим мой первый вопрос: что вы найдете уместным сказать мне по поводу этих убийств?

Добровольский вздохнул.

– Я располагаю малым количеством информации, – сказал он, – но постараюсь вам помочь. – Токмо давайте перенесем

наш разговор в кафе напротив.

– Даже так? – усмехнулась Наташа.

– Я не буду чересчур откровенным с вами, – заметил Добровольский, – если скажу, что в наше время даже стены имеют уши.

Они покинули офис охранной фирмы, но не перешли дорогу, а сели в припаркованную возле офиса машину. Добровольский завел двигатель, и они начали движение.

– Не думаю, что порадую вас большим количеством информации, – сказал Добровольский, – убийство Сосновского пришлось на период радикальной смены власти в стране, тогда крупный бизнес разделился на два лагеря: тех, кто поддерживал законно избранную власть, и тех, кто поддерживал людей на площади. Победили, как вы знаете, вторые, а Сосновский был в первом лагере, и после того, как было принято решение пересмотреть итоги выборов, он не стал с этим мириться и обратился в конституционный суд. Как он говорил за день до убийства, он собрал какие-то доказательства незаконной деятельности оппозиции и хотел их обнародовать.

– Как они к нему попали? – спросила Наташа. Добровольский покачал головой.

– Не знаю, ему помогал его охранник, Юра Лебедев, его убили тогда же, а ещё молодой юрист – Андрей Левицкий.

Наташа усмехнулась. Ловко он дурачком незнающим прикинулся. Значит, он всё знал с самого начала.

– Вот как? – спросила она. – Они были знакомы. Добро-

вольский пожал плечами.

– Были, не знаю, насколько близко, но думаю достаточно, раз Сосновский посвящал его в свои дела, но вот большего сказать вам не могу, поскольку сам ничего не знаю. Какая информация? Удалось ли её сохранить? У меня нет информации.

Наташа задумчиво помолчала, а затем спросила:

– А с Левицким вы встречались? – спросила девушка. Добровольский покачал головой.

– Нет, у него была своя охрана, мы не пересекались.

– Понятно, – коротко сказала Наташа, – спасибо. Теперь мой второй вопрос: как вы думаете, кто кроме уже убитого Левицкого может представлять опасность для «Лиги честности», если история повторяется?

Добровольский вздохнул.

– Это сложный вопрос, – произнес мужчина, – как вы понимаете, я не могу вам отвечать за всех людей, у которых может хватить финансов на избирательную кампанию, но некоторые имена назвать могу – Сергей Александрович сказал, что я вам могу полностью довериться?

Это был вопрос. Наташа кивнула.

– Что же, зная его, – сказал Добровольский, – я могу предположить, что вы не употребите эту информацию в каких-то личных и корыстных целях. Поэтому я с вами настолько откровенен, насколько позволяет моя работа. – Он достал из кармана пиджака небольшой ежедневник, открыл его и выта-

шил две визитки. – По вполне понятным причинам я не буду показывать вам их фотографии, если захотите сами найдете.

Наташа взяла визитки и некоторое время рассматривала их. Фамилии этих бизнесменов были ей неизвестны, правда, по не которым аббревиатурам в названиях компаний, владельцами которых они, очевидно, являлись, девушка догадывалась о сфере деятельности данных господ.

– Благодарю, – кивнула Наташа, – а можете ли вы сказать, какой интерес вызывают эти бизнесмены у людей из «Лиги честности»? В чем смысл всей этой катавасии со спонсорством?

Добровольский прищурился.

– Думаю, что не открою вам Америку, если скажу, что избирательная кампания стоит огромных денег. И все расходы, как правило, оплачиваются из кассы той партии, которую кандидат представляет, но если партии нет, то создается фонд под деньги определенных людей. Будьте уверены, что на эти деньги можно организовать и олимпиаду, и президентские выборы.

– Если фонд не наберет денег, – предположила Наташа, – это значит, что кандидат от «Лиги честности» не будет иметь достаточного финансирования перед остальными, так?

Добровольский кивнул.

– В связи с этим возникает вопрос, – сказала девушка. – Есть ли вероятность того, что эти бизнесмены добровольно перейдут под знамена лиги?

– Добровольно исключено, – начал Добровольский, – эти люди представляют собой бизнесменов, которые не заинтересованы в раскачивании ситуации в стране. Конечно, с ними будут пытаться договориться, но, думаю, что речь будет идти о крайних мерах. Так было и в деле Сосновского. Так было и в деле Левицкого. Я думаю, вам будет интересно узнать, что сегодня был заключен альянс между «Лигой честности» и новым руководителем движения убитого Левицкого.

Наташа вновь понимающе кивнула, отметив, что её собеседник весьма немногословен. Интересно, только ли это связано с коммерческой тайной?

– И что могущество людей Адашева так велико, что он может достать интересующих субъектов, несмотря на все меры предосторожности?

– Увы, да, – сказал Добровольский, – видите ли, Наталья Владимировна, когда речь идет о президентской кампании, никакая сумма не покажется слишком большой.

– Цель оправдывает средства? – уточнила девушка.

– Именно так, – сказал Добровольский, – сообщу вам ещё кое-что, у двух из этого списка есть дочери, они живут в Кранцберге.

Наташа на секунду задумалась. Ситуация становилась все интереснее.

– Иными словами, вы хотите сказать, что Адашев или Тополевич могут влиять на этих бизнесменов через детей?

Добровольский кивнул:

– Да, я не исключаю такую возможность. Так что я поделился с вами всем, что знаю, а вы делайте выводы.

Они остановились там же, где начали путь минут пятнадцать назад.

– А почему вы мне все это рассказываете? – завершающе спросила Наташа.

– Потому что я думаю, вы употребите эту информацию во благо названных мной людей, – сказал Добровольский. – Мне не хотелось бы, чтобы с ними что-то случилось и с точки зрения лично-человеческой, и с точки зрения профессионально-коммерческой. Я, милая, хорошо помню те события и не хочу, чтобы они повторились, но мои ребята, при всем профессионализме, не смогут их сберечь, а вы сможете.

– Ценю ваше доверие, – флегматично сказала Наташа.

Хотелось бы ему действительно соответствовать, критически подумала девушка.

* * *

Простившись с Александром, Анастасия и Шурочка вернулись в город. Необходимо было оставить ружья в подвале Шурочкиной квартиры. Сумка Анастасии тоже временно хранилась у Александры, так как на даче не было подходящего места, а в пансионате, хоть и был подвал, но, во-первых, он был забит всяким барахлом, а во-вторых, на время

саммита хранение и использование любого стрелкового оружия, да и вообще оружия, было запрещено.

Шурочка жила в самом центре Кранцберга, на Садовой улице, в просторном флэте с видом на набережную. Квартира эта была подарена Шурочке её молодым человеком, который был олимпийским чемпионом по траншейной стрельбе. С ним Шурочка встречалась два года, однако потом молодой человек куда-то пропал, и как Анастасия ни пыталась добиться от подруги причину их расставания, ей это не удалось. Шурочка всегда говорила, что они и не расставались вовсе, а просто её молодой человек уехал тренироваться в другую страну, но Анастасия достаточно хорошо знала подругу, чтобы понять, что та говорит неправду, но не хотела её ранить.

Подруги зашли внутрь дома и стали спускаться по лестнице вниз.

Анастасия всегда завидовала Шурочке, её манере аккуратно обращаться с вещами. В её подвале всё лежало стопочка к стопочке, в противовес Анастасии, у которой вечно всё было забито доверху.

Девушка положила сумку на полку и выдохнула.

– Тьфу ты, – воскликнула она, – я ружье почистить забыла! – Она села на скамейку и, достав баллончик с фирменной смазкой, смочила темную уже от высохшего состава тряпку и начала оттирать затвор, ствол и другие части своего дробовика. Делала она всё это так небрежно и рвано, что удо-

стоилась сочувственного взгляда со стороны Шурочки.

– Слушай, – сказала она, – я тебя прям не узнаю. Настёнка, с тобой что-то происходит. Ты раньше никогда такой не была.

– Какой? – спросила Анастасия.

– Напряженной, – констатировала Шурочка, – у тебя все из рук валится. В прямом смысле.

Анастасия подарила подруге мрачный взгляд. Саша была права. Те несколько дней, а вернее всего два, изменили ее. Она точно не могла сказать в чем, но ощущала эту перемену почти физически. Может быть, Александр прав. Может быть, ей наплевать на всё. Ну, в конце концов, что изменится от того, что история её учебы в Швейцарии попадет в какие-нибудь газеты. Ну, напишут пару строк. Да и потом, кому она интересна? Александр прав. Кто-то пытается выбить её из седла, как говорят американцы. Но не это пугало её, нет. Она боялась, хотя нет, не боялась, точно знала, что это кто-то близкий. И подсознательно начинала бояться общаться с теми, кого считала друзьями. Чем больше Анастасия погружалась в причины происходящего, тем явнее она проигрывала сражение с собственным разумом. Девушка вздохнула. Надо поговорить с Эльмирой Сабуровой. Вот человек, который может дать действительно дельный совет. Хотя она тоже знает. Господи, я уже сама себе не верю.

– Я готова, – весело сказала она подруге, – пошли чего-нибудь освежающего выпьем.

Шурочка улыбнулась.

– Да уж, освежающее тебе точно не повредит. Сразу мозги на место встанут.

Подруги засмеялись и вышли из подвала.

* * *

Международный лицей – учебное заведение в центре города. Заведение для богатых. Совсем не к таким относилась убитая Екатерина Кирсанова, судя по той сухой бюрократической справке о ней, которую прочитала Ксения. Родители – предприниматели средней руки.

Школа, пробормотала про себя Авалова, мир детей, которые как можно раньше хотят стать взрослыми. Мир слухов, сплетен и грязных интрижек, прикрытый красивой оберткой тяги к знаниям и выдуманному ореолу мятежной юности. Всего лишь детское отражение мира взрослых, который они видят, со своими войнами, конфликтами, кланами и страстями, гиперболизированными неокрепшими юными умами до уровня шекспировских трагедий. Ксения припомнила одну из эскапад Фуко, о том, что тюрьма, школа и психбольница функционируют исходя из общих закономерностей и являются собой примеры подавления буржуазным обществом личности человека. Ну что же, посмотрим, так ли это.

Вслед за Раушем она вошла в здание лицея.

– Девушка ушла из школы в 21.30, – рассказывал Макс. –

У них здесь была какая-то вечеринка, день школы, ну или в этом роде. После этого её никто не видел.

– На вечеринке было много людей? – спросила Ксения.
Макс кивнул:

– Человек сто – сто пятьдесят, так что можно было вполне обеспечить себе алиби и уйти незамеченным, если вы об этом.

– Нужно узнать побольше про эту вечеринку, – уточнила Авалова, – что вы узнали о девочке?

Рауш флегматично пожал плечами.

– Училась хорошо, её все любили. Ни одного дурного слова, ни от одноклассников, ни от преподав. Слыла местной красоткой, многие парни к ней подкатывали.

– Она позволяла? – поинтересовалась Ксения. Рауш замолтал головой.

– Нет, правда, с одним у неё были шуры-муры, – Макс полез за блокнотом, – вот! Антон Сиджан – сын помощника городничего, между прочим.

– Решила сразу схватить журавля, пока не улетел?

– Вряд ли, – сказал Рауш, – они расстались за неделю до того, как она пропала, да и характеризуют её не такой.

– Алкоголь, наркотики? – на всякий случай спросила Ксения.

Макс нахмурил лоб.

– Нет, иногда выпивала по праздникам, да и то пару коктейлей.

– А какой она была в день исчезновения? Макс задумчиво посмотрел на коллегу.

– Вы имеете в виду как она себя вела? Ксения кивнула.

– Нормально, – сказал он, – смеялась, танцевала, кокетничала с одноклассниками, а потом попрощалась и ушла.

Авалова остановилась и, задумчиво закусив губу, посмотрела на Рауша.

– Слушайте, вам не кажется странным, что девушка уходит с вечеринки раньше других? Я посмотрела адрес, её квартира всего в квартале отсюда.

– Думаете, куда-то ещё ушла? – спросил Макс. Ксения пожала плечами.

– Скорее всего, с кем-то, – сказала она, – с кем-то из учеников или с кем-то другим, кто её ждал.

– Сейчас узнаем, – заметил Рауш, – вон директриса идет, вы поосторожнее с ней, та ещё штучка.

Навстречу оперативникам из длинного коридора шла высокая худая женщина лет сорока пяти в строгом и дорогом деловом костюме. В гимназии вообще всё смотрелось дорого, от внутреннего убранства до учеников, старательно пишущих что-то в своих тетрадях и не замечающих окружающий мир.

Женщина подошла к оперативникам вплотную. На её худом лице имелись толстые очки в роговой оправе. Волосы были завязаны в жесткий пучок.

– Ирма Яновна Сиверс, – представилась она, – директор.

Мне сказали, что меня спрашивают из милиции, но я уже, по-моему, всё рассказала, как и мои ученики, и вряд ли что-то можно добавить к уже сказанному.

Своим поведением директриса всячески показывала, что она слишком занята для разговора с правоохранительными органами.

– Обстоятельства изменились, – сказала Ксения, – одна из пропавших девочек была найдена убитой и...

– Разве наш лицей имеет к этому отношение? – перебила директриса. – Мы не несем ответственность за то, чем наши ученики занимаются в свободное время. Мне из-за этого дела звонили из министерства, теперь нужно писать отчет, отвечать журналистам, и все потому, что она у нас училась.

Ксения не любила, когда её перебивали, но дослушала до конца.

– Меня не интересует, что вы намерены делать, – холодно сказала девушка, – убита ваша ученица, и ваша обязанность оказывать следствию помощь.

Тон Аваловой был мягок, но сулил большие неприятности при отказе от сотрудничества. Директриса, вероятно, это поняла, потому как её лицо с надменного сделалось крайне задумчивым.

– Что вы хотите? – сдалась директриса.

– Мне нужно поговорить с педагогическим составом и учениками, – сказала Ксения, – моему коллеге показалось, что с ним были недостаточно откровенны. У подростков мо-

гут быть свои маленькие тайны, но речь идет об убийстве.

– Пойдемте, – холодно ответила директриса, – я полагаю, что для начала вы хотите поговорить с классным руководителем и близкими друзьями Катерины?

– Это было бы неплохо, – согласилась девушка, жестом показывая Максусу следовать за ней.

Директриса повела их по широкой лестнице. Затрещал звонок, и лестница в один миг наполнилась снующими в разные стороны учениками, нагруженными тяжелыми книгами и какими-то приборами. Мимо, чуть не сбив её, пробежала пара девочек в форменной одежде, которая состояла из темно-синей юбки, голубой блузки и синего в цвет юбки жакета. Парочка внешне словно бы сошла с обложки глянцевого журнала: мелированные волосы, яркий макияж, жвачка-пузырь во рту. Школьные юбки были сильно короче, чем у других проходивших девушек, а блузки расстегнуты ниже всяких приличий. Обе так громко хохотали, что до Ксении долетели обрывки фраз...

– ...Я, короче, ему говорю, хочешь увидеть, что у меня под юбочкой? Тогда возьми банан и соси его. И, прикинь, этот дурак его взял и стал сосать, а я его щёлкнула на телефон и убежала.

– ...Да гонишь, покажи!

Послышались звуки какой-то возни. Ксения остановилась и повернула голову. Ей было любопытно.

Парочка, оказывается, столкнулась с поднимавшейся по

лестнице круглолицей блондинкой с портфелем в руке. Из-за толчка портфель упал на пол, и оттуда вывалились учебники. Круглолицая стала их собирать, но на портфель одна из девушек наступила ногой.

– Оооо, – манерно протянула та, которая рассказывала о своих подвигах, – смотрите, кто это у нас? Карина, поздоровайся с Таней, она очень рада нас видеть?

– Приивеет, Таня, – издевательски протянула вторая, – ты по нам скучала? Смотри-ка, Лера, она, по-моему, ещё больше потолстела, фу, как это мерзко выглядит.

Первая девица с пренебрежением надула щеки.

– Это из-за стресса и новостей, – сказала первая, наклоняясь к сидевшей на полу однокласснице, – слышь ты, королева, от тебя пахнет магазином твоего папаша, не путайся у нас под ногами, а то отправишься вслед за своей подружкой исследовать, правдиво ли то, что профессор Полуянова рассказывала про теорию эволюции.

Обе горланно заржали.

Ксения вздохнула. Её такие моменты притягивали, как магнитом.

– Секунду, – извинилась она.

Девушка подошла к парочке, которая, видно, только обрadowалась дополнительному зрителю. Авалова схватила первую из девиц за запястье одной рукой, а второй вытащила из кобуры свой «Браунинг» и вложила её в руку девицы. Та удивленно захлопала глазами.

– Ну что стоишь! – властно сказала Ксения. – Давай, стреляй. Убей её, ты так много грозишь, – она усмехнулась, – а тебе затвор передернуть? – Ксения двинула с характерным щелчком ствол назад-вперед. – Ну давай, чего ждешь? Ты же так этого хочешь? Рекомендую стрелять в живот или в шею, умирать будет мучительно. Ну что стоишь, давай!

Спешащие по своим делам ученики замерли как вкопанные и наблюдали за сценой.

Девушка нервно разжала руку и уронила пистолет. По ее виду казалось, что она проглотила язык вместе со жвачкой.

– Ой, уронила, – ехидно сказала Ксения нагибаясь, – я сейчас подниму.

– Да не хочу я ничего! – испуганно взвизгнула девушка. – Не надо!

Авалова подняла пистолет и сунула его назад в кобуру.

– Что так? – спросила девушка. – За слова свои отвечать надо, курица ты мокрая.

Кто-то из импровизированных зрителей засмеялся.

– Это просто шутка! – жалобно сказала девушка. – Мы просто смеялись.

Ксения ослабилась.

– Я тоже, – сказала она, – свободны.

Девушка как ветром сдуло. Авалова наклонилась к круглолицей, чтобы помочь ей поднять учебники.

– Спасибо, – поблагодарила девочка, – только они не останутся.

Ксения усмехнулась.

– А ты сразу в челюсть бей, – сказала она, – отрезвляет, а лучше приемы самообороны выучи. В жизни пригодится.

Авалова похлопала девочку по плечу и пошла догонять спутников.

* * *

– Ну и методы, – заметил Рауш, – у вас так в Борисфене все работают?

– Я так работаю, – небрежно бросила Ксения.

– Оно и видно, – сказал Макс, – не боялись, что она могла убить ту девочку?

Ксения усмехнулась.

– Могла бы, – спокойно ответила она, – если бы мой пистолет был заряжен. Интересная у вас школа, – сказала она, поворачиваясь к директрисе, – одним все, другим ничего, да?

– Это хорошие девочки, – сказала директриса, – из хороших семей. У них трудный возраст.

– Та, дочка бакалейщика, значит, не из хороших? – прищурилась Авалова.

Лицо директрисы выражало каменное спокойствие.

– В нашей школе мы не делим учеников по классовому признаку, – уверенно отчеканила она, – и ученикам запрещаем. Это моветон.

Ксения иронично хмыкнула:

– Конечно. Платят-то все одинаково. Директриса смерила её высокомерным взглядом.

Их отвели в просторный и хорошо освещенный класс, посередине которого в три ряда стояли темно-коричневые парты с придвинутыми к ним стульями.

– Вам здесь будет удобнее разговаривать, – без всякого гостеприимства сказала директриса, – у меня в кабинете ремонт.

– Сойдет, – кивнула Ксения, – приведите ко мне ту девочку, которую толкнули, классного руководителя и – она сверилась с записями – Антона Сиджана, он ведь, наверное, тоже ваш лучший ученик?

– Естественно, – холодно заметила директриса, – но я не буду покрывать его, если он виноват.

– А он виноват? – спросил Рауш. – В прошлый раз вы мне этого не говорили.

– Я узнала, что он и Катерина поссорились, – сказала директриса, – но тогда я не придавала этому значения. Честно говоря, я подумала, что Катерина просто перегуляла на вечеринке.

– С ней такое часто случалось? – спросила Ксения.

– Один-два раза, – уточнила директриса.

– Недавно?

– Возможно, – сказала директриса, – но лучше вам будет уточнить у её одноклассников.

С этими словами она покинула класс.

– Как вы узнали, что та девчонка – дочка бакалейщика? – почти с восхищением спросил Рауш, когда они оста-

лись вдвоем.

Ксения взяла в рот орех.

– Форма у тех двух пигалиц, словно только что из профессиональной чистки, – сказала она, – это дорого, а у девочки юбка в заплатках, джемпер с катышками и пахнет корицей, значит, она помогает отцу таскать ящики с приправами.

– Круто, – оценил Рауш.

Директриса вернулась минуты через две с крайне озабоченным лицом вместе с той самой девочкой, к которой приставали одноклассницы.

– Это Таня Козловская, – представила её директриса, – подруга Катерины, думаю, вам есть о чём поговорить.

– Значит, вы из милиции? – спросила девочка, садясь за парту. – Вы найдете того, кто это сделал?

Пустых обещаний она никогда не давала.

– Мы очень постараемся, – сказала Ксения, – и может быть, от тебя многое зависит.

– Я расскажу, что знаю, – ответила Таня.

– Почему Катерина порвала с Антоном Сиджаном? – спросила Ксения.

– Не знаю точно, – сказала девочка. – Катя говорила мне, что он слишком форсуется, крутого из себя строит, а на самом деле живет только на деньги родителей, ей не нравились такие, она сказала, что ошиблась, заводя с ним роман.

– У них когда-нибудь был секс? – задала следующий вопрос Ксения. – Роман и интим это разные вещи.

Девочка пожала плечами.

– Я не знаю, может быть, разве это запрещено? Им уже есть шестнадцать, – она резко замолчала, – то есть ей было семнадцать.

– Это правда, что они поссорились? Таня кивнула:

– Да, но ничего существенного, обычный конфликт. Ксения прищурилась.

– Он назвал её, – девушка посмотрела в свой блокнот, – грязной потаскухой.

Таня вздохнула.

– Это же парни, у них это обычное.

– Но в прошлый раз ты сказала, что она ночевала у него, – возразил Рауш.

– Я так думала, – сказала Таня, – где же ещё она могла ночевать, если не у родителей.

– Но они расстались за неделю до дня школы, – напомнила Ксения, – с чего бы ей ехать к нему?

Девочка надула губы.

– Он весь вечер флиртовал с ней, – сказала она, – они много танцевали, даже на брудершафт пили, вот я и подумала, что у них снова завертелось, такое ведь часто бывает, и потом, она мне не говорила про то, что у неё кто-то другой есть.

– Тогда почему Сиджан обозвал её потаскухой? – спросила Ксения.

Таня замотала головой.

– Понятия не имею, я же говорю, что у парней это бывает.

Ксения усмехнулась.

– Бывает, – согласилась девушка, – значит, в тот день, когда она пропала, вы просто попрощались, и она ушла с вечера, так?

Девочка отстраненно кивнула.

– Тебе не показалось, что она куда-то торопилась, – спросила Ксения, – может быть, её кто-то ждал?

– Нет, – решительно ответила Таня, – ничего такого.

– А девочки, Даша и Соня? – продолжала допытываться Ксения. – Они были с вами?

Таня нервно закивала головой:

– Конечно, мы же всё время вместе, если бы они были здесь, они бы подтвердили мои слова.

Рауш цинично хмыкнул.

– Но их здесь нет, – заметил оперативник, – может быть, они бы сказали другое. Может быть, они бы сказали, что она ушла вместе с Сиджаном. Может быть, он предложил ей поехать за город, в пансионат, может быть, они стали его шантажировать. Богатенький мальчик и всякое такое.

Таня резко замотала головой.

– Нет, – воскликнула она, – я видела Антона весь вечер! Он никуда не уходил. Обжимался с той, которая меня на лестнице толкнула, с Леркой.

Последняя фраза была произнесена с явным отвращением, но отвращением больше к Лере, чем к Антону. Ксения это отметила.

– Хорошо, ты можешь идти, – сказала девушка, поворачиваясь к сидящей с каменным лицом директрисе. С неё бы портреты писать, с таким спокойствием она сидит. – Я хочу поговорить с другими, кто был на вечеринке, у вас есть такой список? – спросила Ксения директрису.

Женщина, кивнув, встала и направилась к двери, увлекая за собой Татьяну.

– Вопрос, – окликнула её Ксения, – кто финансирует лицей? Он ведь частный, а вы только директриса.

Аваловой достался еще один презрительный взгляд.

– Я обязана отвечать на этот вопрос? – спросила директриса.

– Придется, – ровным голосом сказала Ксения. Директриса нервно поморщилась.

– Школа стоит на балансе холдинга «Farmacare», хозяином которого является бизнесмен Александр Верховский, – сказала директриса, – думаю, что узнать, кто это, вы сможете и без моей помощи, – крайне невежливо добавила она, покидая кабинет.

* * *

Возвращаясь из офиса охранного агентства «Strela» в контору, Наташа старательно обдумывала то, что ей удалось узнать. К сожалению, не так уж и много. Если верить Добровольскому, то она знала имена следующих жертв «Лиги чест-

ности», если, конечно, те бизнесмены откажутся вступить в неё. Однако никакого мало-мальски удобоваримого разъяснения по поводу убийства Левицкого она не получила. Да и какой-то значимой информации по поводу самой «лиги» она тоже не имела, ну кроме того, что они все редкостные сволочи. Ей был нужен мотив. Чем так был опасен Левицкий для господ из «лиги», что они пошли на убийство? Её как-то не убеждала вся эта политическая катавасия. Из своего опыта она знала, что есть много разных способов заставить человека передать тебе дело. Неважно, что это, бизнес или идея. Убийство есть убийство. На него идут в крайнем случае. Тем более что такие люди, как Адашев и Тополевич, обычно очень осторожны и лишний раз не подставляются.

Наташа недовольно надула щеки. Нужно съездить ещё раз на место преступления, решила она. Возможно, надо начать оттуда. Ведь зачем-то он туда приезжал.

Девушка вздохнула.

Да, безусловно, причина была, и он выходил из машины, теперь я это знаю точно, потому что на его обуви обнаружили следы грязи из двора того дома. Вряд ли он просто вышел подышать воздухом. Но вот зачем он туда приезжал, а главное, почему его застрелили именно там? Ведь обычно засаду делают возле мест, которые жертва обычно посещает. Дом или работа.

Девушка улыбнулась своему отражению в зеркале заднего вида. Значит, у него был какой-то объект, который он часто

посещал.

Кивнув своим мыслям, Наташа развернула машину и поехала в сторону Борисфена.

Найти того околоточного, что выезжал на труп Левицкого, не составило особого труда. Фамилия его была Соболев, звали Алексей. Наташа достаточно доходчиво ему объяснила, зачем хочет посмотреть место убийства, и через двадцать минут после того, как она приехала в участок, они вдвоем оказались возле нужного ей дома. Наташа знала, что осматривать место происшествия после того, как там до тебя побывала толпа разного народа, вне всякого сомнения, трудно, ну а если при этом ещё и льет, как из ведра, начинаешь осознавать, что жизнь прожита не зря. Она столько потратила времени, чтобы сюда добраться, чтобы понять, что ничего она здесь не найдет. Если тут что и было интересного, то, конечно, сейчас начисто смыто дождем, который, как назло, пошел именно тогда, когда идти не должен. Люто посмотрев через ветровое стекло на черное небо, Покровская вздохнула: хочешь, не хочешь, а осмотр делать всё равно придётся, иначе перед околоточным будешь выглядеть полной дурой. Накинув на голову капюшон, Наташа выбралась из машины и огляделась. Место, где застрелили депутата, представляло собой огромный квадрат, со всех сторон окруженный трехэтажными домами. Выходами из квадрата служили две арки. Одна оставалась позади (через неё, собственно, они сюда и заехали), а другая, чуть налево впереди, была завалена

каким-то строительным мусором. Следовательно, киллер заранее ждал свою жертву. А значит, знал, что Левицкий сюда поедет. Это умозаключение складывалось из простой логики. Если предположить, что киллер не знал, что Левицкий поедет сюда, тогда он должен был отследить его. Но сделать это он не мог по той простой причине, что Левицкого зарезали. То есть киллер должен был ещё развернуться и перекрыть депутату движение, перед тем как достать нож. Тогда куда как проще устроить засаду. Но он должен был знать, что Левицкий сюда поедет. Возникает только один вопрос, зачем депутату понадобилось сюда ехать?

– К кому он приезжал, так и не установили? – спросила Покровская, на ветру не слыша собственного голоса.

– Нет, – покачал головой Соболев, – жильцы клянутся, что видели похожую машину два или три раза, но особо не вникали. Сами понимаете, меньше знаешь, крепче спишь. Плюс ещё здесь, – околоточный махнул рукой в сторону одного из домов – половина квартир закрыта. Кто в столице живет, кто здесь, но сейчас на дачах, поэтому с поквартирным обходом было туго.

– А сам как думаешь? – спросила девушка.

– Да море вариантов, – сказал он, – может быть, родственница какая-нибудь живет или с девушкой развлекаться приехал. Здесь, кстати, квартиры под подобные утехы часто сдают.

Покровская несогласно покачала головой.

– Исключено. Родственников у него здесь нет. Да и характеризуют как добропорядочного семьянина, – Наташа ещё раз оглядела дома. Хоть бы знать, в какой подъезд он направлялся. Сузился бы круг поиска.

И почему ей всегда везет? Только она успела сказать про круг поиска, как на крыльце одного из подъездов появилась старушка в прозрачном дождевике и синих резиновых сапогах. Пробурчав что-то, очевидно про погоду, она направилась в сторону мусорных контейнеров. Не иначе знак свыше.

– Извините бога ради, – крикнула Наташа, снова не услышав собственный голос, – простите, вы в этом подъезде живете?

Старушка испуганно дернулась, обернулась и пригляделась. Она, видно, отличалась очень хорошим зрением, так как пробурчала что-то типа «опять следствие пожаловало», наверняка разглядев под плащом Покровской золотые прокурорские пуговицы. Мундир однозначно произвел должное впечатление, поскольку старушка поковыляла к ним.

– Услышал Господь мои молитвы, – возвестила она, – наконец-то этот притон разгонят. Я ж столько порогов обила. И никакого толку. Вот при советской власти было... хотя чего вы молодые теперь знаете. Ничего вы уже и не знаете.

Интересный всё-таки народ, – подумала Наташа, как они ловко сочетают большевиков и Господа Бога. Удивительно.

– Полностью с вами согласна, – сказала девушка, – а чем конкретно этот притон вам мешает?

Старушка поманила Наташу пальцем и прошептала.

– Содомиты, прости меня господи, – перекрестилась она, – там обосновались. Сама видела. Два молодых парня вместе в подъезд зашли. Оргиями своими заниматься, значит, стали.

– Когда это было? – переспросила Наташа. Она уже сложила два и два. Молодых парней здесь, если верить Соболю, немного.

– Так, это, – сказала старушка, – третьего дня. А потом я, значит, с дачи возвращаюсь, и мне Ивановна из восемнадцатой говорит, мол, смертоубийство. Я прям так Ивановне и говорю, что голубых этих и убили, а она мне, представьте, говорит, что парень этот депутат. Это что ж теперь у нас выходит, и депутаты голубые? Куда ж мы это катимся? А, товарищ прокурор?

– В апокалипсис, прямой дорогой, – сказала Наташа, – номер квартиры, где притон, знаете?

Старушка согласно закивала головой:

– Так напротив моей, – проскрипела она, – я почему это всё знаю? Вы что думаете? Я всё вижу и всё записываю. Вдруг понадобится компетентным органам.

– Понадобится, понадобится, – сказал Алексей, – притон-то покажите?

Старушка махнула рукой.

– Пойдемте. Кстати, зовут меня Абрикосова Евдокия Михайловна, вы запишите, для протоколу. Четырнадцатого го-

да рождения. Так что понятой раз сто была. Так сказать, почетная понятая.

Сопровождаемые комментариями старушки сыщики зашли в один из подъездов. Запах, которым была пропитана парадная, заставил её зажать нос рукой. Ведомая старушкой Наташа старалась осторожно наступать на каменные ступени, которые были готовы раскрошиться на мелкие части. Оргии можно проводить и в более приличном месте. А в подобных домах встречи обычно назначают люди, которые не хотят афишировать свое знакомство.

– Ну вот, – проскрипела старушка, – вот моя квартира, а вот этот притон, будь он неладен. Вы уж разберитесь, товарищ прокурор. Это ж какое безобразие получается!

– А хозяин квартиры-то, кто? – спросил Соболев. Старушка махнула рукой.

– Оооо, – протянула она, – тут целая история. Сначала коммунальная была, как положено. А когда собственность раздавать стали, появилась девица, вроде бы внучка одной из жилищек. Документы оформила и в город уехала, а квартиру сдавать стала. Полгода там семья жила. Приличная, тихая. Пожаловаться не могу. А потом семья эта съехала, и квартира долгое время пустая стояла. И вдруг время от времени сюда эти два парня стали наведываться. Я, понятное дело в милицию, а там мне и говорят, что всё по закону. Это ж, товарищ прокурор, по какому закону можно оргии-то богохульные устраивать?

Покровская исподлобья оглядела подъезд, а затем вновь посмотрела на старушку.

– Разберемся, – вздохнула она, – ключи от квартиры есть у вас?

– А то как же, – сказала старушка, – мне жиличка эта ключи оставила, чтобы я там убиралась или ещё чего там. Но я боялась заходить. Мало ли чего.

– Ладно, – сказала Наташа, – показывайте закрома.

Квартира выглядела как все коммуналки, которые уже перестали быть коммуналками, но ещё не превратились в полноценные квартиры. Пригнув голову, чтобы не врубиться в косяк обшарпанной от времени двери, Наташа шагнула в полутемную прихожую, освещённую сильно закопченной от дешёвых лампочек люстрой.

– Электричество, поди, уже отключить должны, – проскрипела старушка.

– Понятая, за дверью побудьте, будьте добры, – сказала Наташа.

Старушка понимающе кивнула и скрылась. Сыщики остались втроем.

– Ну и что мы ищем? – спросил Соболев.

– Всё, что связано с тем человеком, с которым встречался Левицкий, – сказала Наташа, – нам надо узнать, кто он и зачем наш убитый депутат с ним виделся. Ясно?

– Да ясно, конечно, – почесал затылок Алексей, – только как мы это установим? Они же явно не хотели светиться, а

значит, все следы своего пребывания здесь стирали. Вы же не думаете, что здесь можно найти компьютер с кучей информации и сейф с компроматом на эту вашу лигу?

– В обычной ситуации, может быть, и нет, – согласилась Наташа, – но в последнюю их встречу Левицкого убили, и его приятель мог разволноваться и что-то забыть.

– Слишком много «если», – заметил Соболев, – вы же не уверены, дошел Левицкий до квартиры или его застрелили сразу после того, как машина подъехала, да и потом, может, его приятель и есть киллер?

– Так тем более надо проверить, – заметила Покровская, – в конце концов, других зацепок у нас всё равно нет.

Мини-совещание, таким образом, завершилось победой Наташи, и сыщики принялись осматривать квартиру. Соболев дернул за ручку одной из дверей и вместе с Покровской они зашли в комнату, бывшую, очевидно, гостиной.

В отличие от полутемного коридора гостиная встретила Наташу светом от только что включенной люстры. Чересчур яркие лампочки отражались в пыльном стекле и больно били в глаза. Щурясь, девушка, оглядела комнату. Какая-либо видимая обитаемость не наблюдалась. Под подоконником вплотную к радиаторной батарее стоял красный дерматиновый диван, на котором валялось скрученное грязное белье. Покосившийся шкаф из дешевого ДСП с оторванными дверьми был пуст, и на полках ровным слоем лежала пыль. Покровская подошла к стоящему у противоположной стены

офисному столу, на котором стопкой лежали журналы. Девушка отодвинула пару ящиков. Они были пусты.

– По нулям, – сказал Алексей, – шкаф пуст. Под диваном тоже ничего нет. Пол покрыт линолеумом, который не отделился.

Покровская кивнула и недовольно посмотрела на стол. Словно тот был виноват в том, что они ничего не обнаружили. Вдруг её взгляд привлекла чугунная пепельница, в которой чернел какой-то комок. Наташа вновь подошла к столу и, достав из стоявшей подставки шариковую ручку, стала осторожно шевелить пепел. Отлепив интересующий её комок бумаги от поверхности пепельницы, девушка осторожно развернула его.

– C18H23N5O2, Кранцберг, – прочитал, заглядывая за плечо Натальи, Алексей, – это что такое?

Девушка пожала плечами.

– Похоже на химическую формулу какого-то вещества, – сказала она, открывая кожаную папку и аккуратно вкладывая в неё листок. – Пойдем, – Наташа похлопала Алексея по плечу, – больше ловить нам здесь нечего.

Соболь наморщил лоб и внимательно посмотрел на коллегу.

– Наркотики, что ли?

Покровская пожала плечами.

– Во всяком случае, то, что явно не купишь в обычной аптеке, – заметила она. – Может быть, Левицкий торговал

какими-то оборонными секретами? – Топливо или что-то в этом роде?

Алексей почесал затылок.

– А откуда он их знал? – спросил околоточный. – Он же депутат, а не ученый. Надо у экспертов узнать. Слушайте, а причем здесь Кранцберг? Это же город, а не вещество?

– Город, – согласно кивнула Покровская, – может, там производят это вещество или просто Левицкий туда соби-рался. Вариантов много.

– Или его знакомый, – подхватил Соболев, – которого мы, кстати, так и не установили.

– Ну, это теперь легко, – сказала Наташа, – узнаем в жил-конторе имя владелицы и узнаем имя съемщика, я надеюсь. В любом случае, мне кажется, надо начать с того, что узнать про это вещество побольше. Возможно, это и есть ключ к разгадке.

По крайней мере, у неё есть хотя бы одна ниточка.

* * *

Было около шести, а они сидели в лицее без малейшего намека на продвижение. Все ответы были однотипны. Екатерину Кирсанову последний раз видели на дне школы, откуда она ушла в половине десятого.

Теперь перед ними сидела Лера Лапина, та самая девица, что приставала к подружке убитой Кирсановой. Она откину-

лась на спинку стула и, кокетливо приподняв юбку, перебросила через колено ногу в черном гольфике.

– Я сразу поняла, что вы мент, – пренебрежительно сказала она, жуя жвачку, – по всем прихватам видно.

Это был всего лишь брошенный ребёнок, напомнила себе Ксения. Ребенок, до которого никому не было дело, ни родителям, ни этой школе. Она повернула голову в сторону напарника, тот усиленно старался сохранять спокойствие и не смотреть на закинутую ногу школьницы.

– Ты зря хорохоришься, – сказала Ксения вслух, – я слышала, что ты говорила Татьяне, или станешь отрицать?

Лера экспрессивно всплеснула руками.

– Хей, это была просто шутка, – нервно воскликнула она, – я очень любила Катюху! Её все любили. Я никогда не понимала, почему она тусуется с этими тремя пигалицами.

– С Дарьей, Татьяной и Софьей? – уточнила Авалова. Лера закивала, ерзя на стуле.

– Катюха высокая, эффектная, – сказала она, – а эти... ни кожи, ни рожи. Я не знаю, может, типа она хотела ярче выглядеть на их фоне. Я могу сказать вам одно, мы с Катюхой дружили.

Авалова сложила руки на груди и продолжала изучать школьницу.

– Поэтому ты кадрилась с её парнем во время дня рождения школы?

Лера фыркнула.

– Всё-то вы знаете, – пробурчала она, – небось, Танька растрепала, да? Тогда вы должны знать, что они с Катей расстались.

– Мы знаем, – кивнула Ксения, – но так же мы знаем, что он хотел её вернуть и они поссорились на вечеринке.

Лера манерно дернула плечом.

– Слушайте, откуда мне знать? «Я большую часть вечера танцевала, – сказала школьница, – там так орала музыка, что я при всем желании бы не услышала».

– Значит, ты не знаешь, из-за чего они поругались? – спросила Авалова.

Лера замотала головой.

– Да нет же, говорю вам, – сказала она, – Антон вроде хотел поговорить с ней, а она его отшила, но я не знаю точно.

Вроде, не знаю. Из них никто ничего толком сказать не мог. Пазл не складывался.

– И после этого Антон подошел к тебе? Лера кивнула.

– Да, – сказала она, – он обнял меня и начал гладить меня по бедрам и...

– Ты позволила это? – спросила Ксения.

– Я поняла, что ему просто нужно утешение, – объяснила Лера, – и женская ласка.

– И ты дала ему это утешение?

Лера сложила свои пухлые губки в недовольную мину.

– Если вы хотите знать, трахались ли мы, – сказала она, – нет, не трахались, только немного потанцевали, а потом он

ушёл.

– Ты уверена? – спросила Ксения.

– Абсолютно, – сказала Лера.

Больше из неё вытаскивать что-либо не имело смысла. Кто-то из них двоих врал, или Лера, или Татьяна. И внутреннее чутье подсказывало, что Татьяна. Но это выясним позже.

– Этот Сиджан, он сейчас здесь? – спросила Ксения у не вмешивающейся в допрос директрисы.

Женщина кивнула.

– Приведите ко мне его и классного руководителя, – распорядилась Авалова. – Послушаем, что они скажут, добавила она про себя.

* * *

Анастасия любила считать себя умной и здравомыслящей, хотя втайне от всех признавалась – и только самой себе, – что природа обделила ее терпением. Сидевшая же напротив Эльмира Сабурова была в этом отношении полной её противоположностью. То ли из-за своей исключительной выдержки, то ли из-за волевого характера. Анастасия точно не знала из-за чего, но эти качества позволяли Эльмире в совершенно разных ситуациях выглядеть непринужденно и эстетично. Сабурова была великолепным собеседником, могла поддержать или выбрать подходящую тему для разговора. Анастасия всегда хотела иметь хоть толику той выдержки,

которой была награждена Эльмира, она бы помогла, к примеру, более спокойно переносить нудных высокопоставленных гостей в пансионате, обескураживая их нахальство очаровательной улыбкой, а не прятаться от них где-то в толпе, как обычно она делала. Эльмира для Анастасии всегда была аналогом если не старшей сестры, то старшей подруги. К ней всегда можно было обратиться практически по любому вопросу и получить стоящий совет. Такой совет, какой не могли дать родители, такой совет, какой не могла дать даже Шурочка, не говоря уж о Верховском. Познакомились они с Эльмирой тоже в Швейцарии. Сабурова училась в том же университете, только раньше, и к моменту приезда Анастасии оканчивала магистратуру университета во Фрибурге, но в свою альма-матер иногда заглядывала. Специализировалась Эльмира на правовых вопросах, связанных со статусом Арктического региона.

Анастасия опять медитировала, что-то рассматривая за спиной сидящей впереди подруги. Эльмира проследила за взглядом девушки и медленно помахала рукой.

– Эй, – ласково сказала она. – Проснись.

Самое главное, что Анастасия действительно словно грезила наяву. Она подсознательно, сама того не желая, вызывала в памяти те события, что с ней происходили за последние несколько лет. Господи, зачем ты меня мучаешь? – подумала Анастасия. – Я же ни в чём не виновата. Или виновата? Но в чём?

– Что с тобой? – спросила Эльмира. – Я совсем тебя не узнаю. На тебя так повлияло то убийство?

Анастасия искоса посмотрела на подругу. А вот интересно, – подумала она, – как бы Эльмира отреагировала на такие письма из прошлого. Так же хладнокровно, как и на всё остальное? Или просто Эльмира не сталкивалась с тем, с чем столкнулась Анастасия в Женеве. Хотя с её историей...

– Нет, – сказала девушка, – убийство тут не причём.

Просто так много всего навалилось.

– Не поделишься? – спросила Эльмира. Она никогда не спрашивала из праздного любопытства или из тяги к сплетням и пересудам. Если Эльмира для чего-то спрашивала, то она действительно хотела помочь.

– Даже не знаю, с чего начать. Эльмира пододвинулась ближе.

– Давай сначала, – посоветовала девушка, – сначала всегда легче.

Анастасия вздохнула.

– Так вот сначала, – сказала она, – позавчера я встречалась с Александром, мы вместе ужинали, а потом я поехала домой. У меня болела голова, я не стала брать машину...

Рассказывая сейчас Сабуровой всю историю, Анастасия с внутренним ужасом заново переживала эти моменты. Весь шок произошедшего тогда Анастасия почувствовала почему-то только теперь, как будто кто-то блокировал её чувства до разговора с Эльмирой.

...Я пришла домой и увидела на тумбочке конверт, – продолжала Анастасия, – в этих листах была часть моего электронного дневника. Я писала его во время учебы в Женеве.

Эльмира смотрела на Анастасию прямым взглядом, стараясь ничего не упустить из того, что говорит собеседница. Анастасия не стала рассказывать про то, как забирала машину. Эльмира подняла палец.

– Стоп, – сказала она, – что ещё было в пакете? Анастасия стала вспоминать: веревка, молоток. Больше она ничего не видела, так как все её мысли занял выпавший конверт.

– Я не знаю, что мне делать, Эльмира, – подвела итог своей истории девушка, – меня кто-то обкладывает. Со всех сторон. Подбрасывает мне вещи, напоминающие мне о том, что я хочу забыть. Читает мои мысли. К чему-то меня подталкивает.

Эльмира отодвинула от себя суповую тарелку.

– Я не помню, в каком произведении, но в каком-то классическом, – сказала она, взяв в руку солонку и посыпая ее содержимым внушительных размеров стейк. Эльмира при любых ситуациях не теряла двух вещей: стиля и аппетита. Эти два свойства позволяли Сабуровой оставаться спокойной и уравновешенной.

Сидевшая же напротив Анастасия, которая, кстати говоря, ограничилась только супом, сидела в предгипнотическом состоянии, практически ни на что не реагируя.

– Так вот, – продолжала Эльмира, – там один человек

изобрел нечто революционное, и его люди, которых он считал своими друзьями, стали гнобить его пополюной. Вплоть до самоубийства.

– Похоже, – сказала Анастасия, – только я ничего революционного не изобретаю. Я ведь просто администратор в пансионате и только.

– Это неважно, – сказала Эльмира, – симптомы те же.

И потом, все это уже с тобой происходило однажды.

Анастасия кивнула.

– Ты права, – медленно расставляя слова, сказала она, – те, кто меня окружает, предстают в совершенно ином свете. Я начинаю подозревать в коварстве всех, кто мне дорог. Все изменились. Я сама меняюсь. Эти сны, видения о прошлом. Как будто кто-то подключается ко мне и заставляет меня видеть их. Переживать все заново.

Эльмира снисходительно улыбнулась.

– Это бывает, – сказала она, – та история, что приключилась с тобой и твоими друзьями, знаешь, такое совсем не просто пережить, но ведь ты пережила тогда. Переживешь и теперь. Ты сильная, может, ты сама не догадываешься об этом, но ты сильная.

Анастасия нервно засмеялась.

– Ты обо мне всегда лучшего мнения, чем я о себе думаю, – сказала девушка.

Эльмира отодвинула в сторону тарелку и наклонилась к подруге.

– Послушай, – сказала она, – я думаю, что на тебя кто-то влияет. Очень сильная личность. Нам надо личность эту выкинуть из твоего разума.

– И как же, позволь узнать? – спросила Анастасия.

– Абстрагируйся, – посоветовала Эльмира. – Необходимо, чтобы происходящее с тобой перестало быть частью тебя, – девушка бросила кроткую улыбку, – а ещё лучше влюбись, знаешь, иногда это здорово помогает.

* * *

– Никогда не понимала, почему мужчин так возбуждают девушки в школьной форме, – философски произнесла Ксения, проводив взглядом удалившуюся ученицу.

– А!?! – вздрогнул Рауш, вперив взгляд в только что закрывшуюся дверь. – Ах, да, вы правы, то есть я хотел сказать, что тоже не понимаю, все эти юбочки, гольфики, меня это совершенно не интересует.

Ксения, не удержавшись, приснула.

– Оно и видно, – усмехнулась девушка, – теперь понятно, почему они вам ничего не сказали, странно, что вам хоть что-то удалось вытащить из этих девиц.

Рауш прищурился на неё, колкость девушки ему не понравилась. Ну и пусть, на обиженных воду возят. Если бы он работал чётче, она бы не сидела здесь четыре часа.

– Ладно, не дуйтесь, – бросила Ксения, – скажите лучше,

Александр Верховский, это тот, который...

– Да, – подхватил Макс, – красавчик с рекламных плакатов, гений органической химии. Это он.

Ксения флегматично кивнула, подтверждая, что слушает.

– И где он сейчас? – спросила она. Рауш пожал плечами.

– Как будто постоянно живет здесь, – сказал оперативник, – я имею в виду, что не эмигрант. Человек публичный, известный, благотворительностью активно занимается, ну, как многие из его круга, но ничего криминального за ним не числится.

Ксения задумчиво сжала губы. Она про Верховского слышала только то, что говорили по телевизору, и насколько могла судить, этот мужчина всегда держался несколько в тени остальных представителей республиканской элиты, а чувства, желания и поступки таких людей всегда скрыты от широких глаз и иногда имеют довольно неприятную обратную сторону. Нет, подозревать Верховского в чём-то, конечно, было, ну, по крайней мере, опрометчиво, но Ксения привыкла к любимым, самым фантастическим поворотам, и возможную связь Верховского и пропавших девочек она должна была проверить, к тому же Верховский был из той же тусовки, что и Левицкий, а значит, мог его знать.

Закусив губу, Ксения достала из кармана утепленной жилетки телефон и бегло напечатала сообщение для Кристины, с вопросом, что та знает об этом Верховском. Левонова, очевидно, сейчас была на пути в Кранцберг. Они нарочно

договорились ехать раздельно, чтобы не показывать общую связь. По крайней мере до поры. Ещё Ксения ждала от неё информацию о таинственной журналистке, которая весьма заинтересовала Авалову. Ксения из опыта знала, что независимой журналистики, как и независимой политики, не бывает в принципе, поэтому её занимал вопрос, кто же отправил эту Ольгу Касаткину на встречу «Лиги честности» и для чего?

Дверь в класс открылась и вошла средних лет женщина с короткой стрижкой в деловом костюме, который был сходен с деловым костюмом директрисы, но отличался по цвету. Женщина представилась как классный руководитель и преподаватель по истории и философии.

– Я не знала, что в школах, кроме истории, учат ещё и философию, – коротко заметила Ксения.

Лицо учительницы было таким же суровым, бесстрастным и спокойным, как и у директрисы. Вот так рождаются мифы о зловещих закрытых школах, усмехнулась про себя Авалова, ещё раз вспоминая эскападу Фуко.

– Наш лицей углубленной гуманитарной направленности, – произнесла женщина, – поэтому ничего нет удивительного в том, что мы даем детям расширенные знания и соответственно требуем от них расширенного понимания.

– А запугивания и издевательства над одноклассниками – это практическое занятие по отработке философских теорий? – осведомился Рауш.

Ксения подавила в себе улыбку. Шутить умеет, уже хорошо.

– И как было с пониманием у Екатерины Кирсановой? – спросила Авалова.

– Она была очень способной, – сказала учительница, – одной из самых лучших учениц в классе.

– У вас были хорошие отношения?

– Рабочие, как с любым разумным учеником, знаете ли, мы не приветствуем внеклассное общение педагогов и детей, это пагубно влияет на психику. У нас нет походов, шашлыков и другой старорежимной глупости, только смиренное обучение.

Смиренное обучение, нужно будет запомнить формулировку, хмыкнула Ксения.

– Что ей нравилось? – спросила девушка вслух. – Может быть, какие-то особые предметы?

Учительница кивнула.

– Её очень интересовали политология и философия, – сказала она, – особенно она увлекалась Хангтинтоном.

– Кем? – переспросил Рауш.

– Американский социолог, – пояснила Ксения, – и политолог, автор концепции этнокультурного разделения цивилизаций.

Общение с Кристиной не пропало даром.

– Верно, – подтвердила классный руководитель, – Екатерину очень заинтересовала эта теория, и она много её обсуж-

дала со своей подругой, как она говорила.

– С одной из пропавших? – спросила Авалова. Учительница покачала головой.

– Нет, эти две девочки были совсем другие, они мало чем интересовались, я всегда удивлялась, почему Екатерина дружит с ними, но с другой стороны, это было хорошо, поскольку эти девочки хотя бы пытались ей соответствовать, чего я не могу сказать, например, о Лере, с которой вы разговаривали.

– А Антон Сиджан?

Учительница снова покачала головой.

– Нет, он строит из себя местного плейбоя, я не видела, чтобы они когда-нибудь разговаривали о чём-то серьезном, в основном дурачились.

Ксения нахмурилась.

– Исходя из ваших слов можно сказать, что подруга Екатерины была старше ее? – уточнила девушка.

– Именно это я и имею в виду, – сказала учительница, – а сейчас простите, у меня урок, и если у вас больше нет вопросов...

Ксения кивнула и протянула женщине прямоугольную визитку.

– Не смею вас задерживать, – сказала она, – это мой телефон, позвоните, если вдруг что-то вспомните, важна любая мелочь.

– Обязательно, – ответила женщина, – я надеюсь, что вы

найдете того, кто это сделал. Такая история, бросает тень на честь всей школы.

– Мы постараемся, – сказала Авалова.

Шли бы со своей честью куда подальше, чистоплюи, выругалась она про себя.

* * *

Антон Сиджан был тощим, смуглым подростком того возраста, когда дети хотят всего и сразу, и если их вовремя не останавливать, то это приводит к печальным последствиям. Рубашка свободно ниспадала на брюки, рукава были закатаны до локтей, отображая набитые татуировки, на шее висела золотая цепь. Картину дополняли взъерошенные черные, как смоль, волосы. Во всем его облике чувствовалась мелкая подростковая пакость, которую даже бунтом было назвать сложно. Да, такие мальчики нравились некоторым девочкам.

Ксения жевала грецкий орех и следила за реакцией парня на задаваемые Раушем вопросы, он сильно нервничал.

– У тебя странная реакция, – заметил Макс, – я думал, что ты будешь плакать, страдать и всё такое.

– Послушайте, – воскликнул Антон, – да, мы повздорили немного, но никакой драмы не было!

– Ты назвал её потаскухой, – вступила в разговор Авалова. Парень пожал плечами.

– Я не помню, – сказал он, – я был пьян. Мы тогда все

были навеселе.

Настала очередь Рауша.

– Почему вы расстались? Парень дернул плечом.

– Понятия не имею, она всё время ко мне придиралась, то я одеваюсь не так, то разговариваю не так.

– И ты на неё взъелся? – угрожающе спросил Рауш. – Естественно, ты сын помощника городничего, а тут какая-то дешевка будет тебя строить. Так ты решил, да!?

– Слушайте, да мне вообще наплевать было, – повысил голос Антон, – да, она была хорошенькая, но больно с мозгами, всё со своей политологией носилась. Я просто понял, что это не мой типаж.

Ложь в его словах чувствовалась за три километра.

– Тогда почему же ты пытался вернуть её на вечеринке? – спросила Ксения. – Все видели, как вы выясняетесь.

– Ты пытался вновь закадрить её, – подхватил Рауш, – но она проявила достоинство и отказалась, а ты, видно к отказам не привык.

Парень фыркнул.

– Да кто вам это сказал? – Небось наша Лерочка? А вы её больше слушайте, нимфоманка чертова. Я её отшил на празднике, вот она теперь и мстит.

Да, большой любви друг к другу эти детки не испытывали, решила Авалова, здесь торжествовали индивидуальность и борьба за выживание.

– Почему же ты тогда с ней танцевал? – спросила Ксения.

– А что, танцевать с девушкой уже преступление? – нагло осведомился парень. – На вечеринках танцуют с разными девушками.

– Ты начал ласкать её.

– Чушь, – фыркнул Антон, – мы просто танцевали, потом мне надоело, но она стала предлагать мне отойти куда-нибудь, ну вы понимаете, а у меня настроения не было, вот я и отшил её.

– Ты же говорил, что был пьян? – спросил Рауш. Парень пожал плечами.

– Не так, чтоб ничего не помнить, – сказал он.

Ксения покровительственно сложила руки на груди.

– Странно это у тебя выходит. Сначала ты веселишься с Катей, вы пьете на брудершафт, танцуете, а потом черт знает от чего соритесь, и ты её называешь потаскухой и при этом ничего об этом не помнишь, занеже был пьян, а как ты стал танцевать с Лерой, твои мозги просветлели, и ты всё запомнил.

– Сомнительно, что это мозги, – ехидно сказал Рауш, – скорее другая часть тела. Вашей Лерочке прямо живым антипахmeliном работать надо. Ну и что ты делал после отрезвительного танца?

– Да не помню я! – воскликнул Антон. – Но Катю я больше не видел, она уже ушла.

– А ты пошел за ней? – спросила Ксения. Парень покачал головой.

– Нет, – сказал он, – я остался в зале. У нас ди-джей ушёл, его надо было сменить.

– И кто тебя видел? – спросил Рауш.

– Да куча народа!

Ксения хмыкнула.

– Странно, – сказала она, – только нам никто об этом не сказал. После половины десятого тебя никто не видел. Рауш зашел за спину парню и положил на его тощие плечи свои мощные руки.

– А может, было по-другому? – сказал он. – Может быть, ты поставил музыкальные треки через компьютерную программу, а сам пошел за ней. Ты хотел просто ещё раз поговорить. И что же ты видишь? У неё свидание с кем-то другим. Ты в бешенстве. Как она могла тебя променять на кого-то ещё? Нет, ну, в самом деле? Ты дожидаясь, пока они заканчивают встречу, и догоняешь её. Ты её не хочешь убивать, просто в тебя в этот момент кто-то вселился другой и ты перерезал ей горло, чтобы она осталась твоей, навсегда! Так или нет? – заорал Рауш.

Версия была, конечно, очень хлипкой, но для психологического давления годилась.

– Да пошел ты! – завизжал Антон. – Я её любил. Я не виноват, что она не ценила этого!

Рауш зло захохотал.

– Ах, вот как оно? Да несколько минут назад ты говорил, что тебе плевать, что вы расстались! Конечно, она тебе нравилась. Красивая, умная, зачитывалась этим, как, бес его... Харрингтоном.

– Хантингтоном, – поправила Ксения.

– А ты для неё был богатенький слизняк, – продолжал да-

вить Рауш, – из богатенькой семейки. Ничтожество, которое умеет только тратить чужие деньги. Так она тебе сказала? Да?

Сиджан вжался в сиденье, его всего трясло. Он мог только мотать головой из стороны в сторону.

– И поэтому ты решил показать, какой ты крутой, да? – дожимал Макс. – Решил показать, что её жизнь в твоих руках. В руках такого никчемного сопляка!

Голос Рауша эхом разносился по всему классу. Ксения положила себе в рот ещё один орешек и ждала кульминации. В тот момент, когда Антон уже не мог пошевелить ни рукой, ни ногой от страха, девушка произнесла спокойным ровным голосом:

– Ты ничего не хочешь сказать? Пока ещё не поздно.

– Да, – вновь подхватил Рауш, – сунем тебя в КПЗ, сразу соловьем запоешь, только после того, как тебя петуха пустить заставят. В камере таких слащавых, как ты, очень любят.

Антон побледнел, Ксения неодобрительно посмотрела на Макса, она терпеть не могла дешёвые милицейские угрозы.

– Да ничего я не знаю! – взревел парень. – Я всего лишь хотел с ней поговорить!

– Послушай, – мягко сказала Ксения, стараясь успокоить Сиджана. – После того как Катя ушла с вечеринки, она должна была с кем-то встретиться. Кто это был? Это очень важно.

Дверь в класс распахнулась, и в кабинет влетел полный

мужчина в дорогом деловом костюме. Его правую руку обвивала высокая рыжеволосая девица лет двадцати в неприлично коротком розовом платье, которое вряд ли надела бы дочь при отце.

– Немедленно прекратите допрос, – заявил вошедший, – не смейте с ним так обращаться!

– А вы, собственно, кто? – осведомился Рауш.

– Я отец Антона, – заявил вошедший, – мне нужно поговорить с сыном.

– Немедленно выйдите, – властно ответил Рауш, – вы прерываете допрос!

Мужчина не сдвинулся с места, продолжая буравить взглядом оперативника. Девица только крепче сжала его локоть, так, словно могла упасть, если бы не держалась.

– Что вы делаете с моим сыном? – спросил мужчина. – В чём вы его подозреваете?

Рауш искоса поглядел на стоявшую рядом Авалову. Ксения решила не вмешиваться. Она с вежливым интересом наблюдала за развитием событий.

– Убита его одноклассница, и мы... – начал Рауш.

– Вы хотите сказать, что это сделал мой сын? – воскликнул мужчина. – Ему что, предъявлено обвинение?

– Нет, но мы...

– Папа!

Это был крик о помощи потерявшегося и испуганного маленького существа, которое внезапно вспомнило одно из

двух главных слов в жизни любого человека.

– Если ему не предъявлено обвинение, то я немедленно забираю его с собой, – сказал мужчина, – все разговоры только в присутствии адвоката.

Он внимательно посмотрел взглядом на Ксению, видимо решив, что она здесь все решает. Авалова коротко кивнула.

– Мы вас не задерживаем, – сказала она, – если появятся дополнительные вопросы, с вами свяжутся.

Ответа она не дождалась. Мужчина что-то невнятное пробурчал сыну, и они в компании девицы вышли из класса. Ксения подошла к приоткрытой двери и выглянула в коридор. Она увидела, как мужчина наотмашь ударил сына по лицу, девушке послышалось слово «недоносок». Рыжеволосая испуганно дернулась и театрально поджала намалеванные губки. Авалова печально усмехнулась. Воспитание инфантилизма, что тут ещё сказать? Ненужный сын неумелого родителя. Ксения закрыла глаза, когда через секунду открыла, увидела, что Рауш внимательно на неё смотрит. В этом взгляде чувствовалось ярое негодование.

– Почему вы не вмешались? – с упреком спросил Макс. – Ещё немного, и я бы дождал его!

Ксения устало вздохнула.

– Перестаньте Рауш, – успокаивающе сказала девушка, – мальчик этого не делал, и вы не хуже меня это знаете.

Макс ослабился.

– Понятия не имею, о чём вы, – язвительно отчеканил де-

тектив, – у парня были и мотив, и возможность её убить, и достаточные связи, чтобы думать, что ему это всё сойдет с рук.

– Мотив есть, – сказала Ксения, – соглашусь, но что же, по-вашему, убив её, он потом ещё и подруг её похитил, за чем?

Рауш махнул.

– Да, может у него, типа, развлечение такое? Может, он вообще садист. Сначала с одной развлекался, потом с другой, ну и так далее. Неужели вы не видите этот типаж? Типичный богатенький сынок.

Ксения пожала плечами.

– Не вижу, – сказала она, – я вижу несчастного забитого ребенка, с которым не занимаются родители. Мать неизвестно где, а отец тащится в школу с любовницей, которая чуть старше одноклассниц его сына. Этот парень всего лишь закрывается от враждебного мира. Явление типичное, согласна, но он не убийца. Инфантильный, слабый, но не убийца.

– Но он врёт, – возразил Рауш.

Ксения кивнула:

– Конечно, и Татьяна врёт. Они все врут. Но надо понять, о чём именно. И потом, неужели вы думаете, что этот парень может так бить ножом? У него не хватит физической силы, а удар редкий и профессиональный.

Макс разочарованно вздохнул, словно бы признавая правоту Ксении.

– Если б не приперся этот индюк, его отец, – продолжал сокрушаться оперативник, – я бы заставил его сказать правду.

Ксения бросила на Рауша придирчивый взгляд и спросила:

– Каким же образом, позвольте узнать? Стали бы пальцы ломать? Нужно чтобы он сам всё сказал.

Рауш фыркнул.

– Да бросьте, кто мы для него, так, мусор под его дорогими ботинками. Он нас презирает.

Ксения только хмыкнула.

– Мы из милиции, – сказала она, – нас вообще мало кто любит, да в общем-то и не должны.

– Глубокая философия, – поморщился Макс, – что теперь? Благодаря вам мы ведь, получается, вообще ничего не узнали.

Авалова усмехнулась:

– Нет, кое-что узнали. Мы узнали, что Кирсанова общалась с какой-то старшей подругой, вне школы, а ещё то, что она интересовалась политикой.

– И зачитывалась Хаггардом, – добавил Рауш, – я помню, и что нам это дает?

– Во-первых, не Хаггардом, а Хантингтоном, – поправила девушка, – а во-вторых, убитый таким же ударом Левицкий возглавлял молодежное политическое движение. Понимаете, о чём я?

Макс фыркнул.

– Думаете, она была связана с Левицким? – спросил он. – Как-то не вяжется.

Ксения пожала плечами:

– Почему нет? Я бы не исключала такого варианта. Само по себе нам это, конечно, ничего не дает, но проверить стоит. Здесь ведь есть филиалы движения Левицкого?

Рауш на секунду замялся.

– Да вроде бы, – неуверенно сказал он, – но если даже девочка была его членом, она же там ничего не определяла, хотя согласен, какая никакая, а ниточка.

Ксения кивнула.

– Вот именно, – сказала она, – ещё свяжитесь с криминалистами. Нужно понять, убили Кирсанову в самом пансионате или туда просто привезли труп. Если убили в самом пансионате... что она там делала? Возможно, именно там у неё и была назначена встреча.

– Что-то ещё?

Авалова мотнула головой.

– Нет, действуйте по обстановке. До завтра.

– А вы?

– Что я?

– Что вы намерены делать? – поинтересовался Рауш. – Пойдете гулять по ночному городу?

Она остановилась в дверях и несколько секунд обдумывала ответ.

– Пожалуй, так и сделаю, – сказала Ксения, и когда вышла из кабинета, коротко улыбнулась самой себе.

КОНЕЦ ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЫ

Глава IV. В силу тесной связи

*Няня, давай играть, как будто я голодная гиена,
а ты кость.*

Л. Кэрролл

Четверг, 18 октября

По ночному шоссе мчался мотоцикл. Он мчался с такой скоростью, что взбивал клубы пыли вокруг себя. Александр Верховский любил скорость. Он любил те мгновения, когда перегрузка, вызываемая чересчур высокой, скоростью вдавливала его в кресло почти до потери пульса и когда, когда после очередного лихого виража вместе с диким воем резины из-под колес вылетает сноп едва заметных искр. Вот что Александр Верховский называл получением адреналина. Многие, из тех, кто его знал, не понимали его страсти к мотогонкам. Некоторые считали это проявлением запоздалого юношеского максимализма. Некоторые сочувственно качали головами и замечали довольно пренебрежительное отношение Александра к собственной жизни, связывая это, прежде всего с отсутствием большого числа женщин в жизни молодого человека.

Все они были не правы.

Никаким юношеским максимализмом Александр не страдал и женщин в его жизни было предостаточно. Но та единственная, которая составляла смысл его жизни уже в течение восьми лет, которая была так близко и в то же время так далеко, то ли не хотела, то ли не могла понять его чувства. Да он был виноват перед ней за ту историю, которая произошла под рождество, но та история была простой шарадой. Ведь он же не знал, что всё так обернётся. Восемь лет. Восемь лет, прошло с того злополучного Рождества, но видимо обида в душе Анастасии сидела слишком глубоко.

А ведь ты и сейчас не сказал ей всей правды, зазвучал внутренней голос. Ты не сказал ей о той девушке. Перестань, ответил он сам себе, это просто случайность, её это не касается и не должно коснуться. В конце концов, и меня это не касается. Смерть девочки – это трагедия, но то, что она из нашей школы ничего не объясняет. Простое совпадение. Он не позволит, чтобы что-то тронуло Анастасию ещё раз. Он поклялся защищать её, нет не ей, он поклялся себе.

Женева, восемь лет назад

Дождливая и промозглая осень, как это часто бывает в Женеве, сменилась белоснежной и морозной зимой. Александр сидел в пабе на авеню Марше и, дую на заиндевевшее стекло, смотрел на падающие снежинки. Приближалось католическое Рождество, а значит – первые экзамены и после-

дующие каникулы. Хотелось уже расслабиться и думать о чём-то легком и весёлом. Расслабиться не получалось. Не из-за экзаменов, нет. Пара простеньких тестов по французскому не могут его напугать. За время учебы он встречал вещи и посложнее. Расслабление не получалось из-за Анастасии. Уже почти два месяца, как половина факультета судачит об их отношениях. При этом назвать эти отношения романом у Александра, в противовес остальным, язык не поворачивался. Так, пара взглядов, один поцелуй. Но Анастасия занимала все его мысли и чувства. Александр четко понимал, что такого раньше не было. Во время своей юности он достаточно ветрено обходился с девушками, не ожидая никакого продолжения в отношениях. Но теперь...

С тех пор, как они встретились, не прошло и дня, чтобы он не думал о ней. Она буквально влетела в его душу, заставляя терять остатки самоконтроля и сознания.

Александр достал мобильник и взгляделся в фотографию, где они вдвоем стояли возле знаменитого фонтана. Половина этой фотографии была на заставке экрана. Его взгляд жадно скользил по тонкой фигуре, по складкам зеленого платья, по копне рыжих волос, уложенных в пышную косу. Больше всего ему хотелось сейчас сидеть рядом с ней, распустить эти волосы, потому что так лучше. Сидеть и смотреть на неё, ну может быть, еще поцеловать...

Кто-то сзади схватил его за плечо. Александр повернул голову и увидел, что рядом с ним стоит Томас Чилуэлл. Он

был какого-то странного вида, весь потухший и с абсолютно пустыми глазами.

– Ну, привет Менделеев, – проглатывая буквы, громыхнул он, – что, варишь новое зелье, что-то типа «как завалить девушку за один вечер?» – Он оперся ладонями на стол и угрожающе навис над Верховским.

Александр понимал причину такого поведения Чилуэлла-младшего. Из рассказов Шурочки он знал, что Том был влюблен в Анастасию, но, видимо, безответно.

– Ты откуда явился сюда!?! – прошипел Том. – Думаешь, можешь приехать закадрить девчонку и всё, она твоя навсегда, да? А ты не подумал, что кто-то может её любить? Она ведь для тебя игрушка. Оставь её в покое.

Александр с отвращением посмотрел на него.

– Ты пьян, – сказал он, – иди, выпипись. Протрезвеешь, поговорим.

Чилуэлл стукнул кулаком по столу.

– Да ну, – гаркнул он, – думаешь, у меня от эля мозги заело? Черта с два. До того как ты появился, она была моей, понимаешь, моей. Ты приехал на чужую территорию со своими порядками.

– Том, – ровно сказал Александр, – я люблю её. Она сама сделала выбор.

– Да что ты говоришь, – протянул Том, цокая языком, – он любит! Неужели!?

Чилуэлл подошёл вплотную. Местная публика, видимо,

привычная к таким случаям, не вмешивалась. Завсегда и с интересом следили за происходящим.

Александр встал и хотел уйти, но Том крепко схватил его за запястье. Ну не устраивать же драку, в конце концов. Ничего не было страшного, он просто был пьян или под дурью.

Тем временем с Чилуэллом случилась другая крайность, обычная для людей в его состоянии. Глаза молодого человека вспыхнули огнём откровенного безумия.

– Тогда докажи это, – зашипел Том, – попробуй отобрать её у меня.

– А ты уверен, что она принадлежит тебе? – криво усмехнулся Александр. – Давай подойдем к ней и спросим, с кем она хочет быть.

– Ну, нет, – сказал Том, – давай решим это здесь и сейчас. Чья она.

Александр прищурился. Разговор ему нравился всё меньше и меньше. Главное сейчас было не вляпаться в то, за что придется расплачиваться.

– И каким же образом – позволь узнать?

Чилуэлл отошел от барной стойки и прошел вглубь паба, туда, где стоял пыльный бильярдный стол, на котором лежали два потертых кия. Том провел пальцем по зеленому сукну и, взяв кий в левую руку, прокрутил её по кругу.

– А ты выиграй Анастасию у меня, – сказал Чилуэлл, вертя в руках кий, – в бильярд. Сыграем партеечку. Выиграешь, отдаю её тебе, а если проиграешь – отвянешь от неё.

Александр смерил Чилуэлла взглядом. Вид, надо сказать, у него был абсолютно безумный. От таких людей неизвестно чего ждать. Задача Александра состояла сейчас в том, чтобы выйти из разговора.

– А если я откажусь? – спросил он.

– Тогда тебя вывезут отсюда в инвалидном кресле, – прорычал Чилуэлл, – ты тронул мою женщину и должен за это расплатиться...

* * *

Верховский мотнул головой. Он не должен вспоминать эту историю. Она закончилась. Закончилась и больше не повторится.

А письма, прозвучал тот же голос. Ведь кто-то их шлёт. Кто это может быть?

Опять этот голос, почему он всё время появляется? Нет, успокоиться, нужно немедленно успокоиться. Взять себя в руки и успокоиться.

Александр резко затормозил мотоцикл. Он даже не увидел финишной черты. Только почувствовал по ощущениям. Он всегда всё делал по ощущениям.

Он не приехал первым. Впереди него уже стояла знакомая ему зеленая «Ямаха», возле которой стояла Александра. В мотоциклетном костюме, она выглядела дерзко и непривычно для себя сексуально. Стоявшие в толпе мужчины бросали на неё жадные взгляды.

Александр никогда не понимал, зачем ей нужно это. Себе он всё время придумывал объяснения. А вот она... Девушка игриво подмигнула ему.

– Встречайте королеву сегодняшней ночи, – раздался голос в мегафоне – Шурочка!!!

Ночной воздух разрезал звук тяжелой металлической музыки и радостное улюлюканье толпы, получившей свою порцию адреналина.

Он не стал участвовать в общей вакханалии. Расстегнув промокший насквозь от пота гоночный комбинезон и резко сорвав с головы подшлемник, от чего его длинные волосы взметнулись в разные стороны, Александр плюхнулся на стул и стал большими глотками поглощать воду из бутылки, стоящей на соседнем столике.

Она подошла неслышно, как умела.

– Ну, ты сегодня даешь, – сказала Шурочка, – я думала, что ты меня сделаешь на повороте возле цветочной!

Александр махнул рукой.

– Черт его знает, что произошло, – сказал он, – голову что-то прихватило.

Шурочка фыркнула.

– Я тебе говорила, что не надо менять ускоритель, – с укоризной сказала она, – мотик не может так быстро набирать скорость, это вредно для здоровья.

Александр ничего не ответил. Шурочка говорила так из вечно своего скептицизма. Александр не любил скепти-

цизм. Если бы он был скептиком, он бы никогда не построил ту фирму, которая принесла ему все, что имеет сейчас. Александр любил пробовать всё новое. Не боялся открываться своим инстинктам.

– Что слышно о тех письмах? – он, наконец, смог задать волнующий его вопрос. – Анастасия их кому-то показывала?

Шурочка кисло посмотрела на него. Ей не хотелось говорить на эту тему.

– Нет, – отрывисто бросила девушка, – я посоветовала ей забыть про это. Мне кажется, она вообще всё себе напридумывала, как и тогда в Женеве.

Александр дернул щекой.

– Может быть, – согласился он, – с её-то психикой. Но ведь ту девочку правда убили, и убили в пансионате.

Манерное подергивание плечом.

– Почему это тебя так заботит? – спросила Шурочка. – Разве мы имеем какое-то отношение к убийству? Это ведь случайность.

Эти слова сейчас прозвучали странно и небрежно, а ведь совсем недавно он сам их себе сказал.

– Не хочу, чтобы это коснулось Анастасии, – произнес Александр. – Если милиция или журналисты свяжут убийство с ней, она может это не пережить. Ей хватило прошлого раза. Я видел, как она была напугана.

– Но она же не виновата.

Александр махнул рукой.

– Послушай, кого это волнует, милиция обожает разрабатывать такие версии, простые и тупые, которые лежат на поверхности. А если станет известно ещё и про этот дневник...

Шурочка вздохнула.

– Я тут подумала, если ты прав и эти листы присылает кто-то из тех, кто знает всю эту историю, что, если он просто хочет отомстить Анастасии за неё, вот и убил эту девочку.

Она никогда не теряла нить размышления. Его иногда это поражало.

– Я знаю о ком ты, – сказал он, – но, по-моему, это нерезально.

– Чужая душа никому не известна, – возразила Шурочка, – слишком большие жертвы, слишком велико наказание.

Александр хмыкнул.

– Но ведь история была расследована до конца, – сказал он, – и все выяснилось.

Шурочка улыбнулась:

– Не всё, и ты это прекрасно знаешь. Этого не знает Анастасия, но тебе-то всё известно.

Александр потупил взгляд. Его голова опустилась на грудь.

– Я бы на твоём месте подумала, кому ещё это выгодно, как не тому, кто больше всех виноват в той истории.

– Но причем здесь эта девочка? – спросил Александр.

Шурочка посмотрела на него взглядом строгой учительницы, как на непонимающего ученика.

– А ты сам! – сказала девушка. – Какой шум поднимется, когда узнают, что девочка училась в твоей школе? Что, если бьют по вам двоим?

Александр поднял голову и посмотрел на подругу.

– И что ты предлагаешь, – спросил он, – мой верный советник?

Её губы тронула легкая улыбка.

– Нужно бить первым, – сказала она, – подкинь ментам эту идею, только не сам, а через кого-нибудь. Они за неё и ухватятся.

Шурочка протянула к нему руки и аккуратно расправила заломившийся воротник на куртке. В его голове что-то щелкнуло. Она была так близко и была такой желанной, что его руки сами обняли её.

– Давай не здесь, – сказала она, засмеявшись, – поехали ко мне. Там нам никто не помешает.

Их губы слились в продолжительном поцелуе, но он хотел большего. Здесь и сейчас. Он всегда поддавался инстинктам.

* * *

Над Кранцбергом опустилась ночь. Тот самый ночной час, когда даже самые отчаянные гуляки южного города разошлись по своим домам.

Ксении спать не хотелось. Она думала об убийстве, о том, как его раскрыть. Своими мыслями она всё время возвраща-

лась к убитой девочке. К осознанию той мысли, что её истерзанное тело лежало сейчас в морге, а её убийца, возможно так же, как и она, сидел и пил кофе, возможно, даже рядом с ней. Возможно, она даже уже его видела.

Ей было только семнадцать. Это был зверский поступок, но для того, чтобы совершать зверские поступки, не нужен зверь. Парадоксально, но звери никогда не совершают зверских поступков. Они сильные и благородные существа. Они всего лишь борются за выживание. У них нет выбора. У человека этот выбор есть. Ему не нужно бороться за выживание, но он совершает зверские поступки. Почему так происходит? Она много раз задавала себе этот вопрос и не находила ответа.

Ни у кого не было ответа. Священник сказал бы, что виноваты бесы, вселяющиеся в нас, ученый объяснил бы всё психологией человека, либеральный журналист – бездействием властей и отсутствием закона. Каждый из них всего лишь давал объяснение согласно своей вере и своей конъюнктуре. И каждый из них завершит свою версию одним и тем же, что это несправедливо, что это невозможно понять, но что нужно прощать и жить дальше.

Нет, подумала девушка, такое нельзя пережить, такое нельзя забыть. Люди, которые говорят обратное, никогда так не скажут, окажись они в этой ситуации. Она не могла представить, что испытывает человек, когда его близкий, особенно ребёнок, лежит в морге и его тело эксперты разбирают как

конструктор. И все лишь из-за того, что она кому-то мешала или кого-то раздражала.

Прощение, смирение, Ксения усмехнулась, это слишком высокие материи для человека, испытывающего боль утраты.

Нельзя понять? Нет, это нужно было понять. Она должна была понять, чтобы подарить людям хотя бы фальшивое облегчение. Она знала, что это облегчение фальшивое. Тяжесть утраты остается навеки. Кто-то говорил про справедливость в том, другом мире. Пусть он и наступит когда-нибудь, но у неё не было времени. Ей нужно было здесь и сейчас.

На деревянной поверхности столика гостиничного ресторана девушка оригинальным пасьянсом разложила фотографии Екатерины Кирсановой, её пропавших подруг и одноклассников, с другой стороны она положила фотографию Левицкого.

– Я бы положила сюда ещё несколько фотографий, – прозвучал где-то сверху голос Кристины.

Ксения обернулась. Её подруга стояла возле столика в легком пальто и с дорожной сумкой в руках. Небрежно улыбнувшись, девушка присела за столик и положила перед Ксенией снимки Александра Верховского и молодой девушки, в которой Ксения узнала Анастасию Урусову – администратора пансионата, где нашли труп Кирсановой.

– Ты омерзительно пунктуальна, – улыбнулась Ксения, –

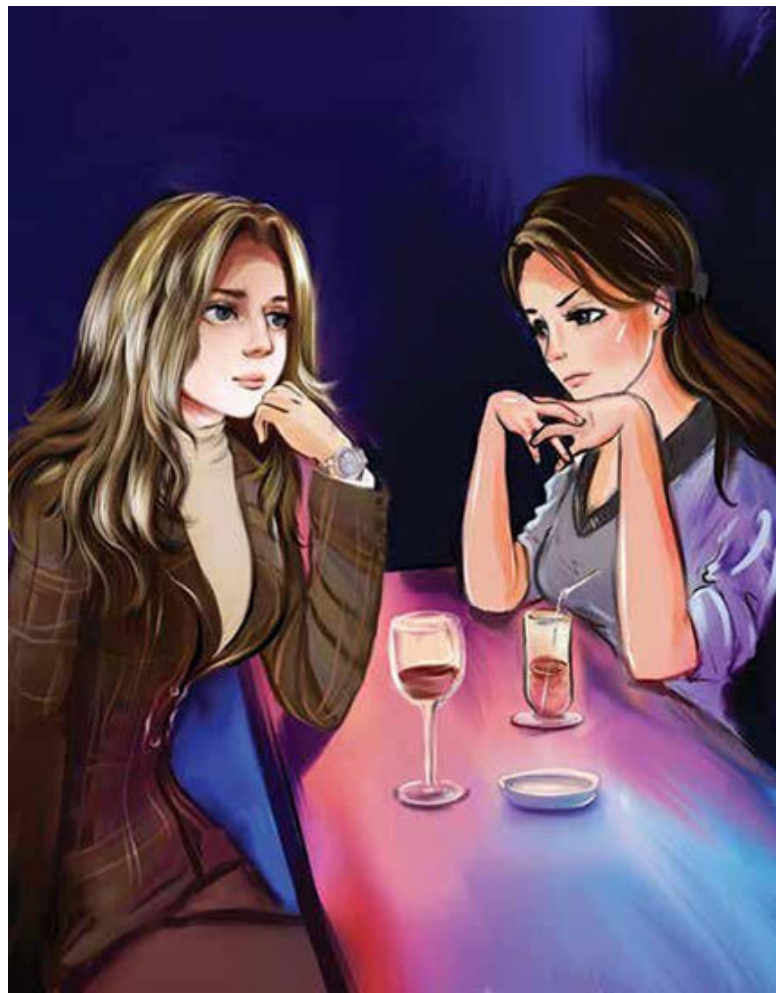
по тебе надо часы сверять.

– У каждого свои недостатки, – согласилась Кристина, – мчалась я к тебе с очень интересной историей. Ты хоть знаешь, про кого ты меня спрашиваешь?

– Фармацевтический олигарх, – кивнула Ксения, – его же так называют?

Леванова уклончиво кивнула.

– Так, только вот у него ещё и жизнь до этого была. В общем, этот молодой человек, до того, как стать фармацевтическим олигархом, делал РНД в Швейцарии и учился он в одно время с... – девушка ткнула пальцем в фото администратора пансионата, – Анастасией Урусовой, которая была студенткой первого курса юридического факультета Образовательного центра имени Ломоносова в Женеве.

– Интересно, – кивнула Ксения, – и что их связывает? Кристина театрально всплеснула руками.

– Ну, что их связывает, это отдельный вопрос, – сказала она, – весьма тёмный, кстати, но самое интересное впереди.

– Сгораю от любопытства, – сухо сообщила Ксения. Лёвонова загадочно улыбнулась.

– Рассказываю. Всё благодаря интернету. Величайшее изобретение человечества, если с умом пользоваться. Найти можно что угодно, ничего бесследно не пропадает, главное знать, что искать. В общем так, как ты понимаешь, кроме университетского, Верховский ещё и начальное образование имел. Так вот, он окончил Октябрьскую гимназию, которая теперь называется... Международный лицей.

Авалова приподняла бровь.

– Ну, это нормально, – заметила она, – обеспеченный человек, решил помочь своей школе.

Губы Кристины тронула улыбка.

– Это не всё, – сказала девушка, – вместе с ним учился...

Ксения усмехнулась. Особого выбора не было.

– Левицкий? – на всякий случай спросила она. Лёвонова кивнула:

– Да, они одноклассники. Ну это так, к слову. Речь, впрочем, не о том. Моя история покруче. Во время пребывания Верховского в Швейцарии там произошла одна неприятная история. Может быть, ты даже о ней слышала. Под Рождество в своем загородном доме были убиты английский адво-

кат Джеймс Чилуэлл, его жена и двое детей. Ты спросишь меня, какое это имеет отношение к делу? И я тебе отвечу. Верховский и Чилуэлл очень тесно общались, до смерти последнего, благодаря тому обстоятельству, что подруга Верховского – Анастасия Урусова – проживала в загородном доме Чилуэлла, поскольку он был другом её отца.

Авалова только меланхолично хмыкнула.

– Да-а, – протянула она с легким смехом, – а ты мне ещё говорила, что Швейцария не Монако.

Кристина предупредительно подняла палец.

– А теперь десерт, – сказала она. – В общем, я кое-что узнала об этой журналистке – Ольге Касаткиной. Она специализируется на журналистских расследованиях. Молода, перспективна, но абсолютно без тормозов.

– Обычно такие журналистки имеют короткую жизнь, – хмыкнула Ксения.

– Ну, – пожала плечами Кристина, – наверное. Во всяком случае её это не останавливает. Эта акула пера занимается сейчас весьма интересной темой. Речь идет о некоем лекарственном средстве. Называется оно «Греларозол» и судя по всему достаточно токсично, а за производством этого препарата стоит Арсенюк. У Касаткиной вышла пара статей, после чего ее попросили сменить пластинку, но она отказалась, потом получила волчий билет и её перестали печатать, затем подалась на телевидение, оттуда её тоже удалили, но девушка на этом не остановилась, а более того, раскопала очень

интересную информацию, мало приятную для наших знакомых из «Лиги честности». Не буду вдаваться в подробности, скажу только, что таблетки эти, со слов Ольги, поставляются в одну частную швейцарскую клинику, и угадай, кому она принадлежит?

Ксения усмехнулась.

– Тополевичу?

– Бинго! – хлопнула в ладоши Кристина. – Оказывается, наш заочный беглый друг активно занимается вопросами здравоохранения в Швейцарии.

Авалова несколько секунд помолчала, оценивая информацию.

– Ну, клиника, конечно, ему вряд ли принадлежит, – предложила девушка, – скорее всего, оформлена на подставное лицо. Я так понимаю, что и это не все?

Кристина улыбнулась и пододвинула к себе креманку с мороженым.

– Нет, – сказала она, – этот препарат всплывает уже не в первый раз. Одиннадцать лет назад в Швейцарии, по непроверенным данным, от похожего лекарства умерла жена топ-менеджера одного крупного банка. Полиция, естественно, все списала на несчастный случай, муж начал собственное расследование и обратился в англо-швейцарскую юридическую фирму, управляющим партнером в которой был Джеймс Чилуэлл. И когда его убили, то документы по этому делу пропали, а топ-менеджера банка сбил трамвай. Вот те-

перь всё.

Ксения задумалась.

– Да-а, – проговорила она, – история. Похоже, кто-то очень мастерски зачищал концы. Теперь понятно, что эта журналистка делала на том «высоком собрании», но как она обо всём этом узнала? Надо бы с ней связаться.

Кристина усмехнулась.

– Уже, – сказала девушка, – я встречаюсь с ней завтра в 14.00, – она посмотрела на часы, – ну то есть уже сегодня.

Ксения одобрительно глянула на подругу.

– Молодец, – кивнула она, – поговори с ней, вдруг она тебе что-то дельное расскажет. Ты же не из милиции. Тебе больше доверия. А как думаешь, она может работать на Верховского?

– Вполне может быть, – задумчиво сказала Леонова, – он человек влиятельный. Денег у него на грамотный журналистский заказ хватит. Знаю, что Верховский и Арсенюк враги по бизнесу, возможно, Верховский хочет чем-то насолить Арсенюку.

– А на чём Арсенюк поднялся? – спросила Ксения.

Кристина криво усмехнулась:

– На торговле заряженными пирамидками.

Ксения сделала удивленные глаза.

– Да, дорогая моя, – улынулась Кристина, – и такой заработок приносит солидный доход. Правда, сейчас он этим уже не занимается. Накопив денег на пирамидках, он по случаю

прикупил пару литиевых заводов и теперь вся промышленность под ним. Может, Верховский хочет откусить от этого пирога, да не знает, как подступиться?

– Но зачем Верховскому лезть в дела Арсенюка? – показала головой Ксения. – Ему своей химии мало?

– Да мало ли поводов? – пожала плечами Кристина. – Возможно, он во власть решил пойти, ну сделать что-то яркое, справедливое, чтобы народ поверил в нового губернатора или депутата. Знаешь, пару месяцев назад Верховский предложил мне стать его политтехнологом. Правда, не лично, через свою помощницу Александру Рыкову. Я тогда отказалась, мне показалось, что независимая работа интереснее, но я ещё подумала, зачем Верховскому политтехнолог? Он всегда держался в стороне от политики. Человек он закрытый, даже замкнутый. Непонятно.

Ксения задумчиво скрестила руки и с полминуты помолчала.

– То-то и оно, – сказала она, – люди склада Верховского если и делают что-либо, то только с определенным расчетом и смыслом. И потом, причем здесь убитая Кирсанова и две пропавшие девушки? Какая связь может быть между ними и всем этим?

Кристина задумчиво приподняла бровь.

– Так, может, связи нет? – спросила она. – Может быть, дело Кирсановой здесь не причем?

Ксения покачала головой.

– Нет, – сказала девушка, – должна быть. Уж слишком всё крутится в одной точке. Не верю я в такие совпадения. Совпадений вообще не бывает, сказала себе девушка.

* * *

Всё утро следующего дня Алексей Соболев изнывал в крошечной комнатке, которая являлась предбанником районной управы Яснопольского района, и терпеливо ждал своей очереди. Можно было, конечно, вытащить удостоверение, растолкать просителей, нахамить секретарше, но это было не в его планах. Покровская, когда провожала его в управу, четко сказала, что не надо привлекать к себе внимание. Вот он и сидел, а точнее, стоял, не привлекая внимания...

– Мужчина, у вас совесть есть!? Вы меня раздавите сейчас, да еще и папкой тычете в лицо!

– Извините, пожалуйста, – сказал Алексей даме средних лет, к которой его придвинула толпа вновь пришедших людей.

Но дама не успокоилась:

– Вы что, пьяный, что ли?! На ногах не держитесь...

– Извините, – ещё раз сказал Алексей, стараясь сохранять спокойствие, – вы видите, сколько народа, если бы не это обстоятельство, я бы близко к вам не подошел.

– Что у вас под курткой? – продолжала негодовать дама, поправляя прическу и отпихивая Соболева как можно дальше

от себя.

– Книга, – коротко сказал Алексей.

– Какая ещё книга?! У вас там что-то железное, – она шлепнула Алексея по руке и потрясла ушибленными пальцами, – небось народное добро тыришь, вот тебя бы в советскую власть. Там милиция с тобой живенько бы разобралась. Давно вас всех раскулачить пора. Небось курточку-то на ворованное у народа купил!

Алексею стало смешно, когда он понял, про что говорит его эээ... собеседница. Он наклонился к её уху и прошептал.

– Я вам покажу, – сказал он, – только вы меня не выдавайте!

Дама изогнула шею, чтобы смерить Соболя высокомерным взглядом, а Алексей приоткрыл полу куртки и показал висевший на предплечье «Макаров».

После этого её взгляд утратил высокомерие, дама стремительно выкрутилась со своего места и растворилась в очереди. Через несколько секунд Соболев услышал хлопок двери.

Разговор с дамой отвлек его от главного. Едва он обернулся в сторону заветной двери префекта, как из кабинета выглянула секретарша и деловито объявила обеденный перерыв. Ворча и расталкивая друг друга, просители ручейком начали покидать предбанник. Алексей решил остаться. При исполнении любой инструкции надо учитывать форс-мажор. В данном случае обеденный перерыв в управе. До которого, кстати, было ещё полчаса.

Дождавшись ухода последнего посетителя, Алексей встал и деловито постучал в дверь.

На стук никто не отреагировал. Соболь снова подергал дверь.

– Есть кто живой?

– Я сейчас тебе по голове постучу, – раздалось из кабинета, – обед.

– А написано, что обед через полчаса будет, – упорствовал Алексей.

– Мало ли что где написано, – сказал голос, – я говорю обед, значит, обед, ясно?!

– Яснее некуда, – согласился Алексей, – а если я вам книжечку волшебную покажу, пустите?

Некоторое время голос молчал, потом вновь заговорил. Только не женский, а мужской.

– Какую ещё книжечку? Что вы несёте?!

– Красненькую, – сказал Алексей, – с всадником посередине и называется она удостоверение сотрудника МВД. Так я жду или табельное оружие вынимать?!

Внутри кабинета послышался шорох, а затем дверь открылась и в проеме через цепочку показалась голова девицы лет двадцати.

– Чего надо? – поинтересовалась она, одергивая юбку и поправляя выбившуюся рубашку. – Не видно, что обед?

– Да уж вижу, – заметил Соболь, – мне необходимо выяснить имя и адрес владелицы одной расселённой коммунал-

ки. У вас же имеется такая информация?

– Имеется, – ответила девица, – но вам этих сведений я не предоставлю.

Сказав это, девица захлопнула дверь. Соболь вздохнул и снова постучал.

– Вы, наверное, не поняли, я из милиции, – сказал он.

– Да мне-то что, хоть из администрации Президента, – прокричала девица сквозь закрытую дверь, – без письменной санкции ничего показывать не буду!

– Понятно, – сказал Алексей, – закон превыше всего. В таком случае я тоже буду действовать по закону. Вызову «Сокол», они вам ящички повыворачивают. Как вы думаете, сколько я там паспортов липовых найду?

Снова послышался шорох и дверь открылась. Только уже полностью.

– Удостоверение покажите! – уже на полтона тише сказала девица.

Алексей, подчиняясь, вытащил удостоверение. Вся конспирация насмарку.

Девица, ничего не говоря, подошла к компьютеру.

– Адрес? – отрывисто спросила она.

– Чкалова 9-а, – сказал Соболь, – квартира 38. Девица что-то почикала и пощелкала на компьютере.

– Квартира была расселена полгода назад. Принадлежит теперь единолично Левицкой Инге Евгеньевне.

Соболь от удивления чуть папку не уронил.

– Как-как? – переспросил Алексей, торопливо достав блокнот, – Левицкой?

– Да, – ответила девица, – а вы что хотели услышать? – Алексей покачал головой.

– Нет, нет, всё в порядке, – сказал он, – спасибо за помощь следствию.

– Не булькает, – отозвалась девица, – дверь за собой закройте.

Алексей так и поступил. Надо сказать, что выходил он в довольно недоумённых чувствах. Если жена Левицкого хозяйка квартиры, где её муж встречался с таинственным некто, почему она не сообщила об этом?

Околоточный достал мобильник и набрал Покровскую.

– Это Соболев. Новость из серии невероятно, но факт. Хозяйкой нашей квартиры является Левицкая Инга Евгеньевна.

– Это жена? – уточняющее осведомилась Наташа.

– Ага, – сказал Алексей, – именно она.

– Так, – Соболев услышал звук падающей ручки, – а это значит? – спросила Покровская.

– А это значит, – сказал Алексей, – что жена наврала про то, что не знала, зачем её муж ездил в Яснопольский район.

– Как минимум, – сказала Наташа, – а ещё это значит, что нам нужно ехать заново опрашивать Ингу Левицкую.

– Понял, – сказал Алексей, – за вами заехать?

– Нет, – сказала Наташа, – на перекладных доберусь.

А ты не теряй времени. Прямо сейчас и выезжай.
– Понял, – сказал Соболев, – еду.

* * *

Александр открыл глаза и с односекундным удивлением увидел свое отражение на зеркальном потолке спальни в квартире Шурочки. Девушка лежала рядом с ним, слегка прикрыв одеялом свое обнаженное тело, её волосы, обычно аккуратно уложенные, теперь были разборсаны по подушке. Она была настолько прекрасной, что Александр некоторое время не мог оторвать от неё глаз. Он наслаждался запахом её волос и кожи, её кротким дыханием. Александр поймал себя на мысли, что он хочет её, прямо сейчас. Молодой человек тряхнул головой. Нет, это неправильно, подумал он. В том, что они были вместе, было что-то неправильное, неестественное.

Тогда зачем ты делаешь это, зазвучал внутренний голос, она ведь тебе нравится? Ты же хочешь её. Она дала тебе утешение и ласку, которые были тебе нужны. Разве не так?

Молодой человек повертел головой. Ерунда, подумал он, разве это любовь? Разве это то, что я чувствую к Анастасии? Так, простая физиология. Надо все прекратить и забыть, а ещё лучше взять и уехать. Уехать, пока не поздно.

Уехать не получится, сказал внутренний голос, разве ты не пытался? Ты до сих пор не понял? Зачем ты нужен и для

кого? Ты не имеешь права отступить.

Я не хочу, не хочу больше никого травмировать, сказал сам себе Верховский.

Ты всегда можешь отказаться, ответил голос, у человека всегда есть выбор.

Чушь, чушь. Александр встал и, перешагивая через разбросанные вещи, зашел в ванную. Заглянул в зеркало и увидел свое лицо. Оно было как всегда спокойным и ясным. Его лицо никогда не выдавало эмоций, наверное, он мог бы стать неплохим политиком.

Его всё время спрашивали, что он чувствует. Красивый, умный, мужественный, успешный. Чего ещё нужно было желать? Может быть, немного реальности. Ведь его сделали таким. Ему придумали его образ. Реальность же всегда сложнее. В реальности его грыз страх. Липкий, ползучий, который забирался в самые дальние уголки сознания, путал и рвал мысли. Какой это страх? Александр знал. Он холодный, мертвый, но недостаточно мертвый. Он просыпается в его душе и поедает сердце, и он знал имя этого страха. Она была его страхом, его любовью и его страхом, и он не мог и не хотел убивать этот страх. Если он убьет этот страх, он убьет её. Страх – вот что он чувствует. Страх привел его к тому, что произошло в Женеве. Страх разорвал его и Анастасию. Он всё время испытывает страх. Потому что в этом мире всё и всегда умирает. Умирает и ничего не остаётся. Никогда, даже песчинки. Даже звезды сгорают. Страх – вот что правит

миром, не любовь, а страх.

Женева, восемь лет назад

Тусклое свечение зеленых ламп. Запахи табака и пота в душном помещении паба вызывали у Александра тошноту. Натирая свой кий, он смотрел, как его соперник отправляет красный шар в угол стола и как шар этот медленно закатывается в лузу.

Александр неожиданно почувствовал, что устал. Он всегда знал пределы возможностей своего тела и мозга. Это помогло ему не выдохаться до конца и избегать притупления чувств, плодящего ошибки.

Но сегодня всё было по-особому.

Александр никогда не играл на деньги. Он, безусловно, был азартен, но считал себя выше того, чтобы собирать банк и делать ставки. Игра (любая игра) интересовала его, как сама цель, а не как средство к достижению цели.

А сегодня Александр играл не на деньги. Сегодня он играл на жизнь. Не напрямую, конечно. Но сама мысль о подобной ставке поднимала его уровень адреналина. А он помогал в игре.

Игре, которая могла наполнить его жизнь смыслом, а могла и сломать, если он сделает ошибку.

Александр не делал ошибок.

Плавно опустив кий на сукно, Верховский прицелился и

ткнул один из шаров. Тот весело покатился по зеленой поверхности стола и, опрокинув в лузу два других, закатился вслед за ними.

– Партия! – довольно сказал он. Для Верховского это была парада. Увлекательная, интересная, но парада.

– Красиво играешь! – отметил Чилуэлл. – Но я подумал и решил, что одного бильярда для доказательства любви к Анастасии будет недостаточно. Любовь надо связывать кровью. Вот и свяжи.

Александр нахмурился. История набирала обороты. И по мере набирания этих оборотов она нравилась ему всё меньше.

– Я не Фауст, а ты не Мефистофель, – ровно сказал он.

– Скреплять узы своей кровью способ устаревший – заметил Чилуэлл, – и довольно грубый. Я же предлагаю тебе проверить свою силу духа. Если ты пойдешь на это, я поверю, что ты её любишь.

– Ты пьян, – сказал Александр, – неужели ты думаешь, что Анастасия сможет меня принять, если я совершу подобный поступок?

– А кто ей скажет? – фыркнул Чилуэлл. – Я буду молчать. А если ты боишься легавых, то я же тебе не посла грохнуть предлагаю. За этим баром большой выбор кандидатов. Трупом больше, трупом меньше.

Чилуэлл вытащил из-под полы куртки серебристый пистолет.

– Действуй, – сказал он, – покажи, на что способен.

Они вдвоем вышли из паба на промозглый Женевский «Бист». Зашли за угол. Там действительно сидели, закутавшись в одеяла, пара-тройка людей, скорее всего румыны или цыгане.

Александр достал пистолет. Он уже плохо соображал, что делает. Адреналин зашкаливал. И вдруг он остановился. Сам не понимая почему, словно кто-то перехватил его руку. Александр глубоко вздохнул. Короткое затмение спало. Молодой человек развернулся и с презрением посмотрел на Тома.

– Нет, – отрезвленным голосом сказал он, – этого не будет! Не получив желанного, ты хочешь мешать другим. Этого не будет!

Том пронзительно засмеялся.

– Замечательно, – сказал он, – пересилить себя ты не можешь, а значит, ты проиграл. Но попытка засчитывается.

Больше Александр ничего не помнил. Пала тьма. Очнулся он от запаха тлеющих дров. Сколько времени пролежал он на снегу, так и осталось загадкой. Один из румын настойчиво совал ему в лицо жестяную чашку с каким-то отваром, а заодно показывал на нос. Александр прикоснулся к своему носу и убедился, что он сломан. Дав румынам денег и поблагодарив, Верховский встал и, пошатываясь, вышел со двора. Идти особо было некуда. В полиции его рассказу всё равно не поверят, а что касается Анастасии, то не хотелось рвать

её чистую душу. Оставалось одно место – Шурочка. Она его примет и поймет.

* * *

В реальность из образов прошлого его вернуло гудение мобильного телефона. Номер был незнакомый.

– Доброе утро, Александр Владимирович, – услышал он сухой мужской голос.

– Адашев, подумал Александр, только его сейчас не хватало. Политикой Александр особенно не интересовался, но когда бывал по необходимости на разных светских мероприятиях, то пересекался с экс-генералом, правда, близко они никогда не общались. У Адашева всегда были сомнительные знакомые и весьма темное происхождение капитала, однако, поскольку открыто воротить нос в понтийском бомонде было не принято, то Александр всегда был с ним вежлив, но аккуратен.

– Доброе утро, Сергей Александрович, – сказал Александр, – чем обязан вашему столь раннему звонку?

Адашев усмехнулся в трубку.

– Это смотря в какой стране находишься, – заметил экс-председатель, например, в Кранцберге, уже десять часов утра.

– Вы прилетели в Кранцберг? – осведомился Верховский. – На саммит или как частное лицо?

– Возможно, и то и другое, – сказал Адашев, – все зависит от того, как пройдут эти выходные. Кстати, я устраиваю завтра коктейль в своем загородном доме, по поводу создания нового общественного движения, и приглашаю своих друзей.

Ах, вот оно что, понял Александр, значит, лига Тополевича активно действует и ищет спонсоров.

– Я ценю, что вы считаете меня своим другом, – сказал Верховский, – однако, вы ведь знаете, я далек от политики. Разработки моей фирмы нужны любой власти в любой стране, и мне всё равно, кому их продавать. Вы же знаете, что политика интересует меня только на предмет шуток.

– Давайте пошутим вместе, – предложил Адашев, – общество, которое я приглашаю, будет незатейливое, смешанное и бесхитростное, и ваше остроумие окажется весьма уместно.

Александр с полминуты помолчал. Вряд ли Адашев собирает гостей только для коктейля. Тополевич, скорее всего, отчитал Адашева за недостаточное финансирование новой избирательной кампании. Александру это было действительно безразлично, но на этой встрече он мог узнать что-то, что могло помочь Анастасии.

– В таком случае премного благодарен за приглашение, – сказал Александр, – обязательно приеду.

Верховский отключил мобильный. В конце концов, это дополнительный прилив адреналина. Он будет получать эс-

тетическое удовольствие от грызни понтийской элиты. Это во-первых, а во-вторых, ему было интересно, кто из людей его круга согласится дать Тополевичу деньги.

Александр почувствовал на своей шее руки Шурочки и жаркий поцелуй её губ.

– Доброе утро, – проворковала красавица, – кто звонил?

– Адашев, – сказал Александр, – пригласил меня на коктейль, завтра.

Шурочка вопросительно сдвинула брови.

– Коктейль!?! – настороженно спросила она, мгновенно превратившись из подружки в юриста компании. – С чего бы Адашеву интересоваться тобой, он же знает, что ты вне политики?

Верховский пожал плечами.

– Его не только деньги интересуют, – сказал он, – скорее возможность показать, что его движение, наоборот, поддерживают люди, такие, как я.

– Ты пойдешь?

Вопрос профессионала. У неё всегда получалось лучше выглядеть, чем у Анастасии.

Верховский кивнул.

– Думаю, что мне удастся, что-то узнать о том, почему убили Андрея, возможно, это как-то связано с убийством той девушки в пансионате.

– Почему ты так решил? – настороженно спросила Шурочка.

– Мой начальник службы безопасности сумел добыть фотки с убийства Левицкого, так вот удар, которым умертвили Андрея, очень похож на тот, которым убили Кирсанову.

Шурочка флегматично хмыкнула.

– Похожий это не значит, что один и тот же, – заметила девушка.

Александр вздохнул.

– Удар редкий, – сказал он. – Резкий и снизу-вверх, индейцы в Канаде медведей таким образом убивают.

– Но причём здесь Анастасия? – спросила Шурочка. – Зачем труп подбрасывать ей?

– Возможно, она вообще не причем, – сказал Александр, – а вот Дмитрия Борисовича таким образом пугать могут, вот я и хочу посмотреть, будет он завтра на коктейле или нет, а чтобы ты не волновалась, пойдешь со мной.

Их губы снова слились в поцелуе. Всего лишь физиология, напомнил себе Александр, развязывая халат девушки.

* * *

Ксения сидела на кровати в комнате убитой Екатерины Кирсановой. Она осматривала светлые её стены, полки, заставленные мягкими игрушками, разбросанные на полу девчачьи журналы и пыталась вспомнить, каково быть подростком. Екатерине было семнадцать. Она только начинала жизнь. Строила планы, заигрывала с мальчиками, а потом

всё оборвалось. В один миг.

Странная штука судьба. Каждый день девочка просыпалась на этой кровати, наряжалась, красилась, надевала какие-то украшения и выходила в мир, где очаровывала всех своим умом и красотой, которыми она обладала в избытке, судя по рассказам. У Кирсановой было всё то, чего не было у большинства её сверстниц. Она должна была прожить совсем иную жизнь, но теперь её тело лежало в морге.

Немотивированных преступлений не бывает. Где-то под толстым слоем лжи и уверток её окружения должна быть ниточка, которая ведет отсюда, из этой комнаты, к тому пансионату, где Кирсанова встретила свой страшный конец. Мотивы всегда оставляют следы.

Ксения стала перелистывать фотоальбом, который держала в руках. На снимках была девочка. Разного возраста, с разными интересами: отец сажает дочь на первый велосипед, семья лепит снеговика, девочка идёт в первый класс, а вот фотография, где она постарше, уже покрашена, уже в мини-юбке, уже в обнимку с мальчиком. По фотографиям было видно, что с определенного возраста она любила быть в мужской компании и не стеснялась этого.

Не найдя ничего для себя особенного в вещах девушки, Ксения принялась осматривать её платяной шкаф.

Предметы одежды Кирсановой были отражением её жизни: мини-юбки, узкие джинсы, короткие платья, шорты... Вещи, которые могла носить девушка с очень хорошей фи-

гурой. Но эти вещи она не могла носить в школе, значит, она ходила в них куда-то ещё. Ксению этот момент заинтересовал, поскольку, когда обнаружили её тело, на Кирсановой была школьная форма. Она как-то не придавала сразу значение этому факту, а зря. Если бы Кирсанова после вечеринки шла на свидание, она бы не надевала школьную форму, если, конечно, не учитывать некоторых мужских предпочтений, значит, встреча или была не с мужчиной, или была спонтанной. Щеку что-то больно кольнуло, зарывшаяся в одежду Ксения инстинктивно выдернула голову а затем аккуратно достала оцарапавший её предмет. Это оказался бежевый багет-бег с какими-то металлическими нашлепками. Сумка висела глубоко сзади остальных вещей.

Ксения расстегнула молнию и опустила руку внутрь. Пальцы зажали предметы, которые на ощупь были похожи на паспорт и кошелёк. Когда девушка их достала, то убедилась в этом окончательно. Кошелек был небольшой, но, судя по материалу, стоил денег и был чем-то набит. Сняв кнопочную застежку, Ксения открыла кошелёк, и у неё глаза на лоб полезли. В кошельке лежало несколько банкнот иностранной валюты, которые при детальном рассмотрении оказались швейцарскими франками. Около трех тысяч. Сумма не астрономическая, но большая, а уж для Кирсановой... Странно, откуда у неё такие деньги? В голову моментально полезли разные плохие мысли, но Ксения их тут же прогнала. Положив на место кошелёк, девушка открыла паспорт. Пас-

порт был заграничный, ну то есть для заграничных поездок и оформлен на Кирсанову. Ксения, как заправский пограничник, стала перелистывать страницы и сразу же наткнулась на свежепоставленную французскую визу. На этом же развороте была прикреплена маленькая бумажка, на которой было написано: Montreux, route de Jaman, 18.

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, пронеслось в голове Аваловой. Откуда у семнадцатилетней школьницы всё это? Дорогой кошелёк, конечно, мог подарить Антон Сиджан, но эти деньги, виза и швейцарский адрес, что это? Возможно, они туда с родителями хотели поехать. Ладно, сейчас узнаем.

– Макс, идите сюда, – позвала она, потом секунду подумала и добавила: – И родителей приведите.

Рауш явился незамедлительно. Его долговязая фигура была в проеме уже через секунд десять. Пока она здесь осматривала комнату, молодой оперативник беседовал с родителями, если, конечно, это можно было назвать беседой. Почему мы не придумываем слов для таких моментов? Беседовал, разговаривал. Разве можно разговаривать или беседовать с человеком об убитом его ребёнке?

Вслед за Раушем в комнату прошли родители. Они с ужасом глядели по сторонам, словно бы вместо комнаты дочери зияла черная дыра. Отец и мать, постаревшие и осунувшиеся, с пустыми равнодушными глазами, совсем не такие, как на фотографиях в альбоме. Это не физическое, поняла Ксения. Физическую боль можно перенести, любую самую тя-

желую. Невозможно было перенести лишь душевную боль. Боль от потери частички себя. У девушки защемило сердце. Защемило от чувства собственного бессилия, от того, что она, придумывающая логические комбинации, не сможет вернуть этим людям их дочь. Она ушла. Ушла навсегда.

Авалова жестом поманила Рауша и продемонстрировала ему кошелек.

– Что вы об этом думаете? – спросила она.

Увидев содержимое, Макс удивленно присвистнул.

– Ничего себе содержимое для школьницы, – прокомментировал он.

Раздался тяжелый вздох.

– Вы что-то нашли? – испуганно спросила мать мертвым голосом. Было видно, что для неё важна любая информация. Ксения показала сумку и кошелек.

– Скажите, это вещи вашей дочери? – спросила девушка.

Мать не двинулась с места. Отец подошел ближе на шаг и, прищулив глаза, взгляделся в предметы.

– Да, – хрипло сказал он, – эту сумку мы дарили ей на Новый год, а вот кошелек... Я никогда не видел у неё подобного кошелька.

Ксения задумчиво дернула бровью.

– Возможно, у вас есть предположение, откуда он мог появиться? – спросила она. – Может быть, ей подарила его подруга или молодой человек?

Отец отрицательно замотал головой.

– Нет, – сказал он, – её бывший парень никогда ей ничего не дарил.

Ксения осторожно усмехнулась.

– Как же он тогда за ней ухаживал? – спросила девушка.

Отец пожал плечами.

– А как ухаживают современные парни, – заговорил он, – познакомился, понравилась и завертелось. У них сейчас это быстро. К тому же Катя никогда бы не приняла его подарков. Это ведь не на его деньги было бы.

Авалова сухо кивнула.

– Ясно, – сказала девушка, – а скажите, вы не собирались в ближайшее время за границу?

Отец мрачно посмотрел на неё.

– Послушайте, что за вопросы? – спросил он. – Причём здесь заграница? Что вы нашли в этом кошельке? –

Ксения вздохнула.

– В сумке вашей дочери мы обнаружили её заграничный паспорт с проставленной французской визой, а ещё вот этот кошелек с тремя тысячами швейцарских франков.

Мать закрыла рот рукой то ли от шока, то ли от ужаса.

– Что вы такое говорите? – проговорил отец. – Такие деньги, у нас их с роду не было. И ни в какую Францию мы не собирались. Франция! У нас младший сын только что в школу пошел. Нам его на что поднимать?

– Возможно, вы просто не знали, – предположила Ксения, – может быть, она собиралась поехать с Антоном?

– Да что вы! – сказала мать. – Катя никогда нас не обманывала. Скрывала что-нибудь, возможно. Но такое! Да мы бы сразу узнали! Мы с ней были очень близки.

Ксения кивнула.

– У неё были друзья или подруги, кроме школьных? – спросила она.

Отец с бледным лицом и потухшими глазами пробормотал:

– Насколько я знаю, нет, обычно после школы она сразу возвращалась домой. Сидела с братиком. У нас работа заканчивается поздно, и она забирала его из школы и ждала нас.

– Обычно? – переспросила Ксения.

– Она задерживалась, один или два раза, – проговорила мать, – один раз даже пришла утром, сказала, что была у Та-ни.

– А что такое? – спросил отец. – У вас какая-то другая информация?

– Судя по показаниям свидетелей, – вступил Рауш, – она покинула вечеринку и должна была с кем-то встретиться.

– С кем? – спросила мать.

– Мы не знаем, – сказала Ксения, – но, судя по всему, этот кто-то не из лица.

Вновь отрицательный кивок.

– Вы знали, что она интересуется политикой? – спросил Рауш. – Нам это сказала её учительница.

Короткий кивок согласия от отца.

– Да, – сказал он, – все время с ней носилась. Ходила на разные акции и прочее. Я даже иногда бранил её за это, мол, тебе-то что, смотреть, как они, политиканы эти, все власть дербанят.

– И что она ответила вам?

Отец невесело усмехнулся:

– Сказала, что я ничего не понимаю и что молодежь должна решать судьбу страны.

Авалова дернула бровью. Она уже это слышала, недавно.

– Вы никогда не слышали от неё фамилию Левицкий или словосочетание «Лига честности»?

Ещё один отрицательный кивок.

В кармане Ксении завибрировал мобильник.

– Авалова.

– Вас беспокоит помощница Александра Верховского, – раздался женский голос в трубке, – моя фамилия Рыкова. Александру Владимировичу нужно с вами встретиться и обсудить кое-какие детали дела, которое вы ведете.

А мне-то как нужно с ним встретиться, ухмыльнулась про себя Ксения. Но Верховский позвонил первым, хотя его вроде бы ничего не связывало с этим делом. Мог дожждаться звонка, значит, нервы оказались не такими крепкими, как говорят.

– Скажите где и когда, – сухо произнесла девушка, она могла бы промариновать их немного, но желания играть не было никакого. Девочку убили, и это трагедия, а над трагедиями Ксения никогда не иронизировала.

– Ресторан «Чайка» вас устроит? – спросила Александра. – В 14.00.

– Хорошо, я буду, – бесстрастно ответила Ксения.

– Что там? – спросила мать погибшей девушки.

– Это по работе, мне нужно ехать.

– Это связано с Катей? Обманывать их не стоило.

– Возможно, – сказала Ксения, – я встречаюсь с Александром Верховским, это спонсор лица, где она училась.

– Он что-то знает? – спросила мать.

– Я пока не могу сказать, – честно призналась Авалова.

Отец проводил их до двери.

– Скажите мне, только честно, – глухо произнес он, – Катя сильно страдала? Мне надо знать.

Ксения постаралась смотреть прямо в глаза.

– Нет, – сухо сказала она, – если это вас утешит, она умерла сразу, простите.

Авалова открыла дверь и хотела выйти, но в неё врезался светловолосый мальчик лет восьми.

– Андрюша, поздоровайся с тетей, – сказал отец, – она из милиции.

Мальчишка расплылся в улыбке.

– Привет, – весело сказал он, протягивая руку. Ксения села на корточки перед мальчиком.

– Как тебя зовут? – спросила она, пожимая руку мальчика.

– Меня зовут Андрюша, – серьезно сказал мальчик, – а тебя?

– А меня Ксюша.

– У меня одноклассницу тоже зовут Ксюша, – лицо мальчика помрачнело, – а вы найдете плохого дядю, который сделал Кате больно?

В этом вопросе удивительным образом смешались детская непосредственность и понимание произошедшего. Девушка осторожно вынула висевший под жилеткой пистолет из наплечной кобуры и сунула за пояс, а кобуру сняла с себя и протянула мальчику.

– Держи! – сказала она. – Найдем, обещаю тебе. Мальчишка просиял.

– Ух, ты, – воскликнул он, – настоящая!

– А то, – улыбнулась Ксения, – самая что ни на есть. Даже отец сумел выдавить из себя улыбку, глядя на радующегося сына.

– Скажи тёте спасибо, – произнес он.

– Спасибо, – звонко сказал мальчик, – я вырасту и тоже стану милиционером и буду ловить преступников, как ты. Ксения широко улыбнулась. Вот ради этого мальчика она должна найти того, кто это сделал, и она найдет, обязательно.

– Держите нас в курсе, – сказал отец перед тем, как закрыть дверь.

Ксения кивнула и вышла из квартиры.

Дверь со скрипом закрылась, но девушка не торопилась уходить, напарник нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Авалова, с полсекунды постояв, внезапно вытащила изъятый кошелёк и, проверив наличие в нём денег, сунула его в почтовый ящик, прибитый к входной двери квартиры.

Жалкое подношение, но что ещё она могла сделать.

На данный момент.

* * *

История становилась всё запутаннее, и Кристине Леоновой это не нравилось.

Ею же добытая информация о причастности Арсенюка и Тополевича к производству странного препарата вызывала

только больше вопросов. Если оппозиционеры имеют столько средств (ведь прибыль от подобных предприятий достаточно велика), возникает вопрос, зачем ребятам из «Лиги» нужна вся эта катавасия со спонсорами? Денег много не бывает, это верно, тем более, когда речь идет о таких вещах, как избирательная кампания, но зачем идти на риск, если ты и так имеешь в кармане достаточно средств. Значит, прибыль от этого лекарства служила для других целей. Возникал вопрос, для каких. Вряд ли только для личного обогащения.

Дополнительную информацию об этом препарате она пока не узнавала, решила подождать, что ей скажет Ольга Касаткина. Журналистка сразу пошла на контакт и это немного смутило девушку. Она бы на месте этой Ольги так легко не доверилась бы незнакомому человеку.

Все эти мысли крутились в голове Леоновой, пока она подходила к ресторану «Калипсо», где у неё была назначена встреча. Кристине хватило нескольких секунд, чтобы понять, что та, с кем она собралась встречаться, – занята. Сквозь прозрачную витрину Леонова заметила журналистку в компании темноволосой молодой девушки лет двадцати шести – двадцати семи. Сидя друг напротив друга, они довольно оживленно беседовали и, судя по довольно сосредоточенным лицам, обсуждали что-то такое, что вряд ли укладывалось в обычный обеденный разговор.

Кристина замедлила шаг, остановилась перед входом в ресторан и зашла за выступ стены, так, чтобы её не мог ли

видеть из помещения. Ждать пришлось недолго, минут через пятнадцать брюнетка незнакомка вышла из кафе и, накинув легкую кожаную куртку, нацелила свой шаг в направлении припаркованного компактного «Фольксвагена». Кристина изогнула голову, чтобы рассмотреть номер, и щелкнула автомобиль на свой смартфон. Через несколько секунд встроенный анализатор сообщил, что синий «роло» куплен 25 октября прошлого года в автосалоне по адресу Балтийский проспект, 49 и зарегистрирован на Эльмиру Альбертовну Сабурову. Коротко и ясно.

Кристина задумчиво закусил губу. Сегодня с утра ей звонила Покровская, она встречалась с тем начальником охранного агентства, о котором говорил Раевский. Добровольский назвал Наталье три фамилии тех бизнесменов, которых Тополевич хочет привлечь на свою сторону. Одна фамилия была Урусов, вторая Сабуров, а ещё сказал, что на этих бизнесменов могут влиять через дочерей. Возможно, что убийство в пансионате предупреждение Урусову? Возможно, это версия. А вот Сабурова... Интересно, что может связывать дочку крупного нефтяника с этой странной журналисткой? Кристина знала, что Сабурова тоже училась в Швейцарии, правда, несколько раньше остальных участников всего этого действия, но она могла знать и Левицкого, и Ольгу Касаткину. Что это? Встреча подруг или Сабурова как-то связана с расследованием, которое ведет Ольга? Может быть, Эльмира тоже знает об интересе «Лиги честности» к её отцу? Тогда

Ольга, которая борется против Тополевича сотоварищи, может быть ей полезна, как и её расследование. Или сама Касаткина работает на Сабурова?

Вот сейчас и узнаем, заключила Кристина, протискиваясь в дверь ресторана. Обстановка внутри была милой и демократичной. Ольга Касаткина сидела там, где Леонова впервые увидела её, когда вошла ранее.

– Вы Ольга? – спросила Леонова и, получив утвердительный кивок, села напротив девушки.

– А вы, я так полагаю, Кристина? – последовал встречный вопрос. – Я вас несколько по-другому представляла.

– Вас что-то не устраивает? – ухмыльнулась Кристина.

Журналистка бросила в её сторону профессиональный оценивающий взгляд.

– Сохрани господь, – сказала девушка, – я же не на романтическое свидание пришла, только давайте без прелюдий к делу. Зачем я вам понадобилась? И договоримся – без ваших милицейских штучек. Итак?

– Ну прежде всего, я не из милиции, – коротко сказала Кристина, – вы же наверняка навели обо мне справки и думаю, что вы знаете, кто меня интересует: Арсенюк и Тополевич.

Ольга театрально хмыкнула.

– Шикарно, – заметила она, – и что вас заставляет думать, что я что-то о них знаю, что вам нужно?

Кристина улыбнулась. Девушка была неробкого десятка,

значит, то, что она пишет, имеет под собой основания. Вопрос был только в том, по своей ли воле мадмуазель Касаткина писала те статьи, с которыми она ознакомилась, или её кто-то «попросил» об этом.

– Ну, скажем так, я внимательно изучила ваши публикации в интернете, – сказала Леонова, – и особенно сделала упор на то, что вы писали между строк, я же могу рассчитывать на правду с вашей стороны?

Ольга достала из сумки нераспечатанную пачку сигарет, разорвала целлофановую упаковку и взяла сигарету в зубы, бросив на собеседницу мрачный взгляд.

– А вы думаете, что вы единственная, кто читает между строк? – поинтересовалась журналистка. – Это умеют делать и те, кто много влиятельнее вас. В моих публикациях нет и десяти процентов того материала, которым я обладаю и которым я уже год как занимаюсь. Иначе я вряд ли сидела бы перед вами здесь, сейчас. – Стесняюсь спросить, но почему вы хотите узнать про этих людей у журналиста?

Кристина усмехнулась.

– Потому что в других инстанциях я ничего не получу, – сказала она, – думаю, вы это понимаете, кроме того вам же нужны люди, которым вы можете доверить информацию?

Ольга посмотрела на собеседницу весьма скептически. Если бы здесь была Ксения, то она, наверное, заметила бы, что давно привыкла видеть такие взгляды и у свидетелей, и у журналистов, и иногда даже у некоторых коллег.

– Убедили, – наконец сказала девушка, – только я всё скажу на словах. И пожалуйста, без диктофонов.

– Я запомню, – сказала Кристина, – скажите, пожалуйста, а откуда идея написать о лекарстве? И откуда информация о вреде препарата, который вы упоминаете?

Ольга достала из сумки зажигалку и закурила.

– Это началось год назад, – сказала она, – мне позвонила подруга, мы познакомились, когда я училась в Швейцарии. Она рассказала мне совершенно дикую историю...

Кранцберг; Август прошлого года...

Врубив кондиционер на полную мощность и расстегнув до того предела, который позволяли правила приличия и дресс-кода, белую льняную рубашку, Ольга, развалившись на кресле, вяло тыкала пальцем по клавишам ноутбука. Летний сезон в Кранцберге, особенно август месяц, был малоприспособлен для кропотливой интеллектуальной работы, которой она занималась. Больше всего на свете ей сейчас хотелось вырубить дурацкий компьютер и окунуться в море или в бассейн, ну, в общем, что-то такое, где есть холодная вода. Но до обеденного перерыва оставался ещё час, и поэтому мечты Ольги пока оставались мечтами.

Девушка, откровенно скучая, печатала статью о повышении налогов на землю. Она занималась этим уже целый день, и ничего бы не изменилось, если бы не звонок мобильного.

Покрутив головой и размяв ноющие шейные мышцы, девушка без всякого удовольствия поднесла смартфон к уху.

Услышав голос, уныние у неё прошло. Звонила ей сейчас её старая подруга Эльмира, они познакомились, когда Ольга училась в Швейцарии. Позже именно Ольга познакомила Эльмиру с её женихом – Альваро. В этом месяце у них должна была быть свадьба, и Ольга терпеливо ждала известий. Поэтому её первый вопрос был, конечно же, о свадьбе.

– Свадьбы не будет, – коротко сказала Эльмира, – Альваро погиб.

Минуты две Ольга сидела, как громом пораженная. Она только сейчас заметила, что голос подруги изменился. Не было прежнего задора и легкости.

– Как? – переспросила Ольга. – Когда?

– Неделю назад, – сказала Эльмира, – его сбили машиной, когда он переходил улицу. Мне нужно с тобой встретиться, у меня для тебя есть некоторая информация, которой я бы хотела с тобой поделиться. Это касается смерти Альваро.

Ольга посмотрела на старинные деревянные часы, висевшие на стене напротив неё. Они показывали без десяти два.

– Хорошо, – сказала она, – давай через пятнадцать минут в ресторане на набережной.

Они распрощались, и Ольга повесила трубку. Как же так? Почему? Что вообще случилось? Её вопросы оставались без ответа, потому что ответить было некому.

Она вышла из офиса в два. Путь до итальянского ресто-

ранчика «La Plaza» не занял и пяти минут. Весь путь слова Эльмиры не выходили из головы. Припарковав машину, Ольга направилась в ресторан. Знакомый официант проводил её на террасу, откуда открывался вид на пляж, который был, по обыкновению, усеян людьми, и на стального цвета море.

Эльмира сидела за столиком у края террасы. На столике уже стоял бокал, в котором весело поблескивало на солнце красно-бурое вино. Эльмира смотрела вдаль. Лицо её, наполовину затененное деревянной крышей, было спокойно и бесстрастно, черные волосы, развеваясь на ветру, при свете солнца казались грозовой тучей.

– Спасибо, что пришла, – сказала Эльмира, – мне нужна твоя помощь, Оля, – ты же журналистка. И мне нужны, так сказать, твои таланты.

– Сделаю всё, что смогу, конечно, – сказала Ольга, – но что случилось? Это связано с Альваро?

– Да, – глухо ответила Эльмира, – ты ведь знаешь, что младшая сестра Альваро сильно больна?

Ольга кивнула.

– Так вот, – начала Эльмира, – год назад Марта сломала ногу, она с друзьями каталась на лыжах. Проходила на костылях в гипсе, как положено, а нога всё болит и болит. Альваро устроил сестру в одну частную клинику в Швейцарии, он ведь очень любил сестру, они росли без родителей. Марта всегда была смыслом его жизни. А клиника эта считалась

одной из лучших в Швейцарии. Ну вот, и тамошние врачи порекомендовали некий новомодный препарат, который назывался «Греларозол». Ты знаешь, как я отношусь ко всяким подобным средствам, но Альваро не стал меня слушать.

– И оно не помогло? – уточняющее спросила Ольга.

– Да нет, помогло, – сказала Эльмира, – нога болеть перестала, но Марта не смогла от него избавиться. Она пила это лекарство всё больше и больше. Практически жила на таблетках. А однажды они пошли с классом в поход, а таблеток не оказалось. И всё: ломка, судороги. Потеряла сознание, еле откачали. Альваро устроил её к одному своему знакомому доктору, а сам попытался провести частное расследование, но неудачно. Он собрал кое-какие бумаги и хотел отнести их в полицию, но не успел. В тот день, когда он шел в комиссариат, его сбила машина. – Эльмира замолчала, снова повернув голову к морю.

– Когда я узнала об этом, – продолжила она спустя минуту, – я забрала Марту из клиники. Я не знала, куда я её дену, но мне повезло. Через своего знакомого ювелира, по фамилии Гааз, я спрятала девочку в одном католическом соборе.

Ольга за время своей журналистской практики видела всякое, но такое...

– Стесняюсь спросить, – сказала она, четко подбирая слова, – эти документы у тебя?

– Я поэтому и пришла, – сказала Эльмира, – мне нужна правдивая и честная статья про это лекарство и людей, кото-

рые за ним стоят. Это единственный шанс снять лекарство с производства и прекратить травить людей...

Сейчас

Кристина допила кофе и некоторое время вертела чашку в руках, обдумывая историю, которую ей поведала Ольга.

– Ну, хорошо, – сказала она, – с этими таблетками всё более-менее понятно, но как вы узнали, что Арсенюк и Тополевич причастны к производству?

– Когда мы стали раскапывать это дело, информации было крайне мало, – начала говорить Ольга, – и мы решили зайти с другой стороны. Мы решили узнать больше о той швейцарской клинике, где посоветовали принимать греларозол. Сначала мы ничего особенного не обнаружили. С виду это была обычная клиника. Но Эльмиру насторожили её владельцы. Их было несколько, и они нигде раньше не светились. Это было странно, потому что Швейцария очень маленькая страна, и все больницы там на виду. Мы стали наводить справки и выяснили, что несмотря на наличие кучки владельцев, решающим голосом обладает одна канадская компания, а точнее, единоличное партнерство.

– И каким же образом вы это узнали?

– Вопрос цены, – коротко ответила Ольга, – иногда бывают словоохотливые свидетели. Впрочем, я не в курсе подробностей. Сбором информации занималась Эльмира. Я лишь

обращала факты в текст, но все документы были подлинные. Я вас заверяю. Кроме того, Эльмира нашла одну медсестру, которая работала в клинике. Она ей рассказала, что около десяти лет назад клиника уже закупила похожий препарат, только назывался он по-другому, и от передозировки этим препаратом умерла жена одного крупного банкира. Расследование этого дела вел английский адвокат Джеймс Чилуэлл, который был убит при странных обстоятельствах, а потом убили и самого банкира, а документы о том препарате исчезли. Какие бывают сознательные медсестры, усмехнулась Ксения. Скорее всего, эта медсестра работала на убитого Чилуэлла и решила передать информацию тому, кому она пригодится.

– Собрав информацию, – продолжала Ольга, – мы обратились к нашему общему другу. Попросили о помощи, он был депутатом законодательного собрания Борисфена, и через свои связи в органах стал собирать данные, и как только что-то нашел...

– Его убили, – закончила Кристина, – вы ведь имеете в виду Андрея Левицкого?

Ольга замолчала.

– Откуда вы знаете? – спросила она.

– Мои знакомые ведут это дело, – произнесла Кристина, – они как раз были в поисках мотива для убийства, теперь благодаря вам пазл начинает собираться. Вы можете сказать, что точно успел узнать Левицкий до того, как его убили?

Ольга тяжело вздохнула.

– Он собрал какие-то документы, – сказала она, – я не знаю, как. С ним больше Эльмира общалась. Но из этих документов стало понятно, что владельцем завода по производству таблеток является Арсенюк. Андрей хотел обратиться в Интерпол, но не успел, как вы знаете, его убили, а меня в этот же день уволили из газеты. Я пошла на риск, показала начальнику часть документов, но чужие проблемы никому не нужны. Вот и вся история.

Леванова сдвинула брови.

– Итак, выстраивается линия, Арсенюк производит лекарство и продает самой своей близкой связи – Тополевичу, который является владельцем клиники в Швейцарии, так?

– Я полагаю, что да, – подтвердила Ольга, – это всё, что я могу вам рассказать, правда.

Кристина хмыкнула.

– Спасибо за откровенность, этого вполне достаточно. Считайте, что ваша история начинается заново. У меня к вам просьба, не могли бы вы сообщить о нашем разговоре и Эльмире Сабуровой, возможно, она тоже захочет что-то рассказать. Вы большая молодец, но мой вам совет: не действуйте в одиночку. Это опасные люди, которые не остановятся ни перед чем.

Расставшись с журналисткой, Кристина некоторое время, словно живой компьютер, анализировала то, что узнала.

Итак, она получила весьма интересную версию убий-

ства Левицкого. Боязнь разоблачения – серьезный мотив. И неважно, что Касаткина не показала никаких доказательств. Ясно было, что, несмотря на внешнее спокойствие, девушка боялась. Каждый бы на её месте боялся. Это естественная, здоровая реакция. Вступить в противостояние с такими, как Арсенюк и Тополевич, не многие возьмутся. Это вызывало уважение, а что нужно, она найдет сама, к тому же у неё тоже есть связи в Швейцарии. Её друг из прошлой жизни наверняка что-то знает об этом деле.

Волновало Кристину другое. Она не могла нащупать связь между убийством Левицкого и Екатерины Кирсановой. Она постоянно прокручивала все возможные варианты равенства. И не находила пока ни одного. Вариант с «предупреждением» для Николая Урусова казался соблазнительным, но из него выпадало предварительное похищение девушки и её подруг. Кроме того, как оказалось, все фигуранты так или иначе знают друг друга. Какая-то онтологизация детерминизма. Лично она, не задумываясь, поставила бы на то, что администратор пансионата – дочь Николая Урусова, Анастасия, – знает и Левицкого, и Касаткину и Сабурову. Но знакомство не означает равенство между делами. Конечно, она могла и ошибаться насчет связи, но внутренний голос подсказывал, что она есть, а Кристина привыкла верить своему внутреннему голосу. Иначе получится слишком много совпадений, а совпадений много не бывает. Вопросов было тоже слишком много. Леонова вздохнула и стала писать Ксении.

Изумлению Рауша не было предела, и он даже не попытался его скрыть.

– Это же был вещдок! – возмутился он. – Как вы... Ксения ожгла его взглядом.

– Вы его оформили и изъяли? – поинтересовалась девушка. – С понятыми и протоколом?

Макс прищурился.

– Нет, но...

– Я тоже не оформляла, – сказала Ксения, – поэтому разговор ни о чем.

Рауш пробурчал что-то невнятное в ответ.

– У неё кто-то был, – задумчиво произнесла Ксения, когда они выехали из жилого двора, – кто-то помимо Сиджана, этот кто-то и подарил ей кошелёк.

– А почему вы не думаете, что его не мог подарить Сиджан? – нетерпеливо бросил Рауш. – Мало ли что родители не знают. Может, Кирсанова специально не хотела показывать дорогой подарок, и не надо мне втирать про воспитание и прочее, видел я их воспитание.

Ксения пожала плечами.

– Нет, родители сказали не так, с их слов, Сиджан ей вообще ничего не дарил. Даже если она прятала все подарки, а родителям врал, какую-нибудь вещь нашли бы сами роди-

тели или мы при обыске.

– Сиджан хотел её вернуть, – возразил Рауш, – может, он решил в качестве знака внимания и жеста любви подарить ей этот кошелёк. Вот с ним у неё и было свидание.

Ксения покачала головой.

– А как тогда кошелек оказался в квартире? – спросила девушка. – Ведь Кирсанову больше живой никто не видел, и главное, что же, по-вашему, и деньги Сиджан в этот кошелек положил?

Макс вздохнул.

– Не знаю, – честно сказал он, – да что вы вообще к этому кошельку прицепились, сами же не стали оформлять его изъятие?

Ксения улыбнулась.

– Не стала, – сказала она, – пусть убийца думает, что мы его не нашли.

Рауш раздраженно откинул голову на подголовник.

– Не возьму я в толк, почему вы решили, что кошелек связан с убийством?

– Потому что там лежали три тысячи швейцарских франков, а в паспорте была французская виза, – коротко ответила девушка.

Оперативник только фыркнул.

– Вы говорите загадками, да, может, она просто на улице его нашла, – предположил Макс, – мало ли.

– А зачем спрятала? – риторически спросила Ксения. –

Почему не показала родителям? Здесь что-то не то. В конце концов, даже если кошелек подарил Сиджан, она могла бы показать, нет, этот подарок сделал кто-то, чье внимание она считала важным, но стеснялась его из-за возраста.

– А, понимаю, – кивнул Рауш, – подруга, про которую говорила учительница.

Ксения дернула щекой.

– Скорее друг, – сказала она, – я заметила, что такие девочки, как Кирсанова, сторонятся мальчиков своего возраста. Они считают их слишком инфантильными. Не случайно она бросила Сиджана.

Макс надул щеки.

– Стоп, – сказал он, – вы же сами мне целую теорию составили, что поскольку она была найдена в школьной форме, то не могла встречаться с мужчиной, ну и так далее.

– Ещё я сказала, что встреча могла быть спонтанной, – заметила Ксения, – то есть она была настолько им увлечена, что поехала по первому зову, а так увлеченной можно быть только человеком старше тебя по возрасту или солиднее по статусу, ибо она волновалась, что разонравится ему.

– И поэтому она ничего не говорила родителям? – спросил Макс.

Авалова кивнула.

– Скорее всего, – сказала девушка, – родители обычно не одобряют подобных связей, даже если все происходит достаточно невинно.

– А почему со взрослым мужчиной?

Ксения фыркнула.

– Ну не с ровесниками же она политологию будет обсуждать? – сказала девушка. – Парни её возраста видели в ней объект вожделения, а Кирсановой хотелось утверждения её интеллектуальных способностей.

– Если вы о Левицком, то не вариант, – заметил Макс, – в его движении она не состояла, я проверил.

Авалова усмехнулась:

– Тоже не то, я не случайно спросила об этом родителей, об участии в движении Левицкого они бы знали. Она намеренно скрывала знакомство с этим человеком, скорее всего, стеснялась пересудов, а может быть, и боялась его.

Макс насупился.

– Почему же тогда она продолжала общаться? – спросил он. – И даже хотела поехать с ним во Францию. Она же с ним хотела поехать, по вашей теории.

Ксения флегматично кивнула.

– С ним, – сказала она, – ну а почему продолжала общаться, пока сказать не могу. Возможно, была так им очарована, что это гасило её рациональность.

– А потом могло что-то произойти, они поссорились, и он её убил? – предположил Макс.

– Вряд ли, – недоверчиво сказала Ксения, – опятьтаки, удар, который ей нанесли, слишком хорош. Здесь работал профессионал, да и куда вы денете похищение её подруг?

Кто бы это ни был, в его действиях чувствуются подготовленность, спланированность, метод.

– Тогда возвращаемся к первому варианту – маньяк?

– Тоже нет, – сказала Авалова, – маньяк действует в одном районе или городе, да и жертв выбирает по внешней схожести. В похищение школьниц маньяком поверить можно, но Левицкий... он из этой картины выпадает, а удар тот же самый. Такие действия скорее присущи какому-то уникальному киллеру.

– Но зачем уникальному киллеру убивать школьницу? – спросил Рауш.

Ксения покачала головой.

– А вот это и есть главный вопрос. Если мы на него сможем ответить, то и дело раскроем. Здесь какую-то роль играют кошелек и эта виза в паспорте, поэтому она их так прятала. Кирсанова имела при себе деньги и должна была уехать, но только не во Францию, а в Швейцарию.

– Почему в Швейцарию? – не понял Рауш. – Визато французская.

– А деньги швейцарские, – заметила Ксения, – и адрес, написанный на бумаге, тоже, спрашивается, зачем такие сложности?

– А, понял! – воскликнул Макс. – Это же типа Шенген, визы не нужны и всякое такое.

– Верно, – сказала Ксения, – она должна была приехать во Францию, пройти контроль, ей бы поставили штамп о при-

бытии, а потом она бы уехала в Швейцарию, а там такая граница, её хоть пешком переходи, никто не заметит.

Макс на секунду задумался.

– Да, но есть же процедурные вопросы, – возразил он, – ну типа цель поездки, где вы будете жить и так далее.

– Ну, если только у того, кто её отправлял, не было все схвачено на месте, – заметила Авалова.

– Сексуальное рабство? – предположил Рауш. – Никогда не слышал, чтобы в Швейцарии этим промышляли.

– Согласна, – кивнула Ксения, – но для чего-то она должна была уехать? Уехать, ибо он так сказал ей, но в последний момент что-то пошло не так и её пришлось убить.

Макс нервно хохотнул.

– Хей, вы не Верховского подозреваете в этом? – запальчиво спросил он. – Значит, вот почему вы согласились на встречу с ним. Хотите посмотреть ему в глаза и всякое такое?

Ксения молча посмотрела на напарника. Она не поняла, что проскользнуло в его словах – рассуждение или сарказм.

– Нам надо искать, – сухо сказала девушка, – искать изо всех сил.

Иначе будет поздно, добавила она про себя. Чем больше Ксения погружалась в это дело, тем больше она удивлялась подготовленности преступника. Ей вообще иногда казалось, что все события, которые происходят сейчас в этом городе, были не более чем интерлюдией, только какую цель она пре-

следовала, девушка не понимала. Ей иногда казалось, что всё, что все действия, которые они совершают и будут совершать, уже распланированы преступником заранее, как будто он был режиссёром, а все остальные – артистами. Всё это до боли напоминало дешёвые фильмы, типа какой-нибудь «Пилы VIII» или чего-нибудь в этом духе. С той лишь разницей, что актеры в этих фильмах знали сценарий. Она же этот сценарий должна была понять и разгадать. Не самая легкая задача, заключила Ксения.

* * *

Погода была хмурой. Шел несменяемый дождь, сопровождаемый промозглым ветром, дующим с моря. Дороги были наполовину залиты водой, что несколько затрудняло движение.

Разгоняя водные потоки, синий «Фольксваген»-polo через большие чугунные ворота, вмонтированные в каменную стену, въехал на территорию небольшого парка с плакучими ивами. Узкая загрунтованная дорога вела к высокой каменной церкви, когда-то построенной женатым на польке графом Воронцовым.

Кутаясь от проливного дождя в легкую кожаную куртку, Эльмира Сабурова вышла из машины и, щелкнув ключами, направилась к небольшой дощатой пристройке. Подойдя непосредственно к входной двери, она вытерла залепленные

мокрым грунтом туфли о коврик и вошла внутрь.

Пройдя сквозь пристройку, она оказалась в огромной сводчатой зале с гигантскими колоннами. Посреди залы, как и во всех католических храмах, стояли ряды деревянных скамеек, на которых ютилось несколько прихожан. Думая о чём-то своем, они не обратили на гостью никакого внимания.

Эльмира, сняв с себя куртку, легко покачала головой. Несколько крупных капель воды слетело с её черных волос на пол. Приведя голову в порядок, насколько это было возможно, Эльмира, аккуратно села на одну из лавок и стала ждать.

Почти сразу где-то сверху раздались шаги, и из одной из боковых дверей вышел мужчина лет пятидесяти, одетый в черную сутану. Он тепло поздоровался с Эльмирой за руку и сделал приглашающий жест.

– Извините дочь моя, что заставил вас ждать, – сказал он, – меня задержали некоторые бюрократические проблемы.

– Ничего, я умею ждать, – ответила Эльмира, – как Марта?

– Намного лучше, с Божьей помощью, – сказал священник, – правда, она иногда скучает по вам, но могу с уверенностью сказать, что мы добились прогресса в лечении.

– Мне приятно это слышать, – сказала Эльмира, – вы очень добры, что заботитесь о ней.

– Это мой долг, – ответил священник, – как и всякого христианина, но меня пугает, что я очень мало о ней знаю.

– Я даю вам слово, святой отец, – пообещала Эльмира, – что однажды вы все узнаете, но пока её пребывание здесь и её историю необходимо держать в тайне. Так будет лучше для всех нас.

– Я понимаю, – медленно, произнес священник, – но не прошу многого. Быть может, вы могли бы хотя бы упомянуть причину, по которой девочка содержится здесь?

– Я не могу, святой отец, – сказала Эльмира. – Любое знание об истории жизни этой девочки ставит под угрозу вашу безопасность. Вы порядочный человек, и я не хочу рисковать вашей жизнью. Знайте только, что, оберегая жизнь этой девочки, вы спасаете не только её или мою жизнь, но также и жизни сотен, а может быть, и тысяч людей. И даю вам слово, что однажды вы всё узнаете.

Некоторое время они шли молча. В след за священником Эльмира поднялась по узким железным ступеням на этаж выше, и они прошли в низкое мансардное помещение, сплошь из дерева, затем свернули за угол и проникли через маленькую дверь в круглую комнату с минимумом мебели, которая очевидно была кабинетом.

– Святой отец, скажите, – неожиданно возобновила разговор Эльмира, – а она будет здорова?

Священник внимательно посмотрел на девушку.

– Смотря что вы имеете в виду под словом здорова, – заметил он, – если физическое здоровье, то да, она будет здорова. Что же касается здоровья душевного, то за ней необ-

ходимо наблюдать. Девочка пережила сильнейшее наркотическое отравление, и неизвестно, как это скажется на её душе. Но будьте уверены, что ваше присутствие благотворно влияет на жизнь девочки, – священник помолчал, – я сейчас приведу её.

Преподобный отец скрылся за дверью, а Эльмира, присев на кожаный диван, запрокинула голову за подголовник и стала рассматривать сводчатый потолок, украшенный резьбой. Ждала она недолго. Минут через пять на лестнице раздались шаги. Дверь открылась, и в комнату вошел тот же священник, но уже не один, а ведущий под руку девочку лет восемнадцати. Она была очень спокойная и тихая, но когда увидела Эльмиру, вырвалась из руки священника и заключила девушку в объятия.

– Я скучала по тебе, – сказала она, – почему ты ко мне так долго не заходила?

– Извини, Марта, – начала Эльмира, внезапно перейдя на испанский, – я была занята. – Она усадила её рядом с собой на диван и посмотрела на священника, тот кивнул.

– Вам надо побыть вдвоем, – сказал он, – я буду рядом, и когда вы закончите, позвоните и я заберу её. – Священник указал на маленький сувенирный колокольчик, лежавший на кипе исписанных бумаг. Затем чуть склонил голову и удалился. Эльмира и Марта остались наедине.

– Смотри, что я тебе принесла, – Эльмира протянула жестяную коробку конфет. Девочка взяла коробку и стала об-

стоятельно её рассматривать. Затем приподняла крышку и осторожно взяла чёрно-белую раковинку.

– Они мне нравятся, – сказала она, – очень вкусные.

– Ну, вот и славно, – сказала Эльмира, – как ты себя чувствуешь?

Девочка не ответила. Она продолжала рассматривать коробку конфет. Но уже не брала больше.

– Ты знаешь, – прервала молчание Эльмира, – я долго изучала твою болезнь и поняла, что всё то, что с тобой случилось, произошло из-за того лекарства, которое тебе давали в швейцарской клинике, но я пока не могу это доказать, мне нужен надёжный свидетель. Я найду их обязательно, не одна ты пострадала.

Девочка смотрела на Эльмиру не мигая, казалось, она ловит каждое слово девушки.

– А если я найду свидетелей, – продолжила Эльмира, – то будет суд, а если будет суд, то появится общественный резонанс. Это единственный способ наказать этих людей, понимаешь? – Эльмира взяла девочку за руку. – Марта, ты уже большая и можешь принимать самостоятельные решения, я не хочу на тебя давить, но если ты будешь свидетелем по этому делу, то спасешь множество жизней.

– Я согласна, – сказала девочка, – только что же я могу сделать? Кто мне поверит, да и я так плохо себя чувствую, у меня очень болит голова, я даже заявление никуда не отнесу.

Сабурова положила руку на плечо девушки.

– Этого не нужно, – сказала она, – ты просто должна дать свое согласие, чтобы они не сказали, что тебя заставили, понимаешь?

Девушка посмотрела на Эльмиру сомнамбулическими глазами.

– Даю, – сказала она.

– Отлично, – кивнула Сабурова, – тогда сделаем следующее. Завтра, может быть послезавтра, я приеду к тебе со своей знакомой журналисткой, и она запишет на диктофон все твои слова. Ты должна очень точно описать всё, что видела в клинике, понимаешь?

– Если это поможет другим людям, – сказала девочка, – я согласна.

– Молодец, – улыбнулась Эльмира, – но главное – береги здоровье и силы, тогда мы обязательно победим тех, кто заставил тебя страдать, – Эльмира внимательно посмотрела на девочку и снова взяла её за руку. – Всё будет хорошо, – сказала она, – не бойся.

– Не боюсь, – сказала девочка, – раньше боялась, а теперь, когда ты со мной, не боюсь. Только приезжай ко мне почаще. Мне без тебя очень плохо.

– Хорошо, – сказала Эльмира, – ты, наверное, устала. Давай я позову отца Павла.

Девушка позвонила в колокольчик, и священник, стоявший, очевидно, за дверью, вернулся в кабинет. Марта ещё раз стиснула Эльмиру в объятиях, а затем развернулась и

вместе со священником вышла. Спустя некоторое время преподобный отец вернулся в кабинет.

– Спасибо, святой отец, – сказала Эльмира, – за вашу заботу. Я вижу, что Марта очень хорошо здесь себя чувствует.

Священник кивнул:

– Это дом Божий, в нём каждый найдет себе приют и обогрев. Но мое влияние ничто перед тем, что для этой девочки значите вы. – Он сделал приглашающий жест. – Пойдемте.

Отец Павел обратным путем вывел Эльмиру на улицу. Дождь на время закончился, и они неспешным шагом шли по парку.

– Я вас никогда не спрашивал, дочь моя, – сказал священник. – Вы так много делаете для этой девочки, если не секрет, то кто она вам? Дочь, сестра?

Эльмира задумчиво смотрела на священника, подыскивая нужную фразу.

– Сама не знаю, – честно ответила девушка, – и дочь, и сестра. Кто знает, быть может, она вообще средоточие моей жизни.

Священник ничего не ответил, только молча кивнул.

* * *

Верховский сидел в одном из закрытых кабинетов ресторана «Шајка», который часто арендовал, когда они ужинали с Шурочкой. Сидел в одиночестве. Шурочку он брать с

собой не стал, хотя она очень просилась присутствовать при встрече, ссылаясь на юридические тонкости, Александр решил, что знакомство с этой особой тет-а-тет будет лучшим выходом, к тому же ему не нравилось, что Шурочка его постоянно опекает. Когда он только собирался на встречу, она проверила, как на нем сидит рубашка и в порядке ли остальная его одежда. Она всегда следила за его внешним видом, как настоящая образцовая жена из книжек. Ему это не нравилось, да, у них отношения, но Александр не хотел, чтобы они перерастали во что-то наподобие семьи, по крайней мере, на данный момент. Этот роман казался ему запертой комнатой, где он находился против собственной воли, обураваемый запретными и страшными желаниями, которые на самом деле обуревают не его, а ту, другую его сторону, темную и таинственную, и он не хочет подчиняться этой стороне, этому другому «я», но какая-то невиданная сила лишает его всякого мужества к противодействию.

От тяжелых мыслей Александра отвлек скрип открывающейся двери. В кабинет вошла молодая девушка в джинсах, свитере и утепленной жилетке. Её волосы были убраны с лица и зачесаны назад, как обычно убирают девочки-подростки, которые показывают, что они слишком заняты, чтобы думать о парнях. Это было странно, потому что девушка была очень красивой и яркой, с изящной талией и бедрами, которые только портили закрепленные на ремне слева и справа кобуры с торчащими из них армейскими браунингами, они,

впрочем, как полагал Верховский, имели скорее церемониальный смысл. Любой, кто слышал про эту девушку, знал, что она может разобраться с противником и без оружия.

Но более всего Верховского поразили её глаза. Они были безмятежные, глубокие, чистые и ледяные, как два горных озера. Её взгляд схватывал мельчайшие детали и пронизывал любого до глубины души. Следует отметить, что Ксения Авалова сразу заинтересовала его. Именно заинтересовала.

– Присаживайтесь, Ксения Игоревна, – любезно сказал Александр, – надеюсь, что мое предложение встретиться не доставило вам неудобств.

Девушка вежливо улыбнулась и чуть склонила голову, ничего не сказав в ответ. Она тоже меня изучает, понял Верховский, но само лицо девушки оставалось спокойным и бесстрастным. Мысли её прочитать было невозможно.

– Ну что вы, – проговорила, наконец, Ксения, голос соответствовал глазам, чистый и ровный, как журчание горного ключа, – признаться, я сама хотела с вами поговорить, рада, что вы нашли время в своем плотном графике.

Верховский кивнул:

– Знаете, не люблю говорить банальности, что-то вроде «какая ужасная история» или «какая трагедия». Вы не находите, что мы в нашем мире разучились чувствовать и сострадать, а чувство и сострадания заменили дешевой вежливостью?

Ксения не сводила с него своих пытливых глаз.

– Как состояние родителей? – спросил Верховский. – Я имею в виду то, что если бы чем-то мог помочь...

Губы Ксении тронула легкая улыбка. Девушка умела скрывать эмоции.

– Это вопрос хозяина школы или человека? – вопросом на вопрос ответила Авалова.

– А вы колючая.

– Про меня это говорят. Верховский улыбнулся.

– Вопрос хозяина школы и человека, – сказал он, – если вас устроит такой ответ.

– А вас? – снова спросила Ксения, – устраивает ли он вас, этот ответ?

По её лицу снова пробежала улыбка.

– В любом случае, – продолжала девушка, – вы вряд ли пригласили меня сюда, чтобы разговаривать о родителях.

– Значит, вы не одобряете такие разговоры?

– Когда они не касаются дела, нет, – прозвучал ответ.

– Вы правильно заметили, что я хозяин школы, и я обязан сделать какое-то заявление, найти какие-то слова, которые не будут дешёвым официозом.

– Для кого?

– Для всех, – сказал Александр, – бывает, что слово исцеляет, не так ли?

Ксения кивнула.

– Бывает, что и убивает, – парировала она, – есть много слов. Что же касается ваших, то я не думаю, что вам нужно

разрешение от милиции. Каждый в этом мире говорит то, что позволяет говорить его совесть.

В кабинет зашел официант, осведомляясь, что гости будут заказывать. Заказали легкие закуски и что-то из мясного, когда официант спросил, что гости будут пить, Верховский чуть усмехнувшись, спросил:

– Дама закажет вино?

Авалова ответила всё той же легкой улыбкой и взяла в руки винную карту.

– Christian Moueix 2009 года, – после некоторого раздумья сказала Ксения, – мой спутник заказал ягненка. Это вино будет достаточно легким для такого нежного мяса.

– Прекрасный выбор, – сказал официант и удалился. Александр многозначительно хмыкнул. С этой девушкой будет не просто, манерам её учили явно не в уличной подворотне. Интересно, что бы о ней сказала Шурочка?

– У вас тонкий вкус, – заметил он, – признаюсь, не ожидал.

– От детектива или от женщины? – спросила Авалова.

– И от той, и от другой, – сказал Верховский, – мне кажется, что с вами будет интересно.

У девушки завибрировал мобильный. Она извинилась и вышла. Вернулась минут через десять, когда уже принесли вино и закуски.

– Я так понимаю, что это по работе? – спросил Александр.

– Да, – кивнула Ксения, принимаясь за закуску, – но это не отвлечет меня от продолжения разговора с вами. Ресторан, в котором они сидели, был маленький и уютный. В нем любили проводить время семьи или пенсионеры. Даже несмотря на то, что они сидели в отдельном кабинете, Верховский понимал, что они на виду, а вот Авалову, казалось, совсем не смущало, что она сидит тет-а-тет с мужчиной, который входит в списки самых завидных женихов и их совместные фотографии могут появиться в газетах.

– Вы верите в судьбу, Ксения Игоревна? – спросил он. Красноречивое молчание. Девушка за обе щеки уминала тартар.

– Не поверите, но ещё на прошлой неделе у меня была совсем другая жизнь, а потом убили эту девочку и всё перевернулось. Я всегда в жизни привык рассчитывать на свои собственные возможности. Но сейчас сложилась такая ситуация, когда их может оказаться недостаточно, а промедление приведет к опасности для близкого мне человека. Вы та, кто может мне помочь предотвратить страшное.

– Чем же? – спросила Ксения.

– Видите ли, Ксения Игоревна, – Верховский вздохнул, как будто начинал долгую историю, – бизнесмен такого уровня, как я, никогда не бывает белым лебедем, и естественно, что у меня есть враги. Я знаю их в лицо, мы встречаемся на официальных мероприятиях...

– Тополевич входит в их число? – спросила Ксения, кладя в рот кусок ягнятины.

Александр усмехнулся. У этой девушки потрясающие аналитические способности.

– Ну что вы, – сказал он вслух, – все гораздо скромнее. Тополевич и его друзья находятся на гораздо более высоком уровне.

Авалова кивнула.

– Я перебила, прошу прощения, – сказала она.

– Ничего страшного, – произнес Верховский, – тем более, что ваша ремарка имеет смысл, только вот я не знаю, с чего лучше начать.

Ксения нахмурилась. Задумалась. Он все пытался научиться различать её мимику.

– Давайте я попробую, – сказала девушка, – а вы меня поправите. Некоторое время назад вы получили предложение войти в некое политическое движение, за которым стоит Тополевич. Вас это смутило, поскольку вы никогда не занимались политикой. По каким-то причинам вы отказались, но предложения продолжали поступать, и некоторые из них вы стали расценивать как угрозы, пока всё верно?

Верховский хмыкнул.

– До реального предложения пока не дошло, – возразил он, – но вы правы. Сергей Адашев действительно пригласил меня на коктейль, который он устраивает по поводу образования своего движения, и вот там, я думаю, мне будет пред-

ложено стать частью этого движения.

– Чего же вы тогда опасаетесь? – спросила Ксения. – Или вы считаете, что убийство девочки – это знак, который они передали вам заранее?

Верховский кивнул.

– Убийство – это только одно из множества звеньев. С некоторых пор мне кажется, что меня пытаются обложить, словно медведя, воздействуя через близких мне людей. Дело в том, что, когда я только начинал свой бизнес, у меня были серьезные покровители, которых заинтересовали мои разработки. Они дали мне, так сказать, путевку в жизнь. Мой бизнес развивался и с некоторых пор я сам стал решать проблемные вопросы. Но иногда так происходит, что люди наверху меняются, наступает смена элит, и новая элита предлагает покровительство людям, которые её интересуют в имиджевом плане или в финансовом. Тех же, кто отказывается от этого покровительства, устраняют физически или юридически, а их бизнес отдают людям, которые предложение приняли.

Ксения криво ухмыльнулась.

– Предложение, от которого нельзя отказаться, я уже слышала об этом в каком-то фильме, – сказала она, – значит, вы полагаете, что можете потерять свой бизнес, если не согласитесь вступить в движение Тополевича, так?

– Так, – кивнул Александр.

Ксения рассмеялась, но холодно и сдержанно.

– Что же вы ждете от меня? – спросила девушка. – Хотите предложить сфабриковать дело против Тополевича, подобрать ему наркотики или пистолет с какого-нибудь убийства?

Александр выразительно посмотрел на собеседницу.

– Ну, я не так наивен, – сказал он, – чтобы обращаться к вам с подобным предложением. Я хочу, чтобы вы нашли убийцу Екатерины Кирсановой, не бросайте это дело, что бы ни происходило. Любая помощь с моей стороны.

– А почему вы так уверены, что это убийство свяжут с вами, – спросила Ксения, – только потому, что девочку убили таким же ударом, как Левицкого? Вы знали Кирсанову лично?

Это была проверка с её стороны, понял Александр, врать не следовало.

– Знал – громко сказано, – произнес он, – но иногда видел, когда бывал в лицее, на торжественных вечерах. Она была лучшей ученицей, всегда в первых рядах.

– Вы знали, что она интересуется политологией?

Александр покачал головой.

– Лично мы никогда не общались.

Ксения вновь нахмурилась, как будто он озадачил её своим ответом.

– Вы говорите, что бываете в лицее на торжественных вечерах, – уточнила Авалова, – почему же вас не было на Дне школы?

– У меня был ряд деловых встреч, поэтому в этот день я

не смог там быть.

– С врагами?

– И с ними тоже, – сказал Верховский.

– А что вы делали потом?

– Я проводил кое с кем время, – уклончиво произнес мужчина.

Ксения поставила на стол фужер и бросила в сторону Верховского взгляд, который можно было охарактеризовать как ироничный.

– С вашим юристом, если я правильно понимаю, – сказала она, – Александрой Рыковой?

Верховский усмехнулся и ответил девушке таким же ироничным взглядом.

– Вы и мысли читаете? – спросил он.

– Это моя работа, – ровно ответила Ксения. – Значит, вы были с Александрой, а опасность при этом, как я понимаю, угрожает не ей, а другой вашей подруге – Анастасии Урусовой, странно, не правда ли?

Ах, как она мастерски манипулирует темами для разговора. Окажись он в другой ситуации, моментально предложил бы ей пост в его юридическом отделе.

– Что странно? – спросил он. – Что я беспокоюсь за однокурсницу?

По губам Аваловой вновь пробежала улыбка, такая, словно она давно уже знает всё, только придерживает до определенного момента.

– Мне почему-то кажется, что вы испытываете к ней нечто большее, – сказала она, – или испытывали. Вы не можете избавиться от этих чувств, поэтому боитесь, что этими чувствами могут воспользоваться.

Лицо Александра исказила тень.

– Мы все чего-то боимся, – сказал он, – вы, я, любой прохожий на улице. Один китайский партнер мне рассказывал, что страх – это маленький дракон, который живет в сердце человека и медленно его пожирает.

– Но человек должен сдерживать этого дракона, – сказала Ксения, – а вы боитесь, что не сможете его удержать.

– А вы нет? – запальчиво сказал Верховский и тут же смутился. – Простите.

– Ничего, – сказала Ксения, – конечно, боюсь, я из плоти и крови, как и вы, и тот прохожий, но я знаю, если я не буду его сдерживать, пострадают невинные люди. Поэтому на ваш первый вопрос я отвечу, что каждый из нас сам решает свою судьбу, а не ангелы, демоны или драконы, только мы сами.

– Вы странный человек, Ксения Игоревна, – сказал Александр, – я бы даже сказал удивительный. Итак, я могу рассчитывать на сотрудничество?

– Если только вы не боитесь, что правда может пробудить вашего дракона, – прозвучал ответ.

Последнее слово должно всегда оставаться за ней, это Верховский уже уяснил.

Ксения вышла из ресторана с выражением самодовольного эгоизма на лице. От встречи с Верховским она получила много информации, вроде бы разрозненной, но, тем не менее, она прикреплялась к общей линии её расследования. Верховский её заинтересовал. В нем чувствовалась и живость, и некая инфантильная незащищенность. Не таким он был на рекламных бордах и телеинтервью. Там он был жестче и смелее. Хотя и с ней пытался быть таким, даже заигрывал. Она один только раз встревожила его, когда речь зашла об Анастасии Урусовой. Значит, у них был роман. Роман, который закончился, и возможно, что их разрыв как-то связан с тем убийством в Женеве, ну, чисто гипотетически. Да, на него могут воздействовать таким образом, но Кирсанова, какую роль в этом играет её смерть? Неужели она просто случайная жертва? Нет, таких случайностей не бывает. Она должна быть связана или с Верховским, или с Урусовой, а значит, и остальные пропавшие девочки должны быть с ними связаны, но как?

– Ну конечно, кому-то по ресторанам ходить, а кому-то по таксопаркам, – услышала она голос Мациевского.

– Я надеюсь, что сходили успешно? – весело поинтересовалась девушка.

– Вы не поверите, – сказал Рауш, – мы нашли машину,

которая забирала Кирсанову от школы.

– Так, – оживилась Ксения, – и куда её отвезли, в пансионат?

– Нет, – сказал Мациевский, – пункт назначения был в черте города. Лермонтовский бульвар.

– Вы там были?

Рауш покачал головой.

– Решил сначала вам сообщить, – заметил оперативник.

Ксения кивнула.

– Ну, поехали, съездим, – сказала она, – посмотрим, где коротают свой досуг современные школьницы.

Лермонтовский бульвар оказался длинной и тихой зеленой улицей с множеством деревьев и низкоэтажных жилых построек, преимущественно частных.

– Здесь, – махнул рукой Мациевский, указывая сквозь стекло на трехэтажный каменный дом, – таксист сказал, что высадил Кирсанову на другой стороне, очевидно, девушка не хотела, чтобы кто-то видел, как она заходит сюда.

– А откуда тогда мы знаем номер дома? – резонно осведомилась Ксения, тормозя автомобиль.

Расположившийся сзади Рауш усмехнулся:

– Да у таксиста шину чуть спустило, подкачивал, вот и заметил.

Авалова фыркнула.

– Что же он сразу в угрозыск не пошел, бестолочь? – спросила девушка.

Анатолий пожал плечами.

– Говорит, что все выходные провел на даче, в огороде копался и футбол смотрел, вот и вылетело из головы, а потом, как узнал про убийство, так сразу вспомнил.

Ксения вздохнула.

– А Кирсанова была одна?

Рауш кивнул.

– Водила говорит, что да, но сильно торопилась, всё время на часы смотрела.

– Установили, кто живет в доме?

– Три квартиры из пяти переоборудованы под офисы. В ещё одной – мать-одиночка с двумя детьми, так что нас, скорее всего, интересует квартира на последнем третьем этаже, тем более что есть весьма интересный факт о её владельцах.

– Ну? – насупилась Ксения.

– Квартира принадлежит корпорации Верховского, – сказал Анатолий, – они иногда размещают здесь важных гостей.

Ксения закусил губу. Её смущала мысль, что Кирсанова могла заниматься общественной работой посреди ночи.

Оперативники поднялись по широкой лестнице на третий этаж. Лифта не было, никакого намека на консьержа тоже, а звонить в офисы было бессмысленно, в них никого не могло быть в это время.

– Ну, – меланхолично произнесла Ксения, – думаю, что разрешения спрашивать не стоит.

Девушка вытащила отмычку и стала копать в замке, он

оказался простым, без фокусов. Механизм щелкнул и дверь открылась.

Прижимая к груди портативный фонарик и одновременно фиксируя торчащий за поясом «Браунинг», Ксения прошла вглубь квартиры.

Было темно, и стоял ужасно спертый воздух, как обычно бывает в квартирах, в которых никто подолгу не бывает, но обставлена она была со вкусом. Из узкой прихожей сыщики прошли в гостиную. Она представляла собой средних размеров комнату с покрашенными в бордовый цвет стенами, углы которых украшали белые мраморные колонны.

– Кто-нибудь отодвиньте портьеры, – распорядилась Авалова.

Осторожно ступая, Рауш прошел вперед и дернул в стороны тяжелые коричневые шторы. Гостиную осветило тускнеющее осеннее солнце.

Щурясь от резкого света, Ксения оглядела комнату. Возле дальней стены стоял кожаный диван, возле него дорогой деревянный стол на резных ножках, на котором были раскиданы газеты и журналы. Напротив – антикварный стеллаж, заполненный папками. На центральной полке стоял металлический ящик с кнопками посередине – сейф.

Весь антураж свидетельствовал о том, что квартиру давно никто не посещал. Подушки на диване не измяты, электричество отключено, газеты и журналы старые, самый свежий выпуск «Ведомостей Понтии» – главной республикан-

ской газеты трехнедельной давности. В квартире было слишком чисто для жилой обстановки, обычно так прибирают, когда надолго уезжают. И все же Екатерина Кирсанова была здесь, но вышла ли она отсюда живой, и если да, то куда пошла? Девушку видели здесь вечером восьмого, а её труп нашли только пятнадцатого. Выпадает целая неделя.

– На кухне ничего, – констатировал Рауш, – рольставня опущена, холодильник выключен, даже поживиться нечем. Может, девушка просто зашла в подъезд, увидела закрытую дверь и ушла?

Ксения нахмурилась.

– А сколько ваш таксист с машиной ковырялся? Мациевский пожал плечами.

– Говорит, что минут пять.

Ксения с сомнением оглядела напарников.

– Многовато, – сказала она, – я имею в виду, чтобы понять, что в квартире никого нет, она бы вышла раньше.

– Так, может, она и вышла, – предположил Рауш, – просто её не заметил водила?

Авалова резко покачала головой.

– Кирсанова бы сама подошла к нему, – сказала девушка, – в таких случаях, люди обычно первым делом смотрят, не уехала ли машина. К тому же сами сказали, что она всё время смотрела на часы, значит, у нее была здесь встреча. Здесь её ждали. У них случился разговор, но вот что было потом и как её труп оказался в пансионате?

– Вопрос, – согласился Макс.

Ксения задумчиво запрокинула голову кверху и только сейчас обнаружила, что потолок зеркальный и их троица превосходно в нём отражается, а чуть левее потолок был забрызган чем-то бурым.

– А вот это что? – спросила она, указывая на пятно. Макс развернулся, уставив взгляд в ту сторону, в которую смотрела Авалова.

– Может, краска, – сказал он, – или просто грязь?

Ксения натянула удачно прихваченные с собой резиновые перчатки и, забравшись на стул, потерла пятно рукой, а затем поднесла ладонь к носу.

– Это кровь, господа, – объявила она, – хотя я и не эксперт. Ну-ка быстренько мне найдите что-нибудь, во что это можно счистить.

– Может, криминалистов вызовем? – спросил Мациевский.

Ксения мотнула головой.

– Не надо, – сказала она, – никто не должен знать, что мы нашли эту квартиру, ибо официальная версия – девушку убили в пансионате, вот пусть все так и думают.

Рауш протянул девушке салфетку.

– Так вы думаете, что её здесь убили? – спросил он. Авалова кивнула.

– Как видите, – сказала девушка, – скорее всего, когда он бил снизу-вверх, то кровь с лезвия брызнула, удар резкий и

хлесткий.

Мациевский прищурился.

– Но почему он не стер пятно? – спросил он. Ксения пожалала плечами, слезая со стула.

– Не знаю, – сказала она, – может, это нам так повезло, что он просто не заметил, хотя...

Паузу нарушил звонок мобильного Рауша.

– У аппарата, – сказал он, – ясно, сейчас будем. Молодой человек в сердцах саданул по стене.

– Что? – спросила Ксения, хотя уже догадывалась об ответе.

– Ещё один труп, – холодно сказал Макс, – девушка, перерезано горло.

* * *

– Зачем вы меня снова тревожите? – нелюбезно осведомилась Инга Левицкая. – Я только вчера похоронила мужа, а вы лезете снова со своими расспросами. Что знала, я рассказала вашим коллегам.

– Вы рассказали не всё, – сказала Наташа, – вы умолчали о том, что являетесь хозяйкой квартиры в доме, возле которого был убит ваш муж. Вы также не рассказали нашим коллегам о том, что ваш муж часто бывал в этой квартире.

Инга взяла в зубы сигарету. Уже вторую за время их разговора, отметила Наташа. Почему она так нервничает?

– Если бы Андрея убили в квартире, то будьте уверены, я сказала бы полиции, что эта квартира принадлежит мне, но меня не спрашивали о квартире. Меня спросили, о том, что мой муж делал в Яснопольском районе, я сказала, что не знаю.

Неплохо она выкрутилась, заметила про себя Покровская, возможно, готовилась к разговору.

– Но ведь вы могли предположить, что он находился в принадлежащей вам квартире? – спросил Алексей.

Инга надменно повернула голову в сторону опера.

– Исключено, – глухо отозвалась она, – мой муж не знал про эту квартиру. Я оформляла её на себя и исключительно я ею пользовалась. Я складировала там не нужные мне вещи.

– Мы были в квартире, Инга Евгеньевна, – сказала Наташа, – и с вашей соседкой мы разговаривали. Нет смысла отпираться. Почему вы не рассказали о квартире?

Инга изменилась в лице. Оно утратило спокойствие и сделалось весьма печальным.

– Ну, если вы разговаривали с соседкой, – сказала она, – вы и так всё знаете. Вы простите, какой ориентации будете?

– Традиционной, – спокойно ответила Наташа.

– Вот и я традиционной, – сказала Инга, – а Андрей, представьте себе, нет. Что вы на меня так смотрите? Думаете, если я знала, что он голубой, зачем выходила замуж?

– Признаться честно, не понимаю, – отметила Наташа. Она взглянула на Алексея, тот выжидательно хранил молча-

ние.

– Вы знаете, сама не понимаю, – сказала Инга, – люблю, наверное. Любовь, она же не только сексом определяется. Мне с Андреем было хорошо, спокойно. Но знаете, не комфортно, когда заходишь в квартиру, а твой муж лежит в постели с женщиной.

– И поэтому вы сняли для интимных встреч мужа квартиру? – с неприкрытым ехидством поинтересовался Соболев.

– Да, – сказала Инга, – мне эта квартира досталась от бабушки. Я её сдавала поначалу, а после того, как я увидела Андрея с его другом, предложила ему время от времени приводить своего друга туда.

– А почему вы сразу этого не сказали? – спросила Наташа. – В конце концов, это же сейчас не уголовно наказуемо?

– Вы знаете, – сказала Инга, – после того, как умер Андрей, я хотела сохранить о нём добрую память, а если узнают, что он был голубым... со мной даже здороваться перестанут, у нас же люди злые. Они не понимают, что такое любовь.

Наташа кивнула. Какая-то мутноватая история.

– Понятно, – сказала она, – а фамилию или имя друга вашего мужа вы не знаете?

Инга покачала головой.

– Нет, – сказала она, – Андрей меня с ним не знакомил. Узнать смогу, а имя, фамилия – нет. Помню только, что он в Борисфен из Кранцберга переехал.

Выходили они с Алексеем из квартиры ещё в большом

недоумении, чем когда ехали сюда.

– Ставлю, что хочешь, – сказал Соболев, – но я думаю, что она темнит.

– Почему? – спросила Наташа.

– Ну, смотрите, – сказал Алексей. – Когда мы к ней зашли, она вся такая непреступная. Мол, что вам надо, оставьте меня в покое, а как вы ей про соседку сказали, так сразу и раскололась.

– Может быть, она хотела, чтобы узнали всё от неё, – предположила Наташа, – а не от третьих лиц. Вопрос-то щекотливый.

– Да ладно, – махнул рукой Соболев, – подумаешь, муж голубой, и что? Жила же с ним прекрасно и ничего, а тут вдруг конспирацию стала проявлять. Да и вообще, бред какой-то, с Аваловой она молчит как рыба об лёд, а нам рассказывает всё в подробностях только потому, что вы сказали про соседку.

Наташа задумчиво почесала щёку.

– Думаете, что мужа хочет очернить? – предположила девушка.

Соболев пожал плечами.

– А почему нет? – поинтересовался он. – Здесь такая логика, если бы она скала, что он был с женщиной, мы бы кинулись её устанавливать, а так, может, мы гомофобы, да и сам Левицкий светить бы подобную связь не стал. Я так думаю. Депутат всё же.

Наташа вздохнула. В словах околоточного был определенный смысл.

– Что предлагаете? – спросила девушка.

– Как что? – изумился Алексей. – «Ноги» за этой девушкой надо ставить.

Покровская задумалась.

– Больно хлопотно, – заметила она, – надо разрешение выбивать, а если она правда что-то скрывает, то может сбежать.

Алексей побарабанил пальцами по капоту машины.

– Да, ладно, – сказал он, – давайте без волокиты. Я сегодня сам в караул сяду и донесу, что и как. Не думаю, что она долго будет бездействовать. Она нервничала, когда мы уходили, поэтому, думаю, обязательно кому-нибудь позвонит, или куда-то поедет, ну или к ней кто-то приедет.

Покровская внимательно посмотрела на напарника.

– Рискованно, – сказала она, – Инга машину может заметить, а если попадетесь... Давайте тогда вместе останемся. Следователям в наше время доверяют больше.

– Ну, уж нет, – усмехнулся Соболев, – кого-кого, а вас, точно срисуют, а мне ещё совращение следователя припишут. И вообще, не барское дело в «наружке» сидеть. Будут результаты, позвоню.

* * *

Возле дома, к которому они подъехали, стояли два микро-

автобуса: «Скорая» и милиция. Неподадалёку от входной двери дежурили двое закованных в пластиковую броню бойцов спецназа с внушительными «АКМ» наперевес. Перед ними собралась толпа зевак. В общем, типичная картина, заключила про себя Ксения.

Расталкивая зевак, они с Максом протиснулись к входной двери.

– Где? – коротко спросил Рауш у одного из дежуривших, одновременно показывая удостоверение.

Дежурный недоверчиво посмотрел на сыщиков.

– Из управления? – осведомился он и, не дожидаясь ответа, махнул рукой, – пойдёмте.

Ведомые дежурным, они вошли в дом и спустились на один этаж вниз.

Подвал, в который они спустились, был обширным и темным и освещался только портативными фонариками местных оперативников. Другого освещения Ксения не заметила.

Жертва лежала на каменном полу и была одета, только ботинки и носки с нее сняты, и голые синие ноги словно нарочно опущены в лужу с водой. Шрамы на ее шее не удивили.

– Почерк тот же, – констатировал эксперт, – резкий, хлесткий удар снизу-вверх.

– Вижу, – заметила Авалова, – есть предположения, что это может быть?

Эксперт покачал головой.

– Никаких, – сказал он, – могу только сказать, что ка-

кая-то металлическая шутовина. Очень острая и очень тонкая. Смерть наступила не больше двенадцати часов назад.

В чернильной полутьме было сложно разглядеть лицо.

Ксения стала озираться в поисках освещения.

– Ничего не видно с этими фонарями, – посетовала девушка, – лампочку куда дели?

Один из постовых пожал плечами.

– Или вывернута, или разбита, выключатель здесь есть, значит, и лампочка была, но вероятно, убийца не хотел, чтобы труп сразу нашли.

– Установили кто? – поинтересовался Рауш, желая напомнить о своем присутствии.

– Да, – кивнул стоявший рядом дежурный, – судя по паспорту, некая Анастасия Урусова, а судя по визитке, найденной в кармане убитой, администратор какого-то пансионата.

– Чего? – в один голос спросили оперативники.

– Ну, так написано, – сказал дежурный, – а что, вы её знали?

– Заочно, – буркнула Ксения, история вновь сделала резкий и неожиданный поворот, – кто труп обнаружил?

– Да бомж какой-то, – махнул рукой дежурный, – в городе же сегодня ливень, как в джунглях. Вот он и решил зайти погреться. Впрочем, вы с ним сами можете побеседовать.

Минуту спустя на лестнице послышались шаги, и в свете фонариков появился второй дежурный, ведущий под руки низенького мужичонку лет пятидесяти, в потертых синих

джинсах и драной ветровке. Дежурный подвел бомжа вплотную к девушке.

– Ну, вот барышня, – сказал он, – доставил я вам этого людоеда.

Услышав слово людоед, бомж стал вырываться и кричать, что ни в чём не виноват.

– Да не тронет тебя никто, – Ксения бросила презрительный взгляд на дежурного. Везде постовые одинаковые, дуболомы: – Отпустите его! – девушка перевела взгляд на мужичонку. – Звать тебя как?

– Никанор.

– Так вот, Никанор, – сказала девушка, – рассказывай быстро и правдиво, как обнаружил труп?

– Так это, – начал мужичонка, – сегодня, значит, дождь был. Холодно, значит, а менты эти, – он махнул засаленным рукавом в сторону дежурных, – меня из будки телефонной турнули. Я, когда дождь, там отсиживаюсь. Я хотел добежать куда-нибудь в кафе, но тут как ливанёт. Я сюда. Ну, это дом элитный, я ж тут все дома знаю. Жильцы сразу погонят. А тут смотрю, дверь в подвал открыта. Я, понятное дело, спустился, а здесь... Я даже сначала не понял, что это девица. Думал, мусор какой-то. А когда понял, дал деру к своей будке. Ну и выложил им всё, – он снова махнул рукой в сторону постовых.

– Заметил кого-нибудь? – спросил Рауш. Мужичонка почесал затылок.

– Не помню, – сказал он, – хотя постоит. Девушка. Девушку видел. Расфуфыренная такая. Сразу видно, чья-то дочка. Я ещё подумал, что вставит мне сейчас, что возле дома оши- ваюсь, а она ни слова. В машину шмыг и была такова.

Ксения внимательно сдвинула брови.

– В какую машину? – спросила девушка. Мужичонка по- чесал переносицу.

– Так это, – сказал он, – черная такая и длинная. У неё, это, ещё леопард на капоте.

– «Ягуар»? – уточнила Ксения.

– Да не мастер я машины разбирать, – замотал головой мужичонка, – а вот номер сказать могу, если надо.

– Надо, – кивнула Ксения, доставая телефон, – диктуйте.

Мужчина по памяти назвал номер, который он запомнил, как сказал, благодаря профессиональной памяти, потому что работал инженером на приборостроительном заводе, потом, после перестройки, ему предложили купить акции, но обманули, он стал пить, опустился. Из квартиры выселили, и теперь там живет какойто олигарх, а он кочует по подвалам. Обычная история обычного советского труженика, попавшего под лавину капитализма. Бомжами не рождаются, это Ксения уже давно поняла. Пора бы уже новый термин придумать – бывший советский человек.

Её окликнул кто-то из дежурных:

– Барышня, тут к вам девушка рвется. Говорит, что хозяйка подвала.

Авалова и Рауш переглянулись.

– Давай её сюда, – сказал Макс.

Ксения, конечно, не могла утверждать, что за годы службы в милиции она повидала всё на свете. Наоборот, понимала, что не видела даже десятой части. Но сейчас она точно могла сказать: то, что она увидела, видел далеко не каждый опер. Про ожившие трупы она, конечно, слышала. Но чтобы труп стоял перед ней и одновременно лежал позади неё это было как-то...

Но, тем не менее, то, что она видела перед собой, не оставляло сомнений. Она видела перед собой девушку, во всех смыслах похожую на ту, которую она только что осматривала. Даже одежда была такая же. Разница была одна. Вновь пришедшая была жива.

* * *

Может, это было немного цинично с её стороны, но Анастасия была благодарна тому обстоятельству, что труп убитой девушки нашли раньше неё. Вида самой себя лежащей в луже крови она бы не перенесла.

По вполне справедливому требованию Анастасия предъявила стоящей перед ней молодой девушке паспорт. Девушка молча взяла его и так же молча стала листать страницы. От Анастасии не ушел незамеченным тот факт, что девушка-оперативник так же была удивлена, как и она сама, хоть

и старалась быть сдержанной и терпеливой на людях.

– Возьмите, – сказала девушка-оперативник, возвращая паспорт владелице и делая приглашающий кивок. – Пойдемте.

Девушка вывела Анастасию из подвала, одновременно скомандовав вынести тело убитой на дневной свет. Кто-то подбежал с носилками. Тело несчастной положили на них и потащили наверх по ступенькам подвала.

На улице девушка-оперативник подвела Анастасию к носилкам. Патологоанатом, он, по-моему, так именовался, откинул простыню, чтобы было можно видеть труп полностью. Кинув первый взгляд на жертву, Анастасия отпрянула. Ей стало нехорошо, ноги сами собой подкосились, и если бы не стоящий рядом молодой милиционер, она бы рухнула рядом с трупом. Вовсе не вид трупа потряс её, нет. Хотя и не без этого, но вид трупа это не главное. Она уже видела это лицо. Лицо ещё одной из пропавших девушек, одну из которых нашли в её пансионате, сейчас вторую нашли в её подвале. Но эту девушку. Нет, не она, конечно. Она бы что-то помнила. Но как она могла видеть то, что делает, не делая этого. Она ведь даже девушку эту не знает. Господи, что же происходит? Сначала письма, а теперь вот это. И почему жертва так похожа на неё и почему при ней нашли её же паспорт. Кому всё это нужно?

– Вы знаете эту девушку, – откуда-то издали спросила следователь.

– А, что? – Анастасия словно очнулась ото сна – Нет, нет, – покачала головой девушка, – я её не знаю, то есть я видела её по телевизору.

Что она ещё могла сказать? Признаться, что видела во сне, как сама душил эту девушку. Кто ей в это поверит? Она сама бы не поверила в то, что с ней происходит, ещё неделю назад.

– Тогда как вы объясните тот факт, – сказал Рауш, – что убитая была обнаружена в подвале, который приписан к вашей квартире в этом доме? Это же ваша квартира?

– Квартира в этом доме принадлежит моему отцу – Николаю Урусову, – сухо сказала Анастасия, – соответственно и подвал принадлежит ему. Я же проживаю здесь как его дочь. Вас устраивает такой ответ?

– Вполне, – сказала девушка-следователь, – вы здесь живете постоянно?

– Нет, я проживаю за городом, в поселке «Mansurovo» это в...

– Недалеко от пансионата, где обнаружили Кирсанову, – пояснил молодой человек специально для своей коллеги, – минут пятнадцать езды.

Девушка-следователь в ответ кивнула.

– Мы отклонились от темы, – сказала она, – ещё раз повторю вопрос. Что эта девушка могла делать в вашем подвале?

– Я не знаю, – честно ответила Анастасия, – но может быть, этот маньяк оттащил её туда, чтобы спрятать тело?

Слово «маньяк» вырвалось у неё случайно, чисто на автоматизме. Но, разумеется, не ускользнуло от допрашивающей её сыщицы. Анастасия заподозрила, что эта девушка-следователь вообще отличается чересчур острым взглядом и слухом.

– Смотрите-ка, Макс, – обратилась Авалова к коллеге, – все уже всё знают!

– Ну, вы бы тоже интересовались новостями, если бы на порог вашего рабочего места подбросили труп! – вспыхнула Анастасия.

– Логично, – Ксения кивнула молодому человеку, которого называла Макс, – Анастасия Николаевна, скажите, а вы всегда закрываете подвал на ключ?

– Естественно, – сказала Анастасия, – видите ли, я храню здесь ружье для траншейной стрельбы. Поэтому подвал всегда закрыт. Правда, у меня сейчас в квартире ремонт, и я оставила ружье у подруги. Знаете, я боюсь оставлять подобные вещи без присмотра и надлежащего хранения.

– Весьма разумно, – отметила девушка-следователь, – а скажите, вас не настораживает тот факт, что при убитой были ваши документы? Вы догадываетесь, что это может значить?

– Вы говорите таким тоном, – сказала Анастасия, – словно знаете уже ответ на свой вопрос.

– Знаю, нет, – сказала Авалова, – но догадываюсь.

– И о чём же, позвольте узнать?

– Например, о том, что если эту девушку не убили вы са-

ми, то тогда её убили либо для того, чтобы вас предупредить, либо чтобы напугать вас до смерти. Я не думаю, что подобная картина – лежащий в крови ваш труп, а разницу в тусклом свете вы бы не увидели, для этого преступник разбил лампу – доставила бы вам удовольствие. И вы бы оказали большую помощь следствию, если бы рассказали, что происходит с вами и с вашим пансионатом. Пропали три девочки. Две из них мертвы.

Анастасия была на распутье. С одной стороны, она могла очиститься от бремени, которое её тяготит. С другой, её рассказ должен включать в себя и дневник, а если кто-то узнает?.. Но главное не это. Если её спросят, кого она подозревает, кого она назовет? Верховского, Свету, Шурочку? Ведь их же всех будут трясти. Но с другой стороны, она же знает, что это кто-то из них. Стоп, стоп. Одно дело подбрасывать странички из дневника – это гнусно, подло, но убийство... На это никто не способен.

Или способен?

– Мне нечего вам сказать, – тихо сказала Анастасия, – мой пансионат не имеет никакого отношения к убийству девушки и к этому убийству тоже.

Девушка-следователь пристально посмотрела на неё.

– Как хотите, – сказала она, достав из кармана куртки визитку, вот вам мой телефон, если что-то вспомните. Вы можете идти.

Анастасия попрощалась и буквально вылетела из подва-

ла, как ошпаренная. Сев в машину, она влила в себя полбутылки воды, искренне пожалев, что в бутылке не коньяк. Её всю трясло. Она судорожно достала визитку, которую ей дала девушка-следователь.

– Ксения Авалова, – медленно прочла Анастасия. – И телефон. Очевидно, эта сыщица из той группы, которую прислали из Борисфена. Конечно, есть соблазн вернуться и всё рассказать...

Так, стоп, осадила себя Анастасия, ты должна сама во всём разобраться, и разберёшься! Никто кроме тебя! Никто! Девушка завела машину и выехала с парковки.

* * *

Отпустив Анастасию, Ксения на некоторое время погрузилась в свои мысли. Это был один из тех моментов, когда она себя ненавидела. Ненавидела за то, что ничего не может сделать. Перед ней лежало мертвое истерзанное тело девочки, которая, как и её подруга, только начинала жить, а она никак не смогла это предотвратить. Только придумывает логические комбинации. А реальность гораздо проще. Реальность – это то, что видишь сейчас и здесь. Она видела труп девочки, которая была чиста и невинна. Всё остальное, все её рассуждения – лишь лицемерное ханжество.

Дура, тут же осадила себя Авалова, как ты это могла предотвратить? Он играет с тобой, ему нравится эта игра.

Он не стал убивать всех девушек сразу, он продлевает удовольствие. Ты должна отбросить эмоции. Здесь ты уже ничем не сможешь. Но ты должна помочь там, где ещё можно помочь.

Зачем он их похищает, а потом убивает? Это просто игра или строгая цепь логических комбинаций? Возможно, что Кирсанова не хотела ехать со своим тайным знакомым в Швейцарию, а убитая сегодня Терехина... может быть, Кирсанова успела рассказать что-то подругам? Что-то, что не должна была рассказывать. Но зачем похищать? Это может показаться циничным, но от этих девочек можно было легко избавиться. Их и искать бы никто не стал, списали бы всё на шпану. А уж подброшенный паспорт Анастасии Урусовой вообще с боку припека. Ксения с силой зажмурила глаза. Она ни на шаг не продвинулась в этом деле. Она блуждает по каким-то тёмным коридорам без шансов на выход.

– Похоже, это всё-таки маньяк, – заключил Рауш, – смотри, Кирсанова пропала в понедельник, и в следующий понедельник находят её труп. Терехина пропадает второй, в четверг, и в четверг находят её труп, связь улавливаете?

– Связь есть, – согласилась Ксения, – но это не объясняет, как он с ними познакомился и почему именно на них обратил свое внимание.

Макс фыркнул.

– Да мало ли, – сказал он, – если это маньяк, вы его психологию никогда не поймете. Придумал свою философию и

пошёл убивать.

Авалова покачала головой.

– Это только в хоррор-фильмах так бывает, – заметила девушка, – а здесь работал профессионал холодный и расчетливый, и он делал это не в первый раз и не во второй. А что до совпадения по дням, я думаю, что это имитация.

Рауш насупился.

– Но зачем? – спросил он. – Зачем кому-то имитировать маньяка?

Ксения пожала плечами.

– Может быть, политическая провокация, – предположила она, – перед саммитом, а может быть он просто хочет заявить о себе. Устроить показательный акт терроризма, а такие показательные убийства юных девушек для этого очень подходят.

Макс поморщился.

– Он, или она, или они, – заметил оперативник, – помните, что бомж про девицу сказал? Какая-то чертовщина получается. Кирсанова встречалась с мужчиной, а здесь видели женщину.

– Но ведь она могла оказаться во время убийства совершенно случайно, – заметила Ксения, – ещё надо доказать, что она имеет отношение к нашему делу. Может быть, она тут просто живет. К тому же бомж не очень хорошо её разглядел. Но, тем не менее, внимания она заслуживает.

– У нас ещё есть паспорта, – напомнил Рауш, – вот этого

я вообще не понимаю.

– Я тоже, – честно призналась Ксения, – если убийца, назовем его некто. Так вот, если этот некто подбросил к своей последней жертве документы этой Урусовой, то получается, что он знает её лично. И убийства крутятся вокруг неё. Первый труп нашли в её пансионате, второй в её подвале.

– Интересно, – согласился Макс, – а ведь смотрите. Верховский учился в той школе и знает Урусову, так может, он это все и делает. Ну, там запретные развлечения богатых, всякое такое, тогда и Швейцария в тему.

Ксения дернула головой.

– Вряд ли он стал бы так подставляться, – сказала она, – это, во-первых, а во-вторых, паспорт-то зачем подкидывать?

Рауш фыркнул.

– Ну не знаю, – сказал он, – может, у них несчастная любовь была, вот он и хочет отомстить. Послушайте, если он больной человек, то логика здесь бессильна, из опыта говорю.

Ксения, задумчиво закусив губу, взяла в рот орех.

– Всё равно должно быть объяснение, – сказала она. – Просто есть что-то, что мы пока не понимаем. Надо ещё раз тряхнуть учеников этой школы. Чтобы понять, с кем встречалась Кирсанова.

Рауш флегматично нахмурился.

– Глухой номер, вы это уже пробовали, – сказал он, – они или ничего не знают, или не расколются, а чуть начнешь да-

вить, опять завопят про адвоката, придут богатенькие родители, ну и так далее.

– У Татьяны Козловской богатых родителей нет, – напомнила Ксения, – она должна что-то знать. Не может не знать.

– Как хотите, – бросил Макс, – я бы лучше потряс эту Урусову, вот она явно что-то знает.

– Скорее боится, – покачала головой Ксения, – она понимает, что убийства как-то связаны с ней, тут вы правы. Но есть что-то ещё. В её жизни что-то произошло, и она думает, что кто-то из её близких может быть убийцей, поэтому молчит, но допрашивать её рано. Она должна сама понять, что нужно нам всё рассказать.

Рауш хлопнул в ладоши.

– Вот, – сказал он, – я и говорю, что здесь замешан Верховский. Будете спорить? Нет, постойте, знаю, мальчик с плакатов вас очаровал своим обаянием. Я видел, как вы смотрели на него в ресторане.

– Не поняла.

– Вы ему улыбались, – бросил Макс.

– Ну и что, – усмехнулась Ксения, – я многим улыбаюсь.

Вам, например.

Макс фыркнул.

– Да бросьте, – сказал он, – признайтесь честно, что он вам понравился. Вы, женщины, падки на смазливых красавчиков.

Ксения рассмеялась.

– Тонкое жизненное наблюдение женской психологии, – заметила она, – но я вас разочарую. Он мне не понравился. Заинтересовал, так будет вернее сказать.

Диалог прервал подбежавший дежурный.

– Звонили эксперты, – сказал он, – пробили машину той девицы, которую видел бомж. Не обманул паршивец, «Ягуар X-Туре» и оформлен он на Александра Владимировича Верховского, того самого красавчика с плакатов. Это его машина.

Ксения задумчиво сжала губы. Картинку снова размыло. Она всё время теряет нить. Всё время упускает что-то важное.

* * *

Весь день Наташа изнывала в своем кабинете. Информации, итак, было с гулькин нос, а её импровизированная «наружка» хранила молчание и проявляться пока не собиралась. Конечно, им могло и показаться, но уж слишком много неточностей в показаниях жены Левицкого. Сначала она рассказывает, каким он был патриотом, всё отдавал на благо родины, а через два дня объясняет, как тяжело жить с мужем-геем под одной крышей. Конечно, одно другому не мешает (вроде бы), но почему она молчала сразу и рассказала правду про мужа только им с Алексеем, может быть потому, что они рассказали про соседку? Возможно, но тогда, если

она не хотела огласки, она могла просто сказать, что соседка лжёт. Мало ли что кому привиделось? Не всему же можно верить. Она бы сама не поверила, если бы Инга не призналась.

Тишину кабинета разрезал резкий телефонный звонок мобильного. Покровской пришла в голову мысль, что важные звонки никогда не раздаются по городскому телефону. Не иначе боятся прослушки.

– Наташа, привет, – это Кристина, – раздался голос в трубке, – есть минутка?

– Да, – небрежно бросила девушка, – сижу, скучаю, может быть, ты меня порадуешь новостями?

– Порадую, – подтвердила Леонова, – даю тебе реальную наводку. Убийство Андрея Левицкого связано с препаратом греларозол, это лекарственное средство, судя по всему очень токсичное, оно вызывает наркотическую зависимость, а производством этого снадобья занимаются Арсенюк и Тополевич.

– А причем здесь Левицкий? – резонно спросила Наташа. Кристина коротко пересказала свой разговор с Касаткиной.

– Интересно, – согласилась Наташа, – а я решила ещё раз место происшествия осмотреть. Наведалась туда с местным околоточным и таки нашла, через одну старушку, квартиру, на которой Левицкий был в день своей смерти.

– И?.. – спросила Кристина. Наташа усмехнулась.

– И ничего, – ответила Наташа, – на первый взгляд.

В квартире всё было вычищено, но я кое-что нашла.

– Ну, не томи, – бросила Кристина.

– Запись химической формулы, – сказала Наташа, – так что, вероятно, твоя информация верная.

Леванова фыркнула.

– Ну, ещё бы, – сказала она, – значит, Левицкий там встречался с кем-то, кто знает про его расследование, но с кем?

– Может быть, с этими девицами? – предположила Наташа.

– Вряд ли, – сказала Кристина, – я проверяла, они не покидали Кранцберг в это время.

– Значит, в их компании есть кто-то ещё – заметила Покровская, – но я узнала не только это. Квартира, в которой я была, знаешь, кому принадлежит?

Ироничный смешок на другом конце телефона.

– Инге Левицкой.

Наташа хмыкнула. Что-что, а интуиция это то качество Кристины, которое умрет только вместе ней.

– Верно.

– И как она объясняет нахождение в ней мужа? – поинтересовалась Леванова. – Любовниц водил?

– Почти, – усмехнулась Наташа, – любовников.

– Чего!?!?

– Я тоже не поверила, – заметила Покровская, – но она, как на духу, говорит, что её муж голубой и она отдала ему

квартиру для встреч с любовником.

Леванова аж присвистнула.

– Интересная версия, – сказала она, – с чего бы такая откровенность? Ксении она ничего не сказала.

– Вот и мне странным показалось её поведение, – согласилась Наташа, – к тому же она сильно нервничала, когда мы её об этом спросили. Околоточный, с которым мы ездили, сейчас за ней следит, должен принести какую-то информацию, если она связана с убийством, то наверняка поедет с кем-то советоваться.

– Хорошо, – сказала Кристина, – держи меня в курсе.

Едва разговор завершился, как в кабинет, опасливо озираясь, вошел Соболь.

– Наталья Владимировна, пляшите, – загадочно начал околоточный.

Покровская недоверчиво посмотрела на него.

– Танго, брейк-данс, тверк? – усмехнулась она. – Что у тебя? Жена Левицкого написала, как она заказывала убийство мужа?

– Круче, – сказал Алексей, доставая из внутреннего кармана пиджака бумажный пакет фирмы «Кодак», затем он достал из пакета фотографии и разложил их перед Наташей. – Крибли-крабли-бумс!

Наташа взгляделась в фотографии и присвистнула.

– Так это же Арсенюк! – воскликнула она.

Соболь энергично закивал головой, сохраняя на лице ка-

верзную улыбку.

– Так точно, – сказал он. – Арсенюк Петр Алексеевич. И, судя по записи, которую я сделал, отношения между ними более чем тёплые.

Наташа посмотрела на околоточного удивленным взглядом.

– Какая запись?

Алексей поставил на стол переносную камеру.

– Вот эта, – улыбнулся он, – ария убитой горем вдовы. Я там кроме разговора ещё кое-что записал, чтобы показать, как ей тяжело было. Слушать будем?

– Вам в цирке надо работать, а не в милиции! – воскликнула Наташа, вырывая диктофон. – Конечно, будем.

Некоторое время назад

Заунывная музыка, звучащая в ресторане, раздражала Арсенюка, но ещё больше его раздражала истерика Инги, которая тряслась как осиновый лист под дождём.

– Так, котёнок, – сказал он, наливая девушке коньяк одной рукой, а другой, держа её за руку, – для начала успокойся. Ты правильно сделала, что мне позвонила. Можешь рассказать, о чём тебя спрашивали?

Инга залпом осушила коньячную рюмку и взяла сигарету. Арсенюка эта её манера постоянно курить дико раздражала. Вообще, конечно, чудо, что он об этой истории узнал

первый. Пронюхай кто-нибудь ещё, давно бы уже прикопали. Об их отношениях никто из его компаньонов не знал, по крайней мере, не замечал. Конечно, можно было просто зачистить девочку, но ему было её жаль. Он провёл с ней слишком много приятных ночей, чтобы просто так слить. Пока она ему не надоест, он не будет её трогать.

– Они адрес квартиры нашей где-то раскопали, – сказала Инга, – вот и интересовались. Почему я не сказала, что знала, зачем мой покойный муженек ездил в Борисфен.

– И что ты ответила? – напрягся Арсенюк.

– Как договаривались, – сказала Инга, – муж у меня голубой и встречается на квартире с любовником, но мне кажется, следачка мне не поверила. Уж больно она пристально на меня смотрела, знаешь, сидит так, ничего не говорит, а просто рассматривает. Как будто в самую душу лезет.

Арсенюк, не отвечая, хлопнул рюмку коньяка и отправил себе в рот лимон.

– Фигня всё это, – сказал он, – не обращай внимания. Это они ко мне клинья подбивают, с*ки. Ничего. Пусть попробуют доказать обратное твоей версии, тем более что доказухи у них с гулькин хрен. Слушай, а как они на квартиру вышли, ты не знаешь?

Инга покачала головой.

– Точно не знаю, – сказала она, – скорее всего, моя соседка натрепала, она старуха говорливая.

– Что за соседка? – спросил Арсенюк.

– Да напротив живет, – махнула рукой Инга, – уж давно пора помереть, а она никак всё не соберётся. Я ей внушила, что когда мы с тобой на квартире встречались, это как будто муженёк мой с любовником трахались. Она и поверила, представляешь? Причём не только поверила, но и разнесла по всему району. Да, менты ещё про знакомого моего Андрюшу интересовались, ну я сказала, что его не знаю, но слышала, что вроде бы он откуда-то из Кранцберга.

– А вот это ты молодец, – Арсенюк погладил Ингу по голове, как кошку, та призывно изогнулась, – теперь они отправятся на юг, и мы их там и словим. И мусоров, и этого таинственного друга. Ты про него ничего не нашла, кстати?

– Нет, – Инга поймала жесткий взгляд любовника, – правда. Все бумаги перевернула, все фотки посмотрела, даже намека нет. Про колеса тоже ничего.

– Ну и хрен с ним, – сказал Арсенюк. – Никто ничего всё равно уже не докажет. Бабосов у меня достаточно. Сверну производство где-нибудь через месяца два и героически объявлю, что нашел предателя в рядах спаянного коллектива, – он плотоядно улыбнулся, – представляешь какой предвыборный пиар?

Инга чмокнула Арсенюка в губы, размазывая по его лицу помаду.

– Я всегда знала, что ты гений, – сказала она, – усаживаясь на колени любовника и обвивая его шею руками, – иначе осталась бы с Андреем.

– Правильно, – прошелестел Арсенюк, расстёгивая пуговицы на рубашке девушки, – а то будут мне тут всякие гэбэшные гниды указания давать.

Он повалил Ингу на диван и стал заниматься более приятным делом, чем нудный разговор.

* * *

Некоторое время после окончания записи продолжалась тишина, нарушаемая нервным постукиванием пальцев Наташи о стол.

Соболь насупился.

– Я только не понимаю, о каких таблетках они всё говорят? – сказал он.

Наташа вздохнула.

– А это мотив нашего лысого друга, помните бумажку, которую мы нашли на Чкалова?

Соболь кивнул.

– Так вот, это формула лекарственного препарата Греларозол, – сообщила Покровская, – он вызывает привыкание и очень токсичен.

Молодой околоточный насупился.

– Если Левицкий накопил что-то серьезное, то перспективы движения Арсенюка были бы очень призрачными, – заметил Соболь, – это мотив серьезный.

Наташа хмыкнула.

– Ага, только доказать мы ничего не сможем, – сказала она, – у нас нет материалов ни по заводу, ни по таблеткам.

– А как думаете, у кого есть? – спросил околоточный.

– Скорее всего у того, с кем встречался Левицкий на квартире, – сказала Наташа, – поэтому Арсенюк за ним охотится. Узнать бы, кто это.

– Так надо ехать в Кранцберг, – сказал Соболев, – в любом случае этот некто там.

– Кранцберг, – пробормотала Наташа, – все так или иначе крутится вокруг этого места. Там похитили девочек, там живут бизнесмены из списка, который мне дал Добровольский, и человек, который встречался с Левицким, тоже там.

– Так, может быть, кто-то из этих бизнесменов, – предположил Соболев, – борьба за сферы влияния и всё прочее. Ведь на такое расследование нужны большие средства.

– Резонно, – согласилась Наташа, – предположим, кто-то из этих бизнесменов захотел помешать «Лиге честности» добиться успеха на выборах. Этот кто-то...

– Покровская хлопнула ладонью по столу. – Ну конечно, и как я сразу не сообразила. Ведь это дочь бизнесмена Сабурова просила Левицкого помочь ей в расследовании, а Сабуров как раз в списке Добровольского.

– Так что же, значит, Левицкий встречался с дочерью? – спросил Соболев.

– Нет, – сказала Наташа, – Сабурова в момент гибели Левицкого была в Кранцберге, получается, что её отец.

Соболь нахмурил брови.

– Да, но бизнесмен его уровня не будет назначать встречи в съемных квартирах, – возразил околоточный, – да и личность приметная, кто-нибудь бы запомнил. Послушайте, что голову ломать. Нужно просто поехать в Кранцберг и тряхнуть этих расследователей.

– Рискованно, – заметила Наташа, – если я буду оформлять официальную командировку, то господа из «Лиги честности» могут решить, что мы объединили дела, и залягут на дно.

– Почему командировку? – удивился Соболь. – Можно оформить больничный или отпуск. Не знаю, скажите, что у вас бабушка заболела. Вы же из тех краев, вряд ли подозрения возникнут.

Покровская усмехнулась.

– А вы умный, Алексей, – сказала она, – чего в околоточных сидите?

Соболь пожал плечами.

– Да вы знаете, мне сто раз предлагали перевестись, только убойщики или кто-то другой, они больше с мертвецами да бандитами общаются, а я с народом простым люблю поговорить. Хочу понять, так сказать, самую суть жизни, а она не в ресторанах этих навороченных и не в деньгах этих шальных, а в какой-нибудь старушке у подъезда, мальчишках, играющих во дворе в футбол.

Покровская улыбнулась. И такие романтики ещё бывают?

Удивительно.

– Ну, раз так, – сказала она, – помогите найти мне правду жизни. Поедемте со мной в Кранцберг, как оперативное сопровождение, согласны?

Соболь на секунду задумался.

– А поехали, – весело ответил он, – тем более что мне интересно, чем дело кончится.

Наташа усмехнулась. То, что она поедет не одна, уже обнадёживало, хотя насчет всего остального на душе скребли кошки. Ничего, постаралась успокоить она себя, ты и не такие дела разгадывала, и здесь разберемся.

* * *

Верховский явился в управление к половине одиннадцатого. Явился не один, а в компании с Александрой Рыковой, её он представил как своего юриста. Интересно, промелькнуло в голове Ксении, она ведь запросто могла воспользоваться машиной Верховского. Она знала, где живет Урусова, и, допустим, имеет против неё какие-то мотивы, вот только когда похитили девочек, она была за границей. Ну, по крайней мере, так сказала, когда её и Урусову допрашивали в первый раз. Вряд ли она соврала, эту информацию легко проверить, хотя...

– Я хотела поговорить только с господином Верховским, – сказала Ксения, – ему пока что не предъявлены обвинения,

поэтому вряд ли понадобится адвокат.

– Значит, это не допрос? – спросила Александра.

– Скорее беседа, – ровно ответила Ксения, – нам просто нужно узнать кое-какую информацию.

– И всё же я поприсутствую, – веско сказала Александра.

Пытливые глаза Аваловой рентгеном просканировали адвокатессу. Эта девушка умеет добиваться своего, решила Ксения, не зря она считается высококлассным адвокатом. Остается понять, насколько тесные у них отношения, хотя об ответе Ксения догадывалась.

– В чём, собственно, дело? – спросил Верховский. – Вы сорвали меня с важной деловой встречи.

Авалова протянула бизнесмену фототаблицу с места убийства, которое они сегодня осматривали.

– Четыре часа назад в подвале одного из домов было найдено тело второй пропавшей девушки, сообщила Ксения – ей так же перерезали горло, как Екатерине Кирсановой.

Она стала наблюдать за реакцией. Верховский дернулся и чуть охнул. Его помощница сохраняла ледяное спокойствие, как будто не произошло ничего из ряда вон. Игра на публику? Возможно. На первом допросе Александра была более чувствительной. Ксения прочитала материалы.

– Сочувствую, – сказал Верховский чуть дрогнувшим голосом, бросив взгляд на фотографии и потеряв глаза. – Кто же может творить такое злодейство? Но позвольте, причем здесь я?

– «Ягуар Х-Туре», госномер ВЛ2004, – это ваша машина? – спросил Макс.

– Моя, – сказал Верховский, – я не понимаю, в чём дело? Ксения ещё раз посмотрела на Александру, та продолжала сохранять спокойствие.

– Свидетели показывают, что видели эту машину возле дома, где произошло убийство, – сказала Авалова.

– Что за бред! – воскликнул Верховский. – Этого не может быть!

Ксения позволила себе циничную улыбку. Не для себя, для них.

– Увы, это так, – сказала она, – наши данные проверенные, поэтому мне бы хотелось прояснить, где вы были с вечера среды до утра четверга.

Девочку убивали в это время, пронеслось в голове Аваловой, пока она сидела в этом кабинете и строила дурацкие логические цепочки и версии.

Верховский пожевал губу.

– Так, в среду, – сказал он, – уф, в среду у нас был корпоратив, мы отмечали день рождения одного сотрудника. Я там пробыл почти до утра. Меня все видели.

– А потом? – спросила Ксения.

Верховский бросил на Авалову пристальный взгляд.

– Ну... – начал он, – в общем...

Сидевшая рядом Александра вздохнула скромно и флегматично.

– Мы поехали ко мне, – сказала она, нервно усмехнувшись, – и провели там всю ночь, а утром, как вы знаете, я позвонила вам.

– И вы можете подтвердить, что машина всё время стояла на месте? – спросил Рауш.

Александра улыбнулась.

– У мужчины и женщины есть более приятные занятия, чем следить за автомобилем, не правда ли?

Ксения послала улыбку в ответ.

– Зачем же такая откровенность? Вы вполне вольны заниматься тем, чем хотите.

– А нам нечего скрывать, – сказала Александра, – мы встречаемся и любим друг друга.

Занятно, решила Ксения, помнится, Верховский был равнодушен к Анастасии Урусовой. Юношеская любовь, конечно, штука ветреная, но она думала, что когда Верховский говорил об опасности для близкого человека, он явно имел в виду не Александру. Странная эта компания, очень странная, и самое странное было в ней то, что она сильно напоминала ту компанию, с которой Ксения познакомилась в международном лицее, только те дети игрались, а здесь всё серьезнее. Любовный треугольник? Урусова мешала личному счастью Александры и Верховского, но зачем убивать Кирсанову и Захарову? Что-то здесь не складывалось.

– Кто-то ещё кроме вас имеет доступ к машине? – спросила Ксения. – Может быть, водитель?

Верховский покачал головой.

– Тут такая, в общем, история, я в основном на мотоцикле езжу, машиной пользуюсь только зимой, поэтому она стоит в подземном гараже. И да, у меня есть водитель, но мы с ним очень редко видимся, только когда меня нужно отвезти на какой-нибудь прием или что-то в этом роде, а что, вы так уверены, что убийство совершил тот, кто был за рулём?

Ксения коротко кивнула.

– Эта версия основная, – сказала она, – координаты водителя можно получить?

– Да, – сказал Верховский, роясь в бумажнике, – вот его визитка, зовут Сергей.

– Когда вы с ним в последний раз созванивались? – спросила Ксения.

Верховский задумался.

– Дайте вспомнить, позавчера он спрашивал о планах на неделю, обычный разговор. Я сказал, что он мне не нужен и отпустил, всё.

– Значит, эти три дня вы машину не видели? – подал голос Рауш.

– Нет, – сказал Верховский, – к тому же Сергей жаловался, что барахлит инжектор, и как раз во вторник он должен был поставить машину в автосервис.

Авалова удивленно приподняла бровь.

– Странно, что он не позвонил вам по итогам, – заметила девушка, – ну или вы ему.

Александр кивнул.

– Ну, как бы вам это сказать, Сергей иногда любит выпить, – я его не ругаю за это, поскольку он никогда не пьет, когда нужен, и я знаю, что если он не позвонил сегодня, то позвонит завтра.

– Хорошее качество, – усмехнулась Ксения, – нужное. Со скрипом отворилась дверь и в просвет просунулась голова Мациевского, который только вернулся с осмотра.

– Ксюх, на две секунды, – сказал он.

Мысленно чертыхнувшись, Ксения оторвалась от созерцания сладкой парочки и вышла из кабинета.

– Что еще я должна знать хорошего? – спросила она.

– Должна, – сказал Мациевский, – я тут местных гаишников напряг, на предмет плана перехвата машины.

– Только не говори, что нашли, – удивилась Ксения.

– Нашли, – ответил Мациевский, – километрах в десяти от города, на Южном шоссе, «Ягуар», как заказывали, а в багажнике труп – мужчина с перерезанным горлом.

Кто это был, Ксения уже догадывалась. Девушка кивнула Мациевскому и вновь зашла в кабинет, украдкой подмигнув Раушу.

– Сейчас мы с вами кое-куда поедем, – сказала она, – собирайтесь.

Александра напряглась.

– Куда это? – спросила она. – В чём дело?

– Вашего водителя нашли, Александр Владимирович, –

сказала Ксения, – убитым.

Верховский и его помощница переглянулись, теперь их страх был реален, по крайней мере, казался таковым.

КОНЕЦ ЧЕТВЕРТОЙ ГЛАВЫ

Глава V. Опасное спасение

Если разом осушить пузырьёк с пометкой «Яд», рано или поздно наверняка почувствуешь недомогание.

Л. Кэрролл

Пятница 19 октября

Черный, блестящий «Ягуар» в свете ночи, словно бы оправдывая свое название, казался мертвым хищным зверем, вокруг которого копошились суетливые охотники, освещающие пространство ярким светом прожекторов и мигающих милицейских огней. Ночью всё становится настоящим, решила Ксения.

«Охотники» выполняли свою работу, делали метки, щелкали фотоаппаратами.

Место, где бросили машину, было глухое и темное, сплошь окруженное высокими деревьями, но, тем не менее, преступник даже не попытался спрятать «Ягуар», это было странно, но кое-что говорило о его личности. Он не хотел прятаться, он приглашал к игре. Вопрос был только в том, какая цель была у игры?

Ксения подошла ближе. Туда, где лежали носилки, покры-

тые белой простынёй, на которых лежал труп мужчины средних лет в джинсах и футболке. Никаких видимых повреждений на нем не было, кроме уже знакомой раны на шее.

– Это он? – спросила девушка у Верховского. Александр стоял и смотрел на тело нервным болезненным взглядом, его помощница испуганно прижалась к груди Верховского, словно ища защиты от увиденного.

– Да, – произнес Александр, – это Сергей, какая трагедия, даже не знаю, как это возможно.

– Что вы можете о нём сказать? – спросил Мациевский. Неправильный вопрос, мелькнуло у Ксении, не имеющий отношения к сути.

– Исполнительный, четкий, аккуратный, – начал перечислять Александр, – машину всегда в порядке держал.

– Вы интересовались его семьей, чем он занимался вне работы на вас? – спросила Ксения.

Александр кивнул.

– Семьи у него не было, – сказал он, – жил один – бывший морпех, иногда рассказывал о годах службы, но не словоохотливый. Меня, знаете ли, это устраивало.

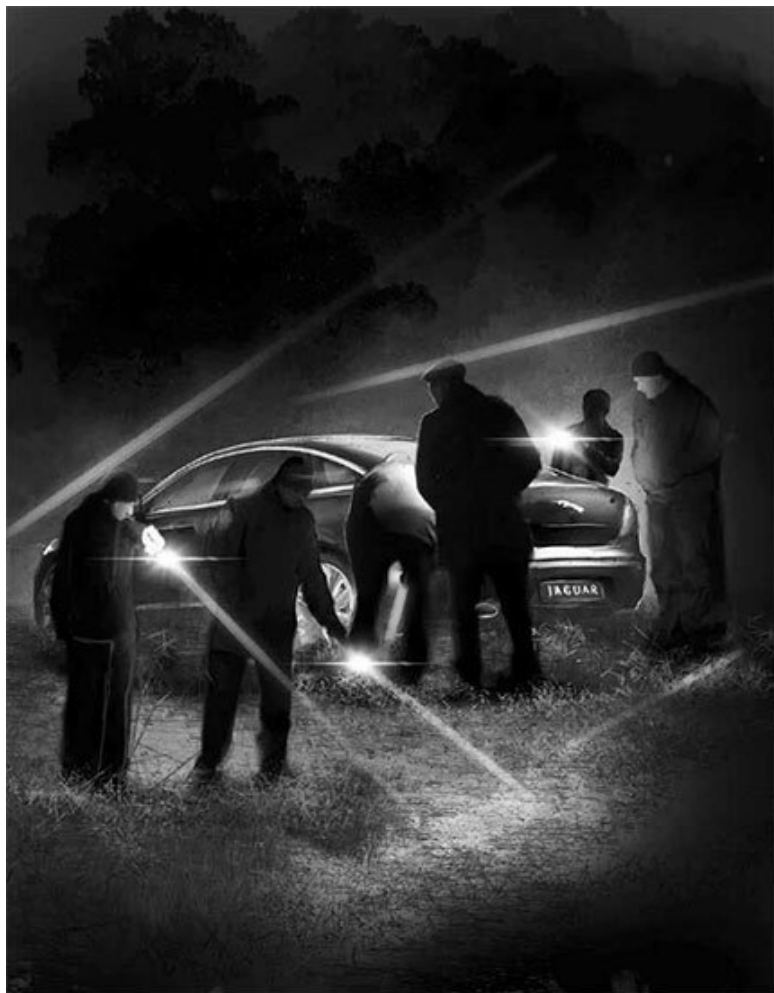
– Значит, вы не делились с ним планами на жизнь и всякое такое? – спросил Макс.

– Нет, – сказал Александр, – иногда футбол только обсуждали, в личную жизнь друг друга мы не лезли, это непрофессионально.

Ксения многозначительно хмыкнула.

– Скажите, вы всегда проходили техобслуживание в одном сервисе?

– Да.

– То есть мы можем позвонить туда и спросить: отвозил ли к ним ваш водитель машину?

– Естественно, – сказал Александр, – это лицензированный сервисный центр, он здесь, собственно говоря, один.

– Понятно, – кивнула Ксения, – может быть, вы замечали какие-то странности в его поведении в последнее время?

– Нет, – сказал Александр, – все как обычно. Хотя, по-стойте, было кое-что. Дело в том, что я удивился, когда он сказал про инжектор, он его проверял неделю назад.

– И как он это объяснил? – спросила Авалова.

– Сказал, что на прошлой неделе не было записи. И он записался повторно. Может быть, это было и глупо с моей стороны, но я тогда внимания на это не обратил.

– Напрасно, – заметила Ксения, – весьма напрасно. Что же, мы больше вас не задерживаем, единственный момент, не уезжайте, пожалуйста, из города, ну или предупредите о том, что уедете.

Верховский позволил себе улыбнуться.

– Конечно, – сказал он.

* * *

Верховский был зол. Зол на себя. Зол на окружающий мир. Он не любил, когда его обкладывали, как медведя в берлоге. Он знал, что его обкладывают. Естественно, он мог бы действовать сам и сам решить свои проблемы, но эта девоч-

ка – Ксения Авалова – она его заинтересовала. У него была какая-то внутренняя уверенность, что она распутает ту паутину, которая их всех окутывала. И тем не менее, хотя у него и была эта уверенность, всей правды он ей рассказывать не собирался, потому что знал, что это может навредить Анастасии. Если это будет необходимо, Авалова сама всё раскопает, мешать ей он не будет, но и помогать тоже не станет.

– Что вообще происходит? – кипела негодованием Шурочка. – Ты мне можешь сказать?

– Если честно, то понятия не имею, – бросил Верховский, – ты знаешь, я тоже очень хотел бы знать. Очень хотел бы.

– Ты понимаешь, что это черная метка тебе, – воскликнула Шурочка, – ты знаешь, кто за этим стоит?

– Это не они, – сказал Александр, – ты права, я бы знал, к тому же Тополевичу я нужен живой, по крайней мере, пока.

– А, по-моему, это предупреждение, – сказала Шурочка, – «если ты с нами, то будешь следующим».

Верховский криво усмехнулся.

– О нет, они не так топорно работают, – сказал он, – к тому же не надо преувеличивать мою значимость. Я не олигарх, не нефтяник, не банкир. У меня не тот масштаб. Я им интересен ради бренда, а за бренд они убирать меня не будут.

– Ты рискуешь, – упрекнула его Шурочка, – слишком полагаешься на свою интуицию.

– И тем не менее, я не буду принимать никаких мер, –

сказал Верховский, – ещё раз говорю, что убирать меня им нет смысла.

– Ну, я же не имею в виду физически, – продолжала упорствовать Шурочка, – они могут создать такую ситуацию, при которой ты сам попросишь о помощи.

– Например?

– Например, если тебя обвинят в этих убийствах, – предположила Шурочка, – пока что все стрелки удачно сводятся на тебе.

Верховский фыркнул.

– И с чего же такой глубокий вывод? – спросил он. Шурочка хмыкнула.

– Посуди сам, ты был связан со всеми тремя девочками, косвенно, согласна, но ты их знал. Почему бы не подбросить фейковое фото, где ты, скажем, обнимаешь одну из девочек, или ты думаешь, что кто-то случайно воспользовался твоей машиной и убил твоего водителя?

– Это бред, – констатировал Верховский, – ты ошибаешься.

– Даже если я ошибаюсь на девяносто девять и девять, – сказала Шурочка, – одна сотая остается.

Верховский нервно моргнул.

– Эта сотая может быть как плюсом, так и минусом, но даже если ты права и они меня хотят подставить, то, что у меня на них есть, заставит их передумать.

Шурочка сделала усталый вздох, она не надеялась убедить

его, просто старалась, чтобы он был осмотрительнее и осторожнее.

– А что ты будешь говорить, когда проверят твоё алиби? – спросила она. – Когда узнают, что ни на каком приеме тебя не было.

Верховский криво усмехнулся.

– Ты прекрасно знаешь, где мы с тобой были, – заметил он, – но согласишься, что это последнее, о чём я должен рассказывать милиции, я скажу им, если это потребуется. Пока же надо дать четкие инструкции на фирме и в лицее, что говорить. Каждому чёткие инструкции, чтобы исключить любую утечку информации. Милиция ничего не должна знать тем более. Все должны говорить, что это недоразумение и мы здесь ни при чём, к тому же Сергей не был у нас оформлен официально, что он делал в свободное время, нас не должно волновать, поняла?

– Всегда удивлялась твоей способности так легко вычеркивать людей, – мрачно произнесла Александра.

– Ты ошибаешься, – сказал Верховский, – я его не вычеркиваю, но ему уже всё равно, а то, что крови мне попортить могут, в этом ты права, просто не надо бросаться с шашкой наголо, так что работаем в прежнем режиме.

Его все считали необычным человеком, и своё беспокойство он ни собирался показывать никому, даже ей. Нет, не так, особенно ей.

– Есть что-то, чего я не знаю? – риторически спросила Ксения у делающего пометки в блокноте эксперта, тот лишь многозначительно хмыкнул.

– Удар тот же, – сказал он, – но я рассмотрел локализации четырех ран и могу сказать, что во всех случаях преступник наносил удар спереди, то есть лицом к жертве, и поскольку раны глубокие, я могу сделать вывод, что стоял он очень близко.

– Хотите сказать, что убийца и жертва знали друг друга?

– Скорее всего, да, – кивнул эксперт, – я бы даже сказал, что действия убийцы были неожиданные для жертв, что достаточно странно, если учесть, что девочек предварительно похитили.

Значит, возможно, это не выглядело как похищение, подумала Ксения, возможно, им пообещали увеселительную прогулку или мороженое. Маньяки так часто делают, но Левицкий и водитель Верховского, значит, тоже должны были знать убийцу? Они не могли быть жертвами маньяка. Они разговаривали с убийцей, совершенно не опасаясь его, потому что доверяли, значит, он из их близкого круга. Ксения вспомнила показания бомжа о неизвестной девушке.

– Скажите, а женщина могла бы нанести такой удар? – спросила Авалова.

Эксперт пожал плечами.

– Ну, в принципе, да, – замявшись, произнес он, – если тренированная. Вы вот, с вашими умениями, запросто.

– Спасибо, утешили, – холодно усмехнулась Ксения. – Ладно, надо будет завтра подробнее разузнать про этого Сергея. Верховский говорил, что он был замкнутый и часто выпивал, значит, были все-таки какие-то собутыльники, может, чего и расскажут.

– А может, он один пил? – насуплено спросил Мациевский.

– Вряд ли, – сказала Ксения, – алкоголики-одиночки из запоев неделями не выходят, а у этого было скорее за компанию. На запойного алкаша не тянет.

– Ну да, помотаемся возле дома, может, кого и найдем, – кивнул Рауш, – только что нам это даст? Вы же не думаете, что его собутыльники убийцу видели.

– Видели, нет, – согласилась Ксения, – но вот в разговорах что-то этот водитель мог упомянуть. Он знал его или её. Возможно, даже подвозил на место преступления, а возможно, что и увозил тоже, при этом совершенно не боялся, значит, мог обронить про какую-нибудь халтурку, прибыльный заработок. Макс, займитесь этим на досуге. Нужно узнать, что скрывают Верховский и... Анатолий!

– Слушаю, – откликнулся оперативник.

– Съезди завтра с нашим консультантом к матери Терехиной, – сказала Ксения, – там надо поговорить деликатно,

но содержательно. Кристина это умеет. Мы должны понять, что Терехина могла знать о знакомом Кирсановой и знала ли вообще. Может быть, он и с ней общался, а может быть, даже со всеми тремя вместе. Это был человек, которого они не боялись, от него для них не шла опасность. Если они увлекались политикой, может, он был им как старший товарищ или протектор, тот, с кем они делились знаниями, с кем могли обсуждать то, что выучили на уроках. Девочки в этом возрасте любят общаться с солидными мужчинами.

– С такими, кто может подарить дорогой кошелек или отвезти за границу, – добавил Мациевский, – у них солидное дело и счет в банке, а не постоянный поиск того, с кем бы переспать. Кристина в таких разбирается.

– Как-то всё опять на Верховском сходится, – заметил Макс, – и машина его, и с девочками он мог быть знаком, а они уж точно его знали, хозяин же школы и с политикой связан.

– Всё так, – сказала Ксения, – только бомж наш девицу видел.

Рауш фыркнул. Верховский ему явно не нравился, решила Авалова.

– Он мог и ошибиться, – заметил Мациевский, – что она в машину садилась. Факт один: там была машина Верховского. Ксения насупилась.

– Нет мотива, – сказала она, – зачем их убивать? Их не насиловали, не истязали. Кого бы ни убивал этот некто, он

убивает с холодным профессионализмом. У него есть цель. Это не случайные жертвы. Как это не покажется странным, они должны быть связаны с Левицким. Убийца один, вот это факт.

– А может этот знакомый и был Левицкий? – спросила она. – Или, может, тот, с кем он встречался в день убийства. Возможно, эти девочки знали о его расследовании.

– Ну, ты загнула! – воскликнул Мациевский. – Они что, у него были спецагентами?

Ксения закрыла глаза. Задумалась. Тупик. Куда бы ни сунулись – тупик. Фактов множество, а зацепиться им было не за что. Кто-то очень умело путал их, словно бы специально забрасывая всё новыми фактами, надеясь, что они в них утонут, и надо сказать, что он был близок к цели. Нужно искать. Искать любой ценой.

* * *

– Так это у тебя нашли труп?! – воскликнула Шурочка. Это было утром часов в десять. Она сидела напротив Анастасии Урусовой, которая сумбурно рассказывала подруге всё, что с ней случилось в день предыдущий. Сама девушка не помнила даже остатка этого дня, в таком она была шоке от произошедшего.

– Представь себе! – сказала Анастасия и замолкла. – Постой, а ты что, знаешь про это?

Шурочка вздохнула.

– Я знаю про труп, – сказала она, – но нам не говорили, где его нашли, теперь ясно.

Анастасия посмотрела на подругу глазами, полными страха перед какой-то странной и необъяснимой неизвестностью.

– А почему вас вызвала милиция? – спросила она. Шурочка обычно была честна и прямолинейна, но в случае нынешнего состояния её подруги говорить надо было взвешенно и аккуратно. Тем не менее, Шурочка не могла не сказать.

– Да ерунда, на самом деле, – бросила она, – вроде бы свидетель видел машину Александра рядом с твоим домом, он случайно не заходил к тебе?

Анастасия испуганно глянула на подругу.

– Нет, – прошептала она, – ты же знаешь, что я здесь всё время. И что, он там был?

Шурочка махнула рукой.

– Да нет, – сказала она, – машина была тогда у водителя. Милиция его ищет.

О том, что водителя убили, Шурочка намеренно умолчала, на надо Анастасии знать лишнее.

– Сергея?

– Да.

Анастасия замерла на секунду, задумалась.

– Постой, так я же его видела, – сказала она, – ну да, я когда приехала, он мне ещё рукой махнул, только вот машины

я не видела.

Шурочка нахмурилась.

– Ты ничего не путаешь? – спросила она. – Может, обозналась?

– Да ничего я не путаю! – воскликнула Анастасия. – Что я маленькая?! Говорю же, махал рукой! Постой, так надо в милицию сообщить, наверное.

Шурочка покачала головой.

– Нет, – веско сказала девушка, – вдруг они тогда решат, что за рулём был Александр.

– Но это бред! – воскликнула Анастасия. – Зачем ему это?

Шурочка махнула рукой.

– Ты что, милицию не знаешь, – сказала она, – им бы только засадить человека, чтобы план отработать.

Анастасия вздохнула. Сейчас она была идеальным воплощением человека, который был абсолютно беспомощен перед возникшей напряженностью.

– Как же это страшно, – заговорила она, – я же думала, что это никогда не вернется в нашу жизнь. Думала, что всё закончилось. У меня этот труп прямо до сих пор перед глазами. Эти волосы, а главное одежда, Шур, ты понимаешь, на ней была моя одежда. Ты представляешь, что было бы, спустись я туда одна.

Шурочка скептически взглянула на подругу.

– Так для начала успокойся, – сказала она, – и попробуем рассуждать логически. Чтобы проверить такое, нужно

совместить кучу обстоятельств: во-первых, ты должна быть одна, во-вторых, убийца должен был чётко знать, что ты сегодня поедешь на свою городскую квартиру. Подумай, кто знал, что ты поедешь одна на городскую квартиру?

– Да вроде никто, – сказала Анастасия, – хотя постой, я об этом Эльмире говорила. Мы с ней обедали вчера. Слово за слово. Я и сказала, что хорошо бы проверить, как идет ремонт. – Анастасия пристально посмотрела на подругу. – Ты хочешь сказать, что это она подстроила?

– Да бог с тобой! – воскликнула Шурочка. – Нет, конечно. Такие вещи продумываются заранее, а не приходят в голову во время обеда. Просто тогда получается, что если никто не знал об этом заранее, то этот сюрприз предназначался, скорее всего, не тебе, а какому-то очень близкому к тебе человеку.

– Поясни, – не поняла Анастасия.

– Ну, вот представь, ты спускаешься в подвал. Света нет, – начала Шурочка, – тьма хоть глаз коли. Сможешь ли ты разглядеть труп? Думаю, что нет. А даже если бы и смогла, то, скорее всего, не стала бы шарить по карманам в поисках документов. Ты бы вызвала милицию. Представила себе картину, да?

– Представить-то представила, – сказала Анастасия, – только я не пойму, к чему ты клонишь.

Шурочка махнула рукой.

– Сейчас поймешь. Теперь представь, что труп обнаружи-

вает полиция, а не ты. Всё, как было на самом деле, но в подвал спускаешься не ты, а, скажем, твой отец или я. Теперь поняла, о чём я?

Когда весь смысл сказанного подругой дошел до сознания Анастасии, у девушки похолодело внутри.

– Ты хочешь сказать, – прошептала она, прикрыв рот рукой, – что этот, как ты выражаешься, сюрприз мог для близких мне людей предназначаться? Но господи, боже мой, зачем?

– Я могу только гадать, – сказала Шурочка, – может быть, этот твой преследователь хочет выжать тебя как лимон перед тем, как нанести последний удар. Он заставляет вспоминать не слишком любимые моменты из прошлого, пытается уничтожить близких тебе людей. Таким образом, ты останешься одна перед неизвестным противником и без единого слова поддержки. Ему тебя даже убивать не надо будет. Ты сама покончишь с собой, после такого-то.

Некоторое время подруги сидели молча. Огонь весело потрескивал в камине, словно не замечая драматичности происходящего вокруг. Анастасия, не мигая, смотрела на полыхающие дрова. В словах Шурочки было чересчур много смысла.

* * *

Всё утро, как и весь вечер, прошло в головоломках, и ма-

ло-помалу Ксения осознала, что она на пути к цели, в смысле сломать голову. По крайней мере, она уже болела. Ей были нужны ответы, чем быстрее, тем лучше. И что-то подсказывало, что история с убийством девочек – далеко не самое главное в этом деле. Здесь было замешано что-то еще, но она могла только гадать, что именно. Политика? Возможно. Отец Анастасии Урусовой входит в тот список, что сумела раздобыть Покровская. Вполне можно предположить, что Тополевич или Арсенюк, а может быть, они вместе заказали эту серию убийств для того, чтобы в общей кутерьме ликвидировать тех людей, которые им мешают в политической борьбе. Это было возможно, поскольку во всех случаях убийца был один. Документы Анастасии Урусовой могли специально подбросить к трупу девочки, ну что-то типа чёрной метки. Но кому: отцу или Верховскому? Или Урусова тоже участвует в импровизированном расследовании Сабуровой? Сие также возможно. Интересно, а может быть, она не стала говорить, потому что не хочет рассказывать о греларозоле? Версия, конечно, красивая, но маловероятная. Больше, похоже, на то, что убийца (кем бы он ни был) зачем-то совершает параллельные преступления.

Ксения вздохнула. Ей не давало покоя ощущение, что они ходят по кругу. Каждый раз, сталкиваясь с чем-то уже когда-то виденным. Совпадение ли то, что все герои данной драмы как-то знакомы друг с другом? Прямо или косвенно, неважно. Многовато для простой случайности.

Девушка сжала ладонями ноющие виски. Не лучшее состояние, чтобы решать запутанные вопросы.

Если Верховского хотят подставить, то зачем сначала похищать девушек, которых Александр видел один-два раза в жизни, а затем ещё и обставлять всё так, как будто в городе появился маньяк. Убивать похищенных по одной, да ещё и в день пропажи спустя неделю. Слишком уж театрально, а значит, продуманно. А зачем Верховскому продуманное хладнокровное убийство этих девушек, и наконец, что убитых связывало с Левицким? Не случайно же они как жертвы были выбраны? При любом раскладе из общей картины вываливались либо убийца, либо Верховский.

Может быть, она неправильно ставит знак равенства между эпизодами, Левицкий – обычная «заказуха», а остальные случаи не причём?

Что-то необубедительно... Больше похоже на то, что именно этот маньяк (ну хорошо, хорошо, очень похожий по своим действиям на маньяка тип) на самом деле киллер, причём киллер высококлассный, но тогда лишними в раскладе оказываются убитые девушки, а уж Анастасия Урусова с её пансионом вообще получалась сбоку припека. Про препарат даже вспоминать не надо. Ксения досадливо мотнула головой. С логикой у неё туговато. Или просто здесь логики нет. Но так не бывает, она должна быть, всегда есть. Алогичных преступлений не бывает и алогичных преступников тоже, а тот, кого она искала, в логических комбинациях чемпион.

Она была уверена в этом.

Нет, я ещё не всё проверила, сказала сама себе Ксения. Её путь вновь лежал в Международный лицей. Татьяна, та девочка, которая была подругой убитых. Она что-то знает, знает и не говорит, что же, может быть, смерть второй подруги заставит сказать.

На широкой лестнице лицея Авалова натолкнулась на директрису, очевидно, с проходной позвонили.

– Что вы опять хотите? – спросила она. – Разве вы не узнали все, что хотели в прошлый раз?

Ксения фыркнула.

– По-моему, вы не в курсе, что обстоятельства изменились, – с холодной иронией заметила она.

В её сторону был брошен надменный взгляд.

– Я сочувствую, – сказала она, – но, по-моему, это ваша обязанность – искать наших девочек, и то, что случилось, это на вашей совести.

Авалова широко улыбнулась, стараясь быть самой вежливостью.

– Вот тут вы правы, – сказала она, – только мы бы исполняли свои обязанности, если бы вам было дело до ваших учеников, а вашим питомцам было бы дело до собственных одноклассников. Вот тогда дела бы пошли быстрее, а пока я вижу только сплошное вранье и форс непомерный.

Директриса охнула, но ничего отвечать не стала.

– Что вы хотите? – спросила она без тени любезности. Ксе-

ния вздохнула.

– Та девочка, Татьяна, приведите её ко мне и захватите этого Антона Сиджана.

– Вы их в чём-то обвиняйте?

– Как и всех, – бросила Ксения, – во лжи.

Минуты две спустя она снова видела испуганное лицо брошенного ребенка, который не нужен своим родителям.

– Я не стану говорить без адвоката, – с ходу заявил Сиджан, – вы не имеете права меня допрашивать.

Ксения мягко улыбнулась и села напротив мальчика. Сейчас они были в другом кабинете, кажется, географии, прошлый был исторический.

– Я тебя не собираюсь допрашивать, – сказала она, – давай просто поговорим. Ты же хочешь, чтобы нашли убийцу Кати?

Молчание.

Ксения вздохнула и вытащила из внутреннего кармана жилетки фотографии с последнего убийства и положила их перед Сиджаном. Тот флегматично глянул на снимки, но вдруг его лицо побелело и губы непроизвольно задергались.

– Это...

– Это Даша Терехина, – сказала Ксения, – её убили вчера, так же, как и Катю, через неделю он убьет третью девочку из вашего класса. Я знаю, что ты невиновен, но мне надо найти того, кто виновен.

Губы Сиджана продолжали дергаться. Он был один и со-

вершенно беспомощен. Ни деньги, ни дорогие побрякушки не могли воспитать, они должны быть средством, а не идеей.

– Но что я могу сделать, я же ничего не знаю? – спросил Антон, и в его голосе пробежало отчаяние.

– Сказать правду.

– Я сказал.

– Нет, – веско сказала Ксения, – ты убедил сам себя, что это правда, потому что тебе так легче, сидеть под корягой в золотой клетке и ничего не видеть и не слышать, ни к чему не иметь отношения, но при этом все получать.

– Откуда вы знаете? – буркнул Антон. – Что вы знаете о моей жизни?

– Знаю, – сказала Ксения, – впрочем, я сюда приехала не нотации тебе читать. Я задам пару вопросов и оставлю тебя в покое.

– Спрашивайте, – выдохнул Антон.

Ксения снова улыбнулась.

– Вот так уже лучше, – сказала она. – В квартире Кати я нашла этот кошелёк. Это ты ей его подарил?

Сиджан взгляделся в фото кошелька, которое сделала Ава-лова.

– Нет, – сказал он, – я никогда не делал ей подарков.

– Тогда как ты за ней ухаживал? – повторила Ксения вопрос, который ранее задавала родителям.

Антон нахмурился.

– Ну, это... в кино водил, в ресторан, – сказал мальчик. –

Да у нас и не было-то особо ничего, так, пара поцелуев.

– Тогда почему ты так разозлился, когда вы расстались? Ты ведь хотел вернуть её, что тебя так разозлило?

Снова молчание.

– Антон, – это очень важно, – произнесла Ксения, наклонившись к мальчику. – Скажи мне, что произошло?

Сиджан вздохнул.

– Да не то чтобы я хотел её вернуть, – сказал он, – просто я подошел к ней тогда, а она сказала, что нашла другого и он круче меня.

– И ты разозлился, – кивнула Ксения.

– Я был пьян, – буркнул Антон, – правда. Ну и начал обзывать её разными плохими словами.

– А она?

– Засмеялась и сказала, что выходит замуж и показала этот кошелёк, – Антон кивнул в сторону снимка, – а потом вытащила оттуда банкноту в сто франков и сказала, что это подарок жениха на свадьбу и что она уезжает в Швейцарию, а я продолжу прожигать жизнь.

Ксения нахмурилась.

– Ты уверен, что она сказала «он»? – спросила девушка.

– Да.

– И она говорила, что собирается в Швейцарию? – уточнила Ксения.

Антон кивнул.

– Ты не спрашивал, зачем и к кому?

– Да я не поверил, – сказал он, – сначала.

– А потом?

– А потом, когда она пропала, я подумал, что она просто сбежала со своим новым, и вообще выбросил её из головы, пока...

– Дальше, – попросила Ксения, – что было дальше?

– Она сказала, что не сердится на меня, и послала воздушный поцелуй, пообещав, что напишет мне, а потом ушла и я её больше не видел.

– Что ты делал после этого?

– Танцевал с Лерой.

– После, – ещё раз улыбнулась Авалова. Антон снова окаменел.

– Не молчи, – сказала Ксения, – куда ты пошел после?

Молчание.

– Ты был с девушкой, – догадалась Ксения, – но не с Лерой.

– Да, – сказал Антон, – но я не буду говорить, с кем.

– Не надо, – сказала Ксения, – я и так знаю. Послушай, Антон, ты неплохой парень, завязывай с этими глупостями и возьми за ум. Не гробь себя.

Антон криво ухмыльнулся.

– Думаете, поможет? – спросил он.

– Поможет, – кивнула Ксения, – по себе знаю.

Татьяна Козловская сидела перед ней точно в таком же виде, в каком Ксения её запомнила. Старые колготки, свитер в заплатках и тот же вопрос, что и у Сиджана.

– Я же вам всё рассказала?

– Не всё, – сказала Ксения, – ты не рассказала о вашей ссоре.

Таня рассмеялась.

– У вас странные предположения, – зло заметила девочка, – мы не сорились.

Ксения криво усмехнулась.

– Мы проверяли телефон Кати, в последнее время вы не переписывались. Я знаю, что подружки всё время переписываются. Ты ей писала, она не отвечала, почему?

В ответ тишина.

– Это пустяк, – наконец проронила девочка, – ничего особенного.

– Переспать с парнем лучшей подруги? – сказала Ксения. – Мне кажется, что Катя так не считала.

– Как вы... это неправда! – воскликнула Таня. – У меня сейчас контрольная.

Таня резко вскочила и направилась к выходу.

– Мы ведь устроим очную ставку, – бросила ей в спину Ксения, – пригласим родителей, адвокатов, или сама расска-

жешь?

– Я была зла на неё, понятно?! – зло сказала Таня.

– Естественно, – кивнула Ксения, – всё из-за Антона, он решил назло бывшей девушке переспать с её подругой, думал её позлить, а ты в него влюбилась, так?

Молчание.

– Катя тебя отговаривала, а ты не слушала, так?

– Она всё решала за нас! – воскликнула Таня. – За нас троих. Считала, что мы маленькие и глупенькие. Начиталась своих политических книг, вот я и разозлилась на неё.

– А она оказалась права, – сказала Ксения.

– Да, – кивнула Таня, – Антон сходил с ума по Кате, я думала, что смогу заменить её, но нет. Она даже после смерти оказалась права.

– И тем не менее, вы вместе провели ночь тогда? – спросила Ксения.

Таня фыркнула.

– Фигня, – сказала она, – ни секса, ни кайфа. Всю ночь пили пиво и всё. Я пошла спать в спальню, а Антон так напился, что уснул прямо на диване. Я его еле подняла утром.

Ксения хмыкнула. Нравы Растеряевой улицы. Будущее нации, елки-палки.

– Куда пошла Катя после вечеринки? – спросила Авалова.

– Не знаю.

– Таня...

– Честно не знаю, – сказала девочка, – она вообще странно

себя вела. Родителям говорила, что ночует у меня, а на самом деле пропадала где-то.

– Где?

– Не знаю, я только пару раз видела, что она уезжает на машине дорогой, на «Ягуаре».

У Ксении внутри горла образовался комок.

– Точно на «Ягуаре»? – спросила она. – А водителя не видела?

Таня покачала головой.

– Нет, но я думаю, что это был какой-то мужчина. У Кати кто-то был, кто-то взрослый, и она это скрывала.

Ксения вздохнула.

– Столько времени из-за ваших игр потратили, – сказала она. – Если бы ты сказала всё сразу, может быть, Соня и Даша бы не погибли, почему ты врала?

– Боялась, – сказала Таня, – себя боялась. Понимаете, Антон... он... меня впервые заметил, впервые за мою жизнь. Мне было тогда неважно, что и почему, я просто хотела испытать то, что Катя испытывала с мальчиками. Вы не представляете, что это такое, быть всё время в тени лучшей подруги. Я... я даже радовалась, что она пропала, понимаете?

– Нет, – честно сказала Ксения, – не понимаю. Объяснить можно всё.

Сергей Адашев сидел в салоне своей машины и смотрел, как мимо него проносятся множество машин. Кранцберг жил своей жизнью, как всегда, как живет любой город. Наверное, можно было сказать, что безрассудно назначать встречу с Ней в таком месте, но Адашев знал, что тайные встречи лучше всего проводить у всех на глазах. Никто никогда не обратит на тебя внимания.

Точно в расчетное время в его дверь села женская фигура, лицо которой было сокрыто капюшоном, который не был данью промозглой погоде. Как и все, что носила эта девушка, от брони до надежно спрятанного более изысканного оружия, капюшон имел строго практическое применение.

– Знаешь, что водителя нашли? – спросил человек.

– Вы сказали убить девчонку и засветить автомобиль, – холодно отрезала девушка, – автомобиль засвечен, девчонка мертва.

Адашев хмыкнул. Он даже не попытался назвать слова Охотницы отговоркой, хотя замечания тоже не сделал, это было опасно. Девочка была явно на взводе.

– В следующий раз придется быть аккуратнее. В Организации начинают нервничать. Хватит экспромтов, у тебя новое задание. – Он протянул девушке фотокарточку.

В холодных глазах, скрываемых капюшоном, сверкнуло возбуждение. Девушка пожевала губами и ровно кивнула.

– Следов в её крови остаться не должно, – сказал Адашев, – не ошибись.

– Я не ошибаюсь, – холодно сказала девушка и, более не говоря не слова, вышла из автомобиля.

* * *

Рабочее утро добрым не бывает. Эту мудрость Кристина выучила давно. Но если недоброе рабочее утро выпадает в ненастную погоду (в особенности в дождливую), то нужно ожидать неприятностей. Ксения позвонила ей вчера под вечер и обстоятельно рассказала всё, что произошло с Верховским и его автомобилем. История, что и говорить, была захватывающей. Она же попросила Кристину съездить к матери убитой Дарьи Терехиной. Кристина согласилась. Предположение Ксении о том, что все три девочки были связаны с политикой, казалось ей весьма убедительным.

Район на окраине с дешёвыми бараками и щитовыми домиками для рабочих. Грязь на улицах и разбитые дороги. Это местечко сильно отличалось от того великолепия, которое раскинулось в центре города. Оказывается, не только ме-

гаполисы имеют контрасты. И тем не менее, выросшая здесь Даша Терехина училась в дорогом колледже. Пути Господни неисповедимы, кому, как не ей это знать. Ей было всего десять, когда родители пропали без вести в горах, а её отдали в дипломатический интернат при постпредстве Великороссии при ООН, в Швейцарии. Многие девочки отдали бы все, чтобы один раз там побывать, а она ненавидела свое детство. Нет, ненависть дурное слово, она его просто вычеркнула из памяти. Она бы с удовольствием променяла свое детство на детство каждой из девочек в этом Богом забытом захолустье, но которые могут сказать «мама» и «папа». Закрыли тему, шикнула на себя Кристина. Она не любила, когда ей в голову лезли минорные мысли, разъедающие мозг. Есть люди, которые обожают свою боль и придумывают ей не только имя, но и объясняют ею все свои поступки, особенно дурные. Она не такая. Она научилась отпускать и отпустила. Лишь больше теряем мы, если хотим удержать, потому что как бы мы ни были сильны, мы не можем повлиять на объективный ход развития событий, но можем ответить себе, как вести нам в этом случае, и от нашего выбора будет зависеть память о нас.

– Мне кажется, зря едем, – заметил Мациевский, – заранее знаю все ответы. «Прилежная девочка, в школе училась хорошо, со шпаной не путалась».

Кристина покачала головой.

– Кто-то должен знать о том, с кем они общались, – ска-

зала она, – ну или куда ходили.

– Но вряд ли они об этом предкам рассказывали, – возразил Мациевский, – если мужчина был взрослый.

– Родители родителям рознь, знаешь ли, – заметила Леонова, – они же могли рассказывать об интересном знакомстве или дополнительных занятиях. В любом случае, чтобы найти убийцу, надо составить портрет жертвы, а кто его лучше даст, как не родители.

– По тебе сразу видно, что ты из хорошей семьи, – усмехнулся Мациевский.

Лицо Кристины накрыла легкая тень, однако девушка тут же скинула её.

– Мы пришли, – сказала она, не вступая более в дискуссии, указав на одноэтажный домик из «вагонки», когда-то модной ещё в старое советское время.

Девушка вытянула вперед руку и постучала в щитовую дверь.

– Кто? – раздался жесткий женский голос. Кристина аж подскочила.

– Мы из милиции, – сказал Мациевский, – откройте, пожалуйста.

– Не заперто, – нелюбезно ответили из-за забора. Кристина толкнула дверь и обомлела – перед ней стояла женщина лет пятидесяти с автоматом Калашникова наперевес.

– А ну пошли вон отсюда! – закричала женщина. – И передайте своим хозяевам: убью каждого, кто переступит по-

рог моего дома!

Дело принимает интересный оборот, решила Кристина. Стоявший рядом с ней Мациевский двинулся вперед, чтобы обезвредить развоевавшуюся даму, но Леонова жестом головы показала не двигаться. Такие проблемы нужно было решать миром.

– Успокойтесь, – сказала девушка, выставляя вперед руки, – нас никто не посылал.

– Знаю я вас, – прорычала женщина, – всё шатаетесь! Чего тебе надо-то? Дочь у меня отняли, еще что хотите забрать?

– Мы у вас ничего не хотим забрать, – ровно сказала Кристина, – мы расследуем убийство вашей дочери.

Женщина чуть опустила автомат.

– Спихнулись, – воскликнула она, – раньше работать надо было! Теперь-то уж поздно, – она помолчала, – ладно, проходите.

Не опуская «Калашников», женщина впустила их в дом и, проведя в небольшую гостиную, жестом показала на потрепанный диван, из которого торчали ржавые пружины.

– Садитесь, – жестко бросила женщина.

Кристина осторожно присела на диван и гримасой показала сделать то же и Мациевскому, тот нехотя сел.

– Мы пришли... – начала Леонова.

– Руку покажи! – скомандовала женщина.

– Не поняла, – сказала Кристина.

– Чего непонятного, – рыкнула женщина, – покажи мне

свою правую руку!

Кристина решила, что лучше не спорить и спокойно протянула руку. И тут же женщина, грубо схватив Леонову за запястье, вывернула его почти что в неестественное положение и резко задрала рукав блузона. Леонова вновь показала Мациевскому сидеть тихо.

Увидев голое запястье, женщина испуганно оттолкнула руку и заплакала.

– Прости меня, дуру этакую, – сказала она, – я же думала, что ты из этих...

– Из кого? – не поняла Кристина.

– Из этой шайки, которая мою дочь убила, – сообщила женщина.

Леонова и Мациевский переглянулись.

– Вы знаете, кто убил вашу дочь? – спросил Анатоль.

Женщина опустила автомат и села на покосившийся от времени деревянный стул.

– Знаю, – сказала она, – эта шайка, они называют себя организация «SIGMA».

– «SIGMA», – повторила название Кристина, – похоже на какую-то аббревиатуру.

Женщина фыркнула.

– Не знаю на что похоже, это бандиты и больше никто.

– А что их связывает с вашей дочерью? – спросила Кристина.

Женщина вздохнула.

– Я Дашу воспитывала одна. Она была такой беспроблемной девочкой. Училась всегда хорошо, всегда звонила, когда задерживалась у подруг, а вот недавно, где-то с месяц назад, её как будто подменили, злая стала, всё время грубит, а ночью к двери её подойдешь, плачет, а мне ни слова.

– Но вы предполагали, почему случилась такая перемена? – спросил Мациевский.

– Парень у неё появился какой-то, – сказала женщина, – ей каждую неделю курьер свежие цветы и конфеты привозил, а ещё подарки дорогие, это в нашу-то глушь.

– И кто он, она не говорила, – догадалась Кристина.

– Говорила, что одноклассник, – женщина махнула рукой, – да какое там, что я этих одноклассников не знаю, они так ухаживать не умеют. Это был взрослый мужчина.

Кристина пожала плечами.

– Многие девочки сейчас влюбляются во взрослых мужчин, – заметила она.

– Да я поначалу-то тоже не обращала внимания, – сказала женщина, – и там прилично всё было, а потом она всё ночью стала пропадать. Я её спрашиваю, где была. Она в крик, мол, не твое дело, а она сроду так себя не вела.

– И сколько её эта странность продолжалась? – спросила Кристина.

– Да недели две, – сказала женщина, – а вот один раз, прямо перед тем, как она пропала. Она ночью прибежала вся в слезах и умоляла меня, чтобы я никуда её не отпускала от

себя. Что-то говорила про то, что её похитить хотят, в Швейцарию увезти, в какой-то сумасшедший дом.

– Клинику, – догадалась Кристина.

– Да, – кивнула женщина, – клинику, она очень спутано говорила, а потом в дверь постучали и на пороге девица стоит, лица не разглядеть, капюшон надвинут, а голос, как у приведения. И сказала мне, позови дочь. Я ни в какую, говорю, нет её.

– А она?

– Засмеялась, – сказала женщина, – оттолкнула меня и в комнату к Даше. О чём там говорили они, не знаю, только вышла моя дочка и как овечка за ней пошла. – Женщина тяжело вздохнула. – Я почему тебя попросила руку показать. У девицы у этой татуировка была: черная пика, ну как в картах, и надпись на латыни большими буквами «SIGMA». Я ж тебя за неё приняла.

– А ваша дочь ничего не упоминала про эту... организацию?

– Нет, – сказала женщина, – только когда уходила, посмотрела на меня... как будто в последний раз, и ушла.

Кирсанова общалась с какой-то девицей. У неё был взрослый мужчина, и Терехина общалась со взрослым мужчиной, и тоже фигурирует девица. Обе девушки сначала пропадают, затем их убивают и обе собирались ехать в Швейцарию. Клиника, подумала Кристина, это та клиника, о которой говорила ей Ольга Касаткина? Если да, то появляется зыбкая, но

связь между убийством девушек, гибелью Левицкого и всей этой историей с препаратами. Если представить, что в клинике занимались чем-то нечистым, то известие о такой деятельности могло бы серьезно испортить жизнь Тополевичу, а на кону избирательная компания. В конце концов, людей и за меньшее убивали. Но чем таким занимались в клинике, что это было так опасно, при этом могло тщательно скрываться от местной полиции? Кристина знала Швейцарию и знала хорошо. Что же такого делает Тополевич, что это можно скрыть? Вопрос.

– Скажите, – произнесла она, – вы говорили, что это организация, а почему вы так решили?

Женщина вздохнула.

– Вы только не подумайте, что я боевиков насмотрелась, – сказала она, – я слышала, как эта девица Даше говорила «наша организация предательства не прощает», вот.

– «Наша организация предательства не прощает», – произнесла Кристина, действительно звучало, как в третьесортном детективе, – а к чему это было сказано?

Женщина только развела руками.

* * *

Выходила Кристина из этого дома ещё в большем недоумении, чем заходила в него. Получалось, что-то уж совсем невообразимое. Некая организация похитила трех школь-

ниц, чтобы потом увести их в Швейцарию. У двух школьниц были романы с какими-то взрослыми мужчинами, а может быть, и одним и тем же мужчиной. Эти отношения они тщательно скрывали, и о них не знал никто, даже близкие друзья. Естественно, можно было бы предположить, что вся эта история с поездкой в Швейцарию – пустая бравада, а мужчины обычные альфонсы, вот только разводить этих девочек было не на что. У них не было денег или богатых родителей, на которых можно было бы влиять. Со слов Ксении, можно было понять, что в этом лицее, где они учились, были более подходящие кандидатуры. Нет, дело было не в деньгах. Три девочки, три бедные девочки. Их похитили именно потому, что они были бедные. Но зачем? И почему их нужно было убивать?

– Что думаешь? – спросила она у Мациевского.

Тот флегматично пожал плечами.

– Мне кажется, сочиняет всё эта дамочка, – сказал он, – упустила дочь, а теперь придумывает про похищения, тайные организации и прочую белиберду.

Кристина громко фыркнула.

– Скор ты на характеристики, – ехидно заметила она, – а про Швейцарию она тоже придумала специально? Знала, что вы нашли швейцарский адрес на квартире Кирсановой и сказала. И про взрослого мужчину тоже, да?

Мациевский всплеснул руками.

– Ну не знаю, это выглядело, как в дешевом детективе,

обычно там такие сюжеты.

Левонova, демонстрируя полное отсутствие интереса к его словам, пожала плечами.

– Организация не организация, а эта интересная девица появляется у нас уже третий раз. Не находишь странным такое совпадение?

Мациевский осклабился.

– Но ведь ты даже не знаешь её примет, – сказал он, – к тому же второй раз она была в капюшоне. Может быть, это вообще старуха была, а может, мужик слащавый, откуда нам знать?

– Нет, – пробормотала Кристина, больше себе, чем Мациевскому, – слишком много для совпадения. Но ты прав, об этой девице мы не знаем ничего. Бомж её видел со спины, в квартире Захаровой она была в капюшоне. У подъезда Левицкого было темно. Или нам просто не везет, или она профессионально умеет скрываться.

– Суперкиллер-женщина похищает молодых девочек, а потом их убивает, – засмеялся Мациевский, – тянет на сенсацию.

Кристина дернула щекой.

– Не забывай, что и женщина может быть профессиональным убийцей, – сказала она, – таких случаев полно. К тому же женщинам всегда больше доверия, особенно у молоденькой девочки.

– Но похищать-то их зачем? – спросил Мациевский. – Не

понимаю.

– Я тоже, – сказала Кристина, – но, тем не менее, их похитили и убили, и убила их эта девица.

Мациевский фыркнул.

– Да что ты привязалась к этой девице!? Ну, видели её пару раз. Жена Левицкого, судя по тому, что Покровская сказала, вообще могла наврать с три короба.

Кристина покачала головой.

– И всё-таки это она, – сказала девушка, – самосбывающееся пророчество, если хочешь знать. Осталось только её найти.

– Простенькая задачка, – фыркнул Мациевский.

– Нужно понять мотив, – бросила в пространство Кристина, – пойдем зачем, узнаем кто.

* * *

Ювелир, имя которого упоминала Ольга Касаткина, жил в старинном приморском районе Кранцберга, что свидетельствовало о наличии денег. Жилье здесь стоило дорого, хотя, впрочем, как и везде в Кранцберге, кроме тех районов, где жили убитые девочки. Район, в который приехала Ксения, был другого рода. Отреставрированные маленькие домики, хорошие дороги, фонарные столбы с целыми лампами. Подъехав к дому, Авалова тут же насторожилась, поскольку на тротуаре стоял большой черный внедорожник. Он был

припаркован так небрежно, что говорило – водитель не дружил с правилами дорожного движения, да и сам вид внедорожника был угрожающий. Человек творческой профессии на таком ездить бы не стал. Ксения на всякий случай сняла «браунинг» с предохранителя и прошла внутрь дома.

Прятаться здесь бессмысленно, – решила Ксения, – оставалось делать вид, что она просто неспешно прогуливается. На тренировках ей всегда советовали не соваться в драку, пока не выяснишь все возможности и оснащение противника. Правда, она с удивительным упрямством прислушивалась к этому совету довольно редко. Авалова остановилась перед тяжёлой металлической дверью и поднесла палец к дверному звонку, но тут же отдернула, услышав глухой стон.

Ксения потянулась за пояс, но вовремя остановилась. Можно, конечно, как в американских боевиках, разнести дверь в щепки, а можно просто воспользоваться отмычкой, обнаружив, что замок прост и без всяких фокусов. Всегда надо идти обыкновенными путями, заключила Ксения, все же хватаясь за пистолет.

* * *

В квартире тем временем шел допрос. Посреди небольшой гостиной, тускло освещенной ночником, стоял стул. Ювелир Гааз был привязан к нему толстой бечевкой, какой обычно заматывают коробки. Рядом стояла табуретка, на ко-

торой, растопыбив ноги, сидел круглоголовый мордоворот в джинсах и кожаной куртке. В своих непропорционально огромных кулаках он держал дымящееся собственное, Гааза, устройство для огранки алмазов.

Допрос был детальный. Нет, боли от ожогов ювелир не чувствовал, уже не чувствовал, настолько у него было отбито всё тело.

Долго ли продолжался допрос?

Гаазу казалось, что всю его жизнь. Словно бы он так и родился, подвешенным за руки к батарее. И умрет, сплёвывая сгустки крови после каждой серии ударов под ребра и в голову и не в силах разлепить затекшие глаза. Только бы скорее.

О чём его спрашивали?

Спрашивали его одно и то же: «Где девчонка?» Добавляя при этом довольно грязные выражения, которых ювелир в жизни не слышал.

Когда Эльмира пришла к нему полгода назад и попросила о помощи, у него даже мысли не было отказать. К тому же просьба была вполне простой и невинной, и ювелиру даже в самом страшном сне не могло привидеться такое. Эльмира, конечно, предупредила об опасности и о последствиях, которые Гааз навлечет на себя, помогая ей, но он не особенно верил в такие последствия. А они наступили...

Два удара – слева по почкам и справа в скулу – оповестили, что короткая передышка, данная ювелиру для размышлений, закончилась. Удары были не слишком сильными

и прицельными – видать, и допрашивающие притомились. Оно и понятно, столько времени руками махать.

Один из допрашивающих присел на корточки и взгляделся в окровавленное лицо Гааза.

– В партизанов играем? – иронично осведомился он, держа в зубах остаток сигареты и выдыхая в лицо ювелира дым. – У нас точная информация, что вы, уважаемый, предоставили Эльмире Сабуровой место в церкви, в которую она увезла одну свою знакомую. Что это за церковь? Нам нужен только адрес.

Ювелир молчал. Он не тешил себя иллюзиями по поводу своего конца, поэтому не торопился выдавать местонахождение девочки. У нее, по крайней мере, будет шанс остаться в живых.

– Ну, чё, не колетса дедуля-то, – промычал тот, что сидел на табуретке, с хрустом разминая пальцы, – может ломать серьёзно?

– погоди, – второй сплюнул сигарету на пол, – послушай, дед, – вновь повернулся он к Гаазу, – мы ведь в бирюльки играть не будем с тобой. Адрес мы у кого-нибудь ещё узнаем. Добрых людей много. А тебя грохнем. Но, дед, ты не думай, что родня твоя хоронить тебя будет. Некому хоронить будет.

Гааз попытался вскочить на ноги, не обращая внимания на бечевку, но лысый бугай резким прямым ударом опрокинул скульптора назад, сорвав с носа очки.

– Вставать вредно для здоровья, – отметил второй бан-

дит, – я последний раз взываю к вашему разуму и совестью перед родными, – он кивнул на лысого, – вот этот молодой человек сейчас возьмет в руки молоток и будет ломать по одному пальцу в минуту. Когда закончатся пальцы на руках, приступит к пальцам на ногах. Это больно, очень больно, – он достал из кармана новую сигарету и взял её в зубы, – я считаю до трёх: Раз, два...

– Три, – раздался женский голос, а затем грохнул выстрел.

* * *

Ксения стреляла практически на автоматизме, её вряд ли можно было обвинить в плохой реакции. Того бандита, что стоял над ювелиром, она свалила первым же выстрелом. Второй сначала несколько опешил, затем взял лежавшего на полу мужчину, очевидно, хозяина, и приставил к его горлу лазерный резак. Оригинально.

– Бросай ствол сучка, – рявкнул он, – я его порешу, мне терять нечего!!!

А то как же... – Ксения выстрелила второй раз. Лысый грохнулся на землю, погребя под собой табуретку. Девушка судорожно выдохнула, убирая пистолет в кобуру.

– Живы? – осведомилась Ксения, освобождая ювелира от бечевки. – Сами стоять можете?

Скульптор что-то промычал и остался сидеть на стуле.

Видно, что нет, поняла Ксения.

Девушка быстрым шагом направилась на кухню, обнаружила там бутылку питьевой воды и, вернувшись к обессиленному старику, протянула её ему.

– Выпейте, – сказала Ксения, – вам надо прийти в себя. Дрожщими губами Гааз отхлебнул воды и тяжело выдохнул.

– Кто вы? – спросил он. – Что вам всем надо?

– Весьма любезные слова благодарности, – заметила Авалова, показывая удостоверение, – Оперативно-розыскное бюро, мне необходимо задать вам несколько вопросов.

Ювелир кашлянул.

– Вы находите сие уместным? – простонал он. Ксения хмыкнула.

– Если это касается жизни человека, – заметила она.

– Но ведь мне больше ничего не угрожает, – сказал скульптор, – да и ничего важного я сказать не смогу. Наркоманы какие-то ввалились и стали требовать, чтобы я отдал им бриллианты.

Интересно, ювелиры по природе своей крутежники, мелькнуло у Ксении, даже в такой ситуации старается увильнуть. Хотя, в общем-то, он мне ничего не обязан рассказывать, только потому что у меня манеры вежливые и я не привязываю его к стулу.

– Значит, кто на вас напал, вы не знаете? – светским тоном осведомила девушка, – и предположений у вас нет?

– Да откуда? Я разве похож на того, кто с бандитами будет якшаться? – оскорбился Гааз. – Они влетели, как сумасшедшие. Стали крушить всё вокруг. Меня сразу лысый этот скрутил и в угол комнаты поволок. Я остальное плохо уже помню.

Странный народ, подумала Ксения, необходимо обязательно всё утаивать и скрывать. Ох-ох-ох.

– Ну а почему они именно на вас напали? – спросила она. – Они знали, что вы ювелир?

В глазах Гааза загорелась искорка страха. Вероятно, он очень боялся сказать лишнее.

– Нет, что вы, – сказал он, – у меня же здесь даже мастерская не основная. Я здесь редко работаю, и бриллиантов тоже нет.

Ксения улыбнулась.

– Зато у вас есть связи, которые не зависят от вашего местоположения, так?

Старик побелел.

– Какие связи? – спросил ювелир. – Я ничего не знаю.

– В католической церкви, – пояснила Ксения, – благодаря которым вы вместе с Эльмирой Сабуровой спрятали одну девочку.

– Никого я не прятал, – зашипел ювелир, – вы не имеете права меня допрашивать. Я буду жаловаться.

Ксения хмыкнула.

– Жаловаться, это пожалуйста, сколько угодно, – сказала девушка, – только пока вы жалуетесь, с девочкой, о которой вы так печетесь, может случиться беда. Не думайте, что люди, которые теперь лежат на вашем полу, единственные, кого они послали. Их наниматели весьма настойчивы.

– Не знаю я никаких нанимателей, – бросил ювелир, – я человек сторонний, просто порекомендовал Эльмире церковь.

Ксения внимательно сдвинула брови.

– Так, а вот с этого момента подробнее, – попросила она.

Ювелир тяжело вздохнул.

– Я ничего не знаю толком, – начал говорить он.

– Эльмира обратилась ко мне полгода назад, её отец, мы с ним одноклассники, только вот он в бизнес подался, а я камни делаю. Эльмира сказала, что её родственница больна и что она не хочет помещать её в больницу, но нуждается в надежной опеке.

– И вы посоветовали католический храм? – уточняющее спросила Ксения.

– Да, – кивнул Гааз, – это самое лучшее место. Там тихо, спокойно и подальше от ненужных глаз. А Эльмира просила именно такое место. Оно и понятно при таких делах.

– Каких делах? – спросила Ксения. – Вы же говорили, что не вникали?

Ювелир устало и натянуто усмехнулся.

– Вникал, не вникал, – пробормотал он, – вы же видели этих отморожков, ясное дело, наркотики, что, я не понимаю, что ли. У молодежи с этим модно, а в церкви, уж поверьте, от этого избавят.

Да, иногда даже вслепую угадать можно, усмехнулась про себя Ксения. Удивительно.

– Адрес церкви? – четко спросила девушка.

– Это не здесь, – сказал Гааз, – за городом. Километрах в сорока от Кранцберга. Церковь святого Бенедикта. Спросите преподобного отца Павла, скажите, что от меня.

С улицы послышался вой сирен. Ксения осторожно выглянула в окно. Подъехала «Скорая» и две милицейские машины. Очевидно, соседи слышали выстрелы и переполошились.

– Это милиция, – сказала Ксения, – они запишут ваши показания и отвезут вас в больницу.

Ответа она не успела дожждаться. В квартиру ввалились двое постовых с автоматами.

– Вы кто!? – спросил один из них. – Документы.

Ксения продемонстрировала удостоверение.

– Инспектор Авалова, – представилась она, – ОРБ. Милиционер внимательно рассмотрел удостоверение.

– Извините, товарищ майор, – сказал он, – что здесь произошло? Нас соседи вызвали.

Ксения двинула носом.

– Бандитское нападение, – сказала она, – я приехала сю-

да, чтобы со свидетелем поговорить, но на него пытались напасть. Пришлось применить оружие.

– Ясно, – сказал милиционер, – вы должны будете остаться для дачи показаний.

Ксения вздохнула.

– Сержант, давайте позже, – попросила она, – времени нет совершенно. Вот мой телефон, скажите куда подъехать, я подъеду.

Милиционер взял в руки визитку.

– Хорошо, езжайте, – сказал он.

– Благодарю, – кивнула Ксения и развернулась к ювелиру: – Всё будет хорошо. – Девушка послала ободряющую улыбку и быстрым шагом вышла из квартиры, распугав по пути уже столпившихся зевак.

* * *

Анастасия была рада, что в это непростое для неё время Шурочка оказалась рядом с ней. Когда она оставалась одна, ей становилось жутко и страшно, как будто кто-то посадил её в каменный колодец и закрыл крышку люка. Нет, она всегда считала себя человеком вполне уравновешенным и даже немного материалистичным, не верила ни в какие гадания, призраков и прочую ерунду. Но то, что с ней происходило в последнее время, не укладывалось в общие рамки её поведения, и дело было не только в записях из дневника. Ей всё

чаще и чаще казалось, что её преследует какая-то тень. Она незримо присутствовала в её жизни, заставляла истончаться. Анастасии казалось, что она слышит голос этой тени и даже видит её иногда.

– А что тебе советует Эльмира? – спокойный голос Шурочки показался Анастасии криком. Он отвлек её от одурманивающих мыслей. – Ты ведь рассказывала ей...

– Смешной совет дала, – сказала Анастасия, – влюбиться.

– А почему смешной? – осведомилась Шурочка. – Вполне нормальный совет. Только он не для тебя. Угадала?

– Попробовала уже один раз, – огрызнулась Анастасия, – хватит.

Шурочка громко засмеялась, так что Анастасию даже испугал этот смех.

– Знаешь ли, кроме Верховского есть ещё мужчины, – заметила подруга, – я не знаю, правда, есть ли они в твоём кругу, но, по-моему, самое время этим заняться.

Анастасия промолчала. Она привыкла к фривольной манере Саши рассуждать о мужчинах, обычно даже подтрунивала над ней, но сейчас это её раздражало, и это тоже было чем-то новым в её поведении, она раньше никогда не раздражалась на людей.

– Нет, – сказала Анастасия, – меня это не утешит. Закутаться в сильные объятия, отдаться ему. Отдаться это значит доверять. Ни одному мужчине я не смогу доверять после всего того, что произошло тогда. Да, я знаю, что это про-

звучит глупо, но это так, давай лучше выпьем. Она встала с кресла и прошла в дальний угол комнаты, где стоял буфет, в котором обычно было несколько бутылок вина для личного пользования. В чернильной тени шкафа возле зеленеющего стекла бутылок лежал маленький предмет, завернутый в платок. Анастасия испуганно охнула и отпрыгнула от шкафа, врезавшись в Шурочку, держащую в руках бокалы. Шурочка от неожиданности разжала пальцы, и бокалы упали, рассыпавшись в стеклянный бисер.

– Ты чего? – напустилась подруга на Анастасию. Та ткнула пальцем на лежащий предмет.

Шурочка, вконец взбешенная этими сюрпризами, ринулась к шкафу и резко сорвала платок, а затем вскрикнула громче, чем Анастасия. Из её рук выпал маленький трехгранный нож.

В следующую секунду у Анастасии похолодело внутри. Посмотрев на Шурочку, она увидела, что рука подруги залита кровью, кровью было залито и лезвие ножа.

– Это не моя кровь, – прошептала Шурочка.

Она стала торопливо стирать кровь со своих рук платком, а затем отшвырнула его.

– Что это? – спросила Анастасия. – Откуда он у тебя?

– Что откуда? – не поняла Шурочка.

– Нож – трясась, сказала Анастасия, – это тот нож, которым убили ту девушку в моем подвале.

– Каким ножом, – сказала Шурочка, – ты в своем уме?

– Объясняю, девушку, которую убили в моем подвале, – Анастасия сорвалась на крик, – теперь ясно?!

– Да ясно, ясно, – сказала Шурочка, – ты что кричишь?

Но Анастасия не слушала.

– Обещаю тебе, – зашипела она, – я узнаю, кто это делает. И тогда он мне заплатит за всё. А вы, вы от меня скрываете правду. Всегда всё скрываете, потому что завидуете. А я умнее и талантливее вас всех. А вы задумали меня убить, погубить, испепелить. Это всё ваши грязные штучки.

– Анастасия, что с тобой? – закричала Шурочка, и звук ее голоса, наконец, привлек Урусову.

– Я же тебе говорила! – глухим голосом просипела она.

– Нет! – выкрикнула Шурочка. – Нет. Что с тобой на самом деле?

Анастасия вздрогнула. С неё как будто спали чары – девушка провела рукой по холодному лбу.

– Скажи, что это не я, – прошептала Анастасия.

– Что не ты? – не поняла Шурочка. Анастасия, не мигая, смотрела мимо подруги.

– Что не я всех убиваю.

Надо было что-то сказать, но у Шурочки не было ни слов, ни мыслей. Может быть, если бы Анастасия посмотрела на нее, было бы легче придумать что-нибудь нужное, достойное или хотя бы утешительное, но подруга смотрела в сторону. А потом вдруг заплакала.

– Так, – резко сказала Шурочка, – перестань реветь. От-

куда ты знаешь, что это тот нож? Ты этого не знаешь. Ты никого не убивала. Посмотри мне в глаза! Никого! Тебя просто хотят вывести из себя. На это не надо обращать внимания.

– А нож? – слабо отозвалась Анастасия. – Как же нож?

Шурочка кивнула.

– Ни ты, ни Александр, никто из нас здесь не причём, – веско сказала она, – я просто выкину его и всё. Его здесь не было. Не было и всё.

Шурочка резкими и рваными движениями собрала лежащие на полу предметы, платок и нож в сумку. Ничего из этого больше не должно было их касаться. Хватит игр.

* * *

Кристина с удовольствием ударила бы по компьютеру и желательно так сильно, чтобы тот раскололся, а вся его начинка вывалилась бы наружу. Но, во-первых, подобное проявление чувств девушке с её манерами не пристало, а во-вторых, занудливый голос рассудка твердил, что, скорее всего, она разобьет руку, а не монитор, и при этом не спасет положение. Она столько времени потратила на то, чтобы найти хоть какую-нибудь информацию о злополучной татуировке, единственной отличительной черте их таинственной девицы, и не нашла ничего, что могло бы ей помочь. Мациевский мог быть прав в своих словах о том, что мать убитой Терехиной всё напридумывала. Да, он мог быть прав в своих словах, од-

нако какоето шестое чувство её аналитического ума утвердило Кристине, что это не так, что женщина рассказала то, что она действительно видела.

Левонova ещё раз задала в поисковую базу аналитической электронной системы распознавания все данные о таинственном символе. Анализатору потребовалась минута, чтобы вначале высветить перед девушкой такое количество сравнительных схем, что у неё зарябило в глазах, а затем деловито сообщить, что данный рисунок не принадлежит ни к одной известной преступной группировке или цивилизационной культуре и, вероятно, сделан самостоятельно, по персональному заказу неизвестным мастером. Вслед за этим программа бодро и незатейливо посоветовала девушке задать нормальное условие для поиска.

– Вот ещё! – возмутилась Кристина, нелюбезно глянув в монитор, задумавшись, понимают ли компьютеры подобные взгляды.

Ладно, вздохнула девушка, она знала, кто может определить.

Кристина всегда знала, что если традиционные методы не срабатывают, то нужно пользоваться слухами и сплетнями биндюжников и торговцев, и тогда она шла и добывала их в самых экзотических местах. Одно такое место в этом городе Кристина знала.

Такси домчало девушку до одного из крошечных тупичков, которые примыкали к порту и всегда были забиты стран-

ного вида мужчинами крепкой наружности, среди толпы которых изящная и грациозная Кристина выглядела странно. Конечной целью её пути стал маленький деревянный сарай в форме какого-то многоугольника, выкрашенный неброской серой краской. Из стены торчала металлическая труба и сильно дымила. Обстановка внутри была соответствующая. Сильно накурено, сквозь дым можно было разглядеть несколько металлических столиков и стоящих за ними брутального вида мужчин в рабочих комбинезонах, чуть поодаль, растопырив ноги, стояли и бубнили что-то за кружкой пива матросы. Позади всех столиков расположилась барная стойка с иконостасом из разнообразных горячительных напитков. Кристина прошла к столику и села. Тут же подбежала официантка и стала тереть столешницу тряпкой.

– Что-то принести? – спросила она.

– Я к Михал Потапычу.

Официантка раздраженно зашипела.

– Мне с ним поговорить нужно, – пояснила Кристина.

– Что-то от него хочешь? – допытывалась девица.

– Ничего я от него не хочу, – улыбнулась Леонова, – личное дело.

Официантка подозрительно сверкнула глазами и отправилась в сторону подсобных помещений.

– Хозяин, вас тут спрашивают, – проворковала девица, открыв дверь в подсобку, – девица какая-то. Штучка столичная по виду.

Почти тут же в дверь высунулась крупная косматая голова, из-за которой её обладатель и заслужил своё прозвище. Увидев Кристину, эта голова раскололась пополам широкой улыбкой.

– Кристина Сергеевна, – пророкотал детина, – давно не виделись. Найди местечко. Сейчас буду.

Официантка следила за событиями и, увидев доброжелательную реакцию хозяина, мгновенно оказалась у столика гостыи.

– Стаканчик чего-то особого? – спросила она. Её манеры явно улучшились.

– Огненный лёд, – попросила Кристина.

Официантка только успела записать, как сразу ей пришлось потесниться, потому как могучий Михал Потапыч именно в это мгновение решил подсесть за столик Кристины.

– Ну что, моя помощь понадобилась? – весело спросил детина. – Небось по поводу убийств этих, а? Ну говори, что я могу сделать?

Кристина всегда удивлялась этой его редкой для нынешнего времени склонности помогать. Естественно, она не могла одобрять некой его тайной жизни, но понимала, что Михал Потапыч готов в любой момент отдать все за того, кто ему нравился, если потребуется, и жизнь.

– Мне нужно прояснить смысл одного символа, – сказала Кристина, – а его нет в архивах аналитической программы, и тем не менее я думаю, что он существует.

Михал Потапыч осклабился.

– Эти компьютеры интересуют только цифры, – сказал он, – а символы делаются со смыслом, даже если он злой. Итак?

Кристина взяла салфетку и карандаш и что-то им начертила. Пока она чертила, девица-официантка поднесла ей коктейль.

– Спасибо, – поблагодарила её Кристина и посмотрела на Михал Потапыча: – Я точно не знаю, но что-то в таком роде.

Михал Потапыч взял салфетку, и она утонула в его огромных ладонях.

– Ого, – только и сказал он, – а где ты видела этот символ?
Кристина задумчиво почесала щеку.

– Мать одной из погибших девочек видела человека с этим символом, – объяснила девушка. – Так он существует?

Михал Потапыч кивнул.

– Существует, только никто из ныне живущих не видел этот символ, ибо видели его последний раз лет сто назад.

Вот тебе раз, пронеслось у Кристины.

– И что это?

– Черная пика, – сказал Михал Потапыч, – это татуировка члена организации «С.И.Г.М.А».

Кристина закивала.

– Мать той девочки упоминала это название, она случайно услышала его.

– Никто не знает доподлинно, существовала она или нет, – продолжил Михал Потапыч, – всё больше слухов и домыслов. Но слухи и домыслы всегда складывались в одну историю, что группа влиятельных людей из разных стран мира объединились в одну организацию и их целью была власть над миром.

Кристина усмехнулась.

– Тайные общества, – недоверчиво сказала она, – эти сказки я слышала.

Михал Потапыч улыбнулся.

– Ты сама принесла мне символ, – хитро заметил он, – не я тебе его принес.

– Простите, – сказала Кристина, – и что же случилось с этой организацией?

– Говорят, только говорят, что они стояли за многими известными событиями, сея хаос и разрушения. Они никогда не выбирали сторону, говорили, что им нравилось смотреть, как политики объявляют войны друг другу, как государства сгорают в революционном огне, или говорят, что нашлись люди, которые изобличили эту организацию и её члены были рассеяны по миру и теперь они мечтают о возрождении и былом величии.

– Жуть, – прокомментировала Кристина, – и что, все члены носили этот знак?

– О нет, – сказал Михал Потапыч, – среди этой организации был отряд, женский. Этот отряд занимался некоторыми деликатными делами, и вот члены этого отряда носили такую татуировку, она давалась, как только девушка совершит первое убийство.

– Девушка? – переспросила Кристина.

– Этот отряд всегда состоял из молодых девушек, – тихо и зловеще сказал Михал Потапыч и засмеялся, – ну что напугал я тебя? Да мало ли. Я эту историю знаю, может, кто ещё узнал и решил сделать себе наколку такую, типа для форса.

Кристина отстраненно кивнула. Девушка-киллер с татуировкой, убивающая по заказу, возможно ли? Леонова поежилась, ей стало нестерпимо холодно, и дело было не в промозглой погоде.

Тихий спальный район с одинаковыми маленькими одноэтажными халупами. Жилье может быть плохенькое, но зато свое и на собственном обеспечении. Покойного водителя это, как видно, более чем устраивало. Оно и понятно с его графиком работы и постоянными разъездами. Следов кого-то ещё в квартире не наблюдалось. Семьи или женщины тоже. В единственной комнате царил холостяцкий бедлам. Разбросанные вещи, сваленные в кучу автомобильные журналы. Воздух был очень затхлым из-за того, что в комнате постоянно курили, не утруждая открывать окно.

Рауш легонько пнул смятую пивную банку. Ничего, на что стоило бы обратить внимания, в квартире не было. Ничего, что бы прояснило, почему тихого водителя понадобилось убивать.

Макс вышел на улицу. Дышать было гораздо легче, даже несмотря на то, что где-то поблизости заливали бетон. Очевидно, три мужика, сидевшие за обветшалым деревянным столиком, который когда-то предназначался для детских игр, тоже так считали. Они что-то кряхтели друг другу, перекидываясь картами.

– Родная милиция пожаловала, – заявил один.

– Это по поводу Иваныча, – подхватил второй.

Третий пропыхтел что-то невразумительное.

Макс сделал расслабленное выражение лица и подсел к мужичкам.

– Слушайте, отцы, а вы здесь как, постоянно тусуетесь? – спросил оперативник, протягивая мужичкам пачку сигарет.

– Мы не тусуемся, – заметил мужик в синей толстовке с изображением олимпийского мишки – символа ушедшей эпохи, – тусуется вон молодняк, а у нас это досуг, понимаешь.

– И каждый день, – подхватил длинный и костлявый детина. – А ты чего ищешь-то, служивый, может, мы знаем?

– Да мужика из этого дома грохнули, – сказал Рауш, показывая на халупу, – может, слышали?

Мужик в синей олимпийке затянулся сигаретой.

– Ах, хорошо, – сказал он, – а вчера курить вообще не мог. Конечно, слышали. Это же Иваныч, водилой работал у олигарха этого химического. Он с нами любил поболтать, когда время было.

– И часто было? – спросил Рауш.

– Да почти всегда, – заметил длинный детина, – егойный олигарх-то на мотике все кататься любил, поэтому на тачке редко ездил, только по делам да банкетам, но платил исправно.

Удивительный народ, подумал Рауш, эти мужики, все знают.

– А вы в его поведении ничего странного не замечали? – спросил он.

– Бита, – воскликнул мужик в олимпийке, кладя карту на стол. – Да нет, – сказал он, жуя сигарету, – хотя, погодь-ка, он в последнее время какой-то нервный стал.

– Да, точняк, – подхватил второй, – я его на Покров видел, из храма иду, и он идет мне навстречу. Я его «Иваныч, как оно? Не сломалась мотоциклетка у твоего олигарха?» Я всегда его так прикалывал, а он от меня в сторону шарахнулся и в проулок побежал. Ни здрасьте, ни до свидания.

– Во-во, – сказал мужик в олимпийке, – у меня тоже такая оказия с ним была, я уж думал, не белочка ли его посетила.

– Много пил?

– Да не особо, – сказал мужик в олимпийке, – просто знаешь, когда делать нечего, тоже одуреть можно.

– Ясно, – кивнул Макс, – а чужих здесь не видели? Никто не захаживал?

Мужик в олимпийке ослабился.

– Навроде тебя, что ли?

– Ну, типа того, – кивнул Рауш. Мужик покачал головой.

– Не, мужиков не было, – сказал он, – девица тут шаталась, одна.

О как, подумал Макс, это уже интересно.

– Что, к Иванычу пассия приходила? – спросил он.

Мужик в олимпийке засмеялся и заложил сигарету за ухо.

– У, брат, это пташка явно не для Иваныча, – сказал он, – разодетая, расфуфыренная, маникюр, руки гладкие, как бархат, и запах таких духов, что Иванычу, если бы он продал

себя в рабство, не хватило бы такие купить. Шанзелизе, одним словом.

– А чего же она тут делала? – спросил Рауш.

– Так то-то и странно, что Иваныча искала, – сказал длинный детина, – говорила, что ей водитель нужен.

– Как выглядела?

Мужик в олимпийке хмыкнул.

– Слушай, я тебя завтра не узнаю, – честно сказал он, – помню, что высокая, лица было не разглядеть, капюшон надвинула. Но ты знаешь, она вот рядом стояла, а от неё холод чувствовался, будто могильный. И голос такой тихий, низкий, будто оттуда, – мужик показал на асфальт.

– У тебя белая горячка, – сказал длинный детина, – тебе спьяну и не такое почудится, нормальная девица, ну да, капюшон надвинула так, что только губы видны, а губы накрашенные. Помада дорогая. Я так кумекаю, что она светиться не хотела, может, у неё папик богатый, а она от него на сторону гуляет.

– У самого у тебя горячка, – возразил мужик в олимпийке, – а я говорю, что видел. А Иваныч-то, как и сдвинулся после ейного визита.

– А он ничего не говорил про визит, Иваныч? – спросил Рауш.

Мужик в олимпийке пожал плечами.

– Нет, – проговорил он, – ничего. Я последний раз с ним когда разговаривал, он мне только сказал, что он в Швейцарии.

рию уезжает. Я подумал, ну точно белая горячка. Где он и где Швейцария, а потом сообразил, что он, наверное, с олигархом своим едет, ну мало ли там чего, ну я и не видел его больше.

– А когда это было?

– Да третьего дня, – сказал мужик.

Информации стало чересчур много, решил Рауш. Опять мелькает эта странная девица. Он уже был готов согласиться с Аваловой насчет её версии. Но для чего же нужно было планировать такую операцию? Что же могли те девочки знать, что их надо было убить? И причем здесь Швейцария? Слишком много вопросов. Слишком мало ответов. Точнее их вообще не было.

* * *

Погода в этой части побережья была весьма дождливой. Ксения, чтобы не промокнуть окончательно, накинула на плечи куртку и рассматривала каменную кладку церкви Святого Бенедикта.

От ворот к зданию церкви вела ухоженная дорога, выложенная мелким гравием, из-за проливного дождя больше похожего на жидкую глину. Ноги утопали практически по самые щиколотки. Вокруг стоял запах сырости и прелых листьев, попадающихся то и дело под ногами.

Какая глупость приехать сюда одной, обругала она себя.

Ведь она же могла позвонить в управление и вызвать наряд. Могла, но не сделала. Она всегда привыкла полагаться на свои силы. Бесплезно пытаться что-то в себе изменить, когда тебе почти тридцать. Она такая, какая есть. Неугомонная девчонка в толстом под горло свитере, зачесанными назад волосами и большими любопытными глазами, которые изыскивают то, что другие не могут изыскать, которые ловят то, что другие не могут поймать. У каждого человека должна быть его фишка. Её фишка была в этом. И она эта делала хорошо.

Непосредственного входа в церковь она не обнаружила и несколько минут ходила вокруг витражных стен, пока не набрела на небольшой щитовой сарайчик, который, как, оказалось, примыкал непосредственно к основному зданию церкви. Надо же какие сложности.

В пристройке ничего интересного не было. Ничем не отделанные стены, кое-где уже поврежденные короедом или чем-то вроде него. У закопченного окна стоял стол. На столе древняя керосинка и несколько полотенец. Напротив стоял покосившийся деревянный шкаф. Пригнув голову, Ксения прошла через крошечную дверцу, которая, как оказалось, вела непосредственно в кафедральный зал. Аваловой здесь было не по душе. В воздухе отчетливо пахло напряжением. Тихо было даже для храма. Чересчур тихо и темно.

Ксения вытащила фонарик и осветила его белым глазом вокруг, пытаясь разогнать темноту, затем сделала ещё

несколько шагов. Свободная рука инстинктивно нащупала «браунинг». Нет, хвататься за пистолет никогда не было её первым движением, она его просто нащупала, на всякий случай.

Медленно двигаясь вдоль церковных скамеек, Ксения подошла к алтарю и, встав на подножье, повертела головой, осматривая зал. Ни души.

– Есть здесь кто? – спросила девушка в пустоту. Ответом ей было только её собственное эхо. Церковь может быть закрыта для посещения, но служители-то должны присутствовать здесь. Странно.

Неожиданно откуда-то сзади послышался тихий стон. Ксения обернулась и зашла непосредственно за алтарь, где её глазам предстала жуткая картина – На каменном полу, прислонившись спиной к нижней части распятия сидел, одетый в чёрную сутану, очевидно, настоятель. В его груди зияла тонкая рваная рана.

Тряхнув головой, скидывая удивление и оторопь, Ксения подбежала к настоятелю. Тот, видно, разглядев девушку, разлепил запекшийся от горловой крови рот.

– Я умираю, – сказал он, – слушайте, кто бы вы ни были. Они приходили за Мартой. Девушка. В маске, но я голос слышал. Я не сказал ей, где Марта. У девицы нож в перчатке... полоснула им меня, она издевалась надо мной, но я всё равно не сказал, где девочка. Я теперь понимаю, зачем Эльмира хотела её спрятать. Они хотят её убить. – Настоятель закашлялся, у него горлом пошла кровь. Он стал говорить что-то по-латыни. Вдруг откудатю сверху раздался крик. Ксения, мгновенно оценив ситуацию, выхватила пистолет и побежала к лестнице.

Сейчас ей было всё равно. Всё равно, что киллер намного опытнее и ловчее, иначе на него бы не пал выбор таинственного заказчика. Всё равно, что она не возьмет его, по крайней мере, одна уж точно. Ксения просто знала, что она должна была помешать ему убить девочку.

Не разбирая дороги, она перелетела через лестничный пролет и оказалась на длинном узком балконе с низкими резными перилами. Замедлив шаг, девушка стала аккуратно ступать по скрипящим от старости половицам. В конце балкона виднелась круглая деревянная дверь, через которую Авалова попала в средних размеров коридор, отделанный белым камнем, освещенный белыми свечами.

Коридор вел её полукругом и заканчивался такой же маленькой, круглой дверью, как и начинался. Ксения прислонила ухо к замочной скважине. Всё тихо. Тогда она с силой рванула дверь, вытягивая руку с пистолетом вперёд.

– Стоять, милиция! – завопила девушка.

Театр военных действий Ксения рассмотрела весьма смутно. У задней стены стояла деревянная кровать, на которой лежала девочка лет семнадцати. Правая рука её безжизненно свисала с кровати, и к ней был подключен какой-то катетер. Не совсем понятно, но, кажется, из девочки выкачивали кровь.

Рассмотреть же того, кого она так жаждала лицезреть ей не дали. Её ноги моментально опутал какой-то трос, а затем девушку повалили на каменный пол. Затылок отозвался ту-

пой болью, во рту появился соленый привкус, кажется, она прокусила губу.

Но на жалобы времени не было. Пространство перед ней заслонила черная женская фигура. В руке она держала нож. Нет, не в руке. Нож, а точнее, клинок был вмонтирован в перчатку, которая закрывала руку неизвестной. Он был длинным, сантиметров пятьдесят, и имел широкое треугольное лезвие.

Клинок занесли для очередного убийства. Ну, уж нет, Ксения выкинула вперед ногу, ударив неизвестную убийцу по руке. Чего-чего, а ногами махать, она могла и с прокушенной губой.

Авалова бросилась на убийцу, придавливая её своей массой к полу, но борьба, к неудовольствию Ксении, продолжалась недолго. Её просто приложили головой и выкинули, проломив витражное стекло, на улицу, по счастью, на крышу. Как она не раскроила себе позвоночник, череп и всё остальное, так и осталось загадкой, зато «браунинг» с веселым звяканьем улетел вниз.

Погоня продолжилась по древней черепичной крыше, которая готова была развалиться под бегущими.

– Вам за многое нужно ответить! – прокричала Ксения, с сожалением сознавая, что на фоне ураганного ветра и непрекращающегося ливня её голос звучит не слишком солидно; к тому же она только что сорвалась на фальцет. – Будет легче, если вы...

Фразу ей договорить не дали, залепив тяжелым ботинком по уху.

Ксения исполнила акробатический этюд повышенной сложности, чтобы свести риск для себя к минимуму, но следующий удар пришелся ей в грудь. Девушка плашмя шлепнулась на поверхность крыши, попутно несколько раз увернувшись от резких ударов руки со странным оружием. Когда уворачиваться надоело, Авалова решила руку перехватить, за что заработала в лоб... в прямом смысле, причем ударом головы закрытой металлической маской. Из глаз брызнули искры, зато удалось избежать встречи с кинжалом, который в этот раз точно бы её рассек. Ксения опрокинулась на спину и даже сумела лягнуть убийцу ногой в грудь.

Неизвестная пошатнулась, и Авалова немедленно решила воспользоваться преимуществом и опрокинуть противника на поверхность.

Ага, как же...

Убийца достаточно доходчиво продемонстрировала, почему именно на нее пал выбор заказчика. Почти неуловимым движением она перевернулась куда-то в сторону, а Ксения в очередной раз получила ногой по физиономии. От второго удара она все-таки уклонилась и даже ответила, но промахнулась.

Дождь всё усиливался. Мокрые от влаги волосы растрепались и залепляли глаза, лишая всякого обзора. Хотя что с обзором, что без, шансы её были невелики. Убийца была слишком хороша. Ксения сделала ещё один рётокен, зацепила кулаком черепицу, рассекла кожу на руке и обозвала себя идиоткой.

Ответом её был двойной удар по голени, который опрокинул наземь, но при падении Ксения все-таки выставила ногу и сделала подсечку. Нет, вообще-то предполагалось, что она попадет в голову и убийца отправится отдыхать. Не получилось, в результате оба противника оказались на поверхности крыши.

Продолжить ей не дали, ответная атака была молниеносной и яростной, казалось, что эта неизвестная вообще не знает, что такое передышка или усталость. Ксения попыталась отмахнуться, и ладонь загудела от контакта с бронепластиной, вшитой в костюм. Зато убийца упала на спину, покотившись по крыше. Авалова кошачьим прыжком обрушилась сверху, желая возмездия.

Но недостаточно быстро, чтобы убийца не сумела воспользоваться ещё одним козырем. Раздался легкий щелчок, и в следующее мгновение Ксения обнаружила, что её тянут на привязи за металлическую нить. Ещё один щелчок и пневматический механизм выбросил её вниз.

Отчаянно махая руками, девушка сумела зацепиться за карниз.

Пространство над храмом огласил вой милицейских сирен. Краем глаза Ксения заметила, как, снося забор, из-за угла вылетает «Волга» и оттуда выскакивают милиционеры.

Надеясь на подкрепление, Ксения вновь забралась на крышу, но там уже никого не было. Неизвестная убийца исчезла.

Авалова тяжело выдохнула, признавая поражение, прокручивая в своей голове итоги битвы. С ней справились, как с первоклассницей, чего уж там, а ведь при её умениях... это какой же куш должен быть поставлен на карту, если для убийства молоденьких девочек нанимают такого вот субъекта?

Как там было? Ну, это... Даже в поражении нужно искать положительное... нет, не так. Ах, да! Во всем ищи положительные и отрицательные стороны.

* * *

Над городом смеркалось, если, конечно, в это время года можно ощущать разницу между серым бессолнечным днем и такой же ночью. Пожалуй, ночь лучше. Она всегда лучше. Лучше и сильнее.

Александр Верховский любил ночь, для него это было время, когда все вокруг переставало быть настоящим и превращалось во что-то такое, оставляющее место для фантазии.

Он стоял с бокалом шампанского в руке и наблюдал, как

чернокожий пианист медленно перебирает пальцами клавиши синтезатора, наигрывая легкую музыку, которая совершенно не подходила к антуражу борьбы всех со всеми, а только такие гости были в просторной зале. Именно на гостях Александр сосредоточивал свой взгляд, кого-то он знал лично, о ком-то только слышал, но про всех он знал одно: это были люди из самой республиканской элиты.

Как Верховский не любил это слово, особенно, когда оно применялось к тем, кто не принадлежал к элите, а лишь оказался в нужное время в нужном месте и завел нужные связи. А затем эти люди сами для поднятия собственного веса стали называть себя элитой, как будто бы это слово поднимало их над уровнем той прошлой жизни комсorghов и партаппаратчиков. Он презирал их и даже не скрывал этого.

Хозяина вечера не было. Адашев на подобных мероприятиях всегда появлялся последним, поэтому дабы гостям не было одиноко, столы ломались до отказа.

Александр был неглупым человеком и прекрасно понимал, для чего Адашев собирает гостей, однако не понимал, почему бывший шеф СБР выбрал подобный антураж. Хотя на первый взгляд и можно было предположить, что в расслабленной обстановке гостям будет проще принять сторону Адашева, Александр сомневался, что в зале есть человек, который примет сторону Адашева, не имея при этом своих интересов в зависимости от выбора.

Обо всём этом сейчас не хотелось думать, мысли его утя-

гивали туда... туда, где была Анастасия, ему хотелось быть сейчас с ней, вместе помочь разобраться в этой странной истории. Он понимал, что эти мысли ненужные, что все уже закончилось тогда, но все же не мог их выкинуть. Выкинуть их значило бы выкинуть её.

Подлец, обругал он себя, спишь с одной, а думаешь о другой, но что он мог поделаться, если ничего не чувствовал к Шурочке. Для него это была всего лишь физиология, а она как будто даже не возражала и позволяла ему думать об Анастасии. Его всегда удивляло это. Раньше он не замечал за ней подобного великодушия, а теперь она даже как будто подталкивала Анастасию к нему.

Размышления оборвались так же внезапно, как и начались. Сверху по красивой витой лестнице спустился Адашев. Как подобает рачительному хозяину, он лично подошёл к каждому столику и довольно тепло поздоровался с гостями. Что сразу бросилось в глаза Александру, так это всякое отсутствие агитации и призывов. Адашев не произнес никакой витиеватой речи. Если он и говорил о «Лиге честности», а Александр пока не мог сказать, говорил ли вообще, то весь разговор сводился к общим фразам. После чего генерал уходил от столика и перемещался к соседнему. Всё это напоминало обычный светский приём, и не зная Адашева, Александр даже не подумал бы об обратном. А может быть, Адашев на это и рассчитывает? Пока не подойдет, не узнаем. А вот, кстати, и он.

Адашев где-то уже разжился стаканом воды. Он отличался тем, что никогда не пил алкогольные напитки, по крайней мере на приемах.

– Доброе утро, – поздоровался он, – премного вам благодарен, что вы откликнулись на мое приглашение.

– Ну что вы, – сказал Александр, – от таких предложений отказываться не принято.

– Не надо преувеличивать мои возможности, – усмехнулся Адашев, – а то вас послушать, и начинаешь чувствовать себя крестным отцом неведомой мафии.

– Ваши способности я и не преувеличивал, – сказал Александр, – не от вас же шло приглашение.

Это был не вопрос, а утверждение. Александр решил сразу провести экс-генерала через аутодафе. Без всяких предисловий.

Адашев театрально развел руками.

– Вы как всегда остры, – заметил он, – но я не обижаюсь, наоборот, ценю это. Знаете, я тут вам устроил неплохую рекламную кампанию, как Верховенский для Ставрогина, «Бесы» помните?

– Ждете, чтобы я повесился?

– Ну, что вы, – улыбнулся Адашев, – вы нужны нам живой и здоровый, вы самая центральная личность нашей кампании. Таинственный и благородный рыцарь.

Лицо загадочное и таинственное. Вас теперь воспринимают не иначе как светоч новой молодежи.

Александр бросил взгляд на стоявшую рядом Шурочку. Лицо помощницы было презрительно-насмешливым в сторону хозяина вечера, хотя вербально она сохраняла молчание. Адашев не боялся ни о чем говорить при посторонних, а даже наоборот, словно бы приветствовал это.

– Пузырьки, – сказал Верховский, – указывая на свой бокал шампанского, – не кажется ли вам, Сергей Александрович, что вы, я, да и все вокруг всего лишь пузырьки в прозрачном стекле. Посмотрите, эти пузырьки так веселы, суетливы, но какое дело нам до их суеты, мы даже их за существа не считаем. Не правильнее ли думать, что и наша суета кому-то более высшему может быть безразлична?

Адашев улыбнулся.

– А я думал, что вас больше люди интересуют, – заметил он.

– Все большое зависит от малого, – сказал Верховский, – даже от пузырьков в бокале.

– Разве пузырьки могут менять ход своей жизни и истории? – спросил Адашев. – Нет, а мы можем. Мы! Люди! Разве нам для этого нужен кто-то ещё? И мы уже делаем это. Мы создали вас для этого мира, как Фауст создал своего гомункула, разве вы не чувствуете ту силу, которая есть в вас, которая только ждет пробуждения. Вы тот, за кем пойдут миллионы, и не только здесь, а везде, где ступит ваша нога, разве вы не хотите этого?

– Уверен, вы и красивую историю сочините, – сухо сказал

Александр.

Лицо Адашева исказила язвительная гримаса.

– Уж будьте спокойны, – ответил он, – сочиним. Вы должны быть нашим факелом, путеводной звездой, которая будет просветлять заблудшие умы от ереси и мракобесия. Кто как не вы, Верховский?

– Чего же ещё я сделать вам должен? – спросил Александр.

– Дать веру! – сказал Адашев. – Веру в то, что мы можем уничтожить этот мир и создать наш. Мы отнимем у человека всё: его историю, его язык, его веру, его совесть. Мы введем его в самое низкое существование, какое только можно себе представить, а потом мы дадим ему все обратно, когда он пройдет очищение, когда он будет готов к тому истинному, что знаем мы. Не надо думать, что многие доживут до этого, но такие, как вы, доживут, и они поведут их, нищих и заблудших, как еврейские пророки. Это получилось у них, и у вас получится, и вы станете новым Моисеем, а что и как было на самом деле, разве кого-то это будет волновать через тридцать или сорок лет?

Верховский криво усмехнулся.

– Вряд ли вы обращаетесь к тому человеку, который вам нужен, – сказал он, – вы почему-то решили, что я с вами заодно, но что мне стоит не отправиться сейчас в милицию и не рассказать им всё?

Адашев засмеялся.

– Тогда вы потеряете её, – сказал он, – вы же помните её и хотите. Вы сделали всё, чтобы её получить, а теперь вы боитесь сделать последний шаг.

– Я ничего не боюсь, – бросил Верховский, – и вам это хорошо известно, и именно поэтому я не буду брендом, который нужен для завлекалки доверчивых.

Адашев оголил зубы в презрительной усмешке. Вся его фигура выражала степень крайнего нетерпения.

– Разве вы думаете, что они мне нужны? – сказал он, махнув рукой в сторону столпившихся за столиками бизнесменов. – Они лишь инструмент, денежные мешки, но вы, Верховский, вы лидер, вы тот, кто может зажечь пожар. Пожар, который сотрет этот старый мир с его гнильем, и из его огня родится новый. Разве вы этого не хотите, разве вы не для этого пришли к нам?

– Какая патетика, – фыркнул Верховский, – не ожидал от вас, генерала КГБ.

– Зачем эти ярлыки! – воскликнул Адашев. – Я всегда поражался и поражаюсь вашему уму. Вы можете стать идиолом, новым мессией, который лишь умом и красотой будет противостоят разрушению!

Александр настороженно взглянул на экс-директора разведки.

– А почему вы думаете, что я хочу быть этим идиолом, как вы говорите? – спросил Верховский. – Вы задумали скверную штуку, и я не намерен вам с ней помогать. А с любыми

проблемами я справлюсь и без вашей помощи.

– Напрасно вы это сказали, – бросил Адашев, – это мы сделали вас таким, это мы дали вам все. Из Организации так просто не уходят, господин Верховский. Я мог бы применить к вам и более убеждающие методы, но ради вас подожду два дня и потребую от вас окончательного ответа.

Адашев широко улыбнулся. Верховский лишь зло посмотрел на него и, хотя в его нутре бушевал ураган эмоций, он всеми силами заставил себя успокоиться. Затем развернулся и не оборачиваясь вышел на улицу.

* * *

Темный кабинет, горит только одна настольная лампа, словно бы луна в ночи. Ксения смотрела на фотографию убитой Екатерины Кирсановой. Умница, красавица, прилежная ученица, гордость школы. Что заставило её всё это помнить? В детективах всегда задают вопрос – кому выгодно? Глупый вопрос. Главный вопрос – зачем. Когда ответишь, зачем, поймешь и кому выгодно.

– Какая-то чертовщина, – буркнул Рауш, – столько человек видели эту девицу, и никто не может её описать, только капюшон и татуировка.

Кристина нахмурила брови.

– Думаете, это правда, что мне сказали про организацию «SIGMA»?

Ксения только поморщилась.

– Не знаю, – ответила она, – но Михал Потапыч калач тертый, просто так он говорить бы не стал. Значит, или эта организация существует, или наша девица её большая поклонница. Точно могу сказать одно, кто бы она ни была, она очень подготовлена. На улице такому не обучишься.

– Значит, всё в цвет, – сказал Мациевский, – профессиональная убийца экстра-класса. Но зачем ей нужно было убивать девочек? Нападение на эту, как её там, Марту Васкес, я ещё могу объяснить. Следы от препарата и всякое такое, но как с этой историей могут быть связаны убитые девочки?

Кристина задумчиво повела бровью.

– Одна связь есть. Связь, на которую сперва можно и не обратить внимание, но если подумать...

– Поясни.

– Швейцария, – сказала девушка. – Смотрите, все, кто участвует в этой истории, как-то связаны со Швейцарией: Урсова, Верховский и его помощница Александра там учились. Там же учились и Сабурова, и Левицкий, и туда же собирались убитые Кирсанова и Терехина. Адрес я пробила, и угадайте, что там находится.

Ксения усмехнулась.

– Клиника?

– Клиника, – кивнула Кристина.

– Вот тебе раз, – фыркнул Рауш, – даже не маскируются.

– А зачем? – сказала Кристина. – Организация серьезная

и зарегистрирована, где надо. Но возникает вопрос, откуда у двух простых школьниц деньги на лечение в этой клинике?

– И главное, зачем им это лечение? – в пространство спросила Ксения, – результаты судмедэкспертизы никаких отклонений не показали. Значит, кто-то определил их в эту клинику, кто-то, кому они доверяли и у кого очень много денег.

– Опять всё замыкается на Верховском, – заметил Мациевский, – больше некому, но зачем было убивать?

– Нет, – возразила Кристина, – мать Терехиной говорила про девицу. Они с кем-то дружили. Эта их старшая подруга давала им советы, может быть, решала проблемы. Она была им опорой. Мужчина такой опорой не может стать.

Ксения кивнула.

– Согласна, – сказала она, – но окончательно сбрасывать Верховского со счетов не стоит, ведь эта девица могла с нами познакомиться по его поручению. Он ведь тоже мог прикинуть всё то, что ты сейчас сказала.

– Мог, – согласилась Кристина, – но мотива я не вижу. На Верховского указывает слишком многое, а мне это не нравится.

Ксения откинулась в кресле. Всё то, что они накопили, давало почву для длительных и основательных размышлений, только проблема состояла в том, что времени для подобных размышлений катастрофически не было. И дело, конечно, не в высоком начальстве, на мнение которого Аваловой было, в общем-то, плевать, а в том, что если они не раскрутят

эту комбинацию, жертвы её будут прибывать в геометрической прогрессии. Сами же факты, выявляемые при расследовании, тянули их в абсолютно разные стороны, учитывая то обстоятельство, что факты эти практически все были взаимосвязаны, но соединить эту взаимосвязь в единую цепь было нельзя.

– Мне тоже, – кивнула девушка, – итак, что мы имеем: есть киллер экстра-класса, которая убивает необычным оружием. Есть показания одноклассников о некоей девице, которая общалась с убитыми, и показания жены Левицкого, что она тоже видела девицу.

Секунд на пять в кабинете повисло молчание.

– Зацепиться не за что, – призналась Ксения.

Кристина задумчиво почесала щеку.

– Если даже убитые девушки не собирались ни от чего лечиться, то ведь зачем-то они туда собирались? В клинике можно ведь не только лечиться, но ещё и прятаться. А что, если они, учась в школе, которая принадлежит Верховскому, что-то узнали про его деятельность, что-то, что могло бы скомпрометировать Верховского и заставить его работать на Тополевича, если у того была бы такая информация.

Ксения пожала плечами.

– Но зачем их везти в Швейцарию? – спросила она. – Разве у Тополевича здесь мало возможностей? Хотя скандал в западной прессе о связях талантливого молодого бизнесмена-государственника с малолетними девочками... да,

это могло бы испортить Верховскому реноме.

– Непонятно другое, – сказал Рауш, – если Верховский заказчик убийств, тогда зачем ему избавляться от Левицкого? Логично предположить, что он был заинтересован в расследовании Сабуровой. Оно ведь бьет по Тополевичу.

Ксения закусила губу.

– Ну, если компромат правдив, – заметила она, – историю ведь и выдумать можно, а молоденьким девочкам запудрить мозги, опять-таки, если историю рассказал человек, которому они доверяют.

– А убивать зачем? – спросил Мациевский. – И почему нужно подставлять Урусову? Не поверю, что только из-за того, что в её пансионате саммит будет.

Мысли в голове крутились не прекращая.

– Чтобы там ни было, зацепка у нас одна, – Ксения игриво усмехнулась. – Кристина Сергеевна, а не слетать ли вам до чудесного города Женевы?

Тень печали легла на красивое лицо Леоновой. Ксения и не надеялась, что будет по-другому. Из их небольшой группы только она одна знала историю из юности Кристины, которую той было тяжело вспоминать. Ксения не винила её за это. Она не была сухарем.

– Других вариантов нет? – холодно спросила Кристина.

– Нет, – так же холодно ответила Ксения, – мы так и будем ходить по кругу и терять время. Если мы обратимся с официальным запросом, уйдут недели на бумажную волокиту,

а ты даже не аттестованный сотрудник, просто гражданское лицо, тебе не составит труда туда съездить, и потом, кто, если не ты, знает эту страну как свои пять пальцев, и у тебя друг работает в швейцарской полиции.

Молчание.

– Послушай, – мягко сказала Ксения, – я понимаю, что тебе тяжело туда возвращаться, но...

Кристина запустила руки в волосы. Вдохнула, затем выдохнула.

– Ладно, я в норме, – сказала она, – всё уже случилось, и говорить не о чем. Я согласна, начинать надо с Женевы. Всегда надо начинать там, где всё начинается. Есть что-то, что объединяет ваши два дела, и оно там, в Швейцарии.

КОНЕЦ ПЯТОЙ ГЛАВЫ

Глава VI. Слишком много совпадений

Если я – только сон – спросила Алиса – то, кто же тогда вы, хотела бы я знать?

– То же самое – сказал Труля-ля.

Л. Кэрролл

Суббота 20 октября

Анастасия открыла глаза. В первую секунду она не могла понять, где находится. После, когда взгляд привык к мраку вокруг неё, девушка сумела разглядеть характерные выступы на потолке её спальни. Внутренне успокоившись, Анастасия взглянула на часы, они показывали половину пятого.

Что же её разбудило? Может быть, шорох деревьев за окном? Анастасия принялась осматривать окружающее пространство.

Но в спальне было тихо. Все вещи на своих местах, никто нигде не шевелится. А в густой чернильной тени не затаился наемный убийца.

Но ведь что-то же ее разбудило! Очевидно, это что-то происходило не здесь.

Потом она расслышала тихое, тихое завывание и скрежет.

Анастасия готова была поклясться чем угодно, что в завывании она слышит отдельные буквы. Потом буквы превратились в слова, а потом...

Кровь у Анастасии похолодела в жилах. Прямо возле окна около её кровати в непосредственной близости от ног образовалась зыбкая и покачивающаяся фигура девушки. И о ужас! Это была та девушка, которую нашли в её подвале!

Костеня от ужаса, Анастасия даже не могла пошевелиться.

– Этого не может быть! – прошептала она.

Но это было. И призрак девушки медленно и величаво подплыл к её кровати.

– Зачем ты это сделала? – прошептал призрак. – Зачем ты убила меня? Я ничего плохого тебе не сделала. Почему, Анастасия? Почему?

– Я не трогала тебя, – дрожа всем телом, прошептала Анастасия. Она буквально приросла к кровати, не в силах пошевелить рукой или ногой. Лицо обдувало черным могильным холодом.

– Из-за кого ты на это пошла, Анастасия, – продолжал шептать призрак. – Разве он стоит этого?

– Кто? – спросила Анастасия.

Призрак не ответил. Фигура сгустилась в белое облако и кинулась в сторону Анастасии. Девушка закрыла лицо одеялом. Облако вылетело из комнаты через закрытую дверь. На стекле окна спальни виднелись буквы, начертанные чем-то

бурым. «Ты знаешь!» – сумела прочитать Анастасия.

– Нет, нет, нет!!! – закричала девушка. – Это всё неправда!!! Неправда!!!

Силы оставили её. Анастасия в беспомощности рухнула на смятую простыню и отключилась.

Её замутненный разум сквозь черно-белую дымку вновь создал картинку.

Предпоследний день перед Рождеством проходит. Она только что вернулась домой. Сегодняшний вечер был прекрасен они с подружками ходили на традиционный швейцарский рождественский базар, купили кучу вкусностей, которые будут радовать её. Ложась спать, она думала о каникулах, о том, как увидит семью. Как познакомит их с Александром. Она сама не знала, как это будет, но это будет обязательно. Он теперь всё для неё.

Свет выключен, она залезает под одеяло. Вдруг снаружи раздаётся шум. Дверь в её спальню распаивается. Она видит мужскую фигуру.

Щелчок выключателя. На пороге стоит Том.

– Цыпочка ты моя, – говорит его голос.

Его вид внушает страх и недоверие: волосы всклокочены, на щеке шрам в поллица. Ноги еле держали его.

– Вот и ты моя, куколка, – прошипел он, – теперь тебя никто не отнимет.

– Ты что, пьян? – спрашивает она. – Ты что несешь?

Вместо ответа Том бросается на неё и своим весом при-

давливают к кровати, одновременно затыкая ей рот полкой своей куртки.

– Ах ты, шлюха продажная, – рычит он, – ты думаешь, я позволю, чтобы тебя имел каждый мужик, которого ты встретишь? Тварь!!!

Она не могла пошевелить ни рукой, ни ногой, а он уже задирает подол её ночной рубашки.

– Ты моя, – раздаётся шипение, – он проиграл тебя мне час назад в бильярдной.

В какой-то момент она сумела вытащить левую руку из его хватки, затем тянет руку к прикроватной тумбочки. Рукоять ножа легла сама собой в руку.

Раздался дикий утробный крик.

– Тварь, тварь! – орет он, держась за окровавленное плечо из которого торчал нож. – Тварь, я тебя урою!!!

Она не помнит себя от ужаса. Вылетает из спальни, надевает пальто, пытается обуться в сапоги, но слышит топот ног. Окно! Она распахивает его и прыгает вниз.

Снег! Снег больно колет её голые лодыжки. Она бежит. Бежит до автобусной остановки. Чуть-чуть согревшись, скрюченными от холода пальцами надевает сапоги. Надо бежать. Туда, где Она. Она поймет, Она спасет.

Институтский кампус. Она сама уже не помнит, как добралась туда. Поднимается на нужный этаж. Дверь комнаты Шурочки. Она протягивает руку, чтобы постучать. Внутри раздавался смех, а ещё голос. Его голос.

Она не видела, но она понимала.

Девушка буквально сползла с лестницы, выбежала на улицу и без чувств рухнула в снег, заливаясь слезами.

* * *

Её спальню огласил протяжный крик. Анастасия вскочила на кровати, озираясь в поисках звука, и с ужасом поняла, что кричит она сама. По её щекам текли слезы. Она так плакала, что даже не пыталась себя сдержать. Её тело содрогалось от боли, страха и отчаяния.

Резкий звонок городского телефона, трубку которого Анастасия всегда держала на кровати, разрезал пространство. Девушка схватила его машинально.

– Алло, – сказала она, давясь слезами. Молчание.

– Алло, говорите. Молчание.

– Говорите, черт бы вас побрал!

– Не ори! – раздался глухой голос в трубке. Он был холодный. Мертвецки холодный. – Ты получила мои послания?

– Да, – пролепетала Анастасия.

– Чудно, – сказал голос, – теперь ты понимаешь, что во всем, что происходит, виновата ты, сучка гнилая. Ты всех убила! Поэтому ты умрешь. Жди.

В трубке раздались короткие гудки.

Громкий стук в дверь заставил Ксению разлепить глаза. Она, признаться, не сразу поняла, что стучат в дверь. Поначалу подумав, что стук вызван вывозом мусора, девушка глубже зарылась в подушки, но когда стук повторился и не один раз, она поняла, что надо идти открывать.

Зевая и потягиваясь, Ксения надела халат и, по пути посмотрев на прикроватные часы (они показывали без десяти пять), поплелась к двери.

– Какого черта! – пробормотала девушка, имея твердое желание спустить негодяя, который помешал ей спать, с лестницы.

Авалова открыла дверь, на пороге топтался Рауш, лицо его выражало крайнее нетерпение.

– С ума спятили, – напустилась девушка, – пять часов утра!

– Кто рано встает, тому Бог подает, как говорится, – съязвил Макс, – нам же он подал сегодня новый труп.

Ксения чертыхнулась. Жизнь становится всё интереснее и интереснее.

Сказав Раушу, что сейчас спустится, и отправив его в машину, Ксения закрыла дверь за ночным гостем и отправилась в ванную, чтобы скинуть с себя остатки сна. Затем напялила на себя джинсы, свитер и, прихватив утепленную жи-

летку, спустилась вниз.

– Откуда про труп узнали? – поинтересовалась она у Рауша.

– Дежурный позвонил, – сказал Макс. – Я только отвез Кристину в аэропорт. Домой поехал. Из машины уже вышел. Тут звонок. Всё, нашли!

– Кто нашёл-то? – спросила Ксения.

– Да почтальон, – сказал Иван, – он письма в ящики совал. Смотрит, в одной из квартир дверь открыта. Свет горит. Время, сама понимаешь. Зашел. А там кровище. Он даже труп-то не успел рассмотреть. Сразу милицию вызвал. Местные разобрались, что к чему. Мне и отзвонились. Я же сказал, чтобы мне в отдел сообщали о всех жестоких убийствах.

– Кто бы это ни сделал, я его поймаю, – сурово сказала девушка, – он лишил меня сна, а ко сну я отношусь очень чувствительно.

Местом происшествия на сей раз служила квартира в доме на Садовой. Поднявшись по широкой лестнице на третий этаж, сыщики увидели распахнутую дверь и суetyащихся милиционеров. Переступая порог, Ксения резко затормозила, едва не впечатав подошву кеда в лужу чуть застывшей крови.

– Осторожней, барышня, – сказал эксперт, – смотрите не запачкайтесь. Здесь крови полно.

– Да уж вижу, – пробурчала Ксения, зажимая нос и нагибаясь к трупу.

– Орудие, как я понимаю, то же? – спросила Ксения.

Эксперт кивнул.

– Да, – сказал он, – причем, судя по характеру надрезов на коже, и удар тот же.

Почему-то я даже не сомневалась, подумала девушка. Возникал только один вопрос. Кто убитая? Их третья потеряшка – Соня Захарова? И чья это квартира?

– Что известно на данный момент? – спросила она у одного из дежурных милиционеров. Тот достал блокнот и принялся рассматривать записи.

– Значит, так, – сказал он, – труп был обнаружен около двух часов назад почтальоном, который разносил корреспонденцию.

– С ним можно пообщаться? – перебила Ксения.

– Нет, – покачал головой дежурный, – увезли в «Скорой». Парню пятнадцать лет. Рвота, судороги. Нервный срыв, в общем. Дальше, соседка слышала, как кто-то звонил в дверь, где-то без четверти двенадцать. Видимо, это был убийца.

– Значит, дверь открыла она сама? – осведомился Рауш.

– Да, – ответил дежурный, – открыла, впустила, провела на кухню.

– А может, её туда силой отвели?

– Вряд ли, – сказал дежурный, – две чашки на столе, она чай разливала.

Авалова внимательно посмотрела на Рауша.

– Получается, что вообще кто-то свой, – сказала она, – а квартира чья?

– Сейчас, – дежурный сверился с блокнотом, – а, вот. Квартира принадлежит Рыковой Александре Сергеевне.

Разум Аваловой ушел куда-то погулять и совершенно не собирался возвращаться в её голову.

– Это же помощница Верховского! – воскликнул Макс.

Слов не было. Неужели перед ними лежал труп Александры Рыковой? С учетом того, что на девушке был надет ночной халат, это было так. Но тогда вообще получалась бессмыслица. Зачем её убивать? Кому она мешала?

За спиной Ксении началась какая-то возня. Она обернулась, чтобы посмотреть, что там происходит, и увидела стоявшую перед ней Александру Рыкову. Аваловой потребовались нечеловеческие усилия, чтобы сохранить остатки самообладания.

Александра, напротив, выглядела довольно решительно, очевидно подумав, что в её квартире проходит обыск, она собиралась высказать милиционерам всё, что о них думает, но увидев труп, осеклась и побелела.

– Что здесь случилось? – спросила она дрогнувшим голосом.

– Осмотр места преступления, – пояснила Ксения, – два часа назад в вашей квартире был найден женский труп с признаками насильственной смерти.

Голос девушки-детектива вернул Шурочку в реальность. Ксения, напомнила себе Александра, её зовут Ксения Авалова.

– Скажите, Александра Сергеевна, – произнесла Авалова, – а почему вы так поздно вернулись домой?

Шурочка решила, что врать не стоит.

– Я была у подруги, – призналась она, – ей было плохо, и я оставалась с ней, пока она не уснёт.

– И в половине пятого вы вдруг решили поехать домой, хотя могли остаться у подруги на ночь? – спросил коллега Аваловой.

– Дело в том, что мне нужно было отсюда кое-что забрать, – сказала Шурочка, – поэтому да, я поехала домой так рано.

Она надеялась, что отвечает довольно складно, чтобы у оперативников не появились подозрения. К тому же говорила она чистую правду.

– Понятно, – кивнула Ксения, доставая блокнот, – скажите, а как зовут вашу подругу?

Шурочке показалось, что, спрашивая, Авалова уже знает ответ.

– Анастасия Урусова, – сказала Шурочка.

Опера переглянулись. Авалова чуть слышно шепнула кол-

леге: «Без комментариев».

– Кто ещё жил в вашей квартире? – поинтересовалась Ксения.

– Глупый вопрос, – сказала Шурочка, – разумеется, никто. На что это вы намекаете?

– Я ни на что не намекаю, – спокойно сказала Ксения, – дело в том, что убитая девушка пробыла здесь как минимум несколько часов. Успела переодеться в ваши вещи и даже пила чай, как мы предполагаем, с убийцей. Скажите, может быть, вы одалживали ключи от квартиры кому-нибудь?

– Нет, – твердо сказала Шурочка, – разве что Анастасии иногда одалживала. Больше никому.

– А как же Александр Верховский? – встрял коллега Аваловой. – Вы же с ним встречаетесь. У него нет ключей от вашей квартиры?

Шурочка ожгла оперативника взглядом.

– Нет, у Александра нет ключей от квартиры, – резко сказала она, – мы встречаемся у него.

Оперативник хотел что-то спросить ещё, но Ксения Авалова его остановила.

– Вы можете идти Александра Сергеевна, – сказала она, – мы пока останемся в вашей квартире, завтра вы можете забрать ключи в управлении розыска, но позвольте последний вопрос. Не кажется ли вам странным, что с вами произошла такая же история, как и с вашей подругой Анастасией Урусовой? Я в случайности не верю, а вы?

Саша посчитала нужным не говорить правды. У неё были кое-какие размышления, но она не хотела делиться ими с милицией.

– Нет, – коротко ответила девушка, – я не считаю это странным. Эта история не имеет ни к Анастасии, ни ко мне ни малейшего отношения.

На этом она решила закончить разговор. Лишнего им говорить точно не собиралась.

* * *

– Крепкие девчонки, – отметил Рауш, – хорошо держатся, и главное, вы смотрите, не сговариваясь, покрывают друг друга. Что же они скрывают, а?

– Не знаю, – сказала Ксения, – но скорее всего какуюто нехорошую историю, которая произошла с ними в прошлом, и они думают, что некто преследует их именно из-за этой истории. Возможно, это как-то связано с убийством того английского адвоката.

– Так, значит, нужно узнать об этом деле побольше, – тут же нашелся Макс.

Авалова кивнула.

– Кристина узнает, – сказала она, – я же не только из-за девочек её отправила в Швейцарию. Она разузнает, что там было. Пока могу сказать, что все сходится в одной точке.

– Территориально одной? – уточнил Рауш.

– И территориально тоже, – кивнула Ксения.

Макс сквозь приоткрытую штору посмотрел, как Александра Рыкова садится в машину и отъезжает от дома.

– Послушайте, а может, эта Александра и есть убийца, которую мы ищем?

Ксения пожала плечами.

– С чего вдруг такая теория? – изумилась девушка.

– Смотрите сами, – сказал Макс, – последний наш труп, то есть последняя девушка двери не взламывала, окна не выбивала, к тому же тут всё на сигнализации, улавливаете?

– Хотите сказать, что Александра впустила потерпевшую в дом, убила её, а потом уехала? – спросила Ксения.

Макс утвердительно закивал.

– Именно, – сказал он, – и все очень логично.

– А по-моему, нет, – сказала Ксения, – во-первых, соседка. Она слышала звонок в дверь, значит, к потерпевшей кто-то приходил. Ну ладно, это можно скорректировать, что приходила сама Александра, а потерпевшая была уже в квартире, но вопрос, зачем подставляться, звоня в дверь, если можно открыть ключом?

– Чтобы подумали, что звонил чужой человек, – предположил Рауш.

– Ага, а если бы соседка выглянула на лестницу? – спросила Ксения. – И потом, зачем Александра давала потерпевшей свою одежду, зачем она вообще убивала её в собственной квартире и откуда она знает убитых девушек?

Рауш нахмурился.

– А почему вы так уверены, что это одна из наших потеряшек? – спросил он. – Я же не говорю, что она та девица, которую мы ищем. Она бы не стала так подставляться, тут вы правы. Но представьте на секунду, что это не наша потеряшка. Это может быть какая-нибудь любовница Верховского, которую Александра задумала убрать с дороги. У вас, женщин, это легко.

– Спасибо, – усмехнулась Ксения.

– Нет, я серьезно, – сказал Макс. – Узнала от подруги историю и – действовать, сымитировать убийцу, так сказать, а на него все и спишут.

Ксения усмехнулась, сказочник, но попытка засчитывается.

– А удару ножом снизу-вверх она тоже из рассказов подруги научилась? – с явным недоверием полюбопытствовала Авалова.

Рауш насупился.

– Но если не Александра впустила нашу убитую в свою квартиру, то кто тогда? Ведь квартира не подвал, туда труп просто не затащишь. Да и потом, по обстановке видно, что она пробыла в квартире как минимум несколько часов.

– Вопрос, – согласилась Ксения. – Меня беспокоит ещё одно. История с липовыми паспортами жертв становится всё более навязчивой. Мне кажется, что тут вообще целая мафия работает. Кстати, кто этим у вас занимается?

– Есть люди, – сказал Макс, – а вы хотите и создателей паспортов липовых пробить?

– Быть может, – кивнула Авалова, – ведь кто-то подобную партию заказывал, а работа долгая и кропотливая. Вы паспорта видели? Они же явно не на коленке сделаны. А людей, которые могут так виртуозно шлёпать, не так уж много. В данном случае можно даже облавой припугнуть. Им будет легче заказчика сдать, чем бизнес потерять.

– Согласен, – кивнул Макс, – тряхнуть стоит. Заказчика они вряд ли знают, но какие-то концы могут указать.

Пискнул мобильный. Ксения равнодушно глянула на экран. Короткое предложение: «Priezshayu segodnya v seredine dnya, prishlo vremya obiedinit' usiliya. Pokrovskya». Что же, значит нити расследования привели Наталью сюда. Это можно было бы предположить, и это было хорошо, возможно, она поделится какой-то важной информацией, которую они ещё не знают.

– Зачем это убийство нужно было маскировать как убийство Александры Рыковой? – спросила она. – Что это? Очередное послание для Верховского? Как-то уж слишком хлопотно, не находите?

Рауш, поняв, что коллега обращается к нему, что-то промычал, что можно было расценить как согласие.

– Здесь есть что-то ещё, – продолжала Ксения, – это не случайно, что убийца подбросил первый труп в пансионат Анастасии Урусовой. Нам нужно узнать, что произошло в

жизни этой девушки и почему она так не хочет это рассказывать. Поймем это, тогда и ниточку найдем.

– Значит, вы думаете, что ключ к разгадке в Урусовой? – спросил Макс. – Но она точно не знает жертв.

Ксения мотнула головой.

– Мне кажется, что дело не в жертвах, – сказала она, – дело в том, почему её выбрали объектом охоты, только ли потому, что она связана с Верховским? Нужно ещё раз всё проверить. В нашем пазле не хватает очень большого куска.

Раздался звонок телефона. Номер был неизвестен, но Авалова догадывалась, кто это мог быть.

– Слушаю, – сказала она, пытаясь изобразить отстраненный голос.

– Вы Ксения Авалова? – спросил её женский голос.

– Да, – ответила Ксения, – кто вы?

Голос на другом конце провода неожиданно замолчал. Словно взвешивая все за и против продолжения разговора.

– Эльмира Сабурова, – сказал голос.

Надоело всё время угадывать, усмехнулась про себя Ксения, скучно.

– Я ждала вашего звонка, – правдиво созналась Авалова. – Думаю, что нам надо встретиться. Думаю, вы знаете, что я в курсе вашей проблемы, и я полагаю, вместе мы сможем её решить.

– Я согласна, – коротко ответила Сабурова, – буду через полчаса.

Коротко, но ясно, заметила Ксения. Наверное, боится, что слушают. Правильно боится. В таких делах перестраховка не помешает.

– Кто? – спросил Рауш.

Ксения почесала затылок.

– Эльмира Сабурова, – сказала она, – назначила мне рандеву. Думаю, что узнала о нападении на храм или ювелир передал мою просьбу связаться. Так или иначе, посмотрим, что она мне скажет. Кажется, мы находим путь. Медленно, но находим.

Время, улыбнулась девушка себе, всегда важно время.

* * *

Ожидая свой багаж в уютном здании международного аэропорта Женевы, неофициально именуемого просто аэропорт Cointrin, по месту деревни, где он располагался, Кристина Легонова старалась сосредоточиться на деле. Чем больше она в него погружалась, тем больше оно запутывалось, и всё же именно это показывало, что разгадка должна быть очень простой. Оставалось только найти разгадку.

Факты нагромождались, как Вавилонская башня, и это только всё запутывало. Если Адашев считает, что всё можно купить за дорогого или задешево, тогда зачем он отдавал приказ убивать Марту Васкес? Тополевич вряд ли имеет прямой выход на таинственную убийцу, поэтому действовал че-

рез Адашева. Почему же бывший шеф СБР пошел на такой необдуманный шаг? Ведь они фактически засветили исполнителя, и сыщикам о нем стало многое известно, хотя бы то, что это девушка. Это уже сужает круг поисков. С другой стороны, они могут и не знать, что я была у матери Терехиной. Но убийства девочек, зачем они Адашеву? Что они могли знать такого, что это мешало в их политической игре? Наконец, как всё это было связано с Североевропейским транспортным коридором? А для неё это был главный вопрос.

Муссируя в голове мысли, Кристина вышла из здания аэропорта и остановилась у раздвижных дверей, вода взглядом по прилегавшей к зданию автомобильной парковки. Наконец, отыскав глазами то, что ей было нужно, девушка улыбнулась. Некоторые вещи никогда не меняются, подумала она, зафиксировав взгляд на спортивном «Ситроен Актива» 1988 года, желтого, почти лимонного цвета. Дверь автомобиля была открыта, обнажая бежевый кожаный салон, а вероятный водитель расположился под передним правым колесом, судя по торчавшим оттуда лоферам с поблескивающими вставленными монетками, как носил Майкл Джексон в бытность своей молодости.

Кристина подошла ближе и многозначительно кашлянула. Ответом ей был металлический скрежет и звон падающих деталей. Девушка невозмутимо пнула по лоферам мыском своей туфли. Никакой реакции, Кристина пнула настойчивее. Из-под днища автомобиля выкатилась тележка, на которой лежал молодой человек лет тридцати в легких бежевых брюках и свободной льняной белой рубашке с закатанными до локтя рукавами. Некоторое время они изучали друг друга.

– Крис! – воскликнул молодой человек. – Вот и ты! Чертовски рад тебя видеть, подруга!

* * *

Шурочка ехала к Анастасии с одним намерением, но то, что она услышала от подруги про являющиеся приведения и звонки невесть от кого, повергло её в ещё больший ступор, чем труп в собственной квартире. Вся история явно выходила за грань нормальности.

Конечно, со временем та история, которая произошла в Женеве, забылась. Да, собственно говоря, и истории-то никакой не было. Шурочка прекрасно помнила тот рождественский вечер. Помнила, как Александр с пробитой головой заявился к ней в квартиру, помнила, как отпаивала его чаем и делала компрессы, но ничего больше между ними тогда не было. И со временем ей удалось внушить это Анастасии. То же, что было меж ними сейчас, уже не имело отноше-

ния к той истории, отчасти поэтому Шурочка стремилась помочь подруге наладить прежние отношения с Александром, хотя бы на уровне друзей. Она чувствовала себя виноватой в том, что произошло тогда, ведь если бы она в тот роковой вечер поехала к Чилуэллам, всё могло быть по-другому. Ничего бы не было.

Так или иначе, но Анастасия не держала зла на подругу, и вся история потихоньку стала забываться. Пока...

– Так больше продолжаться не может, Анастасия! – веско сказала Шурочка, обращая взор на подругу. – Сначала письма, теперь это! Кто бы подобное ни совершал, его надо остановить!

– Но как? – спросила Анастасия. – Как мне его остановить, если я ничего о нём не знаю? Я даже не понимаю, что я ему сделала.

Шурочка вздохнула.

– Это неважно, – сказала она, – сейчас ты должна пойти в милицию и всё рассказать. У тебя же есть визитка этой Аваловой. Вот ты ей и расскажи.

– Что рассказать? – не поняла Анастасия.

– Всё, – повторила Шурочка, – про странички из дневника, про эти звонки, и расскажи, что тогда произошло в Женеве, только всю правду. Ты же понимаешь, что он не остановится. Он будет давить на тебя дальше, пока не прижмет к стенке и ты не задохнёшься.

– Я боюсь, – честно сказала Анастасия, – я и раньше боя-

лась подобных шагов, но теперь боюсь сильнее обычного.

– Чего ты боишься, дуручка? – осведомилась Шурочка. – Ты боишься того, что в этом замешан кто-то из близких тебе людей, но это же и так понятно. Ты же сама говорила, что опасность надо встречать стоя к ней лицом, а не поворачиваясь спиной. Где же твоя решимость, Анастасия?

– Я не этого боюсь, – сказала девушка в ответ, – я боюсь правды, а вдруг всё, что со мной происходит, это плод моего воображения, а что, если я всех убиваю? Что мне делать с такой правдой?

Шурочка положила руки на плечи подруги.

– Анастасия, – сказала она, – правду необходимо принимать такой, какая она есть, как бы это ни было тяжело. Мой тебе совет, подруга, не обращай внимание на все нападки на тебя и обратись в соответствующие органы.

– А не всё ли равно? – осведомилась Анастасия. – Ведь они будут меня трясти по полной программе. Какая разница, от чего получать страдания? От того, что ты читаешь или смотришь сама, или от того, как тебя будут выворачивать наизнанку?

Шурочка кисло усмехнулась.

– Я бесконечно уважаю твой философский подход, – сказала она, – но подумай, что случится, если слухи о тебе попадут на ТВ или в Интернет. Если тебе настолько наплевать на собственную судьбу, подумай хотя бы о близких тебе людях. Об отце хотя бы!

Анастасия ожгла подругу взглядом.

– О каких это близких? – язвительно спросила она. – Тех, что меня хотят вогнать в могилу?

– Ты мне не нравишься такая, – сурово произнесла Шурочка, – я не понимаю, что с тобой происходит, но ты меня ешь не в лучшую сторону перед стоящими впереди преградами. Это именно то, что он и хочет.

– Прости, – сухо сказала Анастасия, – действительно не знаю, что на меня находит, как будто кто-то сильный, сильнее меня, дергает за веревочки, как марионетку. Будто приказывает быть агрессивной и жесткой.

Шурочка плеснула себе коньяку.

– А может, тебе просто к психологу обратиться? – посоветовала она. – Он найдет эту точку влияния в твоём организме и заблокирует.

– Было уже, – заметила Анастасия, – но, ты знаешь, мне это не поможет. Да и что он во мне увидит?

– Увидит он в тебе несчастную девушку, – сказала Шурочка, – с неустроенной личной жизнью и полностью отданной работе.

– Снова – здорово, – хмыкнула Анастасия, – ты всегда заканчиваешь разговоры на одной и той же ноте.

– Зато ты улыбнулась, – заметила Шурочка, – и чувствуешь себя не так плохо, а раз ты себя чувствуешь не так плохо, может, нам поехать поработать?

Анастасия усмехнулась. Что же, Шурочка, как всегда пра-

ва. Нужно учиться абстрагироваться, а работа для этого подходила лучше всего.

* * *

Кристина ни на секунду не сомневалась, что если бы стоявший перед ней сейчас Флориан Штильхарт жил в Германии середины 30-х годов прошлого столетия, он бы обязательно красовался на всех пропагандистских плакатах Третьего рейха, кроме тех, на которых изображали фюрера, настолько его внешность соответствовала представлениям тамошних идеологов об истинном арийце. Наверное, только его характер нельзя было описать как нордический и стойкий, потому что Флориан всегда был словно на иголках и всегда в нем чувствовалась легкая небрежность к тем событиям, которые происходили вокруг него, и даже некая заносчивость... словом, Кристина никогда не понимала, как точнее, одним словом, она может описать своего швейцарского друга.

– Я надеюсь, что ты прихватила с собой полный чемодан с неприятностями? – криво усмехнулся Штильхарт.

– На тебя хватит, – колко сказала Кристина, – и ещё останется.

Молодые люди громко засмеялись и обняли друг друга, как это обычно делают боевые товарищи после долгой разлуки. Такой эпитет, наверное, как нельзя лучше описывал их

отношения.

– Ты не представляешь, как я рад тебя видеть, – сказал Штильхарт, – без тебя здесь было невероятно скучно, хотя я следил за твоими успехами.

Кристина улыбнулась.

– Это вполне естественно, никаких погонь, перестрелок, наверное, ещё чуть-чуть, и ты бы стал писателем в стиле Фридриха Дюрренматта. Так что можешь благодарить, что я спасла тебя от скуки.

Штильхарт поморщился.

– Я не могу быть Дюрренматтом, – удивленно заметил молодой человек, – у него всегда был ужасный бернский акцент. У тебя красивая шляпка.

– Я тебе подарю такую же, когда ты мне расскажешь, что удалось узнать.

Штильхарт хмыкнул.

– А что я мог узнать? – спросил он. – Я сижу дома, изучаю феноменологию, и тут мне приходит письмо от тебя с просьбой встретить в аэропорту.

– В течение последних двух недель в Кранцберге убили трех девушек, трех одноклассниц, у всех резаные раны на шее от неизвестного кинжала.

Штильхарт приподнял бровь.

– Пижонство, – сказал он, – я имею в виду кинжал, кто в наше время использует такое оружие, удивлен.

– Ты удивишься ещё больше, узнав, что убийства совер-

шает молодая женщина, – сообщила Кристина.

– Отнюдь, – возразил Штильхарт, – теперь мне стало все абсолютно ясно. Только женщина и способна на такое пижонство. Но мне непонятно, причём тут ты?

Кристина улыбнулась.

– Ты же знаешь, что я люблю изучать проблему глубже, чем принято, – заметила девушка. – Можешь сказать, что знаешь об этом...

Левонина вытащила из кармана пальто свернутую бумажку и протянула её Штильхарту.

Флориан бросил короткий взгляд на надпись.

– По этому адресу находится частная клиника Бориса Тополевича, – закончил за неё Штильхарт, – это довольно известное место в узких кругах.

– Значит, вы сами за ним следите? – поразилась девушка. – Это я вовремя с тобой связалась.

Девушка сделала невинную гримасу.

– Ты всегда умела пользоваться связями, – улыбнулся Штильхарт. – Ну в общем-то ты права, мы действительно следим за этой клиникой. Там происходят какие-то странные события, ничего себе примечательного, просто странные события, но сколько бы мы ни пытались что-то выяснить, никаких доказательств их противозаконной деятельности мы найти не можем.

– А как вы пытались достать информацию? – спросила Кристина. – Через внедренных агентов?

Штильхарт пожал плечами.

– Нет, – сказал он, – собирали в местных «брассерии».

Прошу вас, мадмуазель.

– Отличная машина, – одобрила Кристина, окидывая взглядом салон с прямоугольный рулем, а скорее штурвалом, развернутой панелью с россыпью кнопок и голографическим экраном, на котором отображались скорость и обороты двигателя, подарок?

– Конфисковал у одного великорусского олигарха, – улыбнулся Флориан, заводя мотор, – концепт 1988 года, но ему он теперь долго не понадобится.

– В Швейцарии умеют обращаться с бизнесменами, – многозначительно усмехнулась Кристина.

Флориан пожал плечами.

– Некоторые прекрасно существуют, – заметил он. – Так что тебе, до всего этого? Я так и не понял.

– Ты слышал новости о Североевропейском транспортном коридоре? – спросила девушка.

Штильхарт криво ухмыльнулся.

– Только то, что ты рассказывала, – кивнул он. – Но я люблю быть в курсе политической жизни и с удовольствием выслушаю очередные международные сплетни. Швейцария только ими и живет.

– Тогда расскажу тебе ещё одну, – усмехнулась Кристина, – добавишь в коллекцию.

Может быть, из-за низкой застройки, а может быть, из-за

расположения домов Женева больше всего нравилась Кристине из всех мест, где она жила. Город с её точки зрения мало изменился – те же дома, те же частные магазинчики, зеленые бульвары, по которым она любила бегать в школьные годы, а впереди величественное озеро и отражающиеся в воде горы.

Пока медленно ехали по узким улочкам, где лучше гулять пешком, чем пользоваться транспортом, Кристина обстоятельно рассказывала Флориану, что ей удалось выяснить. Ему она рассказала больше, чем рассказывала Ксении, правдиво поведав о своем докладе для Еврокомиссии и о том, что убитый Левицкий отвечал за реализацию проекта Североевропейского транспортного коридора. Штильхарту эта история была в общем-то внове (Швейцария не особо интересуется интеграционными проектами, несмотря на то что штаб-квартиры многих из этих проектов находятся именно в этой стране) и он с большим интересом слушал свою подругу. Кристина не ограничилась политологической лекцией о североевропейском транспортном коридоре, но рассказала также и о так называемом «Красном пути», который шёл через Турцию и кратко описала тех, кто лоббировал этот проект. Коснулась она и личности Верховского, и его отношений с Анастасией Урусовой, и о том, что труп нашли в пансионате, в котором должны будут пройти переговоры.

– История, – констатировал Флориан, – что бы это в итоге ни оказалось, задумана прекрасно. За этим стоит чей-то

великолепный ум.

– Гениальный ум, – согласилась Кристина.

– Дьявольский и хитрый, – добавил Штильхарт.

– Тополевич? – предположила девушка. Штильхарт покачал головой.

– Нет, – сказал он, – скорее всего он просто пешка, он все время на виду, тусуется среди местного бомонда, пытается закрепиться в обществе.

– А что ещё о нём известно?

Штильхарт пожал плечами.

– В том-то и дело, что ничего, – сказал он, – обычно, когда приезжает богатый Великорос, дым, как вы говорите, стоит веслом.

– Коромыслом, – поправила Кристина. Вероятно, за те годы, что они не виделись, Штильхарт не избавился от привычки сыпать великорусскими пословицами, при этом неправильно их выговаривая.

– Ну да, – кивнул Флориан, – они обычно покупают дорогие тачки, квартиру где-нибудь на Ривьере и окружают себя выводком из моделей, а здесь, представь, ничего подобного. Девочек к нему не водят, крутится одна какая-то, охраны много, но это не противозаконно, они даже оружие здесь оформляли.

Левонина нахмурилась.

– Мне кажется это странным, – сказала она, – чем это можно объяснить?

– Думаю, что маскируется под бизнесмена, обиженного властью Великоруссии, типа узник совести, тем более что здесь он как политический беженец, поэтому открыто ввязываться в сомнительные проекты он вряд ли станет.

Кристина наморщила лоб.

– То есть, бороться против Североевропейского коридора он бы не стал? – спросила девушка. – Ты к этому ведешь?

Флориан пожал плечами.

– Я коп, ты специалист-международник, – напомнил он. – К тебе вопросы. Если бы он чем-то подобным занимался, мы бы могли его притормозить, но не сказать стоп. Это коммерческое дело. На захват власти не тянет.

Кристина вздохнула. Европейский рационализм как он есть.

* * *

Эльмира Сабурова сидела в одном из кабинетов управления угрозыска и наблюдала за тем, как Ксения Авалова заваривает чай, который предложила для поддержания беседы. Эльмира силилась понять, сколько этой девушке лет. Слишком уж много разных черт было в её профиле. Детскость и легкость в её лице успешно сочетались с жесткостью и каким-то необъяснимым бременем, которое делало Ксению гораздо старше своих лет. Причём Эльмира не понимала, какая из черт её собеседницы выражена ярче.

– Двадцать восемь, – раздался голос.

– Что? – не поняла Эльмира.

– Мне двадцать восемь лет, – пояснила Ксения, – вы же поэтому так тщательно рассматриваете меня.

Она всего на год старше меня, – подумала Эльмира, – удивительно, но этого совсем не чувствовалось. Наоборот, она себя чувствовала ребенком по сравнению с этой девушкой.

– Итак, – произнесла Ксения четким ровным голосом, ставя перед гостьей чай, – о чём вы хотели поговорить? Только давайте договоримся сразу, что будем честны друг перед другом, чтобы вместе решить вашу проблему.

Эльмира и сама уже это решила. Она, ещё не начав разговор, уже поняла, что выкручиваться при этой девушке нельзя. Слишком пронизательный вид был у неё.

– Для начала я хотела бы спросить, – медленно начала Эльмира, – мне известно, что вы посещали мою родственницу. Вы не могли бы мне сказать, как она. Я не могу позволить себе до отца Павла и волнуюсь.

– Ваша знакомая в порядке, – отрывисто сказала Ксения, – и чувствует она себя гораздо лучше, чем если бы я её не посещала.

Эльмира едва не выронила из рук чашку. Сбылись её худшие предположения.

– Вы хотите сказать, что её пытались убить? – спросила девушка подрагивающими губами.

– Да, – коротко сказала Ксения, – причём довольно диким

способом. Из неё пытались выкачать кровь, вероятно для того, чтобы стереть следы греларозола в организме. Уж больно напугало их ваше расследование.

– С чего вы так решили, позвольте узнать? – осведомилась Эльмира.

– Заказчик послал очень профессионального киллера, – отметила Ксения, – мне не приходилось с такими сталкиваться. Признаться, по-честному, я еле унесла ноги. А следовательно, его приход имел только одну цель – убить вашу знакомую.

Эльмира задумалась над словами Аваловой, конечно, она предполагала, что, начиная бороться против производства лекарства, навлекает на себя и девочку опасность. Но полагала до недавнего времени, что надёжно спрятала Марту. Выходит, ненадёжно, но кто же мог выдать её местонахождение?

– А у вас есть какие-то наработки по поводу того, каким образом киллер узнал про церковь? – спросила Эльмира.

– Вот этого мы не знаем, – честно сказала Ксения, – дело в том, что люди, которые выбивали у вашего знакомого ювелира Гааза местонахождение девочки, не могли сообщить его киллеру. Мы предполагаем, что поиск велся по двум направлениям, и визит бандитов был только отвлекающим маневром.

Эльмира знала про этот «визит». Собственно, с него всё и началось, Гааз позвонил ей и рассказал ужасную историю,

как в его студию ввалились громилы и начали пытаться. Он же сказал, кому сообщил про местонахождение Марты, и Эльмира рысью кинулась звонить в угрозыск, но опоздала, к счастью для неё и для Марты, не смертельно. Вообще то, что случилось, иначе, как чудом, назвать было нельзя.

– То есть они хотели заставить вас думать, что только бандиты пытались выяснить у Гааза информацию, – догадалась Эльмира.

– Да, – сказала Ксения, – они пытались таким способом выиграть время. Приедь я в церковь чуть позже, я обнаружила бы лишь труп.

– Но как бы они объяснили смерть девочки? – спросила Эльмира. – Можно же доказать то, что она была свидетелем по делу. У меня есть её заявление в суд.

Ксения отставила в сторону грязные чашки.

– Доказать, конечно, можно, – сказала она, – но сложно, и мало кто возьмётся за такую работу, особенно здесь. И потом, нам кажется, что киллер хотел всё обставить как убийство, совершенное маньяком. Вы же слышали слухи о том, что в Кранцберге орудует маньяк?

– Да, конечно, – произнесла Эльмира, – но как они могли бы это сделать? Из того, что я знаю о маньяках, – они действуют только в одном городе.

– Не обязательно, – заметила Ксения, – и потом, достаточно пустить слух о любом жестоком убийстве, и общественность скажет, что действовал маньяк. Особенно в тех местах,

где о маньяках никогда не слышали. В связи с этим вопрос: кто кроме Гааза знал о местонахождении девочки?

О своём предположении, что киллер в церкви и мнимый маньяк одно и то же лицо, Ксения намеренно не сказала. Она хотела поподробнее узнать непосредственно о лекарстве, ребятах из «Лиги честности» и об убийстве Левицкого. Эти вопросы, по её мнению, являлись ключевыми в поисках киллера.

– Никто кроме меня, – сказала Эльмира, – Ольге я не говорила адрес, да она и не спрашивала, отец Павел мало выходил в свет, он тоже не мог рассказать, разве что только Андрею Левицкому.

Ксения напряглась в лице.

– Так, – протянула девушка, – а вот об этом, пожалуйста, поподробнее. Вы можете рассказать, откуда вы его знаете?

Эльмира занервничала. До этого момента она обходилась общими словами, но теперь от неё требовалось уже рассказывать подробно. Не то что бы она не доверяла сидящей перед ней девушке, но относилась настороженно и не хотела вываливать ей всю информацию.

– Вы поймите, – сказала Ксения, – любая информация, которую вы утаиваете, может плохо повлиять на вашу жизнь и жизнь ваших близких. Вы смелая, умная девушка, но бросили вызов противнику, который гораздо сильнее вас. Один раз они потерпели поражение, но не думайте, что они не попробуют ещё. Я понимаю ваше недоверие правоохранитель-

ным органам, но больше нельзя играть в самодеятельность, это может дурно закончиться.

Эльмира закусила губу, обдумывая слова собеседницы.

– Хорошо, – наконец сказала она, – я расскажу вам.

Мы учились вместе. Я, Ольга и Андрей. Андрей, он очень хороший друг, замечательный юрист и патриот, – Эльмира запнулась, – был. Когда случилась беда с моим молодым человеком, я поняла, что надеяться на суд или полицию бесполезно. У меня остались кое-какие документы после смерти жениха, но в основном пришлось начинать всё сначала. Это был огромный объем работы, и одна я бы его не потянула. Я решила обратиться к Андрею. У него хорошие связи в Борисфене. К тому же я знала, что он не откажется мне помочь. Я рассказала ему всю историю, он внимательно выслушал и сказал, что поможет, хотя это будет очень сложно сделать.

– Извините, что перебиваю, – сказала Ксения, – когда это было?

– Примерно полгода назад, – заметила Эльмира. – У Андрея было высокое положение в нашем истэблিশменте, хотя он его и чурался, следовательно, высокие связи. Андрей подключил нужные инстанции и стал собирать информацию о клинике. Это было чрезвычайно сложно, так как конспирация была жесточайшей. Швейцария не терпит нарушения законов, и чтобы открыть там свое дело, нужна была идеальная история бизнеса. Поэтому вы не найдете ни в оном кантоне ни одной таблетки. Но нам повезло, ребята Андрея на-

шли медсестру, которая работала в клинике.

Да уж действительно повезло, подумала Ксения, так обычно не бывает. Впрочем, она и не надеялась, что Сабурова сейчас говорит ей всю правду, она надеялась, что это хотя бы часть правды.

– Да, Ольга говорила нам, – сказала Ксения, – а фамилию и адрес не подскажете?

– Жаклин Диль, – ответила Эльмира, – она живет на окраине Женевы. Улица акаций, 23. Фамилия владельца клиники дала нам многое, но он не являлся владельцем завода. Мы проверяли неоднократно. Искать было невероятно сложно. Нам повезло случайно. Арсенюка разрабатывала Служба безопасности, по каким-то протестным акциям, и в разговоре он упоминал про «колеса». Андрей ухватился за эту ниточку и выяснил, что директором завода является Арсенюк. Он уже заявление подавал в Интерпол, когда его убили.

– Понятно, – произнесла Ксения, – скажите, а вы знаете, к кому конкретно обращался Левицкий за помощью? Он же не специалист, значит, должен был у кого-то консультироваться.

– У него был один контакт, – сказала Эльмира, – есть такой профессор Вяземский, я знаю, что к нему Андрей часто ездил, но он не посвящал меня в подробности. Андрей боялся утечки информации и старался сообщать мне только общую информацию.

Ксения откинула голову на спинку кресла и закрыла глаза. Как будто что-то обдумывая. Её интересовало, зачем к ней пришла Эльмира, ведь она не сказала ничего такого, что бы она не знала. Возможно, она просто хотела узнать, что известно милиции? Что, если её действия не так чисты, какими кажутся? С другой стороны, имеющий уши да услышит, девушка ведь правда может не знать подробностей, возможно, Левицкий не хотел ею рисковать, и в данном случае это

хорошо, потому что Тополевич и Арсенюк не знают, что известно Сабуровой, иначе не устраивали бы охоту за ней и девочкой, а вот ей два имени Эльмира назвала. Посмотрим, чего эти имена стоят.

– Спасибо вам за помощь, Эльмира, – наконец сказала она, – вы большая молодец, что боритесь, вот адрес больницы, где находится Марта. Вы можете навестить её в любое время, я предупрежу пост охраны, но только прошу никуда её не забирать. Иначе это может плохо закончиться и для вас, и для девочки.

– Думаю, мы поняли друг друга, – заметила Эльмира, проводя рукой по черным волосам, – однако позвольте последний вопрос?

– Готова ответить на любой, – сказала Ксения.

– Вы очень хвалили мою стойкость и выдержку, – медленно подбирая слова, сказала Эльмира, – а вы сами не боитесь затевать игру против них, при вашей системе? Не боитесь, что вас заставят прекратить свои поиски?

Ксения усмехнулась.

– Нет, я уже многим говорила. Для меня нет препон, которые могут меня остановить, равно как и моих коллег. Поэтому мой ответ: нет, я не боюсь.

Эльмира осталась довольна беседой. Есть шанс выйти в борьбе с лекарством на новый уровень. Никуда Тополевич не денется. Говорят, что месть – это блюдо, которое подают холодным, но она не мстила. Она боролась за справедливость.

Внешнее спокойствие Женевы заметно отражалось и в поведении горожан. Они никуда не спешили. Кристина уже отвыкла от такого ритма жизни, совершенно несовместимого с тем бурным потоком энергии, который она наблюдала в Борисфене. Её всегда поражало, как при всей выдержанности и умиротворении этот город уже более ста лет был центром мировой политики, дипломатии, международных отношений и бог ещё знает чего международного, может быть, именно потому, что политика и дипломатия любят тишину и размеренность? Что же, вполне возможно, что это так. Тополевич тоже любил тишину и размеренность, судя по мнению Штильхарта, тогда выбор этого места для тайной клиники был идеален. Но вот чем таким могла заниматься клиника, чтобы даже у дотошных швейцарских копов не было повода устроить ревизию беглому олигарху?

– Всё-таки остановиться у тебя было правильным решением, – заметила девушка Штильхарту, – не думаю, что цены на гостиницы здесь поменялись, лишние траты приводят к лишнему вниманию.

Штильхарт язвительно прищурился.

– Оу, было бы особенно правильным, если бы это предложил тебе я, – ответил молодой человек, с трудом затаскивая в узкий проем двери самсонайтровский чемодан, – что у тебя

там, кирпичи?

Кристина ослепительно улыбнулась.

– Вещи, необходимые одинокой девушке, – сказала она, – зато ты можешь считать, что я избавила тебя от долгих вежливых предложений и умоляний остаться переночевать. К тому же я знаю, что ты никогда не приглашаешь сюда лиц противоположного пола раньше полуночи и не выпускаешь раньше утра.

– Мы с тобой давно не виделись, – сказал Штильхарт.

– Не так давно, чтобы ты поменял свои привычки, – заметила Кристина, – мужчины вообще своих привычек не меняют.

– Пожалуй, соглашусь, – сказал Штильхарт, – иначе я не сорвался бы встречать тебя, а предпочел бы тихий вечер у камина.

– Я тоже пожертвовала спокойным сном, – сказала Кристина, – но поверь, то, во что я тебя собираюсь втравить, гораздо интереснее, к тому же у тебя нет камина.

– Это незначительное препятствие, – заметил Штильхарт, – я бы смог найти его в любом брассери.

Левонина поджала губы.

– Сомневаюсь тогда, что твой вечер попал бы в разряд тихих, – сказала она, – из ресторана ты никогда не приходишь один.

– Опять наблюдение за моими привычками? – поинтересовался Штильхарт.

– Скорее за мужскими слабостями в целом, – парировала Кристина, – так что я твой спаситель от порока.

Штильхарт хмыкнул.

– А я думаю, что тебе просто надоела скучная посольская обстановка. Всякие многозначительные речи, широкие улыбки и прочее.

Кристина улыбнулась.

– Ну, в чём-то ты прав, – заметила она, взяв с полки оружейную энциклопедию, – такие речи обычно произносят немолодые лысеющие мужчины довольно заунывным голосом, к тому же эти речи все равно ничего не решают, это действительно скукотища.

– Напомни мне отправить тебя в посольство при первой возможности, – сказал Штильхарт, – что ты хочешь найти в этой книге? Подумываешь заняться торговлей оружием?

Кристина мотнула головой.

– Возможно, это было бы неплохой идеей, – ответила девушка, – но сейчас меня больше интересуют старинные экземпляры.

– Старинные, – уточнил Штильхарт.

– Да, – сказала Кристина, – те, что были изготовлены сто лет назад и более и имеют форму боевой перчатки.

Штильхарт усмехнулся.

– Если бы это оружие можно было найти в обычном оружейном справочнике, – сказал он, – то вряд ли его стала бы использовать секретная организация.

– У тебя есть альтернативные идеи? – поинтересовалась девушка.

– На твое счастье, у меня всегда есть альтернативные идеи, – сказал он.

– И какая же на этот раз?

Штильхарт взял книгу из рук Кристины и поставил её на полку.

– Наш криминалист Фабиан, – сказал молодой человек, – я попросил его разузнать про это оружие, он должен приехать через полчаса.

Кристина посмотрела на него ненавидящим взглядом.

– Значит, ты все-таки знал, что я приеду?! – воскликнула она.

– Не имел ни малейшего понятия, – сказал Штильхарт, – ты же знаешь мою, пагубную для мужчины, привычку не врать. Но вот об убийствах, каюсь, слышал. Они меня заинтересовали. Потому что я услышал знакомую фамилию.

– Разумеется, ты говоришь не обо мне, – произнесла Кристина, переключив свое внимание с книжного стеллажа на винный шкаф.

– Разумеется, – кивнул Штильхарт, – белое или красное?

– Белое, – сказала Кристина, слегка наморщив красивое лицо. – Тогда я полагаю, что речь идет об Александре Верховском?

Штильхарт кивнул.

– Верно, а также о его подружках: Александре Рыковой и

Анастасии Урусовой.

– С ними было что-то не так?

– Вовсе нет, – сказал Штильхарт, протягивая Кристине бокал, – я их допрашивал по делу об убийстве. Твое здоровье.

– Английского адвоката, – произнесла Кристина вдыхая вино, – Штильхарт, я умею пользоваться интернетом. Женева или Во?

– Женева.

– Мм, – воскликнула Кристина, – весьма недурно! Его же зарезали?

– Да, – сказал Штильхарт, – и что самое поразительное, рана была очень похожа на раны убитых школьников. Редкий удар снизу-вверх.

Штильхарт удостоился еще одного испепеляющего взгляда.

– И чтобы это сказать, ты вез меня через весь город? – злобно поинтересовалась девушка – Немедленно рассказывай, что помнишь.

* * *

Помнил Флориан достаточно. Хотя, если честь по чести, историю эту, о которой и поныне любят посудачить старожилы брассери, когда прочие темы для сплетен приедались, столько раз рассказывали и пересказывали, что теперь уже

никто и не знал, что в ней правда, а что более поздний вымысел. Начало, впрочем, всегда было одинаковым. Десять лет назад, под Рождество, служанка пришла в дом поутру и обнаружила всех Чилуэллов мертвыми: мужа, жену, двух маленьких детей, а гостившую у хозяев девочку – лежащую в снегу в одной сорочке без сознания. С громкими криками служанка кинулась из дому, подняв на ноги весь городок.

– Мертвые лежат, переодетые ко сну! Все ножами зарезаны, кровь по всему полу!

Явилась полиция, и весь городок забурлил от любопытства. Надо сказать, что Чилуэллов особенно никто не любил, ведь были они людьми богатыми, к тому же иностранцами, к тому же англичанами, а к богатым англичанам отношение было всегда негативным. Но всех необычайно интересовал вопрос: кто их убил?

Версии и догадки выдвигались самые разные. Одна фантастичнее другой. И вот уже под вечер дня происшествия дискуссию прервала ворвавшаяся бабка – владелица сырной лавки, которая с жаром, достойным лучшего театрального чтеца, стала рассказывать, что Чилуэллов убил их старший сын – Том.

– Да быть этого не может, – заявила молоденькая официантка, – он такой классный парень!

Завсегдатаи тут же осыпали её весьма нелюбезными взглядами, имевшими явный скрытый подтекст. Все дело было в том, что младший Чилуэлл часто заходил в бассе-

ри и как-то так получилось, что девушку стали считать его тайной женой и матерью его ребенка, которого Чилуэлл, как всякий богатенький слизняк, отказывался считать своим.

– Ничего он не классный, – громко заявила старуха, – я всегда тебя предупреждала, чтобы ты с ним не якшалась! Ничего хорошего не жди от иностранщины этой!

Старухе налили киршу и потребовали подробности.

– Я всегда считала, что он странный, – заявила она после пятой рюмки. Нелюдимый какой-то. А тут, представьте, он пытался изнасиловать девочку, которая к ним в гости приехала. Между ними была какая-то темная история. Он всегда волочился за ней, а тут она с каким-то парнем притащилась. Ну и пошло-поехало. Парень-то приглянулся ей, значит, вот у них и завертелось. Счастливые такие ходили, ну чисто голубки, а Том, видать, приревновал, и знаете, что удумал. Они с тем парнем в бильярд её, то бишь девочку, разыгрывать стали, ну, значит, как трофей, и Том там вроде бы выиграл. Напился, значит, к ней заявился и пытался её изнасиловать. Она его ножом пырнула и сбежала, повезло девочке, а Том с родителями поскандалил и их убил спяну. Всех перерезал.

– Господи, а маленьких за что? – прикрыла рукой рот молоденькая официантка.

– Да не соображал он ничего, – сказала старуха, – сейчас протрезвел, вспомнил и каяться пошел.

– Я всегда говорил, что эти спортсмены на голову больные, – заметил хозяин брассери.

– Да у него всегда был кошмарный характер, – с жаром крикнул подвыпивший мужчина. – Помню, был он еще мальчишкой...

В общем, после этого вечера все жители городка были уверены, что в убийстве был виновен Том Чилуэлл.

Полиция тем временем методично осматривала место преступления, и не нашла ничего, что бы указывало на грабеж. Следов взлома не было ни на окнах, которые, как и положено на ночь, были закрыты ставнями, ни на входной двери. Всё свидетельствовало о том, что у убийцы был свободный доступ в дом.

Самого Чилуэлла-младшего доставили в ближайшее полицейское управление. Ни на один из вопросов он толком ответить не смог, только бессвязно бормотал и глупо улыбался, будучи явно в состоянии невменяемом. Молодого человека отправили на психиатрическое освидетельствование, и вот тут начались совсем уж странные вещи. Заключение психиатра коротко и ясно сообщило, что Том Чилуэлл абсолютно здоров и физически, и психологически. У него не наблюдалось вообще никаких отклонений, за исключением того, что вел он себя явно ненормально, о чем врачи, осматривавшие его, твердили в один голос, но найти причину сего странного поведения они не могли.

На местных надежды не было, возжаждав крови, они стали пересказывать полиции одну небылицу про Тома за другой. Девочку-официантку допросили, но никаких отноше-

ний с Томом у неё не было, как не было и ребенка. Показания же и горничной, и соседей прямо указывали на вину младшего Чилуэлла. И только один тихий древний старичок, живший напротив, клялся и божился, что в день убийства вообще не видел Тома, а видел, как возле дома, уже под вечер, крутилась девица, по его словам, красивая, эффектная, но с холодным лицом, однако поскольку старик, сколько бы его ни спрашивали, не смог это лицо описать, и к тому же выяснилось, что он страдал ретроградной амнезией, в полиции посчитали, что девица ему просто померещилась. Чилуэлла же младшего арестовали и ввиду его явного психического расстройства, хотя ни один из врачей так и не смог сказать от чего, приговорили к принудительному лечению, к большому неудовольствию жителей городка.

– Это законы у нас безумные, – твердили они, – он убил, и вместо кары его лечить за наш счет будут! Сжигать таких надо прилюдно!

Так эта история и превратилась со временем в деревенскую страшилку, которая хорошо слушается в ненастную погоду за стаканчиком чего-нибудь горячительного...

* * *

– Я не поняла, а кто на кого играл? – переспросила Кристина, когда Штильхарт закончил свой рассказ.

– Чилуэлл пьяный явился в какой-то бар, – сказал Флори-

ан, – там он застал Верховского. Стал до него докапываться, мол, эта девушка моя и всякое такое.

– Девушка, – это Урусова? – уточнила Кристина.

– Ну да, – кивнул Штильхарт, – и Чилуэлл предложил разыграть её на бильярде. Мол, кто выиграет, тот и останется с Урусовой.

Кристина мрачно нахмурилась.

– Дикость какая, – с отвращением произнесла девушка, – и Верховский согласился?

Штильхарт кивнул.

– Да, – сказал он, – потом на допросе каялся, говорил, что это была простая шарада, что сам не понял, что на него нашло.

– И он проиграл? – спросила Кристина. Штильхарт покачал головой.

– Хитрее, на бильярде он выиграл, но Чилуэлл сказал, что этого недостаточно и предложил связать себя с Урусовой кровью, а для этого убить человека.

– И? – спросила Кристина. – Они убили?

Она уже переставала чему-либо удивляться, но история действительно вырисовалась дикая, однако становилась понятна причина такого поспешного отъезда этой компашки из Швейцарии и причина разрыва Анастасии с Верховским.

– Нет, – сказал Штильхарт, – Чилуэлл тогда вывел Верховского на улицу и, вытащив нож, предложил убить какого-то спящего мигранта. Верховский отказался, и Чилуэлл

его оглушил, ну и вернулся домой.

Кристина задумалась.

– А откуда все это известно? – спросила она. Штильхарт хмыкнул.

– Показания Верховского, – сказал он, – не доверяешь? Леонова пожала плечами.

– Как-то слишком продуманно этот Том действовал, – заметила она, – я имею в виду слишком продуманно для пьяного. А что он говорил?

Штильхарт лениво махнул рукой.

– Да ничего не говорил, – бросил он, – твердил, как заведенный, что ничего не помнит. Что делал? Когда делал? Где был? На все один ответ: не помню.

– Ну да, – хмыкнула Кристина, – естественно, ему не поверили.

– Естественно, – кивнул Штильхарт, – а ты бы поверила? Леонова дернула щекой.

– Не знаю, – честно сказала она, – но в свете последних событий меня начинает смущать образ «девица с холодным лицом», в особенности в сочетании с колющережущими предметами.

Штильхарт придирчиво посмотрел на подругу.

– Полагаешь, что это та же девица? – спросил он.

– Ну об этом рано говорить, – сказала Кристина, – но, согласись, что нельзя подняться до вершин известности и не нажить себе врагов. Врагов, которые были способны нанять

такого киллера.

– Ты про Чилуэлла-старшего?

Кристина кивнула.

– Он ведь вел расследование, связанное с этими таблетками, – сказала она, – а документов по ним вы так и не нашли.

– Ни одного, – подтвердил Штильхарт, – мы пытались, что-то разузнать, но никто из сотрудников конторы Чилуэлла ничего не знал. Вероятно, он самолично вел это дело.

– Вероятно, Тополевичу очень повезло, – философски произнесла Леонова, – если правда, что Чилуэллмладший убил отца.

– Судьба, – усмехнулся Штильхарт.

– Или все это чей-то дьявольский план, – сказала Кристина, – обставить все так, как будто Чилуэлл их убил в припадке ярости.

Штильхарт бросил подруге скептический взгляд.

– Но кто это мог сделать? – спросил он. – Ведь чтобы все совпало, убийца должен был знать про весь этот любовный треугольник, значит, это должен быть кто-то из своих.

– Ну одна девушка там была, кроме Урусовой, – заметила Кристина, – Александра Рыкова, её, кстати, сейчас связывают весьма тесные отношения с Верховским.

Штильхарт хмыкнул.

– Занятно, но у неё алиби, – сказал он, – и как раз Верховский. Оклемавшись после того, как Чилуэлл его оглушил, он направился к Александре и всю ночь пробыл у неё.

Кристина задумчивом нахмурила брови.

– Занятно то, что они опять обеспечили друг другу алиби.

И во время убийства Чилуэллов они были вместе, и во время убийства Кати Кирсановой они были вместе. Веришь в такие совпадения?

Ответ Штильхарта прервала трель дверного звонка.

– Это Фабиан, – возвестил Штильхарт, – пойду открою.

Через минуту в гостиную зашел опрятный улыбчивый чернокожий молодой человек в твидовом костюме-тройке. Под мышкой он держал тяжёлую книгу внушительных размеров. Завидев Кристину, он одарил её хитрой улыбкой рыночного торговца.

– Я должен был сразу догадаться, что вы приехали, мадам-уазель, – произнес Фабиан Эмболо. – У нас не случилось ничего экстраординарного с тех пор, как...

Штильхарт нервно кашлянул.

– Всё-таки желательно, чтобы ты, Фабиан, нам поведал о результатах твоих исследований.

– Ах, ну да, – сказал он, кивнув, – я, собственно, для этого принес сюда эту красавицу.

Фабиан положил перед ними фолиант в толстом кожаном переплете и с плотной пожелтевшей от времени бумагой.

– Раритет, – констатировала Кристина, – судя по тиснению, конец XIX века, обычно такие книги купцы заказывали для парадных библиотек.

– Молодец, – подхватил Штильхарт, похлопав девушку по

плечу, – за ответ получаешь 10 баллов. Твоя команда выходит вперед. Только хотелось бы знать, что это за раритет, книга дьявола?

– Нет, – сказал Эмболо, – оружейный справочник. Он содержит виды оружия, которые не получили широкого применения.

– Очевидно, что сейчас автор поменял бы свое мнение об этой перчатке, – заметил Штильхарт, – если ты, конечно, её нашел.

– Глупый вопрос, – сказал Фабиан, – если бы я ее не нашел, то меня бы здесь не было.

Эксперт надел перчатки, аккуратно раскрыл книгу, где-то ближе к концу, и ткнул пальцем в страницу, не произнеся ни слова, как будто это было чревато какими-то последствиями. Нагнувшись к столу, Кристина некоторое время придиричиво рассматривала картинку: толстая кожаная перчатка, перетянутая кожаными же веревками, заканчивалась торчащим из неё обоюдоострым лезвием. Рука, облаченная в перчатку, была сжата в кулак. На соседнем рисунке рука была разжата и лезвия видно не было. Под рисунками был помещен текст, начертанный арабскими письменами, который Кристина не могла прочитать.

– А что здесь написано? – спросила она. – Не могу прочитать.

– Мало кто может, – сказал Эмболо, – это староарабский язык. Вам повезло со мной, потому что я нашел специалиста

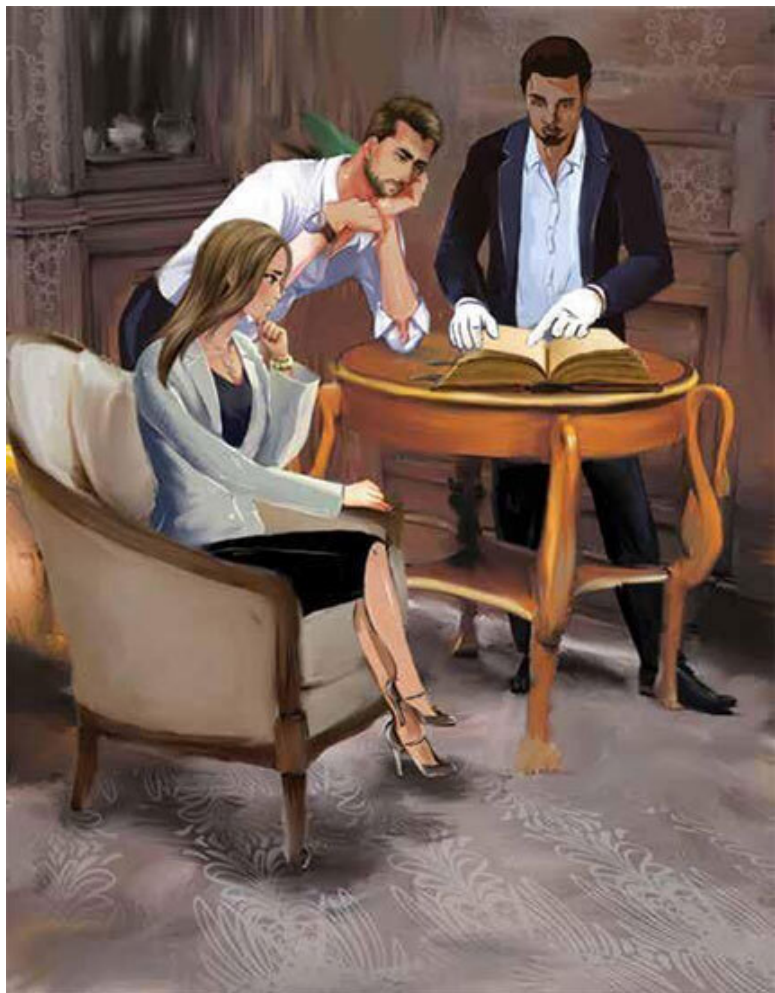
по этому языку, а это было непросто, знаете ли.

– Так ты можешь сказать, что это? – нетерпеливо спросил Штильхарт, указывая на рисунок.

– Это боевая перчатка члена братства Ассасинов, – сообщил Фабиан, – их главное оружие, предназначенное для скрытых убийств.

– Арабская секта XIII века? – недоверчиво спросила Кристина. – Неплохо нас занесло. Но они же все были уничтожены, разве нет?

– Вероятно, у них нашлись последователи, – усмехнулся Штильхарт, – только я все равно не знаю кто это.

Левонова посмотрела на него с притворным ужасом.

– Какой ты темный человек, – сказала она, – твое образование явно оставляет желать лучшего. Ассасинами в древности именовался орден мусульман-низаритов, одно из ответвлений шиизма. Это позже они прославились как убийцы, но в начале своей деятельности они изучали науку, ремесла и расширяли свои границы исключительно дипломатией. Их лидером был Ибн Ас-Саббах, он был что-то вроде исламского Лютера, пропагандировал добродетели и аскетичный образ жизни, запрет роскоши, всеобщее равенство и общинный строй. Ему удалось создать мощное государство, которое соперничало с сельджукским султанатом. Он был умным человеком и понял, что в отсутствие сильной армии безопасность государства можно обеспечить только подрывая государственность соседей. И он создал армию тайных агентов узкого профиля. Их сеть простиралась от Каира до Шираза, от Бухары до Балхи, а в его крепости существовала настоящая академия по подготовке разведчиков и диверсантов-террористов. Там их изматывали ежедневными тренировками и обрабатывали идеологически. Одурманивали опиумным маком, и специально подготовленные девицы изображали из себя райских гурий, увещевая неофитов ордена, что они должны погибнуть в бою с неверными. Когда человек просыпался, то он искренне верил, что побывал в раю, и реальный мир терял для него какую-либо ценность. Все его мечты, надежды, помыслы были подчинены един-

ственному желанию вновь оказаться в «райском саду», среди недоступных сейчас прекрасных дев.

Штильхарт криво усмехнулся.

– За тысячу лет их идеология мало изменилась, все про гурьей думают. Никогда их не понимал. Как можно самоубиться из-за того, что где-то там тебя ждут какие-то девицы?

Кристина манерно дернула плечом и многозначительно хмыкнула.

– На самом деле все весьма просто, – сказала она, – в исламе любое прелюбодеяние карается смертью, а чтобы жениться, ты за невесту должен отдать калым, и поэтому для малоимущей молодёжи на Востоке женщина является предметом небывалого вожделения.

– На пенсии переселюсь на Ближний Восток, – усмехнулся Штильхарт, – и что же с этими ассасинами случилось?

– Ибн Саббах стал для своих адептов кем-то вроде пророка, – продолжала рассказ Кристина, – посланцем Бога на земле, и они верили, что могут попасть в рай, только погибнув по его личному приказу, но в 1124 году он умирает...

– Такое иногда случается с посланцами Бога, – хмыкнул Штильхарт, – и они исчезли?

Кристина злобно посмотрела на молодого человека.

– Дослушай до конца, – сказала она. Штильхарт широко улыбнулся.

– Прости, я забыл, что ты не рассказываешь коротких историй, – сказал он.

Левонина решила не отвечать.

– После смерти Саббаха, – продолжила девушка, – остались его фанатичные последователи и разветвленная сеть крепостей, протянувшаяся по всему Ближнему Востоку. Этим не преминули воспользоваться вторгшиеся крестоносцы, и вот именно от них пошел слух об ассасинах как о тайных и коварных убийцах.

– А это было неправдой? – спросил Штильхарт.

– Как раз наоборот, – сказала Кристина, – королевства крестоносцев на Ближнем Востоке были раздроблены, слабы и подвергались одной атаке за другой. Основным врагом крестоносцев в то время стал всем известный Салах ад-Дин, и вот здесь интересы крестоносцев и ассасинов серьезно пересеклись. И они заключили союзный договор.

Штильхарт изобразил гримасу удивления.

– Наверное, странно было наблюдать такой союз в XI веке, – заметил он.

– Возможно, – кивнула Кристина, – но ассасинам все равно было, за кого воевать, они считали врагами и сарацинов, и крестоносцев, но сунниты-сарацины для них были ещё и вероотступниками, поэтому европейские бароны умело играли на противоречиях и щедро оплачивали услуги их наемных убийц, и многие арабские полководцы, ученые, правители пали от рук ассасинов. Однако их союз продолжался недолго. Крестоносцы стали грабить купцов-низаритов. Ассасины обратились к королю Иерусалима с требованием на-

казать обидчиков, но им ответили отказом в довольно грубой форме, и после этого ассасины стали отправлять своих убийц в оба лагеря, лавируя между суннитами и крестоносцами. К этому времени ассасины обрели неслыханное могущество, рассказы о них распространились далеко за пределы исламского мира. Но, как это обычно бывает, неслыханное могущество приводит к алчности и тщеславию. Их государство стали раздирать междоусобные войны, и они были завоёваны монголами, если не ошибаюсь, в конце XIII века.

– Впечатляющая лекция, – сказал Штильхарт, – только какое отношение она имеет к нашим дням?

Кристина пожала плечами.

– Признаться, тоже не понимаю, – сказала она, повернув голову к Фабиану, – такая древность.

– Все более чем современно, – подал голос Эмболо, – просто, вероятно, вы не знаете, что с ними произошло после.

Кристина покачала головой:

– Нет.

– Очень жаль, – улыбнулся Фабиан, – потому что как раз это и есть самое интересное. Некоторые идеи становятся так популярны, что начинают жить самостоятельно, а идея убийства как механизм политического давления вообще бессмертна.

– Значит, Штильхарт прав? – спросила Кристина. – У них действительно нашлись последователи?

– Нашлись, – сказал Фабиан, – только они уже не были

отягощены религией, наоборот, они считали себя свободными от предрассудков древности. Естественно, они появились не сразу, а через много столетий, когда ассасины превратились в легенду, страшную сказку, когда истории о них стали рассказывать как рыцарские романы, вот тогда, где-то в середине XVI, из всего массива увлекающихся выделилась группа интеллектуалов-прогрессистов, которые поняли, что достигнуть абсолютной власти можно только одним способом – поддержкой постоянного хаоса, а для этого систему управления миром нужно вводить в критическое состояние, из которого только один выход – война, война всех против всех.

– Теория управляемого хаоса, – сообщила Кристина, – я это ещё в университете учила.

– Возможно, – сказал Эмболо, – но это скорее научно-идеологическое закрепление того, что было ранее. Интеллектуалы объединились в организацию, их влияние росло. Великие державы раздирали противоречия, все хотели крови друг друга. Вот тут и пригодились забытые таланты ассасинов. Зачем использовать армии, если можно заказать убийство мешающего тебе политического деятеля или даже устроить целую революцию. И тебе сделают это, только за плату. Вот эта организация и играла на противоречиях, умело стравливая политиков лбами.

Кристина задумчиво пожевала губу. Она уже не первый раз слышала об этой организации. Фабиан, не сговариваясь

с Михал Потапычем, повторил ту же историю. Тайная организация, вершащая судьбы мира. Да нет, ну бред! Сказки! Или нет? Она ведь сама рассказала об ассасинах, они ведь существовали. Да, это было давно, но все же. Убийство как механизм давления да – это вполне могло быть. Это вполне могло быть их случаем. Это её пугало, ведь её утягивало в какую-то очень глубокую воронку мыслей, фантазий, риторики, хитрости и коварства, откуда очень сложно было вылезти. И Кристина знала название этой воронки – политика.

– А причём тут перчатка? – спросил Штильхарт. – Они что, тоже её использовали как оружие?

В его словах чувствовалась явная легкая ирония, но Фабиан окинул молодого человека довольно серьезным взглядом, из чего следовало, что шутить не стоит.

– В этой организации существовал отдельный отряд наемных убийц, которым и поручались разные деликатные миссии. Они были первоклассно образованы, умны и всегда с легкостью внедрялись в высшее общество. Они и носили эти перчатки, которыми пользовались подобно древним ассасинам.

Кристина вопросительно приподняла бровь.

– А верно ли то, что они были женщинами? – спросила она.

Фабиан хитро улыбнулся.

– Верно, – сказал он, – откуда вы знаете? Я тут вам рассказываю, а вам, оказывается, уже все известно.

– Не всё, – ответила Кристина сквозь кроткую улыбку, – и я не знаю, скорее собираю слухи. Но почему женщины?

– Женщины жестоки и беспощадны, – сказал Фабиан, – между прочим, в XVII один из европейских королей законодательно запретил женщинам служить в армии, из-за их чрезмерной жестокости, и потом, мужчина очень легко откроется женщине, его очень легко соблазнить, особенно если женщина красива, а охотницами становились только красивые и молодые девушки.

– Охотницами? – переспросил Штильхарт.

Фабиан кивнул.

– Так именовали этот отряд, – сказал он, – «Квинтет охотниц», правда, называют ещё одну причину. Эта организация имела в виде символа черную пику как доказательство их таинственности и скрытности.

Кристина усмехнулась.

– Пиковая дама, – сказала она, – демоническое существо женского пола. Могла бы сама догадаться.

Штильхарт недоверчиво посмотрел на Фабиана, его всегда смущали разговоры о тайных обществах, масонах, заговорах, магии и прочей, как он считал, ерунде. Нелишним будет сказать, что до того момента, как он познакомился с Кристиной, в его жизни вообще не происходило ничего странного и таинственного, и он вел пусть и слегка беспорядочную, но спокойную и размеренную жизнь, что его вполне устраивало.

– Ты это всё прочитал в этой книге? – скептически спросил Штильхарт.

– Нет, – сказал Фабиан, – я купил эту книгу на блошином рынке, у одного почтенного во всех отношениях старичка, он и рассказал мне эту историю.

Штильхарт хмыкнул.

– А ты уверен, что ему можно верить? – спросил он.

– Безусловно, – кивнул Эмболо, – он меня не обсчитал и угадал погоду на сегодняшний вечер. Так и сказал, что торговля будет неудачной, поскольку во второй половине дня начнется дождь.

Леванова с легким изумлением посмотрела в окно на серое дождливое небо.

– Вряд ли для него она неудачная, раз он продал книгу, – заметила девушка, – я вот думаю, если эта организация переняла методы ассасинов в убийствах, то она могла перенять и их методы психологического внушения.

Штильхарт бросил на неё скептический взгляд.

– Ты имеешь в виду наркотики? Кристина кивнула.

– Да, – сказала девушка, – ведь, по словам Ольги Касаткиной, тот препарат, которым пичкали девочку, обладает мощнейшим психотропным эффектом. А что, если его рецепт они тоже взяли из средневековой литературы?

Штильхарт только фыркнул.

– Да ну, скажешь тоже, – бросил он, – это просто зарабатывание денег на доверчивых покупателях, и потом, даже

если эта организация существовала в прошлом, не доказано, что она действует сейчас.

– Но мать Захаровой слышала название организации, – напомнила Кристина, – и татуировку в виде пики видела, и киллер молодая девушка, скажешь, что все это совпадение?

Штильхарт нахмурился, пытаясь придумать ответ. Ему явно не улыбалась мысль выслеживать членов тайной организации.

– Прибавь к этому убийство Чилуэллов, – продолжила Кристина, – там фигурирует та же клиника, и твой старик говорил о девице, которую видел в день преступления.

– Но ведь он не говорил, что видел, как она заходит в дом, – нашелся Штильхарт, – даже если принять его слова на веру, то он говорил, что девица просто крутилась вокруг дома.

Кристина мягко улыбнулась.

– Штильхарт, – сказала она, – через одну точку можно провести сколько угодно прямых, а через две и тем более через пять можно провести только одну прямую, это аксиома.

Флориан нахмурился. Ему никогда не нравилось, когда события развивались нелинейно. Штильхарту было бы лучше, чтобы все шло по прямой, по заранее определённой линии, но в сочетании с Кристиной Легоновой события никак не хотели выстраиваться в прямую, а начинали проделывать удивительные зигзаги.

– То есть ты считаешь, что Чилуэлл-младший не вино-

ват? – спросил он, скорее с утверждением в голосе, чем с вопросом.

Кристина пожала плечами.

– Я этого не сказала, – произнесла она, – но уж как-то очень вовремя Том убивает родителей, тебе не кажется? Смотри, адвокат ищет источники, работает с документами. Он ведь мог найти что-то такое, что для Тополевича было гораздо хуже, чем препарат.

– Не скажи, – задумчиво произнес Штильхарт, – у нас за это серьезная ответственность.

Кристина задумалась.

– Ответственность можно пережить, – сказала она, – в конце концов, торговля поддельными витаминами это только штраф, ну и, возможно, высылка из страны, а вот если станет известно, что в клинике происходит разработка психотропного оружия и его испытывают на людях, вот тут можно серьезно попасть, тут штрафом не отделаешься.

– Лаборатория, замаскированная под клинику, – произнес Штильхарт, – не слишком ли круто?

Леванова мотнула головой.

– Смотри, Чилуэлл ведет расследование смерти жены своего клиента, его убивают, потом случай с Мартой Васкес, её брат пытается разобраться в причине болезни сестры, его тоже убивают, наконец депутат Левицкий, который помогал в расследовании, тоже убит.

– Извините, что прерываю, – сказал Эмболо, – но есть од-

но обстоятельство, я как узнал, что Штильхарт интересуется информацией о клинике, решил проверить информацию о гибели Васкеса.

– И? – спросила Кристина.

Фабиан замялся.

– Ну ничего необычного, – сказал он, – но есть один момент, который, может, и не имеет отношения к делу, но всё же...

– Ну не томи! – воскликнула Кристина.

– Я пообщался с ребятами из дорожной полиции, – сказал Фабиан, – так вот, они мне показали протоколы допроса свидетелей, и те указывают, что Васкес стоял на автобусной остановке и словно бы ждал, но не автобуса.

– Почему не автобуса? – спросила Кристина.

– А потому что стоял он как-то в стороне от остальных пассажиров и даже пропустил два автобуса.

– И откуда это известно? – нахмурил брови Штильхарт. – Тоже свидетели сказали?

– Не совсем, – сказал Фабиан, – я посмотрел камеры, которые стояли на остановке. Так вот за минуту до гибели Васкес выходит из тени остановки и подходит к краю тротуара, а буквально через несколько секунд его сбивает подъехавший трамвай.

– Ну и что? – не понял Штильхарт.

– А то, что сразу после того, как Васкеса сбивает трамвай, из общей толпы зевак отделилась женская фигура, судя по

силуэту – молодая девушка, и перешла на остановку противоположного маршрута.

Кристина посмотрела на эксперта удивленным взглядом.

– Подожди, – уточнила она, – так банкир, который нанимал Чилуэлла, тоже ведь попал под трамвай, разве нет?

– Бинго! – воскликнул Фабиан. – Меня тоже поразило это обстоятельство, поэтому я связался с трг и попросил у них записи с камер за то время.

– Ну говори, говори, – попросила Кристина.

– Это было в пять часов вечера, – сказал Фабиан, – час пик, сами понимаете, поэтому толкали банкира или нет, сказать сложно, по крайней мере с ракурса камеры, закрепленной на остановке, но вот с камеры противоположной остановки видно, что после резкого торможения трамвая пути переходит женская фигура и сразу садится в вагон, следующий в другую сторону, трамваи же приезжают одновременно, как вы знаете.

– А вот это уже интересно, – сказала Кристина, – но девушку, естественно, никто не запомнил.

– Естественно, – кивнул Фабиан, – там было столько народу, я бы даже внимания не обратил, если бы не происшествие с Васкесом.

– Кто-то так и не обратил, – сказала Кристина, – час пик, люди торопятся, конечно, списали на несчастный случай.

– Это все чрезвычайно любопытно, – заговорил Штильхарт, – но, как говорят в одном боевике про великорусскую

мафию, «какие ваши доказательства?». Ты что, заявишься к Тополевичу и грозно обвинишь его в производстве биологического оружия? Он, конечно, трусоват, но тебя я не хочу вытаскивать с трамвайных путей.

– Спасибо, – улыбнулась Кристина, – но я не так наивна, просто у меня возник план.

Штильхарт вздохнул.

– Я должен был догадаться, – обреченно сказал он, – какую еще мерзкую ситуацию ты мне приготовила? Ты знаешь, Фабиан, у неё есть собственная система раннего оповещения, бойкий взгляд, улыбка...

Штильхарт осекся и расширенными глазами посмотрел на Кристину.

– Ты же не думаешь... – начал он. Кристина широко улыбнулась.

– Именно, – сказала она, – я тебе никогда не говорила, что паразитально похожа на Флоренс Найтингейл.

Штильхарт только закрыл лицо рукой.

* * *

Небо медленно чернело и сквозь неплотно закрытые шторы наваливалась темнота, возвещая о конце очередного дня, точнее время определить было невозможно из-за серого бессолнечного неба, когда всё одно – что двенадцать дня, что двенадцать ночи. Ксения смотрела сквозь крупные дожде-

вые капли на бушующее море. Вихрь мчавшихся в голове мыслей вполне был в духе шторма, сотрясавшего видневшийся вдалеке мол. Эти мысли не получалось выкинуть или засунуть куда-то в глубину сознания. Двое её подчиненных замерли, словно каменные изваяния, и внимательно смотрели на девушку, как будто чего-то ожидая.

– От Кристины вестей нет? – не оборачиваясь спросила Авалова.

Глупый вопрос, одернула она себя, глупый и непрофессиональный. Разве информация может появиться так быстро, ерунда! Несмотря на спешный отъезд её аналитика, количество присутствующих в кабинете не изменилось, а даже прибавилось на одного. Теперь место Леоновой занимала круглолицая Наталья Покровская в поблескивающем золотыми пуговицами темно-синем мундире. Рядом с Покровской сидел тот парень-околочный, который был на месте убийства Левицкого.

Ксения вздохнула. Уже три дня прошло с момента их приезда сюда и все эти три дня они все время работали с версиями, но каждая из версий рассыпалась и превращалась в погоню за теньями, которые как предрассветный дым, как кусок льда растворялись под светом фактов. Она знала, что разгадка где-то близко, знала, что всё, что происходит и будет происходить, крутится в одной точке, но нащупать эту точку она не могла.

Это расследование с каждым днем превращалось для неё в наваждение. Она раскрыла множество дел, решила множество головоломок, но ни одно из них не было похоже на то, с чем они столкнулись теперь. Как со слоеного пирога снимаешь слой теста и видишь новый, так и они, снимая слой вранья и уверток, натыкались на новый ещё более крепкий, еще более липкий, который утягивал, как трясина. Все дело было в том, что ей противостоял чей-то абсолютно гениальный, но безжалостный ум.

Тополевич? Нет, он всего лишь пешка. Верховский? Возможно, она не могла его прочувствовать до конца в их встрече, а люди, которые умело маскируют свои мысли и желания, всегда опасны. Но маскировал ли он их? Возможно, что и нет.

Должен быть кто-то еще. Тот, кто манипулирует Тополевичем, Верховским и другими. Играет на их чувствах и желаниях. Отрицательная точка.

Авалова посмотрела на фотографию. Три подружки. Счастливые и веселые. Кирсанова, возможно, она узнала эту отрицательную точку, возможно, за это её убили.

– Я должна знать что-то важное? – спросила девушка. Рауш криво усмехнулся.

– Я даже не знаю, обрадую вас или нет, – сказал он, – пришли результаты вскрытия тела Кирсановой. В легких и печени нашли следы опиата, то есть девушку одурманили, возможно, несколько раз, но не это главное.

– А главное то, – сказал Мациевский, – что следы такого же опиата нашли в легких Марты Васкес, а значит, греларозол содержит опиум, теперь мы это точно знаем.

– Ну и что, – пожала плечами Покровская, – многие лекарства содержат опиум.

Рауш покачал головой.

– Но не такой, – сказал он, – по данным экспертизы, этот вид опиума совершенно не известен науке, нет данных о том, что его кто-либо культивировал или изготавливал, но его химические свойства говорят о том, что этот наркотик полностью подчиняет сознание человека, при этом убивая нервы головного мозга, которые отвечают за страх, осторожность. Человек под действием этого вещества полностью лишается чувства опасности.

Ксения усмехнулась.

– Лекарство против страха, где-то это уже было.

– Хотите верьте, хотите нет, – сказал Рауш, – я навел справки и узнал, что похожий препарат разрабатывался в середине 80-х неким Георгием Владимировичем Вяземским, крупным ученым, академиком, были кое-какие успехи, но когда в стране начались перемены, финансирование свернули и работы приостановили. Конкретной информации нет, потому как исследования велись под руководством КГБ, сами понимаете, но есть одно любопытное обстоятельство, Вяземский до прошлого года был заведующим кафедрой органической химии Понтийского национального университета,

где и учился господин Верховский, а профессор Вяземский был его научным руководителем.

– Скажите, пожалуйста, – улыбнулась Ксения, – вот это уже интересно. Уж не тот ли это Вяземский, который консультировал Левицкого?

Наташа нахмурила брови.

– Если это он, – предположила девушка, – то Верховский мог знать о расследовании Левицкого. Кроме того, своими разработками с учениками академики любят делиться, ведь в них они видят продолжение своей работы.

– Думаешь, что Верховский мог закончить этот препарат? – спросил Мациевский.

Ксения пожала плечами.

– Самолично вряд ли, – ответила она вместо Покровской, – но вот если ему кто-то помог, кто-то, кто ещё знал о разработках Вяземского.

– Адашев, – догадался Мациевский, – если он курировал проект, ну или иначе был с ним связан, он вполне мог быть заинтересован в разработке, только уже для своих личных целей. Тем более что Верховский, как честолюбивый ученый, скорее всего был заинтересован идеей продолжения дела своего учителя.

– А вот это мы у него и спросим, – сказала Ксения, – а где сейчас этот Вяземский?

– На пенсии, – ответил Рауш, – и оказался он там по весьма странным обстоятельствам.

– Говори, – кивнула Ксения.

– Я решил поговорить с его коллегами по факультету, – сказал Рауш. – Я представился очеркистом, сказал, что собираю информацию о выдающихся ученых Республики. Так вот, два года назад в одном из научных журналов вышла статья Вяземского о негативном влиянии препарата греларозол на головную структуру мозга. Вяземский утверждал, что препарат тестируют на людях, на добровольцах, и в начале эффект был потрясающий, но потом у испытуемых развились хронические заболевания, как пишет Вяземский, создавалось впечатление, что они принимали очень сильный наркотик, и в течение двухлетнего тестирования препарата все люди, которые его принимали, умерли.

Ксения пожевала губу.

– Если Верховский занимался разработкой препарата, он не мог не знать о его негативных свойствах, – заметила девушка.

– Вот именно, – кивнул Рауш, – побочные эффекты препарата были намерено скрыты. Но информация тогда широкой огласки не получила, поскольку статья в номер не пошла, а через месяц Вяземского отправили на пенсию.

Ксения небрежно кивнула. Она отстраненно слушала про препарат, не вдаваясь в детали. Сейчас её волновало нечто другое. Какое отношение к этому имеет убитая Катя Кирсанова? Если её отравили греларозолом, может ли она тоже быть связана с этим препаратом? Таких совпадений ведь не

бывает, но каким образом?

Авалова еще раз бросила взгляд на фотографию. Кирсанова была красавицей, и у неё бесспорно кто-то был, кто-то, кто показывал ей другую, взрослую жизнь, где она снимала неуклюжую форму и надевала платья, каблуки, пользовалась духами, слишком изысканными для молоденькой школьницы.

Неужели Верховский? Он явно знал её, хотя и старался скрыть их знакомство. Возможно, если у них была связь, Кирсанова могла узнать что-то о препарате, и это стоило ей жизни. Эту версию можно принять, но с большой натяжкой. Серьезные разговоры при молоденьких школьницах не обсуждают, а искать информацию самой...

– Слушайте, если Кирсанову действительно убили в квартире, принадлежащей корпорации Верховского, если она что-то узнала о препарате? – словно бы прочитав мысли Аваловой, произнес Макс. – Возможно, кто-то использовал её для того, чтобы выяснить информацию о препарате. Не знаю, может быть, она даже вступила в связь с Верховским, чтобы достать сведения.

– А зачем тогда похищать и убивать её подруг? – спросила Ксения. – Они не могли иметь отношения к препарату.

Рауш пожал плечами.

– Возможно, как отвлекающий маневр, – предположил он. – Послушайте, кто ещё, как не Верховский, может обставить дело так, чтобы мы стали искать связь в школьных де-

лах, а мы на это угробили три дня. И если бы не результаты экспертизы...

Ксения покачала головой.

– Ну, во-первых, мы связали дела не из-за экспертизы, а из-за техники удара, – напомнила девушка, – экспертиза только дополнила картину, а то, что Верховский разрабатывал препарат, это пока только предположение.

– Весьма перспективное, на мой взгляд, – сообщил Рауш.

– Но абсолютно ничем не доказанное, – парировала Ксения. – То, что он учился у этого Вяземского, ещё ничего не означает. Для простого совпадения многовато, согласна, давайте не будем спешить с выводами.

– Но с Вяземским следует поговорить, – настаивал Рауш, – хотя бы занеже он консультировал Левицкого.

– Следует, – кивнула Ксения, – никто с этим не спорит, но этим займется Наталья, – Покровская широко улыбнулась. – Она официально ведет это дело, вот пусть и продолжает разбираться с этой химией. Нам же надо узнать, с кем у Кирсановой был роман. Это сейчас наша основная задача.

Они не имели права на ошибку, произнесла мысленно Ксения, любая их ошибка может привести к очередной катастрофе. Что же, такова жизнь, или ты делаешь верный шаг и побеждаешь, или неверный и становишься объектом для всеобщей ненависти. Здесь не может быть полутонов, по крайней мере она их не признавала. Только черное или белое, и все.

Весьма вероятно, что именно это отрицание полутонов и роднило её с Верховским, он тоже не признавал полутонов, Авалова хорошо поняла это из их разговора, но насколько реальным было это отрицание? Когда Верховский снимал маску и являл миру свое истинное лицо? И каким было это лицо? Ей было очень интересно это узнать.

Наше восприятие определяет реальность, в которой мы находимся, но чтобы увидеть эту реальность, необходимы факты и отправная точка, наше положение в пространстве, откуда субъект проводит оценку и делает вывод.

В их деле все эти составляющие отсутствовали. Хотя нет, наоборот, их было слишком много, и Ксения должна была из всего массива выделить одну точку, откуда пойдут лучи логических связей.

Эта точка не здесь. Она там, в прошлом. Последние события исказили её картину мира, убыстрили темп и заставили жить здесь и сейчас. Искать нужно то, что случилось раньше. Причину. Главный вопрос следствия: зачем. Её никогда не интересовало кто. Кто, неважно, важно, зачем.

Она найдет эту точку. Не для себя. Во имя памяти этой девочки.

* * *

Работа в голову не лезла никоим образом, и это было понятно, учитывая последние события. Может, действительно

обратиться в милицию? Хватит с нее стрессов. Но что она расскажет милиции? Вывалит всю ту грязь, что произошла в Женеве? Её это убьет. Анастасия знала это. Пока держишь всё в себе, как-то не так страшно, а вот если начать говорить...

Раньше работа помогала ей отвлечься. В дни душевных терзаний она могла нырнуть в неё с головой, и наступало приятное забытие. Работа была для нее как наркотик. Но сейчас даже работа не спасала. Все ее мысли были перепутаны и ничто не могло позволить ей собрать их в единую линию. Но хуже разболтанности в мыслях стал страх. Это было совершенно новое в её сознании. Этот страх накатывал волнами, резко, быстро и внезапно и поглощал её с головой и так же быстро и внезапно отступал. У этого страха не было никакой конкретной причины, просто чувство постоянной тревоги, которое до дрожи в коленях давило на неё, словно гигантский камень. В такие секунды она даже дышать не могла. Анастасия чувствовала, что как будто тает, развеивается как дым. Ей казалось, что ещё немного, и она просто исчезнет, превратившись в бесплотный дух, и что никто, даже самые близкие к ней люди, не заметят её отсутствия, как будто её здесь никогда и не было.

А в самом деле, для чего она живет? Что она сделала полезного? Не является ли её жизнь всего лишь ошибкой, заданной программой? Возможно, ей и не стоит жить? Что изменится от того, если она жить не будет или будет? Ниче-

го! Она знала ответ! Ничего не изменится, если она умрет! Это будет всего лишь одна смерть, из тысяч, которые происходят в эту минуту. Не лучше ли будет закончить это брэнное психопатическое существование и отправиться в другой мир, наводнённый красотой, гармонией и свободой? Иногда она признавалась самой себе, что очень близка к этому.

Размышляя об этом, Анастасия смотрела на Шурочку, буквально пожирая её глазами. Подруга, не обращая на нее никакого внимания, давала указания персоналу, надо сказать, к большой радости оных. Сотрудники пансионата, несмотря на то, что Шурочка не имела никаких полномочий, с удовольствием подчинялись ей, отмечая, что работа под руководством Александры гораздо эффективнее и продуктивнее, чем с их романтической и временами странной хозяйкой. Анастасия и сама это понимала. Понимала и причину этого. Шурочке всегда было наплевать на чужое мнение. Она любила и была любима. А как писал Драйзер, «людей, которые глубоко и серьёзно любят друг друга, мало занимает мнение посторонних. Они любят – и этого довольно!». Она тоже когда-то любила.

Раздался мелодичный звонок, обозначающий, что кто-то вошел в помещение ресторана. Анастасия повернула голову и увидела изящную фигуру Эльмиры. Девушка снова почувствовала легкий укол ревности, в сотый раз, отметив манеру Эльмиры держаться.

– Привет, – сказала Эльмира, расцеловав подругу, – у вас

тут с парковкой гораздо лучше, чем вчера на твоей улице.

– А что случилось? – легким, но деловым тоном осведомилась Шурочка, хотя и догадывалась, что имела в виду Эльмиру.

– Да со мной вчера произошла довольно глупая ситуация, – сообщила Сабурова, усаживаясь на стул, – заехала в булочную, а там полиция учения, что ли, устроила, короче, они перегородили пол-улицы машинами так, что не проехать. Припарковалась только через два переулка. Вышла из машины посмотреть, что там происходит, и представь себе, вижу у дома Анастасии с десяток милицейских машин и кучу постовых. Уж не знаю, задерживали они, что ли, кого?

– Если бы задерживали, – грустно усмехнулась Анастасия, – убийство у нас произошло, причем непосредственно в моем подвале.

– Да ты что?! – ошарашенно спросила Эльмира. – А ты это точно знаешь?

– Да уж куда точнее, – сказала Анастасия, – я же была непосредственно там. Приехала ремонт посмотреть. Подхожу к подъезду и вижу ту же картину, что и ты. Только потом увидела гораздо больше.

– Как это? – спросила Эльмира.

– Ну, я расспросила милицию, они и сказали, что, мол, в подвале труп, и знаешь чей?

– Чей? – испуганно спросила Сабурова.

– Урусовой Анастасии, – торжественно сообщила девуш-

ка в ответ.

– Чего? – спросила Эльмира. – Как такое вообще возможно?

Действительно, подумала Анастасия, поверить в такое сложно.

– Вот и я не поверила, – поведала она в такт своим мыслям, – сказала милиции, что я хозяйка подвала, они меня, как положено, внутрь и отвели. Захожу в подвал и вижу: на полу лежит труп девушки в моей одежде с такой же, как у меня, прической, даже ногти были так же накрашены.

– Но могут же люди быть просто похожи? – почти с надеждой спросила Эльмира.

– Могут, – сказала Анастасия, – я тоже сначала так подумала, но потом милиционеры мне показали её паспорт, и это был мой паспорт. Вернее, второй мой. Один мой лежал в сумке, ясное дело, а вот другой, который я, правда, не оформляла, но, будь уверена, во всех деталях идентичный моему, лежал рядом с трупом.

Некоторое время Эльмира сидела молча, обдумывая слова Анастасии, тишина нарушалась только стуком Шурочкиных каблучков по паркету.

– Да, неприятная история, – наконец заметила Эльмира.

– Если бы этой историей всё и закончилось, – вступила Шурочка, присаживаясь рядом с девушками, – сегодня утром ровно то же самое произошло в моей квартире. Тоже труп и тоже подброшенные документы.

– Какой кошмар, – прошептала Эльмира, – а кто эти убитые девушки?

– Те, что пропали, – сказала Шурочка, – слышала, наверное, по телевизору передавали.

Эльмира коротко кивнула.

– Ну вот, – продолжала Шурочка, – и теперь следователь роет под Верховского, потому что кто-то угнал его машину и вроде бы похожую видели на месте одного из убийств.

Эльмира задумчиво посмотрела на подруг.

– Слушайте, а я ведь тоже видела его машину, – сказала она.

Шурочка фыркнула.

– И ты туда же! – воскликнула она.

– Нет, точно, – сказала Эльмира, – я ещё подумала, что он к Анастасии приехал, даже фарами ему подмигнула, а он на огромной скорости мимо меня промчался.

– Да не он это был, – подала голос Анастасия, – водитель его, он машину взял, Верховский же сейчас на мотоциклах больше.

– А что водитель говорит? – спросила Эльмира.

– Да ничего, – махнула рукой Шурочка, – убили его и машину бросили. Следователь сказала, что, вероятно, он знал убийцу.

– Господи, какой ужас! – Эльмира прижала ладонь к красивым губам. – Да это каким надо быть зверем, чтобы такое творить?

– Вопрос не в этом, – сказала Шурочка, – вопрос в том, как найти этого зверя. Я чувствую, что он где-то рядом с Анастасией. Но где?

Урусова потерла изможденное лицо руками.

– О, господи, девочки, как же всё это страшно, – сказала она, – не знаешь, куда податься, в любую минуту может прийти опасность, от которой нет спасения. Страх ударяет по моим самым слабым местам, лишает меня доверия к тем, кого я люблю. Это ужасно, ужасно, – девушка резко подняла голову, – Господи! – воскликнула она. – Что я о себе да о себе. Ты-то как? Я слышала, что...

– Да всё обошлось, – флегматично ответила Эльмира, – Марта в порядке. Только вот Отец Павел, никогда себе этого не прощу, я виновата перед ним, так и не рассказала правду.

– Что намерена делать? – спросила Шурочка. – Продолжишь расследование?

– Обязательно, – сказала Эльмира, – теперь я не имею права отступить. Я слишком далеко зашла и слишком многое узнала об Арсенюке и о Тополевиче. Остановлюсь или не остановлюсь, они всё равно будут преследовать. У них аврал. Избирательная кампания срывается из-за какой-то Эльмиры Сабуровой. Нет, они не оставят нас с Мартой в покое.

– Почему ты так уверена? – спросила Анастасия. – Они же не дураки. Зачем им ненужные трупы?

Эльмира звонко и нервно рассмеялась.

– Странная ты иногда, ей-богу, – сказала она, – наши тру-

пы это то, что Тополевич хочет видеть в качестве подарка ко дню выборов. Если даже он посылает на такое простое убийство киллера экстра-класса.

Шурочка, наострив уши, пододвинулась ближе.

– Откуда ты знаешь, какой там был киллер? – небрежно бросила девушка.

Эльмира ожгла Шурочку взглядом. Ей вдруг не понравилась манера разговора подруги. Она была язвительной и надменной, как будто девушка выпытывала что-то. Эльмира, правда, тут же прогнала эту мысль, сочтя её за несостоятельную.

– Да мне следователь рассказала, – всё-таки объяснила Эльмира, – что, возможно, тот, кто убил этих девочек, и киллер Тополевича это одно лицо.

– Прям так и сказала? – недоверчиво спросила Шурочка.

– Да нет, конечно, – улыбнулась Эльмира, – она сказала, что убийство Марты хотели представить как убийство, совершенное маньяком, но мне было понятно, к чему она клонит.

– А следователя зовут случайно не Ксения Авалова? – спросила Шурочка.

Эльмира с интересом посмотрела на Александру.

– Да, а ты с ней что, знакома? – спросила она. Шурочка кисло усмехнулась.

– Неприятно говорить о таких знакомствах, – тихо сказала девушка. Она была на месте преступления в Настёнином

подвале и в моей квартире тоже. Я уж к вечеру не буду пересказывать все подробности. Всё это было весьма мерзко. Но ужас был в том, что всё выглядело так, что это будто бы я впустила жертву и убила её, перед этим одев в свое белье и свой же халат.

Эльмира покачала головой.

– Нет, с этим надо что-то решать! – сказала она, внимательно посмотрев на Анастасию. – Ты же не сможешь так жить?

– Я знаю, – сказала Анастасия, – но что мне делать?

Эльмира не успела ответить, так как снова раздался звонок. Анастасия встала, чтобы увидеть вошедшего. Им оказался начальник «Лагидж сервиса» – низенький мужчина лет 40–45.

– Анастасия Николаевна, – обратился он, – очень сильно извиняюсь, но не могли бы вы отодвинуть свою машину? К нам не может подъехать грузовик.

Шурочка похлопала Анастасию по плечу.

– Давай ключи, я отгоню.

Анастасия усмехнулась. Ну что ж, одной проблемой меньше.

* * *

Шурочка вышла из офиса и напрямик направилась к машине Анастасии, поигрывая в воздухе ключами. Сколько

всего выпало на неё за эту неделю. Когда всё закончится, надо обязательно улететь куда-нибудь на Гоа или ещё куда-нибудь в тот район. Она обошла машину вокруг, чтобы еще раз убедиться, что все нормально, выключила сигнализацию и села за руль.

– Ну что, девочка, не скучала? – подмигнула она, оглядев салон.

Настроила под себя сиденье и зеркала, проверила, в каком положении рычаг коробки передач. Вставила ключ в замок зажигания. Включила стартер. Мотор завелся с пол-оборота.

Он проработал только несколько секунд. Не больше пяти.

А затем прогремел взрыв...

Заряд пластида был закреплен на днище прямо под водителским местом и не оставлял никаких шансов выжить тому, кто окажется за рулем.

КОНЕЦ ШЕСТОЙ ГЛАВЫ

Глава VII. Клиника пропавших невест

*Прежде чем туда идти, нужно запастись
хорошей веткой, чтобы отмахиваться от слонов.
Л. Кэрролл*

Кристина сидела в гостиной загородного дома, куда её привез Штильхарт в кожаном кресле и вдыхая аромат налитого в бокал белого вина, чертила некий узор на листе бумаги. Хозяина дома не было, он, по собственному выражению, решил провести мирную разведку. Ну и пусть, ей надо было побыть в тишине. Её сознание сейчас усердно работало, выстраивая и рассортировывая факты, полученные от Фабиана. Факты всегда важнее всего. Она знала это.

То, что рассказал эксперт, окончательно заставило её посмотреть на забытое убийство Чилуэллов, на которое, к своему стыду, она не обратила вначале достаточного внимания, несколько под другим углом. Теперь она практически была уверена, что Том Чилуэлл не совершал этого убийства, она пока не могла сообразить, каким образом молодого человека подставили, но её интуиция упрямо твердила ей, что в этом деле было не все так однозначно, как утверждал Штильхарт, а Легонова привыкла верить своей интуиции. Более того, она была уверена, что это убийство имеет прямую связь со

всем, что происходит сейчас, и что эти события имеют единую природу. Всё так или иначе связано с медицинским препаратом. Хотя она не всегда соглашалась с эскападой Ксении, что в жизни не бывает случайностей, в данном конкретном случае она понимала, что не может быть случайностью то обстоятельство, что Джеймс Чилуэлл и Андрей Левицкий исследовали один и тот же препарат с разницей в десять лет. Левицкий жил в Швейцарии как раз во время той истории. Мог ли он тогда что-то знать об этом деле? Если знал, тогда понятно, откуда у него могла быть информация о препарате. Что, если пропавшие документы Чилуэлла попали к нему в руки? Возможно, именно из-за них его убили? Основная проблема была в том, что она понятия не имела, что Чилуэлл успел насобирать и насколько это было опасно для Тополевича. Вот почему она решила нанести беглому олигарху визит вежливости. Может, находясь внутри, она смогла бы что-то понять, а ещё ей было интересно, зачем в клинику Тополевича должна была приехать убитая Екатерина Кирсанова. Если она поймет, как Кирсанова и её убитые подруги связаны с убийством десятилетней давности, тогда она примерно может понять, кто убийца.

– Планируешь? – спросил её возвратившийся Штильхарт, заглядывая девушке за плечо.

– Рассчитываю, – коротко ответила Кристина.

– Для музея «МАМСО» или, быть может, это рейтинг твоей популярности? – предположил Штильхарт. Слишком

много кривых, даже для тебя.

Кристина иронично ухмыльнулась.

– Это говорит мне человек, который бросил городской прогресс и уехал в сельскую глушь. Не замечала за тобой тяги к деревенской жизни.

– Год назад у меня умер дядя, объяснил Штильхарт, – и оставил мне этот дом в наследство.

Левонина грустно вздохнула:

– Какая жалость.

– Вовсе нет, – сказал Штильхарт, – я его никогда не знал.

– Нет, я имела в виду то, что дом попал в нехозяйственные и холодные руки полицейского, а кем был твой дядя?

– Он был пекарем, – ответил Штильхарт. – Обязательная традиция нашей семьи – после службы есть присланный им пирог на Рождество. Я очень не хотел принимать наследство, но матушка вызвала меня на семейный совет и там мне объявили, что если я не выполню волю покойного, то буду бессердечным чудовищем и меня предадут вечной анафеме.

Левонина весьма скептически посмотрела на друга.

– Знаешь, они были не далеки от истины, – заметила она. – Удалось что-нибудь разузнать о клинике?

– Я замечательно поел в небольшом ресторанчике, недалеко от канатной дороги, которая ведет в клинику. Там делают прекрасный эскалоп с сыром и картофельным гратаном, а еще там есть бармен, который часто обслуживает охранников клиники, когда они туда заходят после смены.

– И что же он тебе поведал? – спросила Кристина. Штильхарт многозначительно хмыкнул.

– Обычно ты же занимаешься сбором информации, – сказал он, – но я решил, что моя скромная помощь тебе может пригодиться, если ты действительно хочешь сыграть роль Маты Хари.

– Безумно, – сказала Кристина, – всегда об этом мечтала, так что там?

– Ты только помни, что Мату Хари расстреляли, – выпалил Штильхарт, – ну что тебе сказать. Разузнать удалось немного, но тем не менее. Значит, во-первых, клиника очень хорошо охраняется – датчики движения, бойцовые собаки. Внутренние помещения оборудованы камерами. В общем, у нас даже военные части так не охраняются.

– Что ещё? – спросила Кристина. Штильхарт насупился.

– Ну что, – сказал он, – руководят процессом там двое: доктор Девье и доктор Перрен. Прием клиентов поставлен, судя по всему, на поток. Кстати, все клиенты, точнее, пациенты, – женщины, а если ещё точнее – молодые девушки. Мужчины только в прислуге и охране.

– Интересно, – сказала Кристина, – знать бы, что они делают с этими пациентками.

– Как что? – усмехнулся Штильхарт. – Лечат от депрессии, несчастной любви и прочих женских проблем.

– Ну это сначала, – кивнула Кристина, – а что они делают с ними потом? После лечения?

– Ты знаешь, – сказал Штильхарт, – Фабиан поднял их регистрационные документы. У них двадцать семь сотрудников и десять из них юристы. Организация вполне серьёзная и зарегистрирована где надо. Всё честь по чести. Так что для притона или какой-то секты маловероятно.

– Маловероятно, – согласилась Кристина, – Тополевич не будет так рисковать. Но всё же эта клиника заслуживает внимания. Не думаю, что пациенток там держат просто так.

Штильхарт фыркнул.

– Естественно, не просто так, – сказал он, – а за большие деньги!

– Вот, – Кристина предупреждающе подняла палец, – то-то и оно, что у убитых девочек не было больших денег. Зачем их сюда везти? Да еще через три границы. Ведь кого обычно возят таким образом?

– Проституция, – принялся загибать пальцы Штильхарт, – торговля детьми, подпольные операции по пересадке органов.

– Подпольные операции, – повторила Кристина, – это могло быть интересно, но я рассуждаю дальше. Чем ещё медицинская клиника может заниматься под видом лечения?

Штильхарт щелкнул пальцами в воздухе.

– Тестированием препарата! – воскликнул он. – Подожди, но на это нужны серьёзнейшие документы, Тополевичу такие никто не выдаст, а если еще будут и смерти... слушай, я бы предпочел что-нибудь поспокойнее.

– Поэтому ты не беглый олигарх, – усмехнулась Леонова, – но не переживай, у тебя все впереди. Девушек сюда заманивают и запирают в клинике. Вполне возможно, что обнаруживают у них несуществующие болезни... это старо как мир.

– То-то и оно, – перебил девушку Штильхарт, – что старо и подопытный материал для таких дел можно найти у любого вокзала, даже хвататься никто не будет, одним больше, одним меньше, но нет, Тополевичу специально нужно привозить молодых девушек.

Кристина задумчиво закусил губу.

– А что, если всё-таки секс-услуги, – предположила она, – девочек привозят, обкалывают этой дрянью и...

Штильхарт пожал плечами.

– А смысл? – спросил он. – Мы же не в Саудовской Аравии, у нас с этим проблем нет. Зачем тебе неприятности, если любую девочку можно снять вполне законно. Здесь на это никто не пойдет.

Кристина вздохнула. Опять тупик, куда ни ткнешься, всюду глухая стена. Она явно что-то упускает.

– Поэтому, как ни прискорбно с тобой соглашаться, – сказал Штильхарт, – но действительно, пока не попадем внутрь, мы ничего не узнаем, будем как слепые котята.

Леонова криво усмехнулась.

– Значит, ты со мной? – спросила она.

– А у меня есть выбор? – поинтересовался Штильхарт. –

О знакомстве с тобой надо было жалеть шесть лет назад, а сейчас уже поздно, поэтому я надеюсь, что у тебя есть план.

Раздался звонок в дверь.

– Есть, – сказала Кристина. Штильхарт тихо вздохнул.

– Я еще об этом пожалею, – пробормотал он.

* * *

Пожалеть пришлось очень быстро, как только Штильхарт увидел в дверном проеме Фабиана, обвешенного пакетами из брендовых магазинов одежды, а также чемоданчиком, в котором эксперт держал грим. Поставив свой скарб на пол, Фабиан пристально посмотрел на Кристину, словно бы он снимал с неё мерку для платья.

– Даже не знаю, что с вами делать, мадмуазель, – вздохнул эксперт, – я всё-таки криминалист, а не дизайнер модного журнала.

– А я была уверена, что в тебе спит врожденный модельер, – усмехнулась Леонова.

– Я же не сказал нет, – запротестовал Фабиан, – просто один Бог знает, сколько я потрачу на вас времени, чтобы вы превратились в ту, что может заинтересовать владельцев клиники.

Эксперт усадил девушку на кресло перед широким комодом, над которым висело зеркало. Ничего более подходящего у Штильхарта не нашлось.

– Вам повезло, что моя сестра работает в швейцарском подразделении «WF», – сказал Фабиан, роясь в одном из пакетов, – у них полно образцов всякого такого, чем можно поражать внимание высокопоставленных негодяев. Например, вот такое...

Кристина придирчиво осмотрела обтягивающие кожаные лосины и высокие кожаные сапоги на высоком каблуке.

– «Шанель»? – спросила девушка.

– Нет, «Кензо», – сказал Фабиан, вытаскивая перфорированный жакет, – берите, что даю, вам понравится. Сюда отлично подойдет сумка от Марка Джейкобса и духи от Диор.

– Я всё-таки была права, – улыбнулась Кристина, – мне удалось разбудить модельера.

– Надеюсь, вы не разочаруетесь, когда вам удастся разбудить во мне стилиста, – бросил Фабиан, вешая на крючок два вечерних платья от Дольче, – надеюсь вы понимаете, что девушка в вашем возрасте должна иметь красное и синее платья. Эти цвета никогда не выходят из моды.

Кристина закатила глаза.

– Для эксперта это слишком глубокие познания, – заметила она.

– Просто во мне развито женское начало, – сказал Фабиан широко улыбнувшись, – и я его сразу включаю, когда обследую женские трупы. Знаете, иногда одежда и аксессуары могут сказать о человеке гораздо больше, чем он сам о себе. Одежда – это пропуск в будущее. Очки от Шанель вам по-

дойдут и дополняют образ. Пора превращаться в стилиста.

– Только не надо слишком эксцентрично, – сказала Кристина, – у меня всё-таки внешность есть, слава богу.

Возился с ней Фабиан долго. Как про себя отметил Штильхарт, накладка грима, наверное, весьма трудное дело. Только минут через пятьдесят в гостиной раздались шаги и Штильхарт увидел Кристину, надо сказать, что обновление сделало её ещё красивее, чем она была. Длинные светлые волосы теперь были аккуратно завиты тонкими локонами и спадали на изящное, сидящее точно по фигуре красное платье, на которое была наброшена легкая чёрно-бурая шубка-пончо. Руки были закрыты тонкими перчатками из экокожи с перфорированными вставками. Коричневатые очки кокетливо, словно маска, прикрывали глаза с аккуратной подводкой и завитыми ресницами.

– Ну, – манерно осведомилась она, – что скажешь?

Штильхарт утвердительно покачал головой и, подойдя к девушке, приобнял её.

– Ничего так, – сказал он, хитро улыбнувшись, – пожалуй, украду тебя на часик-другой, пока ты не превратилась из светской львицы в старую зайчиху.

Кристина широко улыбнулась, передразнивая молодого человека.

– Штильхарт, ты заставляешь слово кадрёж звучать по-новому, – бросила она.

– Нет-нет, я вполне серьезно, – запротестовал Штиль-

харт, – выглядишь ты дальше некуда.

– Именно так должна выглядеть богатая клиентка клиники, страдающая депрессией, – заявила Кристина, – по крайней мере так утверждает Фабиан.

– По улице Паки я бы в таком виде не пошел, – заметил Штильхарт, оглядывая Кристину, – господи, тебе ещё и головной убор дали. Ты уверена, что это сработает?

Левонova присела на диван и откинулась на спинку.

– Не люблю быть уверенной, – сказала она, – мне в жизни нравится неопределенность.

Штильхарт усмехнулся:

– В твоей жизни и так много неопределенности, больше не надо. Слушай, что-то в твоём образе не то. Наверное, много чопорности, чрезмерного себялюбия, а вот раскованности маловато.

– Очень смешно, – сказала Кристина, – знаешь, если я буду слишком раскована, то лучше меня заковать обратно, во избежание последствий. Итак, каков у нас план?

Штильхарт удивленно закатил глаза:

– Оу, я думал, что у тебя он есть и не позаботился о запасном.

– «Лимес», – произнесла Кристина.

– Звучит как что-то итальянское, – сказал Штильхарт. – И что это или кто?

– Это один из ведущих геополитических журналов Италии, – пояснила Кристина, – там недавно вышла моя статья.

– Я её тоже читал, – сказал Штильхарт, – «Актуальные вопросы глобальной безопасности в контексте устойчивости», я ничего не понял. Ну и как же эта статья тебе поможет?

– Очень просто, – засмеялась Кристина. – Племянница главного редактора журнала получила приглашение подлечиться в этой клинике. У меня с ней очень хорошие отношения, и я убедила её не ехать, а отдать приглашение мне.

Штильхарт фыркнул.

– И почему у тебя все получается чисто и просто? – удивился он.

– А у меня всегда чистые помыслы, – улыбнулась Кристина. – Но не переживай, для тебя тоже задание найдется.

– Что я ещё должен буду сделать? – спросил Штильхарт. – Спасти человечество, ограбить Форт-Нокс или просто сгонять тебе за кофе из «Старбакса»?

– Съездить сюда, – сказала Леонова, протягивая Штильхарту конверт, – это адрес Светланы Русаковой, третьей девушки из той студенческой компании.

– Я помню её, – нахмурился Штильхарт, обреченно вздохнув, – ты всё-таки хочешь разворошить закрытое дело!

Кристина покачала головой.

– Нет, – сказала она, – я только хочу узнать, что на самом деле произошло здесь десять лет назад. Должна быть связь между Кирсановой и Урусовой, и я более чем уверена, что эта связь где-то там, в прошлом.

Воскресенье, 21 октября

На место взрыва съехалось, очевидно, все милицейское начальство города и множество сотрудников рангом ниже: постовые, околоточные, эксперты, саперы, естественно, журналисты, не так уж и часто в Кранцберге взрывают автомобили.

Все чем-то были заняты, все суетились. Оставляли метки, искали улики, кто-то опрашивал немногих задержавшихся сотрудников пансионата.

Начальство прибывало поочередно, как будто они следовали какому-то заранее установленному расписанию. Бросали немного сдержанные приветствия в адрес друг друга, глухим взглядом поглядывая на взорванный автомобиль.

Все остальные старались обходить начальство стороной, если же им на пути кто-то все же попадался, то ему сразу раздавались приказы.

Что-нибудь вроде:

– Найди местного дворника.

Или:

– Перепишите номера всех машин в этом и в соседнем дворах.

Или:

– Где кинолог? Кинолог был? Срочно найди его, пусть придет и доложит.

И только один человек стоя вдалеке от места происшествия, казалось, сохранял полное равнодушие. Но это было только внешне. Ксения никогда не любила показывать эмоции, особенно если они фальшивые, как у того суевающегося начальства.

Она стояла, привалившись спиной к массивной зелёной двери, и её пока не трогали. Выпав из царящей вокруг суеты, девушка смотрела на то, что осталось от «мини». Задняя часть машины, от средних стоек и дальше, практически не пострадала, только стекла выбило и двери открыло ударной волной. А вот переднюю словно били гигантской кувалдой. Разрубить напополам не смогли, но искорежили так, что теперь не поймешь, где что было. Просто месиво из железа, пластика, стекол и...

Ксения видела то, что осталось от Александры. Почти ничего не осталось.

Что не тронуло взрывом, над тем поработал огонь. Все что-то делали. Или делали вид, что делают.

Одна Ксения неподвижно стояла, прислонившись к зелёной двери. И собирала вокруг себя остатки тишины. В отличие от тех, кто что-то делал, она работала. Терпеть не могла подобные происшествия. Терпеть она не могла работать параллельно с высоким начальством.

Странно всё это. Если убийца хотел свести Анастасию с ума, тогда зачем, зачем он взрывает автомобиль? Конечно, смерть Александры укладывалась в теорию о том, что убий-

да хочет лишить Урусову всех близких людей, но кто мог знать, что Александра сядет за руль без Анастасии. Есть же вещи, которые просчитать просто невозможно. Роковая случайность. Ксения опять была не склонна так считать. Хотя и всё на это указывало.

А может быть, дело в Эльмире Сабуровой? Может быть, убирали её, а не Анастасию? Нет, профессиональный киллер так не ошибается. У них же должны быть данные автомобиля. Или это опять сработали орангутанги, схожие с теми, которые были у ювелира. Вряд ли, заряд слишком профессионально был заложен для простых «быков».

Хотя это и будет немного цинично, но придется трясти Анастасию. Может быть, гибель подруги заставит её говорить. Девушка вздохнула и вошла в помещение пансионата.

В помещении было тепло, светло и абсолютно тихо. Свет от ламп мягко согревал деревянные перекрытия и лестничные балки. Ксения поймала себя на мысли, что за то время, пока они занимаются этим делом, она первый раз приехала в пансионат. Непростительная оплошность с её стороны.

Директор обнаружилась в помещении ресторана. Она сидела на широкой деревянной скамейке и, положив голову на плечо Эльмиры Сабуровой, плакала.

Ксения ещё раз глубоко вдохнула и, постаравшись сделать самое серьёзное и строгое лицо, на которое была способна, подошла вплотную к сидящим девушкам.

– Итак, мы снова встречаемся, Анастасия Николаевна, –

коротко сказала она, – и снова по грустному поводу, связанному с вами.

Анастасия не отвечала, она только тихо всхлипывала.

– В прошлую нашу встречу с вами вы не захотели откровенничать, – продолжала Ксения, – и вот к чему привела ваша самостоятельность.

Анастасия посмотрела на Ксению заплаканными глазами.

– Вы хотите сказать, – прошептала она, – что я виновна в смерти Шурочки?

– Косвенно да, – кивнула Ксения, – ваше упрямство и явное сокрытие информации, нужной для расследования...

– Вы понятия не имеете о том, какая информация нужна, а какая нет, – огрызнулась Анастасия.

Ксения улыбнулась.

– Возможно, – согласилась она, – но я догадываюсь о паре тройке вещей, которые вы скрываете, и, как вы понимаете, догадываюсь о сути этих вещей.

– Например? – зло поинтересовалась Урусова.

– Ну, хотя бы то, что ваш преследователь, кем бы он ни был, находится в вашем ближайшем окружении, но думаю, что вы и так это уже знаете. Ещё я догадываюсь о том, что убийца хочет выжать вас как лимон. Он достаточно вас припугнул тем трупом в вашем подвале, а теперь взрывает автомобиль, в котором находится ваша лучшая подруга.

Анастасия бросила на Ксению весьма недружелюбный взгляд. Действительно крепкая девочка. Простыми метода-

ми её не расколешь.

– В таком случае почему вы его не поймаете, раз вам так хорошо всё известно? – спросила Анастасия.

– Потому что я не знаю всю историю, которая с вами произошла в Женеве, – ответила Ксения, – вы должны мне её рассказать. То, что происходит с вами, и убийство тех несчастных девочек, это все имеет общую связь, если мы не поймем какую, то не поймем его, – она сделала паузу, – Анастасия, я понимаю, что вам тяжело рассказывать, но в данной ситуации два человека должны о вас знать всё, это адвокат и...

– Адвокат и священник, – нервно усмехнулась Анастасия.

– Не угадали, – сказала Ксения, – следовательно, то есть я.

Урусова снова нервно усмехнулась, затем встала и, достав из нижнего шкафа пластиковый стакан, налила в него вина из стоящей на барной стойке бутылки «Балуарте». Некоторое время стояла тишина, нарушаемая только звуком наполняющегося стакана.

– Значит, так, – сказала она, – что-то я помню очень отчетливо, а что-то не помню совсем. Постараюсь рассказать вам всё, что знаю...

Женева, восемь лет назад

Анастасия поднялась на ноги и с трудом уняла сотрясающую её дрожь. Голова кружилась так, словно она пробежа-

ла невесть сколько километров. Судорожным движением девушка сжала комок снега и обсыпала им лицо. Внутри всё горело. Наверное, у неё была высокая температура. Ещё бы, пролежать столько времени в снегу. Что с ней произошло? Как она здесь оказалась? И где это здесь? Она ничего не помнила. Преодолевая стоящий в голове гул, Анастасия, пошатываясь, направилась к светящейся табличке, обозначающей автобусную остановку. На скамейке под купольной крышей сидели, кутаясь в свои куртки, несколько человек. Они не обращали на Анастасию внимания. Свет фар. Подъехал автобус. Анастасия обшарила карманы пальто, которое почему-то было одето на ночную рубашку. Влажную от жара руку охладила бумажка, похожая на фантик. Трясущейся рукой девушка протянула её контролеру. Тот неспешно стал отсчитывать сдачу. Анастасия схватила бумажки и с трудом, не взирая на дрожь в коленях, опустилась на ближайшее сиденье. Створки дверей закрылись. Автобус газанул и плавно начал движение. Анастасия откинула голову на заиндевшее стекло и впала в забытие. Периодически она открывала глаза, встревоженная слишком громкими голосами пассажиров. Наконец за окном показались знакомые очертания Вельнёва. Зачем она уехала оттуда в Женеву, или она не уезжала? Господи, что же с памятью творится? Что произошло? Почему она в таком виде?

Автобус затормозил возле нужной ей остановки. Анастасия спустилась по ступенькам вниз и увидела дом, в котором

жила. Ничего, – подумала она, – сейчас миссис Чилуэлл напоит меня чаем, уложит спать. А завтра всё вспомнится. Всё вспомнится.

Девушка зашла в открытую дверь. Странно, обычно её заперали. Затем она увидела...

Мистер Чилуэлл сидел на нижней ступеньке лестницы, которая вела на второй этаж. Он как будто отдыхал, но в какой-то неестественной позе. Анастасия прикоснулась к его голове и тут же в ужасе отдернула руку, она была вся в крови. Горло мистера Чилуэлла было перерезано одним резким ударом. Анастасия отскочила к стене, и её взгляд упал на лежащую в крови миссис Чилуэлл. Рядом с телом лежал швейцарский ножик. Её ножик. Анастасия закричала. Закричала дико и страшно. Затем её ноги подкосились, и она рухнула на пол...

* * *

Анастасия открыла глаза. Она рассматривала белый потолок, украшенный лепниной.

– Слава богу, очнулась, – раздался голос, – мы думали, что уже всё.

Анастасия поднялась на кровати. Говорившей оказалась Шурочка. Вдвоем со Светой они сидели у подножия и имели весьма встревоженный вид.

– Что случилось? – спросила Анастасия. – Где я?

– В больнице, – сказала Светлана, – всё хорошо. Когда тебя привезла полиция, мы очень испугались. Но, слава богу, сейчас всё хорошо. Врач говорит, что у тебя был сильнейший нервный срыв, и всё могло бы закончиться смертью.

Полиция, врач, нервный срыв. Мысли путались.

– Зачем полиция привезла меня сюда?

– Ты ничего не помнишь? – спросила Шурочка.

– Нет, – сказала Анастасия, – а что я должна помнить?

Сидящие возле неё подруги настороженно переглянулись. Словно обдумывая, рассказывать или нет.

– Расскажите, – попросила Анастасия, – пожалуйста. Шурочка пристально посмотрела на подругу.

– В общем, Александр и Том поспорили на тебя, – сказала Шурочка, – Том проиграл. Напал на Александра, а затем явился к тебе и пытался изнасиловать...

От рассказа Шурочки Анастасия словно провалилась в забытие. Она почти не слушала, вызывая в памяти картинки тех событий. Она вспомнила. Вспомнила, как Том, пьяный, завалился к ней, вспомнила, как ударила его ножом в плечо. А потом...

Анастасия со злостью посмотрела на Шурочку.

– Это ты! – прошипела она. – Ты во всём виновата! Александр был с тобой, когда я пришла за помощью. Я видела вас.

Шурочка снисходительно посмотрела на подругу.

– Анастасия, между нами, ничего не было, ты не могла нас видеть. Ты даже не заходила в квартиру. Ты только слышала

голоса и сделала вывод, что мы вместе, но это было не так.

– А как? – спросила Анастасия. – Зачем ему тогда к тебе приходиться?

– Александр приходил ко мне за помощью, – сказала Шурочка, – после того, как Том на него напал, он не хотел идти к тебе, потому что не хотел ранить твою душу рассказом. Я понимаю, что виновата. Если бы я тогда пошла к тебе, всё бы сложилось по-другому.

Анастасия кинулась Шурочке на шею.

– Прости меня, – сказала она, – мне надо было сразу всё понять. Если бы я не ушла... Но я не понимаю, что произошло с мистером Чилуэллом и его женой?

Шурочка промолчала. Вместо неё ответила Света:

– Нам практически ничего не известно, но судя по всему, когда ты сбежала, Том поскандалил с родителями и в приступе ярости убил их.

Анастасия в ужасе отползла к краю постели.

– Его арестовали? – спросила она.

– Да, – небрежно бросила Шурочка, – как говорится, даёт показания. Пока всю вину берёт на себя. Да и как не брать. Отпечатки пальцев на ноже его. Он родителей убивал тем же ножом, что ты его ранила.

Анастасия повалилась на кровать. Она отказывалась понимать, что произошло. Просто отказывалась. Как такое могло произойти? Чтобы нормальный парень мог за одну секунду стать зверем, а Александр, как он мог так поступить...

Боже, как? Неужели это правда? Да, это правда. Шурочка не могла наврать. Какой смысл ей врать?

Светлана осторожно посмотрела на подругу, словно угадывая её мысли.

– К тебе Александр рвался, – тихо сказала она, – но мы его не пустили. Сказали, что ты сама его позовешь.

Анастасия мрачно кивнула. Одно только его имя вызывало мелкую дрожь.

– Нет, – жестко сказала она, – я не хочу его видеть. Больше никогда. Никогда. Что бы там ни было, но то, как подло и бесчеловечно он поступил со мной... – Она посмотрела на подруг так взглядом, каким ещё ни на кого никогда не смотрела. – Или вы снова будете говорить, что всё нормально?

– Не нормально, конечно, – возразила Света, – но ведь Александр мужчина, он имеет право на один проступок в жизни. Так мне кажется.

– А мне так не кажется! – отрезала Анастасия. – И прошу больше не поминать эту тему, если вы хотите остаться моими подругами.

Шурочка флегматично покачала головой.

– Да брось, – сказала она, – ситуация же разрешилась. К тому же он раскаивается в совершенном поступке, а это редкое для парней качество. А через месяц-другой всё вообще забудется.

– Я не забуду, – сказала Анастасия, – никогда.

Да уж, вот это учеба молодых студентов, ничего себе, подумала Авалова, выслушав историю до конца. Что же, старые истины, как всегда, верны: у всех есть свой скелет в шкафу, надо его просто отыскать. Не случайно Верховский в разговоре с ней все твердил о страхах. Вероятно, эта история гложет его не меньше, чем Урусову, но страх Урусовой иной. Он живой, она боится, поэтому реагирует и пытается защищаться, а страх Верховского мертвый и холодный, как и сам Верховский. Тот молодой человек, которого видела Ксения, совсем не тот, которого ей сейчас описала Анастасия. Где же произошла подмена? Тогда в Швейцарии или позже?

– Анастасия, я понимаю, вы испугались, – сказала Авалова, – один Бог знает, что с вами могло случиться.

Урусова потерла красные от слез глаза рукой.

– Вы не понимаете, – она нервно махнула рукой, – вы ничего не понимаете. Мне ведь надо просто было зайти тогда к Саше и ничего бы не случилось. Ничего бы вообще. В том числе и сегодня ничего бы не произошло.

– Я понимаю, – спокойно сказала Ксения, – про то и говорю. Не надо винить себя в том, что от вас не зависит. Скажите лучше, где сейчас этот Том?

Анастасия покачала головой.

– Не знаю, – сказала она, – его, по-моему, тогда сразу по-

садили и дали большой срок, а что потом с ним стало, я не знаю.

– Понятно, – кивнула Ксения, – скажите, а вот вы же расстались с Александром. Как получилось, что вы снова оказались вместе?

– Совершенно случайно, – сказала Анастасия. – После всей этой истории я написала заявление на перевод. Я не могла больше в Женеве оставаться, Шурочка тоже перевелась, говорила, что не хочет оставлять меня одну, только Света осталась там. Мы все не общались больше четырех лет. Я знала об успехах Александра, но встречи всё равно не искала. Я так и не смогла его простить. А вот где-то шесть лет назад я была на вернисаже своего знакомого художника, и вот там мы встретились. Это было похоже на наваждение, но я удержала себя. Та боль, которую он мне причинил, слишком сильна, тем более, как оказалось...

– Он встречается с Александрой, – закончила Ксения. Урусова кивнула.

– А она как объясняла это? – спросила Авалова. Анастасия покачала головой.

– Шурочка, она... – девушка запнулась, – она очень тактичная была и все время меня оберегала. Мне кажется, что и роман с ним она завела, чтобы я вновь не падала в этот омут.

На вопрос она не ответила, заметила Ксения про себя. Хотя, возможно, у неё не было ответа на этот вопрос. Может быть, она этим ответом и не интересовалась. Анастасия из

тех девушек, которые больше любят созерцать, чем анализировать. Ксению же этот вопрос очень интересовал. Нет, в самом по себе явлении не было ничего странного. Молодой человек стал свободен, и девушка решила не упустить свой шанс. Что же, такое случается, но вот внешние обстоятельства смущали. Ведь за расставанием Верховского и Урусовой скрывалась глубочайшая психологическая драма, такие скоро не выветриваются из памяти, и закрутив роман с Верховским, Александра стала прямой участницей этой драмы. Неужели она действительно настолько верная подруга, что приняла таким образом на себя Верховского и огородила от него Анастасию, чтобы молодой человек не терзал душу подруги обычными для молодых людей душевными излияниями?

Что-то не похоже. Непохожа Александра на такого самопожертвенного человека, по крайней мере Ксении она такой не показалась. В ней чувствовались холодный расчет и четкость принятия решений, такие как Александра действуют разумом, а не чувствами. Впрочем, Ксения уже уяснила, что в этом деле все совсем не то, чем кажется на первый взгляд.

Звук шагов заставил Авалову отвлечься от своих мыслей и повернуть голову к входу. Вот это сюрприз. На пороге стоял Александр Верховский. Его светлый костюм был насквозь мокрый. Скорее всего, Александру пришлось долго идти от машины ввиду перекрытия улицы милицией. Сюрприз был не в его появлении, а в его нескором появлении. Когда Ксе-

ния только ехала сюда, она была уверена, что найдет его здесь. Но нет! Верховский приехал, когда уже все практически закончилось. Но самая большая странность была в его лице. Оно ничего не выражало. Ни скорби, ни боли утраты. Было какое-то гнетущее чувство жалости в его лице, но оно было направлено на Анастасию. Было совсем непохоже, что у Верховского умер любимый человек. Или нелюбимый? Увидев Александра, Анастасия бросилась к нему навстречу и стиснула в объятьях. Молодой человек неуверенно обнял её в ответ.

– Ну, ну, ну, успокойся, – услышала Ксения, – успокойся. Я тебя заверяю, заверяю, что я его найду. Найду того, кто это сделал. Урусова не отвечала. Она только плакала навзрыд.

В этих объятиях было что-то такое, что сразу бросалось в глаза. Неподдельные нежность и трепетность, но вместе с тем страх. Страх, что она его оттолкнет. Таким Авалова Верховского еще не видела, она ни разу не видела его таким с Александрой. Между ними не было никакой искорки. Здесь она была. Но здесь был и страх. И страх был у Верховского, он чувствовался так сильно, словно бы Верховский и был этим страхом.

Как там было? «Страх рождает гнев, гнев рождает ненависть». Интересный феномен, однако.

Верховский поймал взгляд Аваловой.

– Что? – спросил он. – Почему вы на меня так смотрите, Ксения Игоревна?

– Как?

– Вы словно обвиняете меня в чём-то, – сказал Верховский. – Считаете, что моя реакция неуместна?

Он хорошо читает эмоции, подумала Ксения, даже слишком, впрочем, я и не пыталась их скрыть.

– Я бы сказала странная, если быть точной, – заметила Ксения, – ведь с убитой вас связывали близкие отношения, не так ли? Наверное, Александра была бы вправе рассчитывать на другую реакцию, или нет?

Уж что-что, а разыгрывать патетику перед этой парочкой она точно не собиралась, и ей было наплевать сейчас, насколько корректно прозвучала её фраза. Слишком много было вранья и увёрток. Из-за этих увёрток погибли три невинные девушки. Ксения была почти уверена, что это так.

Впрочем, Верховский и не подал виду, что его задела её колкость. Он умел быть разным, и Ксения вдруг поймала себя на мысли, что этим он нравился ей, и это плохо.

Некоторое время они изучали друг друга, однако ответа Авалова не дождалась, Александр лишь печально улыбнулся и повернулся к Анастасии, снова поменяв образ, теперь на красивого и печального молодого человека. Какой же из его образов настоящий? Может быть, такого не имелось?

На деревянном настиле ресторанной террасы снова слышались шаги, на сей раз шаркающие. Это был один из криминалистов, он был облачен, по новомодной традиции, в полевой костюм и белые в цвет костюма бахилы, словно бы

на учениях по отражению химической атаки.

– Детектив, – окликнул он её, – пойдёмте, мы кое-что нашли интересное.

Не отводя взгляда от обнимающейся парочки, Авалова двинулась вслед за криминалистом. Интересно, что же ещё ей надо увидеть.

Разношерстная толпа скопилась возле машины Александры – белого «Рейнджровера», который они видели вчера утром.

– Решили осмотреть автомобиль убитой, – пояснил криминалист, – и вот нашли.

Он махнул рукой, и еще один затянутый в костюм сотрудник поднес ему пластиковый пакет, в который были упакованы несколько фотографий. Старший криминалист аккуратно вытащил снимки и разложил их на капоте кроссовера. Ксения вгляделась. Двое людей, мужчина и молодая девушка, которая руками обвивает его шею. Мужчина – Верховский, девушка – Катя Кирсанова. На втором снимке та же пара, только зимой. Веселые и счастливые. Кирсанова кажется слишком взрослой для своих лет. У них была связь, в этом не было сомнений.

– И чем он их так привлекает? – раздался за её спиной голос Рауша.

– Уже видели? – спросила Авалова. Макс кивнул.

– Всё, – сказал он, – теперь прижмем красавчика, не отвертится!

Авалова хмыкнула. Рауш как-то сильно невзлюбил Верховского. Возможно, это была просто ревность из-за его успехов у прекрасной половины. Мужчины часто были склонны на такую ревность.

– Не торопитесь с выводами, – сказала девушка, – то, что они вместе сфотографировались, означает только то, что они были знакомы, но это абсолютно не доказательство того, что Верховский замешан в убийстве.

– Но у них была связь, – возразил Макс, – это же понятно по фотографии, а он врал, что они не знакомы, вот ваша версия и бьется. Взрослый, обеспеченный, умный. С кем, как не с таким парнем, обсуждать политику?

В словах Рауша был определённый смысл, тем более, чего уж греха таить, эта версия сверлила её мозг с тех пор, как она узнала, что Верховский имел отношение к разработке греларозола. Но что, если всё-таки молодого человека подставляют? Как-то слишком просто они получают свидетельства его замешанности в этом деле. Вначале машина возле места преступления, потом квартира, выкупленная его компанией, в которой убили Кирсанову, теперь эта фотография. Эти свидетельства не говорили ни о чем конкретно, и на любом суде, естественно, будут опровергнуты, но все они были звеньями одной цепи, и эта цепь сжималась у горла Верховского как удавка. Вот что не нравилось Ксении.

– Много белых пятен, – сказала она, – слишком много. Зачем Кирсанова пошла в квартиру? Должна быть причина

этого!

Макс пожал плечами.

– Да ясно как день, – почти воскликнул оперативник, – они наверняка там встречались. Он имел туда круглосуточный доступ. Дал ей ключи и велел ждать его там.

– Неужели она ему так доверяла? – удивилась Ксения.

– Она была влюблена, – фыркнул Рауш, – влюблённые способны и на более глупые вещи.

– А почему они не могли поехать вместе? – спросила девушка. – Почему она оказалась там одна?

– Он известный человек, – заметил Рауш, – если бы его увидели с молоденькой школьницей, это повредило бы его репутации. Вот вам и мотив. Она стала требовать чрезмерного внимания, возможно, угрожала рассказать об их отношениях, вот он от неё и избавился.

– И как же по-вашему это произошло?

– Ну не знаю, – фыркнул Рауш, – возможно, они встретились. Может быть, он вообще с ней хотел порвать. Она взбрыкнула, хотела его удержать, они поругались. Да таких случаев полно.

Ксения усмехнулась.

– Вот именно, что полно, – вздохнула девушка, – а у нас случай уникальный. Зачем же, по-вашему, убив её, он подруг её похитил, а потом убил?

– Так, может, для отвода глаз, – предположил Рауш, – чтобы все бросились искать мотивы, какого-то уникального

киллера, что мы с радостью и делаем!

– А Левицкий?

– А может, он узнал детали убийства Левицкого? – предположил Макс. – И решил сымитировать, как будто между этими убийствами есть связь.

Ксения покачала головой.

– Все три девушки пропали раньше, чем убили Левицкого, – напомнила она, – и потом, если у них была ссора, кто-то должен был их слышать, прохожие или соседи, или никто ничего не слышал? Вы же сами готовили отчет.

Рауш фыркнул.

– Хорошо, я согласен, – бросил он, – версия не ахти, но ведь ничего другого у нас нет. К тому же вы сами в прошлый раз намекали на Верховского, разве нет? Кто говорил про то, что Кирсанова была увлечена человеком старше по возрасту, солиднее по статусу, что она поехала к нему тут же? Это ведь ваши слова. И бог мой, что я теперь слышу. Вы поговорили с ним полчаса в ресторане и уже готовы снять его с крючка! Что случилось? Вы заглянули в его печальные зеленые глаза и растаяли? Что вы задумали, Ксения? Может, поделитесь?

Авалова сунула фотографии во внутренний карман куртки и быстрым шагом пошла прочь.

* * *

– Почему ты не сказал мне? Почему ты не сказал мне

сразу? – такой вопрос прозвучал после отъезда оперативной группы.

Они были с Александром абсолютно наедине. Никогда ещё после той ночи в Женеве они не оставались наедине друг с другом и одновременно с собственными мыслями.

Она так много могла сказать сейчас, но мысли мчались, как шары пустынной колючки во время урагана. На поверхность же все время выныривал один вопрос, один и тот же, его она и задавала: – Почему, Саша? Почему ты не сказал мне?

Александр криво ухмыльнулся. Вполне обыденно, но сейчас его ухмылка означала не веселье, а равнодушие, что ли. Её испугала его ухмылка. Странно, никогда раньше она её не пугала.

– А если бы и рассказал? – медленно произнес он. – Что бы это изменило? Ты бы мне не поверила. Не поверила, потому что ты слишком верила своим подругам, а мне не удалось вытащить тебя из их общества.

Анастасия фыркнула.

– Ты врешь, – шикнула девушка. – За всё то время, что прошло с той ночи, ты ни разу не узнал обо мне. Ты не попытался рассказать правду, даже когда мы снова встретились.

Александр встал со стула. Темная тень метнулась по полу.

– Ты думаешь, я не думал об этом!?! – крикнул он. – Никогда, никогда я не испытывал того, что испытал с тобой. С того самого момента, как мы встретились вновь, я не остав-

лял тебя. Я чувствовал свою вину за ту ночь, но я не мог тебе рассказать.

Анастасия отвернулась. Очень хотелось согласиться, простить, броситься ему в объятия. Но чья-то невидимая рука останавливала её от подобного шага. Что-то было не так в словах Александра, чувствовалась скрытая ложь или полужложь.

– Господь видит, что я хочу тебе верить, – сказала Анастасия, – но не получается. Левой рукой ты закрываешь меня щитом, а правой режешь ножом в спину. Только ли для того, чтобы защитить меня, ты начал помогать мне? А может быть, чтобы защитить свое реноме? Ещё бы, перспективный ученый, преуспевающий бизнесмен и вдруг такая пикантная история.

– Уж ни эта ли мадемуазель совершенство (вероятно, имелась в виду Авалова) внушила тебе эту версию? – зло поинтересовался Верховский. – Я недорого поставлю, что она мне верит.

Анастасия проглотила колючий комок, щекочущий горло. Он пытливно изучал её лицо. Оно сейчас казалось ему таким красивым, но чужим и холодным. Что она сейчас чувствовала? Страх, сожаление? Она старалась не смотреть ему в глаза.

– А почему ты думаешь, что я так подвержена чужому мнению? – спросила она. – У меня есть свои глаза. Я много что вижу и много что понимаю, просто иногда в этом очень

трудно признаваться. Да, ты предложил свою помощь, старался меня опекать, но к чему привела твоя помощь? Только к ещё большей трагедии! Шурочка погибла, и ты даже не хочешь изобразить скорбь. Ты удивительно легко отказываешься от людей. Это ужасно.

Её невиданная резкость поразила его. Никогда ещё она так с ним не разговаривала. Впрочем, ему уже это говорили, совсем недавно. Он был виноват и знал это! И самое гадкое и противное было то, что, даже проводя ночи с Шурочкой, он подсознательно мечтал, чтобы на её месте, в его объятьях была другая, а эта куда-нибудь исчезла бы. Вот она и исчезла. И да, это он дал ей погибнуть – и его безразличие едва ли можно было засчитать за оправдание. Его мечты, которые он конструировал в голове, всё время разбивались о твердую, как камень, действительность. Эта действительность возвышалась перед ним подобно непроходимым горам, с вершины которых падала лавина действий, поступков, событий, которые накрывали его с головой.

Она внезапно и порывно все же бросилась к нему, но тут же отпрянула, судорожно выдохнув. Ощущение было такое, словно головой вперед ныряешь в теплый омут. Человек не может противиться инстинктам, а тот, который может, становится святым.

– Что же будет дальше с нами? – спросила она. – Как же нам разобраться во всем этом?

– Нужно найти того поддонка, чьих рук это дело, – реши-

тельно сказал он, – пока мы его не найдем, ты не можешь быть в безопасности.

Анастасия мрачно усмехнулась.

– Мы, – эхом повторила она, – ты впервые сказал слово «мы». Обычно ты всегда говоришь «я».

Александр наклонился к девушке и погладил её по щеке.

Некоторое время они смотрели друг другу в глаза.

– История имеет обыкновение повторяться, – заметил Верховский, – только иногда рядом с тобой может не оказаться никого, кто бы тебе помог. Один раз так уже с тобой было, и я не хочу, чтобы подобное произошло снова.

Почему ей так хотелось быть с ним? Обнять, согласиться с его словами. В конце концов, их ведь ничего больше не связывало. Неужели тот момент у озера, длившийся секунду, будет держать её всю жизнь? Анастасия выдохнула.

– Нет, – сказала она, – сейчас нет. Возможно, позже, когда все закончится, я смогу тебе снова верить, но пока... оставь меня. Дай мне возможность разобраться в себе.

Она никогда об этом не думала, но что, если Верховский тот человек, что её преследует, что, если его предложение о помощи всего лишь изысканный трюк? Она не могла представить Александра в подобной роли, равно как не могла представить в подобной роли Шурочку. Но ведь Тома она тоже не могла представить в этой роли, до определённого момента.

Кто же тот, кто вбивает клинья между всеми, кто ей до-

рог? Этот некто уничтожает всех, кто ей дорог, сводит с ума её саму. А она ничем не может ответить ему и ни у кого не может найти защиты. Но может быть, Шурочка была права. Может быть, это и есть цель этого некто. Ей вдруг стало невыносимо неприятно от своей слабости и унижительной бездеятельности, и она отчетливо стала понимать, что именно это её состояние отталкивает её от людей.

* * *

Монтрё, Route de Jaman 18. Кристина с большим недоверием смотрела на большие чугунные ворота, сквозь прутья которых проглядывала узкая грунтовая дорога, ведущая к готическому каменному особняку, располагавшемуся на вершине горы, в тени массивных деревьев. Обстановка действительно приглашала к расслаблению и уединению, что в целом соответствовало рекламе, которую Кристина детально изучила вчера вечером.

– У меня дурное предчувствие, – заметил Штильхарт.

– У тебя всегда дурные предчувствия, – откликнулась

Кристина, – я ничего не заметила, хотя и признаю, что наш план достаточно сумбурный, но иногда приходится работать экспромтом. К тому же такие люди, как Тополевич, ожидают от нас как раз скоординированного плана. Они эгоистичны, тщеславны и считают, что против них должны вести серьёзную игру, а не детские шалости, которыми мы будем зани-

маться сейчас, кроме того, все это может оказаться пустой погоней за химерами.

Штильхарт улыбнулся.

– Я, пожалуй, соглашусь с тобой, – сказал он, – к тому же рискуешь больше ты, а не я.

– Ты всегда умел поднять настроение, – заметила Кристина. – Ладно, как я выгляжу?

Штильхарт показал большой палец.

– На все сто, – сказал он, – запомни этот лук и не меняй его.

– Да, – кивнула Леонова, – все так необычно. Увидимся позже.

– Это единственное, что я могу тебе обещать, – сказал Штильхарт, закрывая дверь автомобиля, – не скучай тут без меня.

Моргнув на прощание фарами, Штильхарт уехал, оставив Кристину одну перед воротами.

Ну что же, подумала она, теперь выбора уже не было. Вот же угораздило, а! Боже, что бы сказали родители, если бы меня увидели!

Решительно вздохнув, девушка поднесла палец к звонку. Через некоторое время изнутри домофона послышался скрип, стук и раздался тихий шелестящий голос.

– Проходите.

Откуда это они? Из геенны огненной, что ли? Чугунная дверь открылась, пропуская гостью на территорию. Кристина шагнула вперед и ровным шагом двинулась по усыпанной фиолетовым гравием дороге. Пели птицы, солнце светило, от деревьев шёл душистый аромат. Не зная она правды про клинику, действительно поверила бы в рекламу, но чувство затаенной опасности заставляло подсознание девушки рисовать самые устрашающие картины. Что-то странное было в этой благостности, ей удалось зайти на территорию, а её никто не встречал, не пытался остановить, никто вообще не интересовался, что она тут забыла. От такого местечка ждешь более агрессивного поведения, ну или хотя бы чего похожего на агрессивное поведение.

Вход тоже никак не охранялся. Ни глазка, ни камеры, ни других следящих устройств, но когда Кристина приблизилась, дверь мягко открылась, пропуская гостью.

Внутри здание тоже ничем особым не отличалось. Неброская отделка стен, простая, но удобная мебель, ресепшен, загораживающая недра клиники от посторонних металлическая вертушка, единственное препятствие. За стойкой сидел короткостриженный эээ... человек, скорее всего это был человек, однако пол этого субъекта Кристина опреде-

лить не могла. Слишком уж нетрадиционная одежда у него была для мужчины, и слишком он не походил на женщину внешне (в Кристином понимании этого вопроса).

– Мы очень рады, – сказал субъект мурлыкающим тоном, – мы надеемся, что в нашей клинике вы найдете всё, чтобы восстановить своё здоровье и силы.

Спасибо все-таки учебе в дипломатической школе, а то ни за что не удалось бы порадоваться надвигающимся перспективам.

– Благодарю, – выдавила из себя Кристина, – я...

– Мы знаем, – промурлыкал субъект, – доктор Перрен ждет вас.

Мысли рухнули куда-то вниз.

– Меня? – шокировано переспросила Кристина.

Как?! Во имя великого космоса! Как они меня могут ждать, если я ещё сама вчера не знала, что приеду сюда?

– О да, – промурлыкал субъект, – доктор Перрен уже стала беспокоиться, что вы не прибудете, прошу, кабинет 412, четвертый этаж.

Субъект мягко провел ладонью, указывая на вертушку. За официальной улыбкой удалось спрятать обрушившуюся растерянность. Думали, что я не прибуду?! Товарищи, что происходит в этом мире?!

Пытаясь сосредоточить свои мысли, девушка прошла через вертушку и сразу попала в длинный коридор с множеством дверей кабинетов (типичный коридор для любой кли-

ники, ничего особенного). Коридор заканчивался металлическими дверьми лифта. Освещение в коридоре оказалось еще ярче. Поначалу свет резал глаза, но вскоре Кристина привыкла и с удивлением обнаружила, что ей даже комфортно. А ещё в клинике было удивительно стерильно, ни соринки, ни пылинки. Все было как будто из облаков. Двери лифта тоже были белыми. Кристина осторожно нажала кнопку. Ничего не произошло. Из вентиляции не пошел газ, потолок не стал опускаться, она просто стала подниматься вверх.

Выйдя из дверей лифта, девушка попала в коридор, который являлся точной копией коридора первого этажа. Комната 412 находилась в самом конце. Идти до него пришлось метров семьсот.

Разумеется, за всё время прохода сквозь клинику Кристина не увидела и малейшего признака какой-либо противозаконной деятельности. Всё было мило и доброжелательно. Никаких тебе косых взглядов, скомканных приветствий. Либо люди, которые здесь работали, не знали, чем занимаются, либо очень хорошо отрепетировали свою роль.

Дверная панель, с шипением судна на воздушной подушке, отъехала в сторону, освобождая взгляду вид внутрь просторного и светлого кабинета, в окна которого лучилось солнце.

За полированным столом сидела женщина – брюнетка в коричневых роговых очках и белом халате, скрывающем неброский деловой костюм. Она склонила голову, очевидно,

над рабочими документами, однако услышав скрип двери, прекратила своё занятие и, встав с офисного кресла, грациозно подплыла к госте. Не говоря ни слова, она сделала приглашающий жест, явно ожидая, что гостя пройдет и сядет первой.

Кристина боязливо двинулась ближе, но никто не спешил огреть её по голове сзади или вколоть инъекцию строфантина, наоборот, её просто радушно приветствовала ещё одна сотрудница клиники. Все было в рамках дозволенных приличий.

– Я доктор Габриэль Перрен, – представилась женщина, – мы рады видеть у себя столь почетного гостя. Надеюсь, что вы останетесь довольны результатами нашей работы.

– Я тоже надеюсь.

Кристина надеялась, что у неё не слишком глупое лицо. Доктор Перрен продолжала стоять и не меняла позы до тех пор, пока гостя не села на одно из кресел.

– Хочу вам сообщить, что материал уже доставлен и отправлен на обработку, – сообщила доктор Перрен, – мы идем даже с опережением графика.

– Прекрасные новости, – согласилась Кристина.

«Что вообще происходит и что я такое несу?» – ужаснулась Кристина. Ясно было одно: её явно приняли за кого-то другого.

– Мы подготовили для вас небольшую экскурсию, – продолжала доктор, – однако прежде я должна вам кое-что объ-

яснить, так сказать, донести некоторые правила, которых мы все здесь придерживаемся.

– Внимательно вас слушаю, – сказала Кристина, стараясь придать своему лицу выражение вежливой заинтересованности.

– Наша клиника придерживается строгого распорядка, – начала объяснять доктор, – это для обеспечения безопасности пациентов. Их содержание требует деликатного обращения, поэтому доктор Девье просит не беспокоить их, не привлекать повышенное внимание к вашему визиту, надеюсь, вы меня понимаете?

Кристина улыбнулась.

– Более чем, – сказала она, – однако я бы хотела узнать, когда доктор Девье сможет принять меня? У меня мало времени.

Её вопрос не вызвал ни удивления, ни раздражения, кажется, здесь вообще не было принято показывать свои эмоции.

– Конечно, конечно, – закивала доктор Перрен, – доктор Девье просит простить его за то, что он не смог сегодня лично встретиться с вами, у нас сегодня важный эксперимент, однако завтра в 11 утра он с удовольствием вас примет. Вас это устраивает?

Кристине показался этот вопрос странным, если та, за кого её приняли, должна была прибыть с... инспекцией, то стала бы эта докторша отказывать ей во встрече? Возможно, её

таким образом проверяли? Ладно, это фокус для фраеров, мы не такое видели.

– Возможно, я бы смогла сама оценить эксперимент? – с вежливой улыбкой спросила Кристина, стараясь сохранить невозмутимое выражение на лице. Она сделала жест рукой. – И чтобы не подвергать ваших пациентов стрессу, я бы могла притвориться одной из них.

Доктор Перрен помолчала с полминуты.

– Разумеется, – сказала она, – вам же не терпится взглянуть на материал.

В её голосе чувствовалась абсолютная уверенность и даже какая-то гордость.

– Для этого я здесь, – кивнула Кристина.

Не то чтобы это было правдой, но и не совсем ложь. Ладно, переживем. Как говорит Ксюша, все зависит от точки зрения.

Доктор Перрен манерно встала и жестом поманила Кристину за собой.

– Пойдёмте, – сказала она, – я с большим удовольствием провожу вас.

Кристина понятия не имела, куда заведет её этот визит. Никаких намеков на Тополевича не было. Возможно, он здесь даже не появлялся. Тогда во имя чего вся эта клиника? Доктор Перрен говорила о пациентах и материале. Интересно, она отождествляет эти понятия? Похоже на то. Пациенты, которых используют как материал. От такого уже стано-

вилось не по себе, но простите, материал для чего? Кристи-
ну мучали очень дурные предчувствия.

* * *

– Пинь-пинь-тарарах! – высвистывала птица в саду, ко-
торый спускался к речке возле каштановой рощи. Могуче-
ые стволы старых деревьев были черные, однако божествен-
ного запаха созревших каштанов, который непременно со-
путствовал осени, ещё не было, а соловей заливался всюю
– щелкал, рассыпался трелью – ломкой и беззащитной в
этом черном, тихом саду. Тишина нарушалась лишь шумом
волн недалёкого моря. В глубине сада помещалась доброт-
ный каменный дом – типичная для этого региона построй-
ка, отделенная от проселочной дороги дощатым забором.
Небольшая грунтовая площадка перед домом была аккурат-
но утрамбована и на ней стоял белый пластиковый стол с
воткнутым посередине белым зонтом, затенявшим площад-
ку от жаркого одесского солнца. На столе пых тел самовар
и были расставлены чайные чашки и розетки с конфетами и
вареньем.

Всю эту картину и наблюдала сидевшая за столом Ната-
лья Покровская. Подставив свое лицо солнцу, она созерца-
ла красоту и покой. Её глаза были закрыты, но этого нель-
зя было видеть из-за солнцезащитных очков, в темных, чуть
коричневатых стеклах которых отражалось только солнце.

Сбоку от нее раздалися шаги, и из мазанки вышел высокий розовощекий мужчина, полного телосложения, с очень пышными усами и практически отсутствовавшей шеей. Он был одет в поношенные серые джинсы и заправленную в них бежевую ковбойку. В руках нёс деревянную плоску с вымытыми зелеными яблоками.

– Вот, голубушка, угощайтесь, – сказал, – плоды, так сказать, моего рукотворного труда. Да, вот, собственноручно вырастил. Берите, не стесняйтесь.

Наташа взяла одно яблоко и надкусила, не то что бы она сильно любила есть яблоки в обстановке, когда речь шла о секундах, просто Покровская считала, что подобные занятия помогают открытой беседе.

– Умм, – улыбнулась она от удовольствия, – сладкие... Так вы знаете зачем я приехала к вам? – напрямую спросила девушка.

Мужчина довольно улыбнулся.

– Даже не представляю, – откровенно сказал он, – но зачем бы вы ни пожаловали, для старика это радость – принимать у себя столь очаровательную гостью.

– Дело в том, – произнесла Наташа, наслаждаясь сочным вкусом яблока, – что мне нужна ваша консультация по одному химическому веществу, которое вы разрабатывали.

– И что же это за вещество? – спросил Вяземский.

– Сейчас оно известно как препарат греларозол, – сказала Наташа.

Вяземский помрачнел и с тяжелым видом сел напротив Покровской.

– Не скрою, – поморщился он, – не самая приятная тема для меня.

Наташа пожала плечами.

– Ибо речь идет о вашем ученике? Вяземский усмехнулся.

– Ооо, – протянул он, – вы уже и это знаете. А вы в чем-то подозреваете его?

– Нет, – сказала Наташа, – но он многое скрывает и вокруг него происходят странные вещи.

– Как вокруг любого талантливого человека, – заметил Вяземский. – И потом, умные люди всегда говорят меньше того, что они знают, это задача людей, которые умеют выудить нужную информацию.

– Умен, талантлив, – повторила Наташа, – а что лично вы скажете о Верховском?

– То же самое, – сказал Вяземский, – добавить нечего. У Александра все задатки для образцового ученого. Он молод, амбициозен, честолюбив, умеет организовать работу других людей, а это, согласитесь, уже немало, особенно в наше время, не транжирит деньги, знает им цену, а главное в нем то, что люди идут за ним, он прирожденный лидер.

– Вот как, – Покровская улыбнулась, – говорили, что добавить нечего, а вон сколько наговорили сверху. И это все?

– Смотря для кого, – сказал Вяземский, – Александр знает, чего он хочет от жизни, и идет к своей цели.

– И какова его цель? – спросила Покровская. – Слава? Деньги? Зачем ему надо все это?

Вяземский поморщился.

– Вы, следователи, удивительным образом умеете провоцировать разговоры, – сказал он, – мой честный ответ: не знаю. Но в Александре всегда была какая-то червоточинка, чертовщинка, причину которой я никогда не мог понять. Впрочем, настоящий ученый всегда должен быть немного закрытым.

– Поэтому вы с ним разошлись? – спросила Наташа. Вяземский махнул рукой.

– Ученики всегда уходят от учителей, – сказал он, – это нормально, просто иногда ученики хотят всего и сразу и перестают слушаться учителей, а это приводит к негативным последствиям.

– И что же негативного случилось с Верховским?

Вяземский налил из стоящего на столе самовара кипяток в чашку.

– Может быть, это и прозвучит пафосно, но я всегда работал на благо родины и понимал, что если препарат, которым вы интересуетесь, будет использован спецслужбами или армией, то это будет на благо высших интересов государства, мой препарат никогда бы не использовали против невинных, может быть, я и наивен, но так меня воспитали, барышня. А вот когда мою родину уничтожили и полезли эти нувориши, я понял, что они могут сделать с моим творением всё,

что угодно и я сделал все, чтобы его уничтожить, но Александр... Видит Бог, он был самым талантливым из моих учеников. Я однажды рассказал ему историю этого препарата, и он буквально стал одержим этой идеей. Помню, у нас был очень неприятный разговор. Он обвинял меня в предательстве науки, в малодушии, нет, это быстро прошло, и я тогда подумал, что это просто блажь, пыл юности, но вот некоторое время спустя, может быть, месяц или два, Александр попросил меня показать ему мои записи, касающиеся препарата. Он сказал, что это научный интерес, ничего больше.

– И вы показали? – спросила Наташа.

Вяземский кивнул.

– Ужасная ошибка, – сказал он, – признаю. Тогда мне показалось, что он охладел к этой теме, ведь как раз после нашего разговора он уехал на стажировку в Швейцарию, так мне тогда показалось, только вот оттуда Александр вернулся совершенно другим человеком, он был мрачный, холодный, нелюдимый. Однажды он пришел ко мне, под вечер. Мы выпили чаю, поговорили на разные темы, и почему я сразу не посмотрел...

Вывод напрашивался сам собой.

– Он что, украл документы? – спросила Наташа.

– Да, – кивнул Вяземский, – украл. И больше я его не видел. Я не знаю, как ему это удалось, но он восстановил препарат и даже написал научную статью, посвященную плюсам использования этого вещества при лечении депрессии, раз-

ных зависимостей, фобий.

– И тогда вы решили вступить с ним в научную полемику? – спросила Наташа.

Вяземский кивнул.

– Вы правы, – сказал он, – я тоже написал статью, вот только когда я её пытался опубликовать, меня вызвал к себе начальник института и посоветовал прекратить все мои исследования. Вот так вот.

Покровская насупилась.

– И что, – спросила она, – он это никак не обосновал вам?

Вяземский усмехнулся.

– Да что вы, барышня. Сказал, как отрезал, – Вяземский пугливо посмотрел по сторонам. – Но вы знаете, мне показалось, что он кого-то боится.

– Верховского? – спросила Наташа.

– Врать не буду, – начал мяться Вяземский, – но Александр дает деньги многим научным предприятиям, и нашему институту тоже. Кроме того, проблемы такого рода никому не нужны.

– А дальше? – нетерпеливо поинтересовалась Покровская. – Этим ведь не кончилась история?

Вяземский напрягся то ли из-за поставленного вопроса, то ли из-за нетерпеливого тона собеседницы.

– Я извиняюсь, барышня, – виновато сказал он. – Но можно ещё раз посмотреть ваше удостоверение?

Наташа с пониманием протянула ему в руки свое удосто-

верение. Надо же, подумала она, хоть чему-то наши люди ещё верят, или всё-таки это лично её слава бежала впереди неё самой.

– Простите, – ещё раз извинился Вяземский, отдавая удостоверение владелице, – но думаю, что вы меня понимаете.

Наташа улыбнулась.

– Конечно, – сказала она, настолько мило, насколько могла, – так что было дальше?

– Дальше, дальше, – проговорил Вяземский, – а дальше ко мне пришел один молодой человек, почти сразу после того, как мою статью забраковали. Он так же, как и вы, интересовался препаратом.

– Это был Андрей Левицкий? – почти с утверждением спросила Наташа.

– Да, – сказал Вяземский, – это был он. Андрей рассказал мне о том, что вещество, которое я разрабатывал, теперь включено в состав препарата греларозол. Он рассказал, что этот препарат вызывает сильнейшую зависимость, рассказал про то, что от препарата пострадала родственница его подруги и попросил меня помочь ему разобраться в этом деле.

– Значит, это вы встречались с Левицким в Борисфене, – догадалась Наташа.

Вяземский кивнул.

– Да, – сказал он, – несколько раз. В последний раз, когда его убили. Я понимаю, что смалодушничал и не пошел в милицию, но всё так быстро произошло, я просто испугался.

– И вы вот так сразу за это и взялись? – поинтересовалась Покровская. – Каким же образом Левицкий вышел на вас, ведь не через адресный же стол? Он ведь целенаправленно обратился к вам.

Вяземский громко рассмеялся.

– От вас ничего не скроешь, барышня, – сказал он. – Нет, не буду вам врать, Андрей обратился ко мне неслучайно. Вопросы от вас было бы меньше, если бы вы знали, что я давно дружу с Альбертом Шамильевичем Сабуровым.

– Ах вот как, – удивилась Наташа. – Значит, вы тоже были в курсе этого расследования?

Вяземский покачал головой.

– Нет, но когда Альберт обратился ко мне за помощью, я не смог отказать, да, в том числе и по честолюбивым причинам.

– То есть это отец Эльмиры Сабуровой попросил вас помочь? – спросила Наташа.

– Да, – кивнул Вяземский, – вот он знал о делах дочери, но подробностями они со мной не делились, а я и не спрашивал. Общался со мной только Левицкий, ему я и передал информацию о веществе.

– Какую информацию? Вяземский развел руками.

– Только свои знания, – ничего больше я не знаю.

– Понятно, – сказала Наташа, – а каково воздействие этого препарата?

Вяземский некоторое время раздумывал, вероятно, ре-

шал, стоит ли собеседнице знать подобную информацию. Потом заговорил...

– Не подумайте, что я вам не доверяю, – снова извинился ученый, – я просто думал, как бы вам объяснить это без мудрёных терминов.

– Я постараюсь понять, – улыбнулась Наташа.

– Видите ли, – очень тихо начал Вяземский, снова оглядываясь, – наш мозг, он еще совершенно не изучен, и никто не может предсказать, как поведет себя в той или иной ситуации, но если химическим способом воздействовать на определённые нейроны, то можно подавить способность человеческого мозга принимать абстрактные решения.

Наташа скрестила пальцы, внимательно слушая ученого.

– То есть, прогнозируя действия человека, можно заставлять его принимать решения? – спросила Наташа.

– Именно! – воскликнул Вяземский. – Именно так, юная барышня. Причем человек сам не будет осознавать, что он делает, что чувствует, что ест, что пьет. Ведь за всё это в голове отвечает мозг! Ну скажем, это будет совсем просто, вы даете человеку препарат, а потом ставите перед ним два стакана: с водой и с серной кислотой. Обычный человек, конечно, распознает, где что, но под влиянием этого препарата вы можете приказать мозгу дать человеку сигнал, что вода – это вредно, а серная кислота полезна. Естественно, это не так, но человек будет думать, что это так. Понимаете?

Наташа наморщила лоб.

– Пытаюсь, – проговорила она. – А можно приказать человеку убить кого-то, например?

Вяземский махнул рукой.

– Легко, – сказал он, – под влиянием этого препарата мозг может показать человеку, что взорвать атомную бомбу в центре, ну, например, Парижа это хорошо и правильно, а подарить цветы любимой девушке – нет.

Наташа насупилась.

– Неужели он настолько силен? – спросила она.

– Более чем, – ответил Вяземский, – этот препарат позволяет контролировать головной мозг до последнего нейрона. И самое главное, что он очень быстро растворяется и обнаружить его следы можно только при тщательном исследовании крови пациента. Вот так, вот так. И при этом все молчат, а я устал бороться, тем более что должен был скоро выйти на пенсию, а в результате пришлось уйти из института, эх... – Вяземский махнул рукой, – вот теперь здесь сижу, яблоки выращиваю. А от научных статей денег только и хватает, чтобы концы с концами сводить.

– Очень вкусно, – похвалила Наташа, чтобы приободрить мужчину.

– Вы ешьте, ешьте, – сказал он, – вон то возьмите, крайнее...

Наташа улыбнулась, хотя после того, что она услышала, ей было не до яблок.

Авалова вновь стояла перед домом на Лермонтовском бульваре и смотрела на кирпичные стены здания, словно бы холодный материал мог ответить на её вопросы. Кирсанова была здесь. Здесь её убили. Затем её тело вывезли в пансионат. Но что случилось здесь кроме убийства? Ссора, драка, может быть, вообще несчастный случай? Зачем Кирсанова пришла сюда и с кем она здесь встречалась? Любая комбинация из возможных.

Медленно ковыляя, к ней подошла консьержка – миниатюрная женщина лет семидесяти, простая, но прибранная, что свидетельствовало о старой выучке. Она работала не только в этом доме, но ещё и уборщицей в соседнем магазине электротоваров. Жила неподалеку. Так ей сообщил Рауш.

– Вы когда-нибудь видели здесь Александра Верховского? – спросила Ксения.

– Ученого? – спросила женщина. – Да, он частенько бывал здесь.

– Один или с компанией?

Консьержка поморщилась.

– Когда один, а когда и с компанией. Я так полагаю, что вас интересует, приходил ли он сюда с женщинами?

Ксения кивнула.

– Честно говоря, да, – сказала она. – Приходил, – неодоб-

рительно произнесла консьержка, – и он их приводил, и они к нему приходили.

– А эту женщину вы помните? – спросила Ксения, протягивая фотографию Кирсановой. – Её приводил?

– Тю, – воскликнула консьержка, – какая же это женщина? Это девочка совсем, а тот, о ком вы спрашиваете, он, видать, постарше любил.

– Вот так? – кивнула Ксения. – Значит её вы не видели? Консьержка фыркнула.

– Вечно вы, молодежь, торопитесь, – посетовала она, – куда-то все бежите, а бежать не надо, надо рассудительно все делать. Видела я эту девочку, только не с Верховским, одна она приходила и только один раз, восьмого числа.

– Не путаете? – спросила Ксения. – Точно только восьмого?

– Ничего я не путаю, – обиделась консьержка. – Я что, молодежь, чтобы путать? Я советский человек, с маленькой пенсией, мы не путаем.

– Ясно, – кивнула Ксения, – а она заходила в квартиру, может, у неё ключи были?

– Вот хорошо, что вы про ключи спросили, – заявила консьержка, – с ключами какая-то непонятная ситуация произошла. – Ученый этот, дня за два до того, как сюда эта девочка пришла, попросил слесаря нашего Матвея Сергеевича сменить все замки в квартире.

– Понятно, – кивнула Ксения.

– Ну, Сергеевич чего, – продолжала консьержка, – замки сменил, а тут, нате вам, как раз восьмого числа, является сюда девица, расфуфыренная вся и таким холодным голосом говорит: «Я в пятую квартиру». Ну женщины-то здесь бывали, я поэтому вначале внимания не обратила, а тут слышу звенит чем-то. Я шась, посмотрела, а она ключи подбирает. Я её гнать отсюда, а она на меня как зыркнет, и не говорит ни слова. Ну я человек-то советской выучки, я ей, мол, сейчас милицию вызову, а тут как раз и девочка эта пришла и своим ключом дверь открыла, и они туда вместе прошли, в квартиру, значит. Она, девочка, мне говорит, что это, мол, подруга моя, вот, значит, как, а уж потом я узнала, что девочку эту убили. Такая молоденькая была.

– Ясно, – сказала Ксения. – А не запомнили, как девица эта выглядела?

Консьержка задумалась.

– Значит, так, – начала она, – кость белая, на лице ни кровинки. Волосы под капюшон убраны, цвет не могу сказать, взгляд дурной, ну точно приведение.

Под это определение могла подходить любая, естественно, кроме Александры Рыковой. Грустная ирония, тебя исключают из списка, потому что ты мертва.

– А узнать по фотографии не сможете? – спросила Ксения. Консьержка покачала головой.

– Я не буду врать, – сказала она, – было темно.

– А Верховский? – спросила Ксения. – Верховский при-

ходил в этот вечер?

– Нет, – ответила консьержка, – его я тогда не видела, да и потом тоже его не было, а что, девица эта замешана в убийстве, да?

– Возможно, – проговорила Ксения, – весьма возможно.

Значит, Верховский никогда не встречался здесь с Кирсановой, тогда зачем же Катя пришла сюда в тот вечер? Может быть, Верховский просто заманил её сюда? Сказал приехать, обещал встретиться, а вместо себя прислал их старую знакомую. Как вариант рассмотреть можно. Но мотив? Что знала Кирсанова такого, что это могло угрожать Верховскому и заставило его пойти на такой риск? А может, за Верховским стоит кто-то ещё и этому кому-то не понравились его отношения с Кирсановой? Да, это может быть. Только кто? Адашев? Тополевич? Нет, Верховский слишком честолюбив, чтобы быть у них на побегушках, по крайней мере так ей казалось, но иногда вещи вовсе не те, какими кажутся. И все же ей нужно было больше сведений, прежде чем делать выводы.

* * *

Стук в дверь не оказался, даже при нынешних обстоятельствах, большой неожиданностью. Эльмира была уверена, что как только выдастся подходящий случай, Анастасия придет поговорить с ней. Она поэтому даже решила посе-

литься в пансионате. Сейчас не стоило оставлять Анастасию одну, особенно одну перед Верховским. Она ему никогда не доверяла. Многим девушкам нравятся мужчины с чертовщинкой. Эльмира себя к ним не относила. Закутавшись в халат, девушка открыла дверь номера.

На пороге, разумеется, стояла Урусова.

– Привет, – выдохнула она.

Похоже, прежде чем прийти сюда, она очень долго плакала.

Эльмира ласково улыбнулась на правах старшей подруги и пропустила гостью в квартиру.

Анастасия с немигающим взором прошла в номер и, присев на край кожаного дивана, запрокинула голову и закрыла лицо руками. Минуты две она сидела неподвижно. Никогда не терявшая присутствия духа, Эльмира ясно сообразила, что девушка в тяжелой депрессии, и поэтому немедленно направилась к деревянному штофу и, достав оттуда одну из бутылок, плеснула из нее в граненый стакан и протянула его Анастасии.

– Пей, – сказала она, – залпом.

Анастасия, кисло ухмыльнувшись, взяла стакан дрожащей рукой и опрокинула его содержимое. Девушку передернуло, но её мутные глаза стали просветляться.

Эльмира села рядом с ней на диван.

– Теперь говори, – сказала она.

– Что говорить, – хриплым от коньяка голосом сказала

Анастасия. – Эля, понимаешь, мне не к кому больше пойти. Я совсем запуталась. Я не могу больше никому рассказывать свои тайны. Только ты их знаешь. Я приняла решение...

– Решение? – непонимающе спросила Эльмира.

– Да, – сказала Анастасия, – Я не могу позволить, чтобы Шурочка осталась неотомщённой.

Сабурову вдруг очень испугало состояние подруги. В ее глазах читались какая-то безумная решимость и фатализм, что ли. Эльмира никогда не видела Анастасию в таком виде. Девушка явно медленно сходила с ума.

– Понимаешь, – продолжала Анастасия, – тот, кто убил Шурочку, он ошибся. Ведь он пытается всем внушить, что это я всех убиваю. Но ведь Шурочку я не могла убить, не могла. Мы же все время были вместе.

Эльмира задумалась. Ну, теоретически можно было предположить разные варианты. Ведь сама она видела Анастасию не все время. Это так, для чистоты эксперимента, конечно. Эльмира о другом даже подумать не могла. Дело было в другом: убийство Шурочки выглядело какой-то глупостью. Первое, о чем подумала Эльмира, когда все произошло, – пытались убить ее, машины же одинаковые, но взрыв был слишком профессионально исполнен, а профессионалы так не ошибаются, да и Тополевичу она нужна живая, пока у них не будет Марты, хотя теперь местонахождение девочки знает не только она, но и Ксения Авалова. Может, Тополевич и его друзья поняли, что с неё самой уже ничего не взять, и

решили убить хотя бы одного зайца? Нет, непохоже на это. Зачем так театрально? В убийстве Шурочки чувствовалась какая-то экспрессия.

– Естественно, нет, – сказала Эльмира. – Я тебе уже говорила, что ты должна абстрагироваться, что ты не должна рассматривать происходящее как часть своей жизни. Ты слишком привязываешься к происшествиям.

Анастасия смерила её взглядом.

– Но ведь ты рассматриваешь Марту как часть своей жизни? – спросила она. – Ты ведь не пытаешься её вычеркнуть?

Эльмира покачала головой.

– А что это мне дало? – риторически спросила она. – Я бросилась защищать дорого мне человека, а в результате чуть не погубила его, только потому что на самом деле я думала не о Марте, а о себе. Я была ослеплена своей жадной мести. Если бы не Авалова... Теперь я это ясно вижу.

Анастасия фыркнула.

– Значит, ты предлагаешь мне сидеть и ничего не делать? Сколько ещё близких я потеряю, прежде чем его найдут?

Эльмира мягко улыбнулась.

– Ты можешь не бездействовать, однако если ты будешь искать сама, то должна понять, что ты вновь соприкоснешься с той историей.

– Историей? – переспросила Анастасия.

– Со всем тем, что произошло с тобой в Женеве, – пояснила Эльмира. – Всё, что с тобой происходит сейчас, связа-

но с тем, что случилось тогда, и ты должна найти тех людей, которые были с тобой тогда, не только Верховского, но и Тома Чилуэлла.

Анастасия округлила глаза.

– Тома? – спросила она. – Ты думаешь, что это он? А ведь верно, и как я сразу не поняла! Кто, если не он? После всего того, что случилось, он может считать, что я виновна в его падении. Он ведь явно с помутненным рассудком, а такой человек способен на всё.

Про Тома Эльмира не знала, а вот у Анастасии рассудок явно помутился. Её нервная система была настолько расшатана, что Анастасия ухватилась за первое попавшееся имя и даже объяснение придумала. Имя Тома Эльмира назвала не потому, что считала его виновным, а потому что всегда считала эту историю какой-то недосказанной. В ней все было очень просто и ясно, кроме одного факта, о котором уже все забыли: пропажи документов Чилуэлла-старшего. Документов, которые касались препарата, очень похожего на греларозол. Эльмире почему-то всё время казалось, что все те события, которые происходят с Анастасией, как-то переплетены с ней самой, что преступник, который преследует Анастасию, связан с её расследованием о греларозоле. Что это всего лишь наваждение или же интуиция? Может быть, если она поможет Анастасии, это поможет и ей?

– Не торопись с выводами, – произнесла Эльмира, – ты ведь так говоришь лишь потому, что фамилия Чилуэлл

очень легко объясняет все события, с тобой происходящие. Поскольку он уже один раз совершил над тобой зло, на него можно списать и это. И ты не хочешь думать о единственном оставшемся кандидате. И не отпирайся. Ты знаешь, что я права.

– Я могу себе представить, что ты сейчас скажешь, – фыркнула Анастасия, – но ни тебя, ни Светы там не было. А я была, я это видела! И я могу ответить за свои слова.

– Возможно ты и права, – согласилась Эльмира, – а кстати, почему ты не сказала Аваловой?

– Не сказала что? – удивилась Анастасия.

– О Светлане, – хитро улыбнулась Эльмира, – об их романе с Томом.

Анастасия недовольно нахмурила брови.

– Это ничего не меняет, – сказала она, – какая разница, что было до, когда произошло после.

– Вовсе нет, – не согласилась Эльмира. – Факт этих отношений может в корне изменить всю расстановку фактов, особенно если они встречаются до сих пор.

Неожиданная мысль пролетела в голове Эльмиры. Что, если Шурочку убили, чтобы больше не осталось подозреваемых кроме Верховского? Что, если молодого человека таким образом подставляют? Правда, как это разузнать? А узнать это можно действительно только найдя Чилуэлла.

– Ты должна лететь туда, – сказала Эльмира, – где все началось. Ты должна трезво проанализировать все, что с тобой

произошло. Когда ты проанализируешь, ты сама поймешь, кто твой враг. И я тебе в этом помогу!

– Правда? – спросила Анастасия.

Эльмира заметила, что её подруга просветлела, в первый раз за время разговора.

– Истинная, – сказала Эльмира, – и я даже знаю, с чего начать!

* * *

Ведомая доктором Перрен, Кристина шла по коридорам клиники. Коридоры были длинными, с вытянувшейся вдоль стен колоннадой из пенобетона. Пахло стерильностью и свежей побелкой, отчего немного першило в горле, наверное, с непривычки. В отличие от тех коридоров, по которым она шла в одиночестве, здесь сновали персонал и пациенты, точнее, пациентки, лиц мужского пола она пока не видела, за исключением персонала, который и сопровождал девушек до нужной им двери. Передвигаться самостоятельно здесь было не принято. Персонал, очевидно, выполнял также и роль охраны. Белая униформа и легкие белые кроссовки, вероятно для быстрого перемещения, закрепленная на бедре кобура с торчащим Smith & Wesson 29-й модели.

Девушки заинтересовали даже больше, чем мускулистые охранники, потому как были одеты в обычную одежду. Кто в платье, кто в джинсы, но Кристина не видела ни одну де-

вушку, которая была бы одета во что-нибудь больничное. Это было странно. Обычно так выглядят в доме отдыха, а не в клинике. Говорили все на разных языках, но преимущественно на английском, хотя и с разным акцентом.

Роящиеся в голове вопросы Легонова держала при себе, усиленно делая вид, что любит окружающую действительностью, ну, собственно говоря, она это и делала, на всякий случай, если вдруг придется быстро уносить ноги.

– У вас серьёзная охрана, – светским тоном заметила Кристина, – я несколько нервничаю при виде оружия.

Она надеялась, что это было сказано достаточно иронично.

– Меры предосторожности, – сообщила доктор Перрен, – оружие охраняет нас от шпионов конкурентов. Много раз они пытались украсть наши открытия.

– Что поделаешь, – сказала Кристина, – мы все живем в мире алчности, такова уж наша природа.

– Здесь алчности нет, – веско заявила доктор Перрен, – наша клиника создана не ради дешёвой наживы, мадемуазель. Доктор Девье работает ради всего человечества.

– Я рада это слышать, – сказала Кристина, – честные люди сейчас такая редкость.

Человечество-то на это соглашалось?

– Доктор Девье стремится укрепить прогресс и спасти множество жизней путем своих открытий.

– Естественное стремление для настоящего гуманиста, –

сказала Кристина.

– Мы докажем это на практике, – заявила доктор Перрен, – вы увидите это с очень близкого расстояния.

Веселая перспективка, ничего не скажешь.

Они подошли к одной из панелей, и доктор Перрен мягко повела рукой. Дверь открылась с уже привычным звуком воздушной подушки.

– Мы поселим вас вместе с Софи, – сказала доктор, – она здесь недавно, но уже не боится подвергнуться обновлению.

– Обновлению? – вырвалось у Кристины.

– Да, – кивнула доктор Перрен, – это наша конечная цель. Очистить материал от всех старых когнитивных способностей. Научить их смиренному мышлению. Превратить их в хороших послушных девочек.

Смиренное мышление, усмехнулась Кристина, неплохое название, а главное – многозначительное. Вот уж кто-нибудь попробовал бы её смирить.

– Это Софи, – представила доктор молоденькую девушку, сидевшую спиной к гостям. Кристина вначале её даже не заметила. Девушка явно и сама не замечала окружающих, мирно покачиваясь из стороны в стороны с полностью отсутствующим видом в глазах.

– Думаю, вы найдете общий язык, – продолжала доктор, – ваша кровать там – она махнул рукой в сторону аккуратно застеленной кровати у стены. Кристина не преминула отметить, что окон нет ни в коридоре, ни в палате. Лишь одни

белые стены. Не мудрено и с ума сойти.

– Если что-то понадобится, нажмите это, – доктор указала на белую клавишу, сходную с выключателем, – появится наш сотрудник.

– Весьма продуманно, – согласилась Кристина.

– Также вы должны нажать эту клавишу, если захотите выйти из номера. Мы не запираем пациенток, но, чтобы они не мешали друг-другу, стараемся их разделять. Знаете, очень непросто мешать им сплетничать, а ведь воспитание индивидуализма – это тоже одна из наших задач. В одиннадцать часов здесь отходят ко сну, однако если вам что-нибудь нужно, ночные дежурные постоянно обходят клинику. Двери, естественно, заперты, но вы вольны выходить в любое время, достаточно предупредить дежурного. Доктор Девье уделяет большое время спокойному отдыху.

– Не могу с ним не согласиться, – сказала Кристина.

– И последнее, в девять вечера мы отправляемся на игру, – губы доктора Перрен сложились бантиком – я с удовольствием познакомлю вас с нашими девочками.

Кристина вежливо поклонилась. Что ещё за игра? Какой-то психологический тренинг?

– Если это все, то не буду вам больше мешать. Если вы хотите воспользоваться телефоном или интернетом, обратитесь к охране. Может быть, передать что-либо доктору?

– Лишь только то, что я в предвкушении встречи с ним, – сказала Кристина, – я жду её с большим нетерпением.

– Конечно, – сказала доктор Перрен, – не смею вам более мешать.

На этой благостной ноте доктор Перрен поклонилась и скрылась за панелью, которая сразу же защелкнулась за ней.

Некоторое время Кристина стояла, не двигаясь, возле входа. Она тихонько присвистнула. Веселенькая история, ничего не скажешь.

Девушка повертела головой. Её соседка все так же сидела спиной к входу. Кристина обогнула кровать, чтобы разглядеть лицо девушки, и замерла на месте. Перед ней сидела Соня Захарова, третья пропавшая школьница. Убитая школьница, Кристина следила за новостями, и её труп, как предполагалось, лежит в морге судебной медицины в Кранцберге. Какого...

От неожиданности она чуть не заорала, хорошо, что вовремя заметила, что один из шести потолочных светильников был пустой и из него торчало нечто очень похожее на камеру. Скорее всего внутренне наблюдение за пациентами. Вот охрана, наверное, развлекается тихими вечерами. Интересно, а на какую площадь работают камеры? Только на середину комнаты? Или дальше? И есть ли микрофоны? Ладно, сейчас не об этом. Как может быть то, что она видела сейчас? Значит, тот труп – это не Захарова? Но это же бред? Генетическая экспертиза подтвердила личность убитой. И все же сейчас перед ней сидела именно Соня Захарова, живая. Как? Как такое может быть?

Кристина вздохнула и приказала себе расслабиться и перестать кусать губы. В конце концов, необходимо изображать из себя холодную вежливость. Это было трудно. Обилие новой информации превращало её мысли в кашу. Спокойно, сказала девушка себе под нос, ты всего лишь посыльная, а значит, человек маленький и вопросов не задаешь. Такова твоя легенда.

Кристина осторожно опустилась на кровать возле соседки.

– Привет, – сказала она, – меня Крис зовут. Она решила сократить имя.

– Соня, – отсутствующе сказала девушка, – меня зовут Соня.

Мысли обрушились. В который раз.

– Здесь всем дают иностранные имена, – пояснила соседка, – чтобы полиция не проверяла. А ты не похожа на остальных. Ты не похожа на тех, кто приехал лечиться.

А на кого, интересно, подумала Кристина, что, у меня на лице так и написано – приехала осуществлять шпионскую деятельность? Эта доктор Перрен что-то говорила про конкурентов. Во-во, промышленный шпионаж, самое то.

– А ты как сюда попала? – спросила Кристина, не имея никакого желания раскрываться первому встречному.

– Жених устроил, – сказала Соня, – а мне здесь не нравится.

Кристина насупилась. Что ещё за жених? Ни о каком же-

нихе известно не было.

– А чего же он тебя не заберёт? – спросила Леонова вслух, ей сразу показался странным жених, который будет держать свою девушку в подобном учреждении, особенно если ей не нравится.

– Он боится, – сказала Соня, – он стесняется, что я такая дура.

– Да ни какая ты не дура, – поспешила успокоить её Кристина, – ты хорошая, симпатичная девочка.

Которая не знает, что она вообще-то мертва. Хотя в её состоянии...

– Нет, дура, – повторила Соня, – после того, как я потеряла ребенка, я стала душой. Я забеременела и стала принимать один лекарственный препарат – витамины. Мне Паша их купил. Я их принимала и никак не могла остановиться, хотя Паша меня предупреждал, чтобы я была осторожна, а я не слушала, потому что дура, а у меня потом выкидыш. Мне жить не хотелось. А Паша сказал, что мне здесь помогут, у него знакомый тоже невесту сюда отправил. Вот теперь лечусь здесь. Паша очень стесняется, никому ничего не говорит, а для всех я учусь в университете в Борисфене, на заочном.

Кристина аж присвистнула. Ерунда какая-то. Ребенок, жених, витамины. Уж не те ли это витамины, которыми занимается Касаткина?

– Тебя ведь тоже жених сюда отправил, да? – спросила

Соня.

– Э-э-э, ну да, – нашлась Кристина, – да, жених.

Интересно, как бы Штильхарт отнесся к такой своей роли?

– Можешь не стесняться, – сказала Соня, – здесь всё такие. Сюда только женихи отправляют.

* * *

Офис компании «Алком» располагался, как и положено такой корпорации, непосредственно в историческом центре Кранцберга. Старинный трёхэтажный особняк, вероятно, принадлежащий до революции какой-то знатной семье, располагался в глубине вишнёвого сада, отделенного от тротуара резной, чугунной решеткой, на которой возле калитки была прибита золотая табличка. Небольшая площадка перед домом была заасфальтирована и на ней стояли в ряд обычно два-три автомобиля.

Рассматривавшая здание Наталья Покровская пришла к выводу, что местоположение той или иной компании находится в прямой зависимости от её благосостояния и наоборот, благосостояние компании зависит от её расположения.

Она решила взять быка за рога и не теряя времени отправилась по адресу, который ей дал профессор Вяземский. Ей были нужны ответы, и теперь она знала, где получить хотя бы часть. Для большей уверенности она прихватила с собой

Алексея Соболя.

Девушка и её спутник прошли сквозь калитку в сад, где в нос сразу же ударил резкий запах тропической растительности. Входом в здание служила тяжелая массивная металлическая дверь, обтянутая кожей. Наташа вдавила кнопку звонка. Из аппарата раздалось медленное, ровное гудение и какое-то потрескивание. Затем сухой мужской голос осведомился, что нужно.

– Прокуратура, – коротко сказала она, одновременно демонстрируя удостоверение в весьма правильном расчете, что где-то с другой стороны домофона, откуда он управляется, её прекрасно видно.

Либо с властью здесь не спорили, либо о её приезде уже сообщили, потому что буквально через секунду после того, как она представилась, при этом даже не успев указать, так сказать, цель визита (ну действительно, мало ли зачем приходят прокурорские), дверь автоматически отворилась, пропуская гостей внутрь. Что ж, хорошо, если о ней предупредили, Наташа не любила долгих прелюдий. Внутреннее убранство просторной колоннады, служившей, очевидно, холлом, поражало всякое воображение. Сплошь уставленное цветами, карликовыми деревьями и декоративными кустарниками, оно напоминало скорее ботанический сад, чем холл офиса корпорации, ну по крайней мере Покровская в Борисфене подобных офисов никогда не видела. Дикую обстановку джунглей дополняли стоящие в клетках чучела экзотиче-

ских птиц. Наташа и её спутник с любопытством осматривали импровизированный парк, ожидая, когда кто-то их встретит.

Но никто к ним не торопился. Девушка потрогала одно из чучел, словно бы убеждаясь, что оно не настоящее.

– Прямо-таки декорации к Тарзану, – констатировала Наташа, заглядывая за небольшую ветку какого-то южного дерева, – только хозяев джунглей почему-то нет.

На эти её слова отреагировали. С уходящей вверх лестницы спустился подтянутый мужчина средних лет, который, судя по серому в полоску костюму и дорогим итальянским ботинкам, совершенно не был похож на Тарзана, ну или был сильно изменившимся Тарзаном.

– Прекрасная коллекция, – будничным светским тоном отметила Наташа.

– Господин Сабуров увлекается орнитологией, – сказал мужчина, протягивая руку. – Константин Сокольников, я помощник господина Сабурова, пойдёмте, – мужчина сделал приглашающий жест.

– В этом его никто не обвинит, – сказала Наташа.

Сокольников повел их вверх по мраморной лестнице на самый последний этаж особняка. Пока они шли, обстановка становилась более похожей на офис, очевидно, нижние этажи предназначались для каких-то официальных приемов, а сейчас Наташа видела спящих работников, одетых в повседневную офисную одежду, удачно совпадающую по цветовой гамме с логотипом компании. В голове девушки сейчас бушевал настоящий винегрет из мыслей. Вся своеобразная, приветственная церемония означала, что их здесь определенно ждали, но как их могли ждать, если она сама не знала, что приедет сюда.

Ну по крайней мере именно сегодня.

Нужный им этаж представлял собой длинную мансарду, перегороженную каменной стеной, в центре которой имелась

массивная деревянная дверь из резного дуба. Крыша, боковые стены помещения были также обиты дубовым деревом, в некоторых местах из специальных отверстий вниз свисали тонкие прозрачные рейки, на которых висели фотографии промышленной работы корпорации.

Сокольников постучал в дверь и, не дожидаясь ответа, зашел, как подозревала Наташа, в кабинет хозяина всего этого предприятия. Вышел службист из кабинета практически сразу, сделав приглашающий жест девушке.

– Вас ждут, – сказал он, – ваш компаньон может пройти с вами, однако ему придется оставить оружие.

– Прекрасно, – ответила Наташа, – мы не для драки пришли.

Вот только для чего, интересно?

Соболь вытащил свой ПМ и положил на стол. Службист вытащил из пистолета обойму и вернул владельцу, предварительно убрав обойму во внутренний карман пиджака. Затем открыл дверь и пропустил гостей в кабинет.

* * *

Кабинет Альберта Сабурова был похож на кают-компанию каравеллы шестнадцатого века. Обшивка из тёмного дерева создавала довольно мрачную обстановку, в левом углу кабинета стоял стеллаж с красиво оформленными книгами, а впереди книг – модели оловянных солдатиков, в правом углу

стояли, придвинутые друг к другу, два кожаных дивана, перед которыми располагался низкий журнальный столик, на котором был графин, доверху наполненный водой, вероятно, для гостей, наконец, перед дальней стеной, точнее, перед панорамным окном стоял красивый стол на резных ножках, а за столом высокое кожаное кресло, на котором сидел высокий седой человек в охотничьем твидовом костюме – хозяин, поняла Наташа.

– Мой начальник службы безопасности сказал мне, кто вы, – медленно произнес Сабуров, – вы знаете, кто я. Так что, думаю, мы можем обойтись без формальностей и прелюдий. Присаживайтесь, Наташа.

– Благодарю, мне сказали, будто вы нас ждали. Это так?

Сабуров откинулся в кресле и подпер рукой щеку.

– Я вижу, что вы удивлены, – сказал он, – но не стоит. Я действительно ждал, когда вы ко мне придете, ведь мне рекомендовали вас как человека, которому можно довериться.

Вот только кто, параллельно размышляла Покровская, – Вяземский? Добровольский? Хотя это и не суть важно.

– Весьма польщена, – ответила девушка, – столь высокой оценке, так что же вы от меня хотите?

Сабуров подался вперед, облокотившись на стол.

– Я знаю, что вы ведете дело об убийстве Андрея Левицкого, – сказал бизнесмен, – неважно, как я это узнал, у меня есть источники. Думаю, что вы понимаете, что в силу некоторых обстоятельств мне важно, чтобы убийцы были схва-

чены.

– Ибо речь идет о вашей дочери? – напрямик спросила Наташа.

Сам просил же, без прелюдий. Сабуров кивнул.

– Сразу вам скажу, я ничего не знал о её расследовании, – произнес он, – и вряд ли бы узнал. Однако неделю назад произошло одно событие, которое само по себе было не примечательно, но оно заставило меня обратить внимание на деятельность интересующих вас лиц.

– Вот как, – среагировала Наташа, – и что же это?

– Один из моих торговых маршрутов был перекуплен небольшой судоходной компанией, – пояснил Сабуров, – через этот маршрут корпорации Великоруссии осуществляли беспошлинные поставки промышленной нефти в Турцию, а оттуда великороссы получали оборудование для глубоководного бурения скважин. Естественно, мы имели свой процент от транзита. Я поручил своей службе безопасности проверить эту судоходную компанию и выяснилось, что помимо всего прочего груза на каждом корабле обязательно перевозят по ящику с неким лекарственным препаратом.

– Греларозол, – догадалась Наташа. Сабуров кивнул.

– Совершенно верно. – Сабуров встал и подойдя к сейфу достал из него исписанную тетрадку.

– Здесь всё, – сказал он, – вот, смотрите. На первой странице – маршрут от нас, через Хорватию, в Швейцарию, а на второй, – мужчина провел ручкой по листку, – уже из Швей-

царии, через Хорватию, к нам.

– Я думаю, что через эти пути транспортируют не только греларозол, – заметил Соболь.

– В том то и дело, что нет, – сказал Сабуров, – этот маршрут используется только для транспортировки Греларозола, а купила маршрут корпорация, которая принадлежит Арсенюку. Вот мне и стало интересно, почему ради каких-то таблеток понадобилось перекупать целый маршрут.

– И вы узнали о расследовании вашей дочери? – догадалась Наташа.

Сабуров кивнул.

– Да, – сказал он, – совершенно случайно. Чтобы обо мне ни говорили, я был женат один раз, и я любил свою жену. Она умерла десять лет назад, и мы с дочерью остались одни. Я решил дать дочери всё, что могу. Я уже был богат, меня тогда назначили на пост министра транспорта. Дочь я отправил в Швейцарию, она была для меня всем, светом моих очей, и я исполнял все ее желания. Но она росла совершеннейшей дикаркой, настоящего дома у неё не было, она все время скиталась по закрытым пансионатам, а я был занят службой, и присматривать за ней было некому. Вот так и вышло, что через свои знакомства в Швейцарии она попала в некий круг, как называется, золотой молодежи. Там крутились все: латиноамериканцы, китайцы, великороссы, американцы. Об их «светской жизни» можно прочитать в любой газете. Эльмира все время попадала в какие-то скандальные истории, а когда

я пытался привести её к порядку, то она вела себя ещё безрассуднее, не знаю, чтобы насолить мне, быть может. – Сабуров выдержал паузу и взглянул на Покровскую, та сосредоточенно слушала. – И все же, в эти моменты в ней поселилось сомнение в правильности своей жизни. Это сомнение маскировалось саморазрушением, безрассудством. Теперь я точно в этом уверен. Вы же знаете, что это часто случается с брошенными детьми. Сначала они сжигают себя, стремясь взять от жизни всё, а потом вдруг оглядываются назад и понимают, что их душа просто опустошена и жизнь пронеслась как один большой кутеж. Вдруг все прекратилось, я даже вначале не понял почему, а она просто нашла достойного молодого человека, который действительно мог составить её счастье. Сейчас я понимаю, что это была последняя попытка встать на ноги. Альваро стал для неё тем, чем она была для меня, и я с радостью был готов отдать её ему, а потом он погиб. И моя девочка, которая, казалось, обрела покой, вновь погрузилась, только уже не в кутеж, а в какую-то черную меланхолию.

В комнате на некоторое время воцарилась тишина. Наташа думала о драме девушки, о её выборе. Теперь все её действия становились достаточно понятны и логичны.

– Поэтому она так и привязалась к Марте, – продолжил Сабуров, – и месь Тополевичу и Арсенюку стала для неё смыслом жизни. Она никогда не сказала бы мне об этом. Знала, что я буду против, хотя я, конечно, следил за ней и пытал-

ся оберегать. В конце концов один из моих наблюдателей за Арсенюком сообщил мне, что его охранники следят за моей Эльмирой с весьма определенной целью: им нужна девочка, которую лечили в клинике Тополевича. Имя не назвали, но я понял, что речь о Марте.

– Тогда вы и решили включиться в её расследование самостоятельно, – кивнул Соболев.

– Инкогнито, разумеется, – сказал Сабуров. – Открыто мою помощь Эльмира никогда бы не приняла, но я понимал, что одна она не только себя погубит, но и девочку. Простите, что, может быть, слишком мелодраматично, но рассказав эту историю, которую всегда держал в себе, другому человеку, я словно камень с души снял, надеюсь, вы понимаете.

– Прекрасно понимаю, – сказала Наташа, – более того скажу, что ваша дочь большая молодец. Она бросила вызов людям, которым многие мужчины боятся перебежать дорогу. Что ещё удалось узнать вашим ребятам?

– Есть пара интересных вещей, – сказал Сабуров. – Препарат доставляют сюда морем, выгружают в порту и распродают по аптекам, но обратно корабли не пустые отправляют, а с грузом – молодыми девушками. Их высаживают в Марселе и уже по суше переправляют в клинику Тополевича в Швейцарии.

– Зачем? – спросил Соболев. – Как проституток?

– А вот это главная загадка, – сказал Сабуров, – этого никто не знает, кроме самых проверенных. Мне, к сожалению,

не удалось подобраться настолько близко. Но говорят, что ни одна из перевезенных туда девушек назад не вернулась.

Значит, вот как убитые девушки должны были отправиться в Швейцарию, поняла Покровская, вероятно, что-то пошло не так и от них избавились. Но для чего их туда отправляли? Возможно, что на них испытывали препарат, как на подопытных. Это может быть. Но почему понадобились девушки отсюда? И почему девушки?

– Вы можете устроить нам встречу с вашими агентами? – спросила она. – Нам нужна полная оперативная обстановка. Мы должны знать об этих людях всё. Что они делают? С кем встречаются? Куда тратят деньги? Всё.

Сабуров кивнул.

– Что же, это можно устроить, – сказал он, – я готов вам помочь, если вы пообещаете не бросать это дело и довести его до конца. Мне нужно, чтобы вы остановили этих людей. Я готов вам оказывать любое сотрудничество.

Соболь бросил взгляд в сторону Покровской, та лишь выразительно смотрела на Сабурова, словно бы изучая его лицо.

– Стоящее предложение, – заметила Наталья, – но почему вы не обратились к нам открыто? Вы же сами сказали, что собирали информацию.

Сабуров тяжело опустился на стул. Закурил.

– Потому что в таком деле не нужны лишние уши, – сказал он, – а главное, люди, которые нас с вами интересуют,

не знают о том, что я против них копаю, иначе они вряд ли предлагали бы мне вступить в их «Лигу честности». А если бы я обратился к вам напрямую, они бы сложили два и два.

– Значит, вам предлагали, – спросила Покровская, – вступить?

Сабуров усмехнулся.

– Предлагали, – сказал он, – не далее чем два дня назад, но я отказался и тем самым подписал себе смертный приговор. Покушение на меня – это только дело времени, и когда меня не станет, мою девочку больше никто не сможет сберечь, видите, я с вами предельно откровенен. Помогите мне. Помогите мне спасти мою дочь. Вы теперь мой единственный шанс. Можно ли рассчитывать на вашу помощь? Я устал. Быть может, это вам покажется странным, но это правда. Хочу просто пожить, как обычный человек, в свое удовольствие. Не бояться за своих близких. Спокойно спать по ночам.

Покровская коротко усмехнулась.

– Не получится, – сказала она, – не там родились, не там живете. Вам бы спрятаться куда-нибудь. В деревню к тётке...

– В глушь, в Саратов, – улыбнулся Сабуров.

– Вы поняли? – спросила Наташа. – Я думаю, у вас есть пара-тройка укромных мест, а пока они будут соображать, куда вы делись, я буду заниматься вашим делом.

– Думаю, что мы поняли друг друга, – сказал Сабуров. – Спасибо вам за всё.

В его словах чувствовалась обреченность, показалось Покровской, эти ребята умеют выжимать людей. Оставалось надеяться, что её нервы крепче, чем у мужчин в дорогих костюмах. Ты сама-то в это веришь, спросила себя Наталья. Ну ничего, главное – убедить себя, а остальное неважно.

* * *

Верховский привычным движением повернул ключ в замке входной двери своей квартиры и прошел внутрь. Скинув бежевые тапочки, он сел на стул, который стоял сбоку от входной двери, и некоторое время оставался в неподвижном состоянии, рассматривая свои босые ступни. Затем, словно бы пробудившись от спячки, дернул головой и потянулся рукой к телефонному аппарату, стоявшему на тумбочке из резного дерева. Быстрыми щелчками набрал номер и поднес трубку к уху.

– Я приехал, – сказал он, – у меня открыто, проходите. Сказав это, Александр положил трубку и, встав со стула, направился в гостиную – ту часть квартиры, которой он гордился больше всего. Не только из-за того, что в ней располагалась совершенно уникальная библиотека, ей мог, наверное, позавидовать даже конгресс США. Коллекционирование редких и старинных книг было одно из тех немногих увлечений обеспеченных людей, о котором Верховский мог сказать, что оно того стоит. Однако в противовес многим сво-

им собратьям по материальному состоянию Александр ещё и читал эти книги, черпая и откладывая в своем сознании знания древних. И в минуты душевного расслабления он очень любил, потягивая терпкое вино, сидеть перед камином и размышлять.

Но только не сегодня. Не сегодня, потому что времени для размышлений уже не осталось.

Сзади раздались глухие шаги, и в гостиную вошел низкорослый седой мужчина в легком светлом костюме, идеально подходящем для этого сезона в Кранцберге. Звали этого человека Николай Урусов. Он был одним из королей промышленности Понтии. Сумев в начале девяностых получить металлоперерабатывающий комбинат, Урусов за десять лет смог создать целую плавильную империю на территории республики, империю, с которой считались даже соседние государства. К середине нулевых Урусов имел долю во всех сколько-нибудь крупных предприятиях по производству металла, что позволяло ему размещать заказы по переработке металла исключительно на своих заводах. Александр любил этого старика. Он ему чем-то напоминал гоголевского Тараса Бульбу. Казался настоящим крепким хозяйственником, которому просто не повезло оказаться в Понтии в эти годы. Решительный, бескомпромиссный и жесткий. А ещё он был отцом Анастасии. Её Анастасии. Он всегда поражался превратностям судьбы. Его отношения с Анастасией расстроились, а с её отцом только крепки. Интересная штука жизнь.

– Мы давно не виделись, – сказал Урусов, – однако вижу, что ты не меняешь свои привычки.

Верховский открыл винный шкаф и достал оттуда зеленую запыленную бутылку.

– Старые привычки всегда сложнее узнать, – чем ты чаще меняешь поведение, тем заметнее становишься, вы будете? – молодой человек взглядом указал на бутылку.

– Наливай, – сухо ответил Николай.

Верховский отметил, что старик явно не в духе, и хотя он догадывался о причинах такого состояния, вслух не стал высказываться. Рано ещё было.

– Ты, наверное, хочешь спросить, почему я искал с тобой встречи? – поинтересовался Николай.

Александр покачал головой.

– Я догадываюсь, – сказал он, – у нас с вами не так много общих дел, а те общие дела, которые есть, не требуют личной встречи.

Николай осмотрел молодого человека с головы до ног.

– Умный, – констатировал он, – с тобой уже разговаривали? Что они тебе предложили?

Александр мысленно улыбнулся. Он, как всегда, оказался прав. Урусова волновала «Лига честности», вероятно, несмотря на то, что Урусов манкировал то собрание, которое организовывал Адашев, на него всё равно вышли. И теперь Урусову было важно понять, какое количество обеспеченных людей легло под Тополевича и вследствие этого при-

нять решение, передавать ли свои капиталы в Женеву.

– Разговаривали, – сказал Александр, – но если вы знаете мои привычки, вы знаете мой ответ.

– Почему? – спросил Николай. – Ты же всегда был идейный, сколько я тебя помню. Что же, их идея тебе не близка?

– Проверяет, подумал Александр, значит, боится, значит, те, с кем он разговаривал, уже были на стороне Лиги. Только вот с кем он разговаривал?

– Тополевич, – Верховский всегда отличался тем, что не врал и говорил совершенно искренне, – это чуждый для меня человек, и никаких контактов я с ним иметь не хочу.

– А ты не боишься, – спросил Николай, – что такая твоя принципиальность будет тебе дорого стоить?

Александр усмехнулся.

– Я вижу, с вами тоже поговорили?

Урусов с тяжелым видом сел в кожаное кресло.

– Нет, они не стали себя даже этим утруждать, – жестко сказал он, – они просто перекрыли мне все каналы для вложений. Разве что-то нужно еще говорить? Сигнал дали чёткий: или ты, сударик, с нами, или против, но тогда сиди на своем комбинате и пусть поддыхает твое производство, а оголодавшие рабочие тебя потом сами на вилах вынесут.

Александр вновь улыбнулся.

– Ну, значит, готовьтесь, – сказал он, – скоро Тополевич вас к себе вызовет на ковер и предложит вам бизнес где-нибудь в Эльзасе или Канаде.

Николай залпом осушил бокал с вином.

– Уже предложил, – сказал он, – только не мне, Сабурову, не знаю, как он, но на меня пусть не рассчитывает, – я с ним вел дела, когда он до «торга» здесь свои проекты предлагал, а оттуда – он жестом махнул в сторону предполагаемой Швейцарии, – не будет ему второго «Торга», не позволю!

Александр сложил руки на груди и внимательно посмотрел на гостя.

– Я так понимаю, что Сабуров тоже не даст денег? – спросил Александр. – Что вы будете делать?

Николай добродушно посмотрел на молодого человека.

– Саша, я же не первый год дела веду, – сказал он, – ты мне скажи, как человек молодой, почему я, здоровый, крепкий мужик должен сидеть и трястись как заяц? Я этой стране пятьдесят лет жизни отдал. Да, всякое было. Да, воровал, но воровал – чтобы ворованное работало. Разве можно у них, – он поднял палец и показал на потолок, – не воровать, когда они сами воруют? Но я никогда, никогда, слышишь, никого не лишал главного – его жизни, никого не оставил без куса хлеба. Мои заводы работают, у меня сытые рабочие. И я должен как последняя дичь прятаться от всякой шушеры?

Александр внимательно следил за монологом Урусова. Прихватили его серьезно, судя по всему, а ему это не нравилось. Никому бы не понравилось. С учетом этого в голове Александра начало зарождаться сомнение, что всё происходящее с Анастасией связано непосредственно с ней, может

быть, идет ещё большая игра. Может быть, кто-то лишь использует Анастасию, как оружие? Оружие, которым можно уничтожить и её отца.

А он сам? Какой шум пойдёт, если станет известна та же-невская история, а это станет известно. С учетом его не всегда линейной позиции...

– Сдать их хотите? – спросил он вслух. Николай кивнул.

– Сдам! – резко сказал он. – Вот полезут со своими европейскими выступлениями, сдам! Они там думают, что мне про их дела невдомек, а я про них всё знаю! – Он опрокинул ещё одну рюмку.

– А не проще в сторону отойти? – спросил Александр. – И не высовываться хотя бы до выборов?

Николай покачал головой.

– Не просто не проще, – сказал он, – невозможно. Я-то зашхерюсь, а бизнес кому? Пока меня не будет, они все мои комбинаты с молотка пустят и деньги загребут. Что ж мне теперь самому крамолу, что ли, устраивать, а? Сукины дети.

Он подошел к штофу и налил себе ещё вина.

– Слушай, Сашка, мы же с тобой не первый год знакомы, – сказал он, – так?

– Так, – ответил Александр.

– Я буду говорить прямо, – сказал Николай, – знаю, что ты с ней встречался. Может, её попросить, чтобы разобралась? Как думаешь?

Складывалось впечатление, что Урусов наконец загово-

рил именно о том, о чём беспокоился больше всего, и тот взгляд, которым Николай смотрел на молодого человека, подтверждал это. Очевидно, Урусов хотел получить ответ на свой вопрос именно от Александра, несмотря на то, что прекрасно его знал.

– О ком это вы? – Александр сделал вид, что не понимает.

– Не увливай, Сашка, – сказал Николай, – я ведь догадываюсь, кто она, Авалова эта.

– И кто же?

Николай покачал головой.

– Вот и ты темнишь, – констатировал он, – лучше бы соврал, что не знаешь, а я бы сделал вид, что тебе верю! Или она только с Сабуровым дела ведет, а ты для неё мелковат?

Александр пожал плечами.

– Я не такой проницательный, как вы, – сказал он, – но меня с ней ничего не связывает. Я только поделился кое-какими соображениями, вот и все.

Урусов с силой опустил палец на стол.

– Вот и я хочу поделиться, – сказал он, – соображениями.

Александр озадаченно покачал головой.

– Признаюсь, что мысль о великих возможностях этой девицы вызывает у меня сомнение, но я устрою вам встречу, если вы так хотите.

Старика крепко прижали, вот он и хватается за соломинку. Впрочем, иногда соломинка бывает и стальной.

Светлана Русакова жила на route des Acacias, на самой границе Женевы. Это была модная торгово-промышленная улица с современными шести-восьмиэтажными домами, в которых проживали студенты, менеджеры среднего звена и прочий люд, кому не хватало на квартиру где-то в центре. Квартира Светланы, судя по тому адресу, находилась именно в таком доме, на шестом этаже. Штильхарта приняли в гостиной, небольшой, но уютно и модно обставленной, с большим панорамным окном с видом на парк. За окном – небо, по которому медленно плыли белые облака, верхушки зеленых елей. Дивный октябрьский пейзаж в оконной раме. Высокая шатенка с правильными чертами лица выпорхнула в гостиную из кухни, располагавшейся по соседству, и, поставив перед гостем кофейник, подошла к окну и оперлась на подоконник.

– Если честно, я не очень хочу вспоминать то время, – сказала она, – правда, я не из тех, кто бросает на полпути, поэтому доучилась до конца, все четыре года.

– А как вы здесь оказались? – спросил Штильхарт, потягивая кофе.

– Меня в этот Центр родители отдали сразу после школы, – сказала девушка, – там я и познакомилась с Анастасией и Шурочкой. Жили вместе в кампусе, Анастасия, правда, у знакомых, но она несколько раз у нас ночевала, работать мы

тоже хотели вместе. Подружки ведь. И... повезло! Мы так думали. Знаете, мы очень здоровски смотрелись вместе, – Светлана возвела глаза к потолку, как обычно делают девушки, когда начинают мечтать, – настоящие красотки. Шурочка, правда, была повыше ростом и носила очень высокие каблуки или платформу и всегда очень короткие платья. У неё потрясающие ноги. Вы не представляете, какой она была. От неё все мальчишки с ума сходили.

Флориан бросил на девушку внимательный взгляд.

– Почему была? – спросил он.

– А вы что, разве не знаете? – спросила Светлана. – Она погибла вчера. Я в новостях слышала.

Штильхарт присвистнул про себя. Ну и новости. Здравьете, приехал допросить по старому делу.

– А что случилось? – спросил полицейский. Светлана закусила губу.

– Я только знаю, что в новостях говорили, – объяснила девушка, – её машина взорвалась.

Или взорвали, подумал Штильхарт, интересно, а Крис знает?

– Я думала, что вы по этому делу ко мне пришли, – сказала Светлана.

Штильхарт кивнул:

– Не совсем, – просто мы проверяем некоторые новые факты того старого дела.

– Какие факты? – спросила Светлана. – Я думала, что все

давно закрыто.

– Появились новые обстоятельства, – сказал Флориан, – в Кранцберге кто-то убивает молодых, красивых девушек и делает это таким же способом, каким была убита семья Чилуэллов. Вот к нам и обратились за помощью в расследовании.

– Значит, вы теперь считаете, что Том Чилуэлл не совершал этого преступления? – спросила Светлана.

В её глазах вспыхнул какой-то огонёк, который заинтриговал Штильхарта. С чего вдруг она это спросила? Я ведь не говорил ничего про Тома Чилуэлла, я только сказал, что появились новые факты.

– Пока рано об этом говорить, – произнес он, – но весьма возможно.

Штильхарт специально это сказал, вот теперь. Однако никакой реакции не произошло, вероятно, Светлана сболтнула то, что не собиралась. Почему? У них что, роман был? Если так, то интересно получается.

– А что вы можете рассказать об Александре? – спросил Флориан, чтобы сменить тему.

– Я же говорю, что потрясающая, – сказала Светлана, – манера говорить, двигаться, держаться на публике. Ей бы в актрисы или в дипломаты. С личной жизнью только вот не заладилось.

– Что вы имеете в виду?

– Понимаете, – обдумывая ответ, начала Светлана, – есть

девушки-оторвы, которым всё равно где, с кем, а есть такие, что увидели один раз своего единственного и больше им никто не нужен, – девушка хмыкнула, – только вдвойне обидно, когда человек, которого ты любишь и который знает о твоих чувствах, начинает встречаться с твоей подругой, а тебя и в упор не видит.

– Вы о Верховском? – спросил Флориан. Девушка кивнула.

– Да, – сказала она, – я, честно говоря, не знаю, что они обе в нём нашли. Нет, не подумайте ничего дурного, он мне нравился, однако от него всё время пахло авантюризмом и с ним всё время было как-то тревожно. Он на всех смотрел букой, друзей имел очень мало. Хотя у него был очень широкий круг интересов. А с Шурочкой они ещё со школы вместе, она говорила, что даже сидели за одной партой, говорила и очень смеялась, когда рассказывала, что учительница не знала, как их отличить. К доске вызовет, а оба сидят, типа каждый думает, что вызвали другого или наоборот, сразу вместе встают. Весь класс смеется, тут уже не до уроков. А потом они расстались, Верховский на химфак поступил, а Шурочка на юридический, и они не виделись до Женевы. А когда она его вновь встретила, её детские чувства превратились в самую настоящую любовь, а он на неё ноль внимания.

– А почему вы думаете, что Верховский не хотел обращать внимание на Александру?

Светлана откинулась в кресле.

– Вы знаете, – сказала она, – он как-то сразу стал проявлять интерес к Анастасии, знаете, словно с Шурочкой его ничего не связывало. А Анастасия, я, конечно, ничего не хочу сказать, но... понимаете, она ведь знала о том, что у них были отношения, а когда между ней и Александром все закрутилось... В общем, конечно, любовь зла, но я бы так не поступила.

Штильхарт нахмурился. История, рассказанная сейчас Светланой, немного, но отличалась от того рассказа, который слышала Кристина, да и он сам тогда другую версию слышал.

– После того как у них начался роман, – продолжала Светлана, – Шурочка очень изменилась. На людях она была общительной и приветливой, а по вечерам, в кампусе, угрюмая ходила и всё время бормотала одну и ту же фразу: «Я нашла смысл мести».

– К чему она это говорила? – спросил Штильхарт.

– В том-то и дело, что в пространство, – сказала девушка, – всё время это повторяла и при этом улыбалась какой-то блуждающей улыбкой. Я однажды в комнату зашла, а она на стене портрет Верховского повесила и кидала в него дробинки от дартса. Я её спросила «зачем?», а она говорит «пар выпускаю, перед зачетом». Самое главное, что произошло это за неделю до убийства. Я, когда это всё случилось, грешным делом на неё подумала, настолько она в последнее время была не в себе. Ещё до всего случившегося подумала, что она

в какую-то секту вступила, а буквально за два дня она вдруг успокоилась, повеселела даже, в общем, стала самой собой снова, только, знаете, в скит-клуб очень зачастила, практически каждый день там была. Ну а потом это всё и случилось.

– А как вы думаете, почему Томас Чилуэлл совершил подобное? Как вы это объясняли тогда?

Светлана изящно пожала плечами.

– Честно, не знаю, – сказала она, – я с ним вообще мало общалась, но мне он показался очень приветливым и общительным. Я и не ожидала такого.

Штильхарт допил кофе и поставил чашку на стол. Мало общалась, а чуть не вскочила, когда я сказал про него. Не бьется.

– А вот вы говорите, что Анастасия Урусова расстроила роман Александры и Верховского, а почему же тогда они были такими подругами? Вам это не кажется странным?

Светлана невесело усмехнулась.

– Понимаете, Шурочка никогда не винила в происходящем Анастасию, и Анастасия как-то не придавала значение тому, что после той истории в бильярдной Верховский был с Шурочкой. К тому же у них снова начались отношения, хотя я не могу сказать, насколько искрение. А что касается Шурочки и Анастасии... вы знаете, мне казалось, что в их отношениях Верховский был лишним, настолько они дополняли друг друга. Знаете, если бы так преследовали Александра, то я бы не удивилась, что это Шурочка, в какой-то момент

она действительно была готова его убить, ну мне по крайней мере так казалось, но Анастасию, нет. Мне кажется, что если бы Анастасия была молодым человеком, Шурочка бы влюбилась в неё, а не в Александра.

Штильхарт пожевал губы. Интересное предположение.

– А вы? – спросил он. – Как вы находили себя после этого?

Светлана усмехнулась.

– А что я, – сказала она, – я успешный юрист, у меня спокойная жизнь. Вы знаете, я даже иногда чувствую облегчение от того, что так произошло и мы разошлись. С течением времени я начинаю понимать, что это была не моя компания, ещё кофе?

Штильхарт кивнул. У него не было ни малейшего сомнения, что Светлана, по крайней мере, не до конца честна с ним. Ему необходимо было собрать больше информации.

* * *

Ксения Авалова стояла перед домом Верховского. Трёхэтажный многоугольник из газобетона, модного материала, который непросто было достать. Перед крыльцом ухоженный сад за низким чугунным забором, в двух шагах знаменитая императорская резиденция. Настоящее имение, а не дом.

Калитка оказалась не заперта, мощной охраны тоже не наблюдалось. Некоторое время Ксения бродила по саду, изу-

чая и отыскивая взглядом то, что могло свидетельствовать о пребывании здесь Кати Кирсановой. Может быть, следы или предметы. Её взгляд упал на левую часть дома, она была выкрашена черной краской, тогда как весь остальной фасад – белой. Креативное решение, надо сказать. Интересно, это было желание владельца? Темная и светлая сторона души или что-то похожее? Этот Верховский отличается довольно эксцентричными проявлениями своей личности, но способен ли он на убийство? Что же, она сюда и приехала это проверить, по крайней мере попытаться.

О чём-то он недоговаривал! О чем-то, о чем очень не хотел говорить. Все мы что-то недоговариваем.

Скрываем правду, утаиваем и прячем её, складывая и оборачивая в блестящую упаковку из приторной карамельной лжи. Каждый врёт по разным причинам. Иногда чтобы не задеть чьи-то чувства, а иногда чтобы, наоборот, сделать это в нужный момент. Случаи бывают более сложными и запутанными, но как бы то ни было – мы продолжаем молчать и врать.

Девушка обошла дом, естественно, не обнаружив ничего, что стоило бы её внимания, и теперь уже поднялась на крыльцо по широким каменным ступеням. Остановившись перед входной дверью, она прислушалась. Откуда-то из глубины доносились мужские голоса. У Верховского кто-то был, впрочем, возможно, это телевизор.

Ксения нажала на кнопку звонка. Никакой реакции.

Позвонила ещё раз, потом постучала громко и четко.

Дверь ей открыли – женщина лет тридцати, судя по внешности, из Средней Азии. Ксения продемонстрировала удостоверение.

– Вечер добрый, – поздоровалась она, – Ксения Авалова, отдел убийств. Хозяин дома здесь?

Женщина молча кивнула и пропустила её без лишних вопросов. Прислуга как-то не сочеталась с образом печального рыцаря, впрочем, это было сейчас неважно.

Дождаться хозяина она не стала. Сразу прошла в гостиную. Верховский действительно был не один. Он сидел в красивом кожаном кресле перед журнальным столиком, на котором стояли алкоголь и закуски. В другом кресле развалившись сидел грузный седой мужчина. Кто это, Авалова знала, и его нахождение здесь заинтересовало девушку. Выходит, с отцом Анастасии Верховский общается даже теснее, чем с девушкой. Их встреча была похожа на разговор отца с сыном или зятя с тестем. Вот только Анастасия женой Верховского не была.

– Не помешаю? – спросила Ксения.

– Зачем спрашивать, коли уже зашли, – глухо ответил Урусов. – Слышь, Сашка, а ты говорил, что не ведешь с ней дел. А даже её позвал.

Верховский явно не был в восторге от визита. По его лицу было видно, что он думает о ней, как о репейнике, прицепившемся к руке.

– Она сама по себе приходит, – съязвил он, – куда считает нужным, даже слишком сама по себе.

Авалова сделала вид, что не заметила колкость.

– Да-а? – спросил Урусов. – А мы вот с Александром дела наши скорбные обсуждаем. Про вас вот говорили, может, чем-то сможете помочь. У нас, понимаете, тут война идёт, бьют нашего брата как уток, а мы даже ответить не можем. Вот мы с Александром и кумекаем, может, вы ответить сможете.

Ксения улыбнулась. Надо же, какие новости.

– Я на уток не охочусь, – усмехнулась Ксения, – скорее на рысь, а это зверь осторожный и тихий, а ещё хитрый. Здесь нужны терпение, время и информация.

Девушка подошла к небольшому пианино и мягко опустила несколько клавиш. Раздалась приятная мелодия.

– Твоя подруга и на музыкальных инструментах играет, – съехидничал Урусов, – естественно, она всех поймает.

Ксения перехватила его хитрый взгляд, села на банкетку и, положив свои красивые руки на клавиши, стала медленно

играть, а потом очень легко запела:

*Страшно вокруг,
И ветер на сопках рыдает.
Порой из-за туч выплывает луна,
Могилы солдат освещает.
Белеют кресты
Далеких героев прекрасных.
И прошлого тени кружатся вокруг,
Твердят нам о жертвах напрасных.
Средь будничной тьмы,
Житейской обыденной прозы,
Забывать до сих пор мы не можем войны,
И льются горячие слезы.
Плачет отец,
Плачет жена молодая,
Плачет вся Русь, как один человек,
Злой рок судьбы проклиная.*

У неё оказался очень красивый и легкий альт, такой, какой нужен был для этого романса. Мужчины застыли в креслах и не могли понять, как возможна такая трансформация и как оказалась перед ними такая воздушная, тонкая барышня.

Ксения закрыла крышку. Прекрасный сон закончился.

– Пока стараюсь не заблудиться, – безмятежно сообщила девушка, – но могу, особенно если мне не будут говорить правду.

– Всё-то вы темните, – пробурчал Урусов, – ни слова в простоте. Нас тут всех перебьют, пока вы правду ищите. Я вам так скажу про правду, подходите в ресторан пансионата завтра часикам к девяти, поговорим с вами про правду.

Мужчина встал, недопив напиток. Вероятно, он не соби-рался дожидаться ответа.

– Вы куда? – спросил Верховский.

– Пойду я, – сказал Урусов, – секретничайте, секретни-чайте, не буду вам мешать.

На его лице играла кроткая и заговорщицкая улыбка.

– Вы его потрясли, – заметил Верховский, – он бы не стал так легко вас приглашать. Как и меня, признаюсь.

Ксения улыбнулась.

– Вряд ли, – сказала она, – иначе вы были бы более откро-венны.

– Я, кажется, уже ответил на ваши вопросы, – сказал Вер-ховский, – чего ещё вы хотите?

Авалова усмехнулась.

– Я уже сказала, – произнесла девушка, – правды, а вы мне её не хотите сказать.

Верховский бросил на неё злой взгляд.

– И что заставляет вас так думать? – спросил он. Ксения вытащила из кармана фотографии и разложила их на столе, те самые, где Верховский был вместе с Кирсановой.

– Надеюсь, вы дадите веское объяснение этому, – сказала девушка, – вы же говорили, что не знали Кирсанову. По-мо-

ему, эти фотографии говорят об обратном.

Верховский пожевал губы. Его лицо по-прежнему было сосредоточенным и спокойным.

– Где вы нашли эти фотографии? – спросил он.

– В машине Александры, – коротко ответила Ксения. Верховский усмехнулся.

– Давайте поужинаем, Ксения Игоревна, – предложил он, – у меня есть чудесный помероль.

* * *

Не прошло и десяти минут, как они сидели друг рядом с другом на удобном диване за журнальным столиком. Ксения пила дорогое вино, уже немного сомневаясь в правильности своей затеи. Глупо было приходить сюда в одиночку. Она ведь хотела придавить Верховского тяжестью улик, заманить в ловушку, но судя по его лицу, его планы в отношении неё были такими же. Верховский был авантюристом, наверняка ему было интересно получить такой трофей, как она. Сколько раз он проделывал такое с другими, возможно, с той же Кирсановой. Он был во всех отношениях незаурядной личностью, сильной энергией и каким-то сверхмагнетизмом, которого она прежде никогда не встречала ни в одном мужчине. Обычно мужчины старались это скрыть в разговоре со случайным собеседником. Верховский источал это. Он был опасен, и этим он нравился ей.

– Иногда события происходят помимо нашей воли, – сказал Верховский, – с Катей мы познакомились случайно, не хотел афишировать наше знакомство, чтобы не было криво-толков.

– У вас была интимная связь?

– Нет, что вы, – сказал Верховский, – скорее дружеская. Катя интересовалась политикой, хотела общаться с кем-то значительным. Я пытался быть для неё кем-то вроде протектора.

Ксения подняла бровь.

– Ах вот как, и от кого же вы её защищали? Верховский усмехнулся.

– Вы не поняли, что происходит в международном лицее и чем занимается его руководство.

– То есть вы, – улыбнулась Ксения.

– Не иронизируйте, Ксения Игоревна, – сказал Верховский. – Здесь, в городе, есть одно место – элитный мужской клуб, как они себя называют. Там собираются многие влиятельные люди города. Не погрешу, если скажу, что все тайные и явные вопросы управления республикой решаются там.

– Бордель? – спросила Ксения.

– Игра, – пояснил Верховский, подливая вино, – только необычная. Дело в том, Ксения Игоревна, что у людей которые ходят в этот клуб, острота игры на деньги уже ушла, и тогда они начали играть на людей.

– По-моему, сие старо как мир, – заметила девушка.

– И тем не менее, – сказал Верховский, – призом служили молодые девушки из бедных семей, которым вначале предлагался грант на обучение в международном лицее. Их обучали хорошим манерам, учтивому поведению...

– Я в курсе, – перебила Ксения, вновь извлекая из памяти эскападу старика Фуко, – дальше.

– А дальше их отправляли в клуб, – продолжал Верховский, – игра проходила раз в месяц. Раз в месяц, как главный приз, разыгрывали девушку.

– Дальше, – кивнула Ксения.

– По правилам игры эти девушки становились невестами игроков, – продолжал Верховский, – игроки дарили им подарки, водили в рестораны, делились жизненным опытом, в обмен наслаждаясь юной красотой.

Верховский встал, подошел к камину. Зажег спичку и бросил её. Дрова в камине весело затрещали. В комнате стало намного теплее, хотя Ксения раньше не чувствовала холода.

– Интимных отношений у них не было, – сказал Верховский, – это было запрещено правилами. Девушек получали на один месяц, до следующей игры, а потом отпускали, вот такая вот игра.

Ксения выпила вина. Почему она вдруг стала молчать? Она поймала себя на мысли, что ей нечего сказать. Идиотка, обругала она себя, ты что, забыла, зачем сюда пришла?

Верховский смотрел на неё пытливым взглядом. Он выглядел как удав, к которому в нору заполз бандерлог.

– Кирсанова была вашим призом? – с силой проговорила девушка.

Верховский потер глаза.

– Нет, – заговорил он, – я же сказал, мы случайно познакомились. Я ничего не знал об этом, а вот Катины подруги, их разыграли, одну из них, должны были разыграть вторую. Катя узнала об этом. Она была очень правильной девочкой. Хотела их остановить, поэтому устроилась работать в этот клуб – официанткой. Там мы и познакомились. Я старался оберегать её, как мог. Мы должны были встретиться с ней восьмого числа, ей случайно удалось записать разговор двух людей, который очень напугал её, она хотела спросить у меня совета, как поступить.

– Вы собирались встретиться с ней в квартире на Лермонтовском бульваре? – спросила девушка.

– Откуда вы знаете?

– Её убили там, – сказала девушка, – только потом труп перевезли в пансионат.

– Зачем? – ужаснулся Верховский.

– Мы устанавливаем.

Зачем я сказала это ему? – ужаснулась Ксения. Что я несу? Ею вновь овладело странное напряжение. Верховский говорил весьма культурно и сдержанно, но кто убил Александру? Верховский что-то узнал и его решили таким недву-

смысленным образом остановить? Но её что-то смущало в этом.

– Вероятно, кто-то узнал о моих контактах с ней, – услышала она голос Верховского, – значит, она действительно что-то выведала.

– Что?

– Не знаю, – продолжил Верховский, наливая ещё вина, наверное, он мог выпить целую бутылку, – но скажу ещё раз, она была очень напугана.

– А где этот клуб находится? – спросила Ксения.

– За городом, – сказал Верховский, – старый бетонный завод. Там по вечерам и кипит вся жизнь.

– А запись разговора с Кирсановой у вас сохранилась? – спросила девушка.

Верховский кивнул.

– Конечно, – сказал он, – я передам вам, по возможности.

Что значит по возможности, промелькнуло у Ксении, однако вслух она спросила:

– Или ничего конкретного она вам не говорила?

– Только то, что её подругам грозит опасность, – сказал Верховский, – ничего конкретного.

Он хотел подлить ей вина и случайно прикоснулся к её руке. Её словно бы обожгло. Что происходит?

– Я должен был сразу рассказать, – произнес Верховский, – просто, честно признаюсь, я вам не доверял.

– А сейчас стали доверять? – поинтересовалась Ксения. –

Что же изменило ваше мнение?

Верховский наклонился ближе.

– Вы мне понравились, Ксения, – сказал он, – заинтересовали. Я никогда не видел женщину, которая так увлечена своим делом.

Авалова улыбнулась.

– Вы тоже увлекаетесь, – заметила девушка, – даже слишком.

Верховский скопировал её улыбку.

– Нам необходимы перемены, – сказал он, – я считаю, что я тот, кто может начать их. Я всегда ощущал в себе это желание, наверное, с рождения.

– Большой дар есть большая ответственность, – напомнила Ксения, – а как же личная жизнь? Возможность быть обычным человеком?

– На втором плане, – сказал Верховский, – разве вы не так живете? Разве у вас никогда не возникало желание установить новый, более справедливый порядок? Вы же видите столько слез и трагедий. Да взять хоть убийство этих девочек. Разве они не заслужили жизнь? Разве вам никогда не хотелось использовать свою власть, чтобы установить справедливость?

Он каким-то странным образом словно бы угадал её мысли. То, что она сама прокручивала в своей голове... может, он просто сам так думал?

– Благими намерениями вымощена дорога в ад, – сказала

девушка, – желание установить справедливую власть приводит к желанию установить свою собственную.

Верховский фыркнул.

– В беспокойные времена, не все ли равно? – мягко спросил он. – Главное, чтобы эта власть была справедливой.

Ксения покачала головой.

– К кому бы ни попала власть, даже к самому справедливому, – сказала девушка, – его действия будут направлены лишь на то, чтобы удержать её, потому что каждый, кто имеет власть, боится её потерять.

Он улыбнулся с легкой самоиронией.

– По-вашему это цель любого политика? Что же остановит его от властолюбия?

Ксения пожала плечами.

– Закон, – сказала она, – да, это банально, но это так.

– Закон, – фыркнул Верховский, – закон вещь относительная. Закон устанавливается той же властью, которая хочет сохранить себя, как вы говорите. И уничтожает любого, кто покусится на неё.

– Вы должны добавить с «с вашей помощью», – усмехнулась Ксения.

– О да, – улыбнулся Верховский, – ведь полиция всегда была против борцов за свободу. Знаете, я в детстве очень увлекался историями про революционеров-народовольцев. Они боролись за права людей, за справедливость, но государство пыталось их низвергнуть с помощью такой же, как

вы, полиции.

Кажется, Верховский сел на своего любимого конька.

– Потому что они были злом, – сказала Ксения, – и угрожали всем людям.

– Только с точки зрения той власти, – возразил Верховский, – а когда они победили, их возвели в ранг героев. Что такое зло? Это всего лишь ярлык, который мы вешаем на то, что против нас. А что, если объединиться с этим? Может быть, тогда это зло перестанет быть злом?

– Это не тот разговор, который следует вести с полицейским, – засмеялась Ксения.

– Естественно, – сказал Верховский, – потому что любые тайные общества – это угроза для власти.

– Нет, – не согласилась Ксения, – однако же не следует заигрывать с терроризмом. Это не имеет никакого отношения к борьбе за справедливость. Террористы также борются только за власть.

Она внезапно сообразила, что очень близко сидит к Верховскому, и ей это понравилось. Может быть, даже лучше было бы ещё ближе. Авалова немедленно прогнала эту мысль.

– Зато им неведом страх, – сказал Верховский, – через отрицание страха они изучают весь спектр опыта, от самого глубокого отчаяния до высот наслаждения. Они учатся управлять эмоциями, а ведь они не даны нам напрасно.

– Такие люди слишком полагаются на страсть, – возразила

Ксения, – а ежели страсть иссякнет, что останется в человеческой душе кроме неё? Человек, ведомый страстями, сжигает себя до конца, посему он и идет на преступление.

– Может быть, и ничего не останется, – кивнул Верховский, – а может быть, и всё. Может быть, она и не иссякнет? Кто это может знать?

С этими словами он притянул девушку к себе и поцеловал. Очень легко, просто касанием губ. Ксения с ужасом поняла, что отвечает на поцелуи. Она попыталась вырваться. Это оказалось непросто. У неё не получилось.

– Я приехала, чтобы узнать...

– Возможно, – сказал Верховский, – но давайте проверим вашу теорию. Тайны всегда сводят случайных любовников.

Любовников? Неужели он вообразил, что я так легко... Верховский наклонился и вновь поцеловал её. Господи, зачем я это делаю? Губы Верховского стали скользить по её щеке. Она чувствовала, как ей хорошо рядом с ним. Сознание твердило, что это надо немедленно прекратить, но собственная физиология взбесилась и не желала успокаиваться. В конце концов, какая к черту разница, переспят они или нет? Любая девушка на её месте не сомневалась бы ни секунды, даже не думала бы. Чем она хуже этой любой другой? Может быть, ей действительно стоит подумать о собственных удовольствиях, ради разнообразия?

В кармане предательски зазвонил телефон. Ксения резко вскочила и вырвалась из рук Верховского. Она тяжело ды-

шала, лицо ее раскраснелось.

– Извините, – пропыхтела Авалова, – мне надо идти. Пришлите мне разговор с Кирсановой.

Она не хотела даже видеть его лица в этот момент.

* * *

Она выскочила из дома Верховского со скоростью хорошего спринтера. Добежала до протекавшей недалеко речки, бухнулась на колени и обрызгала лицо холодной водой.

Что она наделала? На неё что, затмение нашло? А может, Верховский ей что-то подсыпал? На что он рассчитывал? Хотел напоить её, завлечь интересным рассказом. Могли ли они оказаться в постели? Ещё сегодня утром она бы посмеялась над этим, а теперь...

Какая разница? Она все равно не могла представить его убийцей. Какова логика? Неужели он заманил Кирсанову в квартиру, которая принадлежит ему, убил её там, потом отвез труп в пансионат? Даже если консьержка ошиблась, даже если он нанял кого-то. Неужели он так глуп?

А зачем он попытался соблазнить тебя, сестричка? – Упрямо зазвучал внутренний голос.

Девушка ещё раз сполоснула лицо. Железная Ксения Авалова растаяла после первого поцелуя, ну и позор. Гнать меня надо из оперов! Отправить в складские сторожа! Девушка взяла в руки телефон. Звонила Покровская. Авалова вдох-

нула, выдохнула и набрала номер.

– Слушаю, – прохрипела она.

– С тобой все в порядке? – сразу последовал вопрос. Её состояние и через трубку заметно? Ксения радовалась, что сейчас уже сумерки.

– Да, – огрызнулась девушка, – теперь уже в порядке.

Ты даже не представляешь, как я рада твоему звонку.

Покровская засмеялась.

– Ты обрадуешься еще больше, – сказала она, – когда узнаешь, что я узнала о Верховском.

– Ну? – нетерпеливо спросила Авалова.

– Это он разработал препарат, – сказала Наташа, – Вяземский подтвердил.

Покровская коротко пересказала свой сегодняшний вояж. Ксения не слушала и не отвечала, буравя взглядом видневшийся дом Верховского.

– Что происходит? – недовольно высказала Покровская. – Ты где там?

– Все хорошо, – бодро ответила ей девушка и нажала на отбой.

Нет, у неё определенно разыгралось воображение. Улик против Верховского не было, никаких, только логические рассуждения и слухи. Да, негусто. Рассказ бывшего учителя, у которого ученик увел проект. Стоило ли в это верить? Покровская, судя по голосу, верила, а вот она сама...

Сестричка, неужели он тебя тоже очаровал? – вновь за-

звучал внутренний голос.

Ксения тряхнула головой. В этой истории был кто-то ещё. Она его не могла отыскать. Значит, надо узнать больше. И только потом делать следующий ход. Что ж, если надо узнать, – она узнает.

Вечернее пространство вновь разрезал телефонный звонок. Рауш. Тоже будет узнавать, что с ней?

– Да, – бросила она, – что у вас!?

– Не знаю, как вам сказать, – произнес Рауш, – все равно не поверите.

– Что ещё? – устало спросила Ксения.

– Нападение на бюро судебной медицины, – глухо сказал он, – трупы убитых девочек украли.

Авалова расширила глаза.

– Чего? – спросила она. – Что за чушь? Что значит украли?

– Я сам не знаю подробностей, – сказал он, – только еду туда. Мне позвонили полчаса назад. У них пересменка. Новые приехали, а там дежурный мертвый. Стали выяснять что к чему, выясняли.

Авалова вытерла лицо от воды.

– Макс, вы же взрослый человек, – пробормотала она, – сами подумайте, зачем трупы красть? Бес знает что! Ладно, сейчас буду.

– А вы где? Может, вас забрать?

Только этого не хватало, просипела про себя Ксения, нет

уж спасибо.

– Сама доеду, – бросила она, – диктуйте адрес!

Ксения замерла, покачиваясь на пятках. Какая-то чертовщина. Кому понадобилось красть трупы? Может, их тоже одурманили этим препаратом и теперь кто-то не хочет, чтобы мы это установили? Одно она знала точно. Верховский не мог устроить налёт на морг, по крайней мере лично. Чем дальше она погружалась в это дело, тем более странным оно становилось. Пока она натыкалась только на загадки, а так хотелось найти ответы.

* * *

Где добыть информацию, Штильхарт знал. Ну по крайней мере надеялся, что знает.

Центр имени Ломоносова находился в начале старого города, возле православной церкви. Отправляясь туда, Флориан запросил информацию об этом учреждении. Окажись рядом Кристина, она бы, конечно, восхитилась его профессионализмом на предмет того, что он не сделал это десять лет назад. Ничего необычного в отчете он не обнаружил. Открыт в начале нулевых. Три факультета. Партнерские отношения с ведущими университетами Великодержавии и Швейцарии. Организация весьма солидная. Впрочем, и клиника Тополевица казалась солидной организацией.

Штильхарт вышел из дверей лифта на третьем этаже ти-

хого офисного здания, где в иные дни скорее всего кипела студенческая жизнь. Площадка возле лифта заканчивалась раздвижными стеклянными панелями, на которых была изображена эмблема учебного заведения. Как только Флориан подошел ближе, панели раздвинулись, пропуская гостя в просторное помещение современного дизайна: на полу мягкий ковролин, много зеленых насаждений. Непосредственно впереди от входа помещение рассекалось продольной многоугольной стеной с большим застекленным окном и дверями нескольких кабинетов административного персонала.

В помещении было пусто. Впрочем, Штильхарт надеялся, что это только на первый взгляд, поскольку двери всё-таки было открыты, поэтому он решил не шататься по чужой собственности, в отличие от Кристины его нельзя было обвинить в чрезмерной любознательности, а просто вертелся по сторонам, ожидая кого-то из сотрудников.

Оказалось, что недолго. Это стало понятно по стуку каблучков, приглушенному ковролином. Штильхарт обернулся и увидел прелестную шатенку в серо-синем платье. Она шла, напевая, устремив свой взгляд в кипу деловых бумаг. Подняв глаза, девушка увидела Флориана и, вероятно, от неожиданности, вздрогнула.

– Вы ко мне? – спросила она тонким певучим голосом. Штильхарт улыбнулся.

– Безусловно, – сказал он, – если вы были здесь десять лет назад.

Девушка неуверенно посмотрела на Штильхарта.

Флориан продемонстрировал удостоверение.

– Криминальная полиция, – сказал он, – детектив Флориан Штильхарт.

Девушка вопросительно приподняла бровь.

– Вы... хотя, впрочем, понятно, – произнесла она, – вы по тому убийству.

В её интонации не было вопроса. Девушка, балансируя, чтобы не выронить документы, протянула руку.

– Наташа, – представилась она, – начальник учебного отдела. Готова помочь, чем смогу. Может быть, кофе, у нас он очень вкусный.

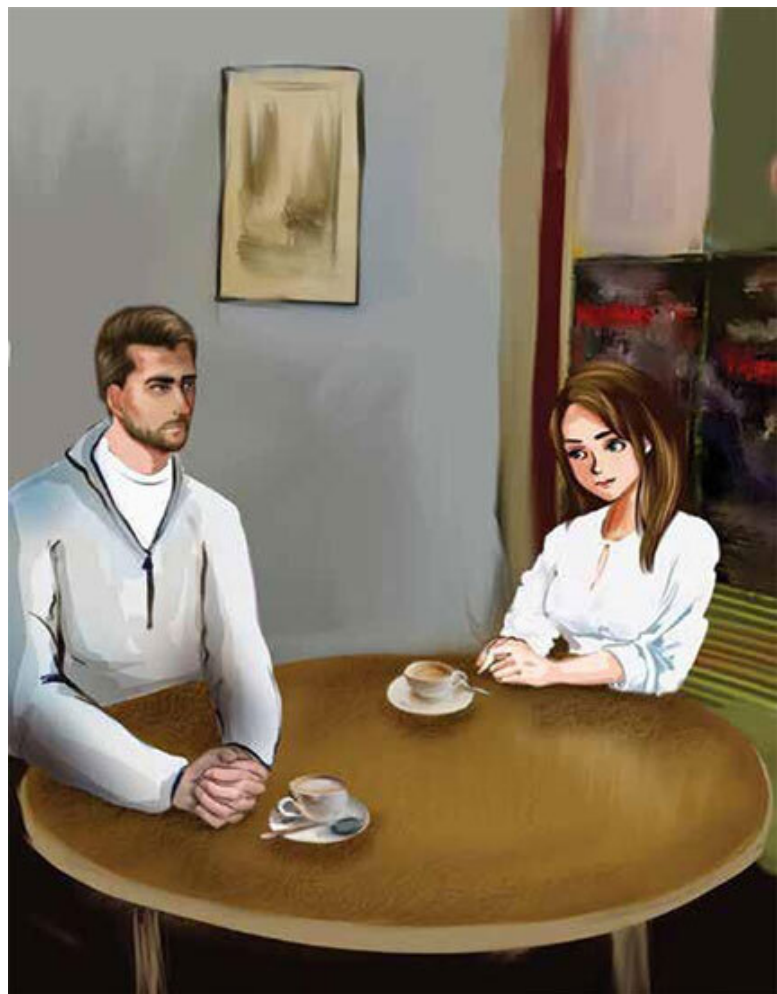
– Не откажусь, – кивнул Штильхарт. Наташа широко улыбнулась.

– Ну, тогда пройдемте в столовую, – сказала она, – там обстановка комфортнее для разговора.

Минут через пять они сидели друг напротив друга за круглым столом.

– Честно говоря, не знаю, что меня интересует больше всего, – сказал Штильхарт, – слишком уж неординарное преступление.

– Я полагала, что дело уже закрыто, – сказала Наташа, – разве нет?

Флориан кивнул.

– Да, это так, – сказал он, – однако вновь открывшиеся обстоятельства заставили нас еще раз опросить людей, причастных к этому делу.

Наташа отпила кофе. Её лицо сохраняло дипломатическую вежливость.

– Не сказала бы, что причастна, – засмеялась девушка, – меня даже не допрашивали тогда. Наверное, посчитали, что всё и так ясно.

– А вы тогда тоже учились здесь? – поинтересовался Штильхарт.

– Да, – кивнула девушка, – училась, только на курс младше.

– Значит, вам было что-то неясно? Извините, я перебил.

– Принимается, – улыбнулась Наташа, макая ложку в кофе, – не то чтобы неясно, но, честно говоря, я удивилась, когда услышала про то, что Том пытался изнасиловать Анастасию, учитывая его отношения со Светланой.

Вот это новости.

– Какие отношения? – спросил Штильхарт. – У них что, был роман?

– Конечно, – кивнула Наташа, – а разве вы не знали?

Штильхарт покачал головой.

– Ну, что вы, – улыбнулась девушка, – об этом у нас все знали. Она даже на свидания к нему ходила и в лечебнице навещала, после всего.

– Даже так, – удивился Штильхарт, – она мне не говорила. Наташа задумалась.

– Странно, – сказала она, – Света, конечно, никогда не хвасталась этими отношениями, ну знаете, как некоторые, у меня такой крутой парень, всякое такое, но об этом все знали, и Томас к нам часто заходил повидаться с ней.

Флориан напрягся. Десять лет назад он слышал другое.

– Постойте, – сказал он, – вы не ошибаетесь? Александра Рыкова, она говорила, что Чилуэлл всегда ходил к Анастасии?

Наташа замотала головой.

– Нет, что вы, – мягко ответила она, – мне ли не знать. Мы со Светой вместе работали в студенческом активе, поэтому...

Девушка развела руками.

– Ну да, – усмехнулся Штильхарт, – а Александра, наверное, не знала об их отношениях, может, она поэтому допустила неточность.

Наташа засмеялась.

– Шурочка, – сказала она, – неточность! Да никогда в жизни! Вы её не знали! Как это ужасно... Конечно, она знала. Ведь, собственно, она и познакомила Томаса со Светой.

– Почему же она не говорила про их роман? – недоуменно спросил Штильхарт. – Это ведь могло обеспечить нам хоть какие-то варианты.

Наташа пожала плечами.

– Вот уж не знаю, – сказала она, – не допускаю мысли о том, что она сделала специально, но...

– Но?

– Да не знаю, как сказать, – замялась Наташа. – Шурочка за несколько времени до всех событий стала очень странной. Она обычно была такой веселой, общительной, а тут... слова лишнего не вытянешь и взгляд, знаете, такой холодный стал.

Штильхарт нахмурил брови. Вот и Светлана заметила подмену. Неужели на Александру так повлиял роман Урусовой и Верховского? Это было странно, ведь он помнил их тогдашний разговор и никакого отрицательного впечатления Рыкова тогда на него не произвела. Шок и подавленность, это было, но такое состояние объяснимо. Ничего другого Штильхарт тогда не заметил.

– А о причине этого вы, конечно, не думали?

– Да нет, – сказала Наташа, – ну, мало ли почему человек не в настроении. Только вот за день до убийства ещё кое-что странное произошло. Я на парковку зашла, нужно было забрать украшения новогодние, иду и вижу Шурочку, она в машину, за руль.

– И что?

– Как что? – удивилась Наташа. – Так у неё тогда прав не было, ну и автомобиля соответственно. Я это только потом сообразила.

– А вы видите связь между всем этим?

Наташа хотела что-то сказать, но не успела. Сзади разда-

лись быстрые, мощные шаги. Девушка испуганно дернулась.

– Я закрыла двери, когда мы шли сюда, – пояснила Наташа.

В столовую вошли трое мужчин. Двое из них сразу стали с боков. От их вида Штильхарта передернуло. Он узнал форму охранников клиники Тополевича. Ничего себе! Может быть, Наташа связана с ними? И он попался в ловушку. Вряд ли. Скорее всего они пришли за девушкой. Только что...

– Это ваши коллеги? – спросила Наташа.

– Не думаю, – сказал Флориан, окидывая взглядом вошедших, – берите стул, садитесь.

– Девушка, пойдет с нами, – громыхнул мужчина в центре, – и давайте без глупостей, тогда у вас есть шанс уцелеть.

Штильхарт двинул носом, одновременно сняв с предохранителя пистолет.

– Надо же какое щедрое предложение, – сказал он, – а время на раздумье дать можете?

Мужчина покачал головой.

– Советую вам не дурить, – сказал он, – вас не касается эта история, поэтому вы сейчас встанете и уйдете, а девушка поедет с нами.

Штильхарт ослабился.

– Знаете, меня родители учили не оставлять молодую девушку в компании трех внушительных мужчин. Начнем?

– Начнем? – переспросил мужчина.

– Предупреждаю, – сказал Штильхарт, – тут вы должны

быть сильны.

С этими словами Флориан выхватил пистолет и долбанул ближайшего «гостя» в лоб рукояткой. Тот рухнул, погребя под собой стол с кофемашиной и чайником. Штильхарт схватил Наташу за руку и ринулся вперед. Ненадолго! Их путь пересекла ещё одна мужская фигура в охранной форме, хуже всего в фигуре было то, что в её руке сверкнул пистолет с глушителем. Раздались глухие хлопки. Штильхарт задвинул Наташу влево и наобум ответил серией выстрелов. Нападавший осел наземь. Сзади послышался топот ног. Выдохнув, Флориан разбил пожарную сигнализацию. Пространство огласилось воем сирены.

– Это их немного охладит, – бросил Штильхарт, – бежим отсюда!

Лифт, на счастье, оказался на их этаже. Внизу было чисто. Беглецы выскочили из холла здания, Штильхарт крикнул Наташе, чтобы она садилась в машину, а сам несколько раз выстрелил по набегавшим преследователям. Вокруг раздались крики прохожих, которые стали разбегаться в стороны. Флориан воспользовался суматохой и вскочил в машину, на ходу вдавив педаль газа.

– Не знаю, что это было, – воскликнул он, – но вы им зачем-то нужны!

Наташа лежала на заднем сиденье, не в силах пошевелиться.

– Я понятия не имею, кто это, – крикнула она, – я не знаю ничего такого!

– Зато я имею понятие, – сказал Штильхарт, вытирая пот со лба.

Это что же получается? Если бы он не зашел в этот Центр образования, то эти упыри похитили бы девушку? Это в лучшем случае. А в худшем...

– Какое вы имеете отношение к клинике Тополевича? – напрямик спросил он. – Эти охранники оттуда.

– Беглого олигарха? – переспросила девушка. – Да откуда я его знаю? Я просто начальник учебного отдела.

– А убить вас пытались конкуренты из другого университета? – сыронизировал Флориан.

– Да откуда я знаю! – воскликнула Наташа. – И вообще, куда вы меня везете!?

– Туда, где вас точно никто не найдет, – сказал Штильхарт, – а я постараюсь выяснить, что от вас хотят.

* * *

Флориан остановил машину возле коттеджа километрах в десяти от города по направлению к границе с Францией. Коттедж был огорожен небольшим каменным забором. Штильхарт подошел к домофону и нажал кнопку.

– Кто? – раздался женский голос.

– Флориан Штильхарт, – представился молодой человек, –

к Стивену Риду.

Калитка автоматически открылась, пропуская гостей на территорию.

Дверь в коттедж открыла молодая девушка-индианка с черными как смоль волосами, заплетенными в косички. Ничего не говоря, она жестом показала гостям оставаться на месте.

– А... Флориан, – воскликнул спускавшийся сверху среднего роста седой мужчина, – неожиданный гость, нечаянная радость! Что привело вас сюда, друг мой?

– Мне надо спрятать эту девушку, – сказал он, – к ней сегодня приходили нехорошие люди.

– Ах вот как, – ответил мужчина, – ну что же, мой монастырь к вашим услугам. – С этими словами он протянул девушке руку: – Стивен Рид, контр-адмирал канадского королевского флота, в отставке. Сейчас сотрудничаю с Римским клубом.

– Наталья, – представилась девушка, осторожно пожимая руку.

– Ни о чём не тревожьтесь, – сказал Рид, – вы здесь в безопасности. Алин, проводи нашу очаровательную гостью на второй этаж. Она может принять ванну и отдохнуть.

Девушка с косичками кивнула и, улыбнувшись Наташе, пригласила подняться.

– Моя помощница, – прокомментировал Рид, – она чудесно играет в бридж. Идеальная игра для изучения междуна-

родных отношений. На месте замшелых профессоров я бы её ввел в обязательную программу подготовки дипломатов.

– Я предпочитаю покер, – заметил Штильхарт.

– Молодой ещё и азартный, – сказал Рид, – поэтому предпочитаешь блеф анализу. Крис со мной бы согласилась. Кстати, где она, я думал, что она зайдет поприветствовать старика.

– На секретном задании, – усмехнулся Штильхарт, – а откуда вы...

– Мой мальчик, – улыбнулся Рид, – когда воздух Швейцарии наполняется ливнем пуль, значит, вы вместе, а вот что за юное создание ты мне привел, я не понимаю.

– Я же говорю, отбил её у плохих парней, – сказал Штильхарт, – только зря вы представились, я ещё не знаю, доверять ей или нет.

– И кто она? – спросил Рид. – Сбежавшая из арабского плена рабыня? Беглый агент ЦРУ?

– Нет, – вздохнул Штильхарт, – начальник учебного отдела Образовательного центра имени Ломоносова в Женеве.

– Самое естественное прикрытие для шпионажа, – заметил Рид. – И что с ней не так?

Штильхарт вздохнул.

– Вы помните убийство семьи Чилуэллов десять лет назад? – спросил он. – Помнится, вы ведь тоже им занимались, по своей линии.

Мужчина посмотрел на Флориана серьезным взглядом.

– Да, мой мальчик, ты никогда не разменивался на мелочи, – заключил он, – давай пропустим по стаканчику старого доброго ирландского, и ты мне все расскажешь по порядку.

В квадратные стаканы был налит Bushmills, Штильхарт откинулся на спинку кожаного кресла и принялся пересказывать события, в которых он был сам задействован, и те, о которых слышал со слов Крис.

– Вот так вот, – подытожил Флориан, – а теперь я оказываюсь в этом центре, и если бы я там не оказался...

– То есть ты уверен, что приходили за ней? – спросил Рид. Штильхарт кивнул.

– Они сами так говорили, – сказал он. Рид отпил виски и с чувством сглотнул.

– Скорее всего твоя новая знакомая видела тогда что-то, – сказал Рид, – что-то, что вы упустили, вот за ней и гоняются.

Штильхарт хлопнул себя по колену.

– То-то и оно, – воскликнул он, – что она ничего особенного не видела, да и с самой историей связана весьма косвенно! Она ведь даже не знала Чилуэллов.

Рид мягко улыбнулся.

– Ты плохо помнишь мои уроки, мой мальчик, – сказал он, – вспомни, чему я тебя учил.

– Мыслить над фактами, – недовольно сказал Штильхарт.

– Вот и мысли, – сказал Рид, – подумай, что было кроме убийства и на что вы тогда не обратили внимания. Что-то должно быть. Слишком уж неординарное нападение. Такое

случается, когда есть основания.

Флориан устало вздохнул.

– Попробую, – согласился он, – а вы можете что-то сказать в дополнение?

Рид кивнул.

– Хорошо, – сказал он, – я расскажу тебе одну историю. К нам поступила информация, что господин Тополевич разместил огромную сумму в одном из канадских банков. Тридцать пять миллиардов долларов.

– Сколько!?! – присвистнул Флориан. – Но мы об этом ничего не знали.

– Плохо, что не знали, – заметил Рид, – потому что деньги поступили отсюда, из Швейцарии, а в Канаде они вначале были размещены на двенадцати офшорных счетах, а потом их переводили в Колумбию.

– В обмен на... – спросил Штильхарт.

– Некий груз, который из Латинской Америки переправляли в Понтию, – сказал Рид.

– Оружие, наркотики? – спросил Флориан.

– Наличные деньги, – сказал Рид. – Из Колумбии морем переправляли валюту, сгружали в портах и направляли на подготовку революционных масс.

– Прекрасный способ отмыть краденные деньги, – заметил Штильхарт.

– Вот, – сказал Рид, – у Тополевича есть на это возможности, но не хватает смелости. Мои ребята хотели в этом де-

ле покопаться, но, как только мы туда сунулись, кое-кто нам посоветовал сменить вектор.

– Фирма? Рид кивнул.

– Видишь, – сказал он, – ты сам всё понимаешь. Реакция последовала незамедлительно. Сводилась она к рапорту о неполном служебном соответствии.

– И отставке?

– Почетной пенсии, – уточнил Рид, – история могла бы на этом закончиться, но тут я узнал, что адвокат Чилуэлл собирает компромат на Тополевича. Меня это заинтересовало. Я, знаешь, не привык заканчивать дела на полдороги.

– Очень хорошо знаю, – улыбнулся Штильхарт.

– Только вот и здесь тупик, – грустно сказал Рид. – Если бы Тополевича смогли прихватить за этот препарат, мы бы могли предложить ему сделку. Он бы сдал свои каналы, а мы бы закрыли глаза на таблетки, и он, прекратив производство, смог бы спокойно дожить свой век.

– Стесняюсь спросить, до переговоров дошло? – поинтересовался Штильхарт.

Рид усмехнулся.

– Мы даже не успели встретиться с Чилуэллом, – сказал он, – вероятно, он действительно узнал что-то серьезное. После твоего рассказа я понимаю, что это так.

– Жаль, – сказал Флориан, – у меня была надежда, что документы Чилуэлла у вас.

– Да что вы! – воскликнул Рид. – Я их в глаза не видел,

к сожалению. Хотя очень хотел бы на них посмотреть. Но вот что я тебе скажу, у меня такое чувство, что Тополевич их тоже не нашел, иначе не стал бы гоняться за случайными свидетелями.

– Да уж, – протянул Флориан, – через него могли отмывать такие деньги, что за это можно погоняться.

– Этим стоит заняться, – кивнул Рид, – ключ к тайне, возможно, то, что тебе эта девушка рассказала.

Штильхарт тяжело вздохнул. Вот уж не было печали. Втравила его Кристина. Втравила и исчезла. Сигналов от неё пока не было. Остается надеяться, что с ней ничего не случилось.

* * *

Ксения раньше думала, что такое только в кино бывает, но увидев замшелое помещение судебно-медицинского морга, расположенное в подвале двухэтажного особняка XIX века, поняла, что здесь и не то может быть. Потрескавшаяся штукатурка, которую никто и никогда не реставрировал, покосившаяся металлическая дверь со следами ржавчины, покачивающаяся одинокая тусклая лампочка, никакого намека на табличку. Внутри ещё краше: узкие и длинные коридорчики со сгнившим деревянным полом, холодные стены, окрашенные зеленой краской. Эти юные девочки... они не должны были сюда попасть. Впрочем, двух уже отсюда вы-

несли. Ужасная ирония.

– Они сразу не поняли, что произошло, – говорил Рауш, пока они шли по коридору, – думали, что шпана какая-то, а как рану дежурного увидели...

– Кто-нибудь в городе не знает про рану? – зло проговорила Ксения. – Как её сюда пустили?

Рауш пожал плечами.

– А кто же его знает? – сказал он. – Дежурный оставался здесь один минут двадцать – тридцать, скорее всего в это время всё и произошло.

– Двадцать – тридцать, – эхом повторила Ксения, – она тела что, на своих двоих унесла, машина должна была быть.

Мациевский покачал головой.

– Дорога мокрая. Весь вечер дождь шел, вон жижа какая, – сказал он, – если б машина подъезжала, должны были остаться следы.

– А милицейские машины не могли затереть?

– Нет, – сказал Макс, – мы сюда осторожно подъезжали, а местные эскулапы пешком были.

Вот уж действительно получалось дивно. Нет, покойников, конечно, и крали, и даже подменяли, но обычно в этом были замешаны сотрудники морга, а тут выходит, что убитые девочки просто встали, как от сна, и ушли на своих двоих. Дьявольщина какая-то.

– Не понимаю, – проговорил Мациевский, – еще можно объяснить, когда труп опознавать надо, но здесьто все ясно.

Если даже они не хотят, чтобы мы следы препарата в крови нашли, у Кирсановой-то мы его уже нашли.

– А откуда они знают, что мы его нашли? – спросил Рауш. – Мы об этом кому-то объявляли?

Ксения дернула бровью.

– Если бы речь шла об обнаружении препарата, похитили бы три трупа, – сказала она, – до любой экспертизы. Такие нападения планируют, поэтому у них был бы здесь сообщник или они следили бы за зданием. А здесь нападение какое-то дурацкое. И тем не менее это снова Она, просто Она нас запутывает. Она ведет себя так, то будто она суперпрофессионал, то будто дилетант.

– Думаете, это нападение может быть просто отвлекающим событием? – спросил Макс.

Авалова пожевала губу.

– Я бы не исключала такой возможности, – сказала она, – но приоритетной её считать не стоит.

– Почему?

– Потому что в таком случае она скорее всего просто избавилась бы от трупов, – сказал Мациевский, – Можно было просто кинуть сюда коктейль Молотова или гранату. Ищи, устанавливай, кому и зачем это понадобилось.

– Согласна, – кивнула Авалова, – а так наша девушка опять оставила свой фирменный знак здесь. Мол, я здесь была, и я для вас неуловима, а главное, ей или им необходимы эти тела.

– Но зачем? – спросил Рауш.

– Не знаю, – сказала Ксения, – но нужны и именно эти два.

Звонок мобильного заставил вздрогнуть. Больше от номера абонента. Это была Кристина.

– Ну наконец-то, – сказала Авалова, – ты куда пропала?

Ответом ей был треск и шипение. Надеюсь, она ни во что не вляпалась, пронеслось в голове.

– Я в клинике Тополевича, – радостно сообщила Леонова, – говорить не могу.

Надежды были напрасны, подумала Ксения, хотя когда было иначе, если она вляпывается с шестнадцати лет?

– Ты там трезвая? – спросила Авалова.

– Абсолютно.

– Что ты там забыла? – поинтересовалась Ксения. – Ты что хочешь, чтобы тебя с асфальта соскребали, как Васкеса?

– Мне Штильхарт то же самое говорил.

– Твой Штильхарт умный человек, – сказала Авалова, – жаль, что мне с тобой приходится работать, а не с ним.

– Оставь свои колкости на время, – шептала Леонова, – я тут такое обнаружила, что у тебя волосы дыбом встанут.

Ксения тихо застонала, что ей еще не хватало?

– Ладно, – тихо сказала она, – слушаю.

– Соня Захарова жива, – прошептала Кристина, – я нахожусь с ней в одной палате.

Ксения расширила глаза. У неё, наверное, действительно волосы дыбом встали. Чего!?

– Тебя там ничем не обкололи? – честно спросила Авалова.

– Пока ещё нет, – неуверенно сказала Кристина, – меня приняли за посланницу какого-то центра, вообще явно с кем-то спутали.

– Крис, послушай, – обречённо бросила Ксения, – как такое может быть, как она может быть жива?

– Понятия не имею, – шептала Кристина, – но я сидела с ней рядом на одной кровати и разговаривала. Шрам от кинжала у неё наличествует, если тебе нужны доказательства... всё, не могу говорить, пока!

Раздались гудки.

– Крис, – прокричала Ксения, – Кристина!

Вот чертовка, прошипела про себя Авалова. Что за нелегкая её понесла в эту клинику? Ей было поручено просто собрать информацию и вернуться назад. Не может без приключений. Хотя, что уж говорить, в первый раз что ли? Кристина всегда предпочитала доверять своим собственным суждениям, не считаясь с мнением остальных, неважно, ошибались советчики или нет.

Не самая успокаивающая мысль.

Зато теперь понятно, куда делись трупы. Ну по крайней мере...

– Макс, – позвала она, – а тела Захаровой и Терехиной уже вскрыли?

– Нет, – сказал Рауш, – медики говорят, что сегодня как

раз должны были.

Вот тебе и причина нападения на морг. Красиво, ничего не скажешь.

– А что случилось? – нетерпеливо допытывался Рауш. Ксения ожгла его взглядом.

– Случилось! – бросила она.

* * *

Парковки, больницы и морги всегда одинаковы по своему внутреннему убранству, а иногда даже и по внешнему. Такая нетривиальная мысль посетила Штильхарта, пока он осматривал металлические ворота подземного паркинга, недалеко от того места, где он устроил небольшой «вестерн», вот уж действительно преступника тянет на место преступления. Какая ирония. Оставалось надеяться, что никто из настоящих преступников сюда не заявился.

Наташу Штильхарт оставил на попечение Рида за городом, а сам отправился добывать информацию. Если Наташа действительно видела, как Александра Рыкова садится в машину, тогда сведения об этой машине должны остаться в каких-то записях данного учреждения, по крайней мере на это была надежда.

Паркинг управлялся из пункта охраны, расположенного возле выезда, где сидел за стойкой долговязый и худой старик в поношенной грязной куртке. Старика и Штильхарта

разделяла стеклянная стена, оставляющая небольшую щелочку. Старик устремил свой взгляд в маленький телевизор. Показывали хоккей.

– Как игра? – громко спросил подошедший Флориан. Это был несправедливый вопрос. Разговоры о спорте и выпивка сближали и облегчали разговор.

– Пока держимся, – ответил парковщик, – три раза в меньшинстве отбивались.

– Ничего, прорвемся, – сказал Флориан, – а у вас можно узнать информацию о машине, которая здесь стояла?

– Фью, – присвистнул парковщик, – а ты чьих будешь? С какого интереса спрашиваешь?

Флориан показал удостоверение.

– Ага, – сказал парковщик, – полиция, так с радостью. Какая машина? Когда она здесь стояла?

– Да лет восемь назад, – усмехнулся Штильхарт. Парковщик засмеялся.

– Да-а, – сказал он, – куда вас занесло. Ладно, у нас должна быть информация, секунду.

Парковщик отъехал на кресле и достал толстую синюю папку.

– Номер знаете? – спросил он. Штильхарт покачал головой.

– Только лицо и имя владелицы, – сказал он, – возможной владелицы.

Флориан вытащил фотографию.

– Александра Рыкова, – сказал он.

– Рыкова, – повторил парковщик, – нет, такой здесь нет.

Ну-ка, дайте фотографию, я тогда работал, может, вспомню.

Парковщик некоторое время рассматривал снимок.

– Нет, – сказал он, – хотя, постойте. Да, я её видел один раз. Она приезжала на синей «Ауди», я почему вспомнил, хоккеем тогда был, наши забили, а я пропустил шайбу, потому что девицей этой занимался.

– А что был за матч? – спросил Штильхарт. Парковщик почесал затылок.

– Какой матч, какой матч, – пробормотал он, – вспомнил, наши с «Цугом» играли, выиграли четыре-три по буллитам.

Штильхарт задал в телефоне поиск. Из подходящего выходило 20 декабря. За четыре дня до убийства.

– А номер машины у вас не остался? – спросил Флориан. – Случайно.

– Эээ, это надо посмотреть архив, – сказал он, – вы не думайте, у нас тут всё записано. 20-е говорите?

– Ну если вы не ошиблись с матчем.

– Да нет, – сказал парковщик, щелкая клавишами, – вот, точно есть, «Ауди» GE 4325, так что была эта машина.

– Кому она принадлежит, не написано?

Раздался глухой хлопок. Стекло разлетелось в дребезги. Парковщик сполз с кресла и остался лежать на бетонном полу.

– Вы слишком быстро бегаєте, господин Штильхарт, – раз-

дался знакомый голос.

Естественно, тот самый тип, что появился в центр Ломоносова. Значит, они знали, что он будет искать парковку? Глупый вопрос, иначе бы этих типов здесь не было.

– Кажется, мы не закончили наш разговор, – сказал охранник, – в прошлый раз.

– В прошлый раз вас было несколько больше, – улыбнулся Штильхарт. – Впрочем я не против продолжить разговор сейчас. Один вопрос: кто вам платит? Тополевич, угадал?

– Это доказывает, что ничего серьезного у вас нет, – ответил охранник, – так что гадай сколько хочешь. Можешь попытаться угадать, что будет с тобой.

Штильхарт развел руками.

– Надо подумать, – сказал он, – как с Васкесом, у вас со мной сделать не получится. Сбросить под трамвай, это будет подозрительно.

– Официально это несчастный случай, – сказал охранник, – вам тяжело будет доказать обратное. Впрочем, не волнуйся, для тебя придумаем что-нибудь другое.

– Отправьте меня на недельку в Локарно! – воскликнул Штильхарт и двумя кулаками ударил охранника по руке, выбив револьвер. Но надолго его не хватило. Спину прошил разряд электрошока, и полицейский рухнул наземь. Один из нападавших занес нож.

– Не сейчас, – крикнул старший, поднимаясь и отряхиваясь, – он нам нужен, пока не найдем девку! Отвезите его в

клинику и приберите тут за собой.

* * *

Идя по коридору, Кристина прикидывала все варианты выхода из сложившегося положения. Немного она таких находила, если честь по чести.

Наш мир был создан, чтобы удивлять нас и поражать. Сию достаточно простую сентенцию Кристина выучила лет в тринадцать, хотя она уже не помнила, по какому именно поводу сентенция так ей врезалась в память. Наверное, потому, что она была такой же ясной, как законы Ньютона, и такой же подтверждаемой самой жизнью.

Господи, ну почему всегда так радикально?

Девушка перевела дыхание, сейчас важно было успокоиться и доиграть роль до конца, может быть, здесь она и получит ответы на свои вопросы.

Ага, как же! Успокоиться не получалось никак. Кристина не знала, во что она вписалась на сей раз, но интуиция ей подсказывала, что ей предстоит сыграть роль сапера, у которого нет права на ошибку.

На игру собирали в просторном лаунже, обитом темно-коричневой кожей. Сделан он был с явной претензией на шале. Деревянный пол из крупных толстых досок, сложенный из серого камня камин с потрескивающими поленьями, с выбитым изображением прыгающего льва, стилизованная люстра

ра, похожая на колесо от телеги, с лампочками в виде оплавленных свечей, множество разной утвари – от запыленных зеленых бутылок до незамысловатых акварелей с горными пасторальями, из динамиков откуда-то сверху лилась приятная, расслабляющая музыка. Хороший ресторан пятизвездочного горного отеля.

В лаунже было довольно жарко, вероятно из-за камина. Кристину встретили два официанта в красном и проводили к большому деревянному столу, за которым сидели пятнадцать девушек в красивых вечерних платьях. Кристина заняла место возле круглолицей блондинки в облегающем черном платье с блестками.

Официанты подали Кристине два стакана: с пепси-колой и стакан со свежавыжатым соком. Немного поразмыслив, Кристина взяла в руки газировку, решив, что в неё точно ничего не подмешают. Она сделала большой, но в меру глоток, мельком заострив внимание на том, что девушки пили только колу и фруктовые соки. Никаких коктейлей, энергетиков или алкоголя.

– Привет, – раздался голос с боку, – я Даша. Кристина обернулась на голос и немного вздрогнула.

Девушка, что сидела рядом, оказалась похищенной и убитой Дарьей Терехиной. Кристина уже решила не удивляться, по крайней мере публично, но позвольте... какого черта? Что происходит?

Как такое может вообще происходить? Думай, приказала она себе, думай! Их похитили, привезли сюда. Тем, кто это сделал, было нужно, чтобы их не искали. Как лучше всего сделать, чтобы человека перестали искать? Естественно, его убить. Действительно, это старо как мир. Возможно, этих девочек чем-то усыпили, чем-то таким, что сделало их похожими на трупы, а потом оживили. Это вполне возможно. Но почему среди этих девочек нет Екатерины Кирсановой? Значит ли, что её они убили понастоящему? Скорее всего! Но почему? Возможно, она не захотела играть по правилам этих господ и стала для них опасной? Если бы ей удалось рассказать о том, что здесь происходит...

Кристина поняла, что соседка ждет от неё ответа.

– Привет, – весело произнесла она, – я Крис, рада познакомиться.

– Ты первый человек, который это говорит, – сказала Даша, – большинство девчонок сюда привозят в таком виде, что они и слова сказать не могут. – Даша, по всей видимости, была очень рада завязать знакомство. – Итак, я сейчас тебе всех представлю. Во-первых, доктор Перрен, она здесь что-то вроде воспитательницы. Ты с ней уже встречалась? Пре-забавная тетка! Затем, в фиолетовом шотландском свитере, конечно же, – Виолетта. Далее, та, что в зеленой блузке от «Кавали», – Иришка. Она здесь, кажется, моя самая лучшая подруга, – так она перечислила всех, переходя от одной девушки к другой.

В то время как Даша совершала свою импровизированную переключку, Кристина старалась понять, а почему, собственно, эта странная группа девушек собралась здесь? Кое-какие обрывки фраз долетали до её ушей:

«Франц не советует мне в этом году кататься с высоких склонов. Лыжи несут меня сами по себе». – «Представь, у меня то же самое, но может быть это неплохо? Этот Франц такой обаяшка, он так поднимает меня», – радостное хихиканье.

Значит, девушки не вчера приехали, это точно, решила Кристина, сейчас никто не катается. Они здесь год, минимум!

«Доктор Девье уверяет, что я иду на поправку. Ну разве не ужасно, что придется уезжать отсюда?» – «Мне кажется, что для загара лучше всего натираться кремом от...» И так далее – обычная болтовня, которую можно услышать в кругу веселых студенток или школьниц, которые приехали отдохнуть на каникулы.

Все эти девушки вели себя просто и обыкновенно, разговаривали на одном уровне, употребляя одинаковые выражения, словом, были одни из массы обычных девчонок, которые сидят за коктейлями и кальянами в кафе на площади Независимости, неумело затягиваясь сигаретой, и пристающим к ним молодым людям говорят что-то типа «Только не надо портить вечер» или: «У всех мужиков лишь одно на уме», а то и вовсе раздраженно: «А ну-ка убери руки».

Неужели все, что Фабиан прочитал про ассасинов, правда? Возможно ли, что из этих девчушек готовят профессиональных убийц? Ещё совсем недавно она бы громко посмеялась над этой идеей, а сейчас её подсознание рисовало самые зловещие картины.

Дарье не удалось завершить свое представление пациенток, так как в комнату размашистым шагом вошел высокий лысый мужчина в смокинге и черных лакированных туфлях. Очевидно, это и был доктор Девье. Мужчина оглядел залу и добродушно улыбнулся.

– Мы рады приветствовать всех на нашей очередной игре, – сказал доктор, – прошу вас не забывать, что всё, что здесь происходит, это игра. И всё, что вы расскажете здесь, это плод вашего игрового воображения.

Кажется, начинается самое интересное.

– Что за игра? – спросила Кристина у сидевшей слева Со-ни, которая за время болтовни Даши не произнесла ни слова.

– Во время ужина каждый рассказывает историю из своей жизни, – сказала девушка, – каждый раз все рассказывают одно и то же – как они сюда попали.

Настенные часы, которые стояли в углу комнаты, пробили восемь, и с последним ударом часов из-за стола встала одна из девушек, та, что сидела с другого конца стола. Судя по отточенным движениям, она это делала много раз.

– Меня зовут Олеся, – сказала она, взяв карту, – я приехала сюда два года назад после того, как пыталась покончить

с собой. Мой жених очень волновался, но его друг посоветовал ему эту клинику.

Доктор Перрен тоже взяла карту и спросила:

– Почему вы хотели покончить с собой?

– Я потеряла ребенка, – сказала девушка, – я была наркоманкой и из-за этого потеряла ребенка...

Левонova нахмурилась, искренне вслушиваясь в рассказ. Она это уже слышала где-то с полчаса назад. История в общем повторялась – жених, наркотики, выкидыш, попытка суицида, лечение в клинике. Но дальше произошло то, от чего у Кристины душа ушла в пятки.

– Как вы хотели покончить с собой? – спросил Девье.

– Я отравилась. – С этими словами девушка взяла со стола бокал и немного отпила из него. После чего её передернуло, она схватилась за горло и, захрипев, упала на руки подбежавших санитаров.

Кристина от ужаса расширила глаза, но быстро взяла себя в руки.

– Что это? – спросила она.

– Это снотворное, – раздался рядом голос Даши, – она скоро очнется, не бойся.

Один из санитаров взял девушку на руки и вынес из зала.

Снова раздался бой часов. Встала следующая девушка.

Это была Даша. Она взяла карту.

– Я хотела убить своего молодого человека, – сказала она своим бойким голосом, который по мере рассказа становил-

ся более вялым, – я считала, что он оказывает мне мало внимания. Сначала я хотела уйти, но потом я выпила свои витамины и поняла, что единственный способ стать свободной – это убить его.

– Как вы собирались это сделать? – спросила доктор.

– У него в кабинете висел арбалет, я взяла его – в этот момент у девушки в руках оказался игрушечный арбалет, который обычно стреляет резиновыми стрелами, – и выстрелила. Но я не убила его, не смогла. Я промахнулась. Промахнулась, промахнулась, промахнулась!

Дарья стала кричать, и санитары, скрутив её, вкололи ей в руку шприц. Девушка обмякла у них на руках и её унесли.

Каждая следующая история более или менее повторяла предыдущую. Главные моменты, которые отметила Кристина, были: жених, потеря ребенка, суицид или попытка убийства. Значит, все эти девушки были сюда отправлены женихами, как и говорила Захарова. Вопрос: зачем? Ведь не всякое расстройство требует психического вмешательства. Больше похоже на то, что эти самые женихи просто спрятали своих невест от любопытных глаз. Но почему?

Цикл историй тем временем завершался, Кристина с удивлением обнаружила, что кроме неё и докторов в зале осталась только Соня.

Пробили часы, девушка сняла с лежащей перед ней колоды карту. Кристина могла её видеть, поскольку карта была в правой руке.

Поле карты было разделено на четыре квадрата, в каждом из которых была нарисована картинка: море, тигр, павлин и какой-то соляренный символ. Кристина понятия не имела, что это означает, но очевидно, основываясь на подобных картинках, девушки рассказывали свои истории. То есть это всё действительно выдумка или картинки помогли им вспомнить детали? Но детали чего?

– Мы с женихом жили в доме на берегу моря, – стала говорить Соня, – он возил меня на море каждые выходные.

С морем понятно, думала Кристина, жених это, наверное, павлин.

– Это был его дом? – спросил Девье, беря в руки карту. Очевидно, его карты чем-то отличались.

– Да, – ответила Соня, – мы были счастливы, но потом я узнала, что беременна, а Сергей сказал, что не хочет детей, сказал, чтобы я сделала аборт.

Внезапно до Кристины дошел смысл всех этих историй, и от этого у неё кровь застыла в жилах. Эти девушки знакомились с парнями. Некоторое время встречались с ними. Парни возили их на курорты, подарки дарили, ну и прочее там. Парни, очевидно, богатые. Так они развлекались, а если девушка забеременела, то от неё избавлялись, правда, необычным способом, сначала кормили витаминами. Кристина была больше чем уверена, что это был греларозол. Потом у девушек случался выкидыш, и они становились наркоманками, а потом их определяли в эту клинику. Только вот зачем они

здесь Тополевичу? Они нужны ему здесь живые и здоровые, но для чего?

– Вы решили покончить с собой? – голос доктора Перрен отвлек Леонову от раздумий.

– Я хотела превратиться в чайку, – сказала Соня, – и улететь далеко к солнцу.

В этот момент часы снова пробили. В полу открылся лаз, и девушка с воплем рухнула в пропасть. Кристина сделала всё возможное, чтобы не закричать самой. Ну и методы!

– На сегодня достаточно, – раздался голос доктора Девье.

* * *

Она осталась одна перед двумя докторами. Снова очень захотелось облизать губы. Кристина приказала себе соблюдать вежливое спокойствие и медленно, учтиво поклонилась докторам.

– Добрый вечер, – сказал доктор Девье, протягивая руку, – Луи. Вы только что были свидетелем нашего очередного эксперимента.

Кристина пожала руку. Она была сухой и холодной, без любого намека на дергающиеся мышцы.

– Очень приятно, – сказала девушка, – для этого я и прилетела, чтобы лично убедиться в прогрессе.

Где ж ты врать-то так научилась, а, подруга? Впрочем, чего ещё ожидать от выпускницы дипломатического интерна-

та?

– К сожалению, прогресс идет не так быстро, как хочется, – спокойно сказал Девье, – процесс несовершенен.

Кристина сделала лицо удивления.

– В чём же несовершенство? – спросила она. Девушка сразу решила провести этих типов через аутодафе, чтобы понять их искренние намерения. Этим она убивала двух зайцев: во-первых – вносила некоторую сумятицу в ряды противника, а во вторых – могла получить таким образом дополнительные сведения, которые ей были необходимы.

– Девушки должны ненавидеть тех, кто довел их до наркотической зависимости и надругался над ними. Мы учим этому, однако пока они чувствуют ещё свою вину. Мы не можем пробудить в них гнев.

– А-а-а, – задумчиво протянула Кристина, – но центр ждет, мы должны получить готовый материал как можно быстрее.

Ты хоть сама-то поняла, что сказала?

– Вы его получите, – сказал Девье, – я обещаю вам.

Я вижу, что вас озадачила наша клиника?

– Признаться, да, – честно сказала Кристина.

Девье мягко улыбнулся, хотя эту улыбку можно назвать и оскалом.

– Методы великих новаторов весьма часто озадачивают обывателей, – отчеканил доктор.

Боже, как он самокритичен.

– Я разработал метод лечения от наркомании, – пояснил Девье, – в основе которого лежит хрупкое когнитивное воздействие. Поэтому наши пациентки помещаются в особые условия и подвергаются обработке.

– А ваши лаборатории? – спросила Кристина. – Препарат?

– Препарат является лишь прологом к воздействию на сознание, он должен освобождать сознание, и лишь потом мы можем осуществлять воздействие. Мы постоянно совершенствуем препарат, в надежде на получение оптимальной комбинации.

– Вы хотите сказать, что в скором времени препарат может автоматически воздействовать на сознание? – спросила Кристина.

Она надеялась, что это было сказано не слишком испуганным тоном.

– В этом наша цель, – улыбнулся Девье, – однако, как я уже говорил, мы далеки от совершенства. Все время находимся где-то рядом, но не можем понять, поэтому происходят эксцессы.

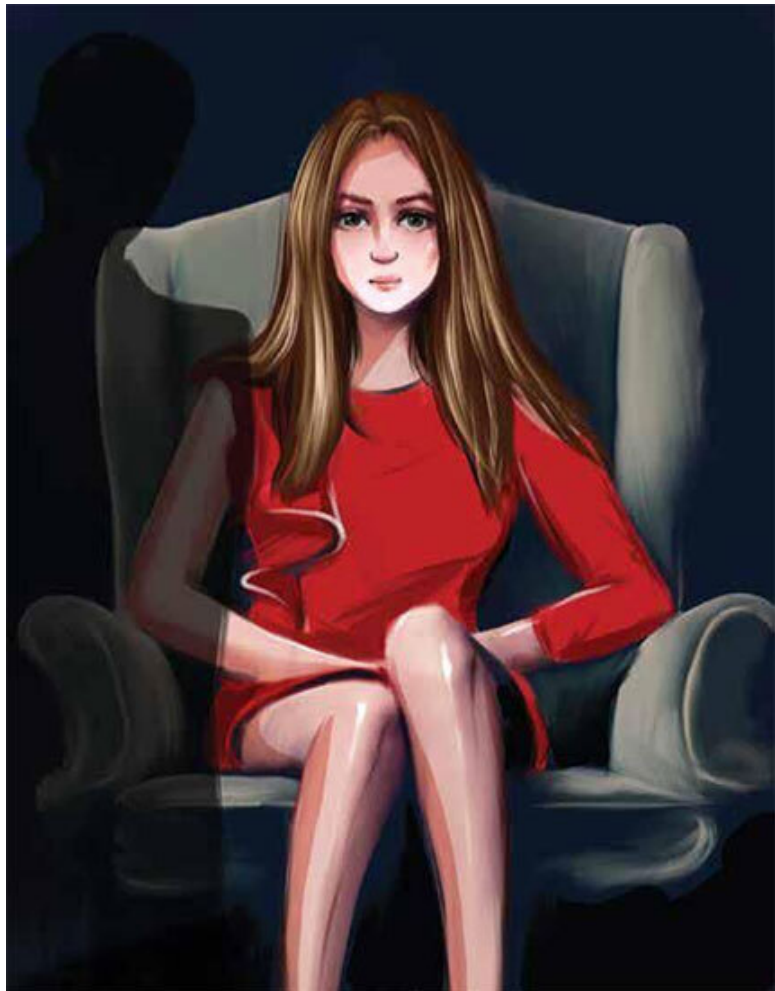
– Как в случае с этой... Дашей. – Кристина сделала вид, что небрежна к пациентам.

– Например, да.

– Чем вы объясняете подобное? – спросила Кристина.

– Скорее всего смесь стресса и перемены обстановки, – откликнулся Девье, – ведь подумайте о контингенте, с которым мы работаем! Школьницы, студентки, все несовершеннолет-

ние. Их психологическая структура гораздо крепче, чем у взрослых особей.

Материал, особи, фыркнула про себя Кристина, это у них профессиональная деформация или они действительно не считают их за людей?

– Здесь мы пытаемся вскрыть защиту, – продолжал Девье, – и психика начинает бунтовать.

– И что вы делаете в таких случаях? – спросила Кристина.

– Увеличиваем дозу препарата, – сказал Девье, – возможно, это рискованно, но смертельных случаев не было. И к тому же их всё равно не будут искать, ведь они...

– Уже мертвы, – изобразила фальшивую улыбку Кристина, стараясь сохранить спокойствие. Она чувствовала на себе пронзительный взгляд доктора. Ничего, она тоже умеет делать каменное лицо.

– Совершенно верно, – улыбнулся Девье, – так что вы можете передать в центр, что мы полностью держим наше слово.

– У меня и в мыслях не было подозревать вас в обратном, – сладко пропела Кристина, – безусловно, мне будет о чём доложить.

Если, конечно, выберусь отсюда, мелькнула мысль. Только оставлять здесь этих девочек не хотелось. Интересно, сколько пациентов было здесь до этой группы и где они сейчас?

– Однако я надеюсь, что вы не покинете нас в ночь? – спросил Девье. – Я имею смелость предложить остаться у нас, если вы не против. Вы бы могли понаблюдать за мате-

риалом.

– О-о-о, – улыбнулась Кристина, – это было бы превосходно, тем более что доктор Перрен уже подобрала мне палату. Она предложила понаблюдать за материалом в естественной среде.

С лица доктора Девье не сходила благостная улыбка. Вот так рождаются страшилки о докторах.

– Тогда вы можете полностью положиться на доктора Перрен, – сказал он, – к сожалению, я не смогу оказывать вам столько времени, сколько хотелось бы. Исследования, сами понимаете. Но не беспокойтесь, доктор Перрен будет полностью в вашем распоряжении.

Кристина встала и легко поклонилась.

– На большее я и не надеялась, – сказала она, вновь демонстрируя самурайское спокойствие.

Внутри же бушевал океан мыслей, который сворачивался в очень неприятный клубок, внутри которого было очень холодно и страшно. Пятнадцать девушек, похищенных по приказу своих женихов, официально считающихся мертвыми, похищенных и спрятанных здесь в клинике. Они подвергаются самым разнообразным экспериментам с сознанием. Зачем? Для чего? Кристину мучали очень дурные предчувствия.

Покровская сидела в одном из прибрежных кафе и, уткнувшись взглядом в колышущийся кофе, размышляла. Словно бы коричневый напиток мог ответить на все её вопросы. Информации стало чересчур много. Вновь надо было все рассортировывать. И так, за разработкой препарата стоит Александр Верховский. Опуская все прочие моменты, Наташа не сомневалась в его таланте и способностях, однако где Верховский раздобыл финансовый капитал на продолжение исследований? А ещё скрытность. Откуда все это у молодого ученого? Для такого нужен спонсор. Это должна быть или крупная промышленная компания, или спецслужбы. Покровская почему-то склонялась ко второму варианту. Теперь Сабуров. То что он рассказал о маршрутах перевозок, наводило на самые печальные мысли, однако давало реальную зацепку. И все же тот страх, который засел в сознании Сабурова, эхом отдавался в её голове. Ведь она вторглась на территорию такого противника, который для достижения своей цели не остановится ни перед чем.

Она так и сидела в размышлениях, пока черт знает зачем не обратила внимание на столик сзади.

За ним, подле самого окна, сидели двое мужчин в плащах и темных кепках. Перед парочкой стояли наполовину пустые чашечки с кофе. Мужчины сидели и не мигая вперили свой

взгляд в почти невидимый силуэт – голова и плечи, – маячивший на фоне перегородки из матового стекла, которая отгораживала место, где расположилась Покровская.

Наверное, этот взгляд и заставил её обернуться. В чём в чем, а в отсутствии чутья её никак нельзя было обвинить. Нужно сказать, без сомнения, что вид и застывшая поза этих двух парней производили самое неприятное впечатление на любого, даже самого отчаянного смельчака. Поэтому за ними никто не следил и старался не обращать внимания, только официант, опасливо озирающийся по сторонам, ждал того момента, чтобы подойти рассчитать парочку, вероятно, рассуждая, за сколько он может убежать, если вдруг что.

Момент, к его нечаянной радости, представился довольно быстро. Парочка встала из-за столика и, недопив свои напитки, направилась в сторону Покровской.

Дождалась, называется.

Наташа встала из-за стола и вдруг в её спину уперлось что-то холодное и металлическое, а потом за спиной девушки раздался мягкий, но весьма доходчивый голос:

– Не двигаться, если жизнь дорога.

Покровская резко обернулась. Два дула ТТ уставились на неё, как два неподвижных серебристых глаза.

Лицо, которое держало оружие, было ему сродни. Спокойное и безэмоциональное. На нем нельзя было прочесть ни напряжения, ни волнения, лишь абсолютно равнодушный взгляд.

Кем могли быть её новоявленные кавалеры, Наташа не имела ни малейшего понятия. Ни на кого они работали. Ни что это значит вообще. Девушка решила выбросить все вопросы из головы и, расслабив мышцы, стала ждать развития событий.

– Руки за голову. – Вкрадчивый настойчивый голос выдавал уроженца юга, человека с берегов Понтийского моря или с Кавказа. Голос соответствовал внешности мужчин – грубая пористая кожа, желто-коричневые лица. Возможно, они родом из Грузии или Армении. Мафия? Мозг Покровской заработал на полную мощность. Может быть, это Тополевич? Не превратилась ли она из охотника в добычу?

Вряд ли, решила она, если бы это был Тополевич, её бы просто убили. Надо просто успокоиться и выражать полное безразличие. Шансов-то все равно нет.

Наташа заложила руки за голову.

Один из мужчин отошел в сторону, так, чтобы расширить сектор обстрела, а его сообщник со знанием дела обыскал девушку сверху донизу – сначала по бокам, потом руки от плеч до запястий и ноги изнутри.

Девушку вывели из кафе и посадили в черный «Мерседес» Е-класса. Поездка была недолгой. До ближайшего съезда с набережной. После того как автомобиль затормозил на камнях набережной, «кавказцы» вышли из автомобиля и, пихнув девушку в сторону воды, стали ждать, не убирая оружие. Несколько секунд спустя раздался тихий гул мотора

небольшого катера. Парни, словно отретпетированными движениями, синхронно стали закатывать брюки до колен и жестом показали Наташе сделать то же самое.

Девушка наклонилась, закатала джинсы так же, как они, и, пока возилась с кедами, зажала в руке перочинный ножик, который держала спрятанным в стельке, затем, повернувшись вполоборота в сторону лодки, которая уже достигла мели, переложила его в правый карман джинсов.

– Господа, – сказала она, – вы хотите пригласить меня на рыбалку? Предупреждаю, я таки больше люблю на блесну.

Шутку её не оценили, ответив обрывистой фразой:

«Вам назначена встреча!»

«Кавказец» первым забрался в лодку, за ним Покровская, затем последовали те двое, которые сидели в кафе, они же помогли завести мотор на корме. Рулевой, ничем не отличавшийся от простого рыбака, промышляющего в глубоких водах, развернул тупой нос катера, дал полный вперед, и они поплыли в северном направлении по ударяющим в корму волнам.

Наташа бросила взгляд на «охрану». Они сидели, сторбившись на ветру, держа руки в карманах, настороженные, но как бы безразличные. Быстро таяла позади, пока не превратилась в золотистое свечение на горизонте цепочка огней – это был Кранцберг.

Её везли куда-то далеко от берега. Интересно, что все это может значить?

Лодка обогнула буй, сигнал которого звучал достаточно меланхолично, и, тарахтя, стала медленно двигаться на юг. На правом берегу показались веселые огоньки деревень со специально оборудованными причалами – рай для рыбаков. У Покровской мелькнула мысль, что, когда они поднимутся чуть выше, можно попытаться растолкать своих «кавалеров» и прыгнуть в воду, пустившись вплавь. Ага, как же, дадут ей такую возможность. В голове сразу материализовалась картина, как она прыгает с катера, сразу начинают грохотать выстрелы, свист пуль и глубокое понимание в последней вспышке сознания, что она получила одну из этих пуль. Нет, она будет сохранять спокойствие. Терпение – это высшая добродетель.

К тому же она довольно-таки сильно замерзла и двинуться не могла. А ещё её обуревало любопытство. Всётаки было чертовски интересно – кому она понадобилась? Раз её не убили там, на набережной, и не утопили возле лодки, то определенно понадобилась.

Она думала об этом, когда водитель катера развернул лодку поперек течения и направил её в небольшую бухточку. В её конце чернел полуразрушенный деревянный пирс, импровизированным уступом выступающий от берега.

Едва катер приблизился к пирсу, в глаза ударил мощный

фонарь. На нос катера упал канат, и кто-то невидимый подтянул судно к берегу.

Тот парень, что тыкал в Наташу пистолетом, выбрался из лодки первым. Затем вытолкали её саму. Двое из кафе почтительно козырнули и остались на катере. Катер сразу же дал задний ход и поплыл в обратном направлении. На пирсе их встретили ещё двое мужчин. Таких же непроницаемых и безмолвных. Они окружили Покровскую и повели по пыльной грунтовой дороге. Было очень темно, только метрах в ста от них между невысокими деревьями мерцал огонек. Когда Наташу подвели ближе, она увидела, что свет исходит от фонаря, качающегося на выцветшем от времени деревянном столбе. Сам столб стоял возле массивного складского помещения, которое в отличие от столба блестело и сверкало. Похоже, новое, а может быть, за ним просто добросовестно следили.

Её подвели ко входу, и возле двери она увидела несколько картонных коробок, на которых было написано – «Kranzberg–Novorossijsk. Kurica–indejka, «Agromir» 397694». Ничего пояснительного она в этом не увидела.

Они вошли. Внутри склада, слава богу, было тепло.

Девушку вели между рядов таких же картонных коробок, которые Наташа видела у двери. Вполне вероятно, камуфляж. Тут же валялись сложенные стульчики, видно было, что здесь только что играли в карты. Вероятно, они находились в помещении охраны. Один из сопровождающих

перервал весьма нелюбезный тычок пистолетом.

– Не останавливаться, – посоветовали ей.

Девушка решила, что лучше не спорить, особенно, когда сзади трое крепких парней.

Покровскую подвели к массивной алюминиевой двери, за которой, наверное, скрывался еще один отсек в этом здании. Может быть, именно там её ждали ответы. Вероятно, там был главарь этой шайки.

Другого шанса может и не быть, решила Покровская. Правой рукой она уже сжимала рукоятку ножа в кармане. Внезапно выбросив вперед левую руку, она проскочила в дверь и одним резким движением захлопнула ее за собой, пригнулась, готовая метнуть нож, если что.

Сзади неё послышались крики, кто-то усиленно навалился на дверь, но Наташа держала дверь спиной, не давая открыть. Впереди неё за письменным столом сидел мужчина среднего возраста, даже не пытаясь защищаться.

– Хватит! – крикнул он.

Давление на дверь ослабло. Мужчина улыбнулся широкой и обаятельной улыбкой. Он поднялся из-за стола и медленно поднял руки.

– Не убивайте меня, госпожа Покровская, – медленно произнес он, – давайте вначале поговорим, а потом, если желание останется, можете попытаться. Меня зовут Александр Захаров. Мне передали вашу просьбу о встрече.

Покровская усмехнулась. Вот, значит, кто копает против

Тополевича. Хотя кто ещё это мог быть? Она даже не была удивлена.

– Прошу прощения, что вас доставили сюда таким образом, – продолжал Захаров, – однако я боялся, что вы откажетесь, если услышите мое имя.

– Я не из пугливых, – сказала Наташа, убирая нож, – к тому же ваши люди были очень любезны.

Захаров улыбнулся.

– Я рад, – сказал он, наклоняясь к комлинку: – «Бакарди» со льдом для нашей гостии, а мне виски с содовой. Покровская мысленно усмехнулась. Разговор намечался долгий.

– Обычно вы пьете херес, – заметила она вслух.

– Действительно, – сказал Захаров, – а что ещё вы обо мне знаете?

Он вышел из-за стола, невысокий, средних лет, с загоревшим лицом. На нем был один из тех темно-синих костюмов, какие из-за их удобства любили носить люди его стиля жизни. Двубортный, широкий в плечах и под мышками. Специально для ношения оружия? Мужчина протянул руку. Рука была твердой и сухой.

– Александр Захаров, – сказала Наташа, пожимая руку, – лидер Понтийского союза – крупнейшей теневой организации Республики. Вас ещё называют королем контрабанды. Нелегальный ввоз сигарет, компьютерной техники, автомобилей, цифровое пиратство, однако ваш легальный бизнес намного обширнее: несколько полиграфических комби-

натов, крупные предприятия агрокомплекса, производство птицы, если мне не изменяет память.

– Действительно, – подтвердил Захаров, – это сторона жизни мне больше нравится.

– Это естественное желание, – сказала Покровская, – чем ближе к закону, тем спокойнее.

– Любопытно слышать это из стана противника, – улыбнулся Захаров, – впрочем, не совсем противника, ведь наши дороги не пересекались, хотя сейчас звезды сошлись таким образом, что я должен установить с вами доверительные отношения, и сделать это я могу одним способом – вручить вам свою жизнь.

Покровская сохраняла спокойное лицо, вежливо слушая. Как все поворачивается, под неожиданным углом.

– Итак, это вы помогаете господину Сабурову в его действиях против Тополевича? – спросила она напрямик.

Захаров сдвинул брови.

– Прежде чем начать деловой разговор, – сказал он, – я бы хотел вас попросить кое о чём.

– Я слушаю.

– Когда вы найдете убийцу пропавших девочек, отдайте его мне, – проговорил мужчина.

Наташа была ошарашена.

– При всем уважении, – осторожно ответила она, – боюсь, эта просьба невыполнима. Он должен предстать перед судом.

Захаров фыркнул.

– Да делайте вы с ним что хотите, – сказал он, – но после всего отдайте его мне. Вас просит отец, потерявший детей.

Покровская чертыхнулась про себя. Вот идиотка, Захаров фамилия, значит – Софья Захарова...

– Это моя дочь, – как будто прочитал её мысли мужчина и протянул фотографию, – моя Сонечка.

– Но ведь она...

– Да, – бросил Захаров, – сирота. Я специально так сделал. Понимаете, у меня же не всегда спокойный бизнес. Поэтому она никогда не видела меня, только получала подарки на день рождения и другие праздники, ну и конечно, я оплачивал ей школу, она всегда была первой ученицей.

– Боюсь, вы нашли неудачное место, – заметила Покровская.

– Теперь я это понимаю, – сказал Захаров, – я хотел ей сказать правду на восемнадцать лет. Попытаться как-то объяснить, почему меня так долго не было в её жизни.

– А её мать?

Захаров тяжело вздохнул.

– Я был женат один раз, – сказал он, – мы познакомились на первом курсе. Встретились и полюбили друг друга. Она была очень романтичной особой. Результатом нашей любви был сын – Дмитрий. Дмитрий Сосновский.

– Ах вот оно что! – догадалась Покровская. – Значит, убитый пять лет назад Дмитрий Сосновский ваш сын.

– Ужасная история, – сказал Захаров, – потерять от одного

убийцы двух детей. Дима взял фамилию матери.

Покровской стало жалко этого человека. Она понимала все бессилие, которое одолевало его, а ещё чувствовала его вновь открывшуюся жажду мести.

– Вот почему вы так откровенны, – проговорила она. Захаров кивнул.

– Мой сын, как и многие, имел свой бизнес, я не лез в его дела, но кое-чем помогал, и он постепенно поднялся на достаточную высоту, даже планировал жениться. Пять лет назад моего сына пригласили в некое оппозиционное движение в качестве инвестора.

– Фонд Тополевича? – спросила Покровская. Захаров кивнул.

– Мой сын отказался дать деньги, – сказал он, – и его убили. Никто киллера так и не нашёл, а я нашёл.

– Как!? – спросила Наташа. – Вы нашли? Захаров кивнул.

– Я похоронил сына и стал наводить справки, я узнал немного, но достаточно, чтобы понять одно: убийца и девушка моего сына один человек.

У Покровской глаза на лоб полезли. Ничего себе. Все круче и круче.

– Это уверенность? – спросила она.

– Факт, – сказал Захаров. – После смерти сына я нашел письмо от него, он хранил его в месте, которое я знал. Из него я понял, что мой сын, поняв смысл фонда, начал копать под них. Примерно в это же время он и познакомился

с некой девушкой. Опережу ваш вопрос. Я ее никогда не видел и имени не знаю, сын говорил только, что они познакомились в Швейцарии. Мой сын был в гостях у моего знакомого английского адвоката Джеймса Чилуэлла.

Господи, подумала Наташа, ну почему всё вечно так пересекается? Нет, пусть бы касалось, но почему под такими острыми углами и загогулинами? Это кто же из них? Рыкова, Урусова, а может, Русакова или вообще Сабурова? Что, если Захаров её подозревает, поэтому и помогает её отцу, втирается в доверие, так сказать. Нет, даты не совпадают. А может быть, Захаров решил, что это Александра, поэтому взорвал её?

– Мой сын, – продолжал Захаров, – однажды увидел, как она встречается с заказчиком. Не знаю, был это прямой приказ или собственное решение, но она его убила.

На некоторое время в комнате воцарилась тишина.

– И всё это вы узнали из письма? – недоверчиво уточнила Наташа.

– Да, – кивнул Захаров, – вероятно, мой сын понимал, что его не оставят в живых, поэтому решил сообщить мне, если бы только он сказал мне лично... жена не выдержала этого и умерла, через год. Рак.

– И вы решили отомстить Тополевичу, – сказала Покровская, – вы узнали, что Сабуров копает против него, и решили помочь.

Захаров глотнул из бокала, освежая горло.

– Горе объединяет, не так ли? – сказал он. – После смерти сына я хотел одного: лишить их спокойствия и будущего. Да, я стал собирать на Тополевича компромат. Все эти пять лет собирал. Искал лазейки, перекрывал их. Вы можете подумать, что я сошел с ума, но для меня это стало смыслом жизни. Однако ничего не выходило, Тополевич как в воду канул после той истории. Никаких зацепок. Он построил огромную империю, и всё в рамках закона. Всё на легальные деньги. Ничего, чтобы можно было использовать в суде. Но вот недавно на меня вышла одна девушка. Она сообщила мне, что работала в компании Тополевича и хочет его сдать мне, сказала, что у нас с ней общая цель.

– И это была Эльмира Сабурова? – прямо спросила Наташа.

– Да, – кивнул Захаров, – это была Эльмира. Я даже не узнал её вначале, ведь я не имел дел с её отцом. А вот она моего сына знала, и знала, что с ним случилось. Эльмира рассказала свою историю, рассказала мне про клинику и про препарат. Ей нужны были мои связи и мои люди, чтобы продвинуться в своем расследовании, единственное о чём она просила, это не говорить отцу, я, естественно, не мог этого сделать, ибо понимал, что в противном случае девочку постигнет судьба моего сына, но я сделал всё, чтобы помочь ей.

– Понятно, – сказала Наташа, – дальше.

– У меня был один толковый парень, – продолжил Захаров, – года два назад он ушел к Тополевичу, просто тот пла-

тит больше. Я ему тоже кое-чего приплачиваю, чтобы быть в курсе его дел. Я вышел на него, и Игнат сказал мне, что Тополевич в своей клинике держит любовниц богатых и влиятельных людей нашей республики и шантажирует их этим.

– А что в этом такого? – спросила Покровская. – Что опасного в этих любовницах?

Захаров слабо улыбнулся.

– Эти любовницы несовершеннолетние, – сказал он.

– Ах вот оно что! – воскликнула Наташа. – Как же они к нему попали?

– Эти люди сами их туда и отправляли, – сказал Захаров, – предварительно подсаживая на известный вам препарат, а для всех они умирали. Последней жертвой стала...

– Ваша дочь, – закончила Наташа, – значит, вот почему напали на морг? И вы думаете, что она жива?

– Жива, – сказал Захаров, – простите, что не сказал об этом сразу, я хотел, чтобы вы поняли ситуацию. Здесь дело не в самих девочках, а в том, что Тополевич хочет раскрыть эту информацию на страницах западной печати и спровоцировать бунт. А сам он тогда станет лидером движения очищения. В этом и заключается смысл его «Лиги честности».

– А почему вы думаете, что ваша дочь жива?

– Потому что они написали мне письмо, – сказал Захаров, – пригрозили, что в случае, если я не передам имеющиеся у меня документы, а также Эльмиру Сабурову и её девочку, то мою девочку они убьют.

– Вы должны передать их им? – спросила Покровская.

– Хитрее, – мрачно бросил Захаров. – На завтра я пригласил Эльмиру и Марту к себе на дачу. Во время того, как они там будут, придет милиция и найдет у Сабуровой наркотики, которые я подложил.

Наташа расхохоталась.

– Ах вот оно что, – сказала она, – а я-то гадала, зачем я так быстро вам понадобилась. Вы хотите, чтобы мы приехали на вашу дачу и сами забрали их.

Впервые за весь разговор лицо Захарова расплылось в улыбке. Наташа потягивала «Бакарди» и почтительно следила за выражением лица своего визави. Перед ней находился один из самых великих профессионалов, вне всякого сомнения. Надо же такое придумать. Ксюша такой трюк точно оценит.

– Вам это будет сделать куда как легче, – сказал он, – тем более что к этим людям у вас есть свои счета.

Интересно только что сделать, задалась вопросом Наташа, вывезти с дачи это одно, а что делать с ними потом? Если Эльмиру придет задерживать настоящая милиция, у них будут все бумаги на руках. Что она сможет сделать? Только тянуть время, валять дурака или... или увезти их под предлогом силового привода в главное управление розыска, для дальнейшего разбирательства, а раз так, то милиция должна ей оказывать содействие. Ну и попала она. Почему же ей все время так везет?

– Но вы же понимаете, что заказчика мы вам не отдадим, – сказала она в слух.

– Понимаю, – сказал Захаров, – мне много о вас рассказывали. Вы честная девушка и умная. Поступите, по совести. А я сутки подумаю, прав я, что вам это все рассказал, или нет.

Покровская незаметно улыбнулась. Лидер «Понтійского союза» рассуждает о совести. Мир сошел с ума. Однозначно.

– Ну, поздно думать, – бросила девушка, – вы сказали, а я услышала.

Захаров вновь расплылся в улыбке. Кажется, он получил что хотел. Ещё бы ей выйти живой из всего этого, совсем было бы хорошо. Хотелось бы и здоровой, конечно, хотя бы физически.

– Следователь и есть следователь, – сказал Захаров, – я свяжусь с вами завтра, часов в двенадцать. В письме будет претензия на качество куриного мяса. Что-то вроде в полученной партии некоторые тушки второй свежести. Встречу с представителем фирмы необходимо провести там-то и тогда-то. Понятно? Вы же знаете эти трюки?

– Знаю, – сказала Покровская, – только я хотела бы узнать адрес дачи, чтобы, так сказать, подготовиться.

– А я уже не смог бы отказаться, – заметил Захаров, – вы умная. Я в вас не ошибся. Чтобы у вас не осталось сомнений, сообщу ещё кое-что. Тополевич прекратил поставку сюда греларозола. Игнат передал мне последние его маршрутные листы. Так вот теперь там не таблетки.

Покровская пожевала губу.

– А что? – спросила она.

– Оружие, – ответил Захаров, – много оружия. Винтовки, динамит, гранаты. Этот груз идет к нам из Южной Америки. Вот копия описи груза. Для служебного пользования, как говорится.

Покровская осторожно взяла лист из рук Захарова.

– Зачем он отправляет таблетки, это я могу понять, – сказала она, – но оружие ему здесь зачем?

Захаров покачал головой.

– Могу лишь сказать, что, по данным Игната, оружие останется здесь.

– Вооруженное восстание? – спросила Наташа. – Вы к этому ведете?

Захаров внимательно сдвинул брови.

– Вы сами всё поняли, – сказал он, – вы ещё можете все предотвратить, если живы останетесь, но учтите, я не знаю, кто за Тополевичем, но знаю, что эти люди задумали что-то такое, чего ещё наше государство не видывало. Они ведут очень крупную игру и не остановятся ни перед чем.

Покровской вновь стало холодно, и дело было не в погоде.

– Учту, – сказала она, стараясь выглядеть спокойной. Наташа окончательно запуталась в мыслях и мотивациях как своих, так и лиц, причастных к этому делу, но прекрасно понимала, что от ситуации отчетливо пахло бедой.

...Господи, Александр Владимирович. Я ведь не должна быть здесь. Я её видела сегодня и его тоже видела. Я не должна была видеть. Если об этом кто-нибудь узнает, я пропала, пожалуйста, заберите меня отсюда...

Это был тихий, испуганный голос Кати Кирсановой.

Ей было страшно.

Запись остановилась с громким щелчком.

– Ещё раз, – сухо попросила Авалова.

Техник щелкнул мышкой. Запись проигралась ещё раз, в такт ей прыгала звуковая осциллограмма, похожая на биение человеческого сердца.

Говорившая боялась. Не чего-то абстрактного, кого-то конкретного. В записи был не только голос, ещё какойто фоновый шум.

– Что это? – спросила Авалова. – Автомобили, дорога? Техник снова пощелкал клавишами.

– Похоже на раздвижную дверь, – заметил Рауш, – сначала звуки музыки, потом шипение. Возможно, она вышла куда-то из людного места.

– Клуб, про который говорил Верховский? Рауш пожал плечами.

– Если он вообще существует, – хмуро заметил оперативник.

Авалова сунула в рот орех.

– Он мне не врал, – сказала девушка, – по крайней мере не до конца врал. Она звонила ему, была напугана, смертельно напугана, но позвонила, значит, доверяла.

– Занеже доверие бывает обманчиво? – не унимался Рауш.

Авалова кивнула.

– Здесь согласна, – сказала она, – или это не значит, что он врал про клуб. В конце концов это ничего не значащая информация. Если мы туда и заявимся с ротой автоматчиков, что мы предъявим посетителям? Они ведь не на деньги играют.

Сидящий в кресле Мациевский расправил плечи.

– Так может, он нас таким образом уводит от следа? – спросил он. – Мол, занимайтесь, дорогие сыщики, этим клубом, а я буду громко смеяться.

Авалова усмехнулась.

– Нет, – твердо сказала она, – Кристина видела в клинике Тополевича Соню Захарову, а Верховский говорил, что одну из подруг Кирсановой разыграли в качестве лота, улавливаете?

Рауш бросил на напарницу недоверчивый взгляд.

– Думаете, что её отправили в Швейцарию? – спросил он.

Авалова кивнула.

– Готова держать любое пари, – сказала она, – так и происходит.

– Ага, – задорно воскликнул Макс, – значит, здесьтаки Верховский соврал! Он-то говорил, что их отпускают, через месяц.

Авалова усмехнулась. Нелюбовь детектива к подозреваемому или к свидетелю – вещь страшная, потому что никогда не доводит до истины. Лично она всегда старалась быть выше таких эмоций.

– С чего бы это, а? – неприятно зазвучал внутренний голос. – С каких это пор ты стала такой либеральной?

Ксения дернула головой, прогоняя мысли.

– Возможно, – согласилась она, – или это пока не главное. В конце концов, Верховский мог этого и не знать.

– Ты сама-то в это веришь? – буркнул голос.

– А вот Кирсанова скорее всего узнала, – предположила Ксения, – узнала, а возможно и увидела, вот потому-то её и убили.

– Значит, паспорт и деньги – дезинформация? – спросил Мацевский.

Ксения пожала плечами.

– Не думала об этом, – честно сказала она, – но возможно, что так. Раньше я бы не согласилась с этим...

– Я говорил это с самого начала, – обиженно фыркнул Рауш.

– Но теперь, – продолжила Ксения, – пожалуй, стоит рассмотреть такую версию. Действительно, их могли подбросить, чтобы мы думали, что Кирсанова должна была уехать

вместе с подругами.

– А на самом деле её просто убили, – сказал Рауш, – потому что она увидела лишнее. Но всё же не понимаю, как так может быть, чтобы человек был трупом, лежал в холодильнике, а потом ожил?

Ксения кивнула.

– На самом деле ничего странного в этом нет, – сказала она. – У спецслужб существуют специальные яды, которые позволяют ввести человека в состояние, близкое к смерти, а потом с помощью противоядия их оживляют. Нелегалов и перебежчиков иногда перевозят таким образом через границу.

– Адашев наверняка имел доступ к таким ядам, – заметил Мациевский, – он же был шефом СБР.

– Это не так важно, – сказала Ксения, – наш киллер итак достаточно подготовлен. Я увидела её сегодня и его тоже видела, о ком она говорит?

– Может быть, о подруге? – предположил Рауш. – Она где-то там её увидела.

– А почему у неё такой испуганный голос? – спросила Ксения. – И кто этот «он»? Она видела чью-то встречу. Встречу, которую видеть не должна была. Возможно, эта встреча и напугала её.

– А что, если она видела нашу «подругу»? – предположил Рауш. – Может быть, ей передали приказ нейтрализовать девочек, а Кирсанова это подслушала, вот и стала для

них опасной.

– Возможно, – согласилась Ксения, – пожалуй, стоит посетить это скромное заведение, оно начинает меня сильно интересовать.

– Избавляться от девушек – это я еще понимаю, – сказал Мациевский. – Но зачем держать их живыми в этой клинике? Это необычно.

Авалова сдвинула брови.

– Все это необычно, – фыркнула девушка, – и мне от этого не по себе.

Воистину, все меняется, заключила она.

* * *

Крестину вновь вели по длинным белым коридорам в сопровождении доктора Перрен. Её желтые глаза всё время сканировали гостью, от чего у Крестины появилось ощущение, что она совершила какую-то оплошность при разговоре. Нет, вряд ли. Эти люди привыкли не церемониться с противником. Она была бы уже где-нибудь в подвале, если бы у сих господ возникли сомнения на её счет. Это была единственная успокаивающая мысль.

– Надеюсь, вы удовлетворены разговором? – спросила доктор Перрен.

– И разговором и вашими опытами. – Легонова изобразила освоенную ещё в дипломатическом интернате кроткую,

небрежную улыбку – фирменное оружие любого дипломата, – правда я многого не спросила о научной деятельности.

– У вас будет такая возможность, – отозвалась доктор Перрен, – уверяю вас. Я рада, что вы останетесь с нами подольше.

В данных обстоятельствах это звучало как смертный приговор.

– Должна вам сказать, – продолжала доктор, – что мы редко распространяемся о своей работе. Вы же понимаете, что в таких специализированных областях науки более чем где-либо процветают алчность и зависть. К тому же многие жаждут украсть результаты наших прорывных исследований.

– Учитывая ваш прогресс, – это естественное желание, – сказала Кристина.

Некоторые из таких жаждущих даже идут рядом, усмехнулась девушка.

Её провели до самой двери в номер. Открыли панель и наконец оставили в одиночестве. Кристина облегченно выдохнула.

Соня, вдруг пронзила её мозг мысль, она здесь? Левонина стала вертеть головой в поисках соседки, та, на счастье, обнаружилась на собственной кровати, она лежала, уставив глаза в потолок.

Её чемодан и саквояж тоже были на месте, хотя Кристина была уверена, что они уже шарили в её вещах. Ну и пусть. Ничего интересного они там не обнаружат.

Интересно все-таки, а что она будет делать? Долго этих господ за нос водить не получится. Вызвать сюда Штильхарта? Исключено, второго шанса позвонить уже не будет, ведь телефон ей пришлось оставить у охраны, его тоже наверняка разбирают, правда, он местный и они в нём тоже ничего не найдут.

Самое лучшее, конечно, взять бы их сейчас за горло, высказать всё, что она о них думает и... и что дальше? Вряд ли это можно считать дипломатическим решением, а мысль сражаться со всей клиникой Кристине как-то не нравилась.

Решив вновь перевоплотиться в пациентку, девушка присела на свою кровать и мило улыбнулась Соне.

– Кто это всё придумал? – спросила Леонова в пространство. – Игры, имитация самоубийств, зачем всё это?

– Мы так лечимся, – раздался голос её соседки, – избавляемся от страха смерти. Это психотерапия. Так доктор Девье сказал.

Психотерапия? Да, от такой психотерапии, может, и не померешь, но свихнёшься точно.

– А ты сколько уже здесь? – для вида спросила Кристина.

– Недели две, – тихо сказала Соня, – меня сюда из казино доставили.

Это ещё что за вводные?

– Какого казино? – спросила Кристина как можно тише, чтобы не было слышно в микрофон.

– Ты не бойся, – сказала Соня, – они микрофоны отклю-

чают в это время. Думают, что мы в отключке. Есть такое казино для богатых, нас там разыгрывают. Отдают женихам. Они с нами месяц проводят, а потом отдают назад, но нас не отпускают, они нас сюда отправляют и лечат. Учат ненавидеть женихов, а я не хочу ненавидеть.

– А как вы попадаете в это казино? – спросила Кристина.

– Нас из школы привозят, – сказала Соня, она говорила очень спутанно и монотонно, – раз в месяц выбирают двух девушек. Вот сейчас выбрали меня и Дашку Терехину. Привезли в казино. Нам там поначалу нравилось. Одежду красивую давали. Мы с другими девчонками познакомились. А Катя всё нас отговаривала, говорила, что это плохо кончится.

– Какая Катя? – спросила Кристина. – Катя Кирсанова? Захарова вздрогнула.

– Нет-нет! – воскликнула она. – Я не должна говорить, никому не должна. Меня накажут! Ты же проверяющая, одна из них.

Девушка стала корчиться из стороны в сторону. Кристина схватила её за плечи и прижала к себе.

– Тише, тише, – проговорила она, – успокойся, я друг, я помогу тебе.

Соню всё ещё трясло. Наверное, это последствия препарата, ужаснулась Кристина. Скорее всего, такая реакция возникает, когда человек говорит то, на что он не запрограммирован. Поэтому даже если пациентка и сбежит, то она ничего

не сможет рассказать, потому что умрет от судорог. У Кристины от этой мысли сами собой все внутренности свернулись.

– Ты... ты из полиции, да? – пролепетала Соня. – Ты приехала арестовать докторов?

– Потом, – попыталась успокоить её Кристина, – ты знаешь откуда можно позвонить?

– В кабинете доктора Девье, – с болью и дрожью в голосе сказала Соня, – там автономный телефон и компьютер.

– Откуда ты знаешь? – спросила Кристина.

– Я несколько раз была у него, – ответила Соня, – он иногда вызывает пациентов, спрашивает о жалобах или просьбах.

Доберусь до телефона, позвоню Штильхарту или Фабиану. Пусть вызывают мальчиков из ARD 10 и разносят этот храм медицины к чертовой матери. Проведем агрессивные переговоры, как в известном фильме.

Она хотела двинуться к дверной панели, но Соня схватила её за руку.

– Мне страшно, – сказала она, – можно мне с тобой? Кристина тут же хотела ответить нет, ей вовсе не улыбалась мысль идти в компании полусумасшедшей соседки по палате, но немного подумав, девушка одернула себя. С каких это пор, милочка, вы рассуждаете, как эти, с позволения сказать, психотерапевты? Может, ещё на работу к ним устроитесь?

– Хорошо, – согласилась она, – пойдём.

Почему добро в моей голове всегда побеждает рациональность, подумала девушка.

* * *

Улица Дrajинского. Трущобы города. Деревянные дома без удобств, примостившиеся к скале, узкие дворики, вездесущие соседки и запах жареной рыбы, час назад выловленной из моря. Ксении нужен был пропуск в клуб, и из проверенного источника, которым был Михал Потапыч, она знала, что в этом замшелом райончике часто гостит тот, кто отведет её туда.

Авалова протиснулась в дверь кабачка «Dугуavaуа boшка». Внутренний антураж соответствовал названию.

Почерневший от времени линолеум, круглые столики из зеленого металла, в дальнем левом углу – широкая угловая барная стойка. На одной из вертикальных балок, отходящих от барной стойки и подпирающих потолок, висит доска объявлений, обращенная лицевой стороной ко входу в кабачок. Посетители клуба тоже были соответственными. Среди оживленно болтающих клиентов можно было заметить крепко сбитых парней в кожаных куртках с поблёскивающими ТТ. Другие предпочитали охране собственное оружие. Огневая мощь позволила бы устроить новый «Торг».

Ксения двинулась к барной стойке, ощущая на себе влажные взгляды. Особенно на неё пялилась кучка бритоголовых

со слюнявыми улыбками, которые, правда, исчезли, стоило им бросить взгляды на её бедра.

Лишь только она подошла к стойке, бармен, до того пивший из мутного стакана какую-то жидкость, быстро глянул на её фигуру и стал копошиться под стойкой своими длинными, довольно мускулистыми руками. Голова питейных дел мастера каким-то образом крепилась сразу к туловищу, минуя шею, и выражала крайнюю раздражённость. Ясно было, что он тоже готовит оружие.

– Табье чьево? – проквашал бармен с неясным акцентом.

– Голубя позови, – властно сказала Ксения. Бармен замотал головой.

– Ничаво ньет, – проквашал бармен, – ничаво ньет.

Напряжение росло. Опасностей будущего опасаться не надо. Опасаться надо только настоящего. Кажется, эта сентенция сюда как нельзя к месту.

Дальнейшее произошло очень быстро. Ксения рухнула на пол. Бармен пальнул из ТТ, разнеся одну из деревянных панелей. Авалова вскочила и рванула бармена за обе руки по дуге вверх, опрокинув его на металлический столик, от чего стоявшие на нем стаканы превратились в крошево. Теперь бритоголовые уже поднимали пушки.

Ксения взмахнула ногой. Один из пистолетов выпрыгнул из руки остолбеневшего владельца и улетел в угол, ту да же отправился и владелец. Его напарник бросился на девушку с видом носорога. Ксения крутанулась на месте, и бритоголо-

вый впечатал голову в стойку.

Окружающие немедленно оторвались от выпивки и стали глазеть на представление. Некоторые по привычке доставали стрелковое оружие и держали его на изготовке, другие прятались за охрану. Однако, как только последний бритоголовый отправился отдыхать, они разочарованно покачали головами и вернулись к своим делам.

Ксения нависла над лежащим барменом.

– Я просила Голубя, а не проблемы, – сказала она.

Сзади послышалось шевеление. Бритоголовые опять поднимались.

– Ну, хватит, ребята, – раздался чей-то голос, – наша гостя пришла сюда не для того, чтобы неприятности нам причинять, верно, Ксения Игоревна?

Ксения обернулась на голос. Он принадлежал тонкокоственному журчику с длинными и сальными волосами и испещрённой оспинами кожей. Это и был Голубь, крупный делец, контрабандист, сутенер. Человек разностороннейшей деятельности. Свою кличку он заслужил тем, что единственным его легальным бизнесом была торговля птицами.

– Не обращай внимания на всё случившееся, – сказал Голубь, – меры предосторожности. В беспокойное время живем. Мне нужно проверить было, что это на самом деле ты.

– Проверил? – фыркнула Ксения.

– А то как же, – сказал Голубь, – кто же кроме тебя так махать ногами может? Зачем кликала, красавица?

– Это не для лишних ушей, – сказала Ксения, – у тебя есть где поговорить?

Голубь сардонически рассмеялся.

– Для тебя у меня есть все, – заявил он, – пошли.

* * *

Голубь провел её вниз по небольшой лестнице. Открыл металлическую дверь и завел Авалову в маленькую комнатку с ядовито-фиолетовыми обоями, столиком, креслом и широкой кроватью, которая скорее всего предназначалась вовсе не для сна.

– Это моя берлога, – сказал он, – временная. Мои птички сейчас улетели в теплые края, и я торчу здесь, но для тебя готов прервать свое уединение.

Ксения ослабилась.

– Мне нужно попасть в клуб, – сказала она.

Голубь захохотал.

– Да ты и так в клубе, детка! – воскликнул он. – У нас по вечерам такие танцы бывают.

Ксения растегнула кобуру.

– Мне нужен другой клуб, – сказала она, – тот, что в здании бетонного завода.

Голубь с опаской посмотрел на кобуру.

– Зачем так сразу?! – завизжал он. – Что и пошутить нельзя? Что ты хочешь знать об этом клубе?

– Всё, – сказала Авалова, – как называется? Как туда попасть? Кто там бывает? Кто туда девочек отвозит?

Голубь на несколько секунд задумался.

– Ладно, – сдался он, – только для тебя любимой. Мои ребята их отвозят. Наше дело раз в месяц встретить девочку и доставить в казино. Всё. Когда лот разыгран, её уже клиент забирает. Что там происходит дальше, мы к этому отношения не имеем.

– Откуда девочки поступают?

– Да отовсюду, – бросил Голубь, – отсюда, Станиславов, Лемберг, Борисфен. Здесь самое зачетное место в республике. Больше такого нет.

– Понятно, – кивнула Ксения, – как туда попасть? Голубь фыркнул.

– Да никак, – сказал он, – там охрана, как в Белом доме! Туда пускают только по приглашениям. Чужие там не ходят.

– Ну ты-то там свой, – заметила Ксения, – как я понимаю.

– И что с того? – осклабился Голубь.

– А то, – сказала Ксения, – что ты меня сейчас туда отвезешь.

Голубь достал сигарету. Закурил. В нос ударил запах марихуаны.

– Да ты рехнулась, Авалова! – воскликнул он. – Как я тебя туда отвезу?

– Отвезешь, – повторила Ксения, – на своем дорогом авто и проведешь меня внутрь. Скажешь, что привел крутого

клиента, там же не только на девочек играют.

Голубь бросил недокуренную сигарету. Всплеснул руками.

– Нет, – сказал он, – ты точно рехнулась. Они же тебя там на ремни порежут.

Ксения белозубо улыбнулась.

– Ну зачем так грубо, там же все люди культурные и статусные, не так ли, друг мой? К тому же у тебя всё равно нет другого выбора.

Голубь бросил беглый взгляд на расстёгнутую кобуру. Выбора у него не было. Делец откинулся на спинку кресла.

– Ну как же не помочь родной милиции, – съязвил он, – вот только ради тебя, детка. Слушай, а ты откуда инфу узнала, что я девочек вожу? Ну так, для общего развития скажи, а?

Ксения рассмеялась.

– Для общего развития, – повторила Ксения сквозь смех, – да понятия я не имела, что ты кого-то возишь. Я первый раз это от тебя слышу.

Голубь нецензурно выругался и злобно глянул на девушку.

– Ах чтоб тебя... – воскликнул он, – вот ты ж дьяволица!

– Сочту за комплимент, – сказала Ксения и пнула ногой по щиколотке Голубя, – вставай, поехали.

Голубь кряхтя поднялся и вяло побрел к двери. Авалова сняла с предохранителя пистолет и двинулась за ним.

Выйти из палаты оказалось не очень простым делом. Входная дверь имела кнопку только с одной стороны и, конечно, не с той, где находилась Кристина. С минуту девушка весьма прозаически смотрела на дверь, словно ожидая, что та откроется от тяжести её взгляда. Поскольку этого не произошло, Кристина подошла вплотную к двери и провела рукой вдоль короба. Загадочный механизм замка никак не отреагировал, но девушка почувствовала идущий сверху холодок. Значит, щель, – догадалась Кристина.

– У тебя есть листок бумаги, – спросила она у Сони. Та флегматично кивнула и протянула белый чистый лист формата А4. Кристина села на колени и, отогнув маленькую полосочку, аккуратно оторвала её. Затем подошла к двери и, просунув бумагу в щель, провела ею вдоль верхней части короба. Есть! Замок приветливо щелкнул и дверь послушно отъехала в сторону.

– Люблю читать приключенческие романы, где всё подробно описывается, – прокомментировала Леонова.

Выбравшись в коридор, девушка сперва осмотрелась и убедившись, что никого больше нет, поманила пальцем свою новую знакомую.

– Пошли, – сказала она.

По коридору двигались тихо. Чтобы случайно не по-

скользнуться, сняли туфли и шли босиком. Думать о том, что с ней сделают если поймают, Кристине не хотелось. Оставалось надеяться, что поговорка про сон негодяя верна.

– На каком этаже кабинет? – спросила Леонова, жалея, что не рисовала где-нибудь план здания.

– На пятом, – тихо ответила Захарова.

Кристина фыркнула.

– Ну естественно, – сказала она, – он же не может быть на первом и с открытым в сад окном. Соня, ты говорила про свою подругу, ты знаешь, что с ней произошло.

– Наверное, её убили, – спокойно сказала Соня, – она пришла забрать нас из казино, но мы её не послушали. Она просила, много раз просила, чтобы мы ушли оттуда, а мы не хотели. А потом она пропала, просто пропала и больше не приходила.

– А почему ты думаешь, что её убили?

– Её Охотница увела, – уже с усилием произнесла Захарова, – а если Охотница уводит, то люди не возвращаются. Даша вон тоже сбежать решила. Охотницу за ней послали, и она Дашу вернула. И Даша уже никуда не сбежит.

Значит, Охотница это... пронеслось в голове Кристины.

– Почему? – спросила Кристина. – Почему уже не сбежит?

– Её обновление почти завершено, – сказала Соня, – она на него радостно идет, а я сопротивляюсь, я не хочу обновления.

Кристину распирали вопросы, она хотела было спросить

про обновление, но смирила любопытство. Неизвестно ведь, какие вопросы вызывают отторжение, а ломка идущей рядом девушки – последнее, что ей было нужно.

Поднялись на пятый этаж, уже под самую крышу. Лифтом, разумеется, не пользовались, боялись, что старый механизм создаст много шума. Дышать старались тоже через раз, чтобы не запыхаться от крутого подъема.

Поднявшись, Кристина отодвинула Соню и подалась вперед, чтобы осмотреться.

– Чисто, – с удовлетворением отметила девушка. Очень тихим шагом они добрались до двери кабинета, которая, собственно, и была единственной дверью на этаже. Уже хорошо. Замок двери оказался подобен остальным и после проведения полоской бумаги сквозь короб открылся. Свою компаньонку Кристина оставила снаружи, так сказать, на стороже.

Прикрыв за собой дверь, девушка крадучись и очень жалея об отсутствии фонарика подошла к письменному столу и, включив настольную лампу, огляделась. Обстановка ничем не отличалась от типичного кабинета врача. Стопки медицинских книг, федеральных и кантональных законов, грамоты. Всё должно было вызывать трепет и уважение к светилу медицины у человека, который сюда попадал. Нет, безусловно Кристина оставляла за Девье право быть медицинским светилом. Все её умозаключения ещё надо было доказать. Что сразу девушке бросилось в глаза, так это какая-то необжитость кабинета, словно его хозяин очень редко здесь

появлялся. А для директора клиники это было странно.

Поверхностно осмотрев кабинет, Кристина стала более тщательно искать что-то похожее на сейф, и надо сказать, что нашла, причем не что-то похожее, а именно сейф, который был вмурован в стену и спрятан за стопкой медицинских законов.

Аккуратно переложив книги с полки на стол, Кристина приступила к открытию сейфа, ну то есть взламыванию – всё зависит от точки зрения.

Сейф на её счастье оказался с колесцовым замком. Кристина облизала ладонь и будто заправский медвежатник стала осторожно поворачивать замок, вслушиваясь в щелчки.

Есть! Замок дважды щелкнул, и металлическая дверь распахнулась. Всё-таки дипломатический интернат дает самое разностороннее образование.

Внутри, как она и предполагала, лежали истории болезни пациенток. Кристина осторожно взяла папку.

Беглый взгляд в содержимое сразу поставил в тупик. В этих папках лежали целые личные дела на пациенток, подобные тем, что собирают частные детективы в ходе слежки за объектом: привычки, увлечения, круг знакомых, социальный статус. Зачем кому-то собирать информацию о девушках? Но это были ещё не все странности. Пациентки были максимум девушки среднего достатка, а то и вовсе из бедных семей, и местом рождения значились, мягко сказать, не совсем центральные города. То есть то же самое, как и в случае

с пропавшими девушками в Кранцберге.

– Алиева Анна Эдуардовна, – стала читать Кристина, – 1996 года рождения, понтійка, место рождения: город Станиславов, Назаренко Кристина Геннадьевна – 1998 года рождения, место рождения город Лемберг. Свидерская Светлана Александрова, 1997...

Просматривая сейчас эти имена, Кристина смутно стала вспоминать, что где-то их видела. Но где? – Она закусила губу. – Если только...

Ну, конечно! Этих девушек она видела в сводках, когда искала похожие случаи. Они все пропали без вести. Значит, их похищали, отправляли в казино, а дальше переправляли сюда. Идиотка, как она сразу тогда не поняла? Хотя, чего теперь пенять, ведь попробуй объедини эти дела. Этих девушек специально похищали в разное время и из разных городов. Выходит, у них только в Кранцберге прокол вышел? Да, заключила Кристина, потому что им помешала Кирсанова. Они от неё слишком поспешно избавились. Хотя если бы я не знала эту страну как свои пять пальцев, ничего бы мы про них не раскопали.

Да уж, ничего себе реабилитационная клиника.

Но это были ещё не все новости. В тех же папках содержалась вся информация и о людях, оплачивающих пребывание девушек в клинике. Эти фамилии даже не требовали перепроверки. Они были слишком хорошо известны, а если сложить отчества этих людей с их фамилиями, все становилось

совсем ясно. Господи, как надоело быть всё время правой, – тихо проворчала она, оправдались её самые худшие опасения. Нужно было срочно передать информацию.

Её рука потянулась к телефонной трубке, и она убедилась, что Штильхарт бывает прав в своей низкой оценке её способности стратегически мыслить.

– Не надо никуда звонить, – раздался голос и зажегся свет, моментально ослепивший глаза.

В дверном проеме стояла доктор Перрен с направленным на Кристину револьвером «Кольт». Что-то сюрреалистическое было в этом её виде. Интересно, сколько времени эта докторша уже наблюдает, как она кипит за изучением документов?

– Добрый вечер, – улыбнулась Кристина.

КОНЕЦ СЕДЬМОЙ ГЛАВЫ

Глава VIII. Свободное падение во тьме

*Что ж, теперь, когда мы увидели друг друга –
сказал единорог – мы можем договориться. Если
ты будешь верить в меня, я буду верить в тебя.
Идём?
Л. Кэрролл)*

Понедельник 22 октября

Приятная классическая музыка, каменные статуи атлантов. Светодиодные хрустальные плафоны светились разноцветными огнями, разгоняя темноту. Сейчас основным цветом был зеленым, но пока Ксения осматривалась, частота изменилась и свет стал оранжевым. Дорогие паласы и снующие по ним официанты и официантки белый верх черный низ. Да здесь и работала Екатерина Кирсанова, здесь она пыталась отговорить своих подруг от участия в игре. Здесь же она увидела что-то из-за чего её убили. Ксения чувствовала, что с каждым своим шагом она приближается к разгадке и с каждым шагом она чувствовала, что не хочет знать эту разгадку.

Вместе с Голубем она шла вдоль рядов улюлюкающих игровых автоматов, круглых столов из зеленого сукна, где лю-

ди играли, кто в карты, кто в рулетку, кто в кости.

– Только не надо удивляться лицам, детка, – тихо сказал Голубь, – здесь можно увидеть кого угодно, даже Папу Римского, таких козырных мест больше нет, отвечаю.

– Сам видел? – спросила Ксения.

– Кого?

– Папу Римского.

– Его не видел, а вот наши церковники сюда часто захаживают, – криво усмехнулся Голубь, – ладно, подружка, я тебя сюда провел, давай дальше сама, лады?

– Лады, – кивнула Ксения, – свободен.

– Счастливо развлечься, – хохотнул Голубь, – если что, кокс, выпивка и богатые мальчики, все бесплатно.

Не меня хитрого выражения на лице, Голубь стал пятиться назад и вскоре скрылся в толпе. Доносить не пойдет, решила Авалова, в их среде быть стукачом у мента это подписать себе приговор сразу и безотлагательно, он не так глуп. Авалова подошла к барной стойке и, сев на элегантный высокий стул, жестом позвала бармена.

– Что угодно барышне? – льстиво спросил тот.

– Один дайкири, – попросила девушка.

Через минуту перед ней в коническом коктейльном бокале, украшенном лаймом, плескалась кисло-сладкая бело-зелёная жидкость.

– Вы у нас первый раз, барышня, – сказал бармен, – я вас раньше не видел. Уже ознакомились с нашим ассортиментом.

том? Советую вам «Баккара», удивительно заводит.

Ксения улыбнулась.

– У меня с заводом проблем нет, – небрежно бросила девушка, – меня интересуют лоты, понимаете, о чем я?

Бармен нахмурился.

– Ого, – сказал он, – вы немного опоздали, мы теперь на лотах не специализируемся.

Ксения фыркнула.

– Да ну, – бросила девушка, – а мне говорили, что это самое козырное место в республике, что здесь можно сделать всё, что пожелаешь.

Бармен перекинулся через стойку.

– Говорю же, больше такой услуги нет, – сказал он, – не привозят больше девочек, а тех, которые были, увезли.

– С чего вдруг? – спросила Ксения. – Это же так популярно было.

– Да почему я знаю, – сказал бармен, протирая бокал, – знаю, что увезли, и всё, мое дело маленькое, но охрана трепалась, что игры на лоты больше не будет.

– Знаешь её? – спросила Ксения, кладя на стол фото Кирсановой. – Работала здесь.

– Ты чего, мент, что ли? – осклабился бармен.

– Борец за добро и справедливость, – отрезала Ксения, – так как?

– Ничего я тебе не скажу, – буркнул бармен, – не знаю такую!

Ах вот так вот, никакой помощи следствию.

– А ты через стойку перегнись, – сказала девушка.

– Чего? – рывкнул бармен.

– Перегнись, перегнись.

Бармен перегнулся и увидел упертый в деревянную панель браунинг.

– Знаешь, что это такое? – спросила Ксения. – Армейский браунинг FN Five sevenN, калибр 5,7, 28 мм, прошьет эту стойку и испарит твои внутренности, если ты мне не скажешь.

У бармена забегали глаза.

– Что тебе нужно знать? – спросил он.

– Кто её убил?

– Да откуда я знаю, – фыркнул бармен, – вам же факты нужны, а то вы мне потом предъявы кинете.

– И всё же?

Бармен замялся, испуганно поглядывая на барную стойку.

– Я кликуху только знаю, – сказал он.

– Говори, – потребовала Ксения, – быстро.

– Охотница, – буркнул бармен.

– И всё? – спросила Авалова. – Просто Охотница? –

Бармен закивал.

– Просто Охотница, – сказал он, – я ни разу её не видел. Её вообще никто не видел, кроме босса.

– Кто у нас босс? – спросила Ксения, не убирая руку из-под стойки. – Ну говори, раз начал.

– Под топор меня суешь, да? – злобно осведомился бармен. – За фраера держишь?

Ксения улыбнулась.

– А какая тебе разница? – бросила она. – Скажешь, убьют свои, не скажешь, убью я. Тебе решать. Только если мне скажешь, у тебя еще будет шанс.

– Арсенюк, – быстро сказал бармен, – ему здесь всё принадлежит.

– Как давно ему это принадлежит? – спросила Ксения.

– Года два, – сказал бармен.

– До этого кому принадлежало?

– Так ему же, – сказал бармен, – он вообще сам завод этот лет шесть, как прикупил. Стоял заброшенный, а год назад он здесь эту точку и открыл.

– За что Охотница убила Кирсанову? – спросила Ксения. – Она сама так решила или по приказу?

Бармен фыркнул.

– По приказу, конечно, – сказал он, – она без приказа ничего не делает. Девчонка эта всё нос свой совала куда не следует, вот ей его и прищемили.

– Что значит совала? – не без отвращения спросила Ксения.

– Вот то и значит, – буркнул бармен, – вопросы задавала вроде тебя, только такой пушки у неё не было.

– Какие вопросы?

– Лишние, – сказал бармен. – Когда лоты проходят? Где

проходят? Кого из девочек торгуют?

– Ты ей сказал?

Бармен снова зафыркал.

– Ничего я ей не говорил, – пробурчал он, – чтоб отвязалась, отправил на десятый этаж, сказал, что, наверное, там аукцион будет, а это зона запретная, там появляются только босс и его гости.

– И ты, шкура, её специально отправил? – холодно спросила Ксения. – Ты знал, что если её там увидят, то она уже оттуда не вернется, так?

– Да, достала она меня, – зашипел бармен, – все ходила, вынюхивала, выспрашивала, смиреннее надо быть, вот я туда её и отправил, знал, что проучат.

Ксении хотелось сейчас всадить в него всю обойму, но она удержалась.

– Ключ давай, – требовательно сказала девушка, – ты ведь наверняка напитки носишь, ты же самый главный здесь, по этому делу.

Бармен нехотя полез под стол и извлек оттуда пластиковую карточку.

– Лифт в той стороне, – махнул он рукой, – я, смотрю, ты как она, тоже борзая, но ничего, скоро власть сменится и вас всех укоротят.

– Увидим, – коротко сказала Ксения, беря карточку.

Пожалуй, нет ничего глупее, чем висеть между полом и потолком, медленно раскачиваясь в разные стороны. Ну, разве что не иметь при этом возможности пошевелиться. В поле зрения появился доктор Девье.

– С возвращением в этот мир, госпожа Легонова, – сказал он улыбнувшись.

Оказывается, он знал великорусский язык.

– Вы меня с кем-то путаете, – ответила ему Кристина, с радостью обнаружив, что ей оставили способность говорить, – я...

Доктор цинично рассмеялся.

– Я прекрасно знаю, кто вы, Кристина Сергеевна, – сказал он, – посланник Организации никогда бы не стал проникать в мой кабинет и красть документы, и уж тем более привлекать к этому делу одну из пациенток. Какая ошибка. Всегда считал добросердечие страшной человеческой слабостью.

Идиотка, сухо констатировала Кристина, кем она себя возомнила, Матой Хари? Ничего, будем выкручиваться.

– Это лучше, чем ставить медицинские эксперименты на людях. На грязные деньги, – гордо заявила девушка.

Доктор пропустил её слова мимо ушей.

– Фи, как патетично, – бросил он, – право, даже не ожидал от вас. Вы же так профессиональны всегда. Впрочем, вы

меня уже ничем не удивите, Кристина Сергеевна, а вот я могу вас удивить. Мне прекрасно известно, кто вы, и ваши замыслы тоже известны. Ваша соседка Софья, она была первой-классной собеседницей. Она рассказала всё, что было необходимо, даже чуть-чуть больше. И если вы не хотите повторить её неприятнейшие ощущения, советую вам отвечать на мои вопросы.

Блефует, поняла Кристина, они ничего не знают. Соня не могла им ничего сказать, потому что она с ней ничего не обсуждала. Нет, если бы знали до конца, прикончили бы на месте. А если нет? Если это не блеф, тогда ему что-то нужно.

– Значит, так, – сказала она, – с вами я говорить не буду, а буду говорить с шефом вашим – Тополевичем. Никогда не отвечала на вопросы лакеев. Почему должна начинать сейчас?

Девье крутанулся на каблуках и подошел вплотную к девушке, грубо схватив её за подбородок.

– Радуйтесь, что у вас есть возможность говорить, – зашипел он, – итак мой первый вопрос. Вы работаете на Верховского? Он вас нанял?

Кристина попыталась усмехнуться. Ах вот, оказывается, в чем дело. Её здесь считают человеком Верховского. Значит, Тополевич играет на другой стороне доски. А он очень нервничает, этот доктор, аж руки дрожат. Руки дрожат – это хорошо.

– В своем контракте я указываю, что сохраняю приват-

ность своих клиентов, – заявила девушка, – меня особо за это ценят. Впрочем, если вы сообщите о моей просьбе господину Тополевичу, я могла бы с ним обсудить этот вопрос. Кристина излучала спокойствие. В конце концов, как говорит Штильхарт, хочешь быть умным, изображай из себя дурака.

Доктор оскалился в злой усмешке.

– Ну если вы настаиваете, – сказал он и с этими словами схватил себя за лицо и с силой дернул щеки вниз. Кожа оказалась фальшивой и теперь висела лохмотьями. Вместо блестящей лысины голова была покрыта аккуратно уложенными седыми волосами. Перед Кристиной стоял тот, кого она только что желала лицезреть. Зря он начал с ней говорить на великорусском.

– Какое откровение, – усмехнулась она, – доктор Луи Девье, ученый с мировым именем, директор одной из самых фешенебельных частных клиник, он же Борис Тополевич – один из богатейших людей мира. Удачное партнерство. Полный уход от ответственности за маской несуществующего человека и в то же время постоянный легальный доход.

Тополевич снял с себя остатки грима.

– Вы догадливы, – сказал он, протирая лицо, – но, что бы вы ни говорили и ни делали, вы уже не остановите запущенный мною процесс. Пока все обращали внимание на собрания «Лиги честности», я разработал план, с помощью которого могу подчинить себе или уничтожить бессчётное коли-

чество политических и общественных деятелей Понтии. И, уверяю вас, не только там, но и по всему миру. Как я уже сказал, я давно понял, кто вы, Кристина Сергеевна. Мне было интересно показать вам то, о чем многие скоро услышат. Вы очень любознательны, и я удовлетворю ваше любопытство. Знаете почему? Потому что только вы способны оценить масштаб того, что я сделал.

– Если вам кто-нибудь поверит, – сказала Кристина, – эти люди не любят шантаж.

– Поверят, – заявил Тополевич, закуривая сигарету, – в любом случае я устрою им шоу. Помните протесты в Узбекистане после того, как американские солдаты изнасиловали двух школьниц? Этим бедолагам даже пришлось ликвидировать свою военную базу. Представляете, если выяснится, что чем-то подобным занимаются дети ведущих политиков Понтии? Не думаю, что мировое сообщество допустит подобное. Тем более, что в моем заявлении не будет ни слова лжи, а если мои требования не будут выполнены, я начну рассказывать об элитах многих других стран. Как вы думаете, сколько найдется лидеров, которые захотят воспользоваться подобным компроматом? – Он смачно причмокнул, закуривая сигарету.

– Вам не позволят, – сказала Кристина, правда, она не очень была уверена в своих словах, – они найдут какую-нибудь лазейку и выбросят в эфир ответный компромат. Ваше досье уже изучают. Спецслужбы, бандиты. Даже в горах Монтрё не от всего можно спрятаться.

Тополевич покачал головой.

– Меня это мало интересует, – сказал он, – даже если бы они что-то нашли, я очень давно веду приготовления. Я специально тренировал своих «ангелов смерти».

– Эти девушки, – догадалась Кристина, – вы собираетесь их потом убить и выставить как жертв преступных посяга-

тельств?

– Не всех, – надменно и успокаивающе произнес Тополевич, – двух-трёх возможно, однако если бы вы получше узнали девушек, вы бы поняли, что они просто горят от желания отомстить. Поэтому они станут новой движущей силой глобальной революции. Они поведут за собой народ. Это будет бунт не просто против коррупции или против олигархов. Это будет борьба за моральные ценности. Ну а что потом с ними будет? Я ещё не решил. Спецслужбам и бандитам будет чем заняться помимо меня.

– А бизнесменов, вложившихся в Лигу, вы выставите козлами отпущения? – догадалась Кристина.

Тополевич поднялся с кресла.

– Угадали, – сказал он, – знаете, удивительно нудно изображать из себя злодея. Я сдам мировой общественности виновных, виновных, которых создала и поддерживает власть. Может быть, я даже объявлю Лигу провокацией власти. Кто знает? Я ещё не решил.

– Сколько же миллионов вы рассчитываете получить на этот раз? – полушутя спросила Кристина. – Вы же никогда ничего не делаете без выгоды.

Тополевич широко улыбнулся.

– Миллионов, Кристина Сергеевна? – спросил он. – Нет, здесь цена будет иного рода. Я хочу изменить лицо истории, поучаствовать в создании правильного и справедливого мира.

– И для этого вы решили отравить целую страну психотропным веществом? – поинтересовалась Леонова.

– Страну? – переспросил Тополевич. – Я смотрю гораздо шире. У человека так много желаний, ему нужно лишь показать, чего он именно хочет. С помощью нашего препарата.

– Замечательно, – сказала Кристина, – просто социальное обеспечение наркоманов, однако я думаю, что многим конкурентам по «бизнесу» ваш план придется не по душе.

Тополевич засмеялся.

– Дорогая Кристина Сергеевна, да он просто приведет их в бешенство, но до тех пор, пока они сами не подсядут на этот препарат, и тогда я останусь единственным монополистом по торговле человеческими эмоциями, в глобальном масштабе.

Кристина двинула бровью.

– О комплексах человека судят по его мании величия, – заметила девушка.

Тополевич сохранял каменное выражение на лице.

– Это всего лишь первая демонстрация нашей силы, – сказал он, – демонстрация мощи Организации, которая скоро подчинит себе всё и никакие армии и ракеты её не остановят. Ибо она всё и ничто. Вы ей перешли дорогу. Даже вы, при вашем гении, не до конца поняли, каким силам бросили вызов.

– Власть над миром, – усмехнулась Кристина, – а я-то думала, что услышу что-нибудь новенькое. Это идея такая древняя, как сам мир, и невыполнимая гораздо более гени-

альными умами.

– Вы напрасно провоцируете меня, – ответил Тополевич, – поверьте, что я мог приказать убить вас, как только вы прилетели в Женеву и даже много раньше.

– Что же вам помешало? – притворно удивилась Кристина.

И правда, что?

– Вы меня заинтересовали, – сказал Тополевич, – ведь никто кроме вас не смог проанализировать взаимосвязь между пропавшими девушками и моей клиникой. Никто кроме вас не связал этих девушек с убийством адвоката Чилуэлла. Это ведь вы подняли ту старую историю. Ваша кипучая деятельность здесь доставила мне массу неприятностей. Мне было интересно посмотреть, что вы за человек, Кристина Легонова.

Ах вот так, усмехнулась про себя Кристина, ей до сего момента не приходила мысль о собственных гениальных возможностях. Наоборот, она была уверена, что провалила все, что можно, выставив себя форменной слонихой. А тут ей даже комплименты раздают. Всё чудесатее и чудесатее.

– Мне было любопытно знать, кто стоит за моими проблемами. Кто дергает и перерезает те невидимые ниточки, которыми я управляю. Я не был удивлен, когда узнал, что это вы. Только вы, с вашей столь причудливой логикой и сумрачной гениальностью, могли решиться бросить мне вызов. Возможно даже, я бы предложил вам работать на меня, – продолжал

Тополевич.

– Я сейчас просто закричу от счастья, – сказала ему Кристина, – прыгать, извините, не могу. Пожалуй, меня устроит ваша служба безопасности. Я бы первым делом провела расследование и выяснила, кто стоит за убийством Джеймса Чилуэлла и Кати Кирсановой.

Девушка послала Тополевичу ещё один дипломатический прием – широкую улыбку в комбинации со сверкнувшими глазами.

– Пожалуй, я ошибся, – заявил Тополевич, – вы лишь жалкая ищейка, которой изменила удача. Поэтому вернемся к моему первому вопросу. Вы работаете на Верховского?

– Вы уже знаете ответ, – улыбнулась Кристина.

У неё мелькнула мысль сказать да и понаблюдать за его реакцией. Однако оставить его в неведении будет гораздо лучше.

Продолжения разговора не получилось. Одна из панелей сбоку отодвинулась и в зал шагнула Дарья.

– Вас хочет видеть доктор Перрен, – сказала она, – это срочно.

Дарья знает, кто он, поняла Кристина, значит, связана с ними. Скорее всего её специально подсадили к Терехиной, в надежде, что она начнет что-то выбалтывать. Дешевый прием.

– Благодарю, – сказал Тополевич, – я сейчас буду, – он повернулся к выходу.

– Последний вопрос, – окликнула его Кристина, – вы посадили Марту Васкес на греларозол и получили с её семьи немаленькие деньги, а потом стали за ней охотиться. Зачем?

Тополевич остановился в дверях.

– Моим врачам понадобился образец её крови, – небрежно сказал, – они утверждали, что её лечение проходит не так, как должно происходить. К тому же девчонка пару раз подглядывала за нашими играми и могла кое-что рассказать.

– Занятно, – сказала Кристина, – охота на маленькую девочку входит в план помощи заблудшим пациенткам.

Тополевич усмехнулся.

– Если вы вздумали обратить её, – глянул он на Терехину, – то это напрасно. Они полностью в моей власти.

– Не сомневаюсь, – сказала Кристина, – они действительно мертвые. Не случайно её собственная мать опознавала.

В этот момент Кристине показалось, что в глазах Даши загорелся огонек. Впрочем, скорее всего показалось, потому что она лишь холодно и демонстративно отвернулась. Тополевич засмеялся.

– Видите, – сказал он, – для них более нет другой жизни. То же вскоре произойдет и с вами.

– То есть? – не поняла Кристина.

С лица Тополевича не сходила улыбка.

– Вы сумеете на себе испытать все свойства нашего замечательного препарата, – сказал он, – вы же так хотели их узнать. Но сперва мы остудим ваш пыл. Отведите её в келью.

Подошли два здоровых охранника и стащили девушку на пол. Ноги почувствовали твердость. Уже хорошо. В такие секунды она всегда завидовала Ксении. Та бы сейчас два раза махнула ногой и разметала бы этих ребят по стенам. Иногда всё же полезно иметь что-то кроме головы, заключила девушка.

* * *

Длинный коридор с тонкими бордовыми обоями на стенах. Стены украшали приваренные литые головы экзотических животных, в которых были проделаны отверстия для люминесцентных ламп, освещавших коридор мрачным тусклым светом. Собственных шагов девушка не слышала, пол был укрыт мягким паласом, наподобие того, что был внизу. Коридор был пуст, по крайней мере на первый взгляд.

Пожалуй, надо было взять кого-то из парней, устроить небольшую бучу внизу, отвлечь охрану. Почему умные мысли приходят поздно?

Коридор заканчивался единственной дверью. Авалова поднесла карту к считывателю. Замок щелкнул. Дверь распахнулась.

За дверью был ещё один коридор, но уже без освещения, хотя по покрытию, наверное, был оформлен аналогично первому. Электричество, что ли, экономят, пошутила про себя девушка. Она достала фонарь и осветила им путь.

Пневматическая панель, вспомнила Ксения, на записи был слышен этот звук. Значит, верно. Кирсанова была здесь и здесь же что-то видела или кого-то.

Второй коридор состоял из множества дверей. Все они были закрыты. Ксения уперлась в чугунную голову орикса.

– Надо же, какая встреча, – сообщила она себе самой, – и куда мне дальше?

Девушка махнула одиноким лучом фонаря. Горизонтальный столб света очертил контуры проема – арки. Коридор поворачивал влево и на этом заканчивался, упираясь в большую комнату.

Кирсанова стояла здесь, на этом самом месте. Она пришла, чтобы найти подруг, но увидела нечто другое. Она увидела «его». Она говорила на записи «я увидела его». Но кого его? Кто это же был в ту ночь?

В комнате был спертый запах. Ксения внюхалась, как французский дегустатор вин, втягивая воздух длинными медленными вздохами. Ну вот, появился ещё один вопрос – чем это так воняет? Ближайшее, с чем это можно было сравнить, это аммиачная вонь, запах также иссушал слизистую, но кроме того, в нем угадывались сера и что-то еще, отчего у неё перехватывало дыхание.

Девушка шагнула ещё вперед. Воздух изменился, теперь откуда-то дул легкий ветерок. Оказалось, что комната упирается в террасу. Ксения открыла дверь. Снова звук пневматики. Была ли девочка здесь? Под ногами заскрипели по-

ловицы. На неё навалились крики чаек и соленый морской воздух.

Катя зашла сюда. Видит «его». «Он» не один. С кем? С кем-то таким, кто не хочет, чтобы его здесь видели. Он готов убивать, чтобы его здесь не видели. Охотнице приказывают устранить Катю.

Вот почему её убили. Она видела эту встречу.

Нужно было сматываться, решила Ксения, она здесь слишком долго, однако в этой комнате её притягивало что-то ещё. Ощущение недосказанности. Незавершённости её визита.

Катя видит «их». Звонит Верховскому. Здесь её и поймали. А потом? Что случилось потом? Зачем её отвезли на Лермонтовский бульвар, а потом в пансионат Урусовой? Как её сумели отравить греларозолом и затащить в машину? Она же наверняка сопротивлялась. Здесь должно быть полно следов.

Ксения стала водить фонарем по пространству. Внезапно её взгляд упал на реечный радиатор напольной батареи. Под ним лежал маленький черный квадратик. Фонарь был яркий и он полностью осветил предмет. Это была карта памяти. Катя засняла всё на видео, она засняла того человека, который был здесь.

Авалова опустила на колени и, держа зубами фонарь, стала вскрывать кожух батареи с помощью рукоятки пистолета. Стук металла о металл создавал гулкий резкий звук.

«Клинк», с пятого удара кожух с грохотом отлетел в сторону, царапнув девушку по щеке. Холодный металл больно ранил кожу.

Ксения просунула руку и осторожно взяла карту. Мелкая, для смартфона. На этой карте должна быть запись того, кого они ищут.

Откуда-то из глубины комнаты раздался скрип подъемного механизма лифта. Кажется, кто-то поднимался на десятый этаж. Может, следует остаться и подождать, кто это? Узнает ещё чего-нибудь? Хотя нет, сказала она, воздержание полезно для здоровья. Лучше уйти.

Легкой припрыжкой Ксения вышла из комнаты на террасу. Она заметила, что оттуда спускается железная пожарная лестница. Вот тебе и безопасный выход. Может, ей стоит попробовать другой стиль работы? Самонадеянность до добра не доводит.

Кристина очнулась на холодном деревянном полу. Сколько именно часов, минут, а может, и дней она так пролежала, оставалось загадкой. Девушка была уверена лишь в том, что подобное лежание вряд ли благоприятно скажется на её здоровье. Поднявшись на ноги, она с трудом уняла сотрясавшую её дрожь. Голова кружилась так, словно она пробежала невесть сколько километров.

Взгляд потихоньку привык к полумраку из-за тусклого света одной единственной лампочки и Кристине удалось рассмотреть, где именно она находится. Больше всего это помещение напоминало кладовку в гараже. Повсюду валялись гайки, болты и разрозненные части разнообразных автомобильных моторов.

– Надо было отобрать у них оружие, – сказала вслух Кристина, – и...

– Так почему не отняла? – насмешливо спросил голос откуда-то из глубины.

Девушка, вздрогнув, обернулась и увидела перед собой Флориана в сильно помятом виде. Как он оказался здесь было не ясно, но очевидно не со спасательной миссией. Это точно.

– Подвиги совершают герои, – нервно усмехнулась Кристина в ответ, – а я аналитик. Сколько я времени была без

сознания?

Штильхарт поднялся с пола.

– Если тебя это так интересует, – сказал он, – то примерно час. Если ты хорошо выспалась, то надо позвать местных портье и заказать завтрак в наш скромный номер.

– Лучше бы помог встать, – проворчала Кристина, – знать бы кто меня вырубил, если он мне попадетсЯ... Какого лучшего ты здесь делаешь?

Штильхарт улыбнулся, ставя для девушки покачивающийся стул.

– О это интересная история, – ехидно заметил молодой человек, – пока ты здесь расслаблялась, я решил съездить в центр Ломоносова, за дополнительной информацией, только зашел, познакомился с начальником учебного отдела, очаровательная девушка.

Кристина прыснула, кто бы сомневался.

– Выяснил что-нибудь стоящее? – с усмешкой спросила Леонова. – Кроме того, что она очаровательная?

Штильхарт вздохнул.

– Пытался, – небрежно бросил он, – но пришли невоспитанные молодые люди и потребовали, чтобы девушка пошла с ними, а я убирался прочь.

– А, ну ты же как джентльмен не мог бросить девушку в беде, – усмехнулась Кристина.

Штильхарт качнул головой.

– Естественно, я предложил им честный поединок.

– И какой общий счет? – поинтересовалась Кристина.

– Шестеро, – улыбнулся Флориан, – четырех уже с нами нет.

– Оу! – воскликнула Леонова. – Я думаю, они обиделись. Это серьёзный аргумент.

– Ага, – кивнул Штильхарт, – еще какой, но они больше обиделись на то, что я спрятал девушку и не хочу её выдавать, поэтому они меня похитили и пытали, но пока безрезультатно.

Кристина засмеялась.

– Я говорила, тебя нельзя оставлять одного, – сказала она, – хорошо, что теперь нас снова двое.

Штильхарт сделал удивленную гримасу.

– По-моему, нас трое, ты забыла свою соседку? Кристина пригляделась. Оказывается, в углу на перевернутом ящике сидела Соня Захарова. Она была не в лучшем виде. Одежда разорвана, на щеке кровоточил порез, который никто не удосужился заклеить, но она была жива, это уже радовало.

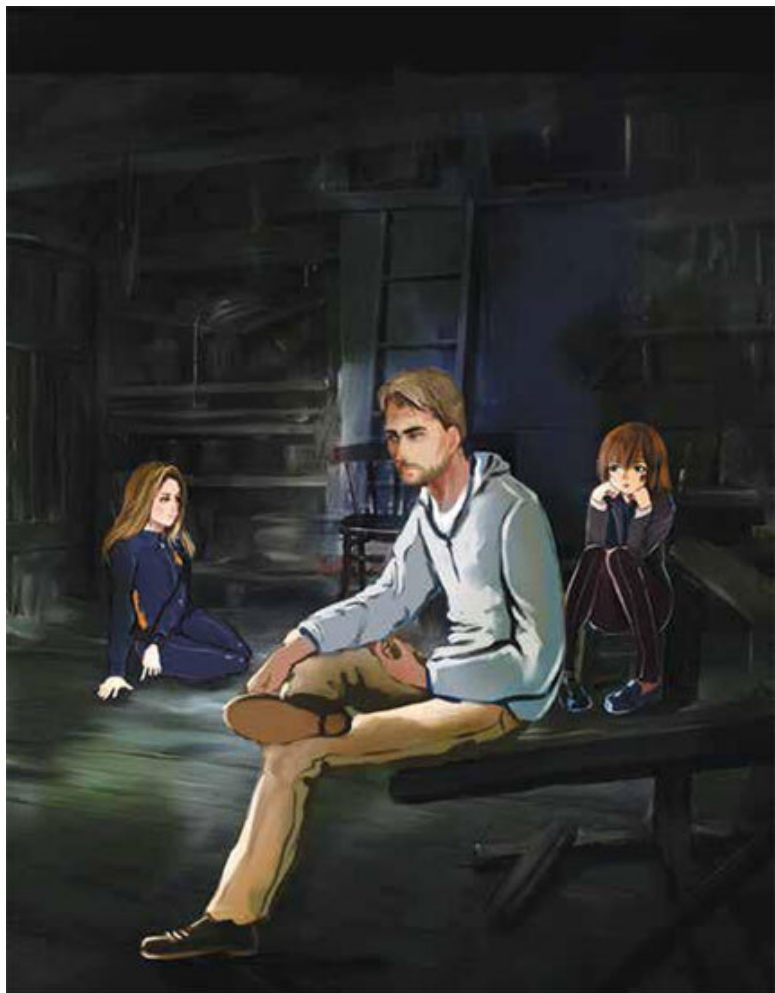
– А, значит вы познакомились? – с риторической улыбкой спросила Кристина. – Замечательно, не люблю прелюдий.

– Да, – кивнула Соня, – я объяснила детективу суть положения.

Она стала говорить и вести себя намного естественнее, отметила Кристина, значит, есть шанс, что эта дрянь может выйти из её организма.

– Не надо думать, что я сразу принял все за чистую моне-

ту, – заявил Штильхарт, – но я стараюсь. Ладно, что дальше?

– Я тебя уверяю, они собираются нас убить, – иронично заявила Кристина, – меня и Соню раньше, тебя позже, как только ты расскажешь, куда спрятал свою начальницу отдела.

– Ха! – воскликнул Штильхарт. – Я как-то так и думал, что у них серьезные намерения. Но не собираюсь им ничего рассказывать.

– Раз так, – сказала Кристина, – включай извилины и думай над планом побега.

– Вы так спокойно говорите, словно бы знаете, как отсюда выбраться, – испуганно прошептала Захарова, – напрасно, выхода нет.

Кристина ободряюще посмотрела на девушку.

– Я бы не была столь категоричной, – сказала она, – мы с Флорианом выбирались из мест и похуже. Знаете, любую дверь можно открыть, только надо понять, как. Что у нас здесь есть полезного? – Девушка подошла к металлическому столу, на котором лежали запчасти. – Так, полно тряпок, машинного масла и бензина. Хватит, чтобы взорвать танк. Жаль, нет бутылок.

– Зачем тебе? – поинтересовался Штильхарт.

– Приготовила бы «коктейль Молотова», – сказала Кристина, – закидали бы бутылками дверь и...

– И взорвались бы, – заключил Штильхарт.

– Не будь пессимистом, – усмехнулась Кристина, осматривая дверь, – ага, это же дерево. Смочим тряпки в бензи-

не, сделаем запальный шнур и подожжём. У тебя есть другие идеи?

Молодой человек пожал плечами.

– Правда, ты можешь начать стучать в дверь, – заметила девушка, – прибежит охрана, ты на них нападёшь, отвлечёшь их ценой своей жизни, а мы спасемся и потом всем расскажем о твоём подвиге.

Флориан поморщился. Подобная мысль его не прельщала.

– Знаешь, – сказал он, – я как-то тоже не чувствую в себе потребности к героизму.

Кристина одарила его широкой улыбкой.

– Ну раз мы здесь не герои, – заключила она, – тогда давайте выбирать утилитарными способами.

С этими словами девушка взяла грудку тряпок и связала их в узел, а затем обильно обмочила их в канистре с бензином и бросила на пол. Несколько раз девушка брызнула из канистры на дверь.

– Ты точно знаешь, как это делать? – спросил Штильхарт протягивая зажигалку.

– Конечно, – бросила Кристина, – ты же помнишь, что у меня была пятерка по химии.

Девушка бросила зажигалку. Огонь занялся мгновенно и быстро пополз к двери, однако дойдя до двери, пламя несколько раз лизнуло поверхность и погасло. Дверь, очевидно, была только обшита деревом. Кристина притворно закрыла лицо рукой.

– Я повержена, – констатировала девушка.

Флориан ободряюще похлопал её по плечу.

– Ничего, попытка засчитывается, – сказал он, – можешь занести её себе в актив.

– Остроумно, – сверкнула глазами Легонова, – до чрезвычайности.

Альтернативный план обсудить не успели, поскольку с другого конца двери послышалась какой-то шорох.

– Это за нами, – пролепетала Соня.

Дверь распахнулась и в комнату вбежала Дарья. Её появление было самым меньшим из того, на что рассчитывала Кристина.

– Быстро уходим, – скороговоркой проговорила девушка.

Дважды просить не пришлось, тем более что в комнату уже вломилась охрана. Кристина зажала одного из охранников дверью, а затем для верности врезала ему в челюсть. Второго Штильхарт огрел по голове канистрой.

– Даже не буду спрашивать, что заставило тебя изменить мнение, – язвительно сказала Кристина, вынимая из кобур охранников пистолеты.

– Ты сказала, что видела мою маму, – потупила взгляд Даша, – это правда?

Кристина кивнула.

– Да, – сказала она, – и мама тебя очень любит, а ты вот чем занимаешься. Покойницу из себя изображаешь.

– Я не хотела, – прошептала Даша, – мне сказали, что так

будет проще выехать за границу. Каждую из нас усыпляют и у нас останавливается сердцебиение, так что даже самый искусный врач определить не может. Я не думала, что мама об этом узнает, я ведь люблю её. Я хотела написать ей, когда все закончится.

Кристина устало вздохнула. Ох уж эти подростковые метания.

– Даша, – сказала она, – помоги нам отсюда выбраться, а я помогу и тебе и Соне спрятаться от Тополевича.

Даша фыркнула.

– Вы его не знаете, он ведь Охотницу пришлет. Она из-под земли достанет.

Жду не дождусь, про себя буркнула Кристина.

– Да лучше смерть, чем такая жизнь, – сказала она, неужели ты действительно думаешь, что вас тут оставят в живых? Им нужно из вас сделать сакральных жертв, чтобы взбудоражить общество.

Даша с минуту сомневалась. Видно, что в ней боролись две личности. Та девочка, которую описывала её мама, и та, которую ей внушил Тополевич.

– На площадке возле заднего крыльца вертолет, – хрипло сказала наконец Даша.

– Отлично, – бросила Кристина, – теперь бежим отсюда.

А ещё кто-то сомневался, что бывает тот случай из жизни каждого разведчика, усмехнулась Кристина, безусловно Даша пришла сама. Иногда просто невозможно просчитать

человеческую психологию. Есть в этом мире такое чувство, которое не поддается рациональному объяснению, – любовь. Кажется, мы пришли своими путями, заключила девушка.

* * *

Только добравшись до кабинета, Ксения смогла успокоиться и отпустить нервы. Ныл каждый мускул. Ну ещё бы, совершить два таких вояжа. А ещё чертовски хотелось спать. Глаза закрывались сами собой. Нет, ночная жизнь это не для неё. И вообще, надо заканчивать нездоровый образ жизни. Купить домик где-нибудь в деревне и там уединиться. Не видеть никого и ничего. Старые истины всегда правы: многие знания, многие печали. Она слишком много повидала на своем веку.

А вот Катя Кирсанова не успела. Она была тихой, вежливой девочкой. Мечтательницей. Хотела чего-то большего, чем то, что имела. Зачем? Никогда не надо убыстрять темп времени. Когда время убыстряется, мы начинаем совершать ошибки. Катя совершила роковую. Хотя, может, это и есть её судьба: стать копьём божьим, которое покарает негодяев? Возможно. Ну тогда Ксения станет тем, кто вонзит это копьё.

Дверь кабинета открылась, вошли Мациевский и Рауш.

– Что наша жизнь, игра! – пропели они хором.

Авалова слабо улыбнулась. Настроение к иронии не располагало совершенно. Девушка протянула Максу карту па-

мяти.

– Отдайте техникам, – сказала она, – пусть постараются вытащить отсюда всё, что можно. Я оказалась права, Кирсанова действительно видела чью-то встречу и, я думаю, её записала.

– Но каким образом? – удивился Рауш.

Ксения усмехнулась.

– С помощью одного вертлявого и неприятного бармена, – сообщила девушка, – я на нем проверила поговорку про кольт и доброе слово. Это он дал ей ключ от лифта. Девочка расспрашивала его об аукционе, пыталась узнать, где её подруги, а он, чтобы отвязаться, отправил её на десятый этаж. Знал, что она попадет, и отправил. Там Кирсанова и увидела их.

– Вот гнида, – фыркнул Мациевский, – но кого их?

Авалова резкими движениями размяла кончики пальцев.

– Не знаю, – сказала она, – но этот кто-то очень не хотел, чтобы его видели. Это был не Арсенюк и никто другой из этой братии. Их появление там естественно, а Кирсанова не ожидала увидеть там этого человека. Увидев его, она словно бы поняла что-то. Это понятно из записи.

– Но если это не Верховский и не ребята из Лиги, тогда кто? – не понял Мациевский.

Ксения пожала плечами.

– Здесь есть кто-то ещё, – сказала она, – кто-то, кто держит за все ниточки. Кто-то, кому подчиняется Охотница. И

Кирсанова видела его той ночью.

– Охотница? – переспросил Рауш. – Что ещё за Охотница?

Ксения кивнула.

– Охотница, бармен сказал, что это кличка нашей киллерши, по крайней мере её все так называют. Только вот такой клички я раньше не слышала.

– Я тоже, – согласился Мациевский, – значит, она со стороны, не криминал и не мочила.

Рауш тяжело выдохнул.

– Значит, Верховский сказал правду, – бросил оперативник, – казино действительно существует и там играют на людей. Что же, поздравляю Ксения, можете вычеркивать своего друга из списка подозреваемых. Вряд ли он стал бы так наводить на себя.

Авалова задумчиво пожевала губу, вспоминая свой визит к Верховскому. Что это было? Внезапный порыв страсти или он хотел усыпить её бдительность? Как ни крути, а секс самый старый и самый проверенный метод вербовки.

– Пока рано, – задумчиво произнесла она, – он мне не сказал, что девушек увозят из клиники, а вот бармен об этом знает, а ещё он сказал, что аукционы больше проводиться не будут.

– Какие они щепетильные, – фыркнул Мациевский, – аукционы! Как людей убивать, так ничего, а здесь чисто как на дипломатическом приеме.

– Клиенты, я думаю, соответствующие, – заметил Рауш, –

если аукционы прекратились, может быть, они что-то почувствовали и решили свернуть свои шарады, как думаете?

Ксения мотнула головой.

– Вряд ли, – сказала она, – ты правильно говоришь, это шарады. Если между клиентом и девушкой не было интимной близости, что ему предъявишь? А даже если и была. Возраст согласия шестнадцать лет. И потом, их же никто не похищал, они добровольно шли. За аморальное поведение уже давно, к сожалению, не сажают.

– Ну это со слов Верховского, – напомнил Макс, – откуда мы знаем, что он не врет? Потеряшки-то наши из его школы.

– Слишком просто, – возразила Ксения, – вот так он точно не стал бы подставляться, а вот использовать тот факт, что девушки из его школы, чтобы его подставить, могли.

– Но зачем его подставлять? – не понял Мациевский. – Если мы знаем, что это он разработал препарат, значит, он уже с ними связан.

Ксения взяла из корзины орех.

– А может быть, мы неправильно оцениваем его роль, – размышляла девушка, – может быть, он действительно был связан с ними, а теперь решил вывести их на чистую воду, иначе я не вижу смысла в его помощи Кирсановой.

Рауш презрительно фыркнул.

– О его помощи Кирсановой мы тоже знаем только с его слов, – сказал он, – кто может опровергнуть тот факт, что во время того, как Кирсанова ему звонила, он не стоял на том

балконе? Вот его она и увидела и испугалась.

Ксения выразительно глянула на коллегу, тот явно был доволен новой теорией.

– Стоп, стоп, – сказала она, – вы не забыли, что она ему говорит? Она говорит «я видела его», а не «я видела тебя». Нет, там был кто-то ещё.

– Но тогда почему Верховский не пришел туда и не забрал карту памяти? – не унимался Рауш. – Да и вообще, может, её нам специально подложили, как кошелек. Мы с ней провозимся, а там будет какое-нибудь хоум-видео.

– А откуда бы он узнал, что я там буду? – спросила Ксения. – Нет, карту просто не заметили. Или Кирсанова бросила её туда специально, или карта упала, когда девушку тащили к машине. Просто Бог одарил нас своей улыбкой, ради разнообразия.

Дверь кабинета вновь открылась. Вошла Покровская. Судя по внешнему виду, девушка бежала сюда невесть сколько километров. Что же, усмехнулась Ксения, не только у неё сомнамбулические бдения были сегодня ночью.

Наташа тяжело опустилась в кресло и налила себе воды.

– Что я узнала, – восторженно сказала она, – не поверишь, но обрадуешься.

Ксения окинула девушку-следователя придирчивым взглядом. Судя по заговорщицкой ухмылке, Покровская действительно нашла кое-что дельное.

– Ну рассказывай, – вздохнула Ксения.

– Я тебе, кстати, звонила, – отвлеченно бросила Покровская, – ты не брала трубку.

Рауш, не удержавшись, прыснул.

– Ксения Игоревна всю ночь провела в казино, – сказал он.

Наташа округлила глаза. Ксения махнула рукой.

– Потом расскажу, – вздохнула она, – давай, говори ты первая, что узнала.

Рассказывать пришлось долго. Наташа даже удивилась количеству информации, которую узнала. Весь этот массив складывался в весьма логичную, но сильно неприятную картину. Картину, которая требовала срочных ответных действий.

Когда она закончила свое повествование, Ксения откинулась на спинку кресла и с задумчивым выражением на лице свела перед собой руки.

– Рискованно, – сообщила она, – ты уверена, что Захарову можно доверять?

Наташа дернула щекой.

– Он любит свою семью, – задумчиво произнесла она, – если у него есть другие мотивы и страсти, я их не вижу.

– Исходя из твоего рассказа, ты тожеходишь в число его страстей, – хмыкнул Мациевский, – некоторым образом.

Наташа коротко улыбнулась.

– Мой вердикт: ему стоит верить, – заключила девушка, – а зачем бы иначе он стал всё рассказывать?

Ксения хотела одернуть подругу, мол, Захаров может отводить подозрение от себя, но осеклась, вспомнив, что пять минут назад ровно это же говорила о Верховском.

И здесь, и там похожие ситуации. А знает ли Захаров о том, что Верховский связан с разработкой препарата? Может быть, он хочет заручиться доверием, чтобы потом поквитаться с Верховским?

– Почему мы не можем официально допросить Сабуро-

вну? – нетерпеливо проговорил Рауш. – Доставили бы её сюда и потолковали по душам.

Наташа фыркнула.

– Тогда лучше сразу сдать их Арсенюку или Адашеву, – сказала девушка, – проснись, мы теперь сами за себя.

– Вот именно, – согласилась Ксения, – поэтому каждое наше движение должно быть подготовлено и отточено, а в плане Захарова – один авантюризм. Тебя даже подстраховать некому.

– Так в этом и плюс, – сказала Наташа, – они будут уверены, что я одна, и это усыпит их бдительность.

– А почему ты думаешь, что они хотят оставить девушку в живых? – поинтересовался Мациевский. – Ведь Сабуров уже отказался с ними сотрудничать.

Покровская щёлкнула в воздухе пальцами.

– Вот именно, – сказала он, – а похитив его дочь, они смогут торговаться. Предложат ему взнос в Лигу, в обмен на её жизнь.

– Туфта, – бросил Рауш, – Сабуров что, мальчик? Он не понимает разве, что его дочь всё равно убьют? Не сразу, так после того, как деньги переведет.

Наташа пожала плечами.

– Даже если понимает, – сказала она, – все равно будет делать всё, чтобы спасти дочь.

– Рисковать из-за какого-то взноса? – с сомнением спросила Ксения, барабанила пальцами по столу. – Тополевич не

станет этого делать. Возможно, Сабуров и важен для их Лиги, но можно обойтись и без него. Для Тополевича больше важно, чтобы навсегда замолчала Эльмира. Он боится этой информации. Используя её, можно обрушить все его планы! Поэтому у меня тоже возникает опасение, что Эльмиру с девочкой могут просто убить. Марта Васкес, кстати, для шантажа вообще не нужна. Что-то тут Захаров не договаривает.

– Эх, узнать бы больше информации, – пробормотал Мациевский.

– Поиск информации может оказаться непозволительной роскошью, – предостерегла Наташа, – мы уже открыли этот ящик Пандоры и должны быть готовы действовать. Нужно уничтожить эту змею и его препарат вместе с ним.

В дверь кабинета постучали. Вошел молоденький сержант. В его руках был конверт.

– Детективы, – сказал он, – здесь письмо для старшего следователя Покровской.

Ксения и Наташа переглянулись.

– Кто принес письмо? – быстро спросила Авалова.

– Курьер, – бодро ответил сержант, – из холдинга «Агромир».

Наташа поднялась с кресла.

– Давайте, – сказала она.

Сержант передал письмо и скрылся за дверью. Наташа быстрым движением раскрыла конверт.

– Оно? – спросила Ксения. Наташа кивнула.

– Да, – сказала она, – это произойдет сегодня вечером. Адреса тоже совпадают.

Ксения медленно выпустила из легких воздух.

– Ладно, действуй, если Захаров прав и Тополевич действительно задумал такую опасную игру, то шутить он не будет. Лишние свидетели ему не нужны.

Наташа задумалась.

– А что, если Тополевич не хочет скрывать информацию о греларозоле? – в пространство бросила девушка. – Почему мы думаем, что он хочет её скрыть?

– Ну-ка поясни, – не поняла Авалова.

– Что, если на самом деле никакого расследования не было, – сказала Наташа, – ну то есть как, оно было, но только информацию Захарову и Сабуровой сливал сам Тополевич.

– Но зачем? – спросила Ксения. – Подставить Арсенюка?

Покровская кивнула.

– Вот именно, – сказала она, – Тополевич сам создает политическое движение, раскручивает его, а потом провоцирует скандал с препаратом с помощью смелого расследования бесстрашной Эльмиры Сабуровой, которую задерживают за хранение наркотиков, а задерживают её по приказу Арсенюка, – председателя комитета Верховного Совета по борьбе с коррупцией.

– Параллельно похищенные девочки дают показания, – продолжила Ксения, – о том, как их разыгрывали для богатых людей республики. Власть и элита страны дискредити-

рованы, а Тополевич становится символом борьбы за правду и справедливость. И всё бы ничего, только вот появилось одно непредвиденное обстоятельство.

– Кирсанова, – догадалась Наташа, – она поняла, для чего разыгрывают девочек, и её быстро ликвидировали.

Ксения угрюмо хмыкнула. Возможно, девочка даже слышала этот план. Авалова представила картину: Катя идет по комнате, слышит голоса. Кого же она там видела? На террасе не было ни телевизора, ни экрана. Значит, там был не Тополевич, Адашев? Возможно! Но кто ещё? Кто был второй? Кто стоит за Тополевичем? Наташа была права, они действительно открыли ящик Пандоры.

– И всё свалить на Верховского, – сказала Ксения вслух, – двух зайцев одним ударом. Если ты права, сидеть нам на шлагбауме в глуши до конца дней своих, это в лучшем случае.

Наташа криво ухмыльнулась.

– Тебя это пугает? – поинтересовалась она.

Ксения откинулась на спинку кресла и запустила руки в свои красивые волосы.

– Честно? – спросила она сквозь улыбку. – Нисколько, люблю природу.

* * *

Сразу за выходом из камеры обнаружился туннель, ухо-

дящий далеко во тьму, которая, собственно говоря, и вокруг стояла кромешная. Кристина смутно помнила, что привезли её сюда на подобие какой-то монорельсовой дороги, правда, никакого намека на транспортное средство не было. Подтверждением её воспоминаний служила только поблескивающая в темноте единственная рельса.

– А ты как сюда попала? – недоверчиво спросил Штильхарт у Дарьи.

– Пешком, – бросила девушка, – никому кроме Тополевича и его охраны не разрешают пользоваться этой дорогой.

Кристина почесала переносицу.

– Знаешь, для чего она существует? – спросила она. Даша пожалала плечами.

– Нет, – сказала она, – но я слышала, как наши охранники говорили, что по ней возят какой-то груз, но какой, они не говорили.

Возможно, таким образом в клинику доставляют девушек, подумала Кристина, а возможно, и ещё что-нибудь противозаконное. Ничего себе, да? Целый подземный город, ладно, разберемся, если останемся в живых.

Некоторое время они молча брели по туннелю, стараясь не создавать лишних звуков. Кристина время от времени спотыкалась, наступая на сгнившие от сырости шпалы. Подземный переход, по которому они шли, был длинный и темный. Слабый свет от светильников, которые освещали камеру, куда их поместили, остался в полукилометре позади.

Отовсюду отчаянно давила темнота. У Кристины явно началась клаустрофобия. Ощущение темноты было не просто сильным, а физически ощущаемым, словно бы стены и потолок сжимались вокруг путников. Кристина решила, что, если они выберутся, надо будет обязательно занести подземные тоннели, подобные этому, в список её весьма нелюбимых мест.

Трудно было с уверенностью сказать из-за окружающего мрака, но, судя по гулкому отзвуку шагов, туннель расширялся. Последние несколько сотен метров они, повидимому, проходили развилку – ничего не было видно, кроме особенно темных пятен на стенах. Шедший рядом Штильхарт не преминул заметить (вероятно, чтобы поднять боевой дух спутниц), а заодно в красках нарисовать, какая милая живность могла там обитать. Его гигантские черви размером с аэроплан не поднимали боевой дух. Он рассказывал о зловещих хлюпающих звуках, медленных крадущихся шагах двуногого существа – убийцы, который идет по их следам, про бесшумное дыхание чего-то громадного и голодного, готовящегося к прыжку... до тех пор, пока Кристина не посмотрела на него таким взглядом, что стало понятно – если он продолжит, то останется здесь навсегда.

Путники вновь повернули за угол, и в глаза ударил столб далекого, но очень желанного света. Исходил свет, как оказалось, когда они дошли, от прожектора, установленного возле частично забитого досками проема. Свет был тусклый, одна-

ко ощущение было такое, словно они вылезли на яркое солнце, уж слишком долго они бродили по лабиринту. Минут через десять дошли до широкой круглой трубы, судя по всему, отопительной. Поблекшие надписи на четырех языках и универсальные пиктограммы предупреждали об опасности трубопровода.

Флориан внимательно оглядел люк в трубопроводе, потом воззрился на спутниц.

– Из того, что я читал об отопительных системах, – сказал он, – трубы не самое лучшее место для путешествий, – ты уверена, что нам сюда? – спросил он у Даши.

– Да, это самый короткий путь, – невозмутимо отозвалась девушка, – по этим трубам сбрасывают отработанную воду или отходы.

– Прекрасно, – отозвался Штильхарт, – всегда мечтал плавать вместе с отходами, – он смерил девушку недовольным взглядом, – послушай, а не много ли ты знаешь для пациентки?

Даша подарила ему схожий взгляд.

– Хочешь сказать, что я могу вас сдать? – язвительно спросила она.

Штильхарт ослабился.

– Так ты уже сдала их, – махнув в сторону Кристины, нервно бросил он, – так кто же тебе мешает сделать это ещё раз?

Даша недовольно посмотрела на него.

– Я же объяснила, – сказала она, – Тополевич говорил, что вы пришли от моего жениха, чтобы меня убить, откуда мне было знать? Наша милиция – это не ваша полиция, думаю, Кристина со мной согласится.

Левонova коротко кивнула, признавая, что в словах Дарьи был определенный смысл. Её действительно могли запугать и запутать. Тополевич на такие дела мастак. Ладно, об этом потом. Главное сейчас – выбраться и вывести девушек.

Штильхарт же только усмехнулся. Его всегда было трудно убедить в нерациональности и нематериальности происходящего. По его логике всё необычное и случайное всегда происходило по приказу злодеев.

– Ага, – хмыкнул он, – я одну книгу читал. Там один тип тоже говорит, что он исправился, стал хорошим, а потом сдает героев в лапы гигантского паука.

– Оригинальная трактовка Властелина колец, – заметила Даша, – но я...

– Всё, цыц, – шикнула Кристина, пресекая ответную реплику их проводника, – нашли время.

Девушка подошла к трубе и постучала по ней пальцем.

Гулко отозвалась пустота.

– И что там впереди? – спросила Соня.

– Не знаю, – честно сказала Кристина, – однако опасности я не чувствую.

– Прекрасно, – усмехнулся Штильхарт, – раз ты такая сверхчувствительная, ты люк и открываешь.

Он отошел назад, уступая место. Мужская наглость не знает пределов, подумала Кристина.

– Эх, не завидую я водопроводчикам и трубочистам, – сказала она, берясь за вентиль доступа.

– А себе завидуешь? – поинтересовался Флориан, облокотившись на притолоку, даже не думая помогать.

– Ага, – ответила Кристина, крутя вентиль. – Вернее, завидовала, до семи лет. Бабушка, игрушки, шоколадки. Мм. Прямо сказка, а как в дипломатический интернат пошла, так вся нормальная жизнь и закончилась. Стала играть в бридж, пристрастилась к вину и познакомилась с тобой.

– А ещё говорят, что там готовят дипломатическую элиту, – хмыкнул Штильхарт.

– В такие минуты я всегда вспоминаю девиз нашего класса, – меланхолично бросила Кристина, – *Simul nos movere montes! Non-solum cum schola.*

– Что это означает? – поинтересовался Штильхарт.

– Вместе мы снесем и горы, только бы не вместе со школой, – перевела Кристина.

– Ясно, – протянул Штильхарт.

Стоявшие рядом девушки смотрели на диалог с открытыми ртами, искренне полагая, что их спасители переговариваются каким-то странным шифром.

Внизу щёлкнул замок, и Кристина легко отвинтила и отодвинула люк. Клубы пара наружу не повалили. Девушка заглянула внутрь и сообщила:

– Проход ведет вверх уровней на десять. Внутри вертикальная лестница. Все готовы?

– Ты говоришь так, будто у нас есть выбор, – прокомментировал Штильхарт, – так и быть, полезу вперед.

Даша и Соня сочувственно посмотрели друг на друга. Не очень-то весело ползти по лестнице десять этажей вверх.

* * *

Кристина стала подниматься вслед за Штильхартом. Путь наверх вызывал клаустрофобию и, после всего, через что они прошли, казался, честно говоря, изнурительным, но мысль о том, что они, наконец, покинут эту мрачную бездну, заставляла упорно карабкаться вверх.

Наверху находился еще один люк, который Флориан с легкостью открыл. Девушки вылезли вслед за ним.

Они оказались в большом помещении, бывшем очевидно, складом. Зал высотой в два этажа заполняли коробки различных типов, ошеломляющее количество металлических пластин, всяких переходов и нечто, похожее на радиаторные батареи. В дальнем углу находилась камера – отсек с толстыми металлическими стенками, используемая для ликвидации вредных отходов. Штильхарт осмотрел ее изнутри.

– Старье, – доложил он, – но есть устройство для заморозки. У вас фруктов никаких нет?

– Сходи в столовую, принеси чего-нибудь, – с улыбкой по-

советовала Кристина, – думаю, пара прохладных сорбетов не помешает.

Штильхарт, не ответив, окинул взглядом валяющиеся повсюду разномастные контейнеры с горючим и баки с газом для сварки.

– Будь я на твоём месте, я бы не стала здесь стрелять, – заметила Кристина.

– Будь у меня что сказать, – искренне признался Штильхарт, – я бы вообще больше ни в кого не стрелял. В другом конце комнаты была дверь. Через окна, расположенные высоко над головой, струился рассвет, что не могло не радовать. По крайней мере они выбрались на поверхность.

Кристина, не радуясь раньше времени, медленно пробираясь сквозь кучи мусора, подошла к двери и приоткрыла её. За дверью обнаружился коридор с проемами, сквозь которые также просачивался солнечный свет, коридор, которому было не видно конца из-за того, что метров в ста от них он поворачивал куда-то влево.

Они покорно пошли в это лево и остановились как вкопанные. Дорога заканчивалась тупиком – высокой бетонной стеной, метра на четыре уходящей вверх к небольшому круглому окну.

– Кажется мы куда-то не туда свернули, – заметил Штильхарт.

– Свежая мысль, – заметила Кристина, – как выбираться будем? Идеи есть?

Ответа девушка дожидаться не стала. Её глаза зафиксировали, что возле окна закреплена небольшая лебедка, которая спускается вниз. Отсюда, очевидно, она спускается дистанционно.

– Ты спустилась сюда на платформе? – спросила она у Даши.

Та смущенно кивнула. Она явно была раздосадована отсутствием платформы.

Кристина с видом специалиста по дереву разглядывала лебедку, и увиденное породило идею, граничащую с безумием.

Девушка нащупала в кармане прихваченный из камеры трос. Он был тонким, но военной модели, поэтому её должен был выдержать. Кристина прикинула длину – хватит ли добросить до самого верха? Похоже, хватает и даже еще останется.

– И что дальше? – заинтересованно спросила Соня.

Кристина улыбнулась.

– Пришло время для импровизации, – сказала Кристина.

Она взяла с земли увесистый камень и обвязала его концом троса. Проверив надежность крепления, она отступила на пару шагов и, раскрутив трос, запустила его вверх, что есть силы выбросив вверх руку. С легким стуком трос несколько раз обвился вокруг выступа на платформе. Кристина для верности подергала несколько раз. Трос не поддался. Тогда она обмотала второй конец троса вокруг своей руки и, отталкиваясь от стены ногами, стала карабкаться вверх.

Вообще-то она думала, что ничего не получится. Например, она просто промажет и сорвется вниз. Вариант второй: трос не выдержит и результат подъёма будет столь же прост и окончателен. Или все будет хорошо, но на платформе она кого-нибудь зашибет, а на крик сбегутся местные. Предварительно прихватив оружие.

Ни первое, ни второе, ни третье. Она с легкостью проскользнула на платформу и даже успела спрятаться за окно, услышав звуки шагов. Кристина перевела дух, и отогнала картинку четвертой возможности: она эффектно впархивает в окно в ярко освещенную комнату, полную опять же вооруженной публики.

Мимо прошла охрана. Двое мужчин, но не те, кого она видела наверху. Местные были шире в плечах и одеты в боевую разгрузку с автоматами наперевес. Значит, здесь охрана особая.

– Материал отправляют сегодня, – сказал один из них, – не пойму я, к чему такая спешка.

Охранник говорил с сильным балканским акцентом, но по-французски. Да уж это ещё повезло, а если бы они говорили на родном... Интересно, как бы она отличала одно кр-фр, от другого.

– Не твое дело обсуждать доктора, – огрызнулся второй, – а то быстро окажешься в подвале, как те трое, которых мы спровадили.

– Брр, – промычал первый, – да уж не хотелось бы, – он по-

качал головой (со стороны это показалось смешно), – слышь, как думаешь, что с ними сделают, а? Я бы не отказался с девочками развлечься.

– Сходи вниз, попробуй, – проворчал второй, – если орган между ног не дорог! Тебе Охотница его первым ампутирует!

Кристина подождала, когда спорщики удалятся, вылезла из своего убежища и, нажав на кнопку, спустила лебедку вниз.

– Да, ты умеешь удивлять, – прокомментировал Штильхарт, выбираясь на балкон.

– Я вся из сюрпризов, – усмехнулась Кристина. Девушка махнула рукой, и путники пошли в противоположную сторону от охраны. Метров через сто они набрали на отверстие вниз, Кристина прислушалась: снизу доносилось непонятное гудение. Леонова легла на живот и осторожно заглянула через край.

Этажом ниже располагались лаборатория и конвейеры. Кристина даже рот приоткрыла от масштаба работ. Манипуляторы на конвейерах – полная автоматика – клепали таблетки и расфасовывали их по круглым баночкам. Баночки съезжали по ленте в огромные коробки, которые дальше отправлялись в один из коридоров, к грузовикам.

– Ты хотел масштаб, так получай, – усмехнулась Кристина.

– Теперь я как-то передумал, – заявил Штильхарт, – вон куда нам нужно.

Молодой человек махнул рукой в сторону грузовиков.

Кристина кивнула.

– Ага, – сказала она, – туда, только еще надо как-то спуститься.

Путь предполагался только один – вниз.

– Позволь, я догадаюсь – нам нужно прыгать, – обреченно сказал Штильхарт.

Кристина всплеснула руками.

– Ну если ты вдруг не выучил азы левитации, – сказала она, – другого варианта предложить не могу.

Прежде чем спускаться, девушка прислушалась. Было тихо.

– Вроде никого, – радостно сообщила она, ей уже сильно претила мысль встречаться с чем-либо, кроме грузовика.

– Что ж, спасибо, я безусловно рад такому обстоятельству, – с сарказмом бросил Флориан, – но только неизвестно, сколько оружия может быть у тех фармацевтов, так что соизвольте извинить меня, если я не перестану дергаться.

– Не думаю, что возникнут проблемы, – деловито сообщила Кристина.

Девушка заглянула вниз, и убедившись, что никто их внизу не ожидает, кроме грохочущего конвейера, начала распутывать свой волшебный трос. Теперь она прикрепила конец троса к одной из колон и, искренне надеясь, что трос выдержит, начала спуск вниз.

Перебравшись с потолка на пол, Кристина обнаружила,

что стоит достаточно далеко от того места, где собрались фармацевты, впрочем, казалось, что они не очень обращают внимание на окружающую действительность. Возможно, сами под препаратом. Но девушка всё же спряталась за стеной конвейера, на всякий случай. Несколько секунд спустя рядом с ней приземлился Штильхарт.

– Видишь, – весело сказала она, – ноль проблем.

У их спутниц спуск занял несколько дольше времени. Соня, которая спускалась первой, уже к концу пути случайно дернула рукой, разрешила запястье и, инстинктивно зажав рану, отпустила трос.

Пролетев метра два, девушка кубарем скатилась в угол комнаты, по счастью ничего не сломав, однако при падении она зацепила ногой небольшую антенну... и взревела сирена.

Штильхарт широко улыбнулся Кристине.

– Что ты только что сказала про проблемы?

* * *

Анастасия Урусова стояла, переминаясь с ноги на ногу, возле женевского офиса Светланы Русаковой на avenue Carl Vogt. Ей нужны были ответы. Она понимала, что если не развяжет тот клубок ужаса, что был вокруг неё, то просто сойдет с ума, но теперешнее её смятение было связано уже не с тем, что она может быть как-то причастна к совершаемым убийствам. Нет, с собой она, уж будьте покойны, разобралась, но

то, что убийца действительно где-то рядом с ней, её пугало. Девушка чётко осознавала, что остановить этого убийцу может только она сама, потому что ни один, даже самый лучший в мире сыщик не разберется в её прошлом лучше, чем она сама. Поэтому она прилетела в Женеву для разговора с последним участником тех памятных для неё событий. Так ей посоветовала сделать Эльмира.

Может быть, тогда она этого не понимала, но поняла теперь, что из всех своих подруг больше всего она любила именно Светлану. Любила она её за прямоту и добросердечие, и несмотря на то, что после той истории Света отдалась от нее, Анастасия всегда продолжала считать эту девушку своей подругой. Возможно, она таким нетривиальным способом пыталась загладить ту размолвку, что произошла между ними. Возможно, только возможно, что если бы она тогда, разглядев её чувства к Томасу, повернула бы их в нужное русло, то ничего бы из того, что случилось, не было. Однако в данном случае глупо пенять на прошлое. Сделанного не воротишь.

Все эти мысли Анастасия прокручивала в голове, пока стояла перед входной дверью квартиры, в которой жила подруга. Наконец она выдохнула, собралась с силами и нажала на кнопку звонка.

Дверь ей открыли практически сразу же. Света мало изменилась с момента их последней встречи, ну разве что немного похорошела. Видно, горный воздух так действовал. Она

приветливо улыбнулась, пропуская гостью вперед, при этом совершенно не удивляясь визиту Анастасии. Вообще, девушке стало казаться, что хозяйка квартиры ожидала её появления.

– Проходи, – коротко сказала Света, – знаешь, всегда поражалась собственной проницательности, так и думала, что ты обязательно здесь появишься.

Анастасия почувствовала укол ревности. Она никогда не умела вести себя столь спокойно и деликатно, как её подруга. Девушка невесело усмехнулась.

– Значит, ты всё знаешь? – она решила взять быка за рога. – Откуда?

Тон вопроса был достаточно резким, однако Светлана не обратила на это внимание, а лишь улыбнулась, на сей раз её улыбка выражала сочувствие, вероятно, – подумала Анастасия, – выражение, написанное на моем лице, других эмоций вызвать не может.

Светлана провела её в кабинет отдыха и усадила в кожаное кресло.

– Знаю, – сказала она, садясь напротив, – ко мне приходили из полиции и рассказали об убийствах, связанных с твоим пансионатом, рассказали о смерти Шурочки и о многом другом, и я поняла, что ты обязательно захочешь поговорить со мной, – Светлана снова улыбнулась, – ведь только я могу навести тебя на разгадку, которую ты так хочешь отыскать.

Анастасия вздохнула.

– Что ж, – сказала она, – ты как всегда права. Понимаешь Свет, то, что происходит, сводит меня с ума. Медленно, медленно. Я чувствую, как будто лежу на поверхности воды, а что-то очень тяжелое тянет меня вниз. Но больше всего я боюсь не за себя, а того, что меня заставляют разочаровываться в том самом дорогом, что у меня было – в друзьях. Я уже никому не могу верить. Поэтому я пришла к тебе, потому что ты всегда была выше какихто наших сиюминутных интересов.

Светлана смотрела на девушку проникающим взглядом, при этом у неё самой на лице не дергался ни один мускул. Она очень успешно умела скрывать эмоции, и никто не мог догадаться о её настоящих мыслях и чувствах, может быть, именно это и позволяло ей быть столь востребованным адвокатом.

– Это бывает, – сказала Света, – окружающий мир человека меняется, меняется и круг общения. Большинство людей, с которыми мы контактируем, пропадают из поля нашего зрения, когда в них пропадает необходимость.

Анастасия поджала губы и задумалась.

– Но ведь тогда ты не зависишь от этого круга общения? – риторически спросила девушка. – Тогда можешь ли ты отвечать за то, что делал или не делал ранее?

Света дернула щекой, словно бы усмехаясь.

– Возможно, – сказала она, – но это не твой случай. Потому что ты всегда переживала из-за этой истории. Просто

с определённого момента ты спрятала её в самый дальний уголок своего сознания, но кто-то заставил тебя вспомнить всё, что происходило тогда. Вспоминая это, ты начинаешь себя ощущать в том же душевном состоянии.

Слова Светы были вроде бы очень просты, однако в них было достаточно много смысла. Анастасия почувствовала, как нарастает комок в горле.

– Нёкто хочет заставить меня что-то делать, – сказала она, – хочет, чтобы я сама искала разгадки его действий, но у меня не получается, и я запутываюсь. Ты сможешь мне помочь?

Света отвлеченно посмотрела в сторону.

– Слово «помощь» имеет много значений, – сказала она, задумчиво глядя в окно, – и помощь зависит от конкретной проблемы. Для чего нужна помощь конкретно тебе? Для того, чтобы узнать имя этого человека или для того, чтобы обрести равновесие?

Урусовой никогда не нравился этот успокаивающе-философский тон Светы. Даже тогда, когда это воспринималось исключительно как шутка. Теперь же она ощущала, что Света словно бы выше неё, словно она знает что-то такое, что не знает сама Анастасия.

– Всё опять вернулось, – сказала она, – как в тот раз.

– В тот раз тебе было восемнадцать, и ты пережила сильнейший стресс, – сказала Света, – сейчас ты просто переутомилась из-за этих событий.

Анастасия ожгла её взглядом.

– Переутомилась? – зло спросила она. – Когда у тебя находят труп, сначала на работе, а потом в подвале собственной квартиры, когда у тебя на глазах взрывают лучшую подругу, когда перестаёшь доверять самым близким. Ты это называешь переутомлением? Никогда тебя не понимала, ты имеешь всё – дом, семью, хорошую работу, но ты всю жизнь влюблена в человека, которого даже совсем не знала. Я не думаю, что ты это рассказывала следователю.

Светлана кивнула.

– Ты права, не рассказывала, – сказала она, – знаешь, у каждого есть своя звездная ночь на скале у моря. И её очень сложно выбросить из памяти.

Анастасия потупила взгляд.

– Где он? – спросила она. – Ты не могла не встретиться с ним после того, как его освободили.

Светлана потянулась к стоящему на журнальном столике китайскому чайнику и плеснула из него в керамическую пилалу.

– Я встречалась с ним, – сказала девушка, – но если ты считаешь, что с тобой играет Томас, то это не так.

– Ты так в этом уверена? – издевательски спросила Анастасия.

– Да, – ответила Света, – я действительно виделась с Томасом, но он в достаточно плачевном психическом состоянии и вряд ли способен на месть.

– Ты хочешь сказать, что его сломали? Света поставила пиалу на стол.

– Никто не может сломать человека, если он сам этого не захочет, – медленно произнесла она, – скорее всего он воспринимает слом своей личности как наказание. Поверь мне, он уже не страдает никакими чувствами.

Анастасия побледнела.

– Но если это не Томас, – сказала она, – тогда... Света предупреждающе подняла палец.

– Стоп, – прервала она Анастасию, – никогда не делай предположений, ты делаешь предположения о близких людях, а это заставляет тебя нервничать. Что же касается Томаса... Если ты с ним встретишься, то думаю, что ты найдешь душевное равновесие. Ты вылечишь и его, и себя, поэтому я организую тебе с ним встречу, но не сегодня. Сегодня ты должна отдохнуть и набраться сил.

Слова Светы как-то гипнотически подействовали на Анастасию, как будто ей дали успокоительное. Она перестала дрожать и дыхание стало ровнее.

– Мне действительно сегодня нужно отдохнуть, отринуть волнения всех последних дней, а о другом... я подумаю об этом другом завтра.

* * *

Садовое товарищество «Osvobozhdennyj trud», куда при-

была Наташа, в целом соответствовало своему названию. В том смысле, что от труда здесь давно всех освободили. Во всем же остальном оно ничем не отличалось от подобных ему садовых товариществ, разбросанных по всему постсоветскому пространству. Скромные покосившиеся от времени и отсутствия ухода дощатые домики с разноцветными облезлыми шиферными крышами ютились друг на друге, будучи разделенными только низенькими заборчиками. Каждый из домов стоял на узкой полоске зелени. На нескольких участках громоздились грядки.

В общем, типичная атмосфера достатка местного жителя семидесятых, заключила Покровская.

Разыскать дом Захарова не составило труда, потому как он сильно отличался от окружающих его дачек. Типичный для последней декады прошлого века красный кирпичный монстр с вытянутой вверх крышей, напоминающий уменьшенную копию замка.

Любуясь своим отражением в небольшой луже, образовавшейся после дождя в традиционной для подобных мест выбоине в грунтовке, девушка переминалась с ноги на ногу, ожидая Соболя, который пошел с разведкой к интересующему их дому. Наличие возле входной калитки черного допотопного «Чероки» не доставляло радости. Судя по всему, они немного опоздали. Ладно, ничего, как-нибудь выкрутимся.

Перепрыгивая лужи, к ней подбежал Соболев.

– Крайний дом у леса, – сказал он, – я там бабу местную опросил, так она сказала, что в дом трое мужиков вошли. Говорит, что по виду типичные бандиты. Один в форме был.

– Сейчас дома есть кто? – осведомилась Наташа. Соболь усмехнулся.

– Свет горит, крик стоит, вопли, – флегматично произнес околоточный, – откуда я знаю, есть там кто или нет.

Наташа коротко усмехнулась, взводя курок газового револьвера, который держала для самообороны.

– Ну, пойдём, глянем, – сказала она.

Покровская осторожно прошла через калитку на участок, жестом показав Соболю следовать за ней. Прятаться здесь было бессмысленно, так что оставалось делать вид, что они просто неспешно прогуливаются. Всегда советуя подчиненным не соваться в драку, пока не выяснишь все возможности и оснащение противника, Наташа с удивительным упрямством не слушала собственного совета. Впрочем, в этот раз у неё не было особого выбора.

Ступали осторожно, стараясь не шуршать мокрой травой. Дойдя до двери, Наташа потянула за ручку. Дверь открылась с легким скрипом. Девушка спрятала револьвер под плащ.

Они оказались на просторной веранде, посередине которой стоял покосившийся от времени диван и низкий столик. Слева от входа урчал холодильник.

Сквозь приоткрытую дверь в гостиную Наташа сумела рассмотреть сидящую на стуле девушку – Эльмиру Сабуро-

ву и нависших над ней двух бугаев. Непосредственно перед ней сидел в кресле с желтой полинялой обивкой третий. Даже сквозь щель было видно, что в комнате что-то ищут.

До Наташи долетели обрывки фраз.

– Что, милая, волнуешься? – спросил один из парней. – Дозу не успела спрятать?

Второй лазил по книжному серванту.

– Оп-па, – сказал он, – что тут у нас? Героинчик? Твое?

– Это не мое, – заявила Сабурова. – Почему меня арестовали? Я ничего не сделала.

– Ну да, – раздался голос из кресла, – наркотиками торговать. Разве это дело?

– Какими наркотиками? – спросила Сабурова. – Я приехала сюда только час назад. Меня пригласили. Я ведь уже говорила.

– Странно, – сказал один из стоявших парней, – а человек, который вас якобы приглашал, ничего не знает о вашем визите. Что вы на это скажете?

– Это какая-то ошибка, – проговорила Сабурова, – этого не может быть.

– Может, ты и оружие от нас не прятала? – спросил неизвестный.

– Какое оружие? – спросила Сабурова. – У меня нет оружия.

Парень, стоявший слева, усмехнулся.

– Да? – насмешливо произнес он. – Вот это нашли в твоей

сумочке, соска!

Парень положил завернутый в платок тяжелый предмет. Как у них всё по-взрослому, однако. Но реального ничего нет, пока что пугают.

– Я не понимаю, что происходит, – сказала Сабурова, – что вы от меня хотите?

Неизвестный встал с кресла, и Сабурова сумела разглядеть его лицо. Это был начальник местного наркоконтроля Остап Ракицкий. Личность во всех отношениях неприятная. Ничего себе уровень, по рядовому вызову начальник ездит. Ну-ну.

– Сейчас поймешь, – бросил Ракицкий, – слышь, Тарас, посмотри ещё, нет ли у неё дури в заднем кармане.

Парень, что стоял слева, подошел ближе к девушке.

– Встала и повернулась, – приказал он, – руки на подлокотники положила.

Сабурова повернулась и наклонилась. Тарас подошел к ней сзади, грубо схватил за ягодицы и стал их щупать. Девушка попыталась вырваться, но только получила хлесткий удар по лицу и упала на колени. Тарас навис над ней сверху.

– Встала, – пророкотал он.

Соболь ткнул Наташу в плечо.

– Seriously у них тут, – заметил околоточный, – может «Сокол» вызвать, как думаете? Сами-то их не раскидаем.

– А мы и не будем, – сказала Наташа, – будем действовать убеждением и добрым словом.

С этими словами девушка, к изумлению Алексея, просто буднично зашла в гостиную, словно ей там было самое место. Бугаи замерли как вкопанные, а Ракицкий развернулся в пол-оборота и с явным удивлением посмотрел на девушку.

– Здравствуйте, господа, – светским тоном произнесла Наташа, – ну что же вы остановились, продолжайте ваш разговор. Я вам не помешаю.

Девушка стряхнула засыпанное осколками стекла покрытие с дивана, стоявшего возле окна, и присела на краешек.

– А вы, собственно, кто? – поинтересовался Ракицкий. Наташа улыбнулась.

– Я-то? – спросила она. – Я собственно, старший следователь по особо важным делам. Покровская моя фамилия.

Девушка продемонстрировала удостоверение.

– Что вам здесь нужно? – осведомился Ракицкий, словно бы он не находился сам в чужом доме и не допрашивал здесь девушку.

– Позвольте, – улыбнулась Наташа, – если я правильно понимаю, вам здесь что-то нужно, не правда ли?

Тарас издал какой-то непонятный звук, воспринятый ею как ругательство.

– У нас постановление на арест гражданки Сабуровой Эльмиры Альбертовны.

– Покажите, – подыгрывала Наташа.

Ракицкий вынул из папки тонкий лист бумаги. Наташа сделала вид, что пробежалась по нему глазами.

– Мне интересно, по какой же статье? – осведомилась девушка.

– За хранение материалов, которые могут быть использованы для сбыта наркотических средств, – донесся ответ.

Соболь прыснул.

– Хорошо еще, что не на подрыв территориальной целостности Республики, – сказал он сквозь смех.

Хорошо, что он засмеялся, подумала Наташа, это усыпит их бдительность.

– Не надо ерничать, – изобразила начальственный гнев Покровская, – люди ведь свою работу делают, однако вынуждена вас разочаровать, у нас тоже постановление, – она поднесла лист ближе к Ракицкому и провела им в воздухе, – присутствующую здесь Эльмиру Альбертовну Сабурову необходимо доставить в Борисфен, в распоряжение генеральной прокуратуры, как важного свидетеля по делу убийства депутата Левицкого.

– Мне приказано доставить этих двоих в Госнарконтроль, – возразил Ракицкий, – по тому же делу.

Ах вот как, усмехнулась про себя Наташа. Что же ты, майор, сам-то поехал? Лично?

Девушка вопросительно подняла бровь.

– Кем приказано? – изображая властность, повисила она тон.

Ракицкий злобно прищурился.

– А это не твоего ума дела, – зашипел оперативник, – так

что уйдите с дороги и не путайтесь под ногами. Ясно?

– Все сказал!?! – бросила Наташа. – А теперь слушай меня, потому что дуболомы твои здесь не причём. Если через пять минут мне не предоставят машину и надежную охрану для экстренного конвоирования свидетеля, то за твою голову никто и гривны не даст. Тебя здесь на заднем дворе закопают вместе с твоими операми. Понял или доходчивее объяснить!?

Ракицкий побледнел и отошел чуть назад. Он, видно, не ожидал такого резкого тона собеседницы. Наташа понимала, что сейчас играла на тоненького, в конце концов Ракицкий мог приказать своим парням просто пристрелить её на месте.

– Я понял, – сказал он, – но мне нужно доложить начальству.

Наташа бросила на майора гневный взгляд.

– Кому ты собрался докладывать? – прошипела девушка. – Идёт спецоперация ГУР совместно с генеральной прокуратурой. Ты что же думаешь, что я сюда притащилась в море купаться? Марш за машиной и никому ни слова, ещё не хватало, чтобы о нашей операции весь Кранцберг знал. Твоя задача оказывать мне всестороннюю помощь, раз уж здесь очутился. Оперов оставь.

Ракицкий на несколько секунд застыл в раздумьях. Оно и понятно. Тот, кто его сюда прислал, не сообщал ему о визите следователя генпрокуратуры, да ещё с мандатом, и теперь Ракицкий думал, что ему ближе покровительство Арсенюка

или погоны и карьера. Иногда Наташа очень радовалась бардаку и неразберихе, творящихся в правоохранительных органах Республики.

– Слушаюсь, – кивнул Ракицкий, карьера оказалась дороже.

Наташа тихо выдохнула, она думала, что будет сложнее. Сейчас главное тихо смыться, пока этот майор не сообразил, что к чему. Лучше было бы, конечно, смыться без него, но опера обступили их с боков и руки их были совсем близко от пистолетов.

А вот интересно, Авалова тоже стояла бы, ждала или расшвыряла бы их по разным углам? Наверное, всё-таки последний вариант. Может, ей тоже выучить пару приемов? Ладно, пока будем действовать словами.

– Где девочка? – спросила Наташа вслух.

– Наверху, – отозвался Тарас, – мы её в ванной заперли.

– Привести немедленно, – приказала Наташа, – она тоже едет с нами.

Опер злобно глянул исподлобья, но спорить не осмелился и шагом гориллы пошел к лестнице. Внезапно перед ним возник Соболь и резко ударил его в грудь. Тарас охнул и осел вниз, на ступеньки.

– Трево... – попытался закричать второй, но Наташа разбила о его голову графин. Опер грохнулся на пол.

– Будем считать, что они упали в обморок, – сообщила она. – Чего стоишь? Быстро за девочкой!

Соболь кивнул и, перешагнув через Тараса, побежал наверх. Наташа подошла к Сабуровой.

– Тихо-тихо, – сказала она, – не бойтесь, всё закончилось!

– Вы кто? – испуганно спросила Эльмира.

– Возможно, самый популярный вопрос за этот день, – улыбнулась Наташа, – друзья, мы ваши друзья, понимаете?

Девушка опять испуганно кивнула.

– Отлично, – сказала Наташа, поднимая Эльмиру со стула, – мы здесь, чтобы вам помочь, теперь уходим, только тихо. Соболь, чего ты там застрял?

Послышались шаги. Алексей спускался с лестницы, ведя под руку девчонку лет семнадцати.

– Она в порядке, – доложил он, – только напугана немного.

– Вы можете ответить, что вообще происходит!? – взвилась Эльмира.

Наташа усмехнулась.

– Позже, – сказала она, – всё позже. Могу только сказать, что мы от Александра Захарова. Теперь уходим через заднюю дверь, хотя...

Девушка подошла к лежавшему на ступеньках Тарасу, вытащила из кармана куртки тот пакетик, который оперативники показывали Сабуровой, затем девушка поднесла его к руке Тараса, прижала к пальцам и сунула в задний карман джинсов.

– Пусть теперь твои ягодички пощупают, – на прощание сказала она. После этого действия девушка подбежала к те-

лефону.

– Алло, милиция, – крикнула она, изображая старческий голос, – срочно приезжайте! У нас смертоубийство. Где? А! Освобожденный труд! Да! Да не труп, а труд, да! Трупов будет много, если вы не приедете. Ор, крики, вопли. Да! Трое мужчин, одна женщина, кричит, что следователь! Про какие-то наркотики говорят! Да! А-а-а!!! Н-е-е-е-т!!! убивают!!!!

И повесила трубку.

– Теперь мы будем сильно лишними на этом празднике жизни, – бросила она, – уходим! Пошли, пошли, пошли! Они выскочили из дома через заднюю дверь, которую Захаров заранее оставил открытой. По счастью, её никто не стерег. Скрываясь за зеленой оградой, удалось незамеченными подойти к забору. Перелезть через кирпичный забор оказалось весьма интересным делом. Сзади послышался крик. Кажется, Ракицкий вернулся. Больше ждать было нельзя. Беглецы припустили к машине. Наташа едва успела запрыгнуть в салон, как из дома выскочил Ракицкий. Девушка засмеялась и приветственно махнула рукой.

– Неплохая попытка, майор! – крикнула она. – Арсенюку, шефу вашему, от меня пламенный привет!

Машина сорвалась с места. Как только они доехали до поворота, мимо пронесся, сверкая мигалками, милицейский УАЗ.

– Кажется, ему будет не до нас, – криво усмехнулась По-

кровская.

* * *

Перед рестораном «Bristol» стояло два «Мерседеса», разные, как две эпохи, древний, но в отличном состоянии W189 и джип «Гелендваген». Машинально обратив внимание на номера, Ксения отметила, что каждый крупный бизнесмен обязательно должен иметь тягу к собиранию чего-либо. Николай Урусов, очевидно, собирал автомобили.

На двери ресторана висела табличка «zakryto». Через стекло был виден просторный зал. Сам Николай Григорьевич в одиночку сидел за столом, лицом к двери. Охрана – в стороне. Хреновая, прямо скажем, охрана. Боса можно просить прямо через дверь, даже не заходя внутрь, а затем тихо уйти раньше, чем эти дуболомы поймут, что именно произошло. Ну Ксения по крайней мере сделала бы именно так. Девушка толкнула дверь и вошла в фойе ресторана под мелодичный звон датчика движения. Мальчики в черных пиджаках слегка напряглись, поигрывая мускулатурой. Господи, и где их всё-таки берут таких? Сам Урусов жестко улыбнулся и привстал навстречу. Авалова села за его стол и огляделась: интерьер в классическом стиле, скромные официанты, легкая ненавязчивая музыка. На круглом столе, задрапированном золотой скатертью, из плотной парчи были выставлены тарелки с разнообразными блюдами. Ксения отметила, что

стол был накрыт на двоих. Её определенно ждали.

– Странное место для встречи, не правда ли? – риторически спросила девушка.

– Люблю назначать встречи на своей территории, – сухо ответил Урусов, – Ксения Игоревна.

Ксения аккуратно села за стол. Ровный голос, равнодушное, спокойное лицо. Она снова надела маску хладнокровного профессионала, которая её так часто выручала в разговорах с серьезными людьми.

– Вас не напрягает, что я назначил встречу ночью? – поинтересовался Урусов.

– Ничуть, – ровным голосом ответила ему девушка, – мне нравится ресторан, мы похожи на двух шпионов, – она мимоходом улыбнулась, – но вот та срочность, с которой вы просили о встрече, меня насторожила. Итак, я вас слушаю?

Урусов отложил в сторону приборы, взял бутылку коньяка и плеснул из неё в гранёный стакан, наличие которого явно не соответствовало духу ресторана.

– Разговор, который я с вами поведу, крайне важен, – сказал мужчина, – однако сразу оговорюсь, что это пока что только мое предположение и никаких доказательств у меня нет, но, как говорится, имеющий уши да услышит.

Ксения снова невесомо усмехнулась.

– Ничего, – сказала она, – я девушка понятливая. Давайте без предисловий.

Урусов отпил коньяку.

– Мне думается, что я не открою вам большой тайны, если скажу, что сегодня в нашей стране только дурак не говорит о своих национальных убеждениях, не мне вам говорить, что наша страна с самого своего зарождения поделена пополам между синими и чернокрасными, и борьба между этими двумя неуступчивыми половинами неизбежна, борьба с применением изощрённейших жестокостей, но это часть истории. Так продолжалось и будет продолжаться тысячелетиями, но одно дело, когда эта борьба направлена на построение государства, и совсем другое, когда с помощью одинаковых методов и с равной жадностью определенные личности хотят прибрать исключительно к своим рукам все государственные структуры. Вы, я вижу, скептически относитесь к тому, что я говорю, вы думаете: «А ты разве не хочешь?», «Ты разве не растаскиваешь страну по кускам?» Да, скажу я вам, ворую и буду воровать, потому что я живу в таком государстве и при такой власти, у которой только и надо делать, что воровать! Потому что если не ты украдешь, тогда украдет другой.

Ксения прищурилась.

– Я слышала такую теорию, – сказала девушка, – однако смотрю я на вас обыкновенно. Просто то, что вы мне рассказываете, больше похоже на учебник политологии, нельзя ли поконкретнее?

Урусов залпом опустошил свой стакан и сразу же налил ещё 150 граммов.

– Можно, – сказал бизнесмен. – Если вы продолжаете кон-

тролировать ход расследования убийства депутата Верховного совета Андрея Левицкого, а я уверен, это так, то вы обязательно должны были слышать о так называемой «Лиге честности», цель которой – будущая президентская кампания. Под эту лигу был создан фонд инвесторами, в котором выступают крупнейшие бизнесмены страны. Так вот это всё ерунда, детский сад по сравнению с теми делами, которые скоро начнутся. Скажу вам, что в нашем кругу ходят гораздо более интересные сплетни.

– Любопытно, – кивнула Авалова, – и эти сплетни можно услышать?

Урусов снова жестко улыбнулся, отставляя в сторону стакан, затем достал из внутреннего кармана пиджака портсигар и привычным движением вытянул оттуда папиросу.

– Можно, – сказал он закуривая, по ресторану начал распространяться сухой запах «Герцеговины», вероятно, Урусов, кроме страсти к ретроавтомобилям, имел страсть и к ретросигаретам, ну, точнее, ретропапиросам. – Мне думается, что отставка нынешнего правительства вопрос времени, только цель – не высокие министерские кресла.

Так, подумала Ксения, и куда вы, милочка, опять влезли?

– Заинтриговали, – честно сказала она, – а нельзя ли подробнее?

– Представьте на секунду, что вы хотите устроить революцию, – сказал мужчина, – однако революция это не только и не столько финансы. Революцию всегда устраивают люди,

близкие к свергаемой ими власти. Вы, наверное, не слышали о теории круговорота бизнес-активов революции?

Ксения покачала головой. Урусов в ответ лукаво улыбнулся.

– О, это весьма занимательная теория, – сказал он, – сводится она к следующему: сначала под вполне легальные цели создается определенное политическое движение. В него входят артисты, политики, спортсмены, словом, те люди, которых знает и любит простой народ. Под это движение формируется специальный фонд под деньги крупных бизнесменов, и когда каждый член сделает свой взнос, то есть окажется повязанным с фондом, всю эту лавочку сдают государственным структурам, улавливаете мысль?

Ксения двинула носом.

– Кажется, – неуверенно сказала девушка, – следующим шагом будет проверка коммерческой деятельности фирмы, а затем арест счетов, активов, изъятие финансовой документации, – девушка вопросительно подняла бровь, – а фондовый взнос?

– А вот здесь и начинается самое главное, – сказал Урусов, – деньги, которые являются фондовым взносом, кладутся в специальный ГУП, который никоим образом не связан ни с фондом, ни с политическим движением. И этот ГУП, в конце концов, путём различных комбинаций, заметьте, – Урусов поднял палец, – весьма законных, получает активы всех прежних членов фонда.

Ксения горько усмехнулась.

– Бархатное рейдерство, – сказала она, – ну а дальше?

Урусов потушил окурок в пепельнице и тут же достал новую папиросу.

– А дальше ещё проще и страшнее, – продолжил он, – теневые руководители фонда объявляют, что власть расправляется с бизнесом и экспроприирует частную собственность.

– И бархатное рейдерство превращается в бархатную революцию, – заключила Ксения.

– Правильно, – кивнул Урусов, – я как только это понял, то сразу перевел все активы во французский банк, распродал всю недвижимость и сделал вид, что у меня совсем всё плохо. Бизнес с отягощениями никому не нужен, а я подожду, подожду нормализации ситуации, а пока я убрал свой бизнес в надёжный чемодан и в любой момент могу до него дотянуться.

Авалова, прищурившись, улыбнулась и медленно провела рукой по столу.

– Но вы же умный человек, вы должны были примерять на роль профессора Мориарти кого-либо из вашей веселой компании.

Урусов коротко кивнул, поднося ко рту папиросу.

– Это не Тополевич и не Арсенюк, и даже не Адашев, – сказал он, – все эти персонажи лишь только прикрытие. За ними явно кто-то стоит. Какая-то третья сила, и у этой третьей силы есть и возможность, и масштабность мысли. Я дол-

го думал и пришёл к выводу, что это Александр Верховский. Доказательств нет, но моя интуиция...

– Так, мелькнуло в голове у Аваловой, – и у этого, значит, Верховский. Любопытно, он ведь не далее как вчера вечером виделся с ним. Они мирно сидели у Верховского в квартире. Значит, между ними конфликт! Почему? Из-за той женевской истории? Вряд ли, Урусов не такой злопамятный. Да и история закончилась ничем. Что же за кошка между ними пробежала, и не топит ли этот любитель папирос, от запаха которых, честно говоря, уже дурно, молодого человека, хотя...

– Но ведь эта ваша интуиция, она на чем-то основана? – с притворным интересом спросила девушка.

Урусов поморщился.

– Я не первый год замужем и в бизнесе не новичок, – сказал он. – Я знаю, что ваша подруга Покровская встречалась с Захаровым. Он ведь рассказывал ей, как убили его сына?

Ксения кивнула.

– В общих чертах, говорят, что его устранила собственная девушка.

Урусов ослабился, резко бросил папиросу в пепельницу и налил ещё 150 граммов коньяку.

– Да, – сказал он, – только не всё так просто. Роман, он другой был, не то чтобы очень честный, но со своими принципами. Шабутной очень, правда, как все молодые, мы с ним крепко связаны были, – бизнесмен скрестил пальцы со звон-

ким хлопком ладоней. – И когда его убили, его концерт стали по кускам растаскивать. Малость досталось властям, малость кредиторам. Я всё считал, считал, а большего куска его активов так и не обнаружил, и было это аккурат после выборов, а в это время Верховский-то как раз и стал свою фирму раскручивать.

Ксения приподняла бровь.

– Из вашего рассказа я делаю вывод, что они были конкурентами? – произнесла девушка.

– И не только по бизнесу, – многозначительно сказал Урусов.

Лицо Аваловой озарила легкая улыбка.

– Ну если вы так всё знали, – заметила она, – почему же вы продолжали с ним сотрудничать? И даже, как я понимаю, общаетесь довольно тесно. Я права?

Постановка вопроса и тон, которым Ксения его задала явно не понравились Урусову. Он окинул девушку жестким взглядом.

– Права, – отрезал он, – есть и у меня грехи. Ну кроме того, что я его знал ещё со студенческой скамьи, товар у него первосортный, а мне в моем бизнесе очень нужна хорошая фармацевтика.

С лица Ксении не сходила улыбка.

– Я, конечно, в ваших бизнес-играх ничего не понимаю, – заметила девушка, – однако теперь мне совершенно ясно одно. Каждый бизнесмен, который так или иначе интересен для

«Лиги честности», бизнес свой из рук Тополевича получил.

У Урусова глаза на лоб полезли.

– Да я... Да как вы...

– И каждый расплачивается с ним по-своему, однако вы считаете, что Верховский только делает вид, что против лиги, а на самом деле не только не против, но и руководит им. Почему?

Урусов залпом выпил коньяк.

– Да потому что мелковат Тополевич для подобного, – сухо заметил бизнесмен, – здесь масштаб, технический гений, понимаете?

– Допустим, – кивнула Ксения, – однако подходит ли Верховский на роль киллера-маньяка? Вы же не могли не примерить на него эту маску.

Урусов склонил голову.

– А вы умнее, чем я думал, – сказал он, усмехнувшись, – вы помните телефильм «Крах инженера Гарина»?

– Это Верховский-то Гарин? – хмыкнула Ксения. – Я бы не сказала, что он похож на него.

В мыслях сразу вспомнилась их последняя встреча. Цепкий взгляд, резвый и смелый тон. При определенных условиях мог бы сойти.

– Он не хочет завоевать мир, – сказал Урусов, – это правда, однако у него есть одна страсть. Страсть к моей дочери. Я видел его один раз тогда, во время их студенческого романа, но уже в то время почувствовал его абсолютный эгоизм

и гордыню. Уже одно то, что он забыл о своих чувствах к Саше, указывает на это. Его цель – сделать что-то такое, что заставит Анастасию взглянуть на него другими глазами, для этого он готов на всё.

Казалось бы, вот оно, бери, но Аваловой это не нравилось. Сначала ярлык подозреваемой вешают на Александру, потом её убивают. Затем кто-то перекладывает вину на Верховского. Страсть к Анастасии, знакомство и помощь Кирсановой, теория Урусова... Нет, ну как-то все очень просто. Пазл не складывается.

– Вы считаете, что Александр может ликвидировать и вас, – уточнила Ксения, – поэтому вы мне всё это рассказали. Исходя из вашей теории вы тоже ему мешаете. Я вас правильно поняла?

– Правильно, – сказал Урусов, – как бы это цинично ни прозвучало, но я не хочу выступать пешкой в этой игре и не хочу, чтобы моя дочь выступала пешкой. Я, знаете ли, давно думаю в Европу перебраться, и мне перед отъездом хотелось рассказать о тех выводах, к которым я пришел. Может, это поможет вам.

Ксения встала из-за стола.

– Может, и поможет, – легко сказала девушка, – но в ответ позвольте дам совет.

– Какой? – спросил Урусов. Авалова снова усмехнулась.

– Даже не пытайтесь бежать, – сказала она, – вас никто не отпустит, не тешьте себя этой мыслью. Лучше заройтесь где-

нибудь в здешних краях. На какой-нибудь даче под Ольвией. В любом другом случае вас ждет грустный конец.

Урусов поморщился.

– Хорошая вы девушка, Ксения, – кто знает, может быть, когда-нибудь судьба сведет нас снова, и вы мне расскажете финал этой истории, если только сами не исчезнете.

– Все мы когда-нибудь исчезнем, – философски произнесла Ксения, – вопрос только, что о нас будут вспоминать.

* * *

Через четверть часа после разговора с Аваловой Урусов сидел в просторном салоне своего «Мерседеса», отделанного бежевой кожей с вкраплениями деревянных панелей, что было отличительной чертой всех автомобилей, как бы сказали сегодня, представительского класса 50-х годов. Вертя в руках ещё целое зеленое яблоко, Николай размышлял о сегодняшнем разговоре.

Правильно ли он поступил, спрашивал себя Урусов и не находил ответа. Он посмотрел в боковое стекло на иссиня-чёрное балтийское небо, которого практически не было видно из-за тонированной пленки, – сможет ли эта девушка правильно понять его мотивацию и не ошибся ли он в своих выводах, время покажет. – Бизнесмен, прекратив крутить яблоко, так и не надкусив его, положил в сетку, прикреплённую к спинке водительского сиденья.

Автомобиль ехал по гладкой ровной дороге, именуемой Южнобережным шоссе, которое затем соединялось с Новоборисфеновским, на север от Кранцберга. Урусов ехал в аэропорт.

Километрах в полутора от самой высокой точки трассы – автомобиль, шедший до этого на высокой скорости, стал привычно притормаживать перед расположенном на перевале постом ГАИ.

Из чернильной тени, практически сросшейся с горой троллейбусной остановки, вышел постовой и повелительно махнул светодиодным черно-белым жезлом.

Водитель, что был за рулем «Мерседеса», негромко чертыхнулся.

– Их ещё нам не хватало, – сказал он сквозь зубы.

– Что там? – спросил Урусов.

– ГАИшник, – ответил водитель. – На бутылку решил заработать, откуда они только выскакивают?

Урусов наморщил лоб.

– Циничный ты, Костя, – сказал бизнесмен, – может, он вышел, чтобы бороться за безопасность дорожного движения?

Водитель по имени Костя криво усмехнулся.

– За безопасность семейного бюджета он вышел, – цинично заметил водитель, – тормозить придется.

Урусов кивнул. Он никуда не спешил.

Через несколько секунд «Мерседес», придвинувшись к

обочине, остановился. Следом затормозил и джип охраны. К автомобилю подошла девушка лет 25 в форменном темно-синем мундире с проглядывающей рубашкой небесно-голубого цвета и в каскетке с изображением эмблемы Республики – скачущего рыцаря. Девушка приложила правую руку, затянутую в перчатку, к козырьку:

– Старший сержант Синицына, – бодро представилась она, – ваши документы, пожалуйста.

Водитель Урусова протянул пластиковую карточку с каким-то изумлением. В его логику не укладывалось, что подобное прелестное создание будет выторговывать взятку.

Некоторое время девушка-сержант придирчиво изучала документы, а потом вернула их водителю.

Дальнейшее произошло с такой ошеломляющей быстротой, что даже если бы кто-то видел это вблизи, не увидел бы ровным счетом ничего.

Девушка-сержант подошла к стеклу, которое отделяло пассажирское сиденье, и аккуратно постучала в него. Урусов покрутил ручку стеклоподъемника, и стекло уехало вниз. Затем Урусов взгляделся в лицо девушки и у него глаза полезли на лоб. Однако ничего сделать или сказать он не успел, в руках у девушки что-то блеснуло и Урусов почувствовал острую боль в области шеи.

«Неужели» – мелькнуло в голове у Николая и пала тьма.

Следующим действием девушка полоснула кинжалом водителя. Тот дернулся, захрипел и рухнул головой на руль.

– 42 секунды, – хмыкнула про себя девушка, – неплохо. Она даже была разочарована той легкостью, с которой ей удалось все провести. Девушка отошла от автомобиля на шаг, затем почтительно козырнула, якобы живым пассажирам. Только это и увидели в джипе охраны. Затем девушка развернулась и удалилась в ту же тень троллейбусной остановки, из которой вышла, одновременно делая разрешающий жест жезлом.

* * *

Прошло минут пять, а машина босса ещё стояла у обочины. У охраны был четкий приказ не подходить к машине, однако, учитывая то, что вряд ли стоит задерживаться, когда у тебя самолет, охранники решили проверить, на всякий случай.

Весь смысл произошедшего дошел до них, только когда они подошли к машине: водитель лежал с резаной раной на рулевой колонке. Босс же сполз с дивана вниз. На горле зияла тонкая рана.

Крикнув товарищу, чтоб вызывал ментов, «Скорую» и ещё бог знает кого, охранник ринулся к посту ГАИ, одновременно выхватывая оружие.

Внутри будки было абсолютно тихо, охранник осторожно поднялся по металлической лестнице наверх и увидел то, что совершенно не ожидал.

Два сотрудника ГАИ лежали в противоположных углах, их руки покоились на автоматах, из которых они, очевидно, собирались стрелять, но судя по отсутствию следов выстрелов, не успели. Оба были мертвы. У обоих были одинаковые раны на шеях. Охранник был в курсе последних событий. Так может убивать только один человек – Охотница.

* * *

Серена гулким воем разрывала воздух лаборатории. Вот уж о чём в последнюю очередь мечтала Кристина, так это о таком уходе из сего гостеприимного учреждения. Почему же у неё всегда всё получается с фейерверком?

– Вообще я считала нас умнее, – прокомментировала она.

– Очевидно, не слишком, – бросил Штильхарт. – Это же надо, самая древняя ловушка в перечне, и мы в нее вляпались.

– Вижу, вляпываться вы умеете, – заметила Даша, – что собираетесь делать?

Флориан ухмыльнулся.

– А у нас много вариантов? – спросил он. – Нужно угнать один из тех чудеснейших грузовиков. Охрана же ещё не при- была.

А вот тут он погорячился. Ровно с его фразой и пожаловала охрана. Причем появилась она прямо из пола, через от- кидывающееся отверстие. Наставили оружие.

– Эй, ребят, – сказал Штильхарт, – я не хочу драться, да- вайте все решим тихо, за дружеским чаем...

Ответом ему были глухие выстрелы автоматов.

– Кажется, они серьезно настроены, – заключил Флориан.

– Более чем, – кивнула Кристина, выхватывая револьвер и прицеливаясь.

Выстрел. Пуля пролетела в миллиметре от глаза девушки, оцарапав щеку.

– Ах ты... – выругалась Кристина, – тебе бы гаду медали на олимпийских играх получать.

Девушка вновь прицелилась и выстрелила... и застыла от изумления. Пуля, которая должна была пробить плечо охранника, просто от него отскочила, как горох.

– Это сайберноты! – крикнула Даша.

– Кто? – не понял Штильхарт.

– Роботы, – пояснила девочка, – думала, что местная бай- ка, а они действительно существуют.

– Безумно за них рад, – сообщил Штильхарт, – а как от них избавиться, не расскажешь?

Вопрос так и повис в воздухе, а охрана между тем приби-

вала. Положение становилось угрожающим. Если даже их не застрелят, то просто задавят массой тел.

– Здесь должен быть какой-нибудь провод или генератор, – заметила Кристина, – если отключить тревогу, то, возможно, эти штуки тоже отключатся.

– Возможно хорошее слово, – язвительно проговорил Штильхарт, – а если нет?

– Ну я соображу, соображу, – сказала Кристина.

Девушка стала вертеть головой в поисках того, как отключить сигнализацию. Ничего похожего. Несколько проводков шли по стене куда-то далеко наверх. Особого выбора всё равно не было, Кристина раскрутила трос и забросила его за какую-то металлическую опору. Разбежалась и, зажмурив глаза, перелетела на другую сторону комнаты. Теперь кабели были прямо перед ней. Времени выбирать какой, уже не имелось. Кристина просто рубанула вдоль проводов. Раздался громкий хлопок и погас свет.

Сирена замолкла.

– Ну как? – спросила Кристина, спрыгнув.

Штильхарт освятил фонарем застывшие фигуры охраны.

– У них в некотором роде нервный шок, – сказал он.

Кристина подошла к фигуре.

– Я бы сказала, что они на грани полного коллапса, – сказала она, ткнув пальцем в фигуру. Охранник с грохотом плашмя рухнул на пол.

– Надо сказать... – Флориан осекся, где-то сверху что-то

загудело.

– Генератор, – догадалась Кристина, – бежим отсюда. Увлекая за собой девочек, они ринулись в проем коридора, который, как они надеялись, вел к транспорту. Открыв еще одну дверь, на сей раз без всяких взломов, оказались, как они сначала решили, в длинном коридоре, без окон и дверей. Правда, при детальном рассмотрении коридор был не коридором, а гигантским помещением, доверху заставленным огромными металлическими контейнерами с разномастными надписями: взрывоопасно, трактор, проект № 94 и т. д. Единственное, что их объединяло, так это то, что надписи были сделаны на великорусском языке.

– Интересно, что они здесь хранят? – риторически спросила Кристина.

Любопытство всё-таки взяло верх. Девушка подошла к одному из ящичков и открыла его. Лучше бы не делала. В ящичке лежали устаревшие, но вполне рабочие АК 47.

– Для охоты на горных козлов рановато, – заметил Штильхарт.

Кристина кивнула.

– Как только выберемся, нужно будет устроить им тотальную ревизию, – сказала девушка.

Обойдя вокруг все ящички, они так и не нашли бы выход, если бы Соня не заметила, что наверху находится небольшой подъемник, который поднимал ящички наверх и увозил их куда-то через решётку. Используя единственный выход,

они стали медленно карабкаться по ящикам вверх.

Путь был не из легких. Карабкаться приходилось как будто по отвесной стене, держась только за трос. Забравшись наверх, они огляделись. На другом ряду ящиков виднелось отверстие в ещё огромное помещение. Там стояли долгожданные грузовики, в которые грузили ящики. Оставалось только перебраться на ту сторону.

Кристина перебросила трос через провал, конец намертво впился в один из ящиков в противоположном ряду. Взявшись обеими руками за трос, Леонова с силой оттолкнулась ногами, как при прыжке в воду, и перелетела на другую сторону. Затем кинула трос остальным.

– Зачем такие сложности? – риторически спросил Флориан, берясь за трос. – Вот если бы мы сразу залезли на ту сторону, то прыгать не пришлось бы.

Он притянул к себе девочек и, по примеру Кристины, перелетел через провал, правда, чуть не рухнув вниз – каблук ботинка застрял в какой-то дырке. Соня выскользнула из его хватки и покатилась по ящикам вниз, в последний момент зацепившись за поручень. Штильхарт отчаянно замахал руками, едва не упав.

– Пожалуй, мне стоило бы тебя подтолкнуть за упрямство, – ехидно сказала Кристина, – если бы мы поднимались по этой стороне, мы бы не заметили дырки, правда, кое-кто и так не заметил.

– Я никогда не фанател от Тарзана, – пробурчал Штильхарт. – Почему должен превращаться в него сейчас?

Перескакивая с ящика на ящик, они добрались до проема. С проема в ангар пришлось спрыгивать. Ангар представлял собой круглое вытянутое помещение с аркой для выезда, из которого светило солнце. Там стояли три одинаковых «Kenworth w900l», те самые, что, сочлененные с длинными трейлерами, с ревом носятся по странам и континентам земного шара, от Анкориджа до Веллингтона, отравляя воздух планеты клубами маслянистого дыма.

Ага, вот оно, спасение! Ну уж она покажет этим головорезам, решила Кристина, дайте только добраться до ближайшего полицейского участка! Надо только придумать удобова-

римое объяснение историй с девочками, да и вообще с клинкой.

Трейлеры были отцеплены. В них грузили оружие.

Кристина осторожно выглянула из-за ящика.

– Слишком много, – сказала она, – хватит, чтобы устроить небольшую войну.

Штильхарт кивнул.

– Странные методы у твоего друга Тополевича, – согласился он, – надо предупредить полицию и SRC.

– И лучше всего сделать это где-нибудь за пределами сего гостеприимного заведения, – подхватила Кристина, – раз уж не получилось отсюда.

– Я надеюсь, что наши друзья одолжат нам одну из этих машинок, – хмыкнул Флориан.

Кристина широко улыбнулась.

– Это было бы действительным проявлением вежливости с их стороны, – заметила девушка, указав туда, где стояли два охранника с винтовками наперевес, которые, очевидно, следили за погрузкой. Эти вроде были из плоти и крови. Уже радуется.

Охрана преградила дорогу. Один из парней нацелил на Кристину свою голову с желтой повязкой. Очевидно, начальство.

– Кто такие? – спросил он.

Кристина, не задумываясь, выдала байку про посла «центра». Послу и сопровождающим его людям ну просто поза-

рез требовалось уехать и именно на этом грузовике. Сработало. Ну, по крайней мере, в них не принялись палить без предупреждения.

– Куда направляетесь? – спросил охранник, прямотаки механическим голосом.

– В город. – Кристина мельком глянула на спутников.

Штильхарт уже вытаскивал револьвер.

С минуту охранник что-то обдумывал, а потом объявил:

– У вас нет разрешения, стоять, вы арестованы!

А то как же... Флориан ловко провернул пистолет в воздухе и наотмашь врезал опешившему от неожиданности охраннику рукояткой в челюсть. Тот немедленно отлетел в сторону, так и не успев выстрелить. Второй охранник уже вскинул карабин и собирался выстрелить, но на него навалилась Кристина, которая, перехватив карабин, зажала затвором горло охранника, а для верности саданула ему ногой в челюсть. Со стороны это выглядело очень эффектно.

Двигатели запели раньше, чем она забралась в кресло. Штильхарт уже устроился на водительском месте и прогрел мотор.

– Ты когда-нибудь водил такие машины? – неуверенно спросила Даша.

Флориан хитро кивнул.

– Да, – небрежно бросил он, выжимая педаль газа, – в компьютерной игре.

Кристина решила уже не слушать. Хватит с неё эмоций на

сегодня.

* * *

Тополевич был явно не в лучшем душевном состоянии. Нагловатая уверенность, что сопутствовала ему весь сегодняшний день, резко сменилась на какую-то шизофреническую панику, причиной которой стало известие о пропаже одной из пациенток, причем той, о которой врачи говорили, что никаких проблем с ней не будет. Когда об этом доложили, Тополевич немедленно дал указание охране проверить подвал, однако его «гостей» там никто не обнаружил, а обнаружили только вырубленных охранников, которые так и не смогли объяснить, что именно произошло. Тополевич, наверное, впервые в жизни почувствовал, что здесь, в тихой Швейцарии, где у него нет конкурентов, а есть только тихие приличные соседи, он сможет безболезненно для себя подготовить «живой материал» для компромата и отсюда же управлять политическими процессами, но беспрецедентная тупость его «компаньонов» нарушила его тихую деятельность. И чтобы теперь уже не сидеть где-нибудь в Гааге, необходимо было зачищаться. Чертова девица!

– Как эта девица могла покинуть палату? – бушевал Тополевич, брызгая слюной в сторону сжавшейся Габриель Перрен. – Да вы что, спятили, что ли?

Доктор пыталась ответить какими-то бессвязными объяс-

нениями, которые сидящая в тени библиотечного шкафа милостивая девушка, вряд ли на месте беглого олигарха, почла бы за должные оправдания. Если честь по чести, она вообще не любила оправданий. Нельзя оправдываться за ошибки. Либо ты их делаешь, либо не делаешь. Она ошибок не делала.

– Чему учили ваших охранников? – холодно хмыкнула девушка. – Манерам курсисток?

Тополевич оглянулся на девушку. Вздвогнув, она сидела так тихо, что он даже забыл о её существовании. Это было неосторожно, никогда нельзя поворачиваться к таким людям, как она, спиной. Он одарил девушку пренебрежительным взглядом, хотя сильно сомневался, что этот взгляд подействует.

– В том, что Леонова сбежала, – сказал он, – я не нахожу ничего веселого.

– Вы её недооценили, – коротко заметила девушка, – а также переоценили свое влияние на ваших «ангелов смерти», как вы их называете.

– Даже мое влияние не настолько велико, – парировал Тополевич, – Леонова действительно умна. Для этого я и вызвал тебя. Ты нужна мне для дела, ты это дело будешь выполнять и прошу не учить меня. Тем более что в прошлый раз ты тоже была нечистоплотна и не устранила всех свидетелей. Теперь пришло время исправлять ошибки. Со мной больше связи не ищи. Я, пожалуй, залягу на дно. Не хочу рисковать

проектом, в который вложил половину состояния и который потом принесет мне миллиарды.

– Где вы будете прятаться? – светским тоном осведомилась девушка.

Тополевич подошел к сейфу и быстрым движением пальцев набрал код. Затем достал с нижней полки папку, ту самую, что смотрела Кристина.

– Не твое дело, – сказал он, протягивая папку девушке, – возьми это и отвези в Борисфен. После того как сделаешь дело здесь. Мне лишние неприятности не нужны, позволь тебе напомнить, что ты работаешь на меня и я очень щедро тебе плачу, и не хочу, чтобы ты лезла в мои дела. Надеюсь, ты это чётко понимаешь?

– Да, – ответила девушка, рассматривая ухоженные руки, – очень чётко.

Тополевич подарил девушке ещё один недоверчивый взгляд, затем подошел к винному шкафу и налил себе рюмку из одной из стоявших в шкафу бутылок.

– Я теперь даже сожалею, что слишком много позволял тебе, – сказал он, – например, вся история с пансионатом, не понимаю, зачем тебе нужно было всё так мистифицировать. – Тополевич поставил бутылку на место и закрыл шкаф. – Впрочем, это к делу не относится. Никто не знает, что ты здесь, никто тебя не видел, а те, кто видел, будут молчать. Леонова никогда тебя не идентифицирует, но она знает меня. Вот в чём проблема.

Девушка лишь коротко улыбнулась, покачала головой.

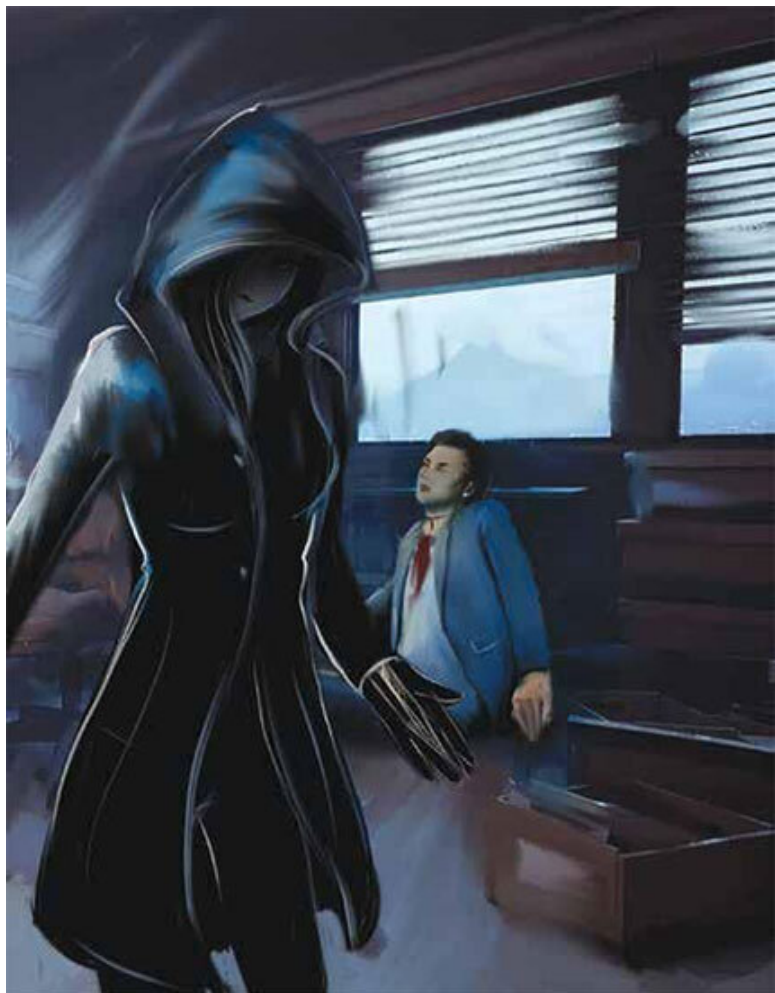
– Это не проблема, – сказала она.

Девушка резким движением выставила вперед руку, блеснуло лезвие, и беглый олигарх осел на пол, схватившись за горло, Наблюдавшая эту картину Перрен только успела вскрикнуть.

Охотница встала с кресла и подошла к дергавшемуся в конвульсиях Тополевичу.

– Ваши хозяева благодарят вас за службу, – с холодной улыбкой сказала девушка.

Она повернула голову в сторону доктора Перрен. Та испуганно вжалась в кресло. Её лицо было бледным от ужаса.

– Доктор Девье только что уволился, – невозмутимо сказала Охотница, – и передал право управления клиникой вам. Ваше первое поручение – избавиться от всех следов проекта «Ангел».

Доктор испуганно кивнула.

– Немедленно, – добавила охотница.

КОНЕЦ ВОСЬМОЙ ГЛАВЫ

Глава IX. Теневые игры

*Если бы это было так, это бы ещё ничего.
Если бы, конечно, оно так и было.
Но так как это не так, так оно и не этак.
Такова логика вещей.*

Л. Кэрролл

Вторник, 23 октября

Утром Ксения встала раньше, чем прозвучал резкий сигнал будильника. Она приняла душ. Заварила кофе. Включила телевизор. Шла программа новостей. В кадре был репортер с микрофоном, за его спиной виднелись машины «скорой помощи» и милиции, врачи, сотрудники в форме и в штатском. Девушка прибавила громкость:

«...ромкое убийство потрясло Республику, – вещал репортер, – на трассе Кранцберг–Ейлау был заколот ножом глава отельеров и рестораторов Понтии – Николай Урусов. Также неизвестными было совершено вооружённое нападение на пост ГАИ, в результате которого погибли два офицера. Надо отметить, что господин Урусов был известным в Республике бизнесменом и меценатом. В его холдинг входили...»

Авалова резко выключила телевизор. Началось в колхозе утро! Девушка сжала в руках телефон и набрала Рауша.

– У телефона, – раздался голос.

– Я тут телевизор смотрю, – сообщила Ксения, – интересные вещи передают...

– Знаю, – сказал Рауш, – как раз собирался звонить.

– Почему нам не сообщили раньше? – осведомилась Ксения.

– Не наш район, – сказал Макс, – пока выясняли, кто и что... так ночь и прошла. Мне только под утро сообщили. Но я попросил, чтобы ничего не трогали. Поедем туда, а дальше посмотрим.

– Жду, – бросила Ксения, день как-то сразу не задался. Интересно, подумала девушка, Урусова убивают сразу после разговора с ней. Совпадение? Наверяд ли. Конечно, можно предположить, что они заранее подготовили позицию и просчитали, что Урусов поедет в аэропорт. Они могли слушать его? Могли. Однако всё как-то хлипко. Ведь не раньше и не позже, чем он с ней поговорил. Если они его слушали, тогда почему позволили рассказать про эту его теорию, как там бишь её... Круговорота бизнесактивов революции, вот. Если только Ксения не должна была услышать эту теорию, а может, не теорию, может быть, речь о Верховском. Молодого бизнесмена явно сливали. Слишком уж всё очевидно. Ксении это не нравилось. Ей вообще ничего не нравилось, хотя...

Через четверть часа она вместе с оперативниками сидела в машине Рауша и делилась с коллегами своими соображениями, по пути в Ейлау.

– Но почему у вас нет оснований верить тому, что сказал Урусов? – спросил под свист ветра Рауш.

– Да этим бизнесменам всюду рейдеры мерещатся, – недовольно пробурчал с заднего сиденья Анатолий, – посмотрит кто косо, уже репу начинают чесать. Хотя версия стоящая. Вполне-таки себе реальная.

Ксения тяжело вздохнула.

– Никто не говорит, что Урусов был не прав, – сказала она, – просто уж всё слишком очевидно. В его версию укладываются каким-то образом все последние события, происходящие здесь: подброшенный труп и подкинутый дневник – месь Анастасии за ту историю в Женеве. Верховский, получается, и высококлассный киллер, и кукловод ребят из «Лиги честности». Что хотите, но так не бывает.

Рауш криво усмехнулся.

– Вы невероятная перфекционист, вы, по-моему, будете спорить с тем, что земля круглая.

Ксения засмеялась.

– Буду, – сказала она с улыбкой на губах, – потому что она эллипсоидная. Тут странно другое. У меня строгое ощу-

щение, что нас наводят на подозреваемых. Смотрите, сначала подбрасывают перепечатанный дневник в машину Александры. Она уже мертва, а поэтому ничего опровергнуть не может. Следом появляется Верховский, он тоже переводит стрелки на Александру, а затем Урусов топит самого Верховского.

– О, я понял, – перебил Рауш, – старший сын говорить язык мудрости.

Ксения ожгла его взглядом.

– О чём я, – запуталась девушка, – тьфу ты, с мысли сбили. Так вот. Убийство Урусова было спланировано заранее. Значит, кто-то знал и о том, что я буду с ним встречаться, и о том, что он поедет в аэропорт. В связи с этим вопрос: почему Урусову позволили со мной поговорить?

Анатолий прыснул.

– Очень боялся тебя, – смеясь сказал опер, – не пошли против тебя. Ну а если серьезно. Ты хочешь сказать, что ты должна была услышать про Верховского?

Рауш нахмурил брови.

– Получается, что Верховский опять наводит на себя. Зачем на этот раз?

Ксения подняла вверх палец.

– Вот, – сказала она, – Урусов погибает сразу после разговора со мной. Александра до...

Анатолий задумчиво пожевал губу.

– Даже если не брать зачем. Все равно как-то хлипко!

Очень нестройная картинка вырисовывается. Словам Урусова можно и не поверить, и кто кроме Верховского мог знать, что ты встречаешься с Урусовым?

Ксения дернула щекой задумываясь.

– Никто, – согласилась она, – только если Анастасия. Отец же должен был дочери сказать, что улетает, или нет?

Макс поморщился.

– Не хотите ли вы сказать, что наш убийца – Анастасия? – почти с ужасом спросил он.

Ксения задумчиво пожевала губу.

– А что? – задалась она вопросом. – Нереальный вариант? Почему мы её не подозреваем? Она ведь связана со всей этой историей. Даже Томаса Чилуэлла обвинили с её слов. Других свидетелей там не было. И всех других наших фигурантов она прекрасно знает.

Рауш пожал плечами.

– Как вариант, да, – сказал он, – но зачем ей было светиться вообще? Даже если она киллер, зачем подкладывать труп в свой же пансионат? Мы ведь даже внимания на неё бы не обратили, если бы не это.

– А может быть, и было на это рассчитано, – предположила Ксения. – Почему так стали заниматься убийством Кирсановой? Потому что её труп был найден в пансионате, где будет саммит.

– Хочешь сказать, что таким образом нас отвлекли от остальных девочек? – нашелся Мациевский.

Ксения кивнула.

– Точно, – сказала она, – за шумихой вокруг саммита такое проверить раз плюнуть. И смотрите, ведь убийства были совершены с очень близкого расстояния. Значит, жертвы знали убийцу и не боялись её.

– Путанно как-то, – пробормотал Мациевский, – путанно. Но может быть. Чего только в жизни не бывает. Слушайте, а может, не будем изобретать велосипед? Возьмем этого Верховского за жабры. Он нам всё и расскажет. Вы мне лучше другое объясните. Зачем всё это нужно? Откуда вообще взялась эта киллерша? Неужели все вот это для выборов будущего года?

Ксения побарабанила пальцами по рулю.

– Думаю, что до будущего года мы не доживем, – мрачно сказала она, – думаю, все, что происходит, всего лишь часть комбинации.

– Интересно, – заметил Рауш, – и в чем же главная цель? – спросил он.

Ксения размяла затекшую спину.

– Передел рынка власти, – ответила девушка, – то есть если все старые министры, префекты и так далее уходят, тогда появляются новые, а они в свою очередь приводят своих новых людей и новые правила. А это уже новые рынки и новые деньги для них. Колоссальные деньги.

Некоторое время стояла тишина, нарушаемая резким та-рахтенья мотора.

– То есть они хотят осуществить рейдерский захват государства? – наконец нашелся Анатолий. – Не слишком ли?

Ксения покачала головой.

– Слишком – такого слова они не знают, – заметила девушка, – то есть, когда они захватят власть, эта киллерша просто исчезнет. Не как человек, нет, такими не разбрасываются, как фигурант уголовного дела. Возможно, вместе с теми, кто её ловил, особенно если мы добьёмся в этом успеха. Так что если мы не найдем киллера раньше, чем они начнут реализацию своей главной цели, то нам с вами грош цена.

Она медленно закрыла глаза и стала слушать воцарившуюся на несколько секунд тишину. Игра была серьезная и она только начинается.

* * *

Кристина сидела, откинувшись в кресле у камина, и наблюдала за тем, как адмирал Рид оживленно с кем-то говорит по телефону. Если честно, то, когда они с таким шиком и прощальным ружейным салютом покидали заведение Тополевича, Кристина искренне полагала, что приключение закончилось. Ничего подобного! После того как Штильхарт в красках описал ей свой визит в центр Ломоносова, девушка поняла, что ничего не только не закончилось, наоборот, только началось. И это что-то превращалось уж совсем в какую-то чертовщину. Неужели Наталью Понарину пытались

похитить только за то, что она видела, как Александра Рыкова заезжает в гараж на автомобиле? По всему выходило, что так! Нечто странное было во всем этом, и Русакова и Понарина утверждают, что Александра очень изменилась перед убийством. Но в чём была причина? Неужели в Верховском? Он предпочел Александре Анастасию, и она стала ревновать? Но если бы так, то смена настроения произошла бы сразу, а не через два месяца, и действительно, куда девать эту машину? Ведь так не бывает, чтобы человек не водил, а потом ни с того ни с сего у него образуется автомобиль. Тем более у девушки. Да она бы тут же растрепала об этом подружкам. Что же, не Александра была за рулем? Нет, это была Александра, её видела не только Понарина, но и убитый парковщик.

Парковщик, конечно, мог обознаться, столько лет прошло... теперь уже не спросишь, ни парковщика, ни Александру. А может, она тоже что-то знала? Может, она была связана с Тополевичем, а потом решила выйти из игры, как Даша Терехина? Может быть, поэтому её и убили?

– Да, да, господин начальник полиции, – услышала девушка голос Рида, – вы уверены? Да, понятно! Да, немедленно передам! Извините за беспокойство!

Рид повесил красивую старинную трубку телефона на аппарат.

– Перед кем вы извиняетесь, сэр? – поинтересовалась Ксения. – Интересно знать.

Размашистым шагом в комнату вошел Штильхарт. По его внешнему виду вовсе нельзя было сказать, что они ночь лазили по туннелям.

– Привет, – весело сказал он, – а где наши юные создания? Кристина подарила ему острую улыбку.

– Когда бы ты думал о чём-то, кроме девушек, – посетовала она. – Приводят себя в порядок, в ванной. Твоя подруга Понарина ещё спит.

– Ясно, – Штильхарт подошел к винному шкафу и достал оттуда бутылку красного вина, – новости есть?

Рид кисло посмотрел на них обоих.

– Только плохие, – сказал он.

Флориан сделал обиженную мину.

– Лучше бы не спрашивал, – заявил он.

– Твои коллеги были в клинике, но ничего там не нашли, – пояснил Рид, – ни тоннеля, ни девушек, ни оружия, вообще ничего. Директор клиники составит жалобу на превышение полномочий. Начальник полиции очень сетовал на то, что он не может проводить мисс Леонову до ближайшего самолета, но настоятельно просил меня передать, чтобы эта назойливая мадемуазель не попадалась ему на глаза.

Флориан похлопал Кристину по плечу.

– Вот видишь, что творит швейцарский паспорт, – сказал он, – в любом другом случае ты бы уже летела назад, в Кранцберг.

Кристина обиженно надула губы.

– Как хотите, – сказала она, – мы вам рассказали, что видели.

Рид фыркнул.

– Я вам верю, – сказал он, – но поймите, что без четких доказательств обвинить Тополевича невозможно. Если бы вы хоть грузовик с оружием украли.

Кристина фыркнула.

– Знаете, как-то неудобно выбирать, когда вокруг летают пули, – язвительно заявила девушка.

Дверь в гостиную открылась, и в комнату вошли, пошатываясь, Даша и Соня. Рид широко, по-хозяйски им улыбнулся.

– Проходите, – сказал он, указывая на диван, – присаживайтесь, можете выпить кофе.

– Спасибо, – тихо ответили обе девочки. Они, вероятно, были ещё в легком шоке от происходящего. Но факт, что они были живы и даже здоровы, вселял в Кристину оптимизм.

– Какие вам нужны доказательства? – спросила она. – Вот они перед вами.

Рид кисло усмехнулся в усы.

– Я вижу, – сказал он, – но словам двух шестнадцатилетних школьниц вряд ли поверят.

Кристина презрительно хмыкнула.

– А Тополевичу, значит, поверят? – со злой иронией спросила девушка.

– Так устроен наш мир, – развел руками Рид, – голос ребенка ничего не значит для тех, кто разучился слышать.

– Но ведь мы там были, – подала голос Даша, – и видели всё это.

– Держать под контролем девушек вы помогали? – спросил Рид.

Даша испуганно кивнула.

– Я ничего не знала, – всхлипнула она, – не знала про оружие и наркотики. Я думала, что помогаю таким же, как я, жертвам.

– И тем не менее вас тоже должны были убить, – констатировал Рид.

– Но убили Катю, – обреченно покачала головой Терехина, – если бы не они.

Рид отечески приобнял её за плечо.

– Я знаю, – сказал он, – но у нас нет никаких доказательств их преступной деятельности.

Штильхарт тяжело вздохнул.

– Ни черта не понимаю, – произнес он, – как это веселое местечко могло за ночь рассосаться, чисто физически? У них там что, целая бригада следы заметала?

Кристина пожала плечами.

– Ящики уже были готовы к отправке, возможно, они уже

и сворачивались. Ксения говорила, что новых девушек не набирали. Значит, работать должны были только с этими.

Рид внимательно взглянул на Леонову.

– Я надеюсь, что вы не собираетесь преследовать эти грузовики? – спросил он. – Если вы даже их и найдете, то без четких доказательств у вас будут серьезные неприятности.

– Ну, – усмехнулась Кристина, – этим нас не удивишь. Хорошо, что вы предлагаете?

Рид улыбнулся.

– С этого и надо было начинать, – сказал он, – сейчас наша задача – выиграть время. Девочек я заберу. У меня они будут в безопасности. Потом я свяжусь с их семьями. Уверяю вас, у меня достаточно связей, чтобы привезти их сюда. Дальше посмотрим. А вам надо искать машину, которую видела Наташа Понарина. С этой машиной что-то не так.

– Думаете, что эта машина как-то связана с убийством Чилуэллов? – спросила Кристина.

– Пока могу сказать, что с этим убийством как-то связана Александра Рыкова, – кивнул Рид, – гораздо больше, чем нам казалось раньше.

Рид всегда говорил загадками, вспомнила Кристина, никогда нельзя было понять, что он определённо имел в виду. Но в общем и целом Кристина с ним была согласна. Роль Александры во всем этом была какой-то странной. А ещё её беспокоила Светлана, она тоже какая-то мутноватая! Почему она не сказала Штильхарту о своем романе с Чилуэллом?

Возможно, она до сих пор любит Тома. А, может, просто боится, но чего?

– Вы должны найти Охотницу, – продолжал Рид, – найдя киллера, вы уничтожите весь проект Тополевича. Это будет действительно серьезный удар. Вот тогда мы можем действовать.

Охотница, повторила про себя Кристина, неужели это всё правда?

– А вы верите, сэр? – спросила она. – Вы верите, что они существуют?

– Не знаю, – честно сказал Рид, – поиск таких структур – это погоня за неизведанным. Фактов у меня нет, чего уж греха таить, но в моем возрасте я принимаю некоторые вещи на веру, слишком уж много повидал. В воздухе какое-то ощущение. Очень мощное и невероятно опасное. Мир вокруг нас становится все темнее, и мы все подвержены этому темному влиянию, даже когда влияем на него.

Кристина улыбнулась.

– Верно говорят, не спрашивай ответ у ветра и разведчика, оба скажут, что да, то и нет.

– Человек всегда получает ответ, – возразил Рид, – просто он его не всегда устраивает. Потому что человек боится правды, а если человек боится правды, к нему приходит поражение.

– Поражение неминуемо ждет лишь того, кто отчаялся заранее, не согласилась Кристина, – признать неизбежность

опасного пути, когда все другие дороги отрезаны, – это и есть истинная мудрость.

По крайней мере, она желала, чтобы это было так. Она встала на этот путь, и она с него не свернет! Не в этой жизни.

* * *

Ксения своим пристальным взглядом осматривала стоявший возле обочины «Мерседес» Урусова. Вроде бы она его видела несколько часов назад, но тогда его хозяин был в здравии и разговаривал с ней. Теперь он лежал на заднем сиденье автомобиля! Груба жизнь. Груба и непредсказуема!

Погода выдалась серой, накрапывал дождь, а с моря дул холодный ветер. Мимо прошли санитары, неся укутанное в черный полиэтилен тело. Ксения бросила взгляд на рану на шее. Без сомнения, это снова она! Но всё-таки как же Урусов подпустил её так близко?

– Ксюха, – окликнул её Мациевский, – подойди, тебе это услышать надо.

Подбрасывая ногой камешки, Авалова широким шагом направилась к импровизированной криминалистической лаборатории, которая расположилась метрах в пятидесяти от машины и где Мациевский и Рауш допрашивали охранников.

– Ну я и говорю, – бормотал один из охранников, – оставливает нас гаишник.

– Женщина? – уточнил Рауш. Охранник кивнул.

– Ну да, – сказал он, – Серега мне ещё говорит, что фигня какая-то. У нас баб с роду в ГАИ не было.

– Как она выглядела? – встряла Ксения.

Охранник насупился.

– Да как, как, – пробормотал он, – ну ростом повыше вас будет. Форменная одежда. Ноги у неё классные были.

Мужики, подумала Ксения, и почему они, когда видят красивую женщину, сразу обращают внимание на ноги или грудь, нет бы внимание на лицо обратить.

– А кто-нибудь кроме вас эту девицу видел? – спросила Авалова.

Ну, а вдруг? Понятно, что так хорошо не бывает, но всё же.

Второй охранник почесал затылок.

– Да как вам сказать, – бросил он, – Вася, он звонить побежал, а я здесь остался. Смотрю, старуха идет с ведром черники или земляники, не помню. Я её остановил. Торговала она здесь сегодня.

– В четыре часа ночи? – недоверчиво спросил Мациевский.

Охранник пожал плечами.

– Ну а что такого? – сказал он. – Трафик на шоссе есть. На аэропорт же дорога. Значит, и навар есть.

Ксения с прищуром посмотрела на охранника. Она как-то с сомнением относилась к бабушке, торгующей посреди но-

чи на шоссе черникой. Это отдавало какимто фильмом ужасов, прямо скажем.

– И? – допытывался Мациевский. Охранник снова почесал затылок.

– Да ничего, – сказал он, – мы её допросили. Она всё со спины видела, так что мы её отпустили.

– Вы ополоумели! – воскликнула Ксения. – Кто же свидетелей отпускает? Где вас только берут таких? Где ваша торговка фруктами?

Охранник заморгал.

– Да я же адрес её записал, – сказал он, – она живет в километре отсюда, вот.

Парень протянул бумажку. Ксения стиснула зубы за полужакрытыми губами.

– Ладно, – сказала она выдохнув, поехали покажешь, что там за бабушка с черникой.

* * *

Машина Рауша, скрипя мотором, выехала с места происшествия и взяла на север по Симферопольскому шоссе. Взяли только одного охранника, со вторым оставили Мациевского.

– Итак, подошла сотрудница, – продолжила допрос Ксения, – дальше.

– А дальше ничего, – заявил охранник, – подошла девуш-

ка с погонами сержанта, попросила предъявить документы.

– А вы откуда это знаете? – спросил Рауш. – Телепатия?

– Да нет, – бросил охранник, – у боса в машине был микрофон, так, на всякий пожарный. Бос в машине никогда переговоров не вел, только радио слушал.

– Ясно, – кивнула Ксения, – дальше.

– Девушка попросила предъявить документы, – продолжил охранник, – сначала у Кости, водителя, а потом постучала в пассажирское стекло, взяла у босса документы, чего-то их покрутила, вернула, потом козырнула и пошла по своим делам.

Ксения усмехнулась и покачала головой.

– Красиво, – хмыкнула девушка, – ничего не скажешь. То есть когда Урусов опустил стекло, она его бьет кинжалом, затем убивает шофера и возвращает документы уже мертвецам, лихо. А Урусов перед смертью ничего не говорил?

– Пстойте, постойте, – пробормотал охранник, – он сказал: неужели ты? Вот мы дурни, сразу-то внимания не обратили. Ах, знать бы сразу.

– Да ничего бы вы не сделали, – ровно ответила Ксения, – она просто вас положила бы рядом с Урусовым. Это хорошо, что вы живы.

И с информацией, добавила она про себя. Она почти угадала: Урусов действительно узнал убийцу. Он был с ней знаком. После гибели Александры особых вариантов не было? Но не Эльмира же Сабурова? Русакова была в Женеве, у неё

был Кристинин швейцарский друг, как там, бишь, его? Флориан! Правда, конечно, она могла долететь до Кранцберга... Ага, и на чём же? На истребителе?

– А кто гаишников мёртвых обнаружил? – осведомился Анатолий. – Тоже вы?

Охранник снова закивал.

– Ага, – рассеянно подтвердил он, – мы, когда подошли, увидели сразу туда побежали. Девка-то оттуда вышла, из будки. Вбегаем, а там два трупа.

Рауш многозначительно посмотрел на Ксению в зеркало заднего вида.

– Слушайте, – тихим голосом произнес он, – это же кем надо быть, чтобы действовать с такой наглостью?

Авалова флегматично пожала плечами.

– Охотницей, – сказала она.

Машина затормозила метрах в ста от нужного дома, чтобы лишний раз не светиться. Ксения выбралась из салона, вдохнув свежий морской воздух. Место, куда они приехали, было одной из небольших деревенок, разбросанных по округе, которые видом своих потрепанных домов напоминали о давно и безвозвратно ушедшей эпохе социализма и коллективизма. Теперь каждый был сам за себя.

Ксения подошла к нужному дому. Зрелище было специфическое. Покосившийся, наполовину вросший в землю длинный сруб с торчащей в разные стороны соломой вместо крыши. Окна и двери были забиты массивными досками.

Здесь явно никто не жил.

Ксения вздохнула носом воздух и воззрилась на охранника.

– Ну, где твоя старуха? – спросила она. Парень испуганно пожал плечами.

– Вот диво, – пробормотал он, – она мне этот адрес называла, точно. Сказала, что целый день будет здесь. Говорила, что ей варенье варить надо.

– А потом на вертолете морской пехоты США улетела? – язвительно осведомился Рауш.

Охранник снова пожал плечами.

Что же, было понятно, кого они видели. Удивительно всё-таки, с какой легкостью интересующая их девица перевоплощается и может оказываться в самых разных местах.

– Пойдем всё же глянем, – бросила Авалова, – кто здесь живет.

Ноги путались в высокой, давно не скошенной холодной траве. Ксения на всякий случай щелкнула предохранитель на браунинге.

Одна дверь всё же обнаружилась, с другой стороны.

Они вошли внутрь.

Человеческим жильем это назвать было сложно, по крайней мере по современным стандартам. Вместо пола разбросанная солома. Посередине деревянный столик с приставленным венским стулом. На столике догорающая свеча.

– Прямо декорации дома с приведениями, – заметил Ра-

уш, – может бомжи?

Ксения фыркнула.

– Наверяд ли, – бросила девушка, подходя ближе к столу. В тусклом свете она вначале не заметила, что возле ножки стоит спортивная сумка.

– Ну-ка поднимите, – распорядилась Авалова.

Рауш аккуратно взял сумку, поставил на стол и резко растянул сумку. Там лежала милицейская форма, на белой светодиодной наклейке жилета виднелись бурые пятна.

– Что и требовалось доказать, – усмехнулась Ксения, – она была здесь. В этом доме она ждала цель. Затем уже переодевшись в старуху, вернулась и оставила форму.

– Ну да, – сказал охранник, – я эту сумку помню. Она на неё указала, мол, черника там. На сумке ещё стаканчик стоял.

– И сумку вы, конечно, не проверили? – спросила Ксения.

– Да нам не до того было, – воскликнул охранник, – мы и не сообразили даже!

Обвинять его было глупо, решила Ксения, всё было рассчитано идеально. Даже она начинала испытывать нечто вроде профессионального уважения к степени подготовки этой девицы. Она действительно не делала ошибок.

– Установили, кому принадлежит дом? – окликнула она Рауша.

Макс покачал головой.

– Да откуда? – воскликнул он. – Это же надо в сельсовет

идти.

Ксения ожгла его взглядом.

– Ну так сходите, – небрежно бросила она, – узнайте, что за старуха здесь живет!

Рауш мрачно сдвинул брови. Ксения уже поняла, что он не любит, когда его понукают, но сейчас произошедшая ситуация вызывала в её сознании бурю раздражения от собственного бессилия, и надо было дать волю эмоциям. В разумных пределах.

Рауш что-то пробурчал и, забрав с собой охранника, вышел из дому.

Больше всего Ксении сейчас хотелось побыть одной.

Одной ей легче думалось.

Не торопится ли она? Ну нашла она милицейскую форму, и что? Может, та девица действительно проверяла документы, а киллер появился уже потом? Да нет! Тогда её труп должен лежать вместе с двумя другими в будке ГАИ, да и времени прошло слишком мало. Машина простояла минут пять-семь, и до неё никто не подходил больше. Охранники говорят, что Урусов удивился. Значит, убийцу он знал в лицо. Но кто же тогда это? Если это женщина, то точно не может быть Верховский. Александра убита. Эльмиру Сабурову должна была забрать Наташа. Оставался самый логичный вариант. И самый убийственный. Да, теоретически у Анастасии имелись возможности всё это проверить и быть уверенной, что её не будут подозревать. Их убийца крайне изоцирена. У неё

столько масок, что под ними может скрываться кто угодно.

Ксения мотнула головой. Ей отчаянно не нравилось, что им всё время подкладывают подозреваемых. Они начинают на них тратить время, а после того, как становится понятно, что данный персонаж не причём, тогда его убирают. Несомненно, что следующей жертвой может стать кто-то из этой сладкой парочки. Верховский–Урусова. Вопрос – кто?

Ксения развернулась на звук скрипнувшей двери. Вошел Рауш. Вид его был такой, словно бы он только что получил обухом по голове.

– Что? – осторожно спросила Ксения. Рауш пожевал губу.

– Я даже не знаю, как сказать, – начал он, – этот дом принадлежал Анне Георгиевне Урусовой.

– Это родственница? – уточнила Ксения. Рауш кивнул.

– Мать, – сказал он, – она умерла два месяца назад, а дом завещала не сыну.

Ксения сделала удивленную гримасу.

– Внучке, – кивнула она, – интересно. Нет, ну это бред. Если она такой профессионал, то не может не понимать, что мы бы установили этот факт.

Рауш пожал плечами.

– А что это нам дает? – спросил он. – Теоретически это может быть и случайностью. Мы ведь в суд не пойдем с этим. Но факт, согласитесь, убийственный. Только вот есть ещё одно обстоятельство.

– Какое? – спросила Ксения.

– Анастасия Урусова вылетела в Швейцарию вчера утром, – объявил Макс.

Ксения надулась. Действительно, новости.

– Даже так, – сказала она, – значит, Анастасия Николаевна тоже хочет разобраться в этой истории.

– Почему вы так думаете? – спросил Рауш. Ксения улыбнулась.

– Потому что в Швейцарии живет последняя участница событий её юности – Светлана Русакова. И она знает, что-то, что не знаем мы.

Определенно это так, решила девушка. Почему же не звонит Кристина? Что с ней случилось опять?

– Но ведь она могла и вернуться, – не унимался Рауш, – могла ведь и до Менска долететь или до Варшавы. А потом сюда! Пока проверишь, кто и где, вагон времени уйдет, а алиби есть.

Ксения, закрыв глаза, задумалась. Несмотря на то, что она сама и вбросила эту версию, она не могла в неё поверить до конца. Ну не могла она представить Анастасию в роли убийцы. Не тот типаж. Неужели она даже её обманула?

Даже тебя, передразнил внутренний голос, а как же Верховский? Разве он тебя не пытался так же завлечь? И ты почти отдалась ему. Почему же ты думаешь, что Урусова тебя не обманывает?

На этот вопрос у Ксении Аваловой ответа не было.

Ехали всю ночь без остановки. Остановились только поздним утром возле небольшой деревушки, на границе с Польшей. Скорость, вот что было главным в их деле. Особенно Наташе стало это понятно после новостей. Игры закончились, начинается финал. Ей нужно было перевезти Эльмиру и девочку через границу и сделать так, чтобы их никто не нашёл, пока не уладится ситуация. Если она уладится, поправила себя девушка.

Сейчас они с Алексеем сверялись с бумажной картой. Ввиду возможных засад нужно было держаться подальше от шумных трасс и не пользоваться спутниковой навигацией. Они покинули Кранцберг, а значит, Ксения и её ребята помочь ей уже не могли.

Кивнув спутнику, Наташа подошла к машине и заглянула в салон.

– Не хотите с девочкой подышать свежим воздухом? – предложила она Эльмире.

Сабурова кивнула. Она уже порядком устала от свалившихся на них событий. Надев на Марту серый плащ, девушка выбралась из автомобиля на прохладный утренний воздух.

– Где мы? – спросила Марта любопытным голосом маленькой девочки, которой одной нравились приключения в силу её возраста.

Наташа окинула её взглядом.

– Название вам всё равно ничего не скажет, – бросила де-вушка, – да и неважно это, до места нам добираться ещё ча-сов пять-шесть или около того.

Она специально решила не сообщать «спасенным» ни ме-сто, куда они их везут, ни маршрута, хотя, впрочем, и марш-рута не было. Они специально плутали в разные стороны. Беглецы всегда так делали, сбивая со следа собак, правда, это не относилось к автомобилям. Ну да ладно, там поглядим.

– А почему мы заехали в такую глушь? – спросила Эльми-ра, – разве нельзя было ехать вблизи от человеческого жи-лья?

– Вы нам не доверяете? – осведомилась Наташа. – Впро-чем, если это вас так интересует, то оказаться рядом с чело-веческим жильем может быть вредно для здоровья.

Сабурова понимающе усмехнулась.

– Значит, вы не скажете, куда мы едем? – утвердительно спросила она.

Наташа кивнула.

– Конечно, не скажу, однако замечу, что ваши неприят-ности на девяносто процентов уже позади. Это должно вас радовать.

Скрипя сухой землей, к беседующим подошел Соболь.

– Ещё километров тридцать с этой дороги не свернуть, – бодро сказал он, – здесь две грунтовки, одна на ферму, дру-гая на мельницу, но там везде тупик. Так что только прямо.

Наташа кивнула.

– Полагаю, что мы выждали достаточно, следы путать бесконечно нельзя, – сказала девушка, – поехали.

Они снова сели в машину. Минут пятнадцать ехали в молчании. У Наташи отчаянно слипались глаза. Шутка ли. Восемнадцать часов на ногах. Но спать было нельзя. Сон смерти брат, как говорят бывалые.

– Не подумайте, что я не верю, – нервно бросила Эльмира, – однако я, признаться, не понимаю, за что вы воюете? Мне хочется знать.

Покровская обернулась. Нашла время, называется.

– Я не воюю, я дерусь, – бросила девушка, – воюют по приказу. Мне приказы никто не отдает. По крайней мере в этом деле.

– Значит, вы тоже боретесь за справедливость? – почти с надеждой спросила Эльмира.

Наташа скривила губы в улыбке.

– Вы уже поборолись, будет с вас, – сказала она, и другим бороться не советую. От этого ничего хорошего не будет. Мы за ваши жизни боремся. За вашу и за жизнь вашей девочки, если, конечно, вам будет лестно такое определение.

– Но вы же нас не знаете? – возразила Эльмира. – Как вы можете ставить на кон всё ради незнакомых людей?

Наташа повернула голову к ветровому стеклу.

– Позвольте мне не отвечать на этот вопрос, – сказала она, – вы достаточно умны, чтобы сами всё понять. Главное

для вас, что мы не люди Арсенюка или Тополевича и что ваши неприятности позади, – девушка настороженно дернулась, – ну или почти позади.

Внезапно Алексей резко затормозил машину, от чего пассажиров чуть не выбросило наружу.

– Что? – испуганно спросила Эльмира – что-то...

– Тихо, – оборвала её Наташа. Минуту они сидели молча.

– Перекрывают дорогу, – досадливо сообщил Соболев, – опоздали на каких-то пять минут.

Наташа флегматично в ответ пожала плечами.

– А есть разница? – бросила она. – Уже опоздали.

– Что, назад? – предложил Соболев. Наташа качнула головой.

– Скорее всего у нас сзади уже есть хвост, – сказала она, – сам говорил, что кругом тупик. А лес прочешут.

Эльмира переводила взгляд с Алексея на Наташу.

– Что же нам делать? – спросила она. – У вас что, не было плана для такого случая?

– Сказать вам честно? – усмехнулась Наташа. – У нас вообще не было плана. Импровизация наш конек. Вот и будем импровизировать.

– Что вы задумали? – поинтересовался Соболев.

Наташа пожала плечами.

– В такой безвыходной ситуации нам остается только одно, – хитро сказала она, – сдать.

– Таков план? – неуверенно переспросил Соболев.

Покровская кивнула.

– Да, – сказала она, – отдадим нашим друзьям то, что они так хотят получить.

Услышав последние слова, Эльмира резко дёрнулась и попыталась вырваться из машины.

– Сидеть тихо! – прикрикнула на неё Наташа. – Не волнуйтесь. Как мы вас сдадим, так и заберем назад. У Захарова получилось. Получится и у нас.

Эльмира перестала дергаться, но в глазах бегала тревога.

– Хотелось бы верить, – сказала она, – вы точно знаете, что делаете?

Наташа улыбнулась.

– Я никогда ничего не знаю точно, в этом прелесть нашей жизни.

Её всегда успокаивала самоирония.

* * *

Девочек оставили на попечении адмирала. При нём им будет куда как безопаснее, пока не найдется вариант их встречи с родителями. Кристина только не знала, когда наступит это «пока». Впрочем, Рид человек дела, если он сказал, что сможет, значит, сможет. Она должна заниматься своим делом. Если она распутает этот клубок лжи, тайн и уверток, который отдавал ещё и явной чертовщиной, то и девочки бу-

дут в безопасности.

Кристина ободряюще улыбнулась спутникам. Наталью Понарину они со Штильхартом прихватили с собой. Она видела ту злосчастную машину и может её опознать, хотя Кристина пока не очень понимала, что это даст.

– Ты можешь сообщить, почему ты оторвал нас от вкуснейшего обеда? – любезно поинтересовалась она.

Штильхарт бросил косую улыбку.

– Звонил Фабиан, – сказал он, – ты не поверишь, но та машина была взята в прокатном агентстве. Фабиан проверил номер, спасибо нашей свидетельнице.

– Не уверена, что рассмотрела правильно, – осторожно сказала Наташа, – к тому же столько времени прошло.

Если судьба один вход закрывает, то сразу открывает другой. Это Кристина прекрасно знала. Впрочем, их поиски автомобиля могли оказаться пустой погоней за миражом, как и сам автомобиль.

– Почему всё-таки вас так удивило нахождение Александры за рулём, – спросила Кристина, – вы ведь сами говорили, что не тесно общались, могли и не знать?

Наташа замялась.

– Вы знаете, – сказала она, – да, мы не тесно общались, но в у нас коллектив студентов всегда маленький, и мы друг о друге многое знаем. А Шурочка, знаете, даже как-то демонстративно отказывалась от машины. Всегда ездила на общественном транспорте. Говорила, что это быстрее и удобнее.

– Значит, вы не думаете, что Александра могла пойти здесь в автошколу? – спросила Кристина.

Наташа пожала плечами.

– Да нет, – сказала она, – здесь же сложно получить права. Да и зачем, когда дома можно. Я вот так и сделала, и многие ребята, которые у нас учатся, тоже.

– А вы разговаривали с ней на эту тему? – продолжала любопытствовать Кристина. – Или даже не спросили?

– Да стало не до того, – бросила Наташа, – ведь после убийства Чилуэллов их всех, ну девчонок, стали в полицию таскать. Вы знаете, я бы сама не вспомнила, если бы не один дурацкий случай.

– Какой случай? – напряглась Кристина. Наташа задумалась.

– Да как вам сказать. Я тогда подавала документы на продление учебной визы. Выхожу из ОСРМ, смотрю, Шурочка стоит. Я ей машу, а она ноль внимания, и стояла она опять возле этой машины. Я ей снова машу, она опять не видит. А потом к ней мужчина подошел. Высокий, презентабельный, и конверт протянул, запечатанный. Она после этого в машину шмыг и уехала.

– А мужчина? – спросила Кристина.

– Постоял минут пять и пошел, – сказала Наташа, – от него ещё разило таким, знаете, приторным запахом духов. Я ещё подумала, ну и вкусы у Шурочки.

Сигареты с приторным запахом, промелькнуло в голове

Кристины. Она ощущала этот запах на встрече «Лиги честности», когда зашла в зал. Вот только чей это был запах, она сказать не могла. Неужели Александра встречалась с кем-то из этой троицы? Точнее, даже пары. Такими духами может пользоваться или Адашев, или Арсенюк. Значит Александра связана с ними?

Стоп, сказала она себе. Не делай поспешных выводов. Мало ли приторных запахов. Вон Флориан, иногда таким надушитесь, что хоть противогаз надевай. Нет, это всё догадки, а нужны настоящие улики.

Пункт проката находился за городом. На северной стороне. Тихонькое местечко для обеспеченных людей, которые хотят прокатиться с комфортом. Почему Александра поехала сюда? Неужели нет мест подешевле, где можно снять машину?

Менеджер не сразу понял, о чем идет речь, и очень удивился, когда ему сообщили, что ищут автомобиль десятилетней давности. Впрочем, тут же залепетал, что уж в его хозяйстве точно есть все сведения об арендаторах. Затем он чинно удалился и вернулся минут пять спустя с толстой папкой под мышкой.

– Удалось что-нибудь выяснить? – спросил Флориан Мужчина кивнул.

– Да, действительно, – сказал он, – Александра Рыкова. Брала у нас синюю «Ауди» сроком на три недели.

– А кто сдавал ей машину? – поинтересовалась Кристина

раньше Флориана.

– Я, мадемуазель, – сказал мужчина, – я здесь сдаю автомобили уже пятьдесят лет. И помню всех своих клиентов.

Он, вероятно, был очень оскорблён недоверием.

– Очень хорошо, – проговорила Кристина, – а вы могли бы узнать её?

Девушка положила перед мужчиной снимок Александры и ещё несколько фотографий.

– Скажите, среди этих девушек есть та, которая брала машину? – спросила Леонова.

Мужчина надел очки и стал вглядываться.

– Нет, – сказал он, – определенно нет. Та девушка была совсем другая. Брюнетка с большими глазами. Красивая такая, но лицо очень холодное и взгляд такой тяжелый.

Почему-то Кристина не удивилась. Она так и думала, что будет ещё какой-нибудь сюрприз. Машину брала не Александра и вообще не кто-то ещё из их компании. Это говорит прокатчик, и он прав. Кристина не чувствовала в его словах лжи. Наташа говорит, что за рулем видела Александру и тоже не врет! Какой ей смысл? Оба были правы! Оба правы быть не могут.

– А она вернула машину? – вступил Штильхарт.

Продавец фыркнул.

– Вот то-то и оно, что нет, – сказал он, – как в воду канула. Я в полицию, а мне, представьте, там и говорят, что нет такой девицы в стране.

– Как это? – не поняла Кристина.

– А вот так, – хлопнул в ладоши мужчина, – девица-то не свой паспорт давала и никакая она вовсе не Рыкова, а Рыкова-то совсем другая была. Когда адвоката того английского убили, Рыкову эту по телевизору показывали. Совсем не такая она.

Кристина задумалась. Зачем же кому-то понадобилось называться именем Александры и подделывать её паспорт? Вряд ли просто для того, чтобы взять напрокат машину.

– Ничего не понимаю, – пробормотала Наташа, – нет, ну я точно помню, что видела Шурочку за рулем. Я не могла ошибиться.

Кристина пожала плечами.

– Но ведь вы сами говорили, что она на вас не обратила внимания, – произнесла девушка, – может быть, кто-то просто изображал из себя Александру? Как считаете?

Наташа задумчиво пожевала губу.

– Нет, ну я не думала о таком варианте, конечно, – сказала она, – да и зачем кому-то делать такое?

– Вот именно, зачем? – задался вопросом Штильхарт, – даже если не брать пластическую хирургию, то даже просто загримировать человека, чтобы сделать идеальную копию, очень сложно! Внешность – это полдела. Нужно натаскать человека. Манеры, повадки, тембр голоса, жестикуляция. Для этого нужна какая-то потрясающая цель. Какая-то сверхзадача. Что в лице Александры такого, что можно было

взяться за такое трудоемкое дело?

Кристина усмехнулась.

– Боюсь, рассуждая об этом, мы бы только сломали себе голову, – сказала она, – проще раскрыть убийство Чилуэллов. Стоп!

Девушка хлопнула себя по лбу.

– Что? – не понял Штильхарт.

– Чилуэлл, – сказала Кристина, – вот зачем им понадобился двойник.

– Не очень понимаю, – сказал Флориан.

– Признаться, я тоже, – решила поддержать его Наталья.

– Да как же!?! – удивилась Кристина. – Александра была вхожа в дом Чилуэллов, но при этом не имела ни малейшего повода убивать его. Никому и в голову не пришло бы её подозревать. Её лицо идеальное прикрытие.

– Ага, – кивнул Штильхарт, – а в то время, пока двойник убивал Чилуэллов, настоящая Александра была с Верховским.

– Именно, – сказала Кристина, – поэтому всё и свалили на Чилуэлла-младшего.

Понарина нахмурилась.

– Да нет, – сказала она, – меня бы они не одурачили. Я знаю эти фишки, как в фильме «ТАСС уполномочен заявить». Я видела её как вас, а поведение, манеры – всё было другое.

– Значит, одурачили, – констатировала Кристина, – а воз-

можно, вас именно поэтому и хотели убить. Вы могли выудить из памяти эту историю, что, собственно, и сделали. Кое-кому этого не хотелось.

– И всё же это была Шурочка, – сказала Наташа, – я не могла её ни с кем спутать.

Она говорит уверенно, поняла Кристина, но ведь она не физиономист, чтобы так утверждать. А даже если и так. Существует масса способов сделать идеальную копию. Почти идеальную. Поскольку Наташа заметила изменения в её поведении.

– Но если это такая идеальная копия, – сказал Штильхарт, – тогда куда она делась потом? Ведь если это она совершает убийства сейчас, то...

Кристина бросила на Флориана мрачный взгляд. Она поняла, к чему он клонит. Если они тогда сделали копию из Александры, то и сейчас они могут сделать копию из кого угодно. А значит, под подозрением каждый.

* * *

Анастасия балансировала на грани сознания. Известие о смерти отца она встретила с каким-то маниакальным спокойствием, словно уже ничто, никакая трагедия не могла её задеть. Она находилась как будто под действием сильного наркотика, который полностью подавил её личность и всякое сопротивление обстоятельствам. Наверное, именно так схо-

дят с ума, – подумала девушка.

Открыв глаза, Анастасия обнаружила себя лежащей на собственной кровати. Она была полностью одета и даже в обуви. Вероятно, когда она пришла сюда, то сразу грохнулась на кровать и уснула. Когда это «когда» именно было, она точно сказать не могла. Равно не могла она определить, и какой сейчас день, час или даже время года.

Снизу, вероятно из кухни, доносился звук шипящего масла. Звук этот сначала изрядно напугал девушку и лишь потом она вспомнила, что в доме не одна.

Кое-как приведя себя в порядок, насколько это позволяло её душевное состояние, она спустилась вниз. На кухне возле плиты стояла Светлана и жарила яичницу. Присутствие подруги сразу потянуло мысли о Шурочке, о том, что она ещё несколько дней назад так же стояла у плиты, только там, в Кранцберге. А теперь её нет, и не будет больше никогда. Тогда им казалось, что это всё так, пройдет. Да, есть какая-то мифическая угроза, но она где-то далеко...

Не прошло. Анастасия сначала похоронила подругу, а теперь должна хоронить отца. Кто следующий? И какой будет её смерть?

Шурочку они взорвали, отца зарезали. Как её убьют? Может, это и есть её судьба? Может быть, ей не противиться? Может, она этим спасет остальных?

– Эй, – Света щелкнула перед ней пальцами, – ты где? Вечно жизнерадостный голос Русаковой заставил отступить

оцепенение, на время.

– Прости, – сказала Анастасия, – задумалась. Ты знаешь, – она обвела ладонью кухню, – а вот мы с Шурочкой тоже у меня на кухне разговаривали, строили планы, гипотезы. А потом...

Света нахмурилась.

– Стоп, – сказала она, – прекрати себя изводить! Так и до психушки дойти недолго.

Анастасия кисло усмехнулась.

– Прекрасный совет от юриста, – заметила девушка, – если ты мне ещё покажешь, как перестать изводиться, то мне совсем станет хорошо.

Светлана естественным движением переложила яичницу со сковородки на тарелку.

– Ты должна полностью абстрагироваться, – сказала она, – я вижу, что тебя волнует каждый шорох, каждый стук. Не обращай на это внимание, относись к тому, что с тобой происходит, как к чему-то естественному, что бы ни происходило.

– Даже если опасность грозит твоим близким? – спросила Анастасия.

Света кивнула.

– Да, – сказала она, – ты должна решать сама, как лучше ты им можешь помочь. Если ты будешь убивать сама себя, то им не поможешь. Ты только облегчишь работу тому, кто хочет тебя убить.

Анастасия вздрогнула. Слова Светы пробежали по её моз-

гу, словно струя водопада залила бушующее пламя.

– Убить? – переспросила она.

Светлана вновь коротко кивнула, практически не делая других эмоциональных движений.

– Да, – сказала она, – вероятно, у этого человека такая цель, и вряд ли он остановится. Всё просто.

Анастасия отвлеченно посмотрела в открытое окно. Где-то за оградой раздавался звук садовых ножниц. Кто-то из соседей подстригал кусты.

– Да уж, – флегматично сказала она, – особенно, когда ты мне это объяснила. И что же мне делать? – спросила Анастасия, и в комнате на некоторое время воцарилась тишина.

– Ты должна сама найти его, – сказала Светлана, – но прежде чем ты найдешь его, ты должна быть морально готова к этой встрече, ты должна сама восстановить в себе равновесие, которое ты утратила тогда в Женеве. Ты правильно решила, что нужно отыскать Томаса, я предполагаю, что эта встреча даст тебе ответы на многие твои вопросы, которые тебя терзают.

Анастасия отвернула лицо в сторону. Сейчас она была на распутье. С одной стороны, она сама тысячу раз говорила себе эти слова, а с другой, ей претила сама мысль о том, что она сможет ещё раз увидеть того, кого она считала виноватым во всем, что произошло.

Но того ли она обвиняет? Не правильнее было бы обвинить человека, который тогда влетел в её тихую, размеренную жизнь и все последующие годы заставлял её сердце раз-

рывать на части? Любовь не выбирают, – повторила она мысленно чью то фразу, – она сама поражает нас. Что мы все можем противопоставить этому чувству и разве не самое прекрасное оно на земле? Сейчас, даже мимолетно вспомнив, что она испытала тогда, девушка твердо знала, что не поступила бы иначе, даже зная последствия. Это правда. Нужно всё расставить по своим местам.

Она открыла глаза (когда, интересно, она успела их закрыть?) и обнаружила, что голова болеть перестала и пропало её постоянное смятение. Она потрясла головой.

Остаток завтрака прошел в легкой непринуждённой беседе. Закончив трапезу, девушки быстро собрались и покинули дом.

Садясь в машину, Анастасия уже точно знала, что она будет делать.

* * *

Звонок от Верховского не оказался большой неожиданностью. Ксения знала, что молодой человек позвонит ей. Вот только содержание разговора немного не соответствовало её ожиданиям. Верховский за три минуты даже не обмолвился об убитом Урусове. Вряд ли он не знал о случившемся несчастье. Каких-то сожалений или оправданий Ксения не ждала, хотя именно Верховский организовал их встречу. Этот молодой человек играл в какую-то одному ему понятную игру.

Игру наверняка опасную. И по своему обыкновению он не собирался делиться ни с кем своими планами. Ксения уже это поняла.

«Именно поэтому он тебя так привлекает», – зазвучал внутренний голос.

Ксения вновь постаралась прогнать лезущие откуда-то непонятные мысли. О чём-то таком, что она совершенно не чувствовала.

– И не надейся, насмешливо проговорил голос, *против хити не попрешь.*

Через полчаса она вновь была у этого злополучного дома. Парней брать не стала. Была такая мысль, но Ксения её выбросила. Ещё решит, что я его испугалась.

Сегодня Верховский открыл сам. Он был небрит, несвеж и, вероятно, несколько переборщил с алкоголем прошлым днем. Ксения никак не ожидала увидеть его в таком виде.

– Проходите, Ксения, – сказал он, – я ждал вас.

– Почему-то я не удивлена, – сказала девушка.

Верховский мимолетно улыбнулся. И на мгновение к нему вернулась прежняя живость.

– Занятно, – произнес Александр, – мне казалось, что после нашего с вами расставания вы будете меня избегать.

Ксения сохраняла спокойное выражение лица. Интересно, это было сожаление или ирония?

– Я стараюсь не обращать внимания на такие вещи, – сказала она.

– На самом деле я должен извиниться, – сказал Верховский, – это была недопустимая слабость с моей стороны. Но вы мне необъяснимым образом симпатичны. Как знать, встретиться мы в другой жизни, наверное, мы могли бы стать друзьями или даже больше.

Теперь точно сожаление, усмехнулась про себя Ксения, какие мы, однако, оказывается чувствительные. Ей даже как-то стало льстить, что она вызвала у Верховского такие эмоции.

– Польщена, – сказала Ксения, – однако вы ведь меня не только для этого пригласили. Думаю, что вам есть что мне рассказать.

Сегодня она не была настроена позволять морочить себе голову. Прошлого раза хватило. Но и раскрывать все козыри она не спешила. Козыри раскрывать раньше положенного вообще не надо. Она не будет озвучивать, что ей известно, что это Александр стоит за разработкой препарата. Она была уверена, что Верховский имеет сразу несколько вариантов для ответа. Слушать их Ксении было неинтересно.

– Вы обещали держать меня в курсе, – сказал Верховский.

– Не помню, чтобы давала такие обещания, – бросила Ксения.

Александр некоторое время просто стоял и смотрел на неё, словно бы вновь изучал, как тогда в ресторане. Но всё же что-то другое было в его взгляде. Какая-то потерянность. Словно бы кто-то вытягивал из него все жизненные соки.

Она играла с опасным противником.

Секундой позже молодой человек прошел к высокой черной библиотеке, где был спрятан сейф. Ксения заметила это ещё во время своего прошлого визита.

– Удивительно, – сказал Верховский, – но я почему-то все время думаю, что именно вы раскроете это дело. Поэтому я вам хочу помочь.

– Так же как вы помогли Урусову? – поинтересовалась Ксения.

– Неужели вы думаете, что я настолько глуп, чтобы так подставиться? – вопросом ответил Верховский. – Я бы придумал вариант гораздо хитрее.

– Куда уж хитрее, – парировала Авалова, – неуловимая убийца, которая ликвидировала Урусова, использовала для прикрытия дом Анастасии Николаевны, который достался ей от покойной бабушки. Её кто-то очень хочет подставить, а такие детали может знать только очень близкий человек. Не вы ли это, Александр Владимирович?

Верховский мягко улыбнулся.

– Я вас разочарую, – сказал он, – я не знал про этот дом. Возможно, Анастасия получила его в тот период, когда мы с ней не общались. К тому же у меня не было мотивов убивать старика Урусова. Мы с ним были в одной упряжке. Меня они так же хотят подставить.

Ксения опустила в кожаное кресло.

– Предположим, что я вам поверю, – сказала девушка, –

но где этому доказательства? Несмотря на ваши предположения, против вас никаких акций не проводится.

Верховский стоял в недвижимой позе, внимательно сканируя Авалову взглядом.

– Проведутся, – ответил он, – в самое ближайшее время. Вот это я получил сегодня по почте.

Александр продемонстрировал зажатый в руке компьютерный диск.

– Этой штукой меня пытаются шантажировать, – коротко сказал он, – здесь вымыслы, домыслы, помыслы, слухи, сплетни. Всё, что нужно, чтобы испортить мне жизнь. Хотите взглянуть?

– Вряд ли я увижу что-то интересное, – сказала Ксения, – предполагаю, что это некий синопсис о вашей корпорации. Ну, там история становления, номера счетов в офшорных банках, список крышевавших вас чиновников. Ничего опасного, пока про тебя не начинают трепать на всех телеканалах. Да и к тому же господин Верховский никогда не был замешан в каких-либо темных историях официально. А вот из разговора с покойным Урусовым становится понятно, что бизнес, ну или начальный капитал для бизнеса, господин Верховский получил от господина Тополевича. Превращение успешного молодого бизнесмена и ученого в заурядного растаскивателя госсобственности – одного этого уже достаточно, чтобы испортить вам все дела. Вот только господин Верховский не уверен, что за этим стоит «Лига честности».

Почему?

– Не могу сказать точно, – произнес Верховский, – не знаю, но у нас что-то происходит. В моем окружении что-то... или кто-то. Информация, которая на этом диске, была доступна только нескольким людям.

Ксения заинтересовалась.

– Действительно? – спросила она. – Анастасия Урусова входит в их число?

Верховский покачал головой.

– Прямо нет, – сказал он, – но они так близко общались с Шурочкой, что я не знаю, может быть, она могла что-то ей рассказать. Поймите, у меня нет никаких данных, но кто-то за мной следит, подглядывает. Он знает каждый мой шаг.

Ксения поджала губы.

– Вряд ли это можно считать за стоящую информацию, – вздохнула девушка, – вы сами не знаете, чего хотите, Верховский. То вы просите оберегать Анастасию, то непрозрачно намекаете, что сами подозреваете её. Ведь подозреваете?

Александр помрачнел.

– Да, – сказал он, – как это не покажется дико. Поймите, я не знаю, что со мной происходит. Я иногда просыпаюсь и сам не понимаю, проснулся я или нет. Знакомы с таким ощущением?

Авалова кивнула.

– Это называется сонный паралич, – сказала она, – когда наши сны смешиваются с реальностью. Но боюсь, у меня нет

возможности на такую роскошь. Я милиционер, а милиционер – это участник борьбы добра со злом. Только вот сейчас добро куда-то пропало, а зло борется с ещё большим злом. Вот я и ломаю голову, куда приткнуться. Поэтому вряд ли я смогу вам показать, как глубока кроличья нора.

Верховский пригубил виски. Судорожно сглотнул.

– На самом деле неважно, – сказал он, – мне кажется, что нарыв вот-вот вскрыется сам по себе. Больно располагает к этому ситуация. Вот тогда и вам придется выбрать чью-то сторону. Я хотел вас спросить, вы что-то нашли, там, в клубе?

Ксения кивнула.

– Нашла, – сказала она, – Кирсанова зашла туда, куда не следовало, и увидела то, что не следовало, поэтому её поймали и убили. Искренне надеюсь, что не вы причина этому.

Александр помотал головой.

– Бедная девочка, – сказал он, – мне нужно было пойти с ней, всё могло бы закончиться по-другому.

Верховский опять поменял образ. Стал похож на жалеющего весь мир романтика. Он был словно стекляшки в калейдоскопе. Все время перескакивал с темы на тему, но Ксения научилась распознавать его образы. Вот только пока не могла понять, какой из них настоящий. Она могла бы, наверное, развернуть разговор в какую-то иную стезю, но полагала, что ей лучше подыграть Верховскому. Она понимала, что разговаривая с ней, он прежде всего думает о своих интере-

сах, но и в этой ситуации она могла получить немало. Однако почему же все-таки он так тянется к ней, вот это было ещё одной загадкой.

– У вас нет предположений, про кого говорит Кирсанова? – спросила Ксения.

– Нет, – сказал Верховский, – но я долго думал об этом и полагаю, что я знаю человека, который может помочь понять это.

– Кто он?

– Художник, – сказал Верховский, – ребята из моей службы безопасности установили, что это он сделал поддельные паспорта, ну, те самые.

Ксения насупилась. Занятно, значит, пока они носом землю рыли, Верховский взял и отыскал. Впрочем, когда у тебя горит земля под ногами...

– Я договорился о встрече с ним, – продолжал Верховский, – но мне бы хотелось, чтобы вы поехали со мной. Это ведь может оказаться полезным. Не правда ли?

Он снова поменял образ. Хотя если бы его сейчас услышал Рауш, то определенно бы сказал, что Верховский отводит от себя подозрение. Может быть, может быть. В конце концов, как говорилось в известном фильме, в разговоре всегда запоминается последняя фраза. Возможно, Верховский думает, что она запомнит только то, что он пригласил её поехать к этому художнику, а в остальном сбил тему разговора, но неужели он настолько глуп, чтобы полагать, что запутает

её таким образом. Верховский кто угодно, но точно не дурак.

Ксения взяла орех.

– Я в деле, – сказала она, – поехали.

Если он так думает, пусть. В конце концов, она ничего не теряла, а здоровый риск – это её любимое занятие.

* * *

Хотя сей гениальный план пришел в голову ей, Покровская сильно опасалась, что ничего хорошего из него не выйдет. В лучшем случае их просто убьют. В худшем, – убьют с мучениями. Закавыка была в том, что другого плана не было. Расчет на внезапность и человеческие пороки. Все как всегда.

Их автомобиль въехал на территорию одного из тех коттеджных поселков, в которых любила селиться республиканская элита, то есть в таких, где каждый смотрит, на какой машине приехал, в каком ты костюме или платье, что за обувь на тебе, и где никогда не встретишь лицо из какого-то иного социального круга.

Соболь притормозил возле массивного кирпичного забора, за которым высился такой же массивный кирпичный дом.

Наташа похлопала молодого человека по плечу.

– Выходишь, открываешь капот, возишься, – коротко бросила девушка, – сигнал – как договорились, огонь открывать только в крайнем случае. Не появимся через полчаса, уез-

жай.

– Понял, – кивнул Соболев, – девочка на мне. Покровская кивнула в ответ.

– Естественно, – сказала она, – её тащить слишком рискованно. Всегда надо оставлять возможность для маневра. Даже в такой ситуации.

Эльмира недоверчиво хмыкнула.

– Почему вы так уверены, что ваш план сработает и вам поверят? – спросила она.

Наташа улыбнулась.

– Арсений трус, – сказала девушка, – хитрый, злобный, но трус, а для таких естественно предательство. На этом мы и сыграем. Повезет, выберемся. Алексей, надень на них наручники, для пушей убедительности.

Наташа выбралась из машины и, стараясь не запачкать туфли, направилась по узкой тропинке к воротам. Подойдя к домофону, девушка дважды вдавила кнопку звонка.

– Слушаю, – раздался голос.

– Здравствуйте, – светски поприветствовала неизвестного собеседника Наталья, – я старший следователь Покровская. Да-да, та самая, за которой вы гоняетесь, у меня есть подарок для вашего шефа, и если мы договоримся, то я с удовольствием вам его передам.

Ответа не последовало. Дверная калитка отворилась мгновенно. Наташа, глубоко вдохнув, зашла на участок, сделав знак Эльмире следовать за ней.

Они шли друг за другом по узкой дороге, мощенной серым камнем. Перед ними высился высокий трехэтажный особняк. Вот только ближе подойти не получилось. Из черной тени декоративных туй выскочили охранники в черных костюмах и помповыми ружьями наперевес. Ружья были немедленно наставлены на девушек.

– Не двигаться! – посоветовал один из охранников.

* * *

Охранники вежливыми манерами не отличались. Девушек грубо втолкнули в дом и грубыми окриками приказали следовать за ними. Бежать было бессмысленно, поэтому Наташа опять решила отдаться на волю безмятежной волны судьбы. К тому же роль всегда следует доигрывать до конца. У неё было ощущение, что ей поверили, ведь на месте их уже не расстреляли, а значит, есть хотя бы одна сотая успеха. А это в их условиях было немало.

Вели их, естественно, к хозяину. Арсенюк обнаружился в гостиной стоящим за бильярдным столом и расставляющим тяжелые белые шары, до смешного похожие на его лишенную волос голову.

– Аааа, – издевательски протянул он, – парламентареры, госпожа Покровская, я полагаю. Мы вас так ждали. Я безмерно рад, что вы приняли решение сдать лично. И даже явились с подарком. Видите, госпожа Сабурова, вы ошиблись в вы-

боре друзей, и вам это очень дорого обойдется.

Эльмира резко дернулась вперед, но Наташа мягко её остановила.

– Иногда нужно мириться с реальным положением вещей, – сказала девушка.

Арсенюк плотоядно улыбнулся.

– Вы мне нравитесь, – сказал он, – я люблю сговорчивых людей, однако где девочка? Вы разве её не отдаете?

Конечно, Арсенюк знал, что Марта в машине, но он хотел насладиться моментом своего триумфа. Причем триумфа не над ними, а над своими «товарищами».

– Не сразу, – сказала Наташа, – для начала давайте обсудим некоторые условия передачи моих задержанных.

Арсенюк наморщил лоб на лысой голове.

– Я не намерен терять время, – бросил он, – тем более что вам все равно нечего предложить. Вы сейчас мне можете или мелко напакостить, или помочь, так что выбирайте.

Наташа улыбнулась.

– У меня и в мыслях не было вам пакостить, – сказала она, – я просто хочу обсудить всё цивилизованным образом. А что касается того, что мне нечего предложить, наоборот, мне есть что вам предложить.

Тон её голоса был мягок, но излучал уверенность. Арсенюк это уловил. Отложив бильярдные шары, он опустился в кожаное кресло и, сложив руки на груди, стал смотреть на девушек.

– Любопытно послушать, – сказал он, – что же это?

– Жизнь, – коротко сказала Наташа. Арсенюк криво усмехнулся.

– Чью? – с издевкой в голосе спросил он.

– Вашу, – сказала Покровская.

Арсенюк подался вперед, внимательно рассматривая лицо девушки, затем вновь откинулся на спинку кресла.

– Послушайте, Наталья Владимировна, – мягко сказал он, – я понимаю, что вы хотите казаться крутым следователем и очень огорчены обстоятельствами, но вы не подходите для этой роли. И потом ваша жизнь, как и жизнь ваших товарищей, в условиях, в которые вы сами себя поставили, очень девальвирована, а вы выдвигаете условия. Вам бы самой отсюда живой выйти. В этом я, кстати, сильно сомневаюсь. Но вы бы могли поднять свои ставки, если бы добровольно отдали девчонку.

Наташа усмехнулась.

– Прямо распустье какое-то, – сказала она, – из былины. Налево пойдешь, коня потеряешь. Направо пойдешь, смерть найдешь. А я, пожалуй, прямо пойду.

– Интересно, как? – поинтересовался Арсенюк.

Наташа сделала знак Эльмире, чтобы та оставалась на месте, а сама села напротив Арсенюка.

– Знаете, – сказала она, – это очень хорошо, что вы так самоуверенны и упиваетесь своей властью. Это поможет вам понять, что если вы хотите сохранить свою жизнь, вы должны сделать всё, чтобы ни один волос не упал с головы Эльмиры и Марты.

– Вы феноменальная авантюристка, Наталья Владимировна, – заявил Арсенюк. – Сидите у меня дома, окруженная кучей охраны, и торгуетесь. Впрочем, я послушаю, как вы меня в этом убедите.

– Я попробую, – сказала Наташа, – вы ведь на самом де-

ле не имеете никакого отношения к препарату Греларозол. Его разработку с самого начала курировал Адашев, и ему очень нужно было замаскировать производство психотропного препарата под что-то несущественное, а вы тогда как раз купили старый бетонный завод, где организовали нелегальное казино. Вот Адашев и стал вас уговаривать войти к нему в долю. В обмен на документы о том, что препарат производится на вашем заводе, он гарантировал через свои связи, что никто не узнает о вашем тайном бизнесе. И однажды он вас уговорил.

Арсенюк фыркнул.

– Когда вы закончите, я расскажу пару историй о вашей жизни, – бросил он, – не менее увлекательных.

– Думаю, что не понадобится, – сказала Наташа, – впрочем, это было давно, вы и думать забыли об этом препарате. Но вся фишка в том, что вы никогда не знали и не понимали, для чего Адашеву этот препарат. Вы даже не поняли это, когда Адашев предложил вам новую игру – розыгрыш девушек в вашем казино.

– Ну вы ещё скажите, что у вас записи наших разговоров есть, – сказал Арсенюк, – не слишком ли?

– Да нет, – покачала головой Покровская, – это было бы слишком просто. Мне пришлось поломать голову, чтобы понять смысл того, зачем вас использовал Адашев.

– Меня? – спросил Арсенюк. Наташа кивнула.

– Конечно, – сказала она, – вы ведь напряглись, только

когда Эльмира Сабурова стала вести свое расследование. Вы запаниковали. Не знаю, что вам сказали Адашев и Тополевич, они, наверное, успокаивали вас. Только вот главного они не сказали, что они и не думают скрывать информацию о вреде препарата. Для этого и потворствовали расследованию.

– Что?! – в один голос спросили Эльмира и Арсенюк. Наташа усмехнулась.

– Да вот так вот получается, – сказала девушка, – уж не взыщите. И информацию о препарате сливал сам Тополевич.

Арсенюк размял затекшие шейные мышцы.

– Все это пока малоинтересно, – сказал он.

Наташа кивнула.

– Верно, – сказала девушка, – интересное будет впереди. Конечно, организация политического движения на деньги от беглого олигарха – этим никого не удивишь, да и историю с нелегальным казино пережить можно. В конце концов это только крах вашей политической карьеры. Да и то сомнительно. Но вот когда станет известно, что вы производите препарат, которым травят и доводят до сумасшествия несовершеннолетних девочек, вот тут уж до суда вряд ли доживешь, и главное, что по документам кроме вас никто не связан с этими таблетками. А тут еще по вашему приказу подкидывают наркотики смелой Эльмире Сабуровой, которая ведет расследование против вас. Да, по вашему приказу. Приказу председателя комитета Верховного совета по борь-

бе с коррупцией. Вас просто сдадут как приманку. Это будет международный процесс, и тут не откупишься никакими деньгами. А даже если вы надумаете скрыться, вас найдут. Никто не любит наркобаронов.

– Сколько вы хотите? – спросил Арсенюк.

Наташа криво ухмыльнулась.

– Неправильный вопрос, – сказала она, – деньги мне ваши не нужны. Мне нужны звонок и гарантия.

– Не понимаю, куда звонок и какая гарантия? – спросил Арсенюк.

– Не глупите, – сказала Наташа, – звонок туда, где уберут посты на дорогах и дадут нам возможность проехать спокойно, а гарантия того, что вы не тронете Эльмиру и Марту и постараетесь убедить ваших хозяев, что они неопасны. В таком случае та информация, что у нас есть на вас, не станет достоянием общественности.

Арсенюк посмотрел на неё со злобным прищуром. Его плотоядную ухмылку стерло окончательно. Казалось, что его единственным желанием сейчас было разорвать Покровскую на куски. Впрочем, надо отдать ему должное, он держался лучше, чем Наташа предполагала.

– Да, – протянул он, – занятно, как все вышло. Но у меня другое предложение. Скажем, я пошлю вас подальше и вызову охрану.

Покровская улыбнулась.

– Ваше право, – сказала она, – однако тогда больше никто

не поручится за ваше благополучие. Подумайте, кто мешает Тополевичу и Адашеву сдать вас?

– Это всё слова, – бросил Арсенюк, – с чего, собственно, я вам должен верить?

– Да с того, собственно, – сказала Наташа, – что Тополевичу необходим кто-то, на кого можно будет свалить все его деяния. Вы подходите для этого как нельзя лучше! Учитывая то, что написано в документах, которые у меня есть, и движение ваше, за свободную от политического террора страну, будет от этого только в выигрыше. Ну в самом деле, затесался к нам некий преступный элемент. Так он откуда? А он из Верховного совета. Вот пусть его и осудят по всей строгости закона. Самое главное, что вы это прекрасно понимаете, потому что наверняка в курсе предстоящих действий, и я думаю, что вы спрятали кое-какую информацию, чтобы иметь что-то против ваших «товарищей», на всякий случай. Вы знаете, что вас сдадут, только не знаете, как и когда.

– У вас ничего на нас нет, – сказал Арсенюк, – это все блеф.

Наташа усмехнулась.

– Нет слова «мы», когда речь идет об организации, которой вы служите, – сказала Наташа, – они вас бросят в западню, если вы не сделаете ход первым, помогите нам, и я не дам этому делу ход. Вам решать.

Наташа сейчас сильно рисковала. Ни о какой Организации она ничего не знала, только слышала обрывки разговора

Ксении.

– Откуда ты только явилась? – прошипел Арсенюк. – Завтра, здесь в два часа, встретимся для подробного разговора, а пока... забирай их.

– Прекрасно, – сказала Наташа, – до завтра.

Всё же это была её маленькая победа. Даже если Арсенюк передумает, что вряд ли, лишних два часа у неё есть, а это солидное время.

– А мои гарантии? – спросил Арсенюк после паузы. – Какие у меня гарантии?

Наташа улыбнулась.

– Моё слово, – коротко сказала она.

* * *

Конечной точкой их пути оказался небольшой аэродром километрах в пятидесяти от Кранцберга, когда-то он использовался немцами как база для бомбардировщиков. Именно его указал Захаров как точку эвакуации. «Гелендваген», промчавшись по грунтовке, въехал на территорию, после чего за ними сразу закрылись тяжелые ворота с еще сохранившимися надписями на немецком.

Настроение у Наташи явно улучшилось, особенно после того, как им вслед не палили из всех стволов. На взлетной полосе уже гудел в готовности к взлету старенький АН-2, у опущенного трапа стояли двое – пилот и Захаров. Завидев

гостей, мужчина похлопал пилота по плечу и направился к Наташе.

– Старая машина, – заметил он, – но зато надежно скрывает от ненужных глаз. Слышал, у вас были неприятности.

– Уже в прошлом, – бросила Наташа, – как договаривались, вы забираете девушек и переправляете их в Белград. Все в силе?

– Принято, – коротко кивнул Захаров, – а вы как же? Может быть, вы тоже с нами? Вас в покое не оставят после того, что вы устроили.

Наташа небрежно махнула рукой.

– А, мои проблемы, – сказала она, – мне еще кое-что осталось сделать. Эта история не закончена, а завершить её мне очень хочется. Это уже не ваша битва, а мы ещё повоюем.

– Как знаете, – проговорил Захаров, – что-то ещё я могу для вас сделать?

Наташа улыбнулась.

– Скорее я для вас, – сказала девушка, вытащив свернутый лист бумаги. Здесь телефон. Позвоните по нему. Вам скажут, где вы можете найти свою дочь.

У Захарова округлились глаза. А затем на них выступили слезы.

– Но как? – прошептал он. – Как вам удалось? Я уже утратил всякую надежду. Я не знаю, смогу ли я вас отблагодарить.

Наташа покачала головой.

– Благодарить нужно не меня, если когда-нибудь встретите девушку по имени Кристина Легонова, отблагодарите её. Это она спасла вашу девочку. Если бы не она, ничего бы не получилось.

Захаров ошарашено покачал головой.

– Неужели в наше время бывают ещё такие люди? – спросил он.

Наташа усмехнулась.

– Бывают, только нужно их найти. С вашей дочкой была ещё одна девочка – Даша Терехина. Ей нельзя возвращаться в Республику, не могли бы вы тоже сообщить её матери, что она жива, и по возможности переправить её к дочери, в Швейцарию?

Захаров кивнул.

– Я постараюсь, – сказал он, – у меня здесь есть ещё друзья.

Наташа кивнула.

– Благодарю, значит, вы тоже улетаете?

– Да, – ответил Захаров, – здесь скоро произойдут серьезные события, на которые ни я, ни вы уже не сможем повлиять. Возможно, позже найдутся те, кто сможет бросить этим людям вызов, серьезный вызов, но пока я должен исчезнуть, до нужной поры.

– Удачи вам, – сказала Наташа, – кто знает, может, мы ещё увидимся.

– Я бы на это очень надеялся, – ответил Захаров посмат-

ривая на часы, – самолет взлетает через 15 минут, поторопитесь.

Наташа кивнула и пошла назад к машине.

– Я не понимаю, – спросила Эльмира, – зачем нам лететь в Белград?

– Чтобы выжить, – пожала плечами Наташа, – Арсенюк напуган и дал слабинку. Вам с Мартой надо скрыться, а мы вас прикроем. Скоро вся страна будет знать, про ваше расследование. Главное, чтобы за это время вы им не достались.

Наташа кивнула Соболю быть в машине, а сама указала девушкам идти за ней.

– Если вас возьмут, – сказала Покровская, – то посадят, а если посадят, то придушат или отравят. Без особых разбирательств, поэтому надо сваливать, пока есть возможность.

– Конечно, – бросила Эльмира, – вас здесь в порошок сотрут, а мы будем в Белграде загорать, хорошая альтернатива.

Покровская многозначительно покачала головой.

– Как это ни банально прозвучит, – сказала она, – это моя работа, мы вас вытащили, и Арсенюка на место поставят. Запомните адрес: Белград, гостиница «Хайат Реджинси», улица Милентия Поповича, 5. Там вас будет ждать отец.

Покровская мимолетно улыбнулась.

– На этом наше с вами путешествие заканчивается, – сказала девушка, – удачи.

Эльмира бросила взгляд на самолет.

– Мы не забудем то, что вы для нас сделали, – поблагода-

рила она, – никого из вас. Спасибо!

– Выживите, – коротко сказала Наташа, – это будет лучшей благодарностью.

Через некоторое время Покровская наблюдала, как АН-2 грузно оторвался от земли и устремился ввысь. А ещё через несколько минут аэродром вновь опустел и погрузился в тишину, которую нарушали только порывы ветра.

* * *

Отличительной чертой Сергея Адашева была страсть к уловкам. Его жизнь нуждалась в лицемерии и вероломстве, как детеныш нуждается в материнской опеке. Сейчас это ощущалось особенно остро, когда запропастился Арсенюк, а необходимо было держать ответ перед тем, кто привык к неумолимому повиновению.

Замерцал экран проектора. Адашев нервно сглотнул.

– Координатор, поприветствую вас, – склонил голову экс-председатель СБР, – я услышал печальную новость, о том, что господин Тополевич так рано нас покинул.

– Господин Тополевич перестал отвечать нашим требованиям, генерал, – глухо отозвался Координатор, – однако это не должно тебя тревожить. Наша Организация может подтвердить, что поддержка, которая была вам обещана, будет оказана нашим друзьям в Понтíи, если, конечно, вы не будете сворачивать с избранного вами пути.

Адашев вновь склонил голову.

– Вы можете не сомневаться, – сказал он, – в моей преданности.

На лице собеседника, до половины затемненном, промелькнула усмешка.

– В вашей преданности, – повторил он, – однако я не уверен в преданности ваших лакеев. Вы один! Почему рядом нет Арсенюка? Разве я не приказывал ему сегодня быть?

Врать было бесполезно. Координатор был очень искусен в психологическом воздействии.

Когда, несколько лет назад, Организация впервые связалась с ним, Адашеву показалось, что тот знает практически все о нем самом и его пути наверх, в частности, как Адашев занимался продажей зенитных комплексов Ирану в обход санкций ООН и что делал во время своей работы в республиканском посольстве в США.

Несомненно, его прошлые грехи привлекли к нему внимание Организации.

Однако следует заметить, что несмотря на все свои скелеты в шкафу, Адашев был бы настроен крайне скептически по отношению к подобному союзу, если бы Координатор не продемонстрировал ему широчайшие перспективы и возможности союза с ним. Скрытно действуя, Координатор организовал ряд событий в мире, путем столь искусного манипулирования и лавирования между ведущими представителями мировой элиты, что те даже не замечали, как оказыва-

лись в его власти. И каждый раз Координатор обставлял всё так элегантно, что представители эти были просто уверены, что действуют по собственной воле и убеждали граждан своих государств в этом.

Кроме того, Адашев всегда преклонялся перед людьми с такими способностями, которые слишком далеки до понимания обывателя, а Координатор безусловно относился к таким людям, исходя из той информации, что он узнал об Организации – почти мифической структуры, ставшей страшной сказкой, которой любят пугать с экрана телевизора. Впрочем, Адашев знал, что никакой из этих рассказов не соответствует действительности, так же как никто на самом деле не знает, какая мощь скрыта в Организации.

– К сожалению, мне это неизвестно, – сказал Адашев, – хотя я передавал ваш приказ. Могу предположить, что его срочно вызвали в Верховный совет.

Его собеседник вновь усмехнулся.

– Мы проверим эту информацию, – сказал он, – а пока мы обсудим план наших действий вдвоем. Арсенюк будет в него посвящен, когда вернется.

Адашев отвлеченно слушал, как его собеседник излагает план. Привести девочек на телевидение, запустить клич в социальных сетях. Сосредоточиваться на плане не хотелось. Адашеву не нравилось отсутствие Арсенюка. Он знал о слабостях Председателя антикоррупционного комитета и был встревожен тем, что Арсенюк мог сболтнуть что-то лишнее.

– Сейчас в наших руках, – говорил неизвестный собеседник, – мы держим силу, равной которой в Понтии сейчас нет.

Адашев закрепил на лице вежливую улыбку.

– И что это за сила, Координатор? – отвлеченно поинтересовался он.

– Националисты, – сказал собеседник, – я бы их назвал движением патриотической молодежи.

Адашев снисходительно улыбнулся.

– А вы точно знаете, что они наши? – с нескрываемой иронией спросил он. – Насколько мне известно, подобные движения не терпят чьего-либо руководства и плохо подчиняются приказам. По мне это просто новая поросль неофашистов.

– Вы скоры на ярлыки, – заметил неизвестный, – они яростны, идейны и преданы. Это они думают, что они сами по себе, а на самом деле это я даю им команды. Важно, чтобы твоя идея упала на заранее подготовленную почву. Представляете, что будет, если их корректировать в нужном нам направлении?

Адашев потушил в пепельнице окурок.

– Они разнесут всё вокруг, – сказал он.

Координатор плотоядно улыбнулся, откидываясь на спинку кресла.

– Согласен, – кивнул он, – но чтобы прийти к власти, нам уже недостаточно лозунгов. Они, конечно, тоже важны, безусловно, но нужна и сила, которая может подхватить эти ло-

зунги. А наши националисты просто идеально вписываются в эту задачу.

Адашев пожал плечами.

– Возможно, вы правы, – хмыкнул он, – однако где вы найдете столько молодых парней, готовых жертвовать собой ради общей идеи?

– Они найдутся, второй, – ответил генерал, – главное – обеспечить идеологическую базу протеста и жесткую психологическую обработку. Пропаганда плюс препарат, и мы получим идеального солдата революции.

Адашев наморщил лоб и его слегка передернуло. Он по жизни терпеть не мог разные зонды, шприцы и таблетки.

– Но из кого? – спросил он. – Неужели из любого идиота?

– В этом и суть, генерал, – улыбнулся неизвестный, – важно только дать этому идиоту правильный пропагандистский посыл, такой посыл, который поддержало бы общество. Нам остался один лишь шаг.

Адашев поморщился.

– Они опасны для себя больше, чем для других, – заметил он, – что проку в грубой силе, когда нет системы и дисциплины. Это отвратительно.

– Занятно, – отозвался собеседник, – мой протеже читает нотации мне, интересный факт.

Адашев приподнял бровь.

– Я лишь рассуждаю, Координатор, – сказал он. – Не понимаю, какой толк от их разрушений?

– Пусть разрушают, – ответил неизвестный, – и чем больше, тем лучше. И когда их разрушение достигнет апогея, вот тогда придем мы и остановим разрушение. Мы дадим людям то, что они на самом деле хотят, – порядок и дисциплину. Нашу дисциплину. Без ханжеской морали и обывательщины, и те, кто примет это, свяжут себя с новым порядком.

Новый порядок, усмехнулся Адашев, он всегда был для них путеводной звездой. Никаких шумных свар ради невежественных плебеев. Порядок, которому он будет служить, станет воплощением власти высшей расы над низшими.

Все те, кто не примет новый порядок, будут раздавлены сапогом их солдат. В конце войны их лишат собственности, а их богатства и жизни перейдут в руки тех, кому можно доверять. Адашев будет служить этой цели, и это будет благородно.

Скоро большой финал. Кульминация. То, что было ранее, было лишь репетицией. Сегодня премьера. Осталось только сыграть каждому свою роль, и мир падет к их ногам. Скоро.

* * *

На другом конце неизвестный собеседник Адашева закончил трансляцию и сделал небрежное движение рукой, выключая монитор.

Некоторое время Координатор тихо и недвижимо стоял возле широкого панорамного окна, откуда открывался вид

на тихое ледяное безмолвие. Станным было это ощущение. Столько сил положено, столько лет и эпох пройдено, и вот финал. Он даже немного устал.

Много лет он учился понимать и ощущать каждый прихотливый поворот человеческого бытия, его слабости, его пороки, пусть даже самые незаметные. Сам он давно был лишен каких-либо чувств. Люди заботили его только с одной целью, что они смогут сделать для него лично, и он делил их на две категории. Первая – это те, которых возможно использовать для достижения цели, и те, кто будет слепо внимать тому, что он говорит. Это актив. Вторая категория – угроза, к ней относились те, кто не попадал в первую. Их было гораздо меньше, и к ним необходимо было относиться не только с осторожностью, но и с должным уважением.

Те девицы, Кристина Легонова и Ксения Авалова, они безусловно попадали под вторую категорию. С Аваловой все ещё было непонятно. Её мысли и действия всегда были окутаны туманом. А вот Легонова... она своей неумеренной энергией едва не сорвала весь столь хорошо проработанный план. С учетом того, как важны вывезенные девочки и все последующие махинации, нельзя было допускать ни единого просчета. Хорошо, что эта Легонова ещё не знает о своем потенциале. Дремлющая в ней внутренняя сила может сделать её опасным противником. Гораздо опаснее даже, чем представлялась ему раньше Авалова.

Поэтому все просчеты должны быть устранены. Коорди-

натор незаметным движением подозвал стоявшую в дверях женскую фигуру.

– Гадаешь, зачем мне этот скользкий тип? – спросил он. – И почему я назначил его своим главным помощником?

Охотница невесомо кивнула.

– Я всего лишь исполняю волю Организации, – сказала она, – не мне судить о ваших решениях.

Конечно, она лгала, понял Координатор, ирония в её словах чувствовалась отчетливо. Впрочем, дерзость этих девиц была всегда полезной, она двигала их и позволяла совершать самые потрясающие поступки. Вот почему, зная это, Координатор заинтересовался Леоновой, Аваловой и Покровской. Они были зеркалом его охотниц. Такие же дерзкие, свирепые, но пока тихие.

– При умелом обращении его слабости можно превратить в оружие, – пояснил Координатор.

Охотница вновь легко кивнула. Спорить она не собиралась.

– Не печалься по поводу своей неудачи в церкви, – сказал Координатор, – эта помеха не повлияет на наш план. А вот твоей работой с нашим другом Тополевичем я более чем удовлетворён. Смерть его личности подкинет дополнительных вопросов нашему противнику. Впрочем, сейчас не об этом! У меня для тебя новое задание.

– Всё, что прикажете, Координатор, – отозвалась Охотница.

– Арсенюк, – сказал Координатор, – он исчез, я не исключаю предательства. Найди его и установи, говорил ли он кому-то о наших планах, и если да, то убей.

– Как пожелаете.

Охотница выпрямилась и спокойным шагом направилась к двери.

* * *

В ходе поездки время для Анастасии как будто потекло вспять. Она снова смеялась, шутила, казалось, ничто больше не напоминает о той опасности, с которой была связана её жизнь уже неделю. Но как только машина остановилась, в голову Урусовой сразу постучало осознание, куда и зачем они приехали, а вместе с этим и цепь воспоминаний. Ни разумом, ни чувством она не понимала, как она заглянет сейчас в глаза человеку, который, как она считала, сломал её жизнь. Даже если он прямо не виновен в том, что происхо-

дит вокруг, он виновен был тогда. В ту ночь. В ту ночь всё началось. Или нет? Что, если он не виновен, что, если он такая же жертва, как и она.

Они вошли в подъезд старинного здания постройки примерно века восемнадцатого. Подъезд был богато украшен росписями и фресками, изображавшими античных морских духов. Светлана приложила магнитный ключ к домофону, тот пиликнул, и девушка потянула дверь на себя, которая послушно отворилась. Поднялись на шестой этаж.

– Я подумала, если убийца ничем не отличается от простого человека, – нарушила молчание Анастасия, – разве я не могу им быть? Разве я не могу сама убивать в беспмятстве?

– Не можешь, – спокойно сказала Светлана, – пока ты сомневаешься, значит, не можешь. Приготовься, мы пришли.

Девушки остановились перед обычной дощатой дверью, обтянутой искусственной кожей. Должно быть, это и была квартира Томаса. Звонить не стали. Светлана бесшумно открыла дверь своим ключом.

Откуда у неё ключ, подумалось Анастасии, она что, часто здесь бывает? Или заранее знала, что я сюда приеду?

Урусова всё думала, что она скажет ему при встрече? Что она ненавидит его, что он монстр, ничтожество. А может и нет. Этого «нет» она боялась более всего на свете.

Как только девушки пересекли порог квартиры, на них сразу же обрушилась какая-то давящая темнота, словно бы

в погребке, и запах затхлости. Сзади раздался шум подъехавшей машины и легкий стук шагов. Сквозь приоткрытую дверь, оставлявшую полосу света, Анастасия расслышала это очень четко.

Неожиданно впереди появился небольшой огонёк и раздался холодный, ровный голос. Женский голос.

– Здравствуй. Я давно жду этой встречи.

Затем раздался хлопок, и Анастасия увидела, как Светлана с каким-то комичным видом осела на пол. Оцепенев от ужаса, девушка не могла пошевелить ни рукой, ни ногой. Вдруг в нос ударил сладкий запах корицы, и девушка почувствовала, как её ноги наливаются свинцом. Откуда здесь женщина? Это была её последняя мысль. Стало темно.

* * *

Смеркалось. Кристина окончательно запуталась, как в фактах, так и в собственных рассуждениях. Поиски машины только прибавили загадок. Теперь оказалось, что и не Александра вовсе брала эту машину, а кто-то, кто назвался её именем. Это безусловно объясняло некоторые логические несоответствия в рассказе Наташи Понариной, однако несколько не приближало их к раскрытию личности таинственной Охотницы.

Кристина понимала, что сейчас есть только один человек, который может помочь пролить свет на те события – Свет-

лана Русакова. С ней явно было что-то не так. Девушка во что-то играла. Во что, на этот вопрос Кристина не могла ответить. Но что, если она не совсем та, кем её все считают? Почему она не сказала о своих отношениях с Томасом? Возможно ли, что она таким образом хотела сделать так, чтобы после убийства Чилуэллов у следствия даже вариантов не было? А это так и произошло! Да, её показания тогда мало что изменили бы. Томаса взяли на месте убийства, и даже если бы Светлана сказала, что всю ночь провела с ним, ей бы никто не поверил. Но всё же! И почему она не сказала об их отношениях сейчас? Возможно, боится. Но чего? А может быть, кого. Могла ли она быть тем человеком, которого загримировали под Александру? Могла ли она быть той Охотницей, которую они ищут?

Домыслы, Кристина досадливо мотнула головой, все это лишь её умозаключения, на которые полагаться не имело смысла. Фактов было много, а зацепиться практически не за что. В сущности, даже установленный, пусть и под вопросом, мотив заказчиков никоим образом не давал ей возможность для идентификации Охотницы. А установление личности одного представлялось для Кристины самым важным элементом. Если они найдут убийцу, тем самым разрушат всю организацию.

– Что сказал Фабиан? – обернулась девушка к Флориану.
– Знаешь, весьма интересную вещь, – бросил Штильхарт, – ныне покойный Николай Урусов, оказывается, часто

звонил по одному местному номеру, запрос пришел на него из Борисфена, а в компании сообщили нам.

– И? – спросила Кристина.

– Номер 0763251648 зарегистрирован, – Штильхарт выдержал театральную паузу, – на Томаса Чилуэлла.

Кристина только выдохнула.

– Скажите, пожалуйста, – подала голос Наташа Понарина, – это что же получается? Урусов разговаривал с парнем, который пытался изнасиловать его дочь? Зачем?

Кристина пожала плечами.

– Вот именно, что пытался, – напомнила Кристина, – возможно, Урусов тоже пытался выяснить всю подноготную этой истории. Может, он думал, что в этом както замешан Верховский? А когда был последний звонок?

– В том то и дело, – сказал Флориан, – три дня назад. Кристина мотнула головой.

– Практически накануне убийства, – заметила она, – Урусов наверняка искал компромат на Тополевича, может быть, он хотел найти документы, которые искал Чилуэлл-старший.

– Возможно, – кивнул Штильхарт, – ладно, найдем, спросим. А почему ты так уверена, что Светлана знает, где он?

Левонина нахмурилась.

– Не уверена, – сказала она, – но мысль такая у меня есть. Ведь для чего-то Анастасия Урусова сюда прилетела. Вряд ли, чтобы просто поговорить со Светланой, это можно и дистанционно сделать.

– Думаешь, она ищет Чилуэлла? – спросил Штильхарт.

– Она ищет равновесие, – сказала Кристина, – возможно, хочет заглянуть в глаза своему страху – человеку, который, как она считает, сломал ей жизнь. Через неё мы и выйдем на Чилуэлла.

– Так, а причём здесь Светлана? – не понял Флориан.

– Элементарно, Штильхарт, – улыбнулась Кристина, – она же знала о её романе с Томасом и прекрасно понимает, что Светлана наверняка встречалась с ним, уже после того, как он вышел из клиники.

– А если она опять заартачится? – поинтересовался Штильхарт. – Мол, не была, не знаю, я имею в виду Светлану.

Кристина ухмыльнулась.

– Так у нас теперь есть свидетель, который ей заартачиться не даст, – девушка кивнула в сторону Наташи, – вот мы и спросим, почему она умолчала о таком важном факте.

– Ну да, как это у вас... – сказал Штильхарт, – часы для счастья не помеха.

Наташа громко прыснула.

– Счастливые часов не наблюдают, – смеясь поправила Кристина, выходя из автомобиля, – увидим, так ли это. Здесь?

Флориан кивнул.

– Вот её квартира, – сказал он, – на шестом этаже.

– А как мы туда попадем? – спросила Кристина. – Ты что, знаешь код?

– Я позвоню, – сказал Штильхарт, – поступлю вежливо и с достоинством.

Штильхарт вдавил кнопку звонка. Никто не ответил.

Он попробовал снова.

– Может, она ушла? – спросила Кристина. Штильхарт покачал головой.

– Машина стоит возле дома, – сказал он, – так что вряд ли.

– Нужно было заpastись кодом заранее, – усмехнулась Кристина, – или делать магнитную отмычку. В таких ситуациях очень выручает.

Флориан скривил физиономию.

– Не знаю, как насчет дипломатических интернатов, – сказал он, – но в полицейской школе мы этого не изучали.

Кристина подергала дверь за ручку. Она была заперта.

– Нас определенно не ждут, – сказала она, – придется взламывать дверь.

Флориан пожал плечами.

– Почему у тебя такая тяга что-нибудь взломать? – весело поинтересовался он. – Подожди, может быть, кто-то оставил код под ковриком.

Левонина, вздохнув, закатила глаза.

– Штильхарт, не будь идиотом, – посоветовала девушка. Трудно сказать, сколько бы они ещё так стояли, если бы не наблюдавшая спор Наташа, тихо вздохнув, не шагнула вперед, отодвигая Штильхарта.

– Вы позволите? – спросила она.

Кристина воззрилась на Флориана. Тот взглядом ответил «а я откуда знаю».

Понарина пощелкала клавишами и дверь открылась.

– Ты видишь, – весело сказал Флориан, – решение пришло само собой. Прошу вас.

Кристина вновь закатила глаза.

– Еще бы ты к этому отношению имел, – сказала девушка заходя внутрь.

Подъезд был достаточно типичным для домов в этом районе. Минус был в том, что не было лифта, и подниматься пришлось пешком. Было очень тихо. В воздухе стоял какой-то сладковатый запах, который усиливался по мере увеличения этажей.

– Интересно, чем это пахнет, – принялась Кристина – здесь что, тропический лес выращивают?

– Не нравится? – осклабился Флориан. – Понюхай, это же корица.

– Знаток, – поджала губы Кристина, – очевидно, что твой дядя пек свои пироги именно здесь.

– Как всегда, очень остроумно, – заметил Флориан, – ты куда, вот же дверь.

Флориан взял Кристину под локоть и развернул лицом к белой деревянной двери с прибитой к ней декоративной цветочной корзиной. В этот момент раздался женский крик.

Кристина моментально ринулась вперед, выхватывая револьвер. Дверь квартиры распахнулась и оттуда вылетела высокая шатенка и рухнула в руки Флориана.

– Я не хочу туда входить! – прошептала она. – Это ужасно!

Секунду спустя в проеме вновь появилась Кристина.

– Штильхарт! – воскликнула она. – Прошу тебя!

Вдвоем они вошли в квартиру. Всё было ровно так, как запомнил Флориан, кроме мужского трупа, который лежал за диваном. Штильхарт наклонился над телом и потрогал пульс.

– Если тебя интересует мнение профессионала, – сказал он, – это труп, причем сильно мертвый.

Кристина подошла ближе.

– А это Чилуэлл? – спросила она. – Он?

Флориан взгляделся в лицо убитого и кивнул.

– Да, определенно, – сказал он, – и судя по ране, сюда забегала наша таинственная подруга.

– Вероятно, – заметила Кристина, – ты не против, если я задам твоей знакомой пару вопросов.

– Конечно, – усмехнулся Штильхарт, – спрашивай. Приобретёшь еще одного общего со мной знакомого.

* * *

Светлану Кристина обнаружила на лестничной клетке, она сидела и плакала в плечо Наташи Понариной.

– Вы в состоянии говорить? – спросила Кристина.

Светлана кивнула.

– Да, да, – прошептала она, – конечно, спрашивайте.

Её провели на кухню. Кристина налила ей стакан горячего молока.

– Лучшее средство от стресса, – сказала она, – вы можете сказать, что произошло?

– Помню очень смутно. Помню, мы с Анастасией вошли в квартиру и нас сразу обдало каким-то запахом, а потом женский голос, как из могилы: «Здравствуй, я давно жду этой встречи», – девушка отпила из кружки, – и всё. Я очнулась и сначала ничего не поняла, а потом обошла диван и увидела Томаса.

Девушка заплакала.

– А Анастасия? – спросил Флориан. Светлана покачала

головой.

– Я не знаю, – сказала девушка, – её здесь не было.

Может быть, её похитили.

Кристина ещё раз принюхалась.

– GI-4, усыпляющий газ, – догадалась она, – вот почему пахло корицей. Значит, Томас Чилуэлл жил у вас?

– Да, – сказала Светлана, – когда он вышел из лечебницы, ему просто некуда было пойти. В дом родителей он возвращаться, разумеется, не хотел, поэтому он и пришел ко мне.

– Вы ему помогали, – утвердительно поинтересовалась Кристина.

Светлана ещё раз отхлебнула из кружки.

– То, что я вам расскажу, может показаться бредом, – заговорила она. – Господи, почему я не рассказала вам сразу? Я бы спасла его.

Кристина сдвинула брови. И почему ей вечно приходится слушать исповеди?

Некоторое время Светлана молчала, только пар из недопитой кружки струился вверх.

– Мы любили друг друга, – наконец сказала девушка, – мы полюбили друг друга с того самого приезда в Вильнев, но держали наши отношения в тайне, так как родители Томаса задумали женить его на Анастасии. Мы думали сбежать в Кейптаун. Да, я бы бросила институт, ну и чёрт с ним! Зато была бы с любимым человеком. Нет, сейчас я, конечно, понимаю, что это было глупостью, но мы были молоды, жажда-

ли острых ощущений. Хотя, если бы мы это сделали, может быть, ничего бы не случилось.

– Но если вы любите друг друга, то почему в деле нет ваших свидетельских показаний? – спросила Кристина. – Вы ведь могли изменить ход дела.

Светлана кивнула.

– Да, могла, конечно, – чуть всхлипнув, сказала она, – однако я тогда была под впечатлением. Да и сам Томас не отрицал ничего. Я, честно говоря, была просто раздавлена ситуацией.

Кристина сочувственно кивнула. Лжи в словах Светланы она не чувствовала.

– Понимаю, однако, – она помолчала, подбирая слова, – однако что-то вас заставило изменить мнение. Что?

– Мое свидание с ним в камере предварительного заключения, – глухо сказала Светлана. – Опережу ваш вопрос. Я была в полном недоумении, когда он попросил о встрече, но пошла, мне хотелось вживую посмотреть ему в глаза...

Женева, восемь лет назад

Припарковавшись возле старенького «Рено», Света с опаской вышла из машины и окинула здание тюрьмы возле городка Эгль. Вот уж никогда она не думала, что окажется в подобном месте. От стоянки, меж газонов, шла узкая заасфальтированная дорога к неказистой постройке, напомина-

ющей палатку, за которой начинался забор с колючей проволокой.

Щёлкнув сигнализацией, девушка пошла по направлению к постройке. Зайдя внутрь, она увидела полицейского, что-то сосредоточенно пишущего в блокноте.

– Извините, – обратилась к нему Света, – я на свидание.

Полицейский оторвался от своего занятия и профессионально осмотрел фигуру девушки.

– Ваш паспорт, пожалуйста, – сказал он, – и заявление.

Светлана протянула паспорт с вложенной в него карточкой вида на жительство. И свернутый пополам лист А4. Некоторое время полицейский придирчиво изучал фотографию девушки и что-то вбивал в компьютер. Наконец поднял телефонную трубку и что-то сказал в аппарат. Затем коротко кивнул девушке.

– Подождите минуту.

Минуты через две подошел второй полицейский. Он открыл металлическую калитку, какие обычно бывают на паспортном контроле в аэропортах.

– Пойдемте, – сухо сказал он.

Полицейский провел её сквозь внешний двор, в котором рядом стояли несколько полицейских минивэнов, в белое бетонное здание.

Внутри тюрьмы было шумно и многолюдно. Какие-то люди сновали туда-сюда. Сурового вида полицейские замерли возле каждого из проходов.

Они зашли в один из проходов и девушку повели по длинному белому коридору с ярким, режущим глаза светом ламп.

Коридор был разделен на несколько дверей. Перед каждой полицейский останавливал Свету и нажимал на какую-то кнопку, после чего несколько секунд противно дребезжал оглушительный звонок и дверь открывалась. У Светы от этого звука заходило сердце. Актёрской фантазией она представила, как её вот так ведут навсегда, заводят в тупик и...

Фантазия кончилась вместе с коридором, и девушка оказалась в комнате, похожей на почтовое отделение с прилавком и застекленной стеной, за которой она увидела его.

Вид у Томаса был не лучший. Волосы всклокочены. На губе запеклась кровь. Бежевая тюремная роба сидела на нем мешковато, несмотря на атлетическое телосложение.

Девушка заняла место перед телефонным аппаратом и сняла трубку. Томас сделал то же самое. Нужно было что-то сказать, но слов не было. Видя это, молодой человек начал первым.

– Здравствуй, – сказал он, – спасибо, что пришла. Света проглотила колючий комок.

– Я пришла, – сказала она, – пришла посмотреть тебе в глаза. Как ты мог? Как ты мог меня позвать после того, как... – девушка осеклась.

Томас потупил взгляд.

– Я пригласил тебя, чтобы рассказать правду, – сказал он, – ты единственная, кому я это скажу. Ты единственная,

кто мне поверит.

Света вопросительно моргнула. Что ещё за правда?

– Какая правда? – Ты же во всем признался?

– Сначала, – сказал Томас, – я был напуган, поэтому признался. К тому же кто, если не я?

Томас говорил как-то бессвязно. Что было совершенно на него непохоже. Света попыталась заглянуть ему в глаза. Они были как два тёмных колодца.

– Ты не мог бы поконкретнее, – сказала она, – я пока даже не понимаю, о чём ты.

Томас усиленно зажмурился, сжал кулаки и через полсекунды глаза открыл, как обычно делают, чтобы сосредоточиться, когда болеют.

– Речь пойдет о той ночи, – заговорил он. – Веришь или нет, ничего не помню. Как стёрло. Мы с ребятами хотели пива попить. Зашли в паб. Сели за стол. Я выпил пива и всё, больше ничего не помню.

Света закусила губу. Она, конечно, хотела бы, чтобы Томас был прав, но пока он ничего существенного не сказал. Хотя Света тоже не понимала весь смысл ситуации, какая-то она была странная.

– Я тебе могу рассказать, – прервала она Томаса. – Ты играл на Анастасию, на бильярде, а потом уговаривал Верховского застрелить бомжей. Он отказался, и ты, оглушив его...

Томас махнул рукой.

– Да мне и полицейские и адвокат уже всё говорили, –

сказал он, – но вопрос в том, что я этого ничего не помню. Вообще. Я должен был что-то помнить. Я уже очнулся в доме, когда полиция приехала.

Странный рассказ, подумала Света, конечно, он может всё врать, но зачем ему это?

Она подвинулась ближе к стеклу.

– Ну хоть что-то ты помнишь? – спросила она.

Томас рассерженно стукнул ладонью по столу. За его спиной раздалось характерное покашливание полицейского.

– Официантку помню, – сказал Томас, – что пиво нам приносила, – ребята к ней ещё кадриться стали. Но, понимаешь, всё культурно было. Слушай, я даже Верховского там вообще не помню! Да и сама подумай, зачем мне Анастасия, если мы с тобой хотели уехать?

– Это единственное, что меня примиряет с твоими словами, – глухо ответила девушка, – что ещё?

– Ничего, – сказал Томас, – я выпил и у меня всё поплыло перед глазами. Помню только, что я зачем-то встал и у меня какой-то голос в голове, при этом очень знакомый, и всё. Дальше провал.

Светлана нахмурила брови и невесело усмехнулась.

– Исходя из твоего рассказа, ты предполагаешь, что тебе что-то подсыпали?

Томас схватил голову руками.

– Не знаю, – пробормотал он, – не знаю. Это единственное объяснение. Ну я же ничего не помню. Допустим, я всё это

совершил, но я должен был что-то помнить, хоть что-то.

Светлане хотелось бы верить, но факты давили вниз.

– Хорошо, – сказала она, – но кому это понадобилось? И потом, что я сделаю? Все факты против тебя.

Томас посмотрел на неё и в этом взгляде девушка увидела искру того самого чувства, которое, возможно, оправдало бы Томаса.

– Я поэтому тебя и прошу! – сказал он. – Никто кроме тебя не захочет этим заниматься. Помогите мне, пожалуйста!

* * *

Кристина отставила от себя стакан с водой. Ну и история.

– И вы вот так сразу ему поверили? – спросила она.

Светлана кисло усмехнулась.

– Я бы хотела, – сказала она, – но его рассказ был настолько фантастичен, что моя рациональность победила, и я решила, что он всё это выдумал, чтобы попробовать, не знаю, вернуть мое доверие, что ли. В общем, я решила забыть и вычеркнуть его окончательно. Он мне писал, я не отвечала. А вот перед самым его выходом, лет шесть назад, я наткнулась на интересную статью о препарате Греларозол.

Кристина вздохнула.

– И там вы прочитали, что препарат разрабатывал Верховский, – уточнила она.

Светлана кивнула.

– Да, – сказала она, – а потом я вспомнила, что отец Томаса вёл какое-то дело, связанное с лекарствами. Я понимала, что это безумие, но какая-то моя часть сказала: а почему нет, вдруг его действительно одурманили.

Кристина заинтересованно прищурилась. Вечер явно переставал быть томным.

– И что же вы узнали? – спросила она. Светлана вздохнула.

– Сначала это была игра, наваждение какое-то, но я стала собирать информацию. Я находила в интернете жертв этого препарата, и вот что странно: симптомы их болезни очень были похожи на то, что рассказывал Томас: головная боль, помутнение в глазах и, что интересно, помутнения в памяти. Время шло, и вдруг я узнаю о расследовании одной девушки, сестра молодого человека которой пострадала от этого препарата, а его самого сбила машина. Насмерть.

Кристина многозначительно хмыкнула. Но про себя.

Где-то она это уже слышала.

– Эльмира Сабурова, – сказала она, – значит, вы её знали.

Осведомленность собеседницы удивила Свету, и она некоторое время помолчала, взвешивая, рассказывать дальше или нет.

– Конечно, – наконец продолжила девушка, – правда, мы познакомились с ней уже после всех этих событий. Я, собственно, и рассказала Альваро о вреде этого препарата.

– Даже так, – сказала Кристина, – значит... Светлана кив-

нула.

– Да, – сказала она, – мы в каком-то смысле стали напарниками. Я, поскольку жила в Женеве, помогала Эльмире в расследовании деятельности клиники Тополевича, даже медсестрой туда устроилась работать.

Кристина мысленно присвистнула.

– Значит, медсестра, которая...

– Это была я, – сказала Светлана, – я собирала информацию. И погружаясь в деятельность клиники, я поняла, что этот препарат действительно являлся очень сильным нейролептиком, я сама видела, как доктора с его помощью гипнотизируют пациенток, и они могут выполнять любые их команды. Теперь история Томаса уже не казалась сказкой. Андрей Левицкий тоже, вероятно, это понимал, поэтому очень старался вызволить Томаса, он ему был нужен как свидетель. В конце концов, его стараниями Томаса выпустили, но на свободе они встретиться не успели.

– А документы? – спросила Кристина. – Документы Чилуэлла-старшего. Вы их нашли?

Светлана вздохнула.

– Нет, – сказала она, – если бы нашли, то, возможно, у нас были бы какие-то доказательства, а так ничего.

– Ох уж мне эти детективы-любители, – пробормотал Штильхарт, – если бы вы сразу пришли к нам, а не устраивали самодеятельность, тогда все было бы по-другому.

– А кто бы мне поверил? – воскликнула Светлана. – Я са-

ма-то в это не всегда верила, так, мечтала скорее.

– Понятно, – сказала Кристина, – а скажите, вот тогда вы говорили Флориану, что перед той ночью вы заметили, что очень изменилась в поведении Александра, а кроме поведения вы что-то заметили?

– А при чем здесь Шурочка? – спросила Светлана. – Вы что, её подозреваете? Да нет, она мухи бы не обидела.

– И всё же? – спросила Кристина.

– Да не знаю, – сказала Светлана, – всё как-то очень быстро произошло, хотя постойте, кое-что было. Один раз она не пришла на занятие по международному праву. Это было странно, она очень любила этот предмет. Я её встретила на следующий день, а она сказала, что к ней 17 декабря приезжает подруга, из Великоруссии, сказала, что она учится на журналистку.

– А имя подруги она не называла? – спросила Кристина.

– Не помню, – сказала Света, – по-моему, нет, она только сказала, что встретится с ней вечером в кафе на углу Place du Molard.

– А что произошло потом? – спросил Штильхарт. – Они встретились?

Светлана пожала плечами.

– В том-то и дело, – сказала она, – как раз на следующий день. Её как будто подменили. Как будто другой человек.

Кристина повернулась к Наташе.

– А когда вы видели её на машине? – спросила девушка.

Понарина пожевала губу.

– Два-три дня спустя, – сказала она, – я это хорошо помню.

– Любопытно, – пробормотала Кристина, – очень любопытно.

– В том районе не так много кафе, – заметил Флориан, – так что, возможно, их кто-то вспомнит.

Кристина меланхолично вздохнула.

– Что ж, Штильхарт, – сказала она, – если у тебя нет желания дожидаться твоих друзей из комиссариата, то думаю, что нам здесь более нечего делать. Наташа, вызовите полицию после нашего ухода и изложите им все факты. Пусть будет так, как будто это вы обнаружили труп, и мой совет вам обоим: будьте осторожны, кто бы ни была эта девица, она шутить не любит.

* * *

Ксения не доверяла Верховскому и тем не менее поехала с ним вдвоем, не поставив в известность коллег. Она должна была сама разобраться, и сама понять. Поэтому она покинула участок, никому ничего не сказав. Ей были нужны ответы, и что-то подсказывало, что убийство Кирсановой далеко не самое главное в этом деле. Было здесь, по её мнению, что-то ещё. Что-то, что витало в воздухе и готово было взорваться.

За всю дорогу Верховский не проронил ни слова, сохра-

няя то напряженное ощущение, которое Ксения уловила, когда увидела его.

– Это здесь, – коротко сказал он, – идемте.

– Вы знаете, кто этот художник? – спросила Ксения.

– Догадываюсь, – кивнул Александр, – но понять мы сможем, только когда поговорим с ним.

– И что он знает? Всё на свете? – последовал ещё один вопрос.

– Знает достаточно, – сказал Верховский, – уж поверьте. Но вопрос в том, нужны ли нам эти знания.

Он часто говорил загадками. Интересно для чего? Пытался её запутать? Поразить?

Осмотрев глазами низенький двухэтажный дом, Ксения подошла к покосившейся дощатой двери и легко ткнула её. Дверь медленно и со скрипом открылась, и тут же на пороге показался поигрывающий металлической цепью парень лет 25, «профессии» понятной даже обывателю.

– Кого ищешь, красавца? – спросил он.

– Мы к художнику, – вышел вперед Верховский, – он нас ждет.

Парень несколько секунд придиричиво осматривал их лица, затем сделал приглашающий жест рукой.

Ксению завели в подъезд, и вслед за парнем она и Верховский поднялись на второй этаж. Затем парень, открыв своим ключом дверь в одну из квартир, провел их в просторную, насколько это можно было сказать, однушку. После этого па-

рень молча кивнул и скрылся за ширмой около входной двери. Впрочем, как полагала Ксения, он недалеко ушел.

Комната была обставлена очень скудно. Небольшой платяной шкаф возле стены сразу при входе, у дальней от Ксении стены стояла кровать, задернутая покрывалом. Посреди маленький журнальный столик. Единственное, что привлекло внимание Ксении, – это обилие картин, которыми были завешаны все стены, и удушливый запах краски.

– Не пытайтесь рассмотреть картины, – раздался голос, – чтобы их рассмотреть, прежде всего нужно понять, что на самом деле их не существует.

Это был высокий, хоть и сгорбленный от прожитых лет старик с жесткими седыми волосами, он смотрел на девушку яркими зелеными глазами, но совершенно недвижимыми.

– Я... – начала Ксения.

– Можете не продолжать, – прервал её старик, – я знаю, кто вы и откуда. Это я сделал так, чтобы вы оказались здесь. Мне надо указать вам ваш путь.

Ксения прищурила глаза.

– Путь? – переспросила она.

– Путь, – повторил художник, – вы потерялись. Я должен вам помочь, рассказать, что я знаю.

– Вы знали, что я буду здесь? – спросила Ксения, бросив взгляд на Верховского, тот хранил молчание. – Откуда?

Старик уставил на неё свои глаза, словно бы пытался разглядеть ими что-то такое, что нельзя разглядеть зрячему че-

ловеку.

– Вы или кто-то иной, – медленно проговорил он, – это неважно. Рано или поздно, кто-то пришел бы. «Извините», – неожиданно произнес он, протягивая руку вперед и водя пальцами у лица гостя. – Хорошо, что это вы. От вас веет теплотой. Странно. Я никогда не ощущал теплоту от ваших коллег. А от вас ощущаю, ощущаю свет.

– Вы знаете, зачем я здесь? – спросила Ксения.

– Главное, что вы знаете, – проговорил старик, – но вас волнует другой вопрос, верны ли ваши знания.

– Так помогите мне это понять, – сказала Ксения, – если можете.

Старик кивнул.

– Вот наконец-то правильные слова, – сказал он, – только я буду говорить с вами наедине, пускай молодой человек побудет за дверью.

Верховский прищурился, словно бы хотел возразить, но затем кивнул и быстрым шагом покинул комнату. Ксения проводила его взглядом.

– Вы боитесь его? – спросила она. – Почему он должен был уйти?

Старик засмеялся.

– Снова неправильный вопрос, – сказал он, – без него вам будет спокойнее.

Авалова мотнула головой.

– Вы полагаете, я его боюсь, – догадалась она.

Старик вновь коротко кивнул. Он не обременял себя движениями и словами.

– Это снова неправильный ответ, – улыбнулся он, – вы боитесь не его, а себя. Своего влечения к нему, которое вы не можете объяснить. Это влечение мешает вам принимать рациональные решения и мыслить над фактами.

– Это он? – спросила Ксения. – Скажите мне, раз вы так уже всё знаете.

Старик горько усмехнулся.

– Увы, я знаю далеко не все, – сказал он, – хотя всё зависит от того, что вы хотите услышать. В вашем местоимении очень много производных «он мужчина», «он человек». Друг он или враг, вот что вас интересует.

– Ну и? – спросила Ксения.

– Не то и не другое, – последовал ответ, – он не тот, кем вы его считаете, как и все в вашем деле.

– Убийца он?

– Вы же знаете, что нет, – сказал старик, – вы знаете, кто убийца. Вы только не знаете её имени. Но вы это узнаете тогда, когда придет время.

– Хотелось бы пораньше, – попыталась усмехнуться Ксения, хотя чувствовала, что у неё сводит скулы. Она вообще странно чувствовала себя в этом более чем странном доме, – если я не найду её, то произойдет непоправимое.

– Оно и так произойдет, – возразил старик, – даже если вы найдете её, вы не сможете ничего остановить. Произойдет

то, что должно произойти.

– Я всё-таки попытаюсь, – улыбнулась Ксения, – вы что-то можете о ней сказать?

– Смотря что вы хотите знать, – повторил старик.

– Верховский сказал, что вы занимаетесь изготовлением паспортов... – сказала девушка, – можете мне сказать, кто заказал вам эти...

Она протянула паспорта убитых девушек. Старик, неторопливо ступая, приблизился и неуверенно взял удостоверение, ощупывая его чуткими кончиками пальцев. Внезапно он резко отдернул руку.

– Кровь! – воскликнул он. – Ужас, смерть я вижу. – Он не моргающим взглядом окинул девушку. – Я делал эти паспорта. Я!

– Кто их заказал? – ещё раз спросила Ксения.

Старик задумчиво стал поворачивать голову то влево, то вправо.

– Девушка, – сказал он, – красивая, но холодная. Не такая, как вы. Такая, как будто без души, как будто у неё высосали душу, и абсолютно безликая внутри.

– Как она вышла на вас?

– Это было очень давно, – сказал старик, – десять лет назад. Мне привели её одни люди. Они сказали, что этой девушке нужно новое лицо.

– Операция? – спросила Ксения.

– Нет, – сказал старик, – синтетическое лицо. Маска.

Ксения удивленно приподняла бровь.

– Вот как, – сказала она, – и вы сделали такую маску? Старик кивнул.

– Да, – сказал он, – это была маска, которая изображала лицо юной девочки. Я это хорошо помню. И она носит эту маску сейчас.

У Ксении от слов старика на душе похолодело. Как такое может быть? Девушка вытащила из портмоне несколько фотографий и разложила их перед собой.

– Она есть на этих снимках? – спросила Авалова. Старик медленно взял фотографии и потрогал их руками.

– Нет, – сказал он, – здесь живые люди, а она мертвая. Вы должны искать её среди мертвых.

Среди мертвых, Ксения закусил губу. Как это? Она же не могла быть призраком или её уже убили?

– А что за люди вам её привели? – спросила она. – Вы знали их раньше?

Старик кивнул.

– Да-а, – протянул он, – я знал их. Во времена СССР я познакомился с некоторыми иностранцами, по их просьбе я тоже изготавливал маски, для определённых людей...

– Вы сотрудничали с иностранной разведкой? – перебила Ксения.

Старик вздернул подбородок.

– Это была не разведка, – сказал он, – разведка работает на государство, а работая на государство, ты становишься вин-

тиком большого механизма. Это была группа прогрессивных интеллектуалов, которые не были оценены современниками. Я художник, а мое искусство, – он обвел руками стены, указывая на картины, – никого в этой стране не интересовало. Это был не соцреализм. Меня арестовали, осудили за антисоветскую пропаганду и отправили на рудники. Я потерял свое зрение, но не потерял талант. И нашлись люди, которые это оценили. Обещали мне коридор для продажи картин и публикации в западных журналах...

– Сделали? – спросила Ксения. Старик кивнул.

– Да, – сказал он, – от меня требовалось не много – только изготавливать документы и лица. Я изготавливал. И наконец мне привели эту девушку и сказали сделать для неё маску. Я тогда очень хорошо запомнил черты фотооригинала для маски. Очень светлая и веселая девочка. Та, которую мне привели, никогда бы не смогла перенять её черты, она была слишком холодная.

– Кто она? – спросила Авалова.

– Элемент организации, – ответил художник, – часть системы, её карающая рука, созданная для одной цели, – находить и уничтожать врагов организации. Она принимает любой облик. Она повсюду и нигде. Но вы опять задаете не те вопросы. Важна не она, важны вы. Сумеете ли вы бросить вызов организации, когда всё случится?

– Что? – не поняла Ксения. – Что случится?

– Вы уже знаете, что, – многозначительно сказал худож-

ник, – странно я не могу никак прочесть ваши мысли. Знаете, вы даже чем-то похожи на неё, но от вас идет тепло и свет. Да-а, пожалуй, вы та, кто сможет бросить им вызов.

Авалова поморщилась. Этот старик был очень странный, он как будто пронизывал до глубины души. Интересно, не специально ли Верховский привел её сюда, чтобы она сболтнула что-то лишнее? Нет, вряд ли. Он не такой дурак.

– Если вы работаете на них, – задалась вопросом Ксения, – то почему хотите мне помочь?

Старик улыбнулся.

– А я не собираюсь вам помогать, – сказал он, – вы должны сами себе помочь и помочь другим. Но мне не нравится делать то, что предначертано. Судьба мне предначертала стать тем, кто поможет организации прийти к власти, а я этого не хочу. Меня интересует иное будущее, и я знаю, что лишь сплотившись, можно противостоять этим людям.

– Значит, это правда, – ответила Ксения, – действительно существует Организация, которая пытается дергать за невидимые рычаги контроля? Признаюсь, что мне в это трудно поверить.

– Гораздо проще, чем кажется, – сказал старик, – главное понимать, что такое контроль.

– Возможность управлять сознанием, – догадалась Ксения.

Старик поднял указательный палец.

– В точку, – сказал он, – именно этого они и хотят. А с

учетом такого механизма, как информация, это очень просто сделать. Теперь вы понимаете?

– Пытаюсь, – ответила Ксения, – и каков же ваш рецепт от этого?

Авалова поймала себя на мысли, что это дело похоже на глубокую бездонную воронку. Оно затягивало её, каждый раз представляясь в совершенно ином свете, и чем дальше она заходила, тем всё оказывалось совершенно не таким, как прежде.

– Выбор, – сказал старик, – вы должны сделать выбор. Будете ли вы подчиняться системе или идти против неё. Для вас этого сложно, потому что сейчас вы сами часть системы, но вам придется сделать этот выбор.

Хорошее предложение, усмехнулась про себя Авалова, в голову опять влезла эскапада Фуко. Интересно всётаки, почему этот старик не дал всё это услышать Верховскому? Может, он считает, что Александр уже сделал выбор? Если да, то интересно, какой он? Впрочем, Ксения не тешила себя мыслью, что старик ей скажет об этом.

– Чем же эта девица опасна? – спросила она. – Почему её так сложно вычислить?

Старик покачал головой.

– Потому, что её нельзя почувствовать, – пожал плечами художник, – она абсолютно нейтральная, как будто у нее нет души!

– То есть? – не поняла Ксения. – Что значит без души?

Старик вздохнул.

– Знаете, её сердце и душа как будто лишены жизни и ничего не чувствуют.

– Почему же это происходит? – спросила Ксения.

– Грехи тяжкие, – ответил старик, – преступление разрывает душу, а когда человек сознательно идет против своей совести, он совершает тяжкие грехи. Знаете, это как зубная боль. Сначала зуб болит, но если его не лечить, то болевые ощущения могут пройти, – и это не значит, что он исцелился, а совсем наоборот – болезнь перешла в более тяжелую форму. Вот и душа, пораженная грехом, может потерять чувствительность, и человек вроде живет, но духовно уже мертв. Безвозвратно.

– Учу, – сказала Ксения.

* * *

Арсенюку было страшно. Это было его обычное состояние, поэтому ничего не было удивительного в том, что он сделал. Наверное, удивительным было то, что чувство страха у Арсенюка никогда не сочеталось с чувством осторожности и самосохранения, вот почему сразу после того, как Покровская покинула его дачу, он позвонил Адашеву и закатил истерику.

– Это я, – прокричал он в трубку, – ты меня слышишь? Все пропало! Я! Арсенюк! Арсенюк! Всё пропало! У меня

была Покровская! Она всё забрала! Диск с информацией о протестных акциях! Да! А что я мог сделать?! Вы же меня подставить решили! Мне что, резон есть на нарах париться!?! Как хотите, но я соскальзываю! Алло! Алло!

– Похоже, я вовремя, – раздался женский голос. Арсенюк дернулся, и вся его сублиальная наружность стала выражать крайнюю нервозность. Перед ним стояла женщина, тонкая, изящная, затянутая в кожу.

– Ты кто? – треснувшим голосом спросил Арсенюк.

– Это не столь важно, – ответила гостя, – наверное, ты даже слышал обо мне. Меня интересуют два момента. Говорил ли ты что-либо о намечающихся событиях и кому?

– Да пошла ты знаешь...

Прежде чем Арсенюк договорил, на его горле сомкнулась стальная перчатка.

– Я, по-моему, спросила достаточно четко, – отозвалась Охотница.

– Ду... Покровская Наталья, – прохрипел Арсенюк, – она ведет дело об убийстве депутата Левицкого.

Охотница сохраняла полную безэмоциональность во взгляде.

– Что она от тебя хотела? – последовал вопрос. – Почему пришла к тебе?

Охотница разжала хватку, и Арсенюк осел на землю, судорожно хватая ртом воздух.

– Требовала, чтобы сняли посты, – хрипел он, – чтобы вы-

пустили Сабурову и её девчонку.

– Ты снял посты?

Арсенюк тяжело закивал:

– Да.

Охотница эмоций не выражала.

– Что ещё?

– Я заснял, как Кирсанова пытается убежать из комнаты, – заныл Арсенюк.

– Прекрасно, – бросила Охотница, – ты уже успел передать это Покровской?

– Нет, – выдохнул Арсенюк, – она придет за информацией сюда завтра. В два часа дня.

Впервые за весь разговор Охотница позволила себе улыбку. Она получила то, что ей было нужно.

– Благодарю, – вежливо сказала она и направилась к выходу из гостиной, – да, кстати, я забыла. Мы не попрощались.

Охотница сделала легкое движение рукой. С запястья слетел диск. Он разрезал плоть и кость и вернулся к хозяйке. Арсенюк с широко открытыми глазами осел на пол.

Охотница подошла к трупку и перевернула его носком сапога.

– Бесплезное существо, – пренебрежительно бросила девушка.

Штильхарт вел машину. Кристина сидела рядом, уткнувшись в свои записи, словно бы те могли ей помочь что-нибудь понять. По радио шли новости. Главной из которой была смерть беглого олигарха из Великолоруссии Бориса Тополевича. Его тело было найдено на окраине Монтрё в брошенной машине. По первым данным остановка сердца.

– Кажется, кое-кто опять убрал все концы, – заметил Флориан, – клиника эвакуирована, Тополевич мертв.

– Похоже, – кивнула Кристина, – возможно, он отыграл свою роль и от него избавились, а может быть, он стал слишком опасно себя вести для их общего дела. Это не столь важно! В любом случае, с его смертью ниточка оборвалась. Теперь мы просто обязаны найти эту Охотницу, она единственный ключ к разгадке.

Штильхарт многозначительно хмыкнул.

– А может, всё проще, – сказал он, – может, за этим стоит Верховский? Иначе кому и зачем нужно похищать Урусову?

– Поясни, – не поняла Леонова.

– Смотри, – сказал Флориан, – он всё бредит страстью к Анастасии, по крайней мере так утверждал покойный Урусов, и тогда в рамки укладывалось бы похищение. Ну в самом деле, если ты хочешь убить человека, берешь и убиваешь. А вот подобное похищение... На такое способны толь-

ко люди, одержимые страстью.

Кристина задумалась.

– Но Светлана слышала женский голос, – напомнила девушка, – да и куда девать убийство Чилуэлла? Он же не мешал Верховскому. Но кое в чем ты прав. В страстях Верховского.

– То есть? – пожал плечами Штильхарт.

– Похищение объекта страсти вполне может заставить Верховского начать совершать рискованные действия, – заметила Кристина, – быть может, целью является он, а не Анастасия? Может быть, похищение Анастасии было заказано, чтобы заставить его сделать взнос в «Лигу честности» или что-то в этом роде.

Флориан кивнул.

– Возможно, – согласился он, – только не забывай, что мы теперь знаем, что сама «Лига» была профанацией, и сохранится ли она без Тополевича, это ещё большой вопрос.

– Может быть, Анастасия что-то знала об убийстве Чилуэлла, – предположила Кристина, – или что-то об Александре, какую-то деталь, которую мы не знаем.

Они по-прежнему ходили по кругу и никак не могли из этого круга выйти, словно бы он был заколдован.

Place du Molard был одним из центральных местечек Женевы, районом открытых рынков, фешенебельных бутиков, а ещё маленьких кафешек. Где-то в одном из таких и произошла судьбоносная встреча для Александры.

– Мы здесь, – возвестил Штильхарт, – ты уже провела гениальный анализ и определила, где то кафе? Их же здесь с десяток.

Кристина кивнула.

– Да, но Светлана говорила про площадь, – заметила девушка, – согласишься, что таких меньше.

Собственно говоря, их было всего три. И естественно, во всех трех им сказали, что никогда не видели такой девушки.

– Ничего, – весело сказал Флориан, – отрицательный результат тоже надо записывать в актив.

Кристина вздохнула. Это и так была весьма хлипкая ниточка, но ничего больше у них не было. Возможно, конечно, что за десять лет Александру просто забыли, мало ли посетителей, а возможно, что и встречи никакой не было или они договорились встретиться в другом месте.

– Стоп, – осенило Кристину – здесь же есть еще одно местечко!

– Где? – не понял Штильхарт.

– Винный бар в Башне Молар, – пояснила девушка, – я была там как-то с друзьями.

Штильхарт указал на виднеющуюся чуть вдалеке башенку XIV века, возведенную для защиты озёрного порта Женевы. Кристина молча кивнула.

Бар располагался на втором этаже и представлял собой смесь старины и хайтека. Подскочившему официанту в черном переднике, лет пятидесяти, Штильхарт продемонстри-

ровал удостоверение.

– Чем могу помочь? – спросил официант.

– Кто-то из ваших официантов работал здесь десять лет назад? – спросила Кристина.

Официант почесал затылок.

– Я работал, – кивнул он, – я здесь вообще с самого начала. А в чём дело?

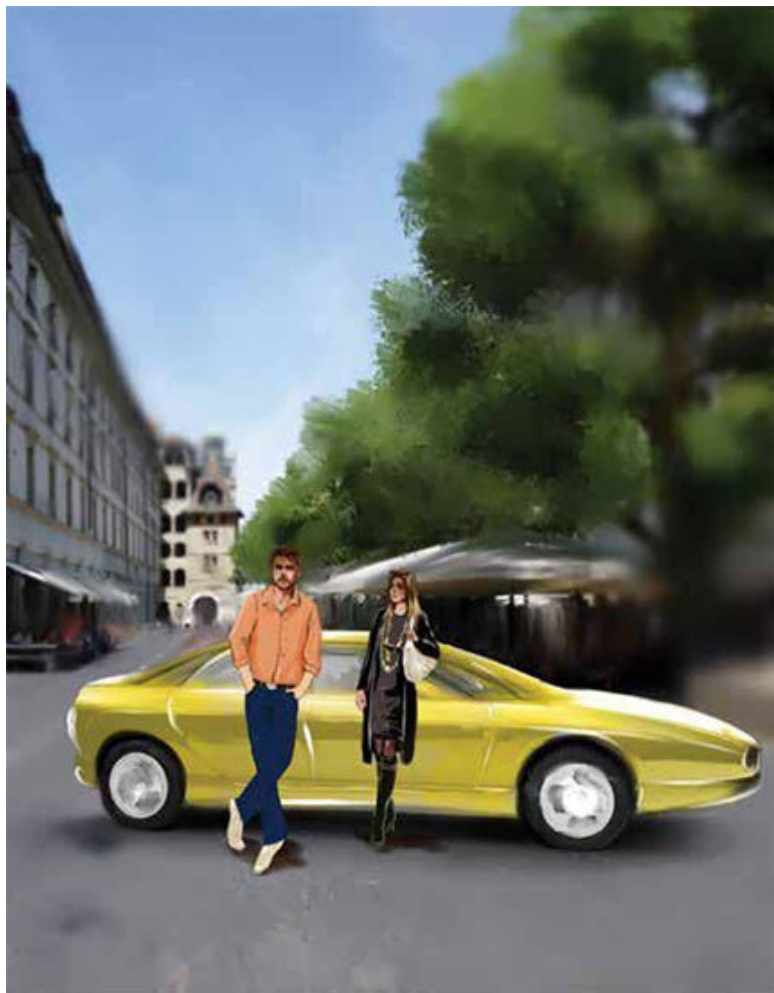
Кристина продемонстрировала фотографию.

– Вы видели здесь эту девушку? – спросила она.

Официант прищурился, затем нацепил очки, снова прищурился.

– Да, – сказал он, – определенно я её видел. Как раз где-то лет десять назад.

Штильхарт нахмурился.

– И вы так хорошо её запомнили? – спросил он. Официант засмеялся.

– Ну, вы знаете, у меня хорошая память на лица, – сказал он, – профессиональная. Тем более что девица эта не одна была, а с подругой. Обе красивые, яркие, к тому же иностранки, поэтому и запомнил.

– А что вы о подруге можете сказать? – поинтересовалась Кристина.

Официант задумчиво почесал голову.

– Красивая, брюнетка, – стал описывать мужчина, – ростом с вас будет. Глаза такие большие и черные.

– А они долго сидели? – спросил Флориан.

– Да часа два, – сказал официант, – видно было, что они давно знакомы. Смеялись, шутили. Обычные девушки, ничего особенного. Хотя постойте, брюнетка эта, она приехала раньше, чем та, которую вы мне показывали.

– Вы говорите приехала? – спросила Кристина.

Официант кивнул.

– Да, – сказал он, – у неё «Ауди» была, синего цвета. Она, девица, меня еще спрашивала, куда машину можно здесь поставить, на стоянку, а тут, вон, парковка рядом. Вот я и сказал ей. А уж потом к ней та, что на фото, подседа.

– А она на чем приехала? – на всякий случай спросила Кристина.

– Пешком, – пожал плечами официант, – я даже удивился немного, дождь шел, подруга, наверное, и подхватить её где-

то могла.

Кристина сдвинула брови.

– Понятно, – сказала она, – ну о чём они разговаривали, вы, конечно, не знаете.

– Да, по-иностранному они разговаривали, – бросил официант, – я и не прислушивался. Лопотали что-то там о своём, да и мне прислушиваться некогда было, клиентов был полный бар.

Да не густо, заметила про себя Кристина, вернее пусто.

– А как обращалась к той, что приехала, вторая девушка? – спросила Леонова. – Может, как-то называла?

Официант почесал переносицу.

– Да я не запомнил как-то, – сказал он, – хотя постоите, ту, которая приехала, звали Ольга.

– Ольга? – переспросила Кристина. – Вы не ошибаетесь? Официант махнул рукой.

– Да что вы? – сказал он. – Нет, она, ну та, вторая, когда первую увидела, бросилась к ней на шею и назвала её Ольга.

Штильхарт пихнул Кристину локтем.

– Оля журналистка? – обалдело сказал он. – Слушай, а это не Касаткина, часом?

Кристина задумчиво закусила губу.

– О-б-а-л-деть, – протянула девушка.

Она уже давно перестала чему-то удивляться, но если Касаткина была знакома с Александрой, то она могла знать информацию о Греларозоле задолго до того, как к ней пришла

Эльмира. Если теория Наташи верна и Эльмире действительно сливал информацию Тополевич, он вполне мог это делать через Ольгу, да и её поведение на прессконференции «Лиги честности» в этом случае видится несколько в ином свете. Все это, конечно, сильно притянута, но при определенном ракурсе может быть правдой.

– Получается, Касаткина была знакома с Александрой? – проговорил Флориан. – Случай?

Кристина поджала губы.

– Знакома, – кивнула она, – и после того, как они встретились Александру не узнает никто из близких друзей, а Касаткина меж тем связана с расследованием Эльмиры Сабуровой.

Штильхарт подарил подруге скептический взгляд.

– Ты же не хочешь сказать, что Касаткина... – неуверенно спросил он, – да нет, это бред.

Левонова не ответила. Пожав плечами, она вновь обратилась к официанту:

– А скажите, вот они вместе ушли? Или, может быть, по отдельности?

Официант задумался.

– Вместе, – сказал он, – вы знаете, тут такая история, я специально за ними не следил, но девицы-то красивые, вот я их и проводил взглядом. Они вместе пошли к парковке. Точно, вспомнил вот ещё что. Девица эта, ну которая на машине, она меня вот о чём спрашивала. Можно ли удить рыбу в

Жонксоне? Я ей сказал, что нет. А она улыбнулась так и пошла. Знаете, у меня даже дрожь пробежала от такой улыбки.

Pointe de la Jonction, поняла Кристина, парк на западной окраине города, местные студенты, да и не только, часто там устраивали пикники, играя во взрослую жизнь: бездельничали, пили, курили травку, валяли дурака. Кристина, хотя не одобряла подобных занятий, в юности тоже посещала это местечко. Вопрос, что задала неизвестная знакомая Александры, мог бы показаться безобидным, однако если бы Александра с подругой хотели провести время в парке, она должна была знать, что в декабре сильные приливы Роны и Жонксон часто подтапливает. Значит, Александру отвезли туда без её ведома. Думай, приказала она себе, представляй картину. Что могло случиться в этом парке? Они вышли из ресторана в пять. Это уже глубокая темень. Зачем в такое время тащится в Жонксон?

Она поняла.

Всё на самом деле очень просто, главное правильно ответить на вопросы.

– Вызывай водолазов, Штильхарт, – сообщила она, – кажется, я знаю, что случилось.

КОНЕЦ ДЕВЯТОЙ ГЛАВЫ

Глава X. Игра вслепую

– Куда мне идти? – спросила Алиса.

*– Всё зависит от того, куда ты хочешь
попасть, – ответил кот.*

Льюис Кэрролл

Среда, 24 октября

Ксения выходила из этого странного во всех отношениях дома ещё в большем недоумении, чем заходила туда. Безусловно кое-чем важным чудной старик поделится сумел, но в целом его описание искомой девицы было слишком расплывчатым и неточным. Под него могла подходить практически любая из знакомых особ. И Анастасия Урсова, так спешно улетевшая в Женеву и Светлана Русакова, умолчавшая о своих отношениях с Томасом Чилуэллом. Да и тот факт, что старик отказался разговаривать при Верховском тоже напрягал.

– Догадываюсь, что вы чувствуете, – мимоходом бросил шедший рядом Александр, – наверное, вы воображаете себя Алисой, падающей в кроличью нору.

– Интересное сравнение, – сухо усмехнулась Ксения, – только вы тоже так себя чувствуете, вы пришли услышать от-

веты, но не услышали.

Верховский улыбнулся.

– Пожалуй, не стану печалиться об этом, – сказал он, – всё, что вам было сказано, это сказано только для вас и только вы поймете, как обойтись со сказанным.

Жизнь понимается с высоты прожитых лет, хотя и двигаться она должна вперед, вспомнила Ксения известное изречение Кьеркегора. Верховский сейчас находился в смятении. Он бился со своими страхами, пытался определить, рассказывать ли то, в чём он сам себе боится признаться. Он тоже умеет менять лица как перчатки. Интересно, есть ли у него душа? И какая она? Быть может, тот странный старик не стал с ним разговаривать, потому что как раз не увидел в нем душу. Но он что-то увидел в ней самой, что-то такое, что Ксения сама похоронила под маской железного детектива с нервами-канатами. Что-то, чего не было у Верховского. Поэтому он и стал говорить с ней одной.

– Кто он? – спросила девушка.

– Художник, – пожал плечами Верховский, – странный старик, говорят, он умеет распознавать истинную сущность человека.

– Каким же образом? – полюбопытствовала Авалова.

– У него уникальный талант, – сказал Верховский, – прикоснувшись к человеку или к его вещи, он как бы сам становится этой личностью. Им овладевают те же эмоции, которые человек испытывает в этот момент.

– Экстрасенсорика? – недоверчиво спросила Ксения.

– Что-то вроде этого, – бросил Верховский, – когда он прикасается к человеку, то этот человек представляется ему не более чем рисунком, набором линий, которые выстраиваются в портрет.

Ксения улыбнулась.

– Занятно, – отметила девушка, – и какой он портрет увидел в вас? Вы не стали противиться, когда он сказал, что будет разговаривать со мной, значит, вы боялись того, что услышите о себе.

Верховский пожал плечами.

– У каждого из нас есть свои скелеты в шкафу, Ксения Игоревна, – многозначительно произнес молодой человек, – мой портрет мне и так известен и, боюсь, я не услышал бы ничего нового.

Ксения повернулась в его сторону и, наверное, впервые заглянула ему в глаза. Они были очень яркие, но абсолютно лишённые эмоций, словно бы кто-то выкачал из них всю жизнь.

– Как вы считаете, есть бездуховные люди? – озвучил он её собственный вопрос, заданный художнику.

Ксения задумалась.

– Этот вопрос скорее следует задать священнику, – улыбнулась она, – а не детективу. Впрочем, думаю, да. И это опасные люди, опасные для себя самих. Мне кажется, бездушный человек не может откликнуться на чужое горе, оно его не

трогает. Такое, к сожалению, бывает, когда человек сознательно идет против своей совести. Мне так кажется.

– Занятно, – сказал Александр, – знаете, Ксения Игоревна, меня всегда интересовало, как поступки человека могут повлиять на его судьбу. Как, однако, всегда обманчиво внешнее благополучие человека, и лишь узнав то, что у него внутри, можно понять мотивы его поступков. Добро он творит или зло. Иногда мне кажется, что и зло можно творить во благо.

Авалова сдвинула брови. Он ждал от неё ответа.

– Мне кажется, все действия человека можно условно поделить на добрые и злые, – сказала девушка, – любой поступок, будучи злым или добрым, влияет на будущее человека. Зло может заставить понять себя, важно лишь отметить, что не каждый злой человек на это способен. Кто-то совершает зло всю жизнь, и его все устраивает, кто-то понимает, что поступал неправильно, уже после совершения многочисленных злодеяний, кто-то задумывается о собственном существовании после совершения небольшого проступка. Каждая личность индивидуальна и реагирует на собственное зло по-разному. Важно выбрать, как ты реагируешь на свое зло.

– Интересная теория, – заметил Верховский, – знаете, вы оказались даже умнее, чем я предполагал.

– Надеюсь, вы не разочаруетесь в этом, – хмыкнула Авалова.

– Часто правильность мыслей проверяется необходимо-

стью подтвердить их ещё раз, – улыбнулся Верховский, – даже если тебе известна цена проверки. Я это слишком хорошо знаю.

– То, что произошло с Катей Кирсановой, относится к этому? – прямо спросила Ксения.

Верховский пожал плечами.

– Отчасти, – сказал он, – возможно, я и не должен был использовать её в своем деле, но мне тогда казалось, что я поступаю верно.

– Он дал ей погибнуть, и трусость в этом случае весьма слабое оправдание, – вспомнила Ксения цитату из Драйзера.

– Я считал, что смогу предотвратить подобное, – пожал плечами Верховский, – я ошибался, но если вы меня спросите, жалею ли я об этой ошибке, я вам скажу: нет, не жалею. Если бы все повторилось, я бы сделал то же самое. Нарыв всегда нужно вскрывать, даже путем таких жертв.

Очевидно, Верховский снова сел на любимого конька – политику. Это было странно, но Ксения все время ловила себя на мысли, что ей нравится с ним дискутировать.

– Перемены должны происходить скачком? – риторически спросила Ксения. – Весьма опасное предприятие.

– Не люблю жить в напряжении, – сказал Верховский, – чувствовать его постоянно, ложиться с ним спать или включать телевизор, платить налоги или ходить на свидания. Странное ощущение, не правда ли, но оно не уходит, и избавиться от него никак нельзя. Не сталкивались с таким?

– Наваждение грех, – улыбнулась Ксения, – оно порождает пустоту в человеке – искажение реальности, сотворённое человеческими ложью и потерей умения фантазировать.

– А что есть реальность? – спросил Верховский. – И как определить её? Не кажется ли вам, Ксения Игоревна, что мы вообще живем в каком-то иллюзорном мире, который нам нарисовал какой-то злобный демон?

Они неспешно подошли к тому месту, где Верховский запарковал автомобиль.

– Человек мыслит, – сказала Ксения, – а значит, только своими мыслями он этот мир и создает. А уж дурные они или праведные, он только сам знает и только сознание собственной невинности успокаивает человека. Не правда ли?

Разговор прервал телефонный звонок. Рауш.

– Вы не у телевизора? – озадачил её Макс. Ксения возвела глаза к небу.

– Что ещё случилось? – спросила она.

– Случилось, – последовал ответ.

* * *

Они встретились в кабинете. Работал телевизор. Мациевский и Рауш стояли перед ним. Покровская сидела, закинув ногу на ногу, и нервно кусала губы.

– Мы тут интересную передачу смотрим, – сказал Мациевский, – присоединяйтесь.

Ксения обратила взор на экран. Шло политическое ток-шоу. Ведущий лысый низкого роста в рубашке и жилетке что-то активно вещал зрителям.

«Я сейчас говорю вам только факты, только голые факты. Дети депутатов и чиновников использовали частную швейцарскую клинику в качестве частного сумасшедшего дома, в который отправляли молодых девушек, с которыми им надоело развлекаться. – В студии поднялся гомон. – Повторяю, – говорил ведущий, что это не клевета, у меня есть документы, которые мне прислали сегодня утром...»

Ксения резко переключила канал. На нём шли новости.

«После опубликования данных о восьми девушках, которые удерживались в частной швейцарской клиники, – вещал репортер, – более четырех тысяч человек вышли к дверям Верховной рады...»

Ксения выключила телевизор. Опоздали.

– Самое главное, что всё правда, – сказала Ксения, головой кивая на погасший экран.

– Да, – пробормотала Наташа, – теперь начнется. Как думаете, документы были опубликованы по приказу? Или по личной инициативе?

Авалова мрачно склонила голову в кивке.

– По приказу, по приказу, – сказала она, – только не тех, на кого мы думаем.

– Что ты имеешь в виду? – поинтересовался Мациевский.

– Есть кто-то ещё, – пояснила Ксения, – кто-то, кто отдаёт приказы Адашеву и кому подчиняется наша девушка.

– SIGMA? – спросила Наташа. Ксения кивнула.

– Да, – кивнула Ксения, – удивительно, но теперь я сама начинаю в это верить. И они пока впереди нас. На этом обычное расследование заканчивается, начинается политика.

– Что будем делать? – спросила Наташа.

– Что и раньше, – сказала Ксения, – искать. Если у Арсенюка действительно есть компромат на Адашева, возможно, он даст нам ключ к поискам. А я вернусь к Верховскому. Пришло время услышать и от него ответы.

* * *

*И судимы были мертвые по написанному в книгах
сообразно с делами своими.*

Грозен и страшен был этот год. И в год этот жила Понтия в каком-то странном и неестественном состоянии, которое быть может только ей одной свойственно.

И вот в этот самый год произошло в этой стране то, что все ожидали, но произошло это так быстро, что никто уже даже не скажет, кто это начал и что стало причиной. А произошло это потому, что в этой самой стране ненавидели власть.

Её ненавидели все. Ненавидели либералы, которые мечтали об эфемерной свободе. Ненавидели олигархи, потому

что власть дербанила тот кусок, который дербанить могли бы они. Ненавидели националисты, потому что националисты считали власть враждебной для государственных идей. Ненавидели поэты и литераторы, художники и банкиры.

А власть этой самой Понттии мечтала не о закатах над рекой и не о теплых зимах, и не благополучии Понттии, а мечтала она о маленькой ячейке с внушительным содержимым и о квартирах в очень далёких странах.

И эта ненависть росла и ширилась, и стала разбухать. Власть ненавидели, ненавидели ненавистью прямой, сильной, которая должна была двинуть в драку.

И вот пришло известие о том, что богатые люди Республики развлекаются с девушками, а потом отправляют их в психиатрическую клинику, когда те им надоедали.

И нечего было говорить власти, что будет расследование и виновных накажут.

Мнения разделились. Кто-то говорил:

– Это либералы! А кто-то:

– Это коррумпированная власть! Там одни воры. Ну и любимое славянское:

– Это вообще всё Запад!

И никто не знал, кто такие «либералы», и кто «воры во власти», и какой-токой «Запад». Но что знали все решительно, это то, что власть должна ответить.

Угольная чернота залегла над массивными деревьями. Полная чернота, и только свет прожектора освещает караульное помещение возле массивных ворот.

И вдруг как по команде: свет, рев моторов, крики, гомон.

– Ребята, давай с нами! На склады!

– На склады! – подхватили ребята.

Осторожный часовой вскинул АКМ.

– Кто идет?

Ответом ему был удар тяжелым поленом по голове. Часовой рухнул на землю. АКМ кто-то подхватил. Послышались выстрелы.

Снова свет фар. Рев мотора. Кто-то двинул грузовик на ворота.

Тяжелый «бычок» снес покрашенный металл, и толпа ворвалась туда, куда чернота падала на деревья.

Воздух наполнился рёвом тревоги и стрекотом автоматов. Это пытались отстреливаться солдаты, но толпа напирала. Раскидывала солдат поленьями, забивала камнями, подхватывала АКМы и начинала стрелять в ответ.

Толпа врвалась в массивное здание, выносила оттуда тяжелые деревянные ящики. Выходила из ворот. Садилась в грузовики и ехала. Ехала брать город.

Да, месть не замедлила себя ждать. Она пришла по жар-

ким дорогам с запада и востока. С юга и с севера. Пришла в Борисфен. Пришла и стала стрекотать автоматами и пахнуть кострами на площади, и звучать криками и призывами.

И явно, что предшествовал этому всему обычный, простой и кривой гнев. Этот гнев нес и поленья, и автоматы и сносил металлические ворота.

И вот после этих ворот и после того, как запылали костры на площади, началась какая-то сущая чертовщина. Всколыхнулась и забурлила по всей Республике.

* * *

Вдоль берега реки тянулась насыпь из вырытого со дна грунта. Слово «Junction» означало соединение. Что же, судьба не лишена иронии, в который раз утвердилась Кристина.

Грея руки в карманах пальто и подбрасывая носком сапога мелкую гальку, девушка стояла подле высокого дерева и смотрела на автокран, который поднимал из мрачной осенней воды автомобиль. То, что от него осталось за десять лет, которые он пролежал на дне.

Проходя вдоль реки, Кристина думала о том, какие ещё тайны могут скрывать эти темные воды. Водолазы работали уже два часа, ныряя в воду с надувных лодок. Криминалисты обследовали поросшие травой и тростником берега. Все было залито сиянием переносных прожекторов.

Думай, приказала она себе, они подъехали сюда, колеса

были развернуты к реке. Затем один из пассажиров вышел и направил автомобиль в воду. Остальное сделала неумолимая природа и время.

Штильхарт был рядом. Тоже смотрел, как на фоне черного небо вырастает силуэт «Ауди».

– Плохие новости, – сказал он, – уже слышала? Легонова кивнула.

– Да, – сухо сказала она, – теперь начнется. Народ обвиняет власть. Власть обвиняет народ. Дело пахнет большим бадабумом.

– Занимательное слово, – хмыкнул Флориан, – главное, очень точно объясняет.

– Главное, что мы сделать ни черта не можем, – сказала Кристина, – не стоило нам соваться в клинику, мы только подстегнули ситуацию.

– Не кори себя, – пожал плечами Флориан, – ты все сделала правильно. Спасла жизни двух невинных девочек. А уж это... будь покойна, оно и так бы случилось. Не это, так другое. Важно знать правду о природе ситуации, и мы её знаем.

Кристина бросила в его сторону недоверчивый взгляд.

– Штильхарт, – сказала она, – ты читаешь слишком много философских книг.

Автокран перетащил машину в сторону от воды и покачал над насыпью. Потом, с помощью трех человек, «Ауди» медленно опустили на землю и его сразу облепили полицейские. Кто-то открыл дверцу, оттуда вылилась дурно пахнущая за-

цветшая вода.

– Детектив, – окликнула Флориана девушка-полицейский из оцепления, – посмотрите, что мы нашли!

Штильхарт кивнул Кристине, и они вдвоем подошли к автомобилю. В этот момент двое полицейских в спецодежде осторожно вытаскивали что-то из салона – человеческие кости.

– Десять лет пролежала на дне, – сказал Штильхарт, – Фабиан, как думаешь, удастся идентифицировать?

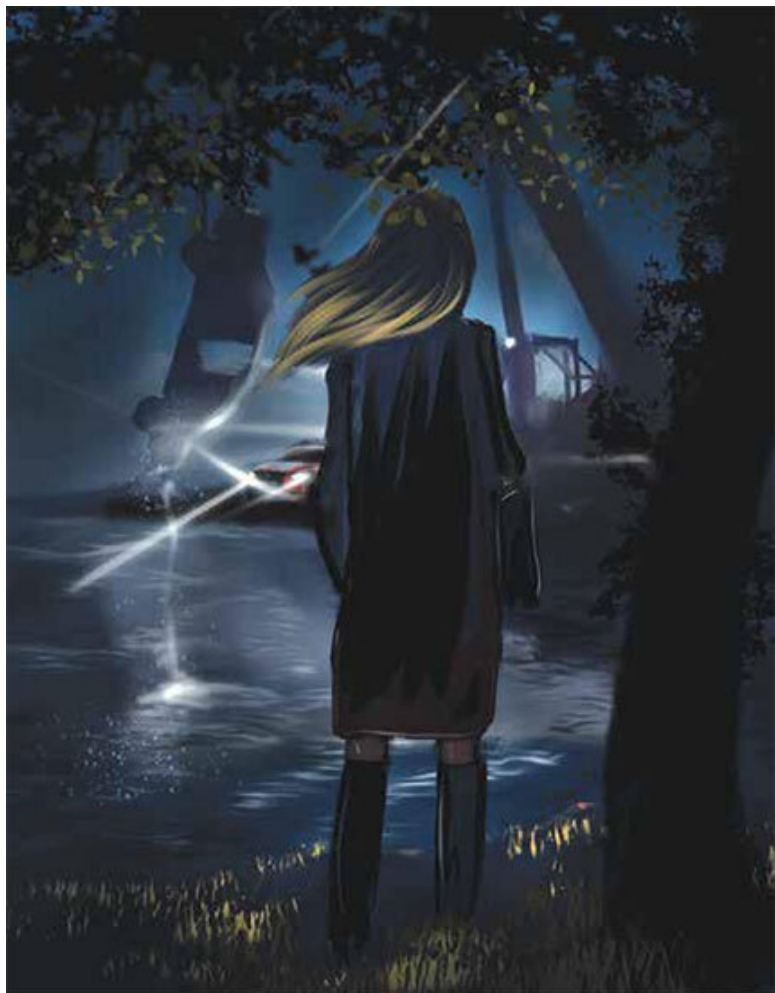
– Закон сохранения материи, – сказал Эмболо, – дает мне некоторую надежду. Хотя кое-что я уже могу сказать.

– Мы все в ожидании, – сказала Кристина.

– Извольте, – сказал Фабиан, – скелет женский, на вид 17–18 лет. Зубы ухоженные, шейный позвонок сломан, поэтому могу предположить, что жертве свернули шею.

– А сколько в таком виде она пролежала в воде? – спросил Флориан.

Фабиан пожал плечами.

– Тело в таком состоянии может разлагаться до восемнадцати месяцев, – проговорил эксперт, – а судя по состоянию машины, не менее десяти лет.

– По датам сходится, – кивнул Штильхарт, – номера целы?

– На ваше счастье, да, – сказал Фабиан, – отлетели, правда, в сторону, но целые.

Кристина заглянула за плечо Флориана и некоторое время разглядывала поржавевший номерной знак. Все оказалось до смешного просто.

– Вырисовывается такая картина, – сказала она, – убийца усадил уже мертвую Александру Рыкову за руль. Сам скорее всего управлял автомобилем снаружи. «А ремень на жертве был пристегнут?» – спросила она у Фабиана.

Эксперт покачал головой.

– Нет, – сказал он. Кристина поджала губы.

– Странно, – сказала она, – я бы на её месте пристегнула. Тело могло выпасть из машины раньше времени.

Штильхарт насупился.

– Может быть, её кто-то спугнул, – проговорил он, – вот она и не пристегнула.

Кристина заглянула в салон. Когда-то стильная кожаная отделка теперь представляла собой труху.

– Возможно, – кивнула девушка, – а если по-другому. Если она хотела пристегнуть труп, но её кто-то спугнул и ремень у неё отлетел и тогда...

Штильхарт отодвинул Кристину и потрогал ремень без-

опасности.

– А тогда ремень должен был оцарапать лицо нашей девушки или вырвать клоч волос, – подхватил Флориан, – так полагаешь?

– Верно мыслишь, Штильхарт, – кивнула Кристина, вытягивая ремень, – Фабиан, иди-ка сюда.

Эксперт, потирая руки о спецкостюм, подошел к автомобилю.

– Что-нибудь нашла?

– Это ты мне скажи, – небрежно бросила девушка. Фабиан взял в руки ультрафиолетовую лампу.

– Сейчас увидим, – сказал он, осторожно проводя лампой по ремню. Несколько секунд спустя на лямке стали проявляться мелкие точки.

– Кровь, – утвердительно сказал Фабиан, – сейчас анализатор запустим и узнаем всё о вашей девушке. Если конечно, это не отпечатки трупа.

Эксперт срезал часть ремня, упаковал в конверт.

– Идите за мной, – сказал он, махнув головой.

Они отошли в сторону стоявшей возле насыпи машины LMDI, освещенной прожекторами. Фабиан залез в микроавтобус и достал небольших размеров кубический предмет белого цвета.

– Как думаешь, её мог здесь кто-то видеть? – спросила Кристина.

Флориан пожал плечами.

– Не знаю, – сказал он, изучая карту, предоставленную местным экологическим движением, – если дело было ночью, а оно было ночью, лес же кругом, стоит пройти два метра, и ты скрыт среди деревьев. Здесь вообще такая глубина и вода во всех направлениях.

Пол-Женева утопить можно. И мы никогда ничего бы не нашли.

Кристина, сухо кивнув, отошла к микроавтобусу. Фабиан продолжал копошиться с оборудованием.

– Ну как? – спросила девушка.

– Двигается, – сказал эксперт, – этот 3-d визуальный идентифиграф ещё в стадии разработки. Когда мы извлечем из крови ДНК, то сможем опознать личность по фотофайлам из баз данных ЦРУ, ФСБ, АНБ...

Кристина закатила глаза.

– Федеральной разведывательной службы Германии, МОССАДА, МГБ КНР и Службы безопасности Кубы, – закончила девушка фразу, – я все перечислила?

– Только половину, – сказал Флориан, – мне это он перечисляет шесть раз на дню.

Фабиан зло прищурился.

– Я не терплю насмешек над снаряжением, – сказал он, – не думаю, что вам будет смешно, если я прекращу проверку.

– Успокойся, мы пошутили, – улыбнулась Кристина, – ты же знаешь, что без тебя мы как без рук.

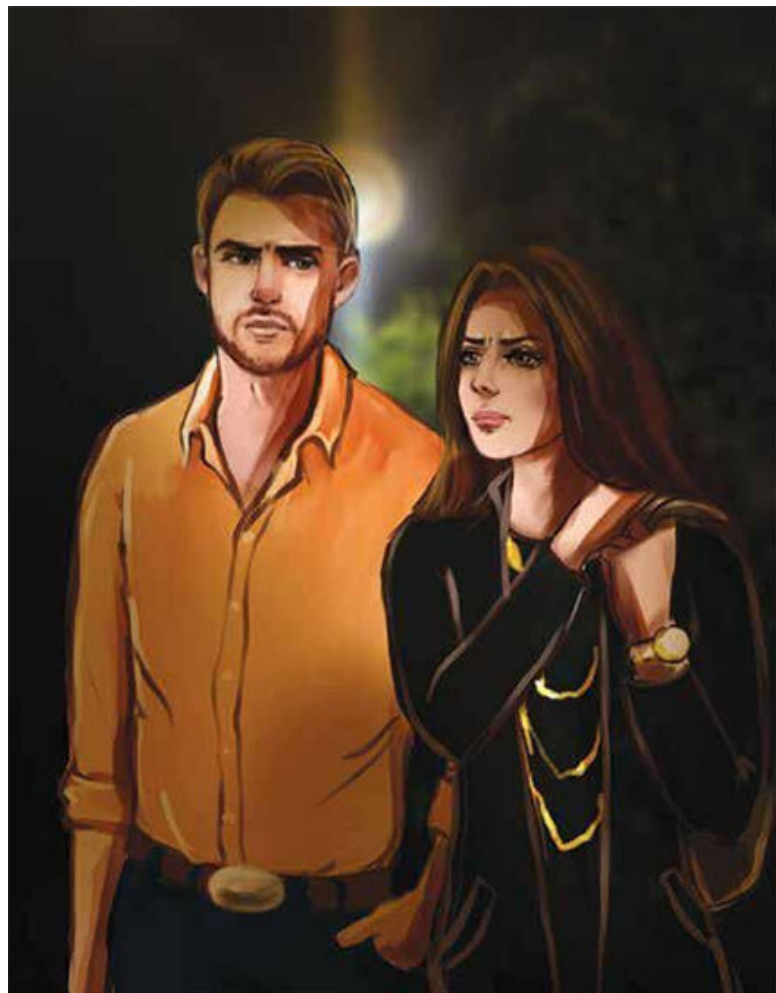
– Скорее без головы, – едко заметил Фабиан.

Идентиграф два раза улюлюкнул и на экране забегали циферки. Появилась надпись «téléchargement» и строка состояния.

– Не люблю полевые работы, – сказал Фабиан, – почему-то всегда приходится выезжать туда, где холодно и грязно. Мне лучше работать в кабинете. Там сухо, кофемашина рядом и нет занудливых полицейских. А здесь только чай в пластиковом стаканчике.

– Не нуди, – похлопала Кристина его по плечу, беря в руку стакан, – между прочим, прекрасный чай.

Загрузка данных завершилась, и на экране монитора возник вначале миниатюрный овал, затем стали появляться глаза, нос, губы и волосы. Загорелась надпись «détecte».

– Это она, наша девушка, – сказала Кристина, – определено. Думается мне, что убийство Рыковой на её совести.

Штильхарт многозначительно хмыкнул.

– Занимательно, – сказал он, – а занимательнее всего то, что ты доказать-то ничего не сможешь. Это ведь только косвенные улики, а чтобы её прижать, нужно что-то посущественнее. Это тебе не уличный карманник.

Кристина сдвинула брови. Думай, думай. Точно, поняла девушка. Развернулась на каблуках и щелкнула пальцами в воздухе.

– Старик, – сказала она.

– Чего? – не понял Чилуэлл.

– Связующее звено, – сказала девушка, – всегда должно быть связующее звено.

Штильхарт закатил глаза.

– Ты можешь говорить по-человечески? – спросил он.

– Кажется, я до чего-то додумалась, – бросила Кристина, – помнишь, ты говорил что-то про старика-соседа, который видел девушку в день убийства Чилуэллов? – спросила она.

– Ну? – пожал плечами Флориан.

– Поехали покажем ему портрет, – сказала Кристина, – вдруг узнает девушку? Понимаешь, о чём я?

Штильхарт пожевал губу.

– Это зацепка, – кивнул он, – только хлипкая. Кристина пожалала плечами.

– Ну ничего другого у нас нет, – заметила девушка, – ка-

кой там у него адрес?

* * *

Наташа вела сама, сквозь туман, который окутывал пригороды Кранцберга. События последних дней сделали из её нервов один стальной канат. Незнание – корень страха и подозрений. Знание – источник печалей.

Однако в данный момент она не могла поверить своей удаче, несмотря на внешнюю неразбериху, дела, похоже, налаживались. Если у неё будут документы, то ими можно будет торговать, вопрос только с кем и о чём?

– Какого черта нас опять несёт в это проклятое место? – жаловался Соболев. – Прошлый раз еле ноги унесли.

– Не волнуйся, – манерно бросила девушка, – если все удастся, нам придется покинуть это прекрасное местечко, и желательно больше никогда не возвращаться, разве что только сильно изменив внешность. И провести оставшуюся жизнь, поминутно оглядываясь и скрываясь.

Наташа чувствовала теплый прилив адреналина, если и не получится, то хуже уже не станет.

– Веселая перспектива, – улыбнулся Соболев, – впрочем, я уже начинаю к этому привыкать.

Безуспешно прикидываясь своей, Наташа шагала по узкой тропинке, которая вилась меж лимонных и апельсиновых деревьев, шедшей от приоткрытой калитки, которая, нужно

сказать, весьма озадачила её, ибо в прошлый раз была закрыта. Впрочем, Арсенюк мог её ждать и не посвящать своих охранников в подробности встречи, тем более что кое-кто из них мог и сообщить, с кем именно встречается их шеф. Входная дверь тоже была открыта, Наташа осторожно отодвинула её в сторону, положив свободную руку на рукоять револьвера. Удивительно быстро она привыкла к наличию оружия, хотя если бы её кто-то спросил, она бы с удовольствием поменяла все эти бесконечные перестрелки и погони на обычную канцелярскую работу.

Впрочем, уже переступив порог злополучного дома, Наташа поняла, что оружие вряд ли понадобится. В доме просто никого не было. Обитатель жилища явно собирался впопыхах, не забываясь задвинуть панели стальных шкафов после того, как выгреб вещи.

– Занятно, – хмыкнул Соболев, – неужели сбежал?

Покровская пожалала плечами.

– Похоже, – сказала она, – или кто-то здесь что-то пытался найти.

Она махнула рукой, показав жестом следовать за ней.

Обстоятельства усложнились.

– Вы решили переквалифицироваться в оперативники и напугать шайку головорезов?

Наташа криво усмехнулась.

– Всегда об этом мечтала, – сказала девушка.

Она вошла в гостиную. Перевернутый стул мог указывать

на следы борьбы. Больше ничего интересного не было. Девушка прошла дальше. В глубине комнаты, рядом с большим полотном XVIII века, растекалось красное пятно. Наташа заглянула за угол комода. Арсенюк лежал головой к стене. Кровь капала из его перерезанного горла на паркет, она и образовывала пятно.

– Из огня да в полымя, – пробормотала Наташа, нагибаясь к телу, – никогда такого не видела.

Соболь нервно сглотнул.

– Это что же, – сказал он, – опять эта девица?

– Скорее всего, – кивнула девушка, осматривая карманы, – но похоже, что кроме характерной раны у нас кое-что ещё есть.

Девушка осторожно отодвинула воротник рубашки и отстегнула серебряную цепочку с толстым деревянным крестом.

– Это что ещё такое? – спросил Соболь.

Наташа потянула за нижнюю часть креста. На верхней части стал заметен usb-разъем.

– Вероятно, это и искали, – сказала девушка, – видела я пару раз такие штучки.

– Это что, флешка? – спросил Соболь.

– Да, – сказала девушка, – надо вызывать криминалистов.

– А вот это уже лишнее, – раздался голос.

Одна из дверей скользнула в сторону и в комнату вошел кошмар.

Наташа в оцепенении смотрела на это видение. Элегантная убийца одета во все черное, включая накидку с капюшоном, тяжелые ботинки и перчатки. Из правой перчатки торчало оружие, которое Наташа никогда раньше не видела. Лицо девушки было закрыто изящной маской. В ней чувствовался природный шарм и эстетизм, как в рассказах про вампиров. Глаза горели яростным огнем, губы сложены в ухмылке.

Любительница темных тонов мрачно обвела присутствующих и убедительно произнесла холодным голосом:

– Оказывается, вот где надо было искать, спасибо, а теперь вы умрете.

Наташа застыла на месте, не в силах оказать ни малейшего сопротивления. Убийца направилась вперед. Её глаза сияли будто два костра, когда она заносила клинок.

Наташе хотелось зажмуриться.

Стоявший рядом Соболь сгреб тяжелую шкатулку и швырнул её в нападавшую как раз тогда, когда Охотница по кривой дуге направила клинок к шее Покровской. Удар пришелся по шкатулке. Лезвие на глазах изумленной Наташи напополам разрезало тяжёлое дерево, раскидывая выпадающую из шкатулки мелочь. Наташа не сомневалась, что мощи замаха было достаточно и на то, чтобы лишить её головы, но Соболю хватило добытой секунды, чтобы нырнуть вперед и оттолкнуть девушку в сторону.

Охотница отреагировала быстро и замахнулась снова. Но

к этому времени Соболь уже выхватил пистолет и принялся палить изо всех сил. И тут произошло уж совсем невозможное. Охотница развернулась на каблуках и нажала на запястье, очевидно какую-то кнопку, летевшие в неё пули остановились, а затем разлетелись в разные стороны.

Наташа не могла поверить своим глазам, что так вообще бывает.

Охотница же со злобной усмешкой выставила вперед руку и с запястья сорвался металлический диск. Наташе оставалось только с ужасом наблюдать ту секунду, за которую предмет долетел до её напарника и, оставив на его шее красную дугу, вернулся к хозяйке. Соболь, держась за шею, рухнул на пол.

Слишком всё это быстро, ошалело подумала Наташа, она никогда не видела, чтобы кто-то двигался так, как эта девица. Наверное, у кого-то типа Ксении и был шанс против чего-то такого, но точно не у неё.

Охотница быстрым шагом направилась к ней и занесла руку. Наташа обнаружила себя прижатой к стене. Оружие было бесполезно. Покровская оглянулась в поисках спасения и нащупала стоявший рядом буфет. Нечеловеческим усилием, Наташа раскачала и опрокинула его на убийцу. Послышался звон битого стекла. Видеть, что произошло, девушка уже не хотела, поставив себя на ноги, она вылетела по направлению к дверному проему.

Не получилось, что-то металлическое обхватило её ноги,

повалило на пол и потащило назад. Почувствовав острую боль в спине, Наташа обнаружила себя у противоположной стены комнаты. Охотница стояла перед ней. Резким движением она схватила девушку за горло и подняла в воздух, пригвозждая к стене.

– Пришло время умереть, – сообщила убийца. Наташа стала барахтаться, пытаясь вырваться из цепкой хватки.

Но всё было бесполезно.

Сознание уже практически покинуло её, когда Наташа сумела, извернувшись, лягнуть охотницу ногой в грудь. Девушка от неожиданности разжала хватку, и Наташа бесформенной кучей свалилась на пол.

Отдышаться ей не дали, убийца обрушилась сверху, совершая очередной замах. Отчаянно брыкаясь, Покровская стянула её с себя и тут же получила ошеломляюще быстрый удар ногой в челюсть. С оглушительным треском девушка отлетела назад, проломив собой дверь в подвал, скатилась через три пролета бетонных ступеней вниз со скоростью ракеты, сжигающей последние остатки топлива перед столкновением. Наташа врезалась в пол под сильно острым углом, прокатилась по комнате и так сильно впечаталась в стеллаж, что облегченный пластик прогнулся и обрушился на девушку. Более она не шевелилась.

Наблюдавшая эту секундную картину, Охотница пренебрежительно фыркнула. Она хотела в противники кого-то, кто оценит её способности. Убивать всех этих недотеп так унижительно.

* * *

Курортный городок Вильнев располагался на самой границе кантона Во и на восточной оконечности озера Ле Ман. Кристина бывала здесь пару раз в студенческие годы. Традиционный винодельческий регион Шабле, Шильонский замок – место действия героев известной поэмы Байрона, пляжи и парапланеризм летом. Безусловно неплохое местечко выбрал для себя Джеймс Чилуэлл.

– Я сошел с ума, – привередливо заключил Флориан, –

мне надо записаться к психиатру, и чего меня понесло в деревенскую глушь.

Кристина оглядела дом, который местные, по традиции, так и звали, «Дом Чилуэллов», хотя никто из Чилуэллов там не жил больше десяти лет. Дом возвышался на холме над пляжем, где-то в пятистах метрах от единственной центральной улицы, и был сделан в виде шале. Окна были заколочены, с крыши осыпалась черепица, а фасада почти не видно было за буйно разросшимся плющом. Прекрасный когда-то особняк, ныне прозябал в пустоте и заброшенности.

– Ты смотрела фильм «Дом с привидениями»? – спросил Штильхарт. – Если нет, можешь побывать на съемках. Все герои умрут в последнем акте.

– Дальше можешь не рассказывать, – сказала Кристина, – слушай, а кому сейчас принадлежит дом?

Флориан почесал затылок.

– Так Чилуэллу, наверное, принадлежал, – сказал он, – кому же еще. У нас же конфискации имущества нет.

– Ясно, – проговорила Кристина, окидывая взглядом дом, – давай пойдем к соседу, послушаем, что он нам скажет.

– Только предупреждаю, – усмехнулся Флориан, – его вообще-то будет нелегко завести. Впрочем, тебя тоже будет нелегко завести, когда ты будешь в его возрасте.

Кристина подошла к дому, перескочив низкую ограду, три раза постучала в зеленую деревянную дверь с дверной ручкой в виде грифона. Ответа не было.

– Может, он узнал, что ты приедешь, – сказала она, – испугался и уехал в Сингапур, – она указала на валяющийся возле двери ящик с клеймом.

Флориан скривил физиономию и кулаком стукнул в дверь. Минуту спустя с другой стороны двери послышался крик.

– А ну кыш отсюдава! А то собаку спущу! Флориан улыбнулся.

– Вот видишь, мне всегда везёт больше, – сказал он, – откройте, полиция.

Дверь распахнулась, на пороге появился старик в поношенном охотничьем костюме и стал приветливо улыбаться.

– Виноват, – сказал он, – соседские мальчишки донимают.

Приходится пугать. Вы по поводу протечки?

– Какой протечки? – спросил Флориан.

– Меня соседи заливают, – сказал старик, – всё время у них шланг не работает, видите ли. Я вот жалобу в коммуноу написал, пообещали разобраться.

– Нет, уважаемый, мы не по поводу протечки, – сказал Флориан, – видите ли, мы по поводу убийства ваших соседей.

Старик неожиданно сардонически рассмеялся.

– А-а-а, – протянул он, – так, значит, всё-таки понадобились мои показания, я же сразу говорил, что не мог, значит, парень тот убить, а меня флики не слушали, значит, а оно вот как обернулось. Сколько бы времени ни прошло, правда она всегда восторжествует, верно? – старик лукаво улыбнулся. – Выпьете что-нибудь?

Штильхарт покачал головой, хотел отказаться, но Кристина, решив, что за бокалом чего-нибудь разговор пойдет быстрее, отпихнула молодого человека.

– С удовольствием, – согласилась она. Дед захлопал в ладоши.

– Замечательно, мадмуазель, – сказал он, – замечательно. Кирш крепок, настоящий. Но мы по чуть-чуть.

Они прошли в дом. Старик, усадив гостей на потертый диван, стоявший у стены, исчез. Минуту спустя он явился с заплесневелой бутылкой и тремя рюмками.

– Домашний, – сказал он, – пить полагается при сорока градусах. Настоящий деревенский напиток. Это вам не буржуйское шампанское. Так что, собственно, вы хотели узнать?

Молодые люди переглянулись.

– Собственно говоря, – сказала Кристина, – не могли бы вы для нас повторить еще раз вашу историю, если вы помните, конечно.

Старик уселся в кресло и аккуратно налил себе стопку.

Выпил.

– Конечно, я помню, мадмуазель, – сказал он, – это у молодых память короткая, а мы старики, всё помним. Значит, так. Под вечер дело было. Я тогда вздремнуть лёг днём. Я всегда практикую это, а тут холодно и меня, значит, раненая нога разбудила. Я во время войны добровольцем служил, в Сингапуре. Вот, значит, раненая нога разбудила. Я встал, пошел, значит, на кухню, ну чтобы грелку себе сделать для ноги. У раковины, значит, стою и в окно вижу: возле дома, где англичане живут, девица околачивается. Бледная такая, как привидение. Я на крыльцо вышел, рассмотреть хотел. Молоденькая, в самом соку. Окрикнул её, мол, не боязно ей ночью-то.

– А она что? – спросила Кристина. Старик пожал плечами.

– Да ничего, – сказал он, – она даже на меня внимания не обратила. Постояла, постояла и шмыг в дом. Ну я подумал вначале, что она в гости пришла, постоял полчаса, на воздухе-то оно лучше, смотрю – выходит, и тут меня как водой

охладело.

– А что такое? – не поняла Кристина. – В ней что-то странное было?

Старик фыркнул.

– Так девица-то другая была, – сказал он, – лицо, понимаете, другое.

– Это как? – спросил Штильхарт.

– А вот так! – воскликнул старик. – Фигура та же, одежда та же, а лицо другое. Я-то ту девицу знал, она подруга той девчонки, которая трупы обнаружила до горничной, ну, которую потом без чувств нашли. Ну как же это, у ней же не могло такой же одежды быть, и главное, знаете, вот лицо другое, а пластика и взгляд те же, как у той.

– А почему же вы сразу этого не сказали? – напустился на старика Флориан.

Старик фыркнул.

– Нечто меня бы слушали, – бросил он, – мне вон про девицу вообще не поверили, сказали, мол, иди отсюда, не до тебя сейчас, а расскажи я про такое, вообще бы в лечебницу забрали, что, я вашего брата не знаю.

Штильхарт что-то хотел возразить, но Кристина жестом остановила его.

– Понятно, – сказала она, – а скажите, вот эту девушку вы видели тогда?

Старик нацепил очки, до того висевшие у него на груди, и взгляделся в фотографию.

– Она, – сказал он, – определенно. Это девушка, которая заходила в дом. И главное, вопрос, куда ж она делась, если потом полиция её не нашла, а?

Действительно, куда, подумала Кристина. Напрашивался самый очевидный вывод и самый абсурдный.

Выйдя из дома, она бухнулась на землю возле автомобиля и обхватила голову руками.

– Я должна была сразу догадаться, – сказала Кристина, – она слишком легко получала информацию о препарате. Ни Эльмира, ни Светлана не могли иметь к ней такого доступа.

– Значит, всё расследование о препарате... – начал Флориан.

– Фикция, – кивнула Кристина, – оно было специально задумано, чтобы мы разворошили всю эту историю и подняли на поверхность, и как только мы это сделали, они устроили шабаш.

Штильхарт усмехнулся.

– Лихо, – сказал он, – и какой дальнейший план?

Только не говори, что хочешь остановить бунт.

Кристина закатила глаза.

– Меня как раз посетила такая мысль, – ответила она, – едем.

– Не поздновато? – спросил Флориан.

– Да, – минорно бросила Кристина, – опоздали на десять лет.

Охотница стояла посреди разрушенной гостиной дома Арсенюка. Она совершила роковую ошибку. Осознание этого ворвалось несколько секунд после того, как эта прокурорская сорвалась вниз.

Она слишком затянула битву и почти позволила взять над собой верх.

Не надо быть такой самоуверенной. Как говорили древние: оса, застрявшая в меду, особенно смертельна.

Виновата была ересь, засевавшая в её голове, наполнявшая её нетерпением и жадной закончить ненавистное задание как можно быстрее.

Тебе отдали приказ. Ты должна его выполнить. Только это должно иметь значение. И тем не менее она не могла латентно относиться к таким поручениям. Здесь негде было развернуться и показать себя. Она привыкла к масштабности и яркости.

Девушка посмотрела на собственное отражение в зеркале.

– А может, милочка, вы и вправду сумасшедшая? – она гортанно хохотнула. – Ну и ладно.

Её цель – служить Организации, неважно, какое она даст задание. Она инструмент нового, справедливого порядка, карающая длань для непокорных, и она будет этим инструментом. Это её предопределение.

На руке завибрировал пейджер. Только два слова: включите телевизор.

Охотница криво усмехнулась. Удачно, что телевизор не пострадал в пылу схватки. Девушка нажала кнопку включения на пульте.

Шло ток-шоу о гражданских протестах в Борисфене. Её это не интересовало. Ей поручили отправить диск, изъятый у убитого Тополевича, по определенному адресу. Она передала. Чисто и быстро. Как и всегда! Однако смотрела телешоу не просто так. Она ничего не делала просто так. В нужный момент ведущий должен был произнести кодовую фразу для нового задания. Вот она и ждала.

«Анатомия гражданского протеста в Понтии достигла своего пика. Власть должна прислушаться к народу, который не оборудован для мебелированного номера 456», – сказал ведущий.

Девушка кивнула своим мыслям. Наступал финальный аккорд. Она подошла к столику и записала шифровку.

Это значило следующее.

«Angelu. Mesto – Gostinica «Oriental'». Cel' uchastniki protestnogo dvizheniya. Oborudovanie v nomere 456. S gostyami reshat' po obstanovke. Podtverdit' poluchenie prikaza».

Охотница взяла в руку смартфон. Зашла под специальным «ником» в соцсеть и написала под одним из постов на странице телешоу.

«Zadacha vlasti, ispolnyat' zhelaniya naroda», что значило

«Приказ poluchila. Ob ispolnenii dolozhu po izvestnomu vam kanalu».

Осталось совсем недолго, сказала себе Охотница. Она успешно завершит работу и это станет началом их триумфа, а она получит задание, более соответствующее её способностям.

Впрочем, здесь осталось ещё кое-что. Этот дом такой непрочный. Легкий пожар скроет все следы её присутствия здесь.

Охотница небрежно, словно пылинку, бросила на пол нечто напоминающее бензиновую зажигалку.

Раздался оглушительный хлопок. Полыхнуло моментально.

Охотница улыбнулась и, скомкав шифровку, бросила её на столик.

– Что же, посмотрим, правда ли, что рукописи не горят, – язвительно хохотнула девушка.

Даже в таких ничтожных заданиях есть своя прелесть.

* * *

Кристина сидела перед камином в доме адмирала Рида. Её мысли были обращены к мрачному будущему. Она так близко подобралась к апокалипсису, что её теперь пробирала дрожь и отчаянно были истрепаны нервы, хотя если честно, она не ожидала от себя такой стойкости духа.

Хозяин дома сидел напротив, переплетя пальцы, и вежливо улыбался, слушая её историю.

– Там, в Понтии, я чувствую, творится явно что-то неладное, – многозначительно произнес он.

– Вы можете сказать, что я сошла с ума, – медленно произнесла Кристина, – и вы даже можете быть правы, но то, что я вам рассказала, чистая правда.

Адмирал откинулся в кресле и стал набивать трубку. Кристина отметила, что Рид имел все признаки законченного холостяка, курит трубку и рисует акварели, что совершенно не мешает ему быть вот уже как 35 лет быть женатым.

– Я тебе верю, – усмехнулся адмирал, – такую историю ты бы не выдумала. Могу только сказать, что такова природа всех тайн. Чем больше мы узнаем, тем страшнее нам становится. Тайны, они как запретный плод, всегда хочется его съесть, но как только это происходит, наступает некоторое разочарование.

Кристина сложила губы в улыбке нулевого удовольствия.

– Вот уж точно не хочу узнавать что-либо ещё, – сухо сказала она, – все эти тайны, секреты, они как будто океан, широкие и глубокие, кажется, что в них можно утонуть, а на поверку обычный человеческий снобизм.

– Такова природа всех вещей, – отечески улыбнулся Рид, – только слишком мало ты размышляла над этой природой.

Кристина вздохнула.

– Что опять я сделала не так? – нетерпеливо бросила она.

Рид многозначительно улыбнулся.

– Вы, двое, летали туда, летали сюда, куда улики вели вас, – сказал он, – а вот если бы хоть на мгновение остановились, чтобы подумать, могли бы предвидеть наступающее.

– Я делала то, что должна была делать, – Кристина и не думала оправдываться.

Рид тяжело вздохнул.

– Возможно, – сказал он, – но ты же должна понимать, что это только начало. Первый шаг. Ты готова разматывать дальше этот клубок?

Кристина фыркнула.

– Я не политик, – сказала она, – с меня достаточно поймай убийцу.

– Но для людей недостаточно, – печально возвестил Рид, – даже если ты остановишь одну, появятся другие. Они пустили слишком глубокие корни.

Кристина сдвинула брови.

– Неприятно думать об этом, – вздохнула девушка.

Рид улыбнулся.

– Я тебя прекрасно понимаю, – сказал он, – но не мы выбираем времена, а времена выбирают нас. Мы можем только выбрать, как нам себя вести в это время. Не правда ли? Скрываться? Бежать от проблем? Твой ли это вариант? Ты всегда искала участи более осознанной, чем удел скромного наблюдателя. Найти вершину – это твоя главная задача.

– Вершину чего? – спросила Кристина. – Что ещё вы зна-

ете об Организации, чего не знаю я? Какова их цель?

Адмирал улыбнулся.

– Вот, – сказал он, – ты уже задаешь правильные вопросы. SIGMA – это часть системы. Системы, которая окружает нас. Их люди уже повсюду. Но чем больше у людей власти, тем ещё больше они хотят. Проникнуть в самые сокровенные уголки бытия, уничтожить любую приватность, чтобы люди не могли от них скрыться. Не слишком сверхзадача, чтобы поддерживать самое себя, не правда ли?

– И какова же угроза? – спросила Кристина.

– Человеческое сознание, – сказал Рид, – оно порождает удивительную способность: искать правду. А поиски правды это, если хочешь, поиски добра. Помнишь, ещё Лев Толстой говорил...

– Нет величия там, где нет простоты, добра и правды, – улыбнулась Кристина, – я помню.

– Вот именно, – кивнул Рид, – задача системы постоянно воспроизводить себя, подстраиваясь под меняющийся мир. Сегодня это SIGMA – рационально-точная структура, призванная установить новый и самый страшный диктат. Диктат для разума. Создать и погрузить человека в мир грёз, исключив его из любых публичных процессов и сохранив только саму себя в пустоте хаоса. Охотницы – только часть системы, цербер для одной цели: искать и уничтожать тех, кто однажды бросит системе вызов.

– Кто? – спросила Кристина. – Кто может бросить вызов?

Рид мрачно усмехнулся.

– Пока это никому не удавалось, – сказал он, – те, которые пытались, лишь отсрочивали процесс, но то, что не получилось у них, получится у тебя.

– Почему я? – спросила Кристина.

– Любимый вопрос человека в твоём положении, – сказал Рид, – положении человека на распутье. Постараюсь ответить, ты всегда была над ней и вне её, поэтому на тебя не будут действовать общие законы этого мира, а значит, ты сохранишь ясность рассудка и не будешь зависеть от системы, тогда как другие уже настолько привыкли к комфорту и управляемости, что будут драться за это.

Девушка резко откинула голову на спинку кресла, устремила взгляд в потолок, словно бы там можно было прочесть ответ.

– Я всегда знала, что у меня низкий порог скуки, – устало сказала она, – вот только герой из меня, поверьте, ни к черту.

Рид только пожал плечами.

– Знаешь, в чём главная ошибка многих? – риторически поинтересовался он. – Они почему-то считают, что миру нужен герой, личность, за которой можно пойти, которая будет тебя направлять, указывать, что правильно, что неправильно, где добро и где зло. Вот откуда все эти истории про избранных, пророчества, прорицания. Человеку, видишь ли, очень желательно чувствовать себя Богом, ну или делать его эрзац.

– А что же на самом деле? – спросила Кристина.

– Человеку нужен человек, – улыбнулся Рид, – добросердечность, забота, любовь окружающих, подарки на Рождество. Когда в мире процветает ложь, преступления и цинизм, только это и может спасти человеческий разум.

Кристина поняла, что наконец разглядела логику. В таком мире любые её суждения, оценка, картинка и мнения – все это будет ложным, ибо сформировано кем-то иным.

– Интересно только, кто я во всем этом? – больше для себя спросила девушка.

Рид отсалютовал ей бокалом.

– Крис, – отечески сказал он, – мы лишь те, для чего были созданы, это самая большая и самая простая тайна мироздания.

– Что посоветуете? – спросила девушка.

– Найти пути, которые помогут избежать вихрей предательства, – сказал Рид, – про что думаешь ты, за этим и следовать тебе должно.

– Утешили, – хмыкнула Кристина, – вот уж действительно лучше на нижней ступеньке лестницы, куда хочешь взобраться, чем посреди лестницы, куда незачем лезть.

– Воображаешь себя Алисой? – спросил Рид.

– Немного, – смущенно улыбнулась Кристина, – вот только глубину норы узнавать не очень хочу.

– Идем ли мы от нехороших времен к хорошим или от плохих к худшим, – сказал Рид, – важнейший вопрос. Толь-

ко помни: самая великая победа – победа над своим негативным мышлением.

– Сократ, – кивнула Кристина. – Ницше бы добавил: если вы решили действовать, закройте двери для сомнений.

– У меня достойная ученица, – улыбнулся Рид, – если и правда, что прошло время героев, то лучших оно приберегло напоследок.

* * *

Первой мыслью Наташи, как только она решила вернуться в сознание, было предположение, что некто запихнул её в барокамеру и давление превратит сейчас её голову в желе. Да и то, что она вдыхала, мало походило на привычную смесь кислорода и азота.

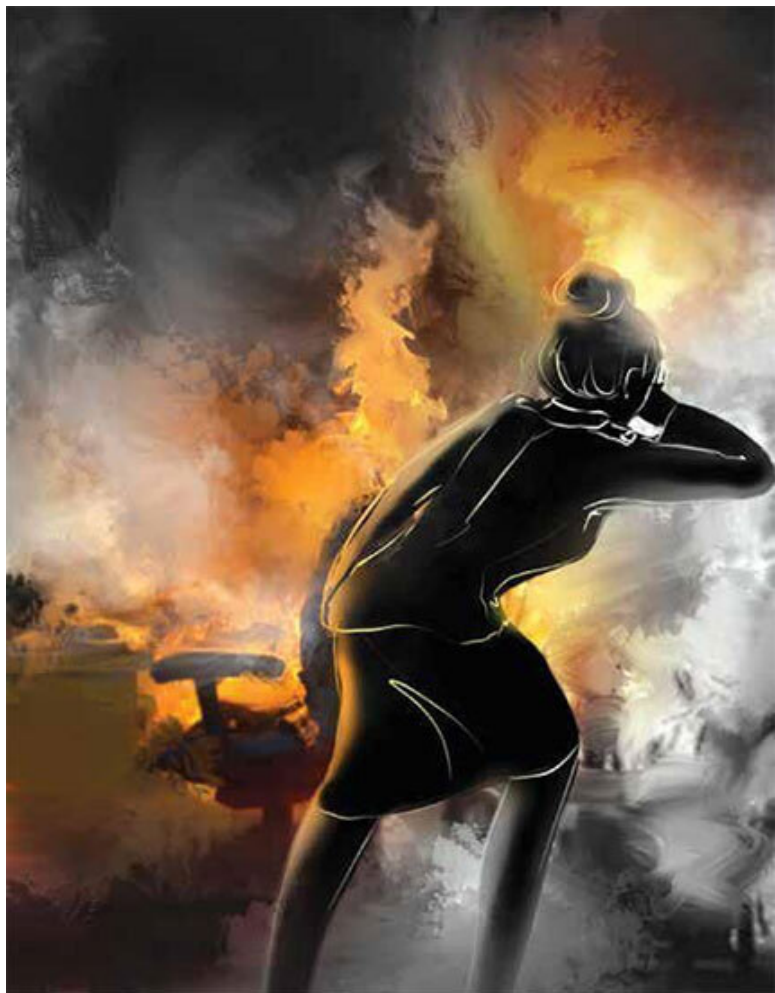
Другой вариант – её погребли заживо, как у Эдгара По, и она лежит во что-то упакованная, под толщей земли. Это по крайней мере объясняло стеснение в груди, сырой запах, мрак, тесноту и безмолвие.

Наташа моргнула, сумев заметить призрачный, зеленоватый свет, она сообразила, что лежит на каменном полу пригвождённая чем-то тяжелым. Девушка вскинула руки. Они уперлись во что-то холодное. Наташа поняла, что это пластик. Собрав силы, девушка вытянула руки вверх и с грохотом сдвинула с себя остатки рухнувшего стеллажа.

Кряхтя и пошатываясь, девушка встала сначала на коле-

ни, а затем и на ноги. В нос ударил запах чего-то едкого и горелого.

Здорово, заключила девушка, ещё и пожар где-то.

Разорвав часть плаща, она замотала им лицо и бросилась вверх по лестнице, по которой недавно скатывалась. Добежав до верха, девушка потянула за ручку и распахнула дверь. Её встретил столб огня.

Гостиная уже была полна дыма и пламени. Лопнул и вспыхнул паркет. Горели шторы, мебель, картины. Пожар охватил всё.

Задыхаясь от едкого запаха, Наташа прыгала по разноцветным наборным доскам горящего паркета. Сообразив на ходу, что видела где-то здесь телефон, девушка попыталась его отыскать, но наткнулась только на опаленный пластиковый корпус, валявшийся возле круглого мраморного столика.

От всё повышающейся температуры нагрелся и обрушился зеркальный потолок. Наташу засыпало осколками. Девушка стала хлопать себя по рукам и ногам, стараясь стряхнуть с себя острое крошево. Для этого пришлось, правда, пожертвовать остатками пальто. Девушка стянула его с себя и швырнула на столик. Пальто упало рядом, прочертив пряжкой пояса дугу по поверхности стола и смахнув смятую лежащую на нем бумажку.

Наташу вдруг остро поразила мысль, что в аккуратной обстановке гостиной, которая была до всех произошедших событий, она не замечала никаких скомканных бумажек на этом столе, потому что сама стояла рядом с ним.

Это было похоже на бред, но Наташа так утвердилась в

этой своей мысли, что быстрым движением схватила бумажку и сунула её во внутренний карман кителя.

С оглушительным треском рухнула люстра, прямо на тот самый стол. Наташа поняла, что если она задержится хоть на секунду, то останется здесь навсегда. Девушка стала отступать в прихожую, давя в себе мысль о том, что тело Соболя придется оставлять вот так, но она понимала, что вытащить его уже нет никакой возможности. Гостиная превратилась в один сплошной огонь. Лопались стекла, трескали перекрытия. Пламя перекинулось из гостиной в переднюю, словно бы преследуя беглянку. Мелькнувший было огнетушитель уже ничем помочь здесь не смог бы. Наташа выбежала через входную дверь на улицу, жадно хватая ртом воздух, который вмиг наполнился воем сирен. К дому неслась пожарная машина. Очевидно, что кто-то из соседей заметил огонь.

Наташа успела увидеть только это, прежде чем ноги подкосились и сознание вновь покинуло её.

* * *

Обычно для Верховского подобные ситуации были весельем. Сколько их было. Без счета. Он к ним относился как к очередному приливу адреналина. Но не сегодня. Не из-за высоких ставок на кону или опасности, которой он подвергался. В подобных ситуациях он забывал обо всём. Обо всем,

что сделали с ним, обо всём, что сделал он. Но сегодня всё по-иному. Сегодня речь идет о жизни человека, чье дыхание было его единственным воздухом, биение сердца единственной музыкой, а лицо единственной красотой.

Верховский достал фотографию, с которой никогда не расставался ещё со времен учебы в Женеве.

Он прекрасно помнил их первую встречу. С этих пор он ни на секунду не переставал думать о ней.

А сегодня...

Сегодня её жизнь зависела от того, успеет ли он вовремя или нет. Один раз он уже опоздал.

Раздались мягкие шаги. Впрочем, он почувствовал её раньше, чем она прошла в гостиную.

– Чем обязан визиту? – спросил молодой человек. – По-моему мы закончили наш разговор.

Ксения Авалова, вероятно, так не считала.

– Вы сами знаете, что нет, – сказала она из темноты, – и знаете, что теперь от ваших ответов зависит жизнь дорого для вас человека. Спасите хотя бы её.

Верховский фыркнул.

– Вы говорите так, будто я что-то могу сделать, – бросил он, – так вот я вынужден вас разочаровать. С момента нашего с вами расставания произошло нечто, что лишает меня какого-либо влияния. Вы уже догадываетесь об этом, не так ли?

Ксения вышла из тени.

– Я полицейская, а не ясновидящая, – спокойно сказала девушка.

Верховский пожал плечами.

– У меня в холодильнике есть вино, – отвлеченно сказал он, – давайте с вами выпьем.

Лицо Ксении выражало вежливое равнодушие к его словам. Ему очень хотелось прочесть в этот момент её мысли, но сознание её оставалось для него закрытым.

Молодой человек по-хозяйски улыбнулся и сходил на кухню за вином, стараясь подсмотреть, как ведет себя гостя. Ничего особенного, она просто разглядывала гостиную.

Вино было налито с характерным глубоким журчанием, и хрустальные бокалы окрасились в бурый цвет. Всё это время Александр наблюдал за девушкой и пришел к выводу, что она явилась с какой-то определенной мыслью, но мысль эту она пока не выкладывает.

– Помните, в нашу первую встречу я спросил вас, верите ли вы в судьбу, – заговорил Верховский, – я с течением времени всё больше начинаю принимать ваш ответ.

Ксения улыбнулась.

– Чем дольше человек смотрит в бездну, тем больше она поглощает его, – сказала девушка, – главная опасность того, кто хочет бороться с чудовищами, – самому не стать чудовищем.

Ах как это верно, промелькнуло у Верховского. Как она умеет выцеплять из самого нутра человека.

– Меня в чудовище превратила любовь, – произнес он, – самое прекрасное чувство на земле сделало меня орудием.

Ксения отпила вина.

– Архимед говорил, что любовь, – это как теорема, её надо всё время доказывать, – сказала девушка, – простите мою дерзость, однако мне кажется, что вы никогда не любили. Страсть, влечение – это не любовь. Но сейчас, в этот самый момент, вы что-то поняли, вы поняли свои чувства к ней и действительно боитесь потерять её.

– Да, – кивнул Верховский, – но слишком поздно, чтобы что-то исправить. Знаете, как Анархарсис писал о вине? Первая чаша принадлежит жажде, вторая – веселью, третья – наслаждению, четвертая – безумию. Я испробовал все четыре и теперь, пожалуй, добавлю пятую – с ядом.

Ксения сдвинула брови.

– Мне кажется, что для вас это слишком легкомысленный шаг, – сказала она, – ваш ли выбор – бежать от проблем? Вам это как-то не к лицу.

Он не смог понять, иронизирует она над ним или нет.

Ксения просто продолжала на него смотреть.

– Я не так силен, как многим того бы хотелось, – произнес Верховский, – вы, быть может, это и сами поняли. Вы разбираетесь в людях.

– Меланхолия свойственна человеку, – пожала плечами Ксения, – но суть в том, насколько человек позволяет меланхолии контролировать себя. Культивирование меланхолии –

вот где истинное несчастье.

Верховский был озадачен.

– А вы считаете, что в нашем мире еще осталось место счастью и надежде? – прямо спросил он.

Авалова улыбнулась.

– Всегда, – сказала она, – эти чувства уравнивают нашу меланхолию. Даже вы, в самой глубине души, цепляетесь за надежду, хотя почему-то очень хотите скрыть это.

Верховский слегка поморщился.

– Вы говорите так, будто смотрите сейчас в зеркало, – сказал он.

– Вы сами говорили. Я разбираюсь в людях, – продолжая улыбаться, произнесла Ксения, – на самом деле, мы всегда смотрим в зеркало. Это наша реальность. Но правдива эта реальность, только если зеркало цело. Если же оно треснуло, то мы видим искажение реальности, которое заставляет искажать и извращать смысл и цели наших поступков. Нечто похожее произошло и с вами, не так ли?

– Отчасти, – произнес Верховский, – но в мире всё относительно. Возможно, без треснутого зеркала я бы стал одним из того множества людей, которые рождаются и умирают, даже не оставив следа на Земле.

– Вам очень хотелось его оставить? – спросила Ксения.

– Любому хочется, – бросил Верховский, – даже вам. Ксения пожала плечами.

– Мне нет, – коротко возразила девушка, – это сопряга-

ется со слишком большими последствиями. Да и потом, какая от того польза, если человек оставит след в мире, но при этом мир погубит?

Он внимательно посмотрел на девушку. Ему все больше казалось, что эти разговоры для неё просто зарядка ума, что она не проживает то, что описывает в своих словах, и вкус вина, которое она сейчас пьет, интересуется её несколько больше окружающих событий. Но возможно, это была очередная её уловка, которые она мастерски использовала, чтобы вывести человека на тот разговор, который нужен ей.

– Но ведь и вам хочется, – продолжил настаивать Верховский, – признайтесь, хочется не возвеличивать небо, судьбу, богов. Не размышлять о них, а подчинить их и использовать в своих интересах, безусловно благих. Вам этого тоже хочется. Это удел всех сильных личностей.

Авалова дернула щекой.

– Благие цели невозможны, когда что-то используешь в своих интересах, – сказала она, – безусловно, это желанный путь и самый доступный, но только поняв, что ничто в этом мире не является твоей собственностью, только тогда возможно служение на общее благо.

– Что же заставляет вас так думать? – спросил Верховский.

– Опыт, – улыбнулась Ксения, – большинство преступлений совершаются именно с желанием подчинить себе что-то или кого-то. Просто у политика, мечтающего о бесконечной

власти, мир обширнее, чем у наркомана, убивающего за дозу, да и цинизма больше, но вот желание одно – подчинить и использовать. Это желание не направлено на возвышенное и прекрасное, а там, где нет возвышенного и прекрасного, нет доброго и полезного.

Самая большая странность для Верховского в этих разговорах с Ксенией заключалась в том, что он никак не мог определить, друг она или противник. Она, казалось, все время была над событиями, вокруг происходящими. И эти её глаза, глубокие и пронизательные. Он все время пытался заглянуть в них, как будто хотел прочесть там свою судьбу.

– Таковы законы нашего мира, – сказал Верховский, – не того, утопичного, кои нам учителя да попы обрисовывают, что он когда-то наступит. Впрочем, все церковники и учителя утописты, так кому же как не им придумывать утопии, чтобы люди верили. А мир реальный сложнее и злее, но он так привлекателен и обладает уникальными возможностями. Только чтобы ими пользоваться, надо придерживаться общих правил.

– Всегда возникает вопрос платы за пользование, – пожалала плечами Ксения, – не стоит слишком упиваться деньгами и властью. За обладание одним или другим приходит возмездие, или от высших сил, или от того, кто давал. Ведь ни то ни другое не дается человеку само по себе, а только кем-то, имеющим ещё большие деньги и власть.

– У всего есть обратная сторона, – бросил Верховский, –

всегда взвешиваешь, чего больше от поступков. Хорошо всё, что повышает чувство власти в человеке, если власть направлена на благо, а слабость и нерешительность часто становятся причиной дурного.

Ксения фыркнула.

– Вот только поступки людей властных часто приводят к гибели совершенно не затронутых в них людей, – сказала она, – Катя Кирсанова, над ней издевались и убили. Нет здесь никакого взвешивания и борьбы за благо. Только страх за свои поступки, который грызет сильнее, чем жажда пользования благами мира, а закрывают это циничными шутками.

Верховский промолчал. Спорить было нечестно.

– Что же вы молчите? – Ксения, похоже, дала волю эмоциям. – Хотите посмотреть на фотографии изуродованного трупа молоденькой девушки, давайте прокатимся в морг, пошутим вместе. Пригласим родителей, у которых убили дочь, только за то, что она слышала что-то такое, что кто-то посчитал не предназначавшимся для её ушей, и её убили, потому что посчитали, что её жизнь в их руках. Посчитали, что им решать, что она должна слышать, а что нет. И они уверены, что не найдется того, кто посчитает, что их жизнь в его руках. А он найдется. Если не здесь, то в ином мире. Никогда так не бывает, чтобы человек, творящий зло, не был наказан за это зло.

Верховский сжал губы.

– Сколько бы мы ни пытались изжить в себе зло, – сказал

он, – это естественная человеческая эмоция. Знаете, это парадоксальная вещь, но чем больше человек хочет стать выше и лучше, тем больше проваливается вниз, в мрак и тьму. Как дерево, чтобы вырасти, оно должно пустить длинные и глубокие корни вниз, во мрак, ко злу, странно, что мы так гордимся и упиваемся нашими корнями.

– Выше не значит лучше, – произнесла Ксения, – высок только тот, кто с высоты своего положения сумеет различать добро и зло, несет добро низким и не соблазняет их на зло.

– Тут вы безусловно правы, – сказал Верховский, – но что же делать людям, которые творили зло, думая о благе?

– А они не думали о благе, – пожала плечами девушка – всегда, когда они считали, что думают о благе, они думали лишь о себе, о своих страстях. Это сжигает их изнутри, потому что они знают ту правду, в которой даже сами себе боются признаться.

Верховский хмыкнул.

– Вы же говорили, что вы не ясновидящая? – иронично спросил молодой человек. – Но вы опять правы. Знаете, когда испробовал все дороги, остается одна: правда.

– Так расскажите её, – попросила Ксения, – поборите свой страх. Страх уйдет, и страсти пройдут.

– А зачем вам правда от меня? – спросил Верховский.

– Мне кажется, что вы и так всё уже знаете, только вы почему-то хотите, чтобы именно я вам её рассказал. Можно откровенность за откровенность.

– Всё та же причина, – улыбнулась Ксения, – не хочу, чтобы страдали невинные.

Её ответы никогда невозможно было понять однобоко. В них всегда был скрытый смысл. Но всё, что она говорила, удивительным образом сходилось с его собственными мыслями. Возможно, она и была послана ему, чтобы ей рассказать правду. Не ради себя, ради Анастасии. Её спасти.

– Извольте, – произнес он в слух, – вы правы, когда говорите, что страсть приводит к страшным вещам. Но ни одна страсть так не околдовывает человека, как любовь. И, наверное, худший способ – это постоянно думать о человеке, мечтать о нем и понимать, что он никогда не будет твоим. Впрочем, всякое препятствие любви только усиливает её. После той истории в Женеве я вернулся домой, и скажу вам честно, первое время не знал, как мне жить дальше. Анастасия стала для меня всем. Мне иногда казалось, что она смысл моего существования. Можете называть это наваждением, можете болезнью, но мне вдруг стало казаться, что если я добьюсь чего-то в жизни яркого, эффектного, то Анастасия поймет, как она была не права и вернется ко мне.

Он сделал паузу, отпил вина, но никакой ответной реплики не услышал. Ксения просто смотрела на него.

– Именно тогда на меня и вышел Адашев, – продолжал Верховский, – и знаете, он мне тогда очень толково всё объяснил. Я тогда понял, что страх, который поселился во мне, нужно уничтожать не любовью, не милосердием, а властью,

и только власть и успешность откроют мне дорогу к тому, чтобы я смог вернуть любовь Анастасии. Любовь – это то, что забираешь силой, так я тогда думал. И у меня была в руках эта сила.

– Разработки вашего учителя, – нарушила свое молчание Ксения.

Верховский кивнул.

– Да, – печально сказал он, – я действительно знал о его разработках, он показывал их мне. Сперва это был научный интерес. Но потом я понял, какой уникальный инструмент власти можно сделать с помощью этого препарата. Власти не над человеком, а власти человека. Власти над собственным будущим. Создать совершенный мир. Мир без депрессии, без страха, мир удивительных грез, мир без диктата и запретов. Всю свою историю человечество зависело от кого-то или чего-то. Оно зависело от богов, которых само выдумало, от государства, которому почему-то решило отдать свою свободу. Знаете, человечеству всегда нравилось, что им управляют. Мне нет! И вот у меня в руках уникальный инструмент, который позволит человечеству совершить революцию в собственном сознании. Теперь человек будет определять свое будущее, а для этого нужно сделать человека счастливым, и тогда он сам себя сделает свободным, знаменитым, успешным. Счастье есть чувство свободы от боли. Нужно просто научить человека счастью.

Ксения вздохнула.

– Иными словами, внушить ему счастье, – сказала девушка, – а как же свобода выбора, чувство преодоления испытаний? По-моему, жизнь без испытаний это не жизнь, а лишь существование. Да и не может быть абсолютного счастья. Как же мы поймем, что есть счастье, если не узнаем несчастья?

– Я верил в совершенствование человека, – гордо сказал Верховский, – я считал, что могу дать человеку инструмент, благодаря которому он будет чище, выше, лучше, ну или близко к этому. Создавая препарат, я верил, что счастливый человек будет свободен от дурного поведения, от зависти, от тех поступков, которые он не хочет совершать.

Ксения не удержалась от улыбки.

– Это вы исходя из собственного опыта решили? – рассмеялась девушка.

– Вы же сами говорили об опыте, – парировал Верховский.

– Но ведь человек рожден для преодоления, – сказала Ксения, – вам не приходило в голову, что наше сознание так тонко откалибровано, что находится в хрупком балансе между счастьем и несчастьем, между добром и злом. Вторгаясь в этот баланс, вы лишаете человека сделать выбор самостоятельно и построить свой собственный мир в душе. Вы навязываете счастье, а это угнетение. Угнетение души во имя физических страстей.

Верховский хмыкнул.

– Удивительно, не знаю, почему мне с вами так интерес-

но, Ксения Игоревна, – у вас странная способность предугадывать то, что человек хочет сказать.

Ксения глотнула вина.

– Хотите сказать, что вы тоже поняли это? – спросила она. – Не слишком ли поздно?

Верховский пожал плечами.

– Да, – сказал он, – такая кощунственная идея вспыхнула в моем сознании, а потом еще одна и ещё кощунственнее. Что, если кто-то аккумулирует идею счастья, монополизирует её для избранных и только им в будущем будет давать препарат? В конце концов, нас ведь слишком много, чтобы все были счастливыми.

Ксения широко улыбнулась.

– И ваша либертарианская идея всеобщего счастья рассыпалась в обычную диктатуру, – сказала девушка, – диктатуру для разума. То, что вы считали инструментом свободы, таким быть перестало и превратилось в оружие контроля над человеком. Благими намерениями вымощена дорога в ад. Банальное, но точное описание вашей ситуации. Не вы первый, не вы последний.

– Стандартная эволюция подобных вещей, – кивнул Верховский, – удивительно гадкое ощущение, что помогло создать первую в мире глобальную тираническую монополию.

– Но вы же умный человек, – сказала Ксения, – как же вы не поняли, что Адашев с вашей помощью хочет улучшить тот препарат, касательно которого вел расследование Чилу-

элл? Не поверю, что вы не сопоставили эти факты.

Верховский развел руками.

– Клянусь вам, – сказал он, – я понятия не имел о делах Чилуэлла. Мы и знакомы-то толком не были. Правда, он хотел через меня выйти на моего учителя, но не успел.

– А потом к вам пришел Левицкий, – догадалась Ксения.

– Да, – кивнул Александр, – уж не знаю каким образом, но он выяснил, что я разработал греларозол. Пришел, устроил сцену, обвинял меня во всех смертных грехах. Вот от него-то я и узнал, чего именно касалось расследование Чилуэлла. Узнал и понял, что вернулся в ту же точку.

– И как всякий гений, поняв, что творите зло, решили уничтожить свое детище, – улыбнулась Ксения.

– Это так, – сказал Верховский, – мы решили до поры до времени скрыть наше сотрудничество с Андреем, чтобы в Организации ни о чем не догадались. Но у этих людей везде есть глаза и уши. Они распространяются словно радиация. Их не почувствуешь, но они уничтожат любого, кто встанет у них на пути. Именно тогда против меня и началась большая игра, по моему истощению.

– Извините за прямоту, – сказала Ксения, – а почему вас просто не убили?

Верховский засмеялся.

– Вы не понимаете, как действует Организация, их задача не уничтожить, а подчинить, унижить, растоптать ваше достоинство. Организации не нужны трупы, им нужны рабы. Они

умеют превращать человека в тряпку. Просто, через нужные связи, замораживаются активы компании, возбуждаются уголовные дела, покупается топ-менеджмент, который сливает информацию, не мне вам рассказывать, как это делается. Вот, а потом предлагается сотрудничество. Мне такое предложение сегодня как раз поступило.

– От кого? – спросила Ксения.

– Сегодня ко мне пришли от имени второго лица государства, – продолжил Верховский, – и сказали, что если я откажусь от участия в реализации проекта «Греларозол», то меня постигнет вышеописанная участь, и ещё сказали, что в случае неповиновения они докажут серьезность своих намерений на конкретном примере, который заставит меня подчиниться им.

– Жизнь Анастасии, – догадалась Ксения, – но как вы можете верить, что приходили из правительства? Они что, вам документы показывали?

– Ксения Игоревна, – мягко сказал Верховский, – не будьте наивны. Уж поверьте, я знаю, кто это был, только фамилию я вам не скажу, вы спать будете спокойнее.

Авалова мотнула головой. У людей с сильно развитым воображением, когда они сталкиваются с душевными терзаниями, рассудок становится настолько одурманен, что безумие одерживает верх над всем рациональным, а паника затмевает волю и храбрость, и даже если это временное помутнение, то, когда оно проходит, обычно бывает уже слишком поздно.

– Какой-то сюрреализм, – сказала девушка, – что же они от вас хотят?

Верховский покачал головой.

– Вы, наверное, в курсе, что поставки препарата прекратились, – сказал он, – дело в том, что мне удалось залезть в их базу данных и поменять некоторые значения в формуле, без знания которых производить препарат в массовом масштабе будет уже невозможно. Они хотят, чтобы препарат продолжал поступать на рынок.

– И вам предложили выбор, – кивнула Ксения, – жизнь Анастасии в обмен на формулу, так?

Верховский сделал гримасу согласия.

– Не совсем, – сказал он, – если бы просто жизнь, я бы мог найти пути, лазейки, отбить её у них, в конце концов. Нет, они хотят свести её с ума, заставить её жить в вечном кошмаре, от которого не проснуться, и чтобы я наблюдал этот кошмар.

Ксения задумалась.

– Значит, вот к чему все эти дневники и вызывания воспоминаний о прошлом, – предположила она.

– Совершенно верно, – сказал Верховский, – но кроме этого, они выставят её той убийцей, которую вы ищете, – убийцей Кати Кирсановой. Они доведут её до такого состояния, что она сама во всем признается, как будто бы она это сделала, а мне уготована роль вечно смотреть на её душевные страдания.

Его взгляд вдруг стал напряженным, почти безумным, будто бы его душа сейчас находилась на грани какого-то важного рубежа, где ошибка грозила бы полным помешательством. Ксения прочитала это в его глазах.

– Действительно оригинально, – улыбнулась девушка, – такая ментальная пытка. Впрочем, видеть каждый день, как медленно угасает любимый человек, это, наверное, страшнее любой пытки.

Верховский кивнул.

– У этих людей много вариантов наказаний за нелояльность, – сказал он, – самое главное, что человек заперт и его уже не выпустят. Вам же сказали, что SIGMA это система – железная, отрегулированная, действующая подобно идеальной машине! И из неё нет возврата! Нет возврата!

– Но ведь любую систему можно обойти, – ответила Ксения, – или взломать! Нужно только знать код и обладать достаточной храбростью для этого.

Александр только хмыкнул.

– Я замечаю, что вы удивительно упрямы, Ксения Игоревна, – сказал он, – зачем вам всё это? Ведь вы уже не сможете ничего остановить!

Ксения флегматично пожала плечами.

– Может быть, но ничего другого мне не остается, и если вы действительно хотите спасти Анастасию, то настало время совершить действительный поступок. Решайте, вы со мной?

– А у меня есть выбор? – спросил Верховский. Ксения улыбнулась.

– Выбор есть всегда, – бросила она, – его надо только верно сделать, понимаете, в чём трудность?

Она сумела выжать из него ответную и действительно добродушную улыбку, которая ещё свидетельствовала о наличии человечности в нём. Большого она и не ждала. Ей нравилось изображать из себя фею. В конце концов, заботясь о других, мы находим частичку себя, а это не так уж плохо.

* * *

Наташа проснулась от яркого электрического света, ослепившего её так, как будто солнечный луч прошел в её оптический нерв через линзу. В голове было ощущение табуна взбесившихся мустангов.

Некоторое время пришлось потратить на осмысление того, каким образом она оказалась в просторной белой комнате, с металлическим прикроватным столиком необычного дизайна и зеленой шторкой возле кровати. Наташа приподнялась на подушках и осознала, что она в больнице, что сразу повлекло за собой другие, отнюдь не приятные воспоминания.

Когда голова пришла в нормальное состояние, девушка попыталась осмотреть себя. Зрелище оказалось весьма печальным. Обе руки её были замотаны повязками. Попытав-

шпиль коснуться пальцами щеки, девушка обнаружила, что там тоже красуется пластырь. Вообще, её левая сторона лица как будто онемела. Радовало только то, что кожа вроде, по ощущениям, была в порядке. Наташа с ужасом подумала, сколько понадобится коллагена, чтобы всё восстановить, как было.

Дверь в палату распахнулась и на пороге возникла Авалова.

– Смотри-ка, – сказала Ксения, – наша поджигательница очнулась.

– Удивительное рядом, – произнес вошедший за ней Рауш, – ей вкололи столько новокаина, что она должна была проспать дня два.

Ксения прошла вперед и села на край кровати.

– И как мы себя чувствуем? – спросила она с ироничной улыбкой.

– Как человек, пролетевший три лестничных пролета, – честно сообщила Наташа, с радостью осознав, что может говорить, хоть и с большим трудом. В левую щеку словно бы напихали ваты.

– Да, – усмехнулась Ксения, – судя по твоему состоянию, ты ещё хорошо отделалась. Что там у неё, Макс?

– Руки переломаны в трех местах, на ногах двадцать три пореза, – стал перечислять Рауш, – множественные ожоги и ссадины. Сильно защемлен лицевой нерв... в общем, не самое лучшее состояние.

Наташа рухнула головой на подушку и закрылась одеялом. Полный аут.

– Если ты собираешься вести себя так же в дальнейшем, – сказала Ксения, – советую прикупить пару сменных частей тела, они тебе понадобятся.

Наташа злобно выглянула из-за натянутого одеяла.

– Я в восторге от вашего сарказма, – пробурчала девушка, – можешь высечь его в граните.

Ксения фыркнула.

– Это она нам вместо благодарности, – сказала она Раушу, – никакой признательности.

– А мы ещё в ней участие приняли, – подхватил Макс приговорно разочарованным тоном.

Наташа сделала недовольную физиономию.

– Я надеюсь, что вы достаточно повеселились, – сказала она, – и можете, наконец, сказать, что произошло?

– А ты разве не знаешь? – поинтересовалась Ксения. – Это мы вот хотим узнать, как же так получилось, что от дома Арсенюка, который, к слову сказать, был смазан всеми огнеупорными составами, остались одни головешки, даже бетон в подвале весь черный.

– Это же чем надо было жечь? – в пространство спросил Рауш.

Наташа тяжело вздохнула.

– Ну что вы на меня так смотрите? – жалобно спросила девушка. – Вы считаете, что я дом спалила?

Рауш усмехнулся.

– Честно признаться, – сказал он, – нам такая мысль не приходила...

– А вот Отдел внутренних расследований, – добавила Ксения, – уже интересовался, куда, собственно, пропала задержанная за хранение наркотиков Эльмира Сабурова и какие такие у тебя дела с Арсенюком. Ты в курсе, что на него уголовное дело завели?

– Уже? – спросила Наташа. – Интересно, когда успели. Да, эти люди концы зачищать умеют.

– Да, – кивнула Ксения, – теперь покойный председатель комитета по борьбе с коррупцией не просто сам злостный коррупционер, но ещё и наркоторговец, а ты его главная коррупционная связь, которая организовала его побег, симитировав поджог дома, в результате которого пожар, естественно, уничтожил все улики.

– Да ты что! – воскликнула Наташа.

– Это Раушу всё рассказали приходившие по твою душу детективы из ОВР, – кивнула на оперативника Ксения, – это их основная версия.

Наташа сложила губы в мимике полного недоверия.

– Плевала я на их версии, – сказала она, – и потом, стойте, какой побег, а труп? Я же лично его видела.

– А никаких трупов там нет, – сообщил Макс, – ни Арсениюка, ни Соболя. То есть, то что от них осталось, может быть, там и есть, но отделить их пепел от остального пепла будет крайне затруднительно.

Наташа устало выдохнула.

– Называется концы в огонь, – сказала девушка, – нет, ну это хаос какой-то.

– Настоящий хаос в том, что мы не знаем их следующий шаг, – сказала Ксения, – ты хоть что-нибудь можешь вспомнить, что нам бы помогло?

Наташа фыркнула.

– Да всё я помню, мы вошли в дом, сразу нашли Арсенюка – я стащила с его шеи флешку, но убрать её не успела, потому что появилась Охотница. Она начала махать своей перчаткой, но Соболь меня оттолкнул. Он попытался в неё выстрелить, но тут, вы только не считайте меня сумасшедшей, его пули разлетелись в разные стороны.

Рауш и Авалова переглянулись.

– Чего!?! – спросил Макс. – Это как такое может быть?

– А я откуда знаю? – воскликнула Наташа. – Соболь выпустил в неё всю обойму и даже не оцарапал. Пули как будто теннисной ракеткой отбило, а уж она Соболя по горлу...

– Кинжалом? – спросила Ксения.

Наташа замотала головой, выпивая стакан воды.

– Нет, – сказала она, – каким-то диском, что-то типа бу- меранга. Потом принялась за меня, и точно бы прикончила, если бы я в подвал не свалилась. Наверное, она посчитала, что после таких падений не выживают, а когда я очнулась, там уже полыхало во всю. Я уже выбежала и... стоп!

– Ты что-то вспомнила? – с надеждой спросила Ксения.

– Бумажка, – осенило Наташу, – там на столике лежал свернутый лист бумаги. Я почему обратила внимание, его не было до того, как появилась Охотница.

– Ну и где он? – с нетерпением в голосе поинтересовалась Авалова. – Надеюсь, при тебе.

Покровская наморщила лоб.

– Стоп, стоп, – стала вспоминать девушка, – в кармане ки-

теля, точно, в левом внутреннем. Я чисто рефлекторно су- нула. Может, там и нет ничего.

Ксения сделала жест Раушу и тот вышел из палаты.

– В любом случае она заслуживает внимания, – сказала Авалова, – чем чёрт не шутит.

Наташа попыталась улыбнуться.

– Ну знаешь, после того, что ты мне рассказала, у нас с тобой два варианта, – произнесла девушка, – ты и я завтра в морге или ты и я сегодня в морге, какой предпочитаешь?

– Первый, – сухо улыбнулась Ксения.

– Почему? – спросила Наташа.

– У меня есть целые сутки, – сказала Ксения, – и потом, ты же главная поджигательница.

Наташа сардонически засмеялась.

– Не надейся, – сказала она, – я же расскажу, что ты знала о моих планах и всячески их поддерживала. Так что сухари будем вместе сушить.

Дверь в палату открылась. Вошел Рауш. Он держал в руках свернутый, сильно помятый и испачканный китель.

– Вы что, дали по голове гардеробщице? – спросила Ксения. – Как вас разрешили в палату это протащить?

Макс криво усмехнулся.

– Ловкость рук, – сказал он, – и шоколадка творят чудеса. Оперативник недолго покопался в подкладке и вытащил смятый белый листок. Бегло осмотрел его.

– Я вас разочарую, – весело сказал он, – тут ничего нет.

Наташа тихо застонала. Ксения сокрушенно вздохнула.

– Ну да, это было бы слишком легко, – сказала она, – осталось только, чтобы имя преступника было.

– Пойдите, – воскликнул Рауш, – здесь надпись!

Он подбежал к девушкам и продемонстрировал им листок. Действительно, на белой бумаге стали проявляться тонкие черные линии, которые образовались в четкую надпись.

«Nihil sine lumine»

– Это что, латынь? – спросил Рауш.

– Похоже, – сказала Наташа, – если я правильно перевела – «Ничто без света».

Только она это сказала, как буквы исчезли так же быстро, как и появились, а вместо них проступила черная пика, после чего бумага сама по себе вспыхнула, Рауш чудом успел бросить её на пол, где через секунду от неё остался только пепел.

– Что это за иллюзион? – пробормотал Рауш.

– Черная пика, – сказала Ксения, – знак СИГМЫ, если верить тому, что нам сказал Михал Потапыч.

Наташа закатила глаза.

– Да не было там никакой латыни, – сказала она, – там было написано кириллицей, я это точно помню.

Ксения пожевала губу.

– Не знаю, что там было, – проговорила она, – но значит, что-то, что стоит зашифровать таким образом.

– Или над нами просто издеваются, – буркнул Макс, –

устроили светопреставление, как в ужастике.

Наташа помотала головой.

– Я точно помню, там что-то было написано, когда я взяла, – девушка закрыла глаза и стала представлять картину. Везде огонь, она подходит к столику, берет бумажку, разворачивает. Остальное как в тумане, только вдруг в памяти возникло несколько слов.

– Ну? – спросила Ксения. Наташа вздохнула.

– Не помню, – сказала она, – там что-то было про гостиницу, что-то про гражданский протест, что-то по какое-то оборудование, которое сложено в номере 456.

Рауш пожал плечами.

– По-моему набор слов, не более того. Авалова задумчиво закусила губу.

– Согласна, – сказала она, – это может быть всё, что угодно. Но если брать во внимание, на какой это бумаге написано, – Ксения призывно хлопнула в ладоши, – давайте подумаем. Они вывели на улицу людей, распространив информацию о препарате. Но протест не может быть ради протеста, у него должна быть какая-то конечная цель.

– Если предположить, что протесты направлены против правительства, продолжила Наташа, – то, чтобы они не выдохлись, надо сделать что-то, что привлечет к ним массовое внимание. Заставит всех говорить о них.

– Да, – кивнула Ксения, – и художник также сказал, что Охотница ударит один раз, но громко и не будет жалеть лю-

дей.

У Наташи расширились глаза.

– Стоп, – сказала она, – а ведь демонстрация собралась на площади, а на ней гостиница «Ориенталь». Я складываю два и два и...

Ксения прищурилась.

– Возможно, они предпримут что-то против демонстрации, – мрачно предположила девушка, – взрыв, стрельба. Скажем, чтобы кто-то из протестующих погиб от пуль правительственных сил. Прием известный, верно?

– Эскалировать политический кризис в вооруженные столкновения, в то время как в стране будет проводиться саммит? – предположила Наташа. – Но он же будет здесь, а не в Борисфене. Мне кажется, это будет уже не тот эффект.

Рауш бегло посмотрел на Ксению.

– Сказать ей? – спросил он. Авалова пожала плечами.

– Они перенесли заседание, – сказал Рауш, – учитывая, что Анастасия Урусова исчезла, это весьма логично.

Покровская задумчиво наморщила лоб.

– Я надеюсь, что новое место встречи не гостиница «Ориенталь»? – с мрачной иронией спросила девушка.

Ксения усмехнулась.

– Мы тебя очень не хотим травмировать, но именно там, – сказала она, – вероятно власти хотят показать, что контролируют ситуацию.

– Да, это действительно скверно, – вздохнула Наташа, –

и всё же я не понимаю, какой смысл провоцировать вооруженные столкновения? «Лига честности» развалилась сама по себе, эти люди уже не могут прийти к власти, зачем им это? Без сильных лидеров власть с легкостью подавит любой бунт.

Авалова задумчиво почесала щеку.

– А может, это и нужно, – предположила она. – Верховский говорил, что ему из правительства поступило предложение продолжать разработку препарата, а это значит... послушайте, лист лучше всего спрятать в лесу, а госпереворот?

– Организовать фальшивый, – сказала Наташа. Макс фыркнул.

– Вы сейчас договоритесь до того, что правительство само это всё организовало, – недоверчиво сказал он.

Ксения покачала головой.

– Нет, не так, но кто-то, кто стоит очень высоко в иерархии государственных структур. Дальше я и думать боюсь.

– Человек, которого видела Кирсанова? – уточнил Рауш. – Это он на той записи?

Ксения кивнула.

– Возможно, – сказала она, – и убили её именно потому, что она его увидела. Увидела там того, кого никак не должно было там быть.

– Нет, – нервно засмеялась Наташа, – ну если всё так серьезно, нас точно посадят.

– Не беспокойся, – ослабилась Ксения, – тебя они просто

убьют.

– Спасибо, утешила, – фыркнула Наташа, – ладно, что делать будем? Мы же не можем просто сидеть и смотреть на это.

Она сама от себя не ожидала такого азарта.

– Ты уже повоевала, – сказала Ксения, – будет с тебя, но я согласна, не можем, однако трудно встретить переломный момент и разрешить его мягко, если действовать мешает неопределенность, поэтому, когда приходит время, нужно пользоваться заблаговременными раздумьями.

– Согласна, – кивнула Наташа, – но мы даже не знаем, против чего идём. Здесь работает какая-то сила, намерения и шаги которой трудно просчитать, но они замышляют что-то страшное.

– Конференция открывается через четыре часа, – сказала Ксения, посмотрев на часы, – думаю, наша подруга будет уже в гостинице. Там мы её и возьмем.

– Но как мы доберемся до Борисфена за четыре часа? – спросил Рауш. – Разве что раздобудем где-то самолет?

Ксения широко улыбнулась.

– Именно, – сказала она, – думаю, что у нас есть человек, который очень хочет найти Анастасию Урусову и не упустит этого шанса.

Девушка ловко достала телефон.

– Александр Владимирович, – бодро проговорила Ксения в динамик, – вы не хотели бы принять участие в операции,

требующей дополнительного оборудования? Жду вас через час.

Девушка убрала телефон в карман жилетки. Она уже собиралась прощаться, но в это самое время дверь вновь распахнулась и в палату вошел Мациевский. Явление третье и последние.

– Полгорода оббегал, – с порога сказал он, – в дежурке подсказали, где вас искать!

Ксения тяжело вздохнула.

– Что у тебя? – спросила девушка. Мациевский протянул ей карту памяти.

– Это с камеры Кирсановой, – сказал он, – ну, та SD-карта, которую ты стащила в казино. Мне из технического отдела передали. В общем, там есть одно любопытное видео. Это стоит посмотреть.

Оперативник вставил карту памяти в ноутбук. На экране замелькали кадры любительской видеозаписи. Картинку трясло, звук немного дребезжал.

А потом Ксения увидела, из-за чего погибла Кирсанова...

Некоторое время назад

Ночь в Кранцберге повсеместно вступила в свои права, и единственным источником света стало электричество. Последние звезды в это время уже практически исчезли с неба и только обитатели высоких элитных небоскребов могли их за-

метить с последних этажей. Зато звезды другого толка в это время собирались внутри зданий. Артисты, спортсмены, политики. Они разбредались по клубам, ресторанам и иногда театрам. Политики, как правило, предпочитали именно театры, стремясь показать свой высокий культурный уровень. Однако ещё и потому, что Президент предпочитала высокое искусство низкому.

Впрочем, была ещё одно место на окраине города, где любили собираться звезды, – старый бетонный завод, который ныне был превращен в модную тусовочную площадку, там проходили перфомансы, литературные вечера, показы модных коллекций из последних трендов. Это было на верхних уровнях, но мало кто знал, что в этом здании есть нижний уровень, и туда звезды приходили уже только под покровом ночи, скрываясь от чужих глаз. Это была вторая сторона их жизни. Непубличная, о которой никто не знал, но которая давала столько адреналина.

Катя Кирсанова знала об этой второй стороне. Бессчётное количество раз она видела, как на нижние этажи спускаются люди, которые днем вели себя совершенно иначе, чем ночью. Днем они говорили о всеобщем благоденствии, о патриотизме, семейных ценностях, а ночью приходили сюда. Приходили, чтобы найти себе здесь одно из юных и прекрасных созданий, которое будет ублажать их старческие кости.

Сама эта мысль вызывала у Кати глубокое отвращение, но омерзительнее всего было лицемерие, жившее в этих суще-

ствах. Катя не понимала, как они не могут осознать, что глубоко ненавистны обычным гражданам. Неужели они считают, что на них никогда не падет кара за все их бесчисленные преступления, о которых Катя не знала, но была уверена в их существовании. Безгрешный человек не может заниматься тем, чем здесь занимаются они. Они виновны уже по определению, только за то, что посещают эту зловонную яму.

Так она думала, пока шла по длинному коридору десятого этажа. Она пришла сюда с единственной целью – уберечь своих подруг от той участи, которой уже подверглись множество девочек. Она понимала, что бесполезно идти в милицию или куда-то ещё. У этих людей везде связи. Она просто должна найти Соню и Дашу и объяснить им то, что она сама знает об этом месте.

Липкий страх окутывал девушку со всех сторон. Чем дальше она шла, тем явственнее становилось ощущение, что проклятый бармен отправил её в какое-то совсем далекое место от того, где разыгрывали лоты. Возможно, специально. Он с самого начала её работы здесь проявлял к ней антипатию. Пару раз она слышала от охраны, что на десятый этаж могут подниматься только особые гости и персонал, имеющий спецдопуск. Почему она сразу это не вспомнила? Нужно убираться отсюда, пока у неё не возникли проблемы.

Но было поздно. В крошечной тиши она услышала, как заработал приводной механизм. Девушка втянула себя в какой-то проем и как могла задержала дыхание.

Мимо неторопливо продефилировала компания из нескольких презентабельных возрастных мужчин. Они были одеты в дорогие костюмы и имели расслабленный вид, очевидно, поднялись сюда после игры, чтобы выпить в тиши кабинета. Один из троих особенно выделялся на фоне двух других из-за того, что был одет в оливковую военную форму, идеально подогнанную по его сухопарой фигуре.

Девушку словно что-то толкнуло, она нащупала в кармане телефон и включила камеру. Дождавшись, пока компания отойдет на достаточное расстояние, она неслышно двинулась за ними. До неё стали долетать обрывки разговора.

– Знаете, почему наш Президент так любит театр? – спросил Адашев. – Это, наверное, единственное место, где она сможет услышать аплодисменты в свою честь, дорогой Соколовский.

– Мне кажется, вы слишком строги к ней? – улыбнулся человек в военной форме.

– Отнюдь, – возразил кто-то, – замечу, что от неё там гораздо больше пользы, ведь то, чем она там занимается, это её ежедневная деятельность – просматривать протоколы заседания и изображать кипучую заинтересованность.

– Она беззуба, – согласился Соколовский, – но это только нам на руку. В то время, когда ситуация готова взорваться в любой момент, необходимы гораздо более жесткие законы, которые обеспечат нам целеустремленность и единство, Президент же тупо продолжает идти путем проб и ошибок,

сосредоточиваясь на балансе. Путем, который лишь усугубит кризис.

– Поэтому мы здесь, – улыбнулся Адашев, – заварушка, которую мы планируем, даст прекрасный повод к централизации власти. Мы столько времени шли к цели, осталось подождать до конференции. В последние несколько дней возникли проблемы.

– Верховский одна из них? – спросил Арсенюк. – Вы несете ответственность за это?

– Мы все несем ответственность, – заметил Соколовский, – мы всегда полагали, что число жертв не превысит сотни, а такой трансформацию системы можно считать бескровной.

– Тогда у меня вопрос, можем ли мы доверять нашему другу из разведывательной службы, – многозначительно проговорил Арсенюк. – Я слышал, что вы пользуетесь благосклонностью администрации и даже оказываете некоторую поддержку.

Адашев заинтересованно повернулся к Соколовскому:

– Это правда?

Генерал обезоруживающе улыбнулся.

– Заверяю вас, это не то, что вы, быть может, вообразили, – сказал он. – Президент встречается со мной лишь для того, чтобы услышать моё мнение по определенным вопросам, но вряд ли ей нужна моя поддержка. Она не настолько беспомощна, как её рисует оппозиция в вашем лице.

– Что же она замышляет? – привизгнув, спросил седой полный мужчина с пышными усами. – Разве вы не в курсе этого?

– Полагаю, что она хочет добиться большей демократизации для регионов, – мягко произнес Соколовский. – По её мнению это привлечет большие инвестиции и будет положительно воспринято партнерами.

– Удивительная недалёковидность, – заключил Адашев. – Это ещё раз подтверждает правильность наших действий. Впрочем, каждый из нас ещё может выйти из игры, если у него есть колебания.

Воцарилось молчание, которое, очевидно, можно было принять за согласие на дальнейший разговор.

– Я надеюсь, что среди нас таких нет, – заявил Соколовский, – иначе мы бы сюда не пришли.

– Замечательно, – сказал Адашев, – после того, как мы подавим бунтовщиков, вы все получите места в новом временном правительстве – директории. Этими действиями мы покажем пример нашим друзьям по всему миру. Дадим им сигнал к действию.

– Вы полагаете, что они сразу придут к власти? – спросил мужчина с пышными усами. – Нам также говорили про мировую революцию.

Соколовский улыбнулся.

– Нашей организации не нужно, чтобы они пришли к власти, – сказал он, – если приходишь к власти, то берешь от-

ветственность. Гораздо эффективнее работать в тени старой власти и заставлять её исполнять нашу волю.

– Логично, – поддержал лысый толстяк с головой, похожей на бильярдный шар, – но как же наша соседняя страна? Вы полагаете, она не вмешается? Или вы не учли такой вариант.

– Мы полагаем, что не вмешается, – ответил Адашев, – заверяю вас, что там тоже есть сочувствующие нам люди, и они в самых верхах.

Мужчина с пышными усами характерно кашлянул.

– Давайте выйдем на террасу, господа, – сказал он, – здесь становится душно.

Раздался натянутый смех.

– Сергей Юрьевич опасается подслушивающих устройств, – заметил кто-то, – вот уж не подумал бы.

Катя видела, как мужчины прошли сквозь стеклянный проем на улицу. Закоченев от страха, она тем не менее нашла в себе силы пойти дальше. Ей нужно было дослушать до конца и отнести запись Александру, он подскажет, что делать дальше. Одно было ей ясно – это или шпионы, или преступники.

Она вышла на террасу. Ночной холодный воздух обдувал её лицо.

– После подавления бунта на три дня будут введены осадное положение и комендантский час, – услышала она голос Адашева, – пока их не отменят, будут запрещены любые публичные выступления! Благодаря вашей поддержке... тихо!

Говоривший Соколовский вдруг замолк. Несколько секунд Катя не слышала ничего, кроме завывания ветра. Но вот его голос раздался вновь, только теперь он звучал тише и был похож на хриплое карканье.

– Мы представляем высший слой общества, – сказал Соколовский, – вооруженные силы, пресса, спецслужбы. Десять человек, которые могут вести за собой тысячи других. Свергнув правительство, мы изменим не только судьбу этой страны, но дадим шанс всему миру на возвращение к традиционным истокам, которые он утерял.

– Мы готовы действовать, – бодро произнес мужчина с пышными усами, – как только прозвучит команда, в стране будет объявлено чрезвычайное положение. Директория выступит с речью. Тема – противодействие анархии, забастовкам и гражданскому неповиновению. Директория образована для народа и во имя народа. Мы слишком долго жили в обществе, которое потворствовало либеральной анархии. Необходимо установить диктатуру. Диктатуру закона.

– Я думаю, мы договорились, – сказал лысый мужчина, – наша партия всецело поддержит ваше стремление. Давайте расходиться. Наш союз не должен стать известен раньше времени.

– Поддерживаю, – сказал чей-то голос, – я тоже буду рад убраться отсюда.

Мужчины стали расходиться. Через некоторое время на этаже остался один Соколовский. Он словно бы почув-

ствовал что-то. Быстрым шагом он направился к террасе. Укрыться Катя не успела. Они увидели друг друга. Мужчина смотрел на девушку взглядом, полным недоверия.

– Ты кто? – спросил он. – Что ты здесь делаешь? Отвечай, живо!

– Ничего, – прошептала девушка, – я ничего не слышала, клянусь.

* * *

Последнее, что было на записи, это звук падающего телефона, шум борьбы и крики девушки.

– Больше мы ничего не услышим, – сухо сказала Авалова, – она, должно быть, сопротивлялась, должно быть, даже сумела убежать. Но они всё равно её нашли. Они не оставляют свидетелей.

Наташа бессильно опустила голову на подушку.

– Что с тобой? – спросила Ксения. Покровская мрачно усмехнулась.

– В Антарктиду хочу тур взять, – мрачно произнесла девушка, – там нет людей, одни пингвины. Все-таки какая удивительная вещь снобизм.

– Вам знакомы эти персоны? – спросил Рауш. Ксения пожала плечами.

– Более или менее, – сказала она, – достаточно влиятельные люди, но в гости я бы их не позвала.

Мациевский гневно захлопнул крышку ноутбука.

– Можно я его убью? – прошипел он. Ксения усмехнулась.

– Вряд ли тебе дадут такую возможность, – сказала она, – ты просто сядешь, а по телевизору скажут, что разоблачили очередного «оборотня в погонах». Мы теперь как в тылу врага, и каждое наше движение должно быть подготовлено и продумано, понятно?

Мациевский стукнул кулаком по ночному столику.

– Да чего тут продумывать! – гаркнул он. – Перестрелять всех и дело с концом!

– Патронов не хватит, – сказала Ксения, – остынь!

– Остыну, когда эти крысы в трупы превратятся, – прорычал Мациевский, – что мне, делать вид, что я ничего не видел? Девочку убили, а мы сопли здесь жуем!

– Сказала, остынь! – более властным тоном повторила Ксения. – Если быстро толкаешь, оно быстрее двигается, а нам нужны осторожность и терпение. Наша первая задача – остановить Охотницу. Кате Кирсановой мы уже не поможем, но нужно сделать всё, чтобы её смерть не стала напрасной! Она погибла, чтобы люди знали правду, и мы не должны её подвести.

Рауш фыркнул.

– Да как мы остановим Охотницу? – спросил Рауш. – Мы даже не знаем, кого искать. Или вы думаете, что это Урусова?

Ксения хитро улыбнулась.

– Да нет, – сказала она, – я много раньше могла догадаться-

ся. А теперь поняла окончательно. Просто подумайте, кого пустят на конференцию без особых проблем?

Рауш развел руками.

– Боюсь, что не понимаю.

– Ну тогда позвольте сделать вам сюрприз, – сказала Ксения, направляясь к выходу.

– О ком бы вы ни говорили, я с вами, – произнесла Наташа, приподнимаясь на подушках.

Авалова посмотрела на неё, как на безумную.

– Ошалела? – честно спросила она. – И думать забудь.

Ты уже сделала всё, что могла, и даже больше.

Наташа недовольно надула губы.

– Вы что, меня оставляете здесь? – буркнула она. – Одну? А если они решат меня здесь и пришить? Кто мои бранные останки будет собирать?

– Не волнуйся, – усмехнулась Ксения, – ты у них сейчас не в приоритете. Мы отправляемся не на воскресную прогулку, но если дело выгорит, то мы вернемся, и ты нас встретишь холодным шампанским.

Наташа устало бухнулась головой на подушку. Ирония – это всё, что им оставалось. Безусловно, Ксения права, хватит с неё погонь и перестрелок. По крайней мере на сегодня.

* * *

В Борисфене шёл протест. За кого? Против кого? Это ни-

кому не было понятно, и надо сказать, что менее всего это было понятно тем, кто находился на этой площади.

Непонятно это было и Президенту Республики, которая ехала на торжественное открытие международного саммита по североевропейскому транспортному коридору, рассматривавшегося как новая веха в истории Понтии. Зажатое меж великих держав, это государство никогда не могло определиться в своей идентичности, постоянно примыкая то к одному лагерю, то к другому в зависимости от того, какой лагерь предложит больше бенефиций. И вот сейчас у Республики появился шанс выйти на новый вектор развития. Прекратить разрываться меж двух лагерей, но предложить третий, особый путь. Саммит должен был стать началом этому.

А теперь эти протестующие? И все планы рушатся. Нет, безусловно, она должна провести саммит, должна несмотря ни на что.

Кортеж ехал по широким проспектам столицы, построенным ещё во времена Советов. Гвалт голосов протестующих рвался сквозь бронированные стекла лимузина, хотя кортеж двигался не по центральным улицам, движение во многих районах было перекрыто. Транспорт пускали в объезд, а на каждом перекрестке дежурили офицеры милиции в наглаженной парадной форме. На фоне дыма на центральной площади это выглядело фантасмагорией. И всё же Президент была рада, что у неё хватило здравого смысла прислушаться к совету начальника ГУР Соколовского и не переносить сро-

ки саммита, это было бы ещё хуже и только пошатнуло бы её положение. Соколовский был профессиональным чекистом, вскормленным ещё старой советской школой, а также человеком честолюбивым и с грандиозными амбициями. Президент успешно использовала эти его качества.

Кортеж подъехал к гостинице «Ориенталь» точно в назначенное время. Президент знала, что существуют еще три подставных кортежа, они будут наматывать круги ещё двадцать минут, в целях безопасности.

Гостиницу на период проведения саммита выселили. Естественно, Президент предпочла тот, другой вариант, но опять же последовала совету Соколовского не проводить саммит в пансионате в Кранцберге, поскольку события в этом городе явно принимали странный оборот. К тому же нужно было показать, что она держит ситуацию под контролем. Несколько распоясавшихся хулиганов, это не смертельно.

В гостинцу Президент вошла, окруженная кольцом охраны. Её многочисленные помощники и несколько членов Верховного совета тоже шли в сопровождении.

Минуя гостиничный холл, обычно наводненный туристами, процессия прошла в роскошную переговорную, отделанную мрамором, где охрана дала им некоторую свободу. Переговорная была уже заполнена высокопоставленными представителями разных государств: Великобритания, Франция, Китай, Испания, Германия, Европейского союза и мно-

гих других. Не все из них были ярыми сторонниками идеи конференции, однако все они страстно хотели высказаться, особенно по вопросу транспортного коридора. Для Президента это был центральный вопрос, ибо от итогов конференции зависело, пойдет ли транспортный коридор через Понтию или южнее. Один удар они уже пропустили, когда просочилась информация, что по морским транспортным линиям погибший при весьма странных обстоятельствах Арсениук перевозил наркотический препарат, которым одурманивали юных девочек. Второй ошибки ей не простят.

Высокий чиновник из Европейской комиссии – испанец Патрисио Фуэнтес – заметил её первым. Вдвоем с генералом Соколовским они что-то оживленно обсуждали, но прервали свою беседу, встретившись взглядом с Понтийской руководительницей.

– Госпожа Президент, – обратился к ней европейский чиновник с легким испанским акцентом, – я рад приветствовать вас, для нас большая честь присутствовать на подобном высоком собрании.

Произошел краткий обмен рукопожатиями.

– Благодарю, – сухо произнесла Президент. Это честь и для меня. Я безмерно рада, что вы приняли приглашение. В конце концов, мы все заинтересованы в более глубокой интеграции на континенте. Надеюсь, ваша поездка была не очень утомительной?

Фуэнтес покачал головой.

– Нет, – мягко сказал он, – путешествие было коротким и необременительным, а ваше присутствие делает мой визит ещё приятнее.

Президент отвесила легкий поклон.

– О, на самом деле это очень редкий случай, когда лицу всё же позволено покидать свою резиденцию, – вступил в разговор Соколовский, – президентская резиденция – это своего рода тюрьма. Не находите? Я, например, не могу представить себе, чтобы мои обязанности требовали постоянного присутствия в одном месте. Это так утомительно.

Президент всегда удивлялась какой-то всегдашней необычности Соколовского. Особенно её всегда поражало лицо. Оно было хищным и узким, с пронзительными глазами. Идеальная выправка, благодаря которой форма на нем не висела мешком, выдавала в нём несколько поколений профессиональных военных.

Президент сумела выдавить из себя улыбку, чтобы поддержать разговор.

– Это необходимое мероприятие, – сказала она, – и я верю, что ваше присутствие здесь говорит о стремлении сделать все возможное для блага континентальной интеграции.

– Это так, – согласился гость, – однако нас несколько беспокоили эти... протесты.

Президент нахмурилась.

– Не стоит их переоценивать, – бросила она, – да, есть какая-то толпа недовольных, но мы разбираемся с их требова-

ниями.

– Ах да, конечно, – сказал гость, – но мне кажется, что если бы всё было так, как вы говорите, у вас бы не было причины менять маршрут наших кортежей в последний момент.

Ответить Президенту было нечем.

– Не надо вдаваться в казуистику, – пришел её на помощь Соколовский, – у всех есть свои протесты. Во Франции – забастовки фермеров, в Испании – баски. Саамы в Швеции. На местах у всех хватает забот.

Фуэнтес кивнул.

– Безусловно, – сказал он, – но мы в Европе печемся о защите прав человека. Считаем это высшей ценностью. Следствием жестких реакций может стать коррупция, а именно её роста мы боимся больше всего на свете. В том числе и в контексте транспортных коридоров.

Соколовский величественно улыбнулся. В его улыбке было что-то покровительственное.

– Если позволите, я не соглашусь с вами, мы тоже боимся коррупции и анархии, но с этими прискорбными явлениями может справиться только сильная централизованная власть. Безусловно, это не означает, что я поддерживаю некие тоталитарные идеи нашего прошлого, но централизация власти стирает ненужные бюрократические лестницы и лишает соблазна. В противном случае каждый может улучшить момент и нанести удар.

Его эскапада, должно быть, показалась слишком уж об-

винительной, поскольку Соколовский загладил его самоироничной улыбкой.

– Впрочем, не стоит принимать мои слова за призыв к действию, – сказал он, – я всего лишь военный, поэтому мыслю активными категориями. К тому же я понимаю, что представителям демократических свободных государств не пристало отвечать жестокостью на жестокость и подавлять своих граждан. Думаю, вы не будете отрицать, что иногда и демократия нуждается в некоторой силовой подпитке, чтобы иметь возможность донести её до угнетаемых масс. Клином иногда нужно выбивать клином, не так ли? В любом случае это означает, что наши политические взгляды не так уж несхожи. Однако ещё раз повторяю, что это всего лишь взгляд военного. Прощу меня извинить, мне нужно сделать один звонок. У моей племянницы именины.

* * *

Вряд ли кто-то, даже из находившихся там сейчас, мог бы вспомнить действительный вид центральной площади, что на понтийском диалекте именовали Торгом. Ещё совсем недавно бывший гордостью республиканской столицы парадный ансамбль величественных зданий сейчас походил на выжженную каменную пустыню, которую старательно пытались обходить редкие прохожие, воротившие нос от тошнотворного запаха, царящего на площади, и дыма от разожжённых

ных людьми на площади костров.

Сотни голов, тесня и толкая друг друга под хохот и улюлюканье, выкрикивали лозунги, стараясь забраться на колонну так высоко, чтобы только именно их было видно. Огненные языки пламени от факелов, которыми протестующие освещали площадь, от их конвульсивных движений колыхались в разные стороны, заставляя разлетаться огненные искры. Где-то гудел бас попа, окропившего протестующих ладаном, резкий запах которого сливался с остальными запахами в единое тошнотворное облако. То тут, то там слышался звук сварки и скрежет точильных брусков.

Чуть впереди, не подходя близко к площади, топтались

бойцы спецназа «Сокол», они тоже не понимали, для чего здесь находятся. Стояли в ожидании приказа и молча смотрели на пылающие костры, лишь изредка поднимая вверх щиты, чтобы огненные искры не прожгли казенную форму. Огромная полусфера прозрачной стены балкона пентхауса гостиницы «Oriental'», располагавшегося пятнадцатую этажами выше того зала, где проходила конференция, открывала прекрасный вид на площадь. В центре балкона, вокруг которого развивалось действие, сложив руки на груди, стояла женская фигура. Она разглядывала площадь и видела, что всё идет хорошо. Более того, великолепно. Даже слабая дрожь пола под ногами, когда время от времени неподалёку взрывались петарды, казалась аплодисментами. Она задумалась. Как все-таки легко управлять толпой, этим необразованным и некультурным быдлом. Только щелкни, дай им надежду на то, что они хотят, и они пойдут за тобой, даже если ты ведёшь их в ад. Как это унижительно давать им, этим собравшимся на площади, шанс понять истину. Они никогда её не поймут. Ибо только избранным это доступно.

Приглушённо зажужжал мобильник. Его звук разрушил идиллическое созерцание.

– С днем ангела, милая! – сказал голос в трубке. – Ты получила мой подарок?

– Это то, о чём я всегда мечтала, – без эмоций ответила Охотница, – личная аккредитация в президентский пул. С крыши убрали снайперов?

– Да, солнышко, – произнес голос, – всё в полном порядке. Позвони мне, когда закончится вечеринка.

Охотница отключила телефон. Она стояла и ждала последние несколько минут до кульминации. Её фигура была столь черной и столь непроницаемой, что выкачивала свет из всего пространства балкона пентхауса. Охотница ждала, что ей это было несвойственно, но сейчас она терпеливо ждала, ради разнообразия.

* * *

Анастасия разлепила глаза и попыталась определить, где находится. Получилось у неё это довольно плохо. Единственное, что она поняла, что помещение, где она очнулась, было похоже на гостиную какой-то квартиры. Но какой и как она здесь оказалась, девушка не помнила. Всё тело как будто окоченело, и она не могла пошевелить ни рукой, ни ногой. Анастасия с силой дёрнула правой рукой и с удивлением обнаружила, что пошевелить рукой она не может потому, что оба её запястья пристегнуты к батарее, к счастью, холодной. Осознание этого факта потянуло за собой цепь ещё более неприятных воспоминаний. Она вспомнила, что они со Светланой поднимались в квартиру, где их должен был ждать Томас Чилуэлл, а вот дальше она не помнила ничего. Может быть, она даже находилась в этой же квартире, но сколько времени в ней провела, оставалось загадкой.

Превозмогая боль от сковывающих запястья наручников, Анастасия попыталась сесть. Прислонившись к стене, девушка стала озираться по сторонам.

Комната представляла собой большой пентхаус с длинными широкими панорамными стеклами, сквозь которые не проникал ни один звук. В центре комнаты имелась чугунная винтовая лестница, которая вела куда-то наверх. В углах стен замерли декоративные рыцарские доспехи. В комнате было очень тихо, казалось, что Анастасию кто-то здесь оставил, и она совсем одна.

Но это было не так. В этой комнате был ещё один человек – девушка, от вида которой у Анастасии похолодело внутри.

КОНЕЦ ДЕСЯТОЙ ГЛАВЫ

Глава XI. Охотница

*Эта странная девочка просто обожала
раздваивать себя, становясь двумя девочками
одновременно.*

Льюис Кэрролл

Перед ней стояла Шурочка.

– Ты? – ахнула Анастасия.

– Я, – спокойно сказала Шурочка, её лицо, обычно живое, сейчас совсем не двигалось, а застыло словно каменная маска. Это её выражение лица больше удивило Анастасию, чем тот факт, что её подруга была жива.

– Изобразить смерть не сложно, – сказала Шурочка, – правда, сложнее, чем убивать!

– Ты... – Анастасия дернулась вперед, но наручники снова дали о себе знать, сковав её движения. Она так и осталась на месте, её мысли путались.

Осознание пришло быстро.

– Значит это была ты? – ошалело спросила она. – Это всё время была ты? И взрыв машины – это была липа?

Шурочка хищно улыбнулась.

– Выглядело это довольно убедительно, – сказала она – не правда ли?

Анастасия округлила глаза. Она отказывалась что-либо понимать.

– Да, – продолжала Шурочка, – я отправляла тебе странички из твоего дневника, который ещё тогда скопировала себе. Мне понравилось это чтение. Я знала, что он мне пригодится, ведь это я отравила Томаса психотропным препаратом, который блокирует волю, и я велела ему тебя изнасиловать, – она холодно рассмеялась, – но вышла ошибка, я забыла про твой нож. Честно говоря, не думала, что ты окажешься настолько сильной и сможешь сопротивляться. Впрочем, вышло всё гораздо лучше.

– И родителей Томас убил тоже по твоему приказу? – с ужасом спросила Анастасия.

Шурочка, манерно зацокав языком, покачала головой.

– Нет, – протянула она, – ты пришла ко мне тогда вечером, и я поняла, что просчиталась.

– Я тебя не видела тогда, – сказала Анастасия, она ощущала себя в центре ужаса, – только слышала голоса.

Шурочка расхохоталась дьявольским смехом.

– Да Верховского там вообще не было, – заявила она, – это я потом убедила и тебя и его, что он был со мной. Сделать это оказалось не так-то сложно. Однако работу ты мне подкинула. Мне не нужно было убивать Чилуэллов. Мне нужно было их просто скомпрометировать, но ты не оставила мне выбора. Я поехала за город и ликвидировала их. Я, а не Томас. И я внушила Томасу, что это он убил, а тебя бросила около дома, предварительно внушив тебе историю о том, как ты туда добиралась. Удивительно легко управлять людьми.

Анастасия внезапно поняла, что Шурочка с упоением говорит о своих действиях, даже с некоторым превосходством.

– Я всегда думала, что это Томас, – прошептала Анастасия, – а ты его подставила, да?

Шурочка размяла, очевидно, затекшие мышцы.

– Знаешь, это было удивительно легко, – сказала она, – я даже не ожидала как. В деле всего-то и было, что мои показания о том, как ты пришла ко мне и что Томас был в тебя влюблен. Признаюсь, я даже была удивлена, как прекрасно сработал мой план. Не ожидала от себя такого, право. Ведь кто-то же должен был понять, что не мог Том в таком состоянии так хладнокровно действовать. Но как же чертовски прекрасно это выглядело со стороны. Разгадка преступления сама шла полиции в руки, и они поверили.

– Господи, но зачем всё это? – прошептала Анастасия и внезапно сообразила. – Неужели только ради препарата?

Шурочка вновь рассмеялась.

– Нет, не только, – сказала она, – ради власти, огромной и бесконечной власти, которую он может дать, но только нам нужен твой друг, чтобы завершить начатое, и он придет сюда.

– Какой-то бред, – у Анастасии пересохло во рту, – о каком друге ты говоришь?

– Как, ты ещё не поняла? – спросила Шурочка. – Хотя, возможно, наша общая подружка Эльмира тебе не рассказала. Это ведь Верховский создал греларозол, точнее, он думал, что создает, но на самом деле лишь усовершенствовал

наши разработки, которые были бесполезны без работ его учителя. Дурак, ты так очаровала его, что он вознамерился во имя тебя совершить открытие, чтобы ты вернулась к нему. Он стоит за всем, что здесь происходит.

Анастасия хотела дернуться вперед, но наручники не позволили.

– Я не верю, – сказала она, – Саша никогда не мог бы причинить зло!

С лица Шурочки не сходила ехидная улыбка. Анастасия присмотрелась к её лицу. В нём было что-то неестественное.

– Конечно, поначалу он не понимал, что делает, – небрежно бросила Шурочка, – было очень забавно наблюдать за ним. Направлять его, поощрять его, заставлять думать, что его шаги приблизят его к чему-то совершенному.

– Не сомневаюсь, он отринул это, – яростно сказала Анастасия, – когда понял, что именно создает.

– Очень нескоро, – сказала Шурочка, – но постепенно он действительно стал что-то подозревать, особенно когда в его жизни вновь возникла ты. Но от нас так просто не уходят, и Верховский заплатит за свое предательство самым дорогим, что у него есть, – тобой.

Анастасия проглотила колючий комок в горле. Только кто-нибудь бы пришел! Кто-то должен прийти!

– И теперь ты меня убьешь? – спросила она, осознав, что надо тянуть время.

Шурочка покачала головой.

– Нет, – холодно сказала девушка, – видишь ли, после того, что произойдет, обществу нужен тот, кто ответит за злодеяния. Эгоистичный молодой ученый и его подруга отличные кандидаты, – она нервно засмеялась, – ты не умрешь. Ты будешь гнить живьем. От осознания тяжести своей вины.

– Тебя найдут! – бросила Анастасия, хотя она понимала, что её слова не подействуют.

Шурочка покачала головой.

– Нет, – сказала она, – тебя найдут. А кто ищет меня? – девушка достала из шкафа, встроенного в стену, большой холщовый мешок, тот самый, в котором обычно держала своё ружье, расстегнула его и достала длинную «винтовку Мосина», которая была снабжена оптическим прицелом.

– А после того, что произойдет сегодня, тебя уже не будет ничего интересовать, – сказала она, – ты сама признаешься во всем. А про нас никто не знает, а тот, кто знает, умрёт, так или иначе.

– Ты просто сошла с ума! – воскликнула Анастасия. – Я совсем тебя не узнаю.

Шурочка холодно улыбнулась.

– Разве? – улыбнулась девушка. – Это ты сошла с ума. Меня же нет, ты же сама знаешь, что я мертва, а те, кто меня видел, об этом уже не расскажут, ибо я карающая длань мести и хаоса, воин разрушения и оружие, которое сокрушит этот ничтожный мир.

* * *

Легкий конвертоплан Аw609 грузно плелся по облакам. Иногда встряхивая сидящих в кабине пассажиров, когда пересекал, будто спотыкаясь, воздушные ямы. Сидевшая за штурвалом Алин Авонамйелус постоянно меняла высоту, чтобы уходить от обнаружения. Вступать в длительные дис-

куссии с диспетчерскими службами ей, очевидно, не хотелось. Они уже пересекли Альпы, австрийские дуга и теперь под ними лежала Венгрия. Официальная версия на случай неприятностей – спасательная миссия, впрочем, проблем пока не возникало. То ли Алин так удачно выбирала маршрут, то ли ещё по какой причине, но никто совершенно не интересовался, что одинокий конвертоплан делает в воздушном пространстве, Кристину это более чем устраивало.

– Всё, – сказала Алин, явно довольная собой, – можем забыть про радары. Я же говорила, эти натовские игрушки мне не помеха.

Девушка картинно упала в пассажирское кресло.

– Зашла сказать, что ещё час лета, – предупредила она, – или около того. Я полагаю, что мы успеем к разгару вечеринки.

Кристина ухмыльнулась.

– Даже если к самому концу, – сказала она, – всё равно туда будет неплохо заскочить.

Авонамйелус криво улыбнулась.

– Ты говорила, – небрежно бросила пилот, – целая одиссея.

Её тон был легок, остроумен и по-военному лаконичен. Это удивительным образом сочеталось с некой лиричной печалью на лице.

– Непривычно пилотировать гражданский летательный аппарат? – осведомилась Левонова. – Ты же в основном спе-

циализируешься на штурмовой авиации.

Алин ощерилась.

– Что ещё обо мне известно? – быстро спросила она. – Хотя, что же я спрашиваю, моя история была во всех газетах.

– Ну мне и известно только то, что писали, – сказала Кристина, – капитан Алин Авонаймелус родилась на острове Илуйлойак. Коренная индианка, стала самым юным кадетом, принятым в королевский военный колледж, боевой летчик 1-го класса, совершила более сотни вылетов в Афганистане, Ираке и Ливии. Была назначена командиром 16-го штурмового крыла и командовала налетом на базу талибов в вилайете Кундуз, а после была обвинена в совершении военных преступлений и приговорена к тюремному заключению, дальнейшие следы теряются.

Штильхарт удивленно посмотрел на пилота.

– А почему я этого не знал? – спросил он.

– Вероятно, ты не читал новости трехлетней давности, – жестко отчеканила Авонамйелус, её лицо приняло красноватый оттенок от столь бесцеремонного вторжения в её частную жизнь, – интересно, Кристина, мой психопаспорт ты тоже читала? Там написано, что у меня пограничное расстройство личности и я отличаюсь крайней жестокостью?

– Возможно, так и написано, – сказала Кристина, – но этого я не читала. А что же произошло на самом деле?

Авонамйелус фыркнула.

– А почему это так тебя интересует? – поинтересовалась пилот.

Кристина широко улыбнулась.

– Просто я знаю, что адмирал Рид не станет помогать преступнице, – ответила она, – если только на человека возвели напраслину. Ну-с?

Алин вздохнула.

– Да ничего особенно, – сказала девушка, – в сущности то же самое, что обычно происходит с такими, как я. Думаешь, мне было легко с моим-то происхождением? Моя мать – вождь Кими Авонамйелус – была владелицей казино. Вы можете себе представить, что это такое? Всё мое детство прошло среди постоянного улюлюканья и снаркоманившихся глаз. Мы купались в роскоши, но я понимала, сколько зла это приносит людям, как они подсаживаются на игру и как отдают последнее. Как же я всё это ненавидела, как же я мечтала, чтобы это всё разрушилось! В шестнадцать я сбежала

из дома. У меня была одна мечта – небо! Я надеялась, что если вырвусь из этого ада, то у меня будет нормальная, свободная жизнь. Я подала документы в военный колледж и там встретила тех же самых. Офицеров, генералов, сенаторов – все они ходили в наше казино. Играли, развлекались с девочками, курили травку, а в колледже они нацепляли форму, щеголяя наградами и говорили о патриотизме, демократии, свободе, ценностях.

– Должно быть, это унижительно? – участливо спросила Кристина. Она-то свое детство ругала.

– Хуже того, – бросила Алин, – это лицемерие. Но я терпела, я верила в идеалы. Я блистательно окончила колледж, была лучшая в классе. Естественно, как передовую студентку меня направили в действующую армию.

Я готова была петь от восторга. Афганистан, Ирак, Ливия, потом снова Афганистан. Только и там я встретила тех же самых, что ходят по казино. Но я всё ещё верила. Верила и служила. Несла слаборазвитым народам факел свободы и демократии. На войне быстро раскрываешь свои способности. Я дослужилась до звания капитана. Получила в командование собственную штурмовую эскадрилью. Даже несколько наград заимела. Была на хорошем счету. А один раз нас отправили бомбить лагерь талибов. Там скрывался важный полевой командир. Нам ещё на базе говорили, что, мол, легче легкого всё будет, а эти сволочи, оказывается, заложников захватили, как будто выяснить это раньше было нельзя!

– И вы разбомбили их? – спросил Флориан. Авонамйелус махнула рукой.

– Нет, – сказала она, – Эми Нильсен, одна из моих ведомых, заметила ребёнка, сбежал, наверное. Я по радиации передала о заложниках, а мне в ответ, мол, плевать: у тебя цель есть – бомби, подумаешь какие-то дикари. Я сказала нет, бомбить не буду. Начальство в крик. Кто ты такая? Как ты смеешь? В общем, пока мы там круги наматывали, талибы прочухали и давай в нас из «стингеров» пулять. Джейка и Уэйна сразу, прямо в воздухе. А потом ещё веселее, из-за гребня два дрона выскочили, американские, и всю деревню в кашу. Талибов, заложников, всех, и улетели. Остались только крики, огонь и густой черный дым. Напалм.

Кристина слушала очень внимательно, сидевший рядом Флориан сухо усмехнулся.

– Банальная история, – сказал он, – такие сейчас на каждом шагу в телевизоре, а что было дальше?

– А дальше ещё банальнее, – мрачно сказала Алин, – меня вызвали в штаб. Сказали так, мол, и так бывает. На войне как на войне. Жертвы неизбежны. Всякое такое. Но задача выполнена. Террорист ликвидирован.

Меня к внеочередному званию представили, даже к награде, по-моему. Мне бы, дуре, намек понять, остановиться, но у меня же принципы, идеалы.

– Стала разбираться? – спросила Кристина.

– Стала, – бросила Алин, – подала рапорт в военную про-

курутуру, что так, мол, и так, настаивала, чтобы бомбежки не было. А там оказалось, что оператор, который дроном управлял, – сын какого-то конгрессмена из Пенсильвании. Дневал и ночевал в стрелялках, вот отец и пристроил его в какой-то специальный центр, на Гавайях, ну чтоб делом занялся, и от него рапорт, что он и трое сослуживцев с экрана видели, что это мы на самом деле деревню сожгли и от начальника полиции Кундуза заявление, что части крылатых ракет нашли от наших самолетов. Ещё бы не нашли, когда два штурмовика наших сбили.

– И они ему поверили? – спросила Кристина. – Сыну?
Авонамйелус фыркнула.

– Естественно, – сказала девушка, – сама посуди, кому веры больше – сыну конгрессмена-демократа, блестящему студенту, освобождающему угнетенных через продвинутые компьютерные программы, или мне, пропахшей керосином и песком индианке, к тому же женщине. И если бы на этом всё, так нет же. Вызывают меня для дачи показаний. А там прокурор, лицо холеное. Боров. Крыса тыловая. Фамилию помню Тайберт. Мы под Богом там ходим, а он рожу раскормил. Вызывает меня и говорит. Плохи твои дела, и дело мое листает, демонстративно так, причмокивает, а потом говорит. Я этому делу ход не дам, только ты сегодня вечером ко мне придешь. Ну я взбеленилась. Сказала ему пару ласковых, а он меня лапать сразу стал. На стол повалил, стал срывать одежду. Я брыкалась, пыталась вырваться. Рука са-

ма револьвер нащупала у него на поясе. Я даже не поняла, что произошло. Пришла в себя, только когда выстрелила.

А он за шею держится и хрипит. Влетел конвой. Мне трибунал и срок. Двадцать пять лет. Звание, награды, всего лишили. И самое обидное, что ни у кого, ни у кого даже сомнений не возникло. Просто разжевали и выбросили. Как вещь. Только адмирал Рид мне тогда поверил, он тогда в составе суда был. Не знаю почему, но поверил, и вытащил девочку Алин из дерьма. Уговорил комиссию по помилованию принять решение о досрочном освобождении, и вот теперь я с ним. Больше мне идти некуда.

– А почему ты по-прежнему носишь лычки? – спросил Штильхарт. – Их разве не сдирают?

Авонамйелус мрачно ослабилась.

– А я их не за охрану продовольственного склада получила, – резко отчеканила девушка, – эти лычки стоили жизни паре классных ребят и ни в чем не повинных мирных жителей, они кровью омыты, не тому борову их сдирать.

На небольшой боковой консоли конвертоплана замигала красная лампочка. Вместе с ней запищал датчик, Алин одернула летную кожанку и направилась в кабину.

– Кажется, мы подходим к Борисфену, – быстро сказала она, – обратите внимание. Зажглось табло пристегните ремни. Наш самолет приступил к снижению. Выключите все электронные приборы и откройте шторку на иллюминаторе.

Кристина глянула сквозь стекло. В нем виднелись знако-

мые очертания небоскребов Борисфена.

Они прибыли.

Только бы не было слишком поздно.

* * *

Пять барабанщиков, одетых в парадную форму, выбили торжественную дробь, которая возвещала о начале конференции. Это должно было придать больше торжественности моменту. Назад отступить было бесполезно.

Да и чего можно было опасаться в момент наивысшего триумфа. За десять минут до открытия конференции к Президенту подбежал молодой референт. Твердил про возможность нападения, опасность для гостей. Чуть, возможности этих протестующих сильно преувеличены. Делегаты заняли свои места. Президент в центре зала, Фуэнтес расположился слева от нее. Напротив – представитель МИДа Великобритании и чиновник из КНР. Они оба выражали лучезарное спокойствие, и Президенту это обстоятельство давало некоторую надежду.

– Вам удалось поздравить племянницу с днём ангела? – спросил у Соколовского Фуэнтес. Как любой испанец, он очень трепетно относился к таким вещам.

– Что? – вежливо отозвался генерал. – Ах да, мы же из-за этого прервали дискуссию. Ох уж эти девочки. Я что-то пропустил?

Фуэнтес вежливо улыбнулся.

– Я говорил Президенту, что мы обеспокоены внесенным в Верховный совет проектом закона «О контроле и порядке». Мне кажется, что этот закон просто ужасен, он подвергнет сомнению демократические ценности.

Ловко они хотят, чтобы я оправдывалась, решила Президент, но она была давно в политике и привыкла к таким уколам.

– Вы верно сказали, – произнесла она, – это все лишь законопроект, тем более предлагаемый достаточно маргинальным левым движением, которое возглавляет некий господин Душенин. Он не входит в парламент, но у него есть свои сторонники, однако у меня нет ни малейших сомнений, что этот законопроект будет отклонён. Ценность демократии состоит в том, чтобы каждый мог высказать свое мнение. Господин Душенин такой же гражданин, как и все. Я думаю, никто не возразит, что последние годы насилие стало захлестывать общество. Политические мнения выражаются актами терроризма и саботажа. Появляются радикальные, даже фашистские организации. Лично я против такого закона, но считаю, что, возможно, некоторое ужесточение необходимо. Но это должно решаться на свободном голосовании народных избранных.

– Могу лишь добавить, – вступил представитель Велико-руссии Горчаков, – что не остановив насилие, мы только сыграем на руку полицейскому государству и радикальным си-

лам, которые есть в любой стране, поверьте мне.

Соколовский издал характерный смешок.

– Не соглашусь с вами, господин Горчаков, – сказал он, – я, например, считаю, что даже предлагаемый законопроект недостаточно строг. Миром должна управлять твердая и сильная рука, иначе он погрязнет в хаосе и анархии. Лично не хочу, чтобы тысячи лет развития самой высокоразвитой культуры – европейской – были уничтожены невежественным быдлом.

Если китайский представитель и услышал издевку, то счел нужным пропустить её.

– Вы слишком консервативны, дорогой Соколовский, – мягко оборвал его Горчаков, – мы все знаем, к чему приводили твердые и сильные руки на европейском континенте.

– Я всего лишь говорю о том, что нужно странам, – возразил Соколовский, – это нужно сделать, даже рискуя потерять поддержку народа. Правительство должно выполнить волю народа, а воля народа есть воля молчаливого большинства. Поэтому я считаю, что права правительства не должны быть ограничены, ибо ограничения ведут к неспособности выполнить волю народа, обеспечить его права. Мы живем в обществе, которое не только прощает, но и поощряет насилие, путем избрания слабой власти.

– Главные ценности народа – это этика и мораль, – изрек Фуэнтес, – как вы...

Раздался оглушительный щелчок и погас свет. Всё сразу

повскакивали со своих мест. Охрана начала дергать двери, но они были заперты. Затем среди какофонии криков и возгласов раздалось легкое шипение.

* * *

Опершись на снайперскую винтовку – смертельный инструмент в умелых руках, Охотница смотрела на представление через экран, висевший на стене, куда поступало изображение с камеры в конференц-зале. Эти депутаты, министры, дипломаты, Президент и все их лакеи ещё секунду назад считали себя вершителями судеб, а теперь их ничтожные жизни в её руках. Нет, к сожалению, не в её, в руках Организации. Если бы в её, она бы никого из этих пустоголовых болтунов не оставила в живых. Такие как они не должны существовать, они лишь жалкие паразиты, вирус, который уродует планету. Она бы с удовольствием уничтожила этот вирус. Но у неё ещё будет такая возможность! Делать всё надо постепенно.

Она наблюдала, как они пытались вырваться из цепкого плена. Крича и обвиняя друг друга. Куда же подевались их сладкие мирные устремления, речевки. С каждой минутой их придирки друг к другу становились все крикливее. Точно дети в песочнице.

– Значит, вот это для чего? – хрипло спросила Анастасия. Шурочка обернулась, она, право, забыла про «подругу».

– Безусловно, – сказала она, – ты должна оценить, какую роль я тебе приготовила. Ты войдешь в историю. –

С этими словами Шурочка нажала кнопку на запястье. Люди, бегающие по комнате, стали хвататься за воротнички и падать на пол. Анастасия вскрикнула.

– Ты такая жалостливая, – сказала Шурочка, – просто противно. Не беспокойся. Это сонный газ, ты уже испытала на себе его преимущества. К сожалению, эти бараны нужны живыми, пока.

– Нельзя же избавляться от людей, как от надоедливых насекомых! – с ужасом воскликнула Анастасия. – Даже во имя великой цели.

Шурочка опять захохотала своим рокочущим смехом, который Анастасия совершенно не узнавала.

– Можно, – сказала она, – именно ради великой цели и можно.

На представление ей смотреть надоело. Там газ сделает свое дело. Ни у кого не будет даже шанса. Может, кто и от сердечного приступа скончается, если повезет. Там не главное, главное теперь здесь. Кульминация.

Высшим силам было угодно наложить это бремя на неё, что ж хорошо. Все остальные враги. Враги, которые будут раздавлены её безжалостной рукой. Этот сброд лишат собственности, а их богатства и жизни перейдут в руки тех, кому можно доверять. Она будет служить этой власти, и это будет благородно.

Но пока это всё в будущем. Её волновало то, что будет происходить сейчас. Девушка вскинула снайперскую «трехлинейку» и, выровняв прицел, взвела курок. В окуляр она видела каждую деталь на площади. Вот человек стирает белье, вот другой лезет на статую, вот ещё один. Словно неподвижные мишени. Девушка нажала спуск. Тот, что лез на статую, рухнул вниз. Перезарядка. Выстрел. Стирающая белье женщина осела на брусчатку. Таз с бельем упал следом и камень стал жадно впитывать выплеснутую грязную воду. Ещё перезарядка, ещё выстрел. Ещё перезарядка, ещё выстрел. И стоящие на площади люди один за одним гибнут. Каждый, сразу. Люди гибнут.

* * *

В противовес общеобывательской точки зрения мир захватить несложно. Только нужно помнить, что, когда вы конструируете эффективный план по захвату власти с последующим установлением вашей личной глобальной диктатуры, такой, о котором не написано в учебнике политологии, все эти планы с совершенными военными машинами, гениальными полководцами, харизматичными лидерами обречены. Нет, когда конструируешь план успешный, то для достижения лучшего результата вам необходимо соблюдать некоторые правила.

Во-первых, захватить мир можно, только если вы не бу-

дете кричать об этом невероятном факте. Наоборот, лучше сделать так, чтобы население планеты, и особенно правители, не догадывались об этом. Они не должны понять, что вы их захватили, превращая в своих рабов. Нужно устроить так, чтобы мировые правители исполняли вашу волю, думая, что исполняют свою. Вы должны помнить, что власть – это не тысячи танков, кораблей и самолетов, не сотни ракет. Это некому ненужное железо, демонстрируя которое, политики всего лишь выигрывают выборы, чтобы решить собственные местечковые вопросы, ибо народ очень любит фантики. Настоящая власть – это капитал и влияние, а цель любой власти – только большая власть.

Во-вторых, вы сами не должны править ни одним из государств. Управление государством накладывает ненужный психологический и историко-культурный базис, который будет вам мешать мыслить хладнокровно.

В-третьих, чтобы впоследствии распространить свое влияние на весь мир, вам нужна огромная геополитическая воронка, которая затянет в себя весь старый порядок, после которого человечество потребует новый. Захват власти в стране, достаточно слабой и не воинственной, но при этом имеющей существенное значение для остального мира, для этого подойдет. В такой стране вы всегда можете потренироваться, сделать её укрепленной базой для своих дальнейших действий. При этом захват власти ни в коем случае не должен быть антиконституционным, наоборот, всё должно про-

исходить в рамках закона. Жители должны сами потребовать диктатуру над собой. Для этого нужна причина. Такая причина, которая не позволит вашим заместителям публично отказаться от диктатуры. Толпы разбушевавшихся протестующих, попирающие закон и порядок, для утихомиривания которых нужны некие особые полномочия. Такая причина подойдет идеально. При этом помните, что вы лично не должны быть диктатором. Этим должны заниматься ваши заместители, которых вы должны постоянно менять, чтобы у них не появилось желания занять ваше место.

В-четвёртых, место действия начальных событий должно располагаться как можно центрее, чтобы как можно больше людей о них знали. Центральная площадь в столице государства-жертвы – это превосходное место для подобного. Идеально будет, если в это время в столице проходит какое-то международное мероприятие, скажем, межгосударственная конференция, чтобы у представителей мировой общественности не возникло никаких сомнений в том, что вы на самом деле поддерживаете демократию, а диктатуру устанавливаете лишь по необходимости.

В-пятых, вам необходимо иметь несколько доверенных лиц, которые готовы были бы исполнить вашу волю в любой точке земного шара. Они должны быть быстры, смертоносны и безжалостны не только по отношению к врагам, но и по отношению к себе.

В-шестых, закрепившись в одной стране и представив её

человечеству как образец благополучия и порядка, вы должны начать преподносить вашу власть как абсолютную ценность. Для этого вы должны заручиться поддержкой разных элитарных групп: спортсменов, режиссеров, политиков, философов. Они должны продвигать ваши ценности среди людей, которые их почитают и они пойдут за ними. Если они пойдут за ними, они пойдут за вами.

Наконец, в-седьмых, необходимо, чтобы человечество было как можно более разьединено. Для этого пользуйтесь разговорами о национальном достоинстве, суверенитете, ни в коем случае не забывая про традиционные ценности и про то, что они у всех разные. Залог разобщения человечества – залог вашей личной власти.

Именно такой захват мира и начался в Понтии, на глазах всего прогрессивного человечества. Понтия оказалась только прологом и одновременно кульминацией.

* * *

Тьма напозла на Борисфен, не скрывая, а лишь подчеркивая события, происходящие на площади. Ксения Авалова не одобряла брань, но когда она сквозь стекло кабины вертолётa Веховского разглядела детали, то с её губ сорвалось ругательство, которое заставило бы покраснеть самого прожжённого сантехника.

– Вы уверены, что мы сможем здесь отыскать Анаста-

сию? – громко прокричал сквозь шум лопастей Верховский.

– Даю вам слово, что мы её вытащим, – кивнула Авалова, – искренне надеюсь, что она жива.

– Черта с два я позволю им убить её, – заявил Верховский, – эти люди забрали у меня слишком много! Пришел их черед платить!

– Достойные слова, – прокричала Ксения, – в этом мы с вами на одной стороне!

– У нас с вами общий враг, – сказал Верховский, – стихия революции.

Александр жестом приказал пилоту снизиться. Тот уронил машину практически в отвесный штопор, мигом оказавшись практически на земле. Авалова выпрыгнула из вертолета первой, не дожидаясь напарников.

– Я бы не рекомендовал... – начал Рауш, но Ксения его не услышала и побежала вперед.

Почти сразу путь ей перекрыло отделение из спецназа «Сокол», за спинами которых клубился густой дым.

– Что происходит? – крикнула Ксения на задымленном воздухе, от которого немедленно стало щипать глаза, одновременно выкидывая вперед руку с удостоверением. Спецназвец почтительно козырнул.

– Вспыхнул бунт, детектив, – сообщил ей местный сержант, жестом полунаправляя на девушку АКМ, – не беспокойтесь, здесь всё под контролем.

Ксения приподняла бровь.

– Это вы называете под контролем!?! – с совершенно неприкрытой иронией спросила девушка. – Почему здесь «Сокол»? Где спецназ СБР?

– Прошу прощения, – сказал сержант, – у меня нет об этом сведений. Нам приказали перекрыть площадь и никого не впускать, и не выпускать.

Ксения вздохнула. Этого она и боялась.

– Сержант, – успокаивающе начала она, – происходящие сейчас события, – это не просто протесты, это попытка государственного переворота. Необходимо немедленно снять оцепление и арестовать зачинщиков этого мятежа.

– Простите, – сказал сержант, – у нас нет на это права.

Мы только наблюдаем, но не вмешиваемся.

Разговор прервал сильный хлопок, потом ещё один и отрывистый крик «Снайпер!», «Снайпер на крыше!».

Хлопки были как будто сигналом. Тут же после выстрелов воздух разорвало ещё несколько хлопков, но ближе – это стали закидывать петардами спецназ. Кто-то из «Сокола» дрогнул и выскочил из цепи, и толпа с дикими криками «Убийцы!» ринулась на оцепление, кто с битами, кто с цепями, кто ещё с чем, затем в ход пошли зажигательные бутылки. Тот сержант, что разговаривал с Ксенией, уже лежал, истекая кровью, а два молодых парня срывали с него шлем и бронежилет. Вскинув пистолет, Авалова не целясь открыла по ним огонь. Мародеры рухнули на землю.

Толпа прорвала строй «Сокола» и ринулась в сторону го-

стиницы. Ксения видела людей с налившимися кровью глазами, которые подобно разъяренным быкам неслись туда, откуда раздались выстрелы.

Большого она разглядеть не сумела. Сзади что-то грохнуло, и её отшвырнуло в сторону. Когда девушка сумела подняться, то увидела, что вертолет, из которого она только что выпрыгнула, теперь был объят краснооранжевыми языками. Похоже, обратно им было выбираться не на чем.

– Что здесь за чертовщина? – крикнул Рауш. – Они с Мациевским только смогли подобраться к месту действия. Верховский занимался тем, что, зажимая кровоточащую рану, которая, вероятно, образовалась при взрыве вертолета, оттащивал в сторону пострадавшего сержанта.

– Я не в курсе деталей! – крикнула Ксения. – Похоже, кто-то устроил стрельбу и это спровоцировало толпу на прорыв оцепления. Мы опоздали.

Это было горькое осознание правды, ужас трудно было понять из-за внешнего шока ситуации.

И это осознание определило для Ксении многое.

В душе её сейчас бушевала буря, сравнимая с самым сильным живым ураганом. Вся нынешняя ситуация означала, что всё, что она делала, всё, что делали с ней...

Всё, что довелось пережить окружающим её людям, все смерти...

Всё было напрасно.

Потому что всё это было ради того, чтобы остановить то,

что произошло сейчас.

Для этого было сделано всё. Но ничего не вышло.

Справедливость, которую она пыталась защитить, теперь валялась в пыли. Она была раздавлена тем, что произошло сегодня.

Вся её жизнь теперь превратилась в большой мыльный пузырь, и он был так тонок, что один вид площади молотом разметал его в прах.

Она приняла удар. Она была Ксенией Аваловой. Все последующие минуты с момента прибытия она хладнокровно оценивала риски: идти в гостиницу или развернуться и уйти. Она понимала, что ни один из вариантов сильно ничего не изменит.

Но поскольку она была Ксенией Аваловой, лопнувший пузырь вновь стал камнем. Эмоции уступили место хладнокровию.

Факт был один.

Справедливость, которой она служила, сейчас была в руках плохих парней, и Ксения Авалова решила вернуть её обратно!

* * *

Как уже упоминалось, глобальный захват власти нужно осуществлять по инструкции.

Когда у вас есть инструкция, вы можете сделать любую

конструкцию. Важно только сохранять спокойствие, если хотите получить желаемый результат.

А ещё у каждого плана глобального захвата власти должна быть своя кульминация. Кульминация, которая позволит вам отринуть обывательскую мораль, ничтожные принципы гуманизма и при этом не рисковать оказаться белой вороной в стае черных. Истинное мастерство – это не маскироваться под черную ворону, а перекрасить всех в белый цвет. Заставить играть по собственным правилам. Для этого и нужна кульминация.

Нападение протестующих на гостиницу, где собрались видные представители стран мира, безусловно, такая кульминация. Нет, это не финал событий. Финал наступит позже, примерно к утру, когда по Центральному республиканскому телевидению будет объявлено о введении чрезвычайного положения, запрете любых политических партий и организаций в целях сохранения целостности государства, противодействию хаосу и анархии и провозглашении Директории. Нет, это именно кульминация. Момент наивысшего напряжения, до которого ещё можно было повернуть ситуацию вспять. После нет. Ни у кого не получится, потому что события начинают принимать объективно-фатальный смысл, из которого один выход, ради которого они это всё и затевали.

Толпа ворвалась в гостиницу. Закидывала петардами холл, растекалась по лестницам и коридорам с единственной целью – найти того, кто, по их мнению, был виновен в про-

исходящем.

Сделать так, чтобы толпа нашла этого виновного, – это последний штрих в плане, ведь от него, этого виновного, всё равно нужно было избавляться. Сделать это чужими руками есть лучший вариант. Дополнительное доказательство того, что эти руки потом нужно отрубить.

А если пострададут при этом иностранные граждане, это будет просто прекрасно. После этого вам необходимо будет установить диктатуру. От вас этого просто потребуют.

Кричащая и визжащая толпа проломилла тяжелые двери конференц-зала. Сопротивления им никто не оказывал. Там были лишь недвижимые тела. Толпа стала раскидывать документы, переворачивать мебель. Кто-то стал пинать людей. Требуя от них что-то. Они не могли ответить. Это привело толпу в ещё большую злость. С гостей конференции стали срывать часы, драгоценности, кошельки, какие-то гаджеты. После чего беспомощные тела подхватили на руки и стали выкидывать из конференц-зала в холл, одно за другим, как бревна. Зачем?

Вряд ли кто-то из находившихся в зале мог вразумительно ответить на этот вопрос. Не только великоросский бунт бессмыслен и беспощаден. Любой бунт бессмыслен и беспощаден. И именно такой бунт вам нужен, чтобы добиться желаемого. Но, конечно, особую эффективность плана вы достигните, только когда управляете обеими сторонами и заранее знаете, как именно будет развиваться ситуация. При та-

ком раскладе вам остается только наблюдать за всем со стороны. То, что вам нужно, произойдет само по себе. Успех локальной акции даст вам повод для дальнейших манипуляций. Уже глобальных. Действуй локально – думай глобально, это есть высший приоритет.

Успешная локальная акция в Понтии была задумана не просто как однократный успех, но как приказ, как руководство к действию остальным. Они уже были готовы к моменту кульминации, везде, где потребуется. Поэтому события в Понтии стали ядром, картечью, которая взорвалась мелкими шариками цепной реакции выполнения приказа.

Везде.

За исключением Понтии.

В Понтии приказ уже был исполнен.

* * *

Охотница стояла на террасе гостиничного пентхауса и созерцала горящую площадь. Механическая перчатка, сжимавшая живую левую руку, мерцала призрачным зеленым светом встроенного в неё изумруда – камня, который давал ей необычайную силу. Она видела, как среди толпы протестующих в гостиницу бежит та, которую она не ожидала здесь увидеть. Она полагала, что Верховский придет один.

План претерпевает некоторую корректировку. Впрочем, она даже была рада, что встретится с той, которая по досто-

инству её оценит. И её смерть будет для Охотницы наградой за старания. Наконец она сразится с той, которая может бросить ей вызов.

Словно бы в подтверждение её мыслей завибрировал пейджер. На экране красовалась надпись «Oni prishli za toboj. Bud' ostorozhna».

Охотница улыбнулась. Она была уверена – Организация простит её за небольшое представление. В конце концов иногда нужно отдаваться своим маленьким эгоистическим желаниям.

* * *

Чуть пошаркивая ногами, они бежали по длинному и просторному холлу гостиницы, время от времени уворачиваясь от взрывов, попадавших через разбитые фронтальные окна. Огромный холл по всем нижним коридорам и по лестницам был уже забит вооруженной толпой. Из-за кучи разномастного народа продвижение замедлилось очень сильно. Но все-таки они пробивались вперед, не ввязываясь в стычки. В результате добрались до лифтов гораздо быстрее, чем Ксения смела надеяться, хотя и не так быстро, как могли бы.

А вот там их ждала засада. Человека три в боевой разгрузке и оценившиеся ни много ни мало автоматами. Они не высовывались на открытое пространство, а решетили воздух выстрелами, из-за которых уже не была слышна завывающая

сигнализация.

– У нас нет времени, – крикнула Ксения операм, которые с большим интересом увлеклись перестрелкой, – попробуем пройти снаружи!

Рауш кивнул, и они нырнули в ближайший коридор. Затем забежали в один из номеров и вылезли через открытое окно на широкий карниз. Они находились на внешней стене, обращенной к горячей пощади. Рядом оказалась водосточная труба, по которой они забрались на несколько этажей вверх.

– Я надеюсь, что для обратного пути мы выберем более цивилизованный вариант, – пробормотал Верховский.

– Главное, чтобы этот вариант был, – бросила Ксения, – когда мы увидим Анастасию, хватайте её и бегите.

– А вы? – спросил Александр. Авалова криво усмехнулась.

– Моя забота, – сказала девушка.

Взобравшись на карниз, Ксения выстрелом из своего пистолета выбила очередное окно. Обломки массивной рамы и осколки стекла ещё не успели упасть на пол, когда она со своим отрядом уже оказалась внутри. Здесь коридор был пуст. Дверь на этаже была одна. Этот этаж напомнил Ксении казино Арсенюка в Кранцберге. Авалова бесшумно подбежала к двери пентхауса и, приставив к ней ствол пистолета, снесла замок.

Сминая дверь, они ворвались в помещение.

– Боже, как неэстетично, – мягко произнес женский голос, – кто вас учил вламываться в номер к приличной девушке?

Широкое окно, сквозь которое можно было рассмотреть половину города, перекрыла тень.

– Вы пришли раньше, чем я ждала вас, – сказала тень, – я рассчитывала, что господин Верховский придет один. Таково же было условие договора?

Ответом ей был рык Верховского.

– Где Анастасия?

– Саша, я здесь! – прокричала Урусова. – Беги, это ловушка!

Тень шагнула вперед.

– Конечно, ловушка, – манерно поцокала она языком, – и вы так глупо в неё попались.

Александр с удивленным ужасом разглядел лицо девушки.

– Ты? – прошептал он. – Как это возможно?

Наблюдавшая мизансцену Ксения прищурилась. Ей вдруг вспомнились слова старого художника.

– Нет, – веско сказала она, – это не она. Ваша подруга действительно умерла. Вы видите перед собой лишь двойника.

Охотница театрально охнула.

– Ну за-а-чем?! – издевательски воскликнула девушка. – Вы испортили весь эффект, боюсь, теперь вас придется всех убить!

Ксения послала издевательскую усмешку в ответ.

– Извольте это сделать в вашем естественном облике, – бросила Ксения, – Ольга Александровна!

Охотница картинно захлопала в ладоши.

– Ай браво, – сказала она, – вы и это знаете!

С этими словами девушка резко потянула себя за шейную мышцу и одним движением стянула с себя фальшивую кожу.

Да, это была Ольга Касаткина. Только её лицо было сильно изменено. Больше не было обычной живости и кокетства. Сейчас она была в своем настоящем обличье. Бледное лицо, словно застывшая гипсовая посмертная маска, смотрело жестокими, хищными огненного цвета глазами. Рот скривился в презрительной усмешке.

– Весьма интересно, как вы сумели догадаться? – спросила она.

Ксения флегматично повела бровью.

– Вспомнила старую аксиому, – сказала девушка, – если отбросить все факты, кроме одного, то этот единственный и

является верным. Все встало на свои места, когда я сопоставила конференцию, вашу профессию и тот факт, что именно вы помогли в расследовании Эльмире Сабуровой.

– Помогала? – рассмеялась Охотница. – Да только я и передавала информацию. Эта дурочка так и не поняла, откуда у меня доступ к таким подробным сведениям.

Считала, что это Левицкий через свои связи узнает. Я немало времени потратила, чтобы убедить её в этом.

– А Левицкий догадался? – спросил Верховский.

– Догадался, – кивнула Ольга, – он вызвал меня на встречу. Хотел провести очную ставку между мной и Вяземским. Я была вынуждена его ликвидировать.

– А Саша? – прошептала Анастасия. – Значит, ты и её убила?

Касаткина повернула к ней голову.

– Убила, – сказала она, – но много раньше, чем ты думаешь. Наша с тобой общая подружка десять лет покоится на дне Роны, куда я отправила её, перед тем как убить Чилуэллов.

– Нет, – прошептал Верховский, – не верю. Охотница ослабилась.

– Именно так, – холодно сказала она, – причина этого в том, что Шурочка открыла свое сердце своей заветной, как она считала, подруге. Ведь Александр Владимирович помнит это. Она мне много рассказывала, особенно о том, как ничтожна и слаба её надежда понравиться замечательному

Александрю Верховскому, ведь он так увлечен некой Анастасией Урусовой и совсем не обращает на неё внимания.

Александр сжал руки в кулаки. Так сильно, что ногти впились в ладони. Ксения сделала жест оперативникам быть наготове.

– Знаете, – прошелестела Ольга, – это была смертная скука, – слушать душевные переживания семнадцатилетней девчонки. Ужасно неинтересно: «Ай-ай-ай, почему мальчики клюют на таких девиц... Анастасию же интересуется только успешность Саши, она привыкла брать всё готовое... Как это так, возле Анастасии и один вертится, и второй... Неужели Саша забыл ту ночь после моего дня рождения...»

Ольга расхохоталась леденящим смехом, от которого душа уходила в пятки. В этой девушке не было ничего живого, один могильный холод. Ксения начинала понимать ужас видевших её. От неё правда наступало оцепенение.

– Уныло, – сказала Ольга, – не правда ли? Но я была терпелива. Я выслушивала, подсказывала и самое главное, я знавала то, что мне было нужно. Я узнала, что Шурочка очень вхожа в дом к Чилуэллам. Я даже посоветовала ей завести роман с Томасом. Правда, жаль, что эта мысль мне пришла в голову не раньше того, как он влюбился в эту Русакову. Впрочем, я и так смогла завершить свое задание. Придумала альтернативный план.

– Уверена, никто не предполагал, кто вы такая на самом деле, – быстро проговорила Ксения.

Ольга отрешённо кивнула.

– Да, – небрежно бросила она, – видите ли, Ксения Игоревна, если я вознамерюсь кого-то очаровать, то обязательно сделаю это! Уж будьте уверены. Я стану всем для этого человека. Вместилищем его самых потаенных глубинных страхов.

– Полагаю, что и для Кати Кирсановой тоже? – спросила Авалова.

– Конечно, – сверкнула глазами Охотница, – она прибежала ко мне из казино вся перепуганная. Как же это было забавно: «Я видела там то, что не должна была». На самом деле мне не хотелось её убивать, но приказ есть приказ, вы сами это понимаете. Она слишком много знала, чтобы продолжать жить. Хотя скоро то, что задумано, перестанет быть тайной, но тогда её неумное желание спасти подруг могло привести к нежелательным последствиям.

– Иначе у вас не было бы повода выводить протестующих на улицы, – бросил Мациевский.

– Естественно, – сказала Ольга, – теперь же, после того как обезумевшая толпа разгромила гостиницу и напала на международных гостей, поднимется волна возмущения. И жители не только страстно поддержат новое правительство, но и потребуют его создания.

– Вижу, вы все предусмотрели, – сказала Ксения, – кроме одного. У нас есть запись. Та самая, которую сделала Кирсанова в ночь убийства. На минуту ей показалось, что лицо

Охотницы дернулось в сомнении.

– Блеф, – отрезала Ольга, – эта запись была уничтожена вместе с Кирсановой.

Ксения позволила себе легкую усмешку.

– Возможно, вы и уничтожили какую-то запись, – сказала она, – но настоящая всё это время лежала у вас под носом, в казино. И мы знаем, кто ваш хозяин.

Ольга вновь засмеялась.

– Дешевый прием, эта запись не изменит ничего ровным счетом. Возможно, я даже дала бы вам шанс озвучить это, но у меня на вас другие планы.

– У меня на вас тоже, – бросила в ответ Ксения, – вы пойдете с нами.

– Поэтому не пытайтесь сбежать, – добавил Рауш.

Оперативники заняли позиции по бокам и вскинули пистолеты, преграждая Ольге путь.

– Бежать! – захохотала Охотница. – От вас? Не вижу ни малейшего повода, или, по-вашему, я разыграла всю эту комбинацию, чтобы сбежать? Знаете, у меня есть более интересные мысли о том, на что лучше потратить жизнь.

Ксения чувствовала, что в стоящих рядом с ней закипал гнев, и они даже не пытались его укротить. Но сейчас это самая лишняя эмоция. Охотницу можно только перехитрить. Ксения была мастером боевых искусств и знала, что самое важное это тайминг. Удар нужно нанести тогда, когда его следует нанести не раньше и не позже, иначе поражение.

– На вашем месте я бы отнесся к предложению со всем вниманием, – посоветовал Мациевский.

Охотница ослабилась.

– Это вам надо быть внимательнее, – сказала она, – я отрицательная точка.

Внезапно Ксения почувствовала и почувствовала раньше, чем поняла.

– Назад! – крикнула она.

Но было поздно. Из спокойно прижатой к бедру правой руки Ольги с характерным щелчком вылетело лезвие. Рука взлетела вверх.

Мациевский прижал руку к окровавленной шее и бухнулся на колени.

– Совсем не больно... – прохрипел он.

Следующий удар пришелся в грудь Раушу. Он умер не успев упасть.

Одновременный быстрый дзёдан впечатался Верховскому в кадык. Молодой человек захрипел и осел на пол.

– Видите ли, – мягко сказала Охотница, подарив Ксении ехидный взгляд, – я несколько сильнее вас.

Ксения сумела отскочить от обрушившегося на её голову клинка и, перекувырнувшись, заняла стойку.

– У меня другое мнение по этому поводу, – отчеканила Авалова.

Охотница вежливо улыбнулась.

– Посмотрим, – скривила она губы, – больше вы не будете

стоять у нас на пути.

– Любая самоуверенность есть слабость, – изрекла Ксения, – ваша ненависть вас и погубит. Сдавайтесь и получите шанс уцелеть.

– Не думаю, что шанс мне понадобится, – последовал ответ.

Охотница прыгнула, и они встретились. И тогда их осталось двое. Свет против тьмы. Конфликт, лежащий в основе мироздания. Победитель получает все.

* * *

На балконе над бушующим пожаром Ксения сражалась с ожившей тенью. Сражалась не за мир, не за справедливость. Сражалась за право людей жить обычной жизнью.

Со стороны бой казался прекрасным. Две девушки сражались с запредельной скоростью. Ольга стремительно размахивала обеими руками, пытаясь оттеснить Авалову к краю, откуда словно из гигантского вулкана поднимался столб дыма. Ксения старательно уворачивалась и даже умудрялась время от времени наносить ответные удары. Обе были как будто отражением друг друга. Ксения приняла эту бешеную скорость, злость, ярость, с которой Охотница наступала на неё. Приняла и отражала её, не впуская в себя.

Очередной удар. Сжатый кулак Охотницы вылетел вперед, Ксения вновь увернулась, кулак скользнул по её пред-

плечью, и смертоносное лезвие уперлось в стену. Ксения моментально выпрыгнула в воздух и ударила Охотницу ногой в шею. Девушка чуть покачнулась, но устояла. Ответная серия её ударов была невероятно быстрой и подстегиваемой бешеной яростью. Она ждала, когда Ксения устанет отбиваться и откроется, чтобы нанести один решающий удар.

Очередной быстрый удар. Ксения увернулась, присела, вновь увернулась в кантилевере и, ухватившись одной рукой за висящий трос, стремительным прыжком перелетела на возвышающийся над гостиницей башенный кран. Ей нужна была передышка.

Охотница с небрежным оскалом на лице последовала за Ксенией. Перекувырнувшись в воздухе двойным сальто, она приземлилась на металлическую стрелу.

– Тебе придется по полной выложиться! – заметила Ксения, стараясь, чтобы эта её фраза была как можно более грозной.

– А тебе придется научиться молчать! – парировала Охотница. – Вероятно, ты ничему так и не научилась с нашей последней встречи!

– О-о-о-о, – только и произнесла Ксения, хотя мысленно согласилась с замечанием своего противника.

Охотница прыгнула пулей, метнулась вперед по металлической стреле крана и, резко взмахнув рукой, всадила клинок в чернеющую пустоту. В прямом смысле этого слова. Ксения перед самым ударом сумела втянуть голову в плечи, и удар врага только рассек металл. Конструкция задрожала под противниками словно пенопласт. Охотница прижала Ксению к холодному металлу, Авалова ответила серией быстрых хиракэнов и получила жесткий маэ-гэри в челюсть, чуть не развернувший её голову на сто восемьдесят градусов. Ксения упала, и Охотница, злорадно ухмыльнувшись, занесла клинок для решающего удара.

– Будешь праздновать победу? – осведомилась Ксения, пытаясь выиграть время. – Дай угадаю, сейчас начнёшь читать нотации о бесполезности моей попытки тебя остановить.

– Нет, просто тебя убью, – сообщила охотница.

Такой вариант Ксению совсем не устраивал, поэтому она со всех сил засадила противнице ногой в живот. Охотница покатилась по стреле крана и пока поднималась, упустила время. Ксения, неудовлетворившись местом боя, перепрыгнула назад на террасу гостиницы и стояла, улыбаясь своей удаче.

Ничего, подумала она, никто и не говорил, что будет легко. Она всегда знала: сильный выживает, благородный преодолевает.

* * *

Алин снизила конвертоплан до минимально допустимой высоты, стараясь при этом уворачивать машину от петард. Они попали в настоящий бедлам. Сквозь иллюминаторы были хорошо видны толпы бегущих людей, которые бросались в разные стороны, спасаясь от несущегося по площади пожара. Огонь был такой силы, что пламя вздымалось на несколько этажей вверх, с такой скоростью и с такой температурой, что окна окаймлявших площадь зданий вдавливались внутрь, а стекла разлетались в мелкий бисер.

Все, что может случиться плохого, случится, решила Кристина.

Девушка не знала всех подробностей тех событий, которые здесь произошли, но могла себе представить.

Иногда воображение было не очень хорошей вещью. Пламя пожара хорошо освещало гостиничный пентхаус, и в свете огня можно было разглядеть две фигуры. Они боролись насмерть.

Девушка прикусила губу. Она опоздала.

– Бесплезно, – прокричала Алин, щелкая выключателями, словно бы прочитав взгляд Кристины, направленный на балкон, – к гостинице не подобраться! Слишком высокая температура, мы просто развалимся! Жаль, что мы не на V-22 сидим, вот тот выдержал бы!

– Учтем на будущее, – ухмыльнулся Штильхарт. Кристина кивнула.

– Ладно, – бросила она, – бесполезно здесь кружить. Мы достаточно близко. Штильхарт и я сделаем всё сами. Держи конвертик в пределах досягаемости.

Авонамйелус кивнула, сбрасывая десантный трос.

– Я говорила, что у меня плохое предчувствие? – спросила она.

Кристина широко улыбнулась, хватаясь за трос.

– Безусловно, ты упоминала об этом, но мы должны сделать то, что правильно. Нужна будет эвакуация, так что будь на связи.

Девушка сделала глубокий вдох и прыгнула на угарный плавающийся воздух. Штильхарт прыгнул следом.

Кристина опустилась по тросу на выжженный участок асфальта между двух каких-то баррикад. В нос сразу ударил горелый смрадный запах. Она не успела сделать и шага, как возле левого уха раздался хлопок. Девушка рухнула вниз и почувствовала, как с носа на губу упала капля чего-то соленого. Некоторое время она созерцала тысячи бегущих ног, пока вовремя не сообразила, что её просто затопчут, и, перекувырнувшись, отползла к каким-то ржавым бакам, из которых шёл густой дым.

– Уходите оттуда, барышня! – раздался голос. Кристина увидела молодого человека среднего роста в форме спецназа, державшего в одной руке разбитый шлем, а в другой АКМ.

Вставая и пошатываясь, Штильхарт нащупал в кармане куртки удостоверение. Молодой спецназовец нехотя козырнул. Вероятно, он уже совсем плохо соображал, потому что даже не обратил внимание на иностранное удостоверение.

– Доложите ситуацию, сержант! – сказал Флориан.

– Какая ситуация! – огрызнулся сержант. – Кто-то начал стрелять сверху, а эти бандерлоги на нас поперли! Смели нас и повалили в гостиницу, а кто-то ниже, по университетскому проспекту. Вот такая вот ситуация! Так что мой совет, убирайтесь отсюда, пока целы!

– Нет! – крикнула Кристина. – Нет! Соберите всех бойцов, каких сможете, сержант, нам нужно проникнуть в эту проклятую гостиницу. Иначе этот бунт не унять!

Сержант с полминуты колебался, потом козырнул и стал кричать приказы разбегающимся сотрудам.

Площадь продолжала плавиться от пожара. Сколотив небольшой отряд, они двинулись к почерневшему зданию гостиницы.

Удивительно, подумала Кристина, десять дней назад она была в этой самой гостинице, но ничего из того, что она тогда здесь видела, теперь не было. Ни красивых зеркальных дверей, они были проломаны и разрублены, ни картин и портьер в холле. Ничего. Только смрад, огонь и липкий страх, пробиравший любого, кто попадал сегодня в это место.

Ужас от того, что Кристина увидела на площади, не шел ни в какое сравнение с ужасом, который она увидела здесь. Кристина не могла сказать почему. Возможно, потому, что здесь он был концентрированнее. Единственное, что радовало, это наличие бойцов «Сокола», которые двигались в такт её шагам. Леонова считала расстояние до лифта. Примерно сто два. На пятидесятом словно бы ожили коридоры, поливая бегущий спецназ смертельным свинцом. Из широких проемов на отряд полезли широколицые экипированные в черную разгрузку парни. Каждый из них имел при себе АКМ, а кто-то и ручные пулеметы. Что-то, а экипированы «протестующие» были на редкость. Очевидно, это из тех за-

пасов, что они видели в клинике. Ладно, об этом будем думать потом. Если они, конечно, доживут до этого «потом». Рядом с девушкой раздался стрекот автоматов – это стал отстреливаться «Сокол». Кристина выхватила из-за пазухи пистолет и, прижавшись к ближайшей колонне, тоже сделала пару выстрелов.

Времени на перестрелку не было, хотя Леонова подозревала, что подобная сцена произвела бы впечатление на любого голливудского режиссера. Девушка махнула сержанту, и тот, прицелившись наугад, выстрелил в сторону лифта из подствольного гранатомета. Очереди, с другой стороны, стихли.

– Будут ещё, – уверенно сказал сержант, – они словно саранча.

– Значит, надо сделать так, чтобы нас к этому времени здесь не было, – согласно кивнула девушка, – займите здесь оборону и постарайтесь продержаться до нашего возвращения.

Сержант приподнял одно из тел и насупился.

– Виноват, – сказал он, – но здесь, похоже, ещё и гражданские.

Штильхарт быстро наклонился к телу и стал щупать по карманам. Его рука нащупала бадж.

– Патрисио Фуэнтес, – прочитал он, – Европарламент. Кристина задумчиво закусила губу.

– Это, наверное, один из гостей конференции, – сказала

она, – пульс есть?

Флориан приложил руку к шее европейского чиновника.

– Порядок, – сказал он, – правда, слабый. Кристина кивнула.

– Планы меняются, ты должен остаться здесь. Найдите гостей саммита. Возможно, кто-то из них тоже остался жив, потом вызовите конвертоплан. Алин вам поможет!

– А ты? – спросил Флориан.

– Я иду дальше, – коротко сказала Кристина, – другого варианта нет!

– Но там Охотница, – напомнил Флориан, – тебе нужна помощь.

– Ксения справится с ней, – больше для собственной уверенности произнесла Кристина, – а если нет, то справлюсь я. Если мы не можем ничего остановить здесь, надо спасти тех, кого можем.

Штильхарт развел руками.

– И после этого мне будут говорить, что я начитался философских книг, – с обалдением в голосе сказал он, – я всегда знал, что ты сумасшедшая, но потрясающая.

Кристина смущенно улыбнулась.

– Да ладно, что я, только логика и книги. В жизни есть более важные вещи. И мы эти вещи должны беречь, сражаться и умирать за них.

Флориан положил руку ей на плечо.

– Будь осторожна, – сказал он, – не забывай, что всё здесь – большая ловушка.

Кристина усмехнулась.

– Знаешь ведь, – произнесла она, – у меня страховка на ловушки.

Открытые двери лифта обнаружили только зияющий чернотой проем шахты. Вниз смотреть не хотелось. Под ногами была глухая пустота. Падать придется долго. Кристина вскинула крюк-кошку. Выстрелили духовые пробойники. Крюки намертво зацепились за металлическую рампу где-то вверху. Тонкие гибкие тросы, сматываясь на ручные лебедки, унесли девушку вверх, на карниз несколькими этажами выше. Кристина выстрелом из своего пистолета выбила стеклянные двери лифтовой шахты пентхауса. Обломки массивной рамы и осколки стекла не успели упасть на пол, когда она, перекувырнулась и оказалась внутри. Здесь коридор был пуст.

Девушка перевела дыхание. Удивительно, но страх пропал.

– Я иду, – жестко сказала она самой себе.

Страх пропал. Всё просто. Только нужно знать, что правильно.

* * *

Ксения преследовала Охотницу. Они мчались по тонкой

панорамной крыше гостиницы, рискуя каждую секунду сорваться вниз. Бежать за Охотницей в таком темпе было тяжело, к тому же тело отчаянно ныло – сломано ребро? Но сейчас было не до того. К тому же адреналин в крови приглушал боль. Наконец у Охотницы не осталось выбора. Ксения загнала её к краю крыши.

– Ты расстреляла протестующих, чтобы спровоцировать бунт! – крикнула Ксения. – Но ничего не выйдет!

– Выйдет, – крикнула Ольга, – моя тайна умрет вместе с тобой!

Она прыгнула на Ксению, и противницы покатались по заливаемой дождем крыше. Охотнице удалось прижать руку к шее Аваловой, и она принялась крошить девушке горло.

«Дело дрянь», – промелькнуло в голове Ксении. Нечеловеческим усилием она заехала ногой Охотнице в бок, и та, больше от неожиданности, скатилась вниз. Правда, сильного отдыха Ксения не получила, а получила ошеломляюще быстрый удар в челюсть, от которого пошли искры из глаз. Решив, что в долгу оставаться неприлично, Ксения выставила вперед ногу, и летящая Охотница напоролась на неё и плашмя рухнула на поверхность крыши, инстинктивно выставив перед собой для защиты клинок. Ксения бросилась сверху, хватая Охотницу за запястья и прижимая к крыше, разводя её руки в стороны.

– Твои хозяева будут крайне недовольны, – сквозь зубы заметила Авалова, – сдавайся и сохранишь жизнь.

– Не раньше, чем сверну тебе шею, – зашипела в ответ Охотница.

Финал наступал медленно.

Ксения понимала, что проигрывает схватку. Нет, не физически. Физически она, возможно, даже победит. Но что ей даст эта победа? Что ей даст победа среди общей массы поражения? Она столько боролась, сражалась, искала и всё же она проигрывает? Почему? Она только сейчас осознала это! Она проигрывает, потому что у неё нет знаний. Всё это время она лишь смотрела куда-то далеко. Далеко вперед или далеко назад. Но ни разу не посмотрела на себя саму. Кем она является, здесь и сейчас. Ей пришлось признать, что никогда не двигалась сама, её всегда двигал кто-то, поэтому она и стала пешкой в руках тех, кто устроил то, что творилось на улицах Борисфен. Глупая, как она могла надеяться победить их, если все её методы и способы стали лишь орудием в руках путчистов?

Думать над этим вопросом ей не дали. Злобно зарывчав, Охотница надавила на неё всем весом и стащила Ксению с себя. Её рука вырвалась на свободу и смертоносный клинок описал в воздухе кривую дугу. Авалова чудом успела убрать голову, но лезвие задело ей плечо и горячая струя боли заставила её упасть на колени.

– Что же, финал, – объявила Охотница.

И обнаружила, что смотрит в черное дуло револьвера.

– Smith and wesson так не считает! – сообщила Кристина.

В другой ситуации Авалова, наверное, рассмеялась бы от того факта, что Леонова всегда появляется как нельзя вовремя. Но было не до остроумия.

Грохнул выстрел, только какая-то нечеловеческая реакция позволила Охотнице нырнуть на землю за секунду до него. Во всяком случае ничего подобного ранее Ксения не видела. Впрочем, если верить Наташе, то она и пули оставивать могла.

Охотница отлетела в сторону и шутливо отсалютовала Кристине клинком.

– Кристина Сергеевна, – промурлыкала она, – довольно мило, что вы пожаловали и успели как раз вовремя.

– Рада вас разочаровать, – заявила Кристина, – ваша затея провалилась. Сейчас здесь будет очень много хорошо вооруженных парней.

Охотница захохотала.

– Довольно смело было явиться сюда, – сказала она, – но глупо. Думаю, у вооруженных парней сейчас есть другие дела.

Мягко улыбнувшись, Охотница нажала кнопку на часах на левой руке. Они показывали новую картинку происходящего внизу: тысячи вооруженных людей атаковали импровизированные оборонительные редуты «Сокола» в гостинице. Спецназ пытался отстреливаться, но все больше бойцов падали от выстрелов.

– Чтобы никаких свидетелей не осталось, – пояснила

Охотница.

Кристина с досадой поморщилась. Они слишком хорошо подготовились, а время рассчитали просто блестяще.

– Самонадеянность, – худшая форма неосмотрительности, – улыбнулась Кристина.

– В данном случае ваша, – зашипела Охотница и прыгнула вперед.

Время словно потекло вспять, только теперь Ксении оставалось беспомощно наблюдать.

– Ваших способностей не хватит, чтобы спасти свою ничтожную жизнь, – заявила Охотница.

– Я полна сюрпризов, – парировала Леонова, прыгая вперед.

Не на ту прыгнула. Теперь настал черед Кристины получить оплеухи, пытаясь увернуться от смертоносного лезвия. Тычок ногой вперед, из её сломанного носа брызгает кровь.

– Я тоже, – улыбнулась Охотница.

Ответный блок ногой. Удар приходится в подбородок.

Охотница делает колесо и отступает.

* * *

Охотница вдруг ощутила опасность. Не часто она могла сказать про себя такое. В её сознании возникло понимание, что фарс, который она разыгрывала, вдруг стал смертельно опасным для неё.

Всё дело было в том, что ей бросили вызов. Даже не ей, а Организации. Она привыкла, что её жертвы встречают свою судьбу с покорностью и страхом.

С неизбежностью.

Потому что знают, что их не победить.

Но не здесь. Здесь царят холодная решимость и верность идеалам. Идеалам, за которые они будут сражаться и умирать. Как бы это ни было невообразимо, появилась надежда, что они смогут победить. Только утративший надежду утрачивает жизнь.

На другие мысли времени не осталось. К её лицу приблизилась подошва сапога. Избегая столкновения, Охотница перевернулась вверх тормашками и отпрыгнула к балконной двери. Отступать так унижительно.

Но у неё остался в запасе ещё один козырь. В данном случае даже ей можно допустить небольшое мошенничество.

* * *

Преодолевая боль в плече, Ксения поднялась на ноги и вновь бросилась на Охотницу. Теперь они стояли против неё вдвоем. Матрица опять исказилась.

– Может, стоит принять наше предложение, – сказала Кристина, – продолжать бой уже не имеет смысла.

Охотница недобро сверкнула глазами.

– О-о-о, – нервно протянула она, – мы ещё только начали!

Что-то сверкнуло в руках Охотницы, но это был не клинок, а бензиновая зажигалка. Охотница мягко бросила её в окно. Черный брусочек, звякнув об пол, упал, и гостиная пентхауса моментально вспыхнула. Из окон повалил черный дым и раздался женский вопль.

– Диспозиция поменялась, не правда ли? – вежливо спросила Охотница. – Вы не успеете убить меня и спасти моих гостей от встречи с напалмом. Это жуткая смерть.

– Кристина!!! – закричала Авалова.

Хорошо хоть тут дважды упрашивать не пришлось. Девушка стрелой ринулась в стеклянный проем.

– Впрочем, я не дам и альтернативной возможности, – сказала Охотница, поднося палец к одной из кнопок.

В сознание Ксении внезапно ворвалась фраза Наташи про летающий диск. Собрав последние силы, Авалова бросилась на Охотницу и что есть мочи сжала её за запястья, разводя руки. Охотница, не ожидавшая от Ксении такой прыти, в этот раз не сумела поставить блок, и Авалова отшвырнула её в сторону. На лице Охотницы впервые застыло изумление. Такого отчаянного сопротивления она явно не ожидала.

Плавающий воздух разрезал шум винтов. Через мгновение откуда-то со стороны вылетел конвертоплан и завис над крышей. От ветра, создаваемого машиной, гудело в ушах.

Боковым зрением Ксения увидела, как Кристина выбирается из густого черного дыма, сбрасывая с себя опалённое пальто, одновременно с Верховским поддерживая шатающуюся

юся Анастасию. Ксения слабо усмехнулась. В конце концов всё будет хорошо.

– Н-е-е-е-т!!!! – раздался вопль.

Авалова повернула голову на крик.

– Ничтожества! – зарычала Охотница. – Как вы смели думать, что сможете уйти?!

Она вскочила на ноги и помчалась к краю крыши.

Ксения поняла, что ещё ничего не кончено. Теперь действительно настал момент истины.

Без колебаний она шагнула, встав между Охотницей и беглецами. Боль в плече только усилилась. Она пронзала её как длинные раскалённые спицы.

Охотница натолкнулась на неё как на стену. Они вновь сцепились и рухнули на крышу, сжимая друг друга.

– Ксюша!!! – услышала Авалова крик Леоновой. Раздался громкий хлопок. Бушевавшее в номере пламя вместе с черным дымом вывалилось наружу. Стало ещё жарче. Они оказались словно в жерле вулкана.

– Уходите, – зашипела Ксения, – немедленно! Я задержу её.

Кристина колебалась лишь мгновение. Она понимала, что выбор у неё невелик. Или лететь, или остаться, но погубить всех. Собрав раненых, она повела их на зависший конвертоплан.

Когда Кристина оказалась внутри летательного аппарата, она побежала в кабину. Конвертоплан был забит ранеными. Спецназовцы, дипломаты, кто-то из персонала гостиницы. Все жертвы сегодняшней ночи. Всем требовалась срочная помощь. Кристина отмахнулась от этого.

– Мы никуда не летим, – закричала она, ворвавшись в кабину, – мы должны дождаться Ксению!

– Я не могу больше здесь зависать, – в ответ закричала Алин, – здесь сейчас всё взлетит на воздух, я не сумею вывести машину раньше! Сейчас или никогда!

– Никогда! – воскликнула Кристина. – Мы её не оставим!

Благоразумный Флориан удержал её. Леонова уже рвалась к штурвалу.

– Опомнись, Крис, – сказал он, – мы все погибнем, если останемся здесь! Что бы Ксения сделала на твоём месте? Она даёт нам шанс уйти.

Кристина устало бухнулась в кресло.

– Она бы сделала то, что должно, – сказала девушка. Флориан был прав. Она не могла рисковать невинными, даже ради друзей.

Алин резко подняла конвертоплан, изо всех сил выжимая тягу, и машина свечой взмыла в воздух.

Ксения видела сквозь гарь и огонь, как конвертоплан скрывается в облаках. Она сделала всё, что могла. Она спасла невинных. Остальное уже было неважно. Скоро и здесь всё будет закончено.

Охотница вновь давила её, прижимая к стене, пытаясь дотянуться до горла. Плечо продолжало раздирать от жуткой боли. Её как будто жарили живьем на огне. Но что было удивительно, именно эта боль вдруг придала Ксении дополнительные силы. Боль заставила её вспомнить: Мациевского, Андрея Левицкого, Катю Кирсанову, убитого священника в храме. Уже угасающим сознанием Ксения словно бы увидела их лица.

– По крайней мере я избавлюсь от вашей назойливости, – шипела Охотница.

– Не в этот раз, – зарычала сквозь зубы Авалова и, схватив противницу обеими руками, заехала ногой ей по уху.

Охотница разжала хватку, отступив на шаг, и Ксения, собрав в себе все мысли о тех, кого боль заставила её вспомнить, выбросила вперед ногу в стремительном маваше.

– За Катю Кирсанову!

Маваше пришелся в кадык и впечатал Охотницу в стену, с громким хрустом свернув ей голову на сто восемьдесят градусов.

Охотница бесформенным мешком сползла по стене. Ксения, тяжело дыша, оперлась на стену. Она чувствовала себя разорванной на куски, каждая мышца тянулась и сворачивалась от усталости и боли.

Слова были не нужны.

Взгляд Аваловой упал туда, где недвижимо лежала Охотница. Тень и злоба ушли с её лица, сейчас она казалась просто мирно спящей молодой девушкой, а потом произошла ещё одна удивительная метаморфоза. Её правая кисть, закрытая перчаткой, стала дымиться, и этот дым распространился на всё тело, словно бы что-то испарялось из него. Ксения не верила своим глазам. Кожа на лице Охотницы стала стремительно истлевать, и буквально за несколько секунд её красивое лицо стало похоже на высушенную мумию. В этот момент подступающее пламя добралось до тела Охотницы, и оно запылало. Раздался душераздирающий вопль, и внезапно все затихло.

Тут только Ксения поняла, что пожар, бушевавший мгновение назад на балконе, прекратился. Только дым с костров на площади все еще поднимался в воздух.

Ксения подошла к тому месту, где минуту назад лежала Охотница. Теперь там не было ничего кроме обугленных останков. Только маленький изумруд лежал возле оплавленной и закопченной перчатки. Судя по отверстию в наручи, камень был вшит в перчатку и теперь выпал из неё.

Ксения нагнулась и бережно подняла камень, он был твер-

дый, холодный и немного дымился. Авалова поднесла его к лицу. Изумруд изнутри горел ярким белым светом, как будто там была вставлена лампочка. Внезапно свечение погасло.

Ксения вдруг вспомнила слова, начертанные на бумаге, что Наташа забрала из дома Арсенюка. «Ничто без света». Возможно, что камень как-то связан со всем этим. Авалова мотнула головой и прогнала эту мысль, затем торопливо сунула камень в карман. Что бы там ни было, хватит с неё мистики.

Крышу потряс очередной разрыв от гранаты. Пора отсюда выбираться, решила Ксения. Здесь уже все было кончено.

КОНЕЦ ОДИННАДЦАТОЙ ГЛАВЫ

Глава XII. В неизвестность

Мало кто находит выход, некоторые не видят его, даже если найдут, а многие даже не ищут.
Льюис Кэрролл

Четверг 25 октября

Алин вывела конвертоплан на достаточно безопасное расстояние от страшного города, чтобы посадить посреди широкого поля, покрытого широкими колосьями не до конца собранной пшеницы.

– Утечка в топливном баке, – сказала она, щелкая тумблерами, – дайте мне пять минут, чтобы привести это чудо техники в порядок.

– Светает, – заметил Штильхарт, – неплохо бы убраться отсюда до наступления утра, не имею ни малейшего желания соревноваться с местными противовоздушными системами.

Алин ослабилась.

– Ещё не нашлась противовоздушная система, которая бы меня сбила, – хитро произнесла девушка, – но я бы тоже убралась отсюда быстрее. Надвигается что-то нехорошее. Это ощущается в воздухе. Страх и напряжение.

Хвостовая часть конвертоплана была забита ранеными.

Их было человек пятнадцать, тех, кого сумели вытащить из здания гостиницы. Остальные были убиты. Жестоко и без всякой цели, просто потому, что они попали под гнев толпы. Но толпа оказалась такой же жертвой.

Кристина Леонова думала об этом парадоксе. Она пришла к выводу, что все бунты есть не что иное, как страшный обман своего собственного сознания. Человеку, вовлеченному в бунт, лишь кажется, что он свободен, на самом же деле его только глубже заковывают в оковы страха и неизвестности, кидают в темную воронку хаоса. За революцией всегда наступает реакция, вспомнила она фразу Бердяева. Чем неистовее и яростнее бывали революции, тем сильнее были реакции. В чередованиях революций и реакций есть какой-то магический круг. Что же, наверное, так оно и было. Но за революцией и реакцией всегда стоят одни и те же люди. Они же были до революции, и они же ввергают человека в состояние безумного животного, пробуждая в нём самые низменные инстинкты. Не человек перерождается с помощью революций, а система находит новую форму, пригодную для существования, убеждая человека, что на крови и костях может родиться некое новое начало. Разорвать этот круг – вот задача истинных революционеров. Но чтобы изменить других, нужно прежде всего изменить себя, ведь самый страшный демон живет внутри тебя.

Кристина улыбнулась собственным мыслям. Заговорила как философ. Она как-то даже и не ожидала от себя подоб-

ного, но кризисы меняют не только систему, они меняют и человека.

Внезапно она услышала тихий всхлип. Девушка обернулась и обнаружила, что стоит прямо напротив Верховского. Надеюсь, я всё эти тезисы не вслух говорила, хмыкнула про себя девушка. Впрочем, Александр был не один. Анастасия Урусова прижалась к нему и всхлипывала. Удивительно, как беда и горе возвращают то, что казалось безнадежно утраченным. Иногда надо испытать боль и страдания, чтобы понять, что действительно тебе дорого.

Их взгляды встретились.

– Как странно, мы с вами вновь встретились, Кристина Сергеевна, – пробормотал Александр, – а вы ведь могли быть со мной. Ужасно глупо, наверное, что я говорю об этом сейчас, когда произошло всё это, где моя вина огромна. Я один причина всему. Меня предупреждали, а я был ослеплён – страстями, гордыней. И ради чего все это? Как бы я хотел, чтобы было иначе! Должно быть, вы меня ненавидите?

Кристина мягко улыбнулась.

– Важно не совершить ошибку, – сказала она, – важно понять, что ты её совершил. Но при этом помнить: насколько шагов мы отошли, настолько придется возвращаться.

– Вы слишком спокойно об этом говорите, – бросил Верховский, – если бы вы знали, сколько я совершил. Я достоин самой страшной кары!

Кристина пожала плечами.

– Ни вы, ни я не знаем, чего мы достойны, – сказала она, – я знаю только, что каждый наш поступок в нашей повседневности или создает нашу личность, или разрушает её. На каждый наш злой поступок приходится добрый. Важно только понимать, ради кого вы должны совершать добрые дела. Поэтому, у вас она есть. Будьте с ней рядом и находите счастье друг в друге. Эта та простая тайна, которую не может постичь зло.

Анастасия подняла на Кристину туманный взгляд.

– Вы же всё знали? – спросила она. – Но всё же и вы, и

Ксения помогали нам, почему?

Ответ Кристины поразил Анастасию.

– Вы знаете, я не могу сказать за Ксению, – произнесла она, – но, наверное, она действительно знала, что в душе Александра, несмотря на все его страсти, есть лучик света, который он старательно бережет, – любовь к вам.

Кристина отошла в сторону. Она не собиралась мешать этим двоим. Они должны сами разобраться в своих чувствах, но она сейчас искренне желала, чтобы хотя бы у них всё было хорошо.

– Крис, – окликнул её Флориан, – иди сюда! Мы поймали сигнал телевизионного канала. Сейчас в новостях такое передают. Послушай!

– Ага, конечно, – уголки губ девушки дрогнули вниз, – я уже знаю, что там говорят.

* * *

Когда Кристина проскользнула назад в кабину пилота, там уже было не протолкнуться, вынужденные пассажиры смотрели в небольшой монитор, закрепленный на приборной панели, он показывал последний акт драмы, ради которой всё и задумывалось. На центральной площади столичного города, где ещё совсем недавно, каких-то несколько часов назад, шел непонятный протест, не было и намека на него. Теперь люди, стоявшие на площади, покорно стояли перед трибуной,

откуда гроыхали речи. Зачитывали постановление Верховного совета за номером 128–8 о переходе всех властных полномочий Верховному совету в связи с трагической гибелью Президента Республики.

– Начинается! – пробормотал Верховский.

– Что именно? – качнула головой Кристина.

– Сейчас увидите!

Теперь люди, стоявшие на трибуне, зачитывали обращение «К grazhdanam Pontii».

– Нам выпало тяжёлое бремя, – гроыхало с трибуны, – но мы выдержали испытание. Этот незаконный путч был окончательным тестом нашей приверженности демократии, законности и справедливости, и мы сдали его. При всех трудностях и тяжёлых испытаниях, переживаемых народом, демократический процесс в стране приобретает все более глубокий размах, необратимый характер.

С экрана было видно, как толпа безудержно взревела.

Кристина не мигала.

– Такое развитие событий вызвало озлобление радикальных сил, толкнуло их на безответственные авантюристические попытки решения сложнейших политических и экономических проблем силовыми методами, – продолжал оратор, – эти силы решили использовать ваши справедливые требования о наведении порядка и законности для осуществления своих подлых целей, но благодаря воле народа их мятеж потерпел крах.

– Ничего не понимаю, – заметила Алин, – у вас всегда так весело?

– Раз в сто лет обязательно, – мрачно хмыкнула Кристина. Зрелище тем временем продолжалось.

– Припятствовавшие в наведении порядка будут арестованы и осуждены, их приведут на суд, живыми или мертвыми. Печально, что милиция, поклявшаяся защищать Республику и демократию, встала на сторону путчистов.

– Не о нас ли он это? – со смешком в голосе задалась вопросом Леонова.

– Но ведь это ложь! – вскинулся сержант из «Сокола», – мы только исполняли приказы. Мы собой рисковали, чтобы вытащить делегатов.

– Вероятно, это у них называется встать на сторону путчистов, – хмуро заметил тот европейский чиновник, которого они нашли в холле. Его голова была перевязана. Повязка закрывала обширное кровавое пятно.

Патрисио Фуэнтес, напомнила себе Кристина, его так зовут.

– Если честно, я уже не знаю, что я знаю, – заметил Фуэнтес, – я не понимаю, что произошло и у кого правда. Ведь протестующие не нападали на нас. Нас просто усыпили.

Кристина пожала плечами.

– Этим людям неважна правда, им нужно оправдать уже сточение диктата системы.

– Системы? – спросил Фуэнтес. – Но какой системы? Де-

вушка вздохнула.

– Мы и сами пока не знаем, – сказала она, – а если расскажем, то вы не поверите. Честно говоря, мы и сами не верим до конца. Возможно, потом вы узнаете. Пока могу сказать одно. Переговоры по североевропейскому транспортному коридору специально перенесли в гостиницу, чтобы на ваших глазах устроить внутренний переворот, а все протестующие были под действием психотропного вещества греларозол.

– Но кто за этим стоит? – спросил дипломат из Великоруссии, по фамилии Горчаков. – Неужели Турция? Это попытка продавить альтернативное направление для коридора?

Кристина вздохнула. Они должны были знать правду. В конце концов они донесут её до граждан своих стран и, возможно, уберегут их от участи Понтии. Она должна им рассказать. Теперь на неё смотрели как на голос правды.

Судьба иронична с нами.

– Есть организация, – сказала девушка, – она желает проникнуть во все властные структуры. Не только здесь, но и по всему миру. В каждом государстве есть её эмиссары. То, что произошло здесь, это команда к активным действиям их спящих агентов, которые внедрены в спецслужбы, правительства, бизнес. Они повсюду. Их задача установить контроль над человеком. Только он сможет обеспечить выживание системы, основанной на эксплуатации и угнетении.

– Звучит как страшная сказка, – заметил Горчаков.

Кристина хмыкнула.

– Но это уже происходит, – добавила она, – сейчас, на ваших глазах. Превратить государство из защитника людей в инструмент подавления и контроля и распространить эту систему на весь остальной мир – вот их цель. Митинг тем временем, очевидно, подходил к кульминации. Толпа неистовствовала.

– *Мы должны построить систему, основанную на контроле и порядке, – кричал оратор в микрофон, – мы должны стать примером всему миру, как можно построить мечту! Мы должны снова научить мир жить в контроле и порядке. Понтия отныне станет земной колыбелью будущего мирового порядка. Свободного, демократического, основанного на счастье, трудолюбии, на триумфе нашей воли!*

Зрители взревели аплодисментами. Как, однако, слаб человек, когда им повелевает более сильный человек, подумала Кристина.

– *Так давайте же докажем на деле триумф нашей воли, – продолжал оратор, – отныне в нашей стране не станет Президента. Президенты, цари, императоры – это пережитки прошлого. Мы идем в будущее. Мы объявляем, что Понтия преобразуется в Директорию. Директорию тех, кому вы сможете доверить себя, своих детей, детей своих детей. Директория не вернется к коррупции, Директория не вернется к политиканству, потому что вы, народ Понтии, этого не позволите, а Директория это вы! Так построим же*

вместе безопасное и спокойное общество, не для себя, для всего мира. Дадим человечеству шанс на спасение, на мир, на справедливость, на безусловное счастье, на триумф человеческой воли!

Упомянутый народ подхватил лозунги и стал их монотонно повторять.

– Это же нацизм, – прошептал Фуэнтес, – чистой воды нацизм! Быть не может, чтобы остальной мир поддержал подобное! Мы обязательно подадим ходатайство! Никто из демократий не признает это!

– Уже признают, – мрачно произнесла Кристина, – и демократии тоже. Ведь любая демократия рано или поздно превращается в тоталитаризм. Властям демократий очень этого хочется. Посмотрите, им уже летят поздравительные телеграммы. Каждая из «демократий» на самом деле мечтает задушить свободу. Она её боится.

– Власть даже агнца превратит в волка, – пробормотал Верховский, – я слишком хорошо это знаю.

– Но ведь невозможно, чтобы граждане поддержали это, – возразил Фуэнтес, – мы решаем свою судьбу, на свободных и честных выборах.

Штильхарт громко усмехнулся.

– По-моему, не стоит напоминать, кого иногда выбирали на свободных и честных выборах, – скептически заметил он.

– Но мы не повторим ошибку прошлого, – горячо заявил Фуэнтес, – мир слишком дорого заплатил за это.

Кристина улыбнулась.

– Вам и не придется, – сказала она, – вы будете жить, как и жили. Никто вам не будет навязывать другие ориентиры. Система подберет для каждой нации тот ориентир, к которому она привыкла. Одним даст либеральную демократию, другим патриархальное традиционное общество, третьим, возможно, нечто среднее. Конфликт идеологий и война всех против всех в постоянном хаосе – лучший способ выживания системы.

– И это только начало, – сказал Верховский, – по плану установление контроля будет происходить через прием греларозола. Таблетка сможет показать системе всё, что человек любит, что хочет, чего боится. Данные будут синтезироваться, анализироваться и сохраняться на специальных серверах. Каждый шаг, каждый вздох. Абсолютная прозрачность для системы.

– Но как можно заставить человека сделать с собой такое? – спросил Горчаков. – Не добровольно же он на это согласится?

– Вот именно, что добровольно, – сказала Кристина, – ради идеи абсолютного счастья.

Фуэнтес манерно фыркнул.

– Но ведь греларозол всего лишь страшная сказка, одна из страшилок поздней холодной войны.

– Увы, нет, – возразил Верховский, – ибо перед вами сидит тот, кто его создал.

– Вы? – удивился Горчаков. – А я всё гадаю, где я вас мог видеть. Вы же Александр Верховский, верно?

– Тот самый Верховский? – спросил Фуэнтес. – Зачем же вы таились?

Александр кивнул.

– Просто всё произошло так быстро, что не было времени представиться, – сухо заметил он, – к тому же я не очень люблю светить свое имя.

– Вы тот, кто предложил идею счастья, – почти с благовоением сказал Фуэнтес, – вы должны гордиться своим творением!

– А вы действительно считаете, что выпив таблетку, можно стать счастливым? – спросил у евродепутата Горчаков. – Мы видели, к чему это привело здесь. Вы желаете такого у себя в столице? Будьте покойны, вам это организуют, если вы не подчинитесь системе.

– Именно так, – сказал Верховский, – моя беда в том, что я это понял слишком поздно. Чем здесь гордиться? То, что создал инструмент копания в чужих мозгах. Даже это раньше можно было считать искусством, а теперь у каждого будет собственный набор для трепанации черепа. И всё это ради богатства и власти. Я задумывал другое.

– Но если вы создатель, значит, вы можете его и уничтожить? – с надеждой спросил Фуэнтес.

Верховский кивнул.

– Я уже уничтожил формулу, – сказал он, – без неё и моих

знаний производство новых партий невозможно. Но мы не знаем, сколько произведено уже, и боюсь, что это достаточно внушительное количество.

– Мы должны что-то сделать, – сказал Фуэнтес, – мы подадим обращение с требованием международного расследования. Мы все свидетели.

Кристина покачала головой.

– В лучшем случае вас просто засмеют, – сказала она, – такой фантастикой никто не будет заниматься. Тем более ради какой-то восточно-европейской страны. Поэтому они и выбрали Понтию стартовым полигоном.

– Мы же не можем просто принять это как факт, – возразил Горчаков, – сидеть и ничего не делать.

– Не можем, – согласилась Кристина, – но надо. Вольно или невольно мы все стали свидетелями подлинных событий, и, возможно, только мы знаем правду о том, что произошло и что ещё может произойти. Будущее мира туманно, и каждому из нас будет брошен вызов. Вызов нашему доверию, нашим идеалам. Устоять в эти времена и уметь отличать добро от зла, правду от лжи – только в этом главная задача. Уж поверьте мне, я все видела и все знаю.

Кристина понимала, что говорить что-либо этим людям большой риск, поскольку каждый из них, возможно, принадлежит системе. Они отличаются нестабильностью поведения и отсутствием стержня. Хотела бы она, чтобы все разом поняли ту истину, которая стала известна ей в миг внезапной

ясности. Но ведь всё не бывает сразу. Так будет неинтересно. С другой стороны, если раскрываешь секрет, то укрепляешь доверие.

– И что же нам делать? – спросил Фуэнтес. – Это слишком серьезное знание.

Кристина пожала плечами.

– Оказавшись в гуще битвы, всегда надо выбирать сторону, вам этот выбор предоставлен. Возвращайтесь в свои страны и расскажите правду своим гражданам. Уберегите их от этой невидимой напасти или служите системе. Выбор всегда за вами, я лишь рассказала вам правду. Ту, которую узнала сама, а правда способствует лишь прозрению, но не счастью.

– Приходится верить, – смущенно сказал Горчаков, – хотя признаюсь вам честно, что лучше считать это страшной сказкой.

– Я не знаю, во что верить, – честно сказал Фуэнтес, – но знаю, что слишком долго отдавал всё, чтобы в моей Европе царила подлинная демократия. Я не могу отдать её так легко!

Кристина улыбнулась. Кажется, скоро она сможет создать свой повстанческий союз. Как интересно поворачивается колесо жизни.

– И не надо, – сказала она, – живите как жили, работайте как работали и делайте то... о чем нельзя сказать открыто, но можно делать тайно, помня о правде, которую вы все здесь слышали.

– Но что делать с этой правдой? – спросил Фуэнтес. – Ведь

на то, о чём вы сказали, бог знает сколько лет потребуется.

Кристина пожала плечами.

– С правдой ничего нельзя сделать, – сказала она, – правду можно только хранить в своем сердце, и однажды к вам придут люди, которым будет нужна эта правда.

* * *

Некоторое время спустя она стояла посреди широкого поля в колосьях неубранной пшеницы. Алин заканчивала латать конвертоплан. К Кристине неслышно подошел Верховский.

– Думаете, она сумела уцелеть? – спросил он. – Она ведь пожертвовала собой, чтобы мы сумели уйти. Я никогда по-настоящему не был способен на это.

Кристина про себя усмехнулась. Ксения прямо-таки очаровала Верховского, любопытный фокус судьбы. Возможно, в иной ситуации... ну да что об этом.

– Думаю, что Ксения Игоревна справится с ситуацией, – сказала она, искренне надеясь на собственные слова, – она выбиралась не из таких переделок. Не казните себя, Александр Владимирович. Ведь способность признавать вину это не презренная слабость, а путь к гармонии с собой.

– Вы тоже удивительная, – сказал Верховский, – в вас нет ни капли цинизма. Я ведь тоже таким был когда-то.

– Ну какие мои годы, – засмеялась Кристина, – к тому же

вы много не знаете о моей жизни. Возможно, лет через десять, пятнадцать я расскажу вам или вы сами узнаете. Но вы должны сами прожить эти десять лет. Сбереечь себя. Живите той жизнью, которая вам дана судьбой. В этом и есть счастье.

Она коротко улыбнулась и отошла в сторону Штильхарта, который подавал Алин детали.

– Мы готовы лететь, – сказал он, вытирая руки.

– Отлично, – улыбнулась Леонова, – вы с Алин доставите раненых в Швейцарию. Думаю, там безопасно. Адмирал что-нибудь придумает.

– А ты? – спросила Авонамйелус. – Ты не полетишь с нами?

– Нет, – сказала Кристина, – нам нужно разделиться. Будьте уверены, что нас будут искать. Мы слишком много знаем, слишком много видели, а теперь и ты тоже.

Алин скривила физиономию.

– Ну, этим меня не устроишь, – засмеялась она, – я же известна как крайне опасный субъект, отличающийся повышенной агрессивностью, забыли?

– Не удивлюсь, если в скором времени мне дадут похожую характеристику, – хмыкнула Кристина, – поэтому мне лучше затеряться где-нибудь в восточно-европейской глухомани, чем лететь в спокойные западные страны, где каждый на виду.

Штильхарт прищурился.

– Сейчас повсюду одно и то же, – сказал он, – возмож-

но, ты права, в восточно-европейской глухомани лучше, чем где-то ещё, но ты это... не пропадай, мы вроде неплохая команда.

Кристина засмеялась.

– Не волнуйся, – ответила она, – захочу освежить воспоминания, я тебя обязательно найду. Даже быстрее, чем ты думаешь.

Алин встала между ними.

– Ну тогда я думаю, что вам позарез может понадобиться первоклассный боевой пилот, – с притворной серьезностью сказала девушка, – так что считайте, я тоже с вами.

Кристина улыбнулась своим мыслям. Дружба открывает нас настоящим. Она давно поняла эту истину.

* * *

Ночь ещё царила над Борисфеном, когда черный «Мерседес» заехал на парковку многоквартирного жилого комплекса. Удивительно, что здесь всё было черным. Небо, асфальт, машина и сам мужчина из автомобиля был черным, словно был соткан из чернильной тени. Хотя, возможно, это был только оптический обман случайного путника, рискнувшего в беспокойное время выйти из дому. Тем не менее света решительно не было никакого, только тусклый фонарь одиноко освещал угол улицы.

Мужчина вошел в подъезд, который представлял собой

разительный контраст по сравнению с улицей. Богато украшенные стены, свет от множества светильников.

Не оглядываясь и ни с кем не заговаривая, мужчина быстро прошел к лифтам.

Несколько секунд спустя мужчина уже поднимался на лифте. Лифт был стеклянный и, поднимаясь на шестидесятый этаж, он прекрасно видел панораму города. Их города. Теперь это можно было сказать с определенной и холодной уверенностью.

Лифт затормозил на нужном этаже. Мужчина вышел. Дверь его квартиры была единственной на этаже. Он открыл её своим ключом и прошел внутрь, сразу в гостиную. Не раздеваясь, подошел к бару и налил себе виски. Потом резко развернулся и глаза его прищурились от непонятных эмоций. То ли удивления, то ли восхищения. Это было трудно понять.

Перед ним в кресле многоугольной формы, закинув ногу на ногу, сидела молодая девушка в джинсах, свитере и утепленном жилете. Он узнал её.

– Если хочешь сделать что-то хорошо, сделай сам, – холодно спросила девушка, – не правда ли, господин Соколовский?

Генерал сжал губы в усмешке и осторожно сел в кресло за стеклянным офисным столом.

– Если вы хотели произвести на меня впечатление своим эффектным появлением, то это у вас не получилось, Ксе-

ния Игоревна, – сказал он, – вас выдают ваши эмоции. Огонь ярости в глазах, чувство потерь. Не узнаю в вас прежнюю флегматичную особу. Надо полагать, вы уничтожили Охотницу, иначе вас бы не было. Я с удовольствием выслушаю ваш подробнейший рассказ.

Ксения не мигала.

– Боюсь, мой рассказ будет касаться птицы поважней, – начала девушка, – мне известно, что всё, что здесь происходит, это ваших рук дело. Вы отдали приказ убить Катю Кирсанову, вы спровоцировали протесты, чтобы потом их разогнать. Вы стоите за всем этим. И я это могу доказать.

Соколовский театрально поморщился.

– Давайте не будем устраивать сцену из второсортных детективов, – сказал он, – сейчас будете как из сундука вываливать ваши логические соображения, «это сделали вы», «вы это сделали так-то и так», «я поняла, что», – генерал поморщился, – согласитесь, что это, право, скучно, потому что они уже ничего не изменят. Все уже произошло, и даже вы, Ксения Игоревна, ничего не сделаете, хотя, конечно, я отдаю должное вашим мозгам. Вот только ваши умозаключения так и останутся умозаключениями. Любой нормальный человек ни на йоту вам не поверит. Что вы скажете, что начальник ГУР состоит в тайной организации и организовал вооруженный протест, а потом сам его и подавил? Ха-ха-ха! Боюсь, что после такого монолога вас отправят в лечебницу для душевнобольных.

Ксения мрачно усмехнулась.

– Ну почему же умозаключения, – ответила девушка, – у меня есть запись. Да-да. Та самая, которую сделала Катя Кирсанова, и там хорошо видно, с кем вы встречаетесь и о чём ведете беседу.

Соколовский покачал головой.

– И что? – спросил он. – Что доказывает ваша запись? Что я что-то обсуждал с Арсенюком и Адашевым? Разве это преступление? Мало ли что можно обсуждать. За намерения у нас не сажают, пока.

Ксения потупила взгляд.

– Если бы это не было преступлением, вы бы не убили Катю Кирсанову, – сказала она, – а приказали её убить именно вы и именно из-за этой записи.

Соколовский улыбнулся.

– Безусловно, но что дальше? Всё это, как я говорил, уже не имеет никакого значения. Кому вы теперь понесете ваши «доказательства»? Кому они нужны? Куда бы вы с ними ни пошли, знайте, там везде наши люди, вот так вот, моя милая.

На лице Аваловой возникло удивление. Вероятно, она всё-таки хотела обстоятельно рассказать, как же дошла до своих заключений.

– Видно, вы желаете казаться этакой Супергёрл, – продолжал Соколовский, – однако этот без преувеличения блестящий план был задуман не для того, чтобы его можно было легко разрушить. Кстати, не думайте, что сможете записать наш разговор, у меня глушилка, поэтому я с вами предельно откровенен. Ибо в широкие массы этот разговор не пойдёт.

Ксения размяла затекшие пальцы.

– Вижу, вы всё предусмотрели, – сказала Ксения, – ну тогда ответьте, для чего весь этот шум? Только здесь Президента снять или дальше расползтись? У вас ресурсов много и на остальных хватит. Террор против государственных лидеров руками наивных демонстрантов, в глобальном масштабе, – неплохая идея. И какая ваша следующая страна?

– Дальше видно будет, – мягко улыбнулся Соколовский, – хотя я предпочитаю поэтапную работу. Сначала надо закрепиться в одном месте.

– Забавно, – бросила Ксения, – я-то полагала, что вы хотя бы захотите оправдаться.

– Не хочу, – бросил Соколовский, – нет нужды оправды-

ваться в том, что считаешь спасением государственности, собственно говоря, тем, на что потратил всю жизнь.

– Потрясающе, – сказала Ксения, – значит, вы всё это ради спасения государственности делали?

Соколовский кивнул.

– Жаль, что вы не поняли, мне то казалось, что вы с вашей энергией, умом, храбростью способны оценить и принять единственную истину. Мы давно за вами наблюдали, Ксения Игоревна, гораздо дольше, чем вы догадывались. Поэтому и выбрали вас. Лично мне казалось, что это «дело» должно было вам открыть глаза и показать альтернативный путь служения. Наша страна утонула в коррупции, кумовстве, преступности. У власти находились или наивные идеалисты-либералы, или тупицы-чиновники. Эти люди не знали правды об этой стране, они её придумывали. Родина, традиции, устои... им на всё на это наплевать. Наплевать и тем и другим. Не знаю, кому больше. И все они на службе олигархов, цель которых одна – продать страну подороже. Если не вскрыть этот нарыв, он прорвется сам, но тогда уже бесконтрольно.

– И вы решили ускорить процесс, – заметила Авалова.

– Да! – воскликнул Соколовский. – Решил! И знаете, много у меня времени ушло, чтобы создать стратегию такого контролируемого хаоса. Руками протестующих я избавился от всех тех, кто мешал развитию нашего государства. Я спровоцировал их, заставил снять маски, показать свое настоя-

щее лицо, а потом уничтожил и вернул все в исходное состояние.

– Разделяй и властвуй, – сказала Ксения, – я-то думала, что услышу что-то новое, но новое вы придумать не можете, потому что новое можно придумать, только создавая, а не разрушая.

Соколовский откинулся в кресле.

– Всего лишь необходимый баланс в системе сдержек и противовесов, – самодовольно начал он, – способный обеспечить людям то, в чём они больше всего нуждаются, в контроле. Ибо человек больше всего на свете боится одного – неизвестности. Поэтому он придумывает: бессмертие, ангелов, демонов и так далее. Контроль и уверенность в завтрашнем дне, вот что по-настоящему обеспечит человеку счастье, или что, по-вашему, люди предпочтут нечто иное? Свободу? Демократию? Либерализм? Нет, Ксения Игоревна. Люди всегда предпочтут контроль! Они устали! От склок невежд, коррупции, несправедливости, продажных политиков! Либеральные идеологи, христианские теологи, все они говорили о свободе, равенстве, братстве, глобализме, но люди взяли эту свободу и положили к нашим ногам. Отдали её нам и выбрали нас – тех, кто может дать им то, чего они хотят на самом деле – контроль! И всегда они будут выбирать так, их надо просто к этому подтолкнуть, ведь людям нужна не свобода, а хлеб, вспомните Достоевского.

– Вспомните, кто говорит эти слова, – бросила Ксения, –

уж не коллективным Мефистофелем ли вы себя считаете?

– Мы не рассматриваем метафизические образы, – улыбнулся генерал, – но мы безусловно хотим перекроить мир, так как высшие силы не смогли его построить. Бог дал человеку свободу. Мы дадим человеку контроль!

– Контроль не человека, – поправила Ксения, – а над человеком.

– Да, – согласился генерал, – а как иначе заставить человека исполнять то, что ему предначертано? Крестьянин, что проповедовал истину, его никто не слушал, как и тех других, что были до него и безусловно будут после. Их не послушали и их уничтожили, потому что никто из них не хотел властвовать над человеком, они лишь показывали путь, но не вели его, а мы поведем, поэтому человек выберет нас.

Ксения устало вздохнула.

– Но вы тоже всего лишь люди, – сказала она, – и у вас нет власти над объективными процессами, и пока у человека есть выбор, всегда найдутся те, кто сможет бросить вам вызов, как бы глубоко вы ни проникли.

Соколовский холодно рассмеялся.

– Но мы и не лишаем человека его выбора, – возразил генерал, – мы, наоборот, предлагаем его. И человек выбирает нас сам, а знаете почему?

– Любопытно услышать, – сказала Ксения.

– Да потому что он хочет, чтобы им управляли, – произнес Соколовский, – он только и ждет сильную руку, перед

которой можно преклониться, и упившись своей свободой, он все равно приходит к нам за контролем, потому что мечтать о свободе и власти это одно, а прикоснуться к ним и направлять их могут только избранные.

Авалова многозначительно хмыкнула.

– Стало быть, вы всё же больше о собственной власти печетесь, – сказала она, – а не о счастье народа. Я только одного не могу понять, а сколько людей можно из-за властолюбия убить? Есть ли предел этому? Катя Кирсанова, Саша Рыкова, они же совсем девочки были.

Соколовский демонстративно пожал плечами. Раскаяние из такого человека вытягивать бесполезно.

– Не надо было совать свой нос не в свое дело, – жестко и четко ответил генерал, – вы прекрасно знаете, что поставлено на карту. Много рефлексируете, Ксения Игоревна, вам это не к лицу.

– Вы не уйдете от наказания, – сказала Ксения, – не надейтесь. Есть силы сильнее закона.

– Я так не думаю, – возразил Соколовский, – в противном случае мы бы не вели этот разговор. Восхищаюсь вашей настойчивостью. Упорство и тщательность. Я ценю это очень высоко. Встаньте рядом со мной. И пойдем вместе. Или против меня. Тогда вы будете до конца в одиночестве. Хотя, впрочем, вы можете отойти в сторону и, многозначительно промолчав, наблюдать, чем дело кончится, хотя я не думаю, что вы способны на смирение. Выбирайте. Помните, что я

лишь предлагаю путь, а выбор человек делает сам. Каков будет ваш ответ?

Ксения медленно закрыла глаза, потом резко открыла. И наступил финал.

Финал в двух выстрелах из браунинга. Ксения не могла точно сказать, сообразила ли она, что нажимает на курок.

Убойная сила от попадания пуль заставила опрокинуться офисное кресло на спинку. Генерал отлетел куда-то в угол комнаты к широкому окну на панораму города.

Ксения Авалова убрала пистолет в кобуру.

– Мне отмщение и Аз воздам, – сказала девушка.

Это был её ответ. Ксения Авалова развернулась и пошла прочь.

* * *

Кристина долго смотрела вслед всё уменьшающемуся силуэту стрелы конвертоплана. Сердце девушки стало неимоверно тяжелым, она снова осталась одна. Предоставленная самой себе перед неизвестностью, Кристина чувствовала себя в полном одиночестве, если не считать ту липкую пустоту, которая окружала её. Сколько раз с ней происходило подобное? Кристина не могла точно подсчитать, да это было и неважно. Она давно научилась справляться с этим, отчасти от того, что всегда была предоставлена сама себе. Она всегда со смирением принимала свою судьбу и никогда никого не винила, просто так вышло. И сейчас просто так вышло. Вот только предчувствие тех бед и несчастий, которые могут произойти по вине таинственной организации, с которой они столкнулись, продолжало терзать её душу. Червь сомнения

проник в её разум. Всё ли она сделала, чтобы остановить их? Слишком часто смотрела в будущее, даже пытаясь играть с ним, и совсем забыла про настоящее. Не делай этого, она бы раньше могла догадаться про Касаткину, ведь это было так просто. Так просто, что даже представить себе было сложно! Она должна была представить это! Должна была просчитать самые невероятные варианты, а вместо этого увлеклась бегом с препятствиями. Но без этого не освободила бы девочек, не смогла бы вернуть их родителям. В конце концов, это гораздо ценнее собственного эгоистического удовлетворения. Только обратившись лицом к себе, обретаешь себя.

Никогда не надо полагать, что твои тяготы и страдания тяжелее других, никогда не надо думать, что твоя доля самая горькая, и уж конечно, не следует упиваться своими терзаниями, что никто и никогда не страдал так, как ты. Даже в самые мрачные моменты жизни никогда не стоит терять надежду, потому что всегда найдутся те, кто будет мечтать о рассвете, поэтому никогда не отчаивайся до такой степени, чтобы принимать сомнительное решение. Данная нам реальность всегда такова, что её не хочется видеть, хочется закрыться от неё и сбежать куда-то в неизвестное, загадочное, но безусловно светлое будущее. Но важно помнить, что у будущего много путей, и чтобы выбрать вдумчиво, надо понимать и принимать настоящее.

Кристина опустила на одно колено и потрогала землю, где недавно стоял конвертоплан. Девушка позволила себе

ещё на одно мгновение подумать о людях, которые сейчас в воздухе. О Ксении, которая наверняка жива и где-то там вдалеке. У них всё будет хорошо.

Раздвигая ногами колосья, Кристина пошла прочь от места стоянки конвертоплана. Она гадала, что скажет, когда вновь окажется среди людей. Скоро на неё, как на знающую правду, откроют охоту. Она не сомневалась в этом! Как она себя поведет? Каким именем будет себя называть? Ради правды ей придется отказаться от обыденного комфорта и привычных для себя занятий, но Кристина была готова к этому. С надеждой посмотрела она на восходящее солнце.

Рождался новый день и для Кристины Левоновой наступало новое начало!

* * *

Сергей Адашев тоже думал о новом дне. О дне, с которого начнется новый поворот колеса мировой истории. Колесо, которое отныне находилось в их руках. Руках тех, кому люди доверят свою свободу и собственность ради стабильности и благополучия. Скоро, очень скоро это наступит. Они уже нащупали путь. Путь манипуляций, которым можно шантажировать и держать в руках политических лидеров любых государств. Трудно было предположить, что нынешние лидеры окажутся настолько слабы. Что-то их грызет, грызет изнутри. Разъедает всю ткань привычного и комфортного миропорядка. И имя этому грызуну – страх, обыкновенный животный страх перед неизвестностью, неминуемо наступаемой в случае их ухода с властных подмостков. Безусловно, каждый кто

имеет власть, боится её утратить и согласится на всё, чтобы свою власть сохранить. Их страх есть сила Организации. Задача Организации эти страхи питать и подкармливать. Манипулируя и сталкивая других, возвышаешься сам. Адашев усмехнулся – он всегда убеждался в правильности старых идей.

Но в этот, безусловно, победный день что-то терзало Адашева. Ощущение внешней угрозы. Никогда оно не было таким сильным. Несмотря на локальную победу, Организация понесла тяжелые потери. Им сумели нанести ощутимый урон. Безусловно, поправимый, но их заставили показать слабинку, позволили допустить надежду. Это была их ошибка, и только время покажет, насколько фатальная. Сзади загудел Skure. Удивительно, конечно, что они пользуют для связи такие простые средства, но ведь это только доказывает силу их власти и бессилие старых политических элит.

Адашев осторожно обернулся. Вообще он ожидал обструкции, но не дождался. Координатор спокойно сидел в тени своего кабинета, как будто случившееся было незначительной помехой.

– Координатор, – начал Адашев, – я крайне разочарован, что наш план не удалось реализовать в полной мере. Боюсь, что теперь нам придется отказаться от полномасштабного использования греларозола.

Его собеседник усмехнулся.

– Разочарование вы переживете, генерал, – сказал он, –

знаете, ведь говорят, что можно проиграть битву и выиграть войну.

Адашев осклабился.

– Я слышал об этом, – отмахнулся он, – но...

– Не стоит обращать внимания на незначительные помехи, – продолжал Координатор, – ведь движение колеса глобальной эволюции способствует нашим целям.

Адашев покорно кивнул.

– Не перестаю удивляться вашему терпению, – честно признался он.

– Прагматизму, друг мой, – поправил Координатор, – прагматизму. Иногда, чтобы приобрести большее, нужно пожертвовать меньшим. Благодаря такой незначительной по-мехе теперь мы знаем наших врагов.

Адашев, конечно, думал об этом, но только если потребуются веские оправдания. А ему всё представили так, словно надо радоваться поражению.

– Да, Координатор, – согласился генерал, – теперь мы сможем выследить их и уничтожить, пока они не осознали свою силу.

Координатор хищно улыбнулся.

– И вы сделаете это, генерал, – сказал он, – ибо помните, наша Организация должна быть безжалостной. Если уцелеет хоть один из тех, кто знает о нас, то это знание станет нашей гибелью.

Экран погас. Прощания Координатор, по обыкновению, не удостоил. Адашев остался один и, повернувшись, вновь стал смотреть на затемненный город.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Зло всегда побеждает!

Оно всеильно, всепоглощающе, его триумф неизбежен.

Но в корне зла лежит слабость. Зло основано на тьме.

Свет способен разогнать тьму.

Чтобы дать свет достаточно маленького огонька.

Единство сильнее света!

Из единства возгорится пламя!

Covert Netherworld: энциклопедия

ARD, 10 или **Армейский разведывательный отряд 10** – одно из двух подразделений специальных операций Швейцарии. ARD 10 выполняет определенные задачи в рамках своего мандата: закупка ключевых объектов, защита швейцарских граждан, войск и объектов в случае угрозы, обеспечение безопасности граждан Швейцарии из кризисных зон, специальная разведка.

LMDI, или Laboratoire mobile d'investigation criminelle – специальная мобильная криминалистическая лаборатория. Инновация Института уголовных исследований – это быстрое и прогнозируемое устройство для генетического анализа в любой точке, как в мегаполисе, так и за городом. Он предоставляет при строго ограниченных условиях службы возможность проводить анализ ДНК для определения генетических профилей за пределами обычной лаборатории без ущерба для качества и надежности результатов.

МАМСО – Музей современного искусства в городе Женева, основанный в 1973 году по инициативе ассоциации «Association pour un Musée d'Art Moderne»; с 1994 года располагается в собственном здании в женевском районе Plainpalais – в здании бывшей фабрики научных инструментов; музей и его коллекция занесены в Швейцарский список культурных ценностей национального значения.

ОСРМ, или Office cantonal de la population et des migrations – кантональное управление по вопросам народонаселения и миграции, которое обрабатывает заявки на получение швейцарских документов, удостоверяющих личность, и проводит обычные процедуры натурализации. Кроме того, ОСРМ обрабатывает дела лиц, подающих документы о политическом убежище, а также занимается решением о депортации. Студенты, приезжающие на учебу в Швейцарию, должны подать документы о получении студенческой визы.

Oriental или Mandarin Oriental Pontiya – один из центральных пятизвёздочных отелей в Борисфене, принадлежащий гонконгской группе, управляющей сетью люксовых отелей, а также морскими курортами, СПА-центрами и жилыми комплексами по всему миру. Само здание считается памятником эпохи сталинского ампира.

SRC, или Services de renseignement suisses – швейцарская разведывательная служба.

Авалова Ксения Игоревна – офицер Понтійской милиции старший детектив-инспектор оперативно-розыскного бюро. Дочь юристов из Борисфена, что позволило получить хорошее образование. Окончила юридический факультет Государственной юридической академии Понтіи. Несмотря на возражения родителей, выбрала службу в правоохранительных органах. Пять лет отслужила в оперативно-розыскном бюро, начав с должности оперуполномочен-

ного. За раскрытие дела о похищении дочери американского дипломата была награждена орденом за отвагу и медалью за доблесть США. Считается умным и расчетливым офицером, который всегда старается действовать на опережение. Думать сразу о нескольких делах для неё не составляет никакого труда, а находить верные решения – её конек. Сослуживцы, зная её настойчивость и грамотность, готовы выполнить любое её поручение, даже если для этого потребуется не спать сутками. Владеет черным поясом по каратэ-до, стиля шито-рю, навыки которого предпочитает применять чаще чем личное оружие, что впрочем не исключает, что девушка носит оное для внушительности, причем довольно вычурно – два армейских браунинга всегда закреплены у неё на бедрах.

Авонамйелус Алин – капитан канадских ВВС, была командиром эскадрильи, состоящей из пилотов-командос. Родилась на острове Илуйлойак. Коренная индианка, стала самым юным кадетом, принятым в королевский военный колледж, боевой летчик 1-го класса, совершила более сотни вылетов в Афганистане, Ираке и Ливии. Во время выполнения задания в Афганистане её эскадрилья отказалась уничтожить полевого командира ценой жизни мирных жителей. Алин подала рапорт о внутреннем расследовании, однако путем интриг была обвинена в военных преступлениях и арестована. Во время допроса её попытался изнасиловать офицер по фамилии Тайберт, которого в ходе борьбы Алин ранила

из собственного пистолета. В результате Алин была лишена всех наград и осуждена на длительный срок. Однако адмирал Рид, будучи в составе суда, поверив в её историю, добился заседания комиссии по помилованию, которая отменила приговор.

Адашев Сергей Сергеевич – генерал-лейтенант КГБ, бывший шеф Службы безопасности Понтийской Республики (СБР). Его продвижение по служебной лестнице происходило без особых взлетов, но и без падений, пока в конце 1980-х он не попал на работу в первое управление КГБ, во внешнюю разведку, где сразу пошел в гору. После путча 1991 года оказался на дипломатической службе в США, сведения о которой и годах, проведённых там, крайне скудны. Его звездным часом стали события Торга, где в полной мере проявились его хитрость и коварство, позволившие ему стать одним из лидеров протеста и после смены власти занять высокую должность шефа Службы безопасности Республики, во время руководства которой запомнился жестким, авторитарным стилем управления. После выбора нового Президента оказался в опале и ушел в политическую оппозицию. Считает действующего Президента слабым и бесхарактерным. Своей харизмой и даром убеждения сумел объединить две главные оппозиционные силы в стране в единую партию.

Альтерглобализм, или альтернативная глобализация – идея, ставящая своей целью альтернативные пути глобализации. Альтерглобалисты отвергают европейско-амери-

канскую либеральную модель глобализации, полагая, что она часто работает в ущерб или не в полной мере способствует развитию человеческих ценностей, таких как охрана окружающей среды, социальная справедливость, охрана труда, мультикультурализм и прав человека, и пытаются найти иные пути развития процесса. Альтерглобалисты согласны, что процесс объединения мира объективен. Но они отвергают глобальную власть капитала, когда транснациональные корпорации превращаются в силу, сравнимую с силой государства. Вместо этого они видят своё движение как альтернативу тому, что они называют неолиберальной глобализацией, в которой международные институты (Всемирная торговая организация, Всемирный банк, Международный валютный фонд и т. д.) и крупные корпорации работают на обогащение развитых стран мира, практически не обращая внимания на пагубные последствия своих действий на людей и окружающую среду в менее развитых странах, странах, правительства которых часто слишком слабы или слишком коррумпированы, чтобы как-то противостоять или регулировать их деятельность.

Борисфен – столица и один из крупнейших городов Понтийской Республики. Был основан сосланными Римом после одного из восстаний иудеями, которые обосновались на бывшей греческой колонии и сохранили старое название. Культурный, политический, социально-экономический, транспортный, научный и религиозный центр страны. Седь-

мой по населению город Европы.

Великоруссия – государство в Восточной Европе и Северной Азии. Занимает первое место в мире по территории. Шестое – по объёму ВВП по ППС и девятое – по численности населения. Денежная единица – великорусский рубль. Великоруссия – многонациональное государство с широким этнокультурным многообразием. Имеет две столицы: административно-политическую – Московск и судебную – Петерштадт, где также расположена верхняя палата парламента Великоруссии. Постоянный член Совета безопасности ООН. Великоруссия – страна-обладатель ядерного оружия и входит в клуб великих держав. Активно продвигает свои интересы на внешнем контуре.

Верховский Александр Владимирович – известный и крайне амбициозный ученый в области органической химии и основатель новой экспериментальной лаборатории по изучению свойств растений. Фактически главный монополист производства фармацевтики в Республике. Основатель холдинга Farmacare, который специализируется на гомеопатических таблетках. Выпускник Международного лицея и Центра русского образования в Женеве. Он невероятно щедр на публике, но использует инсайдерскую информацию и взятки, чтобы увеличить капитал своей фирмы. У него есть животные инстинкты, которые позволяют ему быть чрезвычайно успешным в своей карьере. Его единственная слабость – Анастасия Урусова, в которую он давно влюблен, однако де-

вушка не спешит ему отвечать взаимностью.

«Голубь» – информатор Ксении Аваловой. Контрабандист, сутенер и торговец информацией. Держит несколько публичных домов и ночных клубов. Его второй бизнес – торговля голубями. Также часто назначает встречи в автобусе с птицами. За это и получил свою кличку.

Захаров Александр – лидер Понтийского союза – крупнейшей теневой организации Республики. Его ещё называют королем контрабанды. Захаров контролирует нелегальный ввоз сигарет, компьютерной техники, автомобилей, цифровое пиратство, однако также имеет леальный бизнес, который намного обширнее: несколько полиграфических комбинатов, крупные предприятия агрокомплекса, в частности производство птицы.

Греларозол – первоначально разработанный в секретных лабораториях КГБ боевой нейролептик, подавляющий волю. Работы по препарату были свернуты. Позже на его основе был разработан стимулятор для лечения психических болезней уникальным методом гипноза. Лечение было эффективным в девяносто процентах случаев, однако сам препарат вызывал наркотическое привыкание.

Касаткина Ольга – журналистка радиостанции «Голос Кранцберга». Молода и амбициозна. Специализируется на журналистских расследованиях о коррупции. Награждена золотым пером за одну из статей. Одноклассница Андрея Левицкого и Александра Верховского.

Кирсанова Екатерина – школьница. Ученица 11-го класса Международного лицея. Она была очень способной ученицей и увлекалась политологией. Мечтала стать политологом. Её идеалом была Кристина Леонова, которую она однажды видела по телевизору. Была зарезана Охотницей.

Козловская Татьяна – ученица Международного лицея. Белая ворона в своем классе, которая подвергается травле за «простое происхождение».

Кранцберг – один из главных курортов Понтии на Балтийском море. Знаменит своими песчаными пляжами и целебными источниками. Излюбленное место для охоты начиная с древних времен, Кранцберг был выбран местом проведения международных переговоров по североевропейскому транспортному коридору из Китая в Европу.

Левицкий Андрей Владимирович – депутат городского совета Борисфена. Руководитель общественно-политического движения «Республика зовет». Из семьи кадрового военного. Получил грант на обучение в Швейцарии, после возвращения из которой решил изменить политическую систему в Понтии путем вовлечения в жизнь страны молодежь, для чего образовал свое движение. Придерживался левых убеждений и выступал против диктата олигархов в Республике. Был зарезан.

Леонова Кристина Сергеевна – политолог, политический консультант и ученый в области международных отношений. Дочь пропавших без вести дипломатов из Велико-

руссии, после чего попала в дипломатический интернат при посольстве Великоруссии в Швейцарии, с особым уклоном на изучение дипломатии, истории, искусства, этикета, церемоний и т. д., чем сама очень гордится. Окончила Женевский университет по специальности глобальные исследования. Её научной специализацией являлось устойчивое развитие и глобальная безопасность. Кристина гений математической логики. Она может просчитать и предугадать то или иное развитие событий в зависимости от условий. За это она ценится как практически незаменимый политконсультант, которого привлекают для решения сложных вопросов. Во время учебы Кристина попала в криминальную историю и её обвинили в убийстве человека. Во время разбирательств она познакомилась с отставным канадским адмиралом Стивенном Ридом, который предложил ей выбор: суд, где не было надежды на справедливость или помогать ему исправлять ошибки правосудия и расследовать дела, которые оказались не по зубам полиции, вместе с молодым детективом Флорианом Штильхартом. В результате эти двое стали командой и хорошими друзьями, питая друг к другу бережливую дружескую привязанность и пускаясь в авантюры, иногда случайно, иногда по поручению адмирала. Обожает пионы, шоколадные конфеты и моду. Увлекается фехтованием и игрой на фортепьяно. Любит смотреть фигурное катание. Имеет паспорта пяти или шести государств, а также несколько подданств, которые ей выдавали лично главы государств в бла-

годарность за её услуги. Свободно владеет семью языками. Она обладает самообладанием, мотивацией и чрезвычайно успешна, хотя порой девушку тянет на авантюристичные поступки. Её IQ составляет 300 процентов.

«Лига честности» – политическая партия, созданная для участия в парламентских выборах. Позиционирует себя как леволиберальная структура, близкая к демократическому социализму. Создана на путем объединения Фонда борьбы с коррупцией и леворадикального движения «За православный социализм».

Мациевский Анатолий – оперуполномоченный оперативно-розыскного бюро. По национальности поляк. Предан своей работе и бескомпромиссно борется с преступностью во всех её проявлениях.

Международный лицей – частная школа, владельцем которой является холдинг Александра Верховского Farmasare, преобразованный из английской спецшколы, которую окончил Верховский. Лицей позиционирует себя как школа с углубленной направленностью по предметам, для интенсивной подготовки к поступлению в университеты, преимущественно в Европе и США. Обучение начинается с 9-го класса и заканчивается 11-м. Лицейисты помимо обычных предметов изучают государственное управление, международные отношения, философию, основы юриспруденции, политэкономии, а также этикет. Многие лицейисты уже со школьной скамьи участвуют в молодежных политических

движениях, что всячески приветствуется администрацией.

Околоточный – в милиции Понттии офицер низшего ранга, ведавший околотком (участком), обычно не выше лейтенанта.

Оперативно-розыскное бюро (ОРБ) – в Понттии название специальной службы, занимающейся раскрытием особо резонансных преступлений. Специфику действий ОРБ многие считают излишне суровой, так как офицеры этой структуры часто стремятся раскрыть преступления, не считаясь с правами преступника.

Организация, или SIGMA – созданное группой интеллектуалов-прогрессистов, на основе старинных легенд об ас-сасинах, всемирное тайное общество, целью которого стала организация глобального хаоса и перереформирование человечества, путем абсолютного контроля личности, сознания и разума. Стремятся создать идеальный глобальный мир, в котором будут преобладать порядок и контроль по их упорядоченному правилу. Отрицают возможность устойчивого развития общества, веря в доброкачественную тиранию.

Охотницы – элитная группа убийц Организации, состоящая из пяти девушек, хотя никто точно не знает, сколько их на самом деле, поскольку они окутаны ареалом мистики и тайны. Для убийства пользуются, как правило, вмонтированным в кожаную перчатку клинком или метательным диском. На левой руке носят татуировку в виде черной пики. Владеют боевыми единоборствами. Также используют мно-

жество технических устройств, таких как адаптивный камуфляж, который позволяет им менять внешность, гранаты, начиненные напалмом, в виде зажигалок, магнитные генераторы, которые излучают сверхмощное магнитное поле и могут изменять траекторию металлических предметов, таких как, например, пули. Каждая из Охотниц подверглась психологическому или сексуальному насилию со стороны, поэтому они являются яркими феминистками и особенно любят сексуально соблазнять свою жертву, прежде чем убить.

Покровская Наталья Владимировна – юрист первого класса, старший следователь Генеральной прокуратуры Понтийской Республики. Расследовала громкие уголовные дела, в частности дело о хищениях в футбольном клубе «Хаджибей», в результате раскрытия которого ОРБ смогло выйти и уничтожить так называемую банду «ходоков» (По имени её лидера Виктора Ходакова). Родилась в Кранцберге в семье морского офицера, который героически погиб при выполнении задания. Описывается как принципиальная, честная и сострадательная девушка. Воспитывает дочь Асю.

Понтийский язык – государственный язык Понтийской Республики. Сформировался под влиянием соседних государств, прежде всего Польши и Великоруссии. Так, при письме используется фактическая транслитерация с кириллицы на латиницу. Фонетически практически ничем не отличается от великорусского языка, однако у понтийцев при произношении много свистящих и шипящих звуков, особен-

но это заметно у деревенских жителей севера страны.

Понтія, или Понтийская Республика, или просто Республика – восточно-европейское государство с республиканской формой правления, занимающее пространство от Балтийского до Эвксинского моря, лежащее между Великой Россией на востоке, Польшей на западе и Венгрией на юге. Своим названием Республика обязана древнегреческим колонистам, заселившим когда-то эти территории. В Средние века Великое княжество Понтийское было важным торговым центром, соединявшим Западную Европу с загадочными восточными странами, прежде всего с Китаем, однако с течением времени и под набегами орд кочевников с востока некогда великое государство утратило свой статус и в XIV веке была заключена уния с Королевством Польским, для общей защиты от грабительских врагов, благодаря чему половина страны до сих пор исповедует католицизм, а позже, в веке XVIII, северные соседи из Великой России победили поляков и присоединили территорию Понтийского княжества к своей империи, и оставалась Понтія в составе её вплоть до распада коммунистического Советского Союза в 1991 году. Тогда Понтія вновь обрела независимость и на всенародном референдуме был принят республиканский строй правления. Столица – Борисфен.

Рауш Макс – оперуполномоченный уголовного розыска Кранцберга. Этнический немец. Спокойный и исполнительный офицер.

Рид Стивен – отставной адмирал Королевского канадского военно-морского флота и отставной начальник Военно-морской разведки Канады. Был уволен в результате коррупционных действий Тополевича, чьи действия в Понтии поддерживало ЦРУ. После ухода на пенсию стал международным консультантом, что позволило ему вести борьбу и привлекать к ответственности многих высокопоставленных негодяев, наказать которых ранее он не мог из-за бюрократии и коррупции на своей службе. Рид консервативный и вежливый мужчина, старого воспитания. Главная ценность для него – достижение общего блага и поддержание справедливости.

Рыкова Александра Сергеевна – адвокат и личный помощник Александра Верховского, а также его любовница. Однокурсница и подруга Анастасии. Несколько лет провела за границей, представляя холдинг Верховского Farmacare. Известна тем, что всегда берет верх в любом судебном разбирательстве, которое касается компании. В бизнесе холодна и расчетлива. Никогда не показывает эмоции на деловых встречах. Её тайное развлечение это мотогонки, где она дает волю страстям.

Сабуров Альберт Шамильевич – Понтийский бизнесмен, бывший министр торговли Понтии. Владелец самого мощного и богатого торгового флота в Республике. Суровый и харизматичный, привыкший идти даже сквозь бурелом для достижения своих целей. Родился в Кранцберге от фронто-

вого романа немецкой девушки и капитана Красной Армии, татарина по национальности, позже погибшего при штурме города. Мальчика назвали в честь деда. Всего в жизни, в том числе и состояния, добился собственным упорным трудом, начав с нуля. Могущественный игрок на политической арене Республики, и его считают влиятельным лицом, к мнению которого прислушиваются. Увлекается автоспортом. Многократный чемпион мира по ралли.

Сабурова Эльмира Альбертовна – дочь Альберта Сабурова. Юрист-международник по образованию. Её специализация – правовые вопросы, связанные со статусом Арктического региона. Отец воспитывал её в одиночку. Лишенная стабильной семьи, скитавшаяся по закрытым пансионатам, Эльмира вела богемный образ жизни, пока не встретила достойного молодого человека, который погиб незадолго до их свадьбы. Считая, что его гибель это наказание за её образ жизни, Эльмира поменяла себя, став более рассудительной. Фактически воспитывает младшую сестру своего погибшего жениха – Марту.

Сайберноты – роботы, разработанные для выполнения функций телохранителей. Выглядят как обычные люди. Вооружены мощным стрелковым оружием и защищены особой броней из облегченного титана. Секретная разработка израильской компании. Несколько опытных экземпляров были приобретены Тополевичем.

Сауле – город-порт в Понтии на побережье Балтийского

моря. Знаменит своим янтарем.

Североевропейский транспортный коридор – концепция новой панъевразийской (в перспективе – межконтинентальной) транспортной системы, продвигаемой Китаем, в сотрудничестве с Казахстаном, Россией и Понтией, для перемещения грузов и пассажиров по суше из Китая в страны Европы.

Сиджан Антон – ученик Международного лицея. Сын крупного бизнесмена индийского происхождения. С детства избалованный и капризный ребенок. Главный ловелас Международного лицея был влюблен в Екатерину Кирсанову, которая, однако, рассталась с ним, потому что считала Антона слишком инфантильным.

«**Сокол**» – специальное подразделение МВД Понтии.

Тополевич Борис Борисович – великорусский предприниматель, политический деятель, доктор фармацевтических наук, доктор психологических наук. Был заместителем секретаря Совета безопасности Великоруссии. Был близок к окружению первого Президента Великоруссии, в избрании которого принимал участие финансово. Был замешан в ряде коррупционных и политических скандалов. После избрания нового Президента Тополевич стал выступать открытым политическим оппонентом власти Великоруссии и был вынужден покинуть страну. Он также утратил контроль над своими активами. Перебрался в Понтию, где принимал участие в организации протестных акций против власти Республики.

Тополевича называли «серым кардиналом» власти Понтии, однако при смене Президента, которую поддерживала Великобритания, Тополевич растерял все свое влияние и был вынужден эмигрировать в Швейцарию, где получил статус политического беженца.

Торг – в Понтии название центральной площади крупного города, обычно рыночной, на которой распространяются слухи о политическом состоянии страны. Именно с этих слухов, как правило, начинаются народные выступления против власти. Также разговорное название протестов приведших к смене власти несколько лет назад. Поводом для массового протеста стали зафиксированные в общественном сознании массовые фальсификации народного волеизъявления во время 2-го тура выборов Президента Понтии.

Урусов Николай – один из королей промышленности Понтии, а также отельер и ресторатор Республики. Сумев в начале девяностых получить металлоперерабатывающий комбинат, Урусов за десять лет сумел создать целую плавильную империю на территории Республики, империю, с которой считались даже соседние государства. К середине нулевых Урусов имел долю во всех крупных производствах по производству металла, что позволяло ему размещать заказы по переработке металла исключительно на своих заводах. Крепкий хозяйственник и жесткий государственник по взглядам, считающий, что капитал должен работать на благо родины. Особенно любит баню и охоту, а также коллекцио-

нирует старинные автомобили.

Урсова Анастасия Николаевна – директор пансиона-та l'Est. Дочь и наследница главного отеля и ресторатора Республики. Как и многие девушки её круга – ухоженная ма-нерная красотка, которая, впрочем, не любит гедонистиче-ские радости и отрицает конформизм. Ценит свою самосто-ятельность и независимость, поэтому предпочитает окунуть-ся в работу с головой, а не тусоваться по светским меропр-иям. Особенно сторонится мужчин и случайных романов.

Цареградская волость – когда-то принадлежащая Гер-мании территория, отторгнутая у неё по итогам Второй ми-ровой войны. Автономная территория в составе Понтийской Республики. Преимущественно населена ассимилированны-ми немцами. Постоянный источник споров между Понтией, Польшей и Великоруссией.

Центр Русского образования в Женеве (ЦРО) – пер-вый великорусский университет в Европе, целью которого является экспорт русского образования во внешний мир. В университете три факультета: юридический, факультет управления и факультет экономики, экологии и права. Сту-денты выпускных курсов, как правило, преподают младше-курсникам и работают в органах управления университета.

Штильхарт Флориан – старший инспектор швейцар-ской уголовной полиции. Родился в Женеве в обеспеченной семье. Изучал международное право в университете Жене-вы. После окончания университета предпочел службу в по-

лиции, где курирует международное сотрудничество. Расследовал преступления так называемой «великорусской мафии». Личными качествами Штильхарта являются авантюризм, пристрастие к женщинам, азартным играм и алкоголю. Флориан прекрасно разбирается в вине, оружии, автомобилях и, по собственному признанию, женщинах, свободно разговаривает на нескольких иностранных языках, когда говорит на великорусском, обожает сыпать пословицами, однако неправильно их произносит, предпочитает одеваться в дорогие костюмы и носит часы известных марок. Первокласный спортсмен. Во время расследования одного из дел познакомился с отставным адмиралом Стивеном Ридом, с которым они стали друзьями. Позже Рид познакомил Флориана с Кристиной Леоновой, и они стали командой, раскрывавшей запутанные преступления. Парочка постоянно пускается в авантюры, иногда случайно, иногда по поручению адмирала. А их дружба с годами не претерпела изменений, несмотря на постоянные перебранки, что подчас бывает между старыми друзьями.

